Europa Orientalis

ARCHIVIO RUSSO-ITALIANO III

Vjačeslav Ivanov-Testi Inediti

a cura di

Daniela Rizzi e Andrej Shishkin

РУССКО-ИТАЛЬЯНСКИЙ АРХИВ III

ВЯЧ. ИВАНОВ-НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

РУССКО-ИТАЛЬЯНСКИЙ АРХИВ III

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ – НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Составители
Даниэла Рицци и Андрей Шишкин

Салерно 2001

Экз. с
Иванов
2004

ARCHIVIO ITALO-RUSSO III

VJAČESLAV IVANOV – TESTI INEDITI

a cura di
Daniela Rizzi e Andrej Shishkin

Salerno 2001

COLLANA DI EUROPA ORIENTALIS

A CURA DI
MARIO CAPALDO E ANTONELLA D'AMELIA

CONSULENTI SCIENTIFICI DEL VOLUME
ALEKSANDR LAVROV E MICHAEL WACHTEL

CURA EDITORIALE: A. KEIDAN

Questo volume è stato pubblicato
con un contributo dell'Università di Salerno

Copyright © 2001 by Europa Orientalis
Copyright © 2001 by "Convivium", V. Ivanov's Archive in Rome
Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari – Università di Salerno
Finito di stampare presso Poligrafica Ruggiero, Avellino (settembre 2001)

СОДЕРЖАНИЕ

Вячеслав Иванов на пороге Рима: 1892 год
Публикация Н. В. Котрелева и Л. Н. Ивановой 7

Вячеслав Иванов. Из неопубликованных стихов: Дружеские послания. Из неопубликованных переводов. Dubia
Публикация Д. В. Иванова и А. Б. Шишкина 25

Вячеслав Иванов. "Любовь – мираж?" Музыкальная трагикомедия
Предисловие Д. В. Иванова и А. Б. Шишкина, подготовка текста А. Б. Шишкина 49

Сентенции и фрагменты Вяч. Иванова в записях О. Шор
Предисловие С. С. Аверинцева, подготовка текста А. Б. Шишкина 133

Переписка В. И. Иванова и О. А. Шор
Предисловие А. А. Кондюриной, публикация А. А. Кондюриной, Л. Н. Ивановой, Д. Рицци и А. Б. Шишкина 151

Переписка В. И. Иванова и О. И. Синьорелли
Публикация Э. Гаретто 457

The Correspondence of Viacheslav Ivanov and Charles Du Bos
Edited by Julia Zarankin and Michael Wachtel 497

Д. В. Иванов, А. Б. Шишкин
Об Архиве Вячеслава Иванова в Риме 541

Указатели 547

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ НА ПОРОГЕ РИМА: 1892 ГОД

(ИРЛИ. – Ф. 607. 221. Волшебная страна ITALIA: Pont du Gard; “Рим, наконец я твой! Святой, великий Рим…”)

Публикация Н. В. Котрелева и Л. Н. Ивановой

Предлагаемые вниманию читателей и исследователей фрагменты – незавершенные замыслы писателя, эти черновики хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (С.-Петербург; ИРЛИ. – Ф. 607. – № 221).

Рукопись, их содержащая, не датирована. Вероятнее всего, она поступила в архивохранилище вместе с другими материалами Иванова в составе огромного архива и библиотеки, оставшихся после кончины Федора Сологуба (т.е. после декабря 1927 г.), переданных в Пушкинский Дом его наследниками. Со временем материалы разъединили, создав три личных фонда: Федора Сологуба (№ 289), Ал. Н. Чеботаревской (№ 189) и В. И. Иванова (№ 607).

Даты материалов этой, основной, части архива (позднее ивановский фонд пополнялся и из других источников) начинаются с 1887 г. и заканчиваются 23 августа 1920 г., т.е. наиболее поздние из них были созданы за несколько дней до отъезда семьи Ивановых на Кавказ (28 августа 1920 г.). Имущество Ивановых, прежде всего обширный архив поэта, оставалось на попечении Ал. Н. Чеботаревской, и некоторое количество рукописей вскоре оказалось в петроградской (а малое время спустя и ленинградской) квартире Сологуба–Чеботаревских, откуда они и поступили в Пушкинский Дом.[1]

Занимающая нас рукопись представляет собою автограф, написанный черными чернилами на желтоватых листах бумаги двух форматов. Три из них сложены вдвое, образуя, таким образом, двойные листы бумаги: л. 1 и 7, л. 2 и 3, л. 4 и 5 (чистый). По верхнему краю двух из них (л.

1 и 7, л. 2 и 3) и по нижнему краю третьего (л. 4 и 5) отчетливо видны следы ручного разреза бумаги – эти самодельные двойные листы были изготовлены из обычных для эпохи двойных листов писчей бумаги. Они предназначались, вероятно, для создания самодельной тетради в четверку, подобной тем, в которых Иванов вел свой дневник.[2] Однако, в наблюдаемом случае до тетрадки дело не дошло, каждый двойной лист был использован отдельно, а потом второй и третий были вложены, друг за дружкой, а не один в другой, в первый, как в обложку, – порядок заполнения листов мы обсудим ниже. Одинарный лист 6 – неполная половина обычного для эпохи двойного листа писчей бумаги, от цельного полулиста была оторвана полоска приблизительно в одну треть общей высоты листа. Эта бумага – более высокого сорта, лощеная, более плотная. Рассматриваемый текст наносился на л. 6, когда он уже имел свой нынешний вид, поскольку текст естественно переносится с лицевой страницы на оборотную в месте отрыва нижней части листа. Попыток приспособить л. 6 к трем другим листам по формату, по-видимому, не делалось, текст на нем расположен в одну колонку по всей ширине стандартного листа; использование бумаги разного формата подчеркивает черновой характер публикуемых фрагментов.

Когда и кто создал тот порядок следования листов, который зафиксирован архивной фолиацией, – неизвестно. Проникающее отверстие, уменьшающееся по площади от л. 5 об. к л. 3 об., показывает, что некогда листы хранились в большем беспорядке, – они образовывали именно тетрадку, будучи вложенными друг в друга последовательно: 4, 4 об., 7 об., 7, 2, 2 об., 3, 3 об., 1 об., 1, 5, 5 об. В этой последовательности двойной лист 1-7 оказывается вложенным (причем он располагался вверх ногами по отношению к двум другим); однако, именно этот двойной лист сильно заношен, почти распадается по сгибу – по всей вероятности, он когда-то служил обложкой некоей тетради, почернение бумаги этой двулистки свидетельствует о том, что она долго хранилась в неровной стопе или связке бумаг. К сожалению, реконструируемая давняя последовательность черновиков представляется случайно-механической, поэтому их текст мы будем рассматривать в композиции нынешней единицы хранения. Существенно важно, что в фиксированной, тетрадной последовательности рассматриваемые листы никогда не выстраивались; скорее всего, когда работа с ними была оставлена, они были собраны со стола в случайном порядке.

Лицевая страница первого листа оформлена как обложка или титульный лист: вверху, с небольшим спуском и центральной выключкой, акцидентным контурным шрифтом было написано первоначальное название того текста, который должен был заполнить тетрадь: *ITALIA*. Выписав это слово, Иванов принял решение изменить заглавие и слева стал при-

писывать к первоначальному, тем же контурным шрифтом (но тут прописною оказалась только первая буква, остальные были строчными), эпитет: *Волшебная*; в последний, вероятно, момент, заголовок осложнился еще более и уже наискось вверх над словом "Italia", частично поверх его первых букв, выписано слово "*страна*", так что заголовок принял вид: *Волшебная страна ITALIA*.

Выше заглавия – две вымаранные строки.[3]

Несомненно, оборот "титульного листа" первоначально был оставлен чистым, незаполненным, а текст начинался на третьей странице двойного листа, на нынешнем л. 7. Вот этот первоначальный набросок:

Издалека завидел я цель моей прогулки, и вдвойне обрадовался [этому, видя], потому что солнце уже стояло низко и ранние зимние сумерки могли застигнуть меня на пути. Там, где [вдали] двумя рядами холмов означалась в стороне речная долина, голубели, перекинутые с одного ее края на другой, до шести больших величавых арок. Всматриваясь, глаз открывал длинный ряд сквозных малых дуг, протянувшийся на помосте, образованном нижними сводами. Являясь внезапно, эта [явств<енная>] несомн<енная> печать [и часть] Рима,[4] неизгладимо отметившего [своим] свое присутствие в [порабощенной <доселе?>] покоренной духовно стране, вызывает волнение, подобное тому, которое испытываешь, [вдруг услышав] в минуту, когда, неожиданно, отдаленное, зияющее рыкание [вдруг выдаст] возвещает присутствие льва.[5]

[Только] [Долго пробирался я]

[Когда, наконец, [<нрзбр] я под<*слово не дописано*>]

[Но только тогда, когда я вид<*слово не дописано*>] л. 7 || л.7 об.

[Только добравшись на берег Гарды, я]

[Но только] Только подойдя вплоть к реке, я [увидел] мог обозреть все здание. [Все, что] Колоссальные [арки] полукр<ужия>, на которых покоился ряд малых арок, оказались поставленными [над] на новый нижний ряд [не] столь же широких, но немного менее высоких [полу]круглых сводов, опиравшихся на дно реки. Это дно с одной стороны было покрыто водою, с другой, в виде каменной отмели, выступало над [быстрыми] волнами. Каменистые откосы берегов, [кое-где покрытых зеленью] отчасти обнаженные, отчасти покрытые зеленым колючим кустарником, [поднимались] и [покрытые] опоясанные на высоте [первого] нижних сводов с обеих сторон реки белыми полосами ровных дорог, поднимались до высоты верхних аркад и вмещали в сво<е>й оправе [все здание] всю сохранившуюся часть [некогда] далеко тянувшегося некогда водопровода. [Он] Акведук Римлян стал мостом для [совр] провинциалов,[6] и рядом с полом нижнего яруса аркад протянулось полотно нового моста, подпертого новыми сводами, прислоненными к древним. Два стада овец медленно двигались по каменистому скату, с ними шли пастухи, живописно окутанные в полосатые плащи, [и] собаки расторопно устремлялись в разные стороны и добродуш-

но [<направляли?> на] гнали [<нрзбр, м. б. откло<нившихся>>] к стаду замедливших в стороне овец. *(Л. 7 – 7 об.)*

Можно предположить, что небольшой фрагмент, занимающий верхнюю четверть л. 1 об., был набросан в продолжение, во всяком случае, по связи, как заготовка, с только что приведенным текстом:

λ. λ. λ

[Я вскарабкался]

λ. λ. λ.

Я [вс<карабкался>] поднялся на откос берега [и достиг] [поднялся на каменные ступени, ведущие наверх акведука], достигнув и верхней части акведука, и вступил в полутемную галерею, [расположенную] покоящуюся на третьем, верхнем ряде аркад. Эта галерея служила собственно руслом водопровода; она вмещала [же<лезные>] металличес<кие> трубы, переда<ва>вшие воду. Я двигался [<нрзбр>] то ощупью в полутьме, то в [освещенном] пространстве, освещенном отверстиями *<фраза не дописана – Н. К., Л. И.>*. *(Л. 1 об.)*

Появление греческих букв в виде своеобразного "заголовка" мы объяснить не умеем (нельзя исключить, например, что они помечают связь с соответствующим местом на неизвестном нам листе, с которым был соотнесен текст, записанный на л. 7 и об.). Как бы то ни было, отрывок хорошо следует за приведенным ранее в сюжетной схеме: "путник издалека видит искомое – это аркада – аркада запечатлена признаками римского гения – описание акведука и окружающего пейзажа – путник поднимается по косогору, входит в пространство водовода".

Именно эту схему мы находим четко реализованной в наброске на лл. 2-3:

Издалека завидел я цель моей прогулки, и вдвойне обрадовался, потому что солнце уже стояло низко и ранние зимние сумерки могли застигнуть меня на пути. Там, где двумя рядами холмов означалась в стороне речная долина, голубели, перекинутые с одного ее края на другой, [до шести] около десятка[7] больших, величавых арок. Всматриваясь, глаз открывал длинный ряд сквозных малых дуг, протянувшийся на помосте, образованном нижними сводами. Этот нежданный[, <нрзбр: м. б. несомненный?>] след и [<нрзбр>] несомненная печать Рима, неизгладимо отметившего здесь свое властное и творческое присутствие, [явясь] [внезапно представ][8] вызывает волнение, отчасти подобное тому, которое испытываешь, когда, неожиданно, отдаленное, зияющее рыкание возвестит присутствие льва.

Только подойдя вплоть к реке, я мог обозреть все здание. Колоссальные [полукружия] дуги, на которых покоился ряд малых арок, оказались поставленными на новый ряд столь же широких, но несколько более низких сводов, опиравшихся на дно реки. С одной стороны это дно [было] по-

крыто было водою, с другой, в виде каменной отмели, выступало над волнами. Каменистые откосы берегов, отчасти обнаженные, отчасти заросшие зеленым колючим кустарником и с обеих сторон реки опоясанные, по высоте нижних сводов, двумя белыми полосами ровных дорог, поднимались до верхних аркад и вмещали в своих краях всю сохранившуюся часть [<нрзбр> <протянутого некогда>] некогда <на? десятки? миль? протянутого?> водопровода.[9] Акведук Римлян утратил свое значение для позднейших провинциалов, и рядом с помостом нижнего яруса протянулось полотно нового моста, подпертого новыми сводами, прислоненными к древним. Два стада овец, непрерывно звеня колокольчиками, двигались по каменистому скату; их сопровождали [пастухи] медленно шедшие пастухи в пестрых полосатых плащах и [добродушные расторопные собаки] расторопно устремлявшиеся в разные стороны для сбора стада собаки. Я поднялся по ступеням до верхних аркад и вступил в полутемную галерею, служившую желобом водопровода. Я шел не нагибаясь, но [часто] ощупью; [только] часто впрочем отверстия между раздвинутыми над головой каменными плитами давали доступ свету и <нрзбр?> щель, местами прерываясь, тянулась между плитами потолка и [<нрзбр>] огромными глыбами стен.[10] Едва отесанные, они часто [выступали] неправильно выст<упали>[11] и стесняли и без того узкий путь; скрепленные здесь, в <ограде? > <нрзбр> водопровода цементом, [<нрзбр>] они казались <нерушимой?> циклопической твердыней. Сильный ветер, врывав<шийся> в галерею, не делал ни короче, ни удобнее бесконечно [<долгий?>] <длинный?> <проход?>. Наконец я выбрался на противополож<ный> берег [и по разбросанным] [и карабкаясь по] <и> с разбросанных там и сям плит развалины бросил общий взгляд на акведук и долину. Гарда, [синяя] быстрая и металлически-синяя, [в противоположность <нрзбр> <Роне?> и большинству] как реки России, [ползла] подползала узкой змеей под крайние своды и извивалась далее в каменистой, но зеле<но>й долине, между высоких и крутых [очерченных красивыми] красиво <столпившихся?>, но в эту пору угрюмых берегов.[12] Ветер все крепчал, и <гневный?> бурный шум [<нрзбр>] его [в шелестящем], усиленный воем и шелестом колких <кустов?> [<нрзбр> покрывали эти], покры<вавших> эти высоты и склоны, преследовал меня, когда я спешно спуска<лся> по <этой?> тропинке вниз, ища дороги. Вскоре я нашел ее и оглянулся в последний раз назад. Солнце садилось за развалины, светлые камни потемнели, и в [<темных?>] резных полукружиях сводов торжеств<енно> [золот<ело?>] сияло небесное золото. Арки, казалось, вмещали в себе золотое поле, как в византийс<ких> [церк<вях>] храмах; фантазия могла по воле наполнять их строгими и <торжественными?> образами, подобными мозаичным ликам. [Скоро настал вечер.] Между тем на Севере, над противоположным берегом реки, выплывала полная луна. Я шел назад по дороге, обставле<нно>й фиговыми деревьями, лишенными листвы [и обвешенными голыми шариками, остатками прошлогодних плодов]. По сторонам ивоподобные, серосребристые, низкие оливы встречались <стадами?>, <посеянные?> <на?> <равном?> <расстоянии?> друг от друга. Чем более

сгущался <светло?> сизый цвет сумерек, пронизанный лунными лучами, тем бурней и порывистей становил<ся> мистраль, тем светлей казалась ровная, как скатерть, дорога. [Убит<ые?>] [Известковые дороги Прованса [гладки и тверды, как <нрзбр>] [как бы <нрзбр, *м. б., недописано*> из <пепла?>] <белы?> и гладки как <нрзбр> из <пепла?>] Я часто на повороте ошибался, думая, что это <вода?>. Контуры сглажи<ваются>, а воображение усилива<ет> <нрзбр>. Кажется, что идут по этой дороге легионы.[13]
<текст обрывается– Н. К., Л. И.> *(Л. 2-3)*

Текст заканчивается на середине страницы, естественным образом, в силу исчерпанности сюжета. Начальные фразы этюда, отработанные прежде, в этом варианте учитывают принятые решения и писаны четко и почти набело, однако авторские сомнения нарастают по мере развития текста, а в конце почерк переходит в малоразборчивую мелкую скоропись. Явно, Иванов только торопливо фиксирует композицию замысла, оставляя словесную обработку на будущее. Но схема путевого очерка здесь вполне завершена: путник нашел свою цель, осмотрел памятник и уходит, его впечатления настолько живы, что фантазия готова видеть невидимое.

Зачин этого этюда мы еще раз встречаем на л. 4 (оборвавшись на третьей фразе, он был автором перечеркнут целиком):

Pont du Gard.

[Издалека завидел я цель моей прогулки, и вдвойне обрадовался, потому что солнце уже стояло низко и ранние зимние сумерки могли застигнуть меня на пути. Там, где вдали двумя рядами холмов означалась речная долина, голубели, перекинутые с одного ее края на другой, [огромные] до шести больших величавых арок. Всматриваясь, глаз открывал [над ними ряд] [покоившийся на них [длинный] ряд малых арок] покоившиеся на них другие, малые арки; они [[шли] тянулись длинным рядом над] тянулись над первыми]

Его можно рассматривать как вариант, предшествующий тому, что мы встречаем на л. 7. В пользу этого предположения говорят различия в тексте, которые можно понять как последовательные шаги выработки текста:

Л. 4	Л. 7	Л. 2
[Издалека завидел я цель моей прогулки, и вдвойне обрадовался, потому что солнце уже стояло низко и ранние зимние сумерки могли застигнуть меня на пути.	Издалека завидел я цель моей прогулки, и вдвойне обрадовался [этому, видя], потому что солн-це уже стояло низко и ранние	Издалека завидел я цель моей прогулки, и вдвойне обрадовался, потому что солн-це уже стояло низко и ранние зимние сумер

	зимние сумерки могли застигнуть меня на пути.	ки могли застигнуть меня на пути.
Первая фраза в ее конечном чтении совпадает во всех трех вариантах. Однако на л. 4 слово уже *вставлено над строкой, как шаг в шлифовке текста; в двух других вариантах наличие этого слова и его место в предложении сомнению не подвергается.*	*При перебеливании возникает (как вставка над строкой) тут же отвергнутое предложение переделки фразы.*	*Фраза переносится из предыдущей версии без колебаний.*
Там, где вдали двумя рядами холмов означалась речная долина, голубели, перекинутые с одного ее края на другой, [огромные] [большие величавые арки] до шести больших величавых арок.	Там, где [вдали] двумя рядами холмов означалась в стороне речная долина, голубели, перекинутые с одного ее края на другой, до шести больших величавых арок.	Там, где двумя рядами холмов означалась в стороне речная долина, голубели, перекинутые с одного ее края на другой, [до шести] около десятка больших, величавых арок.
Единственное изменение в этой фразе выглядит достаточно просто, ее окончание было записано первоначально: огромные большие величавые арки. *Затем повторяющееся (по сути дела, как ошибка, воспроизводящая поток внутренней речи) определение было заменено на числовую конструкцию, а подлежащее и два его определения поменяли соответствующим образом падеж.*	*Обстоятельство* вдали *заменяется на* в стороне.	*Оба изменения, внесенные в предыдущие варианты, приняты, при этом правка, установленная на л. 4 и принятая на л. 7, уточняется по содержанию, что подтверждает существенное согласие с составом и строением фразы.*
Всматриваясь, глаз открывал [над ними ряд] [покоившийся на них [длинный] ряд малых	Всматриваясь, глаз открывал длинный ряд сквозных малых дуг,	Всматриваясь, глаз открывал длинный ряд сквозных малых дуг,

арок] покоившиеся на них другие, малые арки; они .[[шли] тянулись длинным рядом] тянулись над первыми	протянувшийся на помосте, образованном нижними сводами.	протянувшийся на помосте, образованном нижними сводами.
Рукопись показывает сложный и оборванный процесс выработки текста, последний слой лексического наполнения фразы весьма близок к вариантам л. 7 и 2, тогда как нижний слой от них весьма далек.	*Единственное изменение в этой фразе, принятое и в версии л. 2: слово* сквозных *вставлено над строкой.*	*Фраза переносится из предыдущей версии без колебаний.*

Приняв указанную последовательность смены вариантов, мы признаемся, что не умеем объяснить отсутствие заглавия “Pont du Gard” в двух более поздних. Признаемся, что полной уверенности в том, что текст обрабатывался в указанном направлении – от варианта на л. 4 к варианту л. 7, а затем к варианту л. 2 – у нас нет.

Как бы то ни было, вернемся к рукописи. Несколько отступя вниз от забракованного начала очерка, Иванов стал записывать на л. 4 совсем иной вариант развития темы, в котором рассказ о непосредственных впечатлениях путешественника должен был отнестись, по всей вероятности, вглубь повествования:

> Вид внезапно представшего римского здания и, в особенности, римских аркад [почти всегда] своеобразно поражает [сердце] современного путешественника. Не красота [линий] очертаний заставляет тогда сильнее биться его сердце, и не поэзия воспоминаний: но есть в этих каменных полукружиях особенный смысл и особенная окаменелая жизнь, как в далеких [заносимых песком пустыни] сфинксах пустыни. [Всюду] Самые линии так [содержательны] многозначительны в ясной [своей] простоте своей! Никогда спокойная и, следоват<ельно>, побед<оносная?> сила человеческого самоутверждения не выражалась ощутительнее, нежели в римской арке. [Лучшее выражение] [Лучшее средство арка строительный <*так, несогласованно – Н. К., Л. И.*>] Прочная, легко выносящая на себе бремя тысячелетий, она твердо стоит на обеих ногах и, описав половину окружности, все примиряющей в своем единстве, не хочет [окончить] кончать круговой путь свой, и только крепче [утверждается] [опирается] утверждается на своих [опорах] незыблемых [опорах] [основ<аниях?>] опорах. Ее простота [<плод?>] [кажется на<м>] [<и естественность?>] [<имеет?> силу <природы? *или* произведения?>] [уверяет нас] как бы хочет уверить нас, что перед нами создание природы; но ясная разумность ее снова [возвращает ее в нашем сознании достояние] [возвращает <ей?> в наших <мыслях?> достоя-

ние] делает ее, в наших мыслях, достоянием человеческого духа. Тогда мы прозреваем на ее величие. Тогда мы вспоминаем ее творцов, [оставивших] и как смущает [сознание нашей <близости>] эта близость гения римского народа. [Эти остатки, с уверенным и величавым спокойствием поучающие [<нрзбр>] поколения о [силе] том, что те сильные были здесь и творили для нас свое великое дело, [как бы]] *<текст обрывается – Н. К., Л. И.>*

(Л.4-4 об.)

Если наше предположение о том, что зачеркнутый фрагмент из трех фраз на л. 4 представляет собою первоначальную версию начала текста, нашедшего себе дальнейшее развитие на листах 7 и 2-3, то мы должны предположить, что, попытавшись построить иной зачин (по крайней мере, в двух попытках – см. ниже), Иванов затем вернулся к было отвергнутому варианту, в котором, как мы видим по тексту на л. 2-3, тема римской арки отсутствует. Между тем отработку наброска этой темы мы видим на л. 6:

Pont du Gard.

Вид внезапно представшей римской аркады своеобразно поражает современного путешественника. Не красота очертаний заставляет тогда сильнее биться сердце, и не поэзия воспоминаний: но есть в этих каменных полукружиях особенный смысл и особенная окаменелая жизнь, как в далеких сфинксах, заносимых песками [Ливий<ской пустыни?>] пустыни. Самые линии так многозначительны в ясной простоте своей! Никогда спокойная и, следовательно, победоносная сила человеческого самоутверждения не выражалась ощутительнее, нежели в римской арке. Прочная, легко выносящая на себе бремя тысячелетий, она твердо стоит на обеих ногах и, описав половину окружности, [все сводящей к примирительному единству] все обнимающей в примирительном, гармоническом [все]единстве, не хочет кончать круговой путь свой и только крепче утверждается на своих незыблемых опорах. Ее простота и естественность как бы уверяют нас, что пред нами непроизвольное создание природы; но ясная ее разумность возвращает ее, в наших мыслях, достоянию человеческого духа. Тогда мы прозреваем на ее величие. Тогда мы вспоминаем ее творцов, и нас смущает эта близость гения Римского Народа. [Этими зданиями] Мы представляем себе строителей этих сводов, сильных волею и мышцами[14] людей с могучими шеями и четыреугольными широкими головами; зорких людей, которых мы, несмотря на века духовных блужданий, едва ли превзошли объемом понятий; людей, которые [не творили ничего] [не боялись ни смерти и страдания] [не бледнели пред смертью и мукой] не бледнели пред смертью и мукой – все равно – своей или чужой, которые [не творили ничего кроме того] творили только то, что по прочности было рассчитано на века и поколения, которые говорили языком каждое *<фраза не дописана, нижеследующий текст отделен пробелом – Н. К., Л. И.>*

> Строители этих зданий, люди [сильные волей и мышцами] с четыреугольн<ыми> широкими головами на могучих выях, [нам кажутся как бы расою хищных зверей] были носителями уже неведомой нам, сосредоточенной силы. Они кажутся нам как бы расою могущественных хищных зверей, и нам также чуждо притязание меряться с ними в силе [духа] тела и воли, как со львом и королевским тигром. [Они могут] [Они способны [в] чрез] [Чрез отдаление веков мы еще ощущаем их <демоническое обаяние>] Чрез отдаление веков мы ощущаем то демоническое обаяние, которое испытывали, сталкиваясь с ними, варвары. [Они мог<ли?>] [И между] Они [мыслили] были так дальновидны и мыслили с такою ясностью, что мы [ед<ва>], несмотря на столетия духов<ных> блужда<ний>, [почти не] едва превосходим их [объемом] обилием и широтою понятий. *(Л.6 – 6 об.)*

Полагаем, что очевидно происхождение текста л. 6 из наброска на л. 4 (хотя при известном усилии можно было бы перевернуть перспективу и представить весь процесс работы над интересующими нас черновиками как скоротечные, за неудачностью, попытки переделать достаточно развитые тексты).

Теперь, познакомившись с текстом набросков в почти полном объеме (за исключением двух строк, о которых далее), можно обратиться к выяснению даты их создания. Заголовок, присутствующий в двух вариантах очерка, однозначно указывает на знаменитый памятник древнеримской архитектуры – величественные остатки акведука, в начале первого века по Р. Х. переброшенного через глубокую речную долину, недалеко от города Нима, в который и подавалась вода. Не трудно связать эти наброски со следующим сообщением Иванова в его “Автобиографическом письме к С. А. Венгерову”: “В 1891 г., отбыв в Берлине девять семестров и напутствуемый наставлениями Гиршфельда тщательно передумать и изложить по латыни свою диссертацию, а также хорошо изучить Лувр, я отправился в Париж с томиками Ницше, о котором начинали говорить. <...> В парижской Национальной библиотеке, правильно мною посещаемой, познакомился я с И. М. Гревсом; за сближением на почве общих занятий римскою историей последовала и душевная дружба. Он властно указал мне ехать в Рим, к которому я считал себя не довольно подготовленным; я по сей день благодарен ему за то, что он победил мое упорное сопротивление, проистекавшее от избытка благоговейных чувств к Вечному городу, со всем тем, что должно было там открыться. Ни с чем не сравнимы были впечатления этой весенней поездки в Италию через долину разлившейся Роны, через Арль, Ним, Оранж с их древними развалинами, через Марсель, Ментону и Геную. После краткого предварительного пребывания в Риме мы пустились в путь дальше, на Неаполь, и объездили Сицилию, после чего надолго сели в Риме, деля всецело жизнь одной простой итальянской семьи, так что на третий год этой жизни могли считать себя

до некоторой степени римлянами" *(СС II, 19)*. Поразительно сходно описывал свое путешествие Иванов за четверть века до того в письме-отчете к О. Гиршфельду, у которого учился и писал диссертацию в Берлинском университете: "... я решил ... предпринять столь долгожданное паломничество в Италию. Я выбрал путь через вашу provincia – имею в виду Южную Францию – и осмотрел, разумеется, бегло, Лион, Вьенн, Оранж, Ним с Pont du Gard, Арль, Марсель. В первый раз (если не считать моего давнего посещения Трира) стоял я на земле классической Древности, посреди остатков римской культуры; в первый раз видел я и благословенный Юг".[15] Публикуемые наброски представляли собою попытку положить на бумагу "впечатления этой весенней поездки в Италию".[16] Стало быть, предаваемые печати наброски следует датировать весной-осенью 1892 г., когда Иванов, жадно оглядывая Италию, от Генуи до южной оконечности Сицилии (или оглядев ее – 22 сентября / 4 октября 1892 г. Иванов, как это видно из его письма к И. М. Гревсу,[17] уже больше недели, как осел в Риме, завершив многомесячное путешествие), захотел рассказать о своей встрече с "волшебной страной Италией", начав издалека, с подступов к ней, где явились глазам странника "след и несомненная печать Рима, неизгладимо отметившего здесь свое властное и творческое присутствие".

Кому рассказать? Трудно не заметить, что повествование Иванова подразумевает внешнего адресата. Оно сильно беллетризировано, просто, может быть даже, упрощенно по содержанию и стилистике, его можно было помыслить помещенным на страницах толстого журнала, скорее даже в газете. Но и фиксацию для собственной памяти – в стилистике газетного очерка – исключить нельзя. Литературная работа раннего, "пренатального" Вяч. Иванова не только не изучена, но еще и не выявлена сколько-нибудь полно, и мы откладываем обсуждение вопроса о читательском предназначении печатаемого очерка – на будущее. Прежде всего необходимо сопоставление материала данной публикации с дневниками(?) путешествия по Италии 1892 г. (РГБ. – Ф. 109.1.8 и 9), но когда-то Российская Государственная Библиотека снова приоткроет доступ к бумагам Вяч. Иванова?! Едва они были обработаны, шестьдесят лет пролежав неразобранными, как вот уже третий раз вновь изъяты – и опять на годы! – из читательского оборота... Неоднократно один из пишущих убеждал Д. В. Иванова, единственного законного наследника и собственника этих бумаг (Вяч. Иванов не продавал и не завещал своего архива кому бы то ни было, они оказались в руках государства случайно и, полагаю, удерживаются в них без законных оснований), начать процесс о возвращении отцовского архива. Печально, что Димитрий Вячеславович медлит, легче было бы работать с архивом даже в Полинезии...

Сегодняшняя наша фактическая осведомленность не позволяет вынести развернутое суждение и о замысле путевого эпизода “Pont du Gard” в его целости. Выше приведены два “последних слоя” чернового текста: связный путевой очерк (л. 2-3) и похвальное слово римской арке и римскому гению (л. 6). Приступ “издалека завидел я цель…” резко вводит читателя in media res и предполагает объяснение мотивации путешествия либо предпосланным этому рассказу, либо возникающим по его ходу – ничего подобного в нашем распоряжении нет. Неизвестно и то, как бы оказались связаны рассуждения о полуциркульной арке с рассказом путника. Тем не менее, содержательный контур этюда предстает в совокупности этих двух набросков вполне ясным и законченным.

Нам хотелось бы подчеркнуть одну деталь, как кажется, выдающую присутствие и в этих текстах магистральной ивановской темы. Мы имеем в виду фрагмент варианта л. 2-3: “Солнце садилось за развалины, светлые камни потемнели, и в [<темных?>] резных полукружиях сводов торжеств<енно> [золот<ело?>] сияло небесное золото. Арки, казалось, вмещали в себе золотое поле, как в византийс<ких> [церк<вях>] храмах; фантазия могла по воле наполнять их строгими и <торжественными?> образами, подобными мозаичным ликам”. Совершенная римская арка, разумеется, символизирует pax romana, “римский мир”, “неизгладимо” установивший “свое властное и творческое присутствие” на противоположных концах вселенной, скрепивший их в неразрывное единство.[18] Но наполнены римские полукружия и светятся – золотом византийских мозаик. И более того, первоначально было сказано, т. е. думалось, о русских “церквях”, но затем, реалистического правдоподобия ради, русские “церкви” заменились византийскими “храмами”. Собственно говоря, сведения о золотых фонах православных мозаик Иванов мог получить только из книг (личный опыт созерцания их торжественного немерцающего света ему был дан несколько позже, только в отблесках южно-итальянских памятников, восходящих к византийским и норманно-византийским временам, – но, быть может и в пору работы над нашими фрагментами, если они относятся к концу лета 1892 г. или несколько более позднему времени, когда Иванов возвратился в Рим из паломничества на юг), видение мозаичного золота, византийского неба позволяет догадываться о специальном интересе молодого Иванова к церковным древностям, к православному Востоку – в его отделенности и единстве с Западом. Легко указать параллели в близких по времени текстах Иванова. “Мерно и медленно, – писал он в дневнике 1888 г., – падали важные, победные и вместе печальные аккорды <…> Бетховена <…>, полные легких отзвуков наших церковных песен. Мне чудилось наше победное шествие в [заветный] час, когда смирились несчетные враги, нас не понимавшие, и мы даем народам, стоя-

щим с серьозными лицами и полным внутреннего умиления, какой-то торжественный завет".[19] Три десятилетия спустя ивановский стих прорисовал арку, в которой один священный язык отвечает другому (и церковнославянский выступает за греческий):

"Fiat" – София рекла; Роза ответила: "есмь".

(Rosa Sophia – Cor ardens, часть вторая)

Кажется, можно усмотреть знаменательное схождение ивановского описания Pont du Gard с другим, принадлежащим Жан-Жаку Руссо. Вот что рассказывал в своей "Исповеди" великий предшественник русского паломника: "Мне советовали посмотреть Гардский мост; я так и поступил. Позавтракав отличными фигами, я взял себе проводника до Гардского моста. Это было первое римское сооружение, которое я видел. Я ожидал увидеть памятник, достойный рук, создавших его. Но он превзошел мои ожидания, и это было единственный раз в моей жизни. Только римляне могли создать подобное. Вид этого простого и благородного сооружения поразил меня тем сильней, что оно находится в пустыне, а уединенье и тишина значительно усиливают впечатление от предметов и вызываемый ими восторг. Дело в том, что так называемый мост этот не что иное, как водопровод. Невольно задаешь себе вопрос: какая сила перенесла эти огромные камни так далеко от каменоломни и собрала столько тысяч человеческих рук в необитаемое место? Я обежал три этажа этого великолепного сооружения, почтение к нему почти лишало меня смелости попирать его ногами. Отзвук моих шагов под его необъятными сводами казался мне мощным голосом тех, кто их построил. Я терялся в этой необъятности, словно насекомое. Чувствуя себя маленьким, я в то же время ощущал нечто возвышающее душу и со вздохом говорил себе: 'Зачем не родился я римлянином?' Несколько часов пробыл я там в восхищенном созерцании. Я вернулся рассеянный и задумчивый".[20] Помнил ли Иванов текст своего предшественника, когда записывал свои впечатления от вечерней экскурсии к римскому акведуку? Подобных сведений у нас на сегодня нет, осторожнее усмотреть в близости двух текстов палингенез, законный в гуманистической традиции: непроизвольно повторяется восторг (Руссо говорит о несравненном впечатлении от Pont du Gard, а далее в "Исповеди" говорит о более бледных встречах с руинами в тех же городах, которые посетил в 1892 г. Иванов, – Иванов, перечисляя этапы своего путешествия, называет из всех памятников только Pont du Gard); стремительное перемещение по водоводу и речному косогору; взывание к теням римлян и преклонение перед римским гением; мечтательное возвращение – структурные симметрии двух текстов достаточно определенны для того, чтобы говорить о том, что Иванов воспроизводит *жизненный*

опыт гуманиста, и вопрос о возможной зависимости ивановского наброска от повести Руссо представляется второстепенным.

Возвратимся, однако, к нашей рукописи. На л. 3 об. текст наброска, к его концу, становится все мельче, все труднее читаемым, строчки рвутся и лезут косо вверх. А ниже, на свободном месте, горизонтально, отступя от правого поля, как положено, записано двустишие:

Рим, наконец я твой! Святой, великий Рим,
Тебя приветствует полночный пилигрим.

Недаром на верхней странице рукописи было начертано название – "Волшебная страна Italia". Задуманная тетрадка должна была принять впечатления, смысл которых писавшему был ясен. И совершенно естественно, когда набрасывалась схема вводного очерка, творческое сознание было направлено на основную тему, собственно, на ее средокрестие – им владел Рим. И нужно было бросить прозу, чтобы записать сложившееся двустишие. Вяч. Иванов, описывая встречу с Римом и римлянами на дальних подступах, в Провинции, уже был в Риме, на пороге Города, чувствуя себя еще только паломником (лишь на четвертый год жизни там он почувствовал себя "до некоторой степени" римлянином – *СС II, 19*).

В приведенном двустишии мы усматриваем эмбрион первого, самого знаменитого стихотворения из цикла "Римские сонеты", написанного, когда в 1924 г. Иванов приехал "в Рим умирать", как говорил он перед отъездом из Москвы друзьям. Вот его начальный катрен:

Вновь арок древних верный пилигрим,
В мой поздний час вечерним "Ave Roma"
Приветствую, как свод родного дома,
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим.[21]

С рукописью, затерявшейся безвозвратно где-то в России, эти стихи связывала не только риторика приветствия северным паломником вечного Города, с его неновой рифмой. "Пилигрим арок"[22] помнит о своем блуждании в поисках римского акведука: "Вновь арок древних верный пилигрим", именно без запятой после первого слова, означает, что говорящий снова стал паломником, снова, как тогда, когда в цитированном письме к О. Гиршфельду рассказывал, что "решил ... предпринять столь долгожданное паломничество <в оригинале – Pilgerschaft> в Италию". И как тогда, древние арки предстали ему в "поздний час", только уже не одного дня, а всей его жизни и целой мировой эпохи. Одна из главных черт поэтической индивидуальности Вяч. Иванова – долгое, иногда в десятилетиях вынашивание, непроизвольное вызревание замысла.

[1] См.: Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. Русский Берлин: 1921-1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris 1983, с. 295 (Письмо Ал. Н. Чеботаревской к А.С. Ященко от 17 марта 1924 г.); Г. В. Обатнин. Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год . СПб. 1994, с. 29-31; Л. Н. Иванова. К истории архива и библиотеки Вячеслава Иванова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. (В печати).

[2] Вяч. Иванов. <Интеллектуальный дневник. 1888-1889 гг.>: (ОР РГБ. — Ф. 109.1.2; 4.15; 16;19) / Подгот. текста Н. В. Котрелева и И. Н. Фридмана; примеч. Н. В. Котрелева // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М. 1999, с. 41-42.

[3] Здесь и далее в текстологических примечаниях текст Вяч. Иванова подается прямым начертанием, текст от публикаторов – курсивным.

К сожалению, чтение вымаранных строк более чем фрагментарно: <В?> <нрзбр> здесь светит глубоко<нежное> <небо?> || И золотится <на нем?> желтый <нрзбр, слово оборванно>. *Является соблазн связать эти с трудом угадываемые слова с тем, что говорится в одном из печатаемых фрагментах об арках и византийском золоте – но текстологическое благоразумие приказывает от искушения уклониться.*

[4] *Первоначально фраза начиналась:* Эта печать и часть, *слова* и часть *были вычеркнуты после вставки в начало фразы деепричастного оборота.*

[5] *Последовательно отменявшие друг друга варианты продолжения текста:* Как отдаленный

затем: Как далекое зияющее рыкание льва

затем: Как [вдали] далекое зияющее рыкание льва

затем этот зачин был оставлен и фраза начиналась: Этот несомненный,

затем: Эта печать, неизгладимо наложенная Римом на местность,

затем: Эта печать [и образ] Рима, на веки [здесь] поработившего себе окружные местности, представ внезапно.

[6] Провинциалы, в данном случае, - романизованные варвары, насельники завоеванной и колонизованной (ср. далее у Иванова: “в покоренной духовно стране” и варианты) восточной части нарбонской Галлии (именовавшейся provincia, без уточнений, о чем речь), доселе сохраняющие, в романской форме, для своей территории ее древнее название: Прованс.

[7] Колебания в числе арок (ср., ниже, текст черновика с л. 4, где также фигурируют шесть арок) можно объяснить безотчетной коррекцией первоначального зрительного опыта последующим: в первый момент часть арок скрыта от путника линией высокого берега, позже, от уровня воды он видел фронтальную проекцию всего сооружения.

[8] *Первоначально фраза начиналась так:* Этот след и печать Рима, неизгладимо отметившего здесь свое властное и творческое присутствие, [явясь] внезапно представ; *фраза стала изменяться с появлением в ее начале эпитета* нежданный.

[9] *Первоначально фраза кончалась:* сохранившуюся часть далеко <протянутого?> некогда водопровода.

затем: некогда <на? десятки? миль? протянутого?> водопровода.

[10] *Первоначально читалось:* часто впрочем в отверстие между раздвинутыми над головой каменными плитами врывался воздух и свет <дня?> и, лишь изредка прерываясь, тя-

нулась между плитами потолка [и] [глыбами] [каменными] и стенами длинная[, но недостаточно широкая для] щель

затем: часто впрочем в отверстие между раздвинутыми над головой каменными плитами врывался воздух и свет <дня?> и [прерываясь время от времени] местами прерываясь, длинная [<нрзбр>] высокорасполож<енная> щель тянулась между плитами потолка [и] [глыбами] [каменными] и стенами

[11] *В нижнем слое текста начало фразы было причастным оборотом предыдущей:* ...стенами, едва отесанными, [часто выступавшими] [часто стеснявшими] выс<тупавшими>

[12] *Первоначально читалось:* между крутых берегов, с очертаниями гор, красивых, но в эту пору довольно угрю<мых>

затем: между высоких и крутых, но угрюмых берегов, с очертаниями гор,

[13] Хочется отметить очевидную связь этого пейзажа со многими ивановскими стихотворениями, вошедшими в первую книгу поэта, "Кормчие звезды". Мы имеем в виду световые и колористические элементы – лунный свет и закатное золото, цветовые доминанты сизого и сребра/серебра в различных сочетаниях, частое присутствие пепла в ивановской палитре. Многократно повторяются в лирике Иванова такие пейзажные темы, как светлая дорога (или река), восход луны над бровкой берега/линией скал или гор; специфичны, как лирическая ситуация, для Иванова (и не только в первой книге) хронотоп заката и сочетание шума (воды, ветра) с лунным светом; если наше предположительное чтение <вода> (за которую путник принимает пепельно-светлую дорогу) верно, то перед нами ранний пример важной для ивановского пейзажа метаморфозы/уподобления земли/воды именно в топосе пути. Многочисленные примеры читатель без труда подберет в "книге лирики", мы же ограничимся несколькими картинами:

В стихотворении "Eritis sicut dei", помимо прочего, о чем идет речь, следует отметить закатные огни сквозящие в просветах между древними колоннами (вспомним, что просвечивающий золотом лес – одна из самых распространенных тем живописи модерна):

...Тропой обрывистой наверх Голгофы новой
Я шел. Закат угас, багряный и суровый,
И мглою пепельной, как прахом урн, замел
Нагую крутизну и безотрадный дол...
Усталый, я достиг вершины каменистой —
И видел древний храм. Зари венец огнистый
Далеко обнимал вечерний небосклон
За лесом сумрачным рассеянных колонн.

В стихотворении "На крыльях зари" мы находим, помимо прочего, о чем идет речь, пробуждаемую лунным колдовством зрячую мечту, которой открывается древность края:

В час, когда к браздам Титана, вслед колесам золотым,
Дол, курильница тумана, благодарный стелет дым
И, покорствуя, приемлет синей ночи тихий дар,
А с востока даль объемлет сребропламенный пожар —
И, царя, луна восходит в блеске дивном из-за гор
И в ущелия низводит чародейственный дозор,

И в очах вскипают слезы, и, проснувшися с луной,
Реют видящие грезы над почившею страной, —

Наконец, парной реализацией некоего инварианта к пейзажу Моста-на-Гарде, в которой являются и арки, и сами римляне (ср. "легионы" в комментируемом фрагменте или "близость гения римского народа" на л. 4, или "людей с могучими шеями и четыреугольными широкими головами" на л. 6) предстает стихотворение "Колизей":

Как тяжкий гулок свод, и мрак угрюм и густ!..
Вхожу: луна сребрит истлевшие громады.
Как впадины очей потухнувших, аркады
Глядят окрест. Все спит. Простор арены пуст...

И мнится: древний род Неронов и Локуст
Наполнил чуткий мрак... Теснятся мириады.
Незримо — зоркие, на мне лежат их взгляды.
Беззвучный слышен плеск, и клик безгласных уст...

Несомненно, что в печатаемых черновиках мы встречаемся с ранней попыткой описать один из важнейших сенсорных, эмоциональных и предметно-содержательных топосов экзистенции и литературного творчества Вяч. Иванова.

[14] Отметим (хотя в нашу задачу не входит содержательное комментирование публикуемых текстов) очевидный библеизм словосочетания "сильных волею и мышцами". В самом деле, ср.: "и вывел нас Господь из Египта [Сам крепостию Своею великою и] рукою сильною и мышцею простертою, великим ужасом, знамениями и чудесами" (Втор. 26 8; то же мы видим и в других местах: Втор. 9 26; Втор. 26 8; 3 Цар. 8 42; Пс. 88 14; Ис. 30 30; Иер. 32 21; 3 Езд. 15 11, ср. так же Ис. 48 14: "Господь возлюбил его, и он исполнит волю Его над Вавилоном и явит мышцу Его над Халдеями"; простоты набора ради приводим цитаты по русской Библии, в нашем случае этого вполне достаточно). Для сознания и языковой стратегии Иванова знаменательно обращение к церковно-славянскому, как только он переходит от бытовой зарисовки к умозрению, ср. в конце фрагмента л. 4-4 об. архаичное управление "мы *прозреваем на* ее величие" или греко-византийскую/церковно-славянскую субстантивацию "остатки, с уверенным и величавым спокойствием поучающие поколения о том, что те *сильные* были здесь и творили для нас свое великое дело" (курсив в этих цитатах наш – Н. К., Л. И.). Ориентация раннего Иванова на классицистские и еще более архаичные культурные ценности является несомненным свидетельством его рано осознанной и целенаправленно культивируемой укорененности в *гуманистической* традиции (ср. далее в тексте наше замечание о вольном или невольном сближении ивановского описания нимского акведука с его описанием у Ж.-Ж. Руссо).

[15] M. Wachtel. Вячеслав Иванов – студент Берлинского университета // Cahiers du Monde russe. Vol. XXXV (1994), с. 368. – Письмо от 30 декабря 1892 г., подлинник – по-немецки, публикация М. Вахтеля; "провинцию" Иванов называет "вашей" в виду того, что О. Гиршфельд, как историк, много занимался древностями Прованса и Южной Франции в целом. – Напоминанием о приведенном письме Иванова мы обязаны любезности М. Вахтеля.

[16] Разумеется, Иванов имел возможность не раз посетить "Мост-на-Гарде" и позже (о чем никаких сведений у нас, впрочем, нет), однако несомненно, что публикуемые рукописи отражают именно первое путешествие через Прованс. Об этом говорит и специфическая ин-

тонация неофита, столь не свойственная зрелому Иванову, и стилистическая простота рассказа (следует заметить, что автор при отделке текста, как правило, идет от простого к сложному, что раскрывает выбранную Ивановым стратегию стилистического развития).

[17] Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726.2.127.

[18] Знаменательна замена первоначально возникавшего брутального "порабощенной духовно стране" на положительное "покоренной духовно стране" (л. 1).

[19] Вяч. Иванов. <Интеллектуальный дневник. 1888-1889 гг.>, цит., с. 13, ср. там же примеч., с. 46, связывающее приведенную запись со стихотворением "Missa solemnis, Бетховена" и другими дневниковыми заметками.

[20] Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения в трех томах. М. 1961. Т. III, с. 227.

[21] Цикл, состоящий из девяти сонетов, вскоре стал достоянием друзей в России. Надежда Григорьевна Чулкова вспоминала: "В. И. уехал в Рим 27 авг. 1924 г., а стихи его о встрече с Римом <...> помечены: 'Рим, осень 1924'. В 1924 году он прислал нам свои новые стихи. Вот его сонет о встрече его с Римом" и т. д. (Н. Г. Чулкова. Моя жизнь с Г. И. Чулковым и встречи с замечательными людьми: Вячеслав Иванов (ИРЛИ. - Р. I, оп. 35, № 192, л. 210-216). В публикации этих воспоминаний Л. Ильюниной стихотворные тексты не приводятся - см.: Вестник РХД 157 (1989), с. 125-149. Помимо текстов, воспроизведенных в воспоминаниях Н. Г. Чулковой, в Пушкинском Доме "Римские сонеты" хранятся в виде еще двух машинописных копий, также, очевидно, полученных из Рима – в Ленинграде и Баку. Обе эти копии, озаглавленные "Ave Roma", поступили в Рукописный отдел тогда, когда основная часть фонда Вяч. Иванова была разобрана и описана, то есть – после 1938 г. Одна из них, недатированная, – от Б. В. Шапошникова, в 1948 г. (Ф. 607, № 356). Другая, с датой "1927 г.", - в составе части архива Е. А. Миллиор, в 1997 г. (Ф. 607, № 374). О распространении "Римских сонетов" в рукописных копиях на родине поэта см.: Н. Котрелев. Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким: К истории журнала "Беседа" // Europa Orientalis XIV, 2 (1995), с. 203-204. - Среди архивных материалов Вяч. Иванова, поступивших от сотрудника Литературного музея Пушкинского Дома Б. В. Шапошникова – беловой автограф стихотворения "Поэзия" ("Родная речь певцу земля родная..."; дата: 10 февраля 1927 г.) на бланке Collegio Borromeo, с надписью: "Памятные свидания с дорогим Борисом Валериановичем Шапошниковым в Павии 15 мая 1927, от любящего его автора" (ИРЛИ. Ф. 607. - № 358. - Л. 1). В библиотеке Иванова в РАИ сохранилась книга Б. В. Шапошникова "Эстетика числа и циркуля: Неоклассицизм в современной живописи" М.: ГАХН, 1926 с дарственной надписью, также запечатлевшей дату "свидания": "Глубокоуважаемому Вячеславу Ивановичу Иванову в знак искреннего преклонения. Павия 15 V 27 автор".

[22] Кажется, это словосочетание чуждо русскому языковому узусу, но сквозь него просвечивает обиходная номинация в латинской церкви – Иоанн Креста, Тереза Младенца Иисуса и т. п. Сложную интерференцию образов можно усмотреть и в выражении "Приветствую, как свод родного дома"; "свод дома" по-русски заставляет думать о "гробовом своде", свод - прежде всего, замкнутая округлость, а домашний кров, родной порог, родные стены – плоски, ортогональны. Но если признать в "доме" звук, означающий в римском мире именно "Собор", главный Храм, то поэтическая вольность становится осмысленной и оправданной.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ.
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ СТИХОВ:
ДРУЖЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ.
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПЕРЕВОДОВ. DUBIA.*

<Ю. Н. Верховскому>

Верховский! Знал ли я, что ты,
Забытый всеми, тяжко болен,
Когда заслышал с высоты
Звон первый вешних колоколен?

Но ты воскрес – хвала богам!
Долой пелен больничных узы!
Пришли по тающим снегам
Твой сон будить свирелью Музы.

И я, – хоть им вослед иду
Сказать, что все тебя люблю я, –
Крылатой рифмой упрежду
Живую рифму поцелуя.

Выздоровленьем и весной
Прими, счастливый, благодарно
Судьбы завидной дар двойной,
Прияв урон судьбы коварной.

* Публикация Д. В. Иванова и А. Б. Шишкина. Комментарий, принадлежащий Д. В. Иванову, помечен инициалами Д. И. В публикации используются следующие сокращения: БА – беловой автограф, ЧА – черновой автограф.

Вот, жизнь тебе возвращена
Со всею прелестью своею.
Смотри: бесценный дар она!
Умей же пользоваться ею.

Ты расцветешь, о мой поэт;
Вотще ль улыбкою немою
Мне предсказала твой расцвет
Мощь почек, взбухнувших зимою?

Как оный набожный жонглёр
Перед готической Мадонной,
Ты скоморошил с давних пор
В затворе с Фебовой иконой;

Стиха аскет и акробат,
Глотал ножи крутых созвучий,
И слету прыгал на канат
Аллитерации тягучей.

Довольно! Кончен подвиг твой!
Простися с правилом келейным!
Просторен свет! Живи и пой
С весенним ветром легковейным.

И пусть не в чаше кипятка
Из распустившихся варений
Твоя влюбленная тоска
Свой черпнет пыл, и вихрь парений.

Учись хмельной[1] огонь впивать
Со дна содвинутых стаканов!..
Мой рок – дразнить тебя, и звать...
Мне имя –
Вячеслав Иванов.

20 марта '907.[2]

[1] *Было:* вольней.

[2] БА – РГБ, 109. 2. 51. Первые 9 строф, с рядом разночтений, под названием "Выздоровление. Верховскому" напечатаны в разделе "Пристрастия" кн. "Cor Ardens" (1911; III, с. 333-4). О Верховском см. прим. 7 к письму Иванова к Шор от 2 марта 1925 в наст. изд.

<Маргарите Андреевне Бородаевской>

<1>

От Вас (и Димы) без ума,
В негодовании на кума,
Чтò суше и мрачней Самума,–
Великолепная кума,

Я Вам пою... Ему ж нема
Свирель непонятого кума..
Моя лирическая дума
О Вас одной, моя кума!

Благословенная зима –
И произвол султанский кума –
Вас привели в столицу шума,
Церера сельская, кума!

И модернизма кутерьма,
Не Вас достойная, но кума,
Что меж Ацтеков Монтезума,
При Вас умней, сносней, кума.

И в полдень финский тундра, тьма
(Чернее черной сотни кума) –
Где вы цветете, – не угрюмо,
Благоуханная кума!

Полны пшеницы закрома
Агрономического кума,
Но не поэм и житниц сумма,
Его богатство – Вы, кума!

И нищих рифм моих сума
С мошною рифм надменных кума,

От мадригала до пантума[3]
Открыта Вам равно, кума![4]

<2>

Хронологическая помета.

Боярыня в жемчужинах,
Жемчужная сама,
Всего шесть дней, кума,
На маскарадах, ужинах
Певцов обезоруженных
Сводили Вы с ума.

4 янв<аря> 1911 г.[5]

[3] Пантум – импровизированные четверостишия, соединяемые в цепочку так, чтобы 2-й и 4-й стихи каждой предыдущей строфы повторялись как 1-й и 3-й стихи следующей строфы (см.: М. Л. Гаспаров. Русский стих 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М. 1993, с. 196, 197).

[4] БА карандашом – РАИ оп. 1. Стихотворения. Папка II. (Далее – папка II). В списке рукой О. Мочаловой (РГАЛИ, ф. 273, оп. 2, № 14, л. 8) заглавие – "Моей куме" и указание времени и места – "февр<аль> 1910. Башня".

Валериан Бородаевский (1874/75-1923) был тонким поэтом, любящим вести жизнь активного помещика в своем имении Петропавловка, но наезжавшим иногда в "столицу шума", в Петербург, для встречи с друзьями-символистами или на заседания Религиозно-философского общества. На одном из маскарадов, вероятно, на Башне, он появился в восточном одеянии султана. Вяч. Иванов ценил творчество Бородаевского и выпустил в "башенном" издательстве "Оры" его "Стихотворения. Элегии. Оды. Идиллии" (1909). Но и упрекал за мизогинизм:

Так борзо ты пустился
От наших Муз в губернию,
Что даже не простился
С писательскою чернию (III, с. 50).

В 1913 г. ему послано Ивановым несколько ст–й, лирически и ностальгически они описывают Петропавловку, где Вяч. Иванов с семьей любил гостить (IV, с. 16–20).

М. А. Бородаевская, женщина высокой духовной энергии, была, как и ее муж, с первых лет основания антропософского движения до последних опасных времен советского режима верной ученицей Рудольфа Штейнера (Д. И.).

[5] РГАЛИ, ф. 273, оп. 2, № 14, л. 8, список рукой О. Мочаловой.

<Марии Михайловне Замятниной>

<1>

Любезная Маруся!
Пока варится чай,
Давайте, вновь примуся
За рифмы невзначай.

Уж час не поздний, – ранний,
И слышен стук телег,
И воздух светлотканней...
А нас все ждет ночлег...

Мы справили ваш праздник, –
Весенний праздник наш;
И славил вас – проказник –
Поэтов карандаш.

Но спит Кузмин приятный,
Семейный наш Кузмин;
Дремоты благодатной
Чуждаюсь я один.

Да Вы со мною, верно
Бессонницу деля,
Хлопочете усердно,–
Усладами стеля

Тропы моих вигилий,
Извилины причуд...
Апрель – высоких лилий
Окрест сады цветут.

Высоких, белоснежных,
Я купы вижу их...
Но, чу, шагов прилежных
На башне шум затих...

Вы кончите, конечно,
Мой чайник кипятить.
Я буду вечно, вечно
Вас мучить и любить.

И Ваших всех усилий
Как будто не ценя,–
Мечтать о саде лилий,
Ласкающих меня.

1 апр<еля> 1911.[6]

<2>

Чем Вас не одарил я –
Стихами или прозой,
Лилеей или розой,
Прекрасная Мария,

Всегда Вы недовольны
И требуете боле...
Ах, весь я в Вашей воле
Не будьте лишь – фривольны...

Хоть Вы невинней лилий,
Но пламенней, чем роза;
Я ж прячусь, как мимоза,
От девственных насилий.

20 марта 1912.[7]

<3>

Ласк ваших труся
Панически,
В Вас я влюблен, о Маруся,
Но платонически.

[6] БА карандашом – папка II, другой автограф – РГБ, 109.3.1, л. 1-1 об. О "домоправительнице" Ивановых М. М. Замятниной (1865–1919) см. в воспоминаниях Андрей Белого о Башне: «Чай подавался не ранее полночи <...> К двум исчезают "чужие" <...> Являлся второй самовар: часа в три; и тогда к Кузмину: – "Вы, Михаил Алексеевич, – спойте-ка!" <...> Часов эдак в пять Вячеслав ведет Минцлову или меня в кабинетик, где нас исповедует, где проповедует о символизме, о судьбах России часов до семи, до восьми,; а потом, оборвав свою исповедь, будит Замят<н>ину, где-нибудь здесь прикорнувшую, – слабый, прищурый, сутулый: – "Нельзя ли яишенки, Марья Михайловна?" Так что к восьми расходились» (Андрей Белый. Начало века. М. 1990, с. 355. Ср. также кн. Л. Ивановой, passim).

[7] БА – РГБ, 109.3.1, л. 2

Если ж в недолжный час
Вдруг загорюсь вулканически,
Изничтожаю Вас
Антропофагически.

<Начало 1910-х гг.>[8]

Юргису Балтрушайтису

Чтоб охмелеть очарованьем
Твоих лирических чернил,
Тебя, беглец, догнать посланьем,
Твой белый лист меня взманил.
Увы, ты стал воспоминаньем, –
И лето я похоронил!

Славянский бард, вещун литовский,
Парнасский, дачный мой сосед –
(Почто лишь не сосед московский,
Коль я московский домосед?), –
Пойму ль, где кронпринц, Клуг, Лихновский,
Без наших воинских бесед?

С кем после неманской победы
Я разделю энтузиазм?
Когда сомненья видит беды,
Чей ободрительный сарказм
Напомнит – в Брюсселе обеды
С эффектом чаталджинских спазм?

Но ни разлука не продлится
Ни чудотворная война!
Коль в тайне сердце веселится,
Знать, радость въяве суждена,

[8] БА – РГБ, 109. 3. 1. л. 3.

В нас вещий “хаос шевелится”:
Народ – река, поэт – волна

В ночь на 3 сентября 1914.
На Оке.[9]

О. Д. Каменевой

Во дни вражды междоусобной
Вы, жрица мирная народных Эвменид,
Нашли в душе высокой и незлобной,
Чтò просвещенных единит.
И разные, но все с мечтой вольнолюбивой
О славе новых зорь и в мир идущих Муз –
Сомкнулись в трудовой союз
Вкруг Вас, порывистой, вкруг Вас, нетерпеливой.
И полюбились нам Ваш быстрый гнев и лад,
Нрав опрометчивый и Борджий профиль властный,
И черных глаз горящий взгляд,
Трагический, упорный, безучастный.
Не каждый видит Вас такой, но каждый рад
Вновь с Вами ратовать, товарищ наш прекрасный!

4 августа 1919 г.[10]

[9] БА чернилами – РГБ, 109. 3. 28. На том же листе ниже – ответное четверостишие Балтрушайтиса:

Сердце да верит упорно
Яви открывшимся снам –
Сейте озимые дерна
Вскиньте ступени во храм.

Стихотворный диалог поэтов о начале боевых действий на фронтах Первой мировой войны происходил параллельно с эпистолярным диалогом; ср. “предварительную” публикацию Н. В. Котрелева “Из переписки Юргиса Балтрушайтиса с Вяч. Ивановым и Одоардо Кампа” (*Jurgis Baltrušaitis: poetas, vertėjas, diplomatas*. Vilnius 1999).

[10] Машинопись с правкой автора(?) в папке II. Ольга Давидовна Каменева (Розенфельд, урожд. Бронштейн, 1883-1941) в 1918-19 гг. заведовала Театральным отделом Наркомпроса, где в те же годы работал Вяч. Иванов. Ср. I, с. 160, а также воспоминания В. Ходасевича “Званый вечер у Каменевых”: В. Ходасевич. Собр. соч. в четырех томах. Т. 4, М. 1997, с. 249-252.

<Н. Н. Боголюбову>

Niccoló, color celeste!
Наш лазурный чародей!
Незабудковый без лести
Восхваляем юбилей!

Дружно, скрипки, челли, тубы,
И тромбоны, и гобой!
Исполать вам, Боголюбов,
Боголюбов голубой!

Перед вами фимиама
Воскуряем облака,
Вы ж, как некий дивный лама,
Голубейте свысока.

Дружно etc.

Голубой вкусив мазурки
Волокнистый лунный сон,
Шлют Нико с поклоном тюрки
Под лазурный небосклон.

Дружно etc.

Унесет двоих гондола
По лагуне в небо грез
Нам, в разлуке, свет Никола,
Лить потоки звездных слез.

Дружно etc.

<1923>[11]

[11] ЧА карандашом в папке II, текст завершен, но малоразборчив; на обороте листа наброски того же поздравительного послания. В 1924 г. в Баку оперный режиссер Н. Н. Боголюбов (1870-1951) был одним из авторов “невероятного предложения” Вяч. Иванову написать либретто для оперетты (см. Л. Иванова, с. 114).

<В. А. Мануйлову>

Я ныне вижу: не увяли
Мои живые цветники,
Как мотылек из ясной дали
Ко мне упал в ученики.

<конец декабря 1923>[12]

М<арии> Г<ригорьевне> Г<речаниновой>

Пустыни знойной ветерок,
Лохмотья пальмы шевеля,
Лелеял бледность этих щёк, –
Сахары жгучий ветерок, –

Их опаляя и смугля,
И дикой воли в сердце рок,
И жар сухой в очах зажег
Сахары жгучий ветерок.

Биеньем пылким сердца жить,
Горящим взором ворожить
Дитя оазиса обрек
Сахары жгучий ветерок.

Прекраснейших достойна строк
И мелодийности иной,
Ты вся восторг и тонкий зной,
Сахары жгучий ветерок!

16 апреля 1920[13]

[12] На том же листе, что и предыдущее ст-е. Здесь два ЧА ст-й В. А. Мануйлову: "Поэт, пытатель и подвижник..." и "Я ныне вижу: не увяли". Последнее ст-е – ответ на поэтическое послание Мануйлова "Ты солнцем солнечным..."; текст, приведенный в воспоминаниях Мануйлова "О Вяч. Иванове" (в кн. Л. Ивановой, с. 345) имеет разночтения в 1 и 3 строке. О В. А. Мануйлове см. прим. 4 к письму О. Шор к Иванову от 9 октября 1924 в наст. изд.

[13] БА карандашом в папке II. О Гречаниновой см. прим. 2 к письму Иванова к Шор от 18 сентября 1925.

<Ю. Верховскому>

В римской лачуге моей, за стаканом marino-asciutto
Мы вспоминаем тебя, милый покинутый друг![14]

10 июля 1926.

Ишкову

К этому камню придет ученик, придет и рабочий:
Воля почила под ним и прозорливая мысль.
С жизнию, цельной как песнь, он отдал грядущему веку
Духа, свободы, труда – веру, надежду, любовь.

<1927>[15]

<Ольге Александровне Шор>[16]

<1.>
О. А. Ш. Апантема.

Когда мы встретились, – не знаем...
Но год минувший провожаем
Мы думой нежною о том,
Как встретились – впервые – в нем.

Рим, 31 декабря 1927
11 $^1/_2$ ч. ночи.[17]

[14] БА в папке II. Marino-asciutto – сухое Марино (ит.), название итальянского вина.

[15] БА чернилами в папке II; заглавие карандашом. Четверостишие посвящено памяти Леонида Александровича Ишкова, декана филологического факультета Бакинского университета в годы, когда там преподавал Иванов (1920–24). Защита диссертации Иванова происходила под председательством Ишкова (см. шуточные стихи Байбакова в I, с. 171). Глубокая дружба связывала Вяч. Иванова с Ишковым, религиозным агностиком, близким к марксизму. Узнав о смерти Ишкова, Иванов пишет детям 26 марта 1927: "Зуммер извещает, что 12 марта скоропостижно умер Леонид Александрович Ишков. Еще накануне был в заседании. Мне очень грустно. Он не выходит у меня ни на минуту из головы". (Д. И.).

[16] Все ст-я, кроме 1: БА в папке II. Для полноты укажем еще на посвященное О. Шор шестистишие "Коль Вам по сердцу..." // "Europa Orientalis" XVII, 2, 1999, с. 269–270.

[17] БА на форзаце кн. "Переписка из двух углов". Пб. 1921

<2>

Beitrag zur Philosophie des Apantetismus.[18]

Я в мареве фантасмагорий,
А Вы в тумане категорий
Блуждаем ощупью вдвоем,
Порою сталкиваясь лбом:
Поэта водит Свет-Егорий,
Вас Микель-Анджело кругом...
И эту странную средь странных всех историй
"Апантетизмом"[19] мы зовем.

Bocca di Leone
10 окт<ября> 1928.

<3>

Вещей Фламинго, автору этюда о В. И. и М. Г.

Самопознанием я, друг мой, Вам обязан:
Христианин, мыслитель и поэт,
В бенгальском зареве распластан и показан
И с отвращением гляжу на свой портрет.[20]

3. 5. 29.

<4>

"Хотелось бы"... Вас позабавить –
И к этим тусклым письменам
Хоть рифмы, что ли бы, прибавить...
О чем? – еще не знаю сам...
Но дружбы "памятные знаки"
Обречены ли послужить
Беспамятству? –
Кàк эти маки
Снотворные разворожить,

[18] К философии апантетизма (нем.).

[19] Об этом термине см. наст. изд., с. 149.

[20] Из пушкинского ст-я "Воспоминание": "И с отвращением читаю жизнь мою, Я трепещу и проклинаю..." Ст-е написано после прочтения первого варианта предисловия к итальянскому изданию "Переписки из двух углов" В. Иванова и М. Гершензона; см. письмо Вяч. Иванова к О. Шор от 4 мая 1929 г.

Чтò мрачно-тлеющею нивой
(Не Ариманова ль огня?)
И душат, и глушат меня? –
Скажите, врач мой прозорливый!

18/XI/ 29.[21]

<5>

Каноник, Айлурос и Псица
И в розах плиты старых стен
Скитальца монастырский плен...
А в небе – Розовая Птица.

Павия 20. XI. 29.[22]

<6>

"Schaht und Stern"[23]

Я был не глуп – чужим умом,
Не беден был – чужим именьем;
Пылал – соседским вдохновеньем:
А вдохновитель мой был – Флом.

Noli, на 24 октября 1930.[24]

[21] Ст-е видимо было приложено к письму Иванова к Ольге Шор от 18 ноября 1929 г. "Хотелось бы..." – так всегда, по её рассказам, начинал, ласково и застенчиво, все свои обращения к жене, детям, друзьям, её отец, Александр Соломонович Шор, профессор Московской консерватории, человек известный и уважаемый в музыкальном мире. "Памятные знаки" – термин из книги "Мнемология", над которой работала О. А. Шор. "Мрачно-тлеющею нивой" – эти годы, после окончательного выезда из России, были для Вяч. Иванова временем тяжелого внутреннего возврата к трагическим опытам последних лет в России. (Д. И.).

[22] Дарственная надпись на обороте фотографии, где Вяч. Иванов снят вместе с доном Нашимбене, гладящим собаку (помещена в "Воспоминаниях" Л. Ивановой и "Беседах с Д. В. Ивановым"). О. Шор просила Иванова увеличить снимок, чтобы сделать из него портрет (письмо 16 ноября 1929 и сл.). По поводу посвящения она замечает: "Птица восхищенно и умиленно прочла свое созвучие с Псицей, за что приносит глубокопочтимому милому ее сердцу Айлуросу свою многоптичью благодарность" (письмо от 3 декабря 1929 – РАИ).

[23] "Пропасть и звезда" (нем.).

[24] Флом – уменьшительное от "Фламинго", ср. письмо О. Шор к Иванову от 1 июля 1930 и письма Иванова к Шор от 25 сентября и 10 ноября 1930 в наст. изд.

<7>

L'angoisse du moment[25]

Бедный "автор" чуть не плачет,
Псевдонимом уши прячет,
А издатель – мочи нет!
– Тащит автора на свет.

24. VII. '31.[26]

<8>

Сотруднице

Философические блудни,
Логомахий линялый хлам,
Аналитические будни,
Мифологический бедлам –
И слог ходульный!.. Но страницы
Невнятной бормотни крыло
Горящей гостьи, Феникс-птицы,
Огнем и духом обожгло.

24. VII. '32.

<9>

Акростих дополнительный к "Сотруднице"

Горящей гостьи, Феникс-птицы
Ловлю, мудролюбивый кот,
Уроки, что теолог Тот
Преподал в уши ученице...
Ангелологий, мнемологий
Я кодекс проверяю строгий

[25] "Ужас момента" (фр.). Сравни письмо В. И. Иванова к О. А. Шор от 1 сентября 1930 г.

[26] Без даты и с разночтением в строке 2 опубликовано в кн. Л. Ивановой, с. 230.

По айлурическим моим
Ториям: все, вижу, – дым!..
И в миг лирический и цапкий
Царапнул бы я Птицу лапкой,
А может быть... Но умолчим!

Chief Cat.
24. VII. '32.

<10>

Фламинго, мой ручной эол,
Мне в чашку кофе дует.
Блажен, над кем прекрасный пол,
Заботливо колдует.
Загнал студентов в угол Кант, -
Махну рукой – мой адъютант
Им "Критики" толкует.

Имей досуг, имей талант,
Я исписал бы фолиант
О том, как он зимует
Со мною, зябкий Зарекрыл,
А все ж, Египта старожил,
По Ниле не тоскует.
И сладко тот, кого сам Тот
Учил уму, воркует;
А на лежанке дремлет кот
И в ус себе не дует.[27]

<Дону Джузеппе де Лука>

Ни богословская наука,
Ни мистики полнощный свет

[27] Написано в Павии, куда, на зимние месяцы, Ольга Александровна Шор приезжала и останавливалась в гостинице "Gambarana". Туда заходил Вяч. Иванов и Ольга Александровна угощала его кофием. Одной из обязанностей Иванова в Колледжо Борромео было помогать студентам в их филологических и философских работах. Когда слишком сложные для юных южных умов философские схемы затрудняли студентов, Иванов, занятый другими делами, просил О. А. Шор – хорошего знатока немецкой философской мысли – разъяснить им в главных чертах книгу Канта "Критика чистого разума" или другие его сочинения. (Д. И).

Вас не отнимут, Дон Де Лука,
У нас, затем что Вы поэт.

Мертвела б наших Муз обитель,
Наш храм словесный был бы пуст,
Без Вас, наш двигатель, живитель,
Наш Аристарх и Златоуст.

Пусть не ревнивая наука,
Ни мистики "надмирный" зов
Не уведут вас, ткач Де Лука,
Прочь от станка цветущих слов.[28]

<О. И. Синьорелли>

<1>

В альбом О. И. Синьорелли.

Тринадцать лет мы в радости, в печали,
В заветных снах друг другу отвечали,
Как ряби вод склоненье тростников, –
Аукались из облаков...
Не родина был мір нам, а дорога,
И встречный путник – предваренье Бога.

За шумною беседой, вдруг в тиши
Потусторонней, чужедальной,

[28] БА карандашом в папке II. Стихи, написанные в тоне "альбомном", сам монсеньер Джузеппе де Лука оценить не смог. По-русски он не говорил. Правоверный священник, эрудит, глубокий знаток западной мистики, но и внимательный наблюдатель современных литературных течений и мод, блестящий "causeur" и друг всех литераторов современной ему Италии, don (как все его называли) De Luca часто встречался с Вячеславом Ивановым в Риме, в 30-е годы переписывался с ним, питал к нему – "учителю " – чувство дружбы и высоко ценил доступные ему в переводах писания. Дон Де Лука и близкий друг его Дж. Папини – покровители молодого флорентийского литературного журнала "Il Frontespizio", усердно привлекали Вяч. Иванова к сотрудничеству в нем. В Де Лука Вяч. Иванов видел возможного итальянского Бремона, автора знаменитой книги о французской мистике. "Вы должны сделать для истории итальянской мистики, – говорил Вяч. Иванов своему итальянскому приятелю, – ту монументальную работу, которую произвел во Франции Бремон". Книгу такую Де Лука не написал, но задуманные и осуществленные им издания – серия "Edizioni di storia e letteratura" – стали главным и успешным делом его жизни. (Д. И.).

Душа, склонясь к биению души,
Так ловит ухом звон хрустальный
Неведомых ключей в лесной глуши,
Зов памяти первоначальной.

28 ноября 1937.

<2>

Ты, как шар бильярдный в лузе,
Улеглась на лаврах Дузе
И на Ангеловом пузе
Уж не блещешь, как брелок.

Есть и вольным бракам срок,
И семейственной обузе.
Ныне в тройственном союзе
Служите высокой Музе,
Бонза, ты, – Милош, и Хок.[29]

26. III. '44.

<Анне Ивановне Лозина–Лозинской>

<1>

Вы обручилися с Пространством
Кольцом волшебным – и места
Меняете с непостоянством
Живым как ветер и мечта.

Марокко, Нил, Техас, Канада
И лед арктических ночей

[29] Еще будучи молодым (но и тогда уже внушительно полным) профессор из южной Италии Анджело Синьорелли не скрывал свои свободолюбивые и анархические мнения, так что когда он решил связать свою жизнь со столь же молодой феминисткой О. И. Ресневич, они оба отказались от буржуазных свадебных формальностей; их друзьям была разослана элегантно напечатанная карточка, приглашающая на совместное празднование их вступления в "свободный союз". В этом браке они имели трех дочерей, но после долгой совместной жизни решили расстаться. Впоследствии Ольга Ивановна жила в старом римском районе Трастевере и близко дружила – платонически – с известным венгерским танцором и хореографом, балетмейстером Римской оперы Аурелом Милошом и с немецким художником и историком искусств Густавом Рене Хоке (Д. И.).

Равно забава иль услада
Девичьих выпуклых очей.

Вам весело с благоволеньем
В узоре волн ловить изгиб,
Пленивший Вас в нырке тюленьем
И в танцах эритрейских рыб.

Когда б приглядчивая Ева
Прошла, гуляючи в раю,
Как Вы, беспечно мимо Древа,
На плод любуясь и змею!

Покой Ваш возмутить бессилен
Румяный кубок всех отрав,
И взор внимательный умилен,
Как чист кольца волшебный сплав.

17 октября 1942 г.
Рим.[30]

<2>

Акростихи Фоки

Фантазия равна в Вас доброте,
Отзывчивость мелодии душевной.
Как Вас благодарить? Нет слов, иль все не те?
И как мне петь в ответ на Ваш привет напевный?

17 марта '44

<3>

Феи пенье ловит слух
Одарить меня слетает.
Кошельком лучи сплетает
И мимоз весенний пух.

28 февраля '44

[30] БА чернилами с карандашной правкой в папке II. В машинописной копии заглавие: "В альбом А. И. Л". А. И. Лозино-Лозинская, урожденная Щегловитая (1894-1970), и ее муж доктор Константин Константинович – многолетние римские друзья Вяч. Иванова. До их окончательной оседлости в Риме они много путешествовали в далеких странах, нередко в компании Николая Рериха. В семье Иванова прозвище Лозинской было "Фóки" (Д. И.).

<Сесилу Морису Боура>

Ad C. M. Bowra
Artis poëticae antistitem Oxoniensem
Disticha
(commentariolo subscripta)

Convivis mutis epuli, Musis peregrinis,
ore loqui suades, docte poeta, tuo.

Ecce alterna canunt vox surda et vocis imago
clarior, et formam reddit opus geminum.

Ast ego nostrates interpretor, aurea mutans
carmina in aes raucum, genti alienigenae.[31]

[31] БА карандашом в папке II.

Приводим также первоначальный вариант, БА чернилами на обороте того же листа, перечеркнут наискось карандашом:

Mutis in vestro thiaso Musis peregrinis
ore loqui suades, docte poeta, tuo.

Ecce melos recinit tacitarum vocis imago,
molliter et formam reddit opus geminum.

Ast ego nostrates interpretor, aurea mutans
carmina in aes raucum, genti alienigenae.

[*перевод*]

Музам немым, на пиршество ваше заблудшим,
Ты, о мудрый поэт, уста свои даришь для речи -
И песнь доселе молчавших раздается как эхо
ясное: так форму приемлет труд твой двоякий.
Я же лишь наших певцов прелагаю, меняю
Золото песен на хриплую бронзу, для инорожденных.

Cecil Maurice Bowra (1898-1971), известнейший классический филолог, в 1946-1952 профессор поэзии в Wadham College, в послевоенные годы был гостем Вяч. Иванова в доме на Авентине (см. I, с. 227).

[Перевод][32]

Оксфордскому жрецу поэтического искусства
C. M. Bowra
посвящается Дистих
(с небольшим комментарием)

Музам чужестранным, гостьям пира немого
Ты, о мудрый поэт, уста свои даришь для речи -

И, чередуясь, звучат то голос глухой,
то ясное эхо; так форму приемлет труд твой двоякий.

Я же лишь наших певцов прелагаю, меняю
Золото песен на хриплую бронзу, для инорожденных.

[32] Перевод А. В. Кейдана.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Микельанджело

Не сердце – сера! Пакли пылкий ворох
Плоть буйная; сухое древо – кость.
Бессилен дух, темницы знойной гость,
Страсть обуздать, горючую как порох.

Слепой хромец, мой разум, в тщетных спорах
С соблазном чувств, склоняется, как трость.
Дабы поджечь костер, Амура злость
Вздувает искры в нежных, долгих взорах.

Но для искусства я рожден; оно
Природу побеждает, коль дано
Художнику воззвать прообраз вечный.

Я не слепец, и память ту храню
К прекрасному горю любовью встречной:
Виной – Обрекший жизнь мою огню.[33]

[33] ЧА в РАИ оп. 1. Переводы. Папка III. Два сонета Микеланджело в ивановском переводе были напечатаны О. А. Шор в "Новом журнале", 100 (1970), с. 9; шесть других – О. Кузнецовой и А. Шишкиным в "Russica Romana" II, 1995, с. 266-268 (отметим досадную опечатку во второй строке ст-я "Согласно стародавнему присловью...": вместо "Кто может, тот и хочет" следует читать – "Кто может, тот не хочет"); об истории обращения Иванова к Микеланджело см. там же, с. 261–265.

В библиотеке В. Иванова хранятся несколько книг Микеланджело: 1. Rime di Michelagnolo Buonarroti raccolte da Michelagnolo suo Nipote. In Firenze appresso i Giunti con licenza de'superiori. MDCXXIII, на форзаце владельческая надпись; 2. Michelangelo poeta. Scelta di rime commentate ed illustrate da Fortunato Rizzi, con prefazione di Leonardo Bistolfi. Milano 1924, здесь на страницах алфавитного указателя (363-365) подчеркнуты следующие тексты: (1) Al cor di zolfo, a la carne di stoppa; (2) Caro m'e è 'l sonno e più l'esser di sasso; (3) I'ho già fatto un gozzo in questo stento; (4) Non ha l'ottimo artista alcun concetto; (5) Non vider gli occhi miei cosa mortale; (6) Per fido esempio alla mia vocazione; (7) Per ritornar là, donde venne fora

А. Мицкевич

Вечерний Разговор.
(Rozmowa Wieczorna)

С Тобою, Царь небесного чертога,
И мой смиренный Гость в лачуге духа,
Где Совесть бдит, крушася, у порога,
Могильной тьмы, меня покрывшей глухо,
Я говорю, – и речь моя убога,
Мой дальний Властелин, Сосед мой близкий,
Друг на кресте в моей юдоли низкой!

К Твоим истокам – солнечный изгнанник –
Мой добрый помысл – каждый луч возврата.
Твой блеск ловлю. Мой луч к Тебе посланник,
И вновь плывет Твой блеск реками злата
Горенье сердца чистое, твой данник,
Тебе несу, и не скудеет плата.
Из царственных сокровищниц отраду
Ты своему даришь слуге и чаду.

Мой Царь, – о, чудо, – раб мой! Не однажды
Я прободал Тебя на выси Лобной.
Удар копья – мой черный помысл каждый
В живые раны. Ярость воли рабской –
Как оцт устам, запекшимся от жажды, –
Мой купленик, доколь со мною в гробный
Не снидешь склеп... Но дай, чтоб твой мучитель,
Как ты, терпел, – как Ты, любил, Спаситель! [34]

(8) Qua si fa elmi di valici, e spade; (9) Signor, se vero è alcun proverbio antico; ряд аллитераций выделен карандашом (с. 113-114) 3. Poesie. Con prefazione di G. Amendola. Lanciano, R. Carabba editore, 1920.

[34] В оригинале А. Мицкевича – 43 стиха. В РГБ, 109.3.26, л.19 – черновой вариант.

DUBIA*

1

Живу, жду, уныва́ю, услаждаюсь,
Страшусь, надеюсь и несу утраты
И снова награжден за них трикраты
Прекрасным даром, коим побеждаюсь.

Всечастно вожделею и нуждаюсь,
Терплю, тружусь и домогаюсь платы
Заботы долу гнут мечты крылаты
Но горько в них в свой час разубеждаюсь

Мгновеньем легким горько услаждаюсь.[35]

2

Я чувствую, что было бы блаженней
Мне умереть. Земное исчерпал
Мой жадный дух. В лазурь бы я[36] упал
И льдинкою поплыл в реке весенней.

Но жаль тебя покинуть пред осенней
Порой дубрав.[37] Я б в колыбели спал
Дитя весны; а долу б ветр щипал
Иссохший лист. И стала б ты смиренней.

* Есть основание полагать, что перед нами переводные сочинения Вяч. Иванова. Их оригиналы мы не смогли отождествить.

[35] ЧА угасающим фиолетовым карандашом в папке П.

[36] *Было:* Я б в небеса.

[37] *Было:* земли.

Звала б меня и видела во сне[38]
С людьми, с собой боролся бы неровней
Как уголек, в запепленной жаровне

Хладеющей ты тлела в тишине.
Пусть в небесах была б ты ближе мне
Я на земле с тобой единокровней.[39]

[38] *Было:* Покорно б ты молилась обо мне

[39] ЧА карандашом с существенной правкой, на обороте – более ранние черновые варианты того же текста – папка II.

ВЯЧ. ИВАНОВ. “ЛЮБОВЬ – МИРАЖ?”

Предисловие Д. В. Иванова и А. Б. Шишкина

I. Д. В. Иванов. Фрагмент из воспоминаний

Скоро после приезда в Баку Вяч. Иванов начал по просьбе местного Наркомпроса активно следить за театральной жизнью города, заседая в соответственной комиссии. Занятия эти он вел параллельно преподаванию в университете. Они продолжали в некотором роде его деятельность в московском Театральном отделе. В Баку шла в те дни оживленная культурная жизнь, особенно блистала опера, где был хороший оркестр, появлялись, несмотря на трудные времена, знаменитые гастролеры. Помню, например, Собинова в “Лоэнгрине”, и Айсидору Дункан, импровизирующую античные танцы под пение “Интернационала”. Ставились в духе авангарда традиционные оперы. Вяч. Иванов выступал подчас с докладом до поднятия занавеса. Особенно дружеские отношения установились между Вячеславом, Лидией, ее учителем композитором Михаилом Поповым и главным режиссером городской оперы Николаем Николаевичем Боголюбовым. Так, во время одной из частых дружеских встреч возник неожиданный проект: поставить в Баку “оперетту”. Музыку должен был писать Михаил Попов, Боголюбов уже обдумывал детали оригинальной постановки, а Вяч. Иванову “заказано” было либретто. С суровым, однако, условием. Он получил от Боголюбова “повелительное роковое внушение”, так пишет он в предисловии, «заимствовать основу сюжета непременно из драмы А. И. Косоротова “Мечта любви”» (1911). Но тут же сам автор либретто добавляет, что “завязка” «нелюбимой “Мечты”» послужила лишь “отправным пунктом” написанной им музыкальной трагикомедии.

“Отправной пункт” привел поэта без замедлений к постоянно по-новому воплощающимся лейтмотивам его творчества. А путь к ним шел

через веселые, непосредственно одна другую порождающие перипетии театральной пьесы, жанр которой мы сегодня определили бы как мюзикл. Первые сцены разыгрываются в парижском кафешантане. Вяч. Иванов показывает его через призму азербайджанской столицы, многие намеки на бакинские реалии мелькают в стихах комедии, дует, например, на средиземноморских берегах свирепый каспийский ветер Норд. А на фоне всего действия живет Париж настоящий, в котором Вяч. Иванов часто бывал, где он чувствовал себя как дома и о котором часто вспоминал.

Чувство иронии – веселой, а не романтически горестной, любовь к словесной игре были всегда живы у Вяч. Иванова. Он много думал и писал о трагической природе жизни и судьбы человеческой. Но он знал также, что жизни и судьбе человек должен в конечном итоге говорить свое радостное "да". Больше всего он боялся и порицал смертный грех уныния. Смеха во всех его формах не боялся. Чувство юмора проявлял постоянно, и часто по отношению к самому себе... В семье, при строго закрытых для непосвященных дверях, Лидия, его дочь, была постоянным затевателем веселых игр, шарад, бесконечных экспромтов выдуманных жизненных хроник.

Публикуемая здесь пьеса не принадлежит только к жанру "шутливому". Что-то в ней глубоко трогало и автора, он сам не считал это произведение второстепенным, которого надо стыдится в обществе маститых академиков и мэтров. Так считали, однако, сами мэтры. Когда в 1924 г. Вяч. Иванов провел несколько недель в Москве до отъезда в Рим, во всех дружеских встречах и на общественных собраниях присутствующие просили его прочесть "новые стихи" .

– Нет! Что вы! Я стихов больше не пишу, – отмахивался он. – А вот я написал опереттку, и обязательно хочу ее прочитать,– говорил он, не замечая смятения слушающих.

II. А.Б. Шишкин. Судьба трагикомедии "Любовь – мираж?"

В Москве Вяч. Иванов читал свою пьесу неоднократно – у Чулковых,[1] у Гершензона,[2] в зале Цекубу. На каком-то из чтений присутствовал В. Э. Мейерхольд с З. Н. Райх; на двух чтениях – близкий к кругу П. А. Флоренского поэт и философ А. К. Горностаев (Горский). Осенью 1924 г. Московский художественный театр, а также один из драматических театров Тбилиси рассматривали возможность постановки пьесы на сцене.[3] О чтении пьесы в Цекубу и о том, что последовало за ним, подробно вспоминала Л. В. Иванова:

> В обширном зале собралось изрядное количество знакомых. Вячеслав читал, а я за роялем намечала музыку Михаила Попова и напевала главные мелодии. Стихи многих пленили и возникло желание сделать публичное чтение этой вещи. Помню, уже были назначены место, день и час, готовы программы и приглашения, и вдруг чтение было официально запрещено, а пьеса объявлена "аморальной".[4]

Не исключено, что запрещено было чтение оперетки в зале Академии Художественных Наук (ГАХН), которое должно было состояться 16 июля 1924 г.[5] Среди возможных причин запрещения могли быть нежелательные ассоциации с советской политической ситуацией, как это предполагает Р. Бёрд,[6] но до обнаружения соответствующих решений в архивах московской цензуры говорить об этом преждевременно.

[1] См. описание этого вечера в кн.: В. А. Мануйлов. Записки счастливого человека: Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов. СПб. 1999, с. 198.

[2] "Вчера он читал у меня свое последнее стихотворное произведение, род трагикомедии; много таланта, главное - восхитительные стихи. Заставь его прочитать эту вещь у д-ра Эйтингона, как в прошлом году Ремизов читал своего Петьку", - писал 16 июня 1924 г. М. О. Гершензон к Л. И. Шестову (М. О. Гершензон. Письма к Льву Шестову. Публ. А. д'Амелиа и В. Аллоя // Минувшее. 6, с. 302).

[3] Письмо О. А. Шор к В. И. Иванову от 9 октября 1924 в наст. изд.; а также Н. Котрелев. Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким. К истории журнала "Беседа" – Europa Orientalis XIV (1995:2), с. 188, 203. Далее ссылки на эту статью даются в тексте.

[4] Л. Иванова. Воспоминания. Книга об отце. Париж 1990, с. 124.

[5] Протокол заседания Президиума РАХН от 8 июля 1924 - РГАЛИ ф. 94 оп. 1 ед. хр. 24 л. 117. В РАИ (оп. 2 № 5) сохранилось заявление Иванова в Гублит :

Прошу разрешить прочтение моей трагикомедии "Любовь – мираж" в зале Академии Худ<ожественных> Наук с тем, что на предмет сценической постановки названной пьесы будет возбуждено мною особое ходатайство.

10. VII. 1924. Пречистенка 16, Цекубу. Вячеслав Иванов.

[6] Р. Бёрд. Вяч. Иванов и советская власть (1919-1929) // НЛО 40 (1999), с. 322, прим. 3.

О дальнейшей судьбе оперетки Вяч. Иванов продолжал думать по пути в Италию. В первую очередь ему хотелось напечатать пьесу, хотя и ее театральная постановка не представлялась невозможной. В Риме Иванов оказался в начале сентября 1924 г., а уже 25 сентября писал М. Горькому в Сорренто, предлагая напечатать "Любовь – мираж?" в составлявшемся Горьким журнале "Беседа" (примечательно, как подробно счел нужным Иванов объяснять особенность жанра своей пьесы):

> Желал бы я услышать от Вас, как Вы относитесь к моему сотрудничеству <...> Я переслал бы Вам для " Беседы", прежде всего, цикл сонетов и, быть может, целую пьесу, "музыкальную трагикомедию", род опереттки, но своеобразный, полушутку сатирического характера, полумелодраму в трех актах, стихотворный текст которой мог бы быть напечатан независимо от перспектив театральной постановки, если бы он пришелся Вам по сердцу и заслужил Ваше одобрение (с. 186).

Отзыв Горького, прочитавшего "Любовь – мираж?", был кратким, решительным и очень энергичным:

> К сожалению, оперетта Ваша не может быть напечатана в "Беседе". Рукопись возвращаю. Не соблаговолите ли прислать стихи? (М. Горький – В. И. Иванову 10 октября 1924 – с. 189).

В безоговорочном суждении маститого писателя Вяч. Иванов был задет – как справедливо отмечает Н. Котрелев – "прежде всего невыясненностью оснований, по которым Горький отверг его пьесу" (с. 189). Прося Горького высказаться "со всею откровенностью" о пьесе, Иванов спрашивал его в письме 16 октября 1924: "Мне очень хотелось бы знать, что именно или что особенно Вам было не по душе: политика? мораль? литература?" (с. 190).

Горький ответил обстоятельно и даже комплиментарно: его отказ печатать пьесу вызван заботой о добром имени автора. То есть вопрос о "политике" или "морали" вообще не стоит: просто сочинение Иванова является неудачей. Этот ответ Горького 19 октября 1924 г. стоит процитировать полностью, чтобы читатель сам решил, лукаво или искренне писал соррентинский житель:

> Уважаемый Вячеслав Иванович, –
>
> исполняя желание Ваше знать мою оценку "оперетты", отвечаю, с уверенностью, что Вас не обидит моя откровенность.
>
> Оперетта не понравилась мне. Более того: вызвала у меня недоумение. У меня к Вам издавна, еще с "башни", родилось чувство уважения; мне кажется, что я не плохо понимаю Вашу роль в истории русской поэзии и литературы, – роль мастера, учителя, вождя. Мне было странно – видеть Вас, аристократа духа, рядом с Косоротовым, которого я знал, как человека

> бездарного, хотя – интересного. Стихи оперетты тоже показались мне не Вашими, лишь изредка сверкало среди них золото Вашего стиха. Мне показалось даже, – извините дерзость! – что способствуя, хотя и косвенно, опубликованию этой Вашей шутки, я окажу Вам плохую услугу. В эти мрачные дни, когда все так зло оскалили зубы и рычат друг на друга, некоторые из литераторов не преминут броситься на Вас со всею силой своего злорадства. Вот соображения, которые понудили меня отказаться от оперетты. Возможно, разумеется, что они неуместны; Вы – слишком крупное имя и отвечаете сами за себя. Так, но – все-таки мне что-то мешало и это "что-то", мне кажется, не должно обидеть Вас, ибо оно возникло из пиетета к Вам (с. 190-191).[7]

История рецепции современниками ивановской трагикомедии, однако, на этом не закончена. В 1925 или первой половине 1926 г. по инициативе А. К. Горностаева в Москве было устроено еще одно чтение пьесы. Декламировала пьесу О. А. Шор, присутствовало немногочисленное общество. «Пьеса произвела потрясающее впечатление своей трагической частью. "Ну и опереттка, – вздохнул кто-то, – мороз по коже дерет; ну и опереттка!"» – сообщала Вяч. Иванову О. Шор в письме от 30 июля 1926 г. Некоторые из присутствовавших на чтении решили переслать автору пьесы свои впечатления.

Наиболее интересный из этих отзывов принадлежал Горностаеву. В нем, в отличие от других, известных нам, был опознан жанр и литературная генеалогия пьесы, оправдана возможность одновременного существования шутливого, пародийного и возвышенного, услышана даже своевременность, актуальность ее идеологического содержания. Заключался отзыв Горностаева внятным намеком на ужесточение политического режима, когда думать об издании и театральной инсценировке уже не приходилось:

> Дорогой Вячеслав Иванович!
>
> Я уже третий раз слышу чтение Вашей пьесы – этой комической мистерии огромнейшего захвата, которую можно поставить в ряд только с такими вещами, как "Белая лилия" Влад. Соловьева или "Незнакомка" Блока. После смерти Есенина, после его "Черного человека", как зазвучали строки о самоубийственном народе – и множество других. Хотелось чтобы всё это услышали со сцены. Но найдется ли театр, способный передать весь заряд пьесы?

[7] В письме к Ал. Чеботаревской от 21 октября 1924 г. Вяч. Иванов сообщал: "Максим Горький, который пишет мне милые письма из Сорренто, взял для 'Беседы' мои стихи, а от опереттки отказался". Далее Иванов привел почти полностью весь отзыв Горького, от слов "мне кажется, что я не плохо понимаю" до "Возникло из пиетета к Вам" (ИРЛИ ф. 189, № 92, л. 47 об).

Не знаю, как Вы сами смотрите на свое произведение, но мне оно представляется в некотором роде сгустком тех лейтмотивов, которые звучали у Вас на протяжении всего поэтического пути. Если Вы помните нашу единственную встречу с Вами и беседу в апреле 1914 года, то не будете отрицать, что Вам сейчас пишет один из самых внимательных Ваших читателей.

Я радуюсь безмерно за Вас как художника и поэта, после создания "Любовь – мираж". Вместе с тем, возникают и опасения уже иного порядка, о которых сейчас говорить не приходится, но хотелось бы остановиться на них уже при новой личной встрече. А. Горностаев.[8]

В реакции Вяч. Иванова на коллективное письмо почитателей его трагикомедии звучала легкая ирония по поводу суда Горького, но также и другая нота:

[8] РАИ оп. 2 № 5. Приводим также отзывы остальных участников чтения:

"Дорогой Вячеслав Иванович,

Сегодня имела счастье во второй раз прослушать Вашу трагикомедию "Любовь – мираж", и во второй раз спрашиваю, за что меня судьба так балует!? Узнаю Вас всего в этой вещи. Ни минуты не сомневаюсь, что эта вещь должна привиться на сцене, но не могу себе представить никого, кто мог бы справиться с ней. Невольно приходит в голову Чехов. Не Станиславский, а Леонидов.

Жалею, что не могу передать Вам все, что хотелось бы. Это обошлось бы мне ценою бессонной ночи. Скажу только одно, через сколько бы лет, где бы мне ни прочли эту вещь, я бы сказала, что написать ее могли только Вы. Придаю ей колоссальное значение и благодарно жму Вашу руку... М. Кокошкина.

Жалею, что Вы не присутствовали при чтении; Ольга Александровна ее так бесподобно прочла, что желала бы ее видеть в нехудшем исполнении.

Как ей, так и Вам большая благодарность. М. Кокошкина".

"Я, в качестве секретаря, написавшая первую часть письма, выражаю Вам и свою глубокую благодарность. Может быть, Ваша вещь особенно много дала сейчас именно мне, войдя в орбиту моих сегодняшних вопросов и переживаний и давая им несколько двусмысленное как все <в> этом мире, но такое глубокое и изящное разрешение. Как артистка, нахожу Вашу трагикомедию глубоко сценичной, все типы совершенными в своем художественном абрисе: я думаю, что постановка ее была бы в Москве настоящим событием, если бы найти режиссера, который сумел бы войти во все философские тонкости и понять Ваш чудесный психологический символизм. Желаю этого от всего сердца...Т. Беретти".

"Сердечное спасибо Вам, дорогой Вячеслав Иванович, за радость, которую дал мне сегодняшний вечер – слушая Вашу вещь, все хорошее и не нашедшее разгадки, все то, чем всегда полна душа русской женщины, встрепенулось и ожило... Спасибо! Н. С.".

"Слушал с восхищением и очень благодарен. С. Соколов".

"Примите горячую благодарность от человека, уставшего от стихов и споров, великих и малых "деятелей" искусства, благодарность за самое редкое, что можно здесь услышать: простые, свежие, верные и большие слова <подпись нрзб.>".

> Только что получил Ваше письмо <...> со вложением коллективного привета по поводу пропагандируемой Вами (зачем?!) моей трагикомической шутки. Я глубоко благодарен ее друзьям за их ласку и plausus,[9] но далеко не уверен в том, они ли правы или Максим Горький, столь высоко меня оценивающий, что шутку эту он считает недостойною моего пера и меня, как "учителя"... (письмо к О. Шор от 9 августа 1926 г. – наст. изд.).

Кажется, что Вяч. Иванов решил не возобновлять больше попыток издать оперетку. Заботы о ее выходе в свет теперь были отодвинуты на второй план другими литературными и научными проектами, издательская судьба которых была достаточно непростой: достаточно сказать, что философская поэма "Человек" дождалась публикации только в 1939 г., а книга стихов "Свет вечерний" вышла и вовсе после смерти поэта.

* * *

Можно думать, что из трех названных Вяч. Ивановым аспектов – "политика", "мораль", "литература" – для современников в приятии или осуждении пьесы наиболее существенным являлся последний: собственно "литература". Для того, чтобы пояснить, каким образом именно словесная форма пьесы могла вызывать у некоторых из них (и не только у такого заматерелого реалиста, каким был Горький) нарекания, необходимо краткое историко-литературное отступление.

Ивановская оперетта принадлежит к особому литературному виду русского символизма: внешне легковесному и несерьезному, ироническому и пародийному иногда до гротеска. В пьесе "Любовь – мираж?" местами открывается двойной план, двойной прицел автора, первый – предельно земной, плотский, нередко эротический, приземленный до пародийности, второй – уходящий в "четвертое измерение", в трансцендентное. Последняя, самая глубокая идея о мире и бытии, которая даже у романтиков обычно заботливо прячется и скрывается, тут подвергается жесточайшему испытанию, будучи явлена миру в ироническом, пародийном, даже шутовском виде.

Неодноплановый смысл ивановской "шутки" особенно заметен, если мы припомним комическую иронию Владимира Соловьева, "духовного отца" русских символистов. В поэме "Три свидания" (1898), написанной в парадоксальном комическо-ироническом ключе, изображено, по собственным словам автора, самое важное событие в его жизни. "И тем не менее – все это сплошная ирония и как бы насмешка над самим собою. На самом деле это даже и не ирония, а просто свободное и беззаботное само-

[9] Одобрение (лат.).

чувствие на основе достигнутой и непоколебимой истины", – комментировал А. Ф. Лосев.[10]

То же касается и другого соловьевского сочинения – шуточной пьесы "Белая лилия" (1878-1880). Горностаев, почувствовавший родство "Любовь – мираж?" с шуточной пьесой Вл. Соловьева, оказался весьма проницателен. В истории главного героя Вл. Соловьев иронически изобразил собственные духовные и философские искания вечной женственности (ср. строку "Так вечно женственное нас возносит" в ивановской оперетте). Эта автоирония Соловьева была тем более оправдана, что в Ветхом Завете антагонистом Софии, парадоксально и пародийно симметричным ей, является блудница.[11] В прологе к "Белой лилии" – действие его происходит в трансцендентном "четвертом измерении" – пародировался разговор Бога и Мефистофеля из "Пролога на небесах" Гете. Шуточный аналог этого находим в "Авиопрологе" оперетки: перед нами новый люциферический герой современности, всемогущий американский бизнесмен Сам. В аэроплане "со своей свитой", "как некий демон", он "летает над подлунным миром". В свите Сама, как делается известным далее, – два негра (пара черных "ефиопов", согласно древнерусской традиции, сопровождает душу в загробном мире "мытарств").

Показательно, что "Белая лилия" немало шокировала С. М. Соловьева, племянника философа, также поэта, в юности близкого друга А. Блока и А. Белого. В своем жизнеописании Вл. Соловьева С. М. Соловьев с недоумением отозвался о "Белой лилии": "очень странная пьеса", "шутки самые грубые, развязные и иногда циничные, крайняя нелепость и чепуха переплетаются в ней с той же мистикой Софии", "философские стихи ... перемешаны со всякой чепухой."[12] Этот отзыв датируется началом 1920-х годов и бросает косвенный свет на недоумение иных современников по поводу ивановской "шутки".

Не менее интересным может оказаться сопоставление оперетки Иванова с пьесой А. Блока "Незнакомка" (1907), предложенное тем же Горностаевым. Главный вопрос, который постоянно обыгрывается то в пародийном, то в высоком драматическом плане ивановской оперетки, обозначен ее названием: "Любовь – мираж?" Или, переведя его на язык более философический: жизнь иллюзорна и потому бесцельна или причастна к онтологическому бытию? Что ближе к его высшей сущности – ис-

[10] А. Лосев. Вл. Соловьев и его время. М. 1990, с. 647.

[11] С. С. Аверинцев. Премудрость в Ветхом Завете // Альфа и Омега. Ученые записки Общества распространения Св. Писания в России. 1 (1994), с. 29, 34-36.

[12] С. М. Соловьев. Жизнь и творческая эволюция Вл. Соловьева. Брюссель 1977, с. 175.

кусство или повседневная жизнь? Искусство – иллюзия, или содержит в себе – пусть лишь в какой-то мере – энергию и правду жизни? Или поиски человеком своего счастья приводят его к обманчивому миражу, скрывающему за собой "смерч", "смерть", "смех волшебницы Морганы", как говорят неожиданно пронзительно-трагические строки последнего монолога Крушинина "Лишь вечер настает..." "Неопределенная серая фигура" нашептывает страшный своей безвыходной многозначительностью ответ:

Любовь – мираж. Отец – пустыня,
Сын – путник. А Мария – смерть.

Наверное, неслучайно, что главная героиня здесь именуется Марией – именем, которое так много значило для петербургских символистов, чтителей лика вечной женственности, красы мира... «Дай вспомнить. В небе, средь звезд, Не носила имени я... Но здесь на синей земле, Мне нравится имя "Мария"... "Мария" – зови меня», – говорит блоковская Незнакомка, которая так и покинет землю неузнанной...

Вместе с этим – и снова здесь прав Горностаев – в оперетке Вяч. Иванова присутствуют лейтмотивы его поэзии 1900–1910 гг. Несмотря на ряд сближений с Вл. Соловьевым и А. Блоком, Вяч. Иванов в ней избрал собственный путь, и его философские и эстетические решения были другими.

Со всем этим очевидно, что оперетка шла против главной тенденции советской литературной культуры, которая стала набирать силу и влияние с самой середины 1920–х гг. , когда "простота, привычность, свобода от сложных историко-культурных ассоциаций воспринималась как большое достоинство".[13] Хотя элементы поэтики символизма были восприняты иными из последующих литературных поколений, ключ к прочтению символистских текстов уже был утрачен. Вкусы людей круга Флоренского, к которому принадлежал и Горностаев, все более представлялись исключением из общей нормы. Насколько проницателен был Виктор Мануйлов, сказав на обсуждении оперетки у Чулковых, что "Любовь-мираж?" успеха иметь не будет – но не потому, что эта "шутка" недостойна "мастера, учителя, вождя", – а потому что "либретто написано настолько умно и тонко, что оно не дойдет до публики"![14]

[13] М. Л. Гаспаров. Очерк истории русского стиха. М. 1984, с. 258.

[14] В. А. Мануйлов. Записки счастливого человека, с. 98.

Печатается впервые; оригинал представляет собой машинопись, 65 листов, с правкой автора на русском, французском и английском языках; титульный лист, перечень действующих лиц, предисловие и “авиопролог” – беловой автограф: РАИ оп. 2 № 5. Фрагменты пьесы по оригиналу РАИ были опубликованы в IV, с. 198 (“Кормит нас море родное...”), в кн. Лидии Ивановой “Воспоминания. Книга об отце”, Париж 1990, с. 115–119 и в кн. М. Л. Гаспарова “Стих 1890-х – 1925-го годов в комментариях”. М. 1993, с. 195-196 (“Мерцает огонек на мачте корабля...”) – по копии из РГАЛИ ф. 130 оп. № 100). В ИРЛИ, ф. 607 № 377, хранится отдельный разрозненный лист из первоначального рукописного автографа.

ЛЮБОВЬ – МИРАЖ?

или:

Филантропические похождения дяди Рока.

Музыкальная трагикомедия

в трех действиях.

Вячеслав Иванов

Предисловие

На совести моего уважаемого приятеля, известного оперного режиссера Николая Николаевича Боголюбова, желавшего, по-видимому, испробовать на мне свой способ лечения ипохондрии, – на его совести, заявляю я, тот сомнительный факт моей литературной биографии, что во время совместного пребывания нашего в городе Баку, я, поддаваясь его упрямой прихоти, написал эту полу-шутливую, полу-печальную пьесу по канону оперетты-мелодрамы. Легкомысленные куплеты и чувствительные дуэты немедленно, вдохновенно и весело, облекались в столь же "каноническую" музыку другим моим добрым приятелем и явным сообщником первого, профессором бакинской консерватории Михаилом Евгеньевичем Поповым. На совести Н. Н. Боголюбова и "авио-пролог", им – как картина – придуманный, и ... – но эту последнюю вину мне всего труднее ему простить! – повелительное и роковое внушение: заимствовать основу сюжета непременно из драмы Косоротова "Мечта Любви". Скованный тягостными узами с нелюбимою "Мечтой", напрасно я объявлял ей войну на взаимоистребление: все же ее завязка послужила мне отправным пунктом. Чтò из всего этого вышло, пусть судят те, коих может занять произведенный нами опыт химического превращения элементов.

Рим, 1 октября 1924. В. И.

Действующие лица:

Крушинин, молодой русский “скиталец” из обеспеченных, эмигрант.

Бортищев, русский дворянин из беззаботных, эмигрант.

Кинташев, кавказский нефтепромышленник, эмигрант.

Мистер Сам, американский миллиардэр.

Мари Бланпре, француженка, певица.

Нуну, француженка, шансонетная певица.

Мисс Примроз, англичанка, шансонетная певица, гастролирующая в Париже.

Мисс Прикль, ее компаньонка.

Господин с орхидеей в петлице.

Конферансье.

Мэтр д'отель и *гарсоны* кафе-шантана.

Пилот и *радиотелеграфист* мистера Сама.

Томми и *Джонни*, негры, слуги Сама.

Бульвардье и *дамы полусвета.*

Норманские рыбаки и крестьяне.

I^ое^ и III^е^ действия в богатом парижском кафе-шантане на Елисейских Полях; действие II^ое^ на пляже в Нормандии; авио-пролог в облаках над океаном.

Авио-пролог

Музыка увертюры, задев несколько лейтмотивов пьесы, вырывается ввысь и купается в свободном воздушном пространстве, где вскоре, однако, явственно различается гуденье пропеллера. На внутреннем занавесе вырисовывается аэроплан, в котором мистер Сам со своею свитой, как некий демон,[1] *летает над подлунным миром. Музыка стихает, но не прекращается в течение недолгого и отрывистого разговора летчиков.*

Мистер Сам

Где мы?

Пилот

Над серединой океана.

Мистер Сам

Что там, внизу?

Пилот

Нордост и шторм.

Мистер Сам

Ол-райт…

Курс акций?

Радиотелеграфист

Все растет.

Мистер Сам

Ол-райт.

Пилот

В Россию?

Мистер Сам

Рано.

Туда, где веселей.

Пилот

В Париж?

Мистер Сам

Ол-райт!

Видение аэроплана исчезает. Музыка крепнет, снижается и постепенно переходит в мелодии шантана. Занавес поднимается.

Действие I^ое^

Зрительный зал блестящего кафе-шантана, с эстрадою в глубине. Партер и наполняющая его нарядная публика видны лишь отчасти или только угадываются за парапетом ложи, которая, вместе с отделенным от нее портьерами салоном, занимает переднюю часть сцены. В ложе ***Кинташев, Бортищев, Крушинин и Нуну****. С эстрады уходит с ужимками гривуазная певица в откровенном туалете. Шум разгулявшейся толпы переходит в пение.*

Публика *(хор)*

Вечерами
Над толпами
Нам горит маяк,
В заломленных шапо-кляк

Манит гуляк.
Меж платанов
И каштанов
Вдаль звенит канкан:
Для сердца кто обманов ждет,
Идет в шантан.
Здесь мы жадною грудью вдыхаем
Наши чувства нежащий дурман.
Милых женщин вольно мы ласкаем:
Легок нрав их, сладостен обман.
В танце медлительном пары сплетаются:
Бабочки кружатся так у костра.
Влажные очи в глаза улыбаются,
Томные жгут и томят до утра.
В вихре пьянительном пары слипаются,
В пахнущем пряно тумане плывут;
Дерзкие очи в глаза улыбаются,
Негу сулят, и ласкают, и лгут.
Вечерами
Над толпами
Нам горит маяк,
В заломленных шапо-кляк
Манит гуляк.
Меж платанов
И каштанов
Вдаль звенит канкан:
Для сердца кто обманов ждет,
Идет в шантан.

Господин с орхидеей в петлице смокинга вскакивает на эстраду с бокалом вина в руке и принимает позу оратора, готовящегося произнести тост. В публике восклицания: "внимание", "тост", и звон хрусталя.

Господин с орхидеей

Париж салон гризеток,
Столица шансонеток,
Лукавых женских чар –

Публика *(хор)*

И Фошевых фанфар.

Господин с орхидеей

Париж, затейник, модник,
В румянах светский сводник,
Всесветный Альказар.

Публика *(хор)*

Ха, ха, ха, ха. Ха, ха, ха, ха,
Париж – всесветный бар!

Господин с орхидеей

Мы, рыцари безделья,
Пока в чаду похмелья
Не смыл девятый вал –

Публика *(хор)*

Вздор, нынче карнавал.

Господин с орхидеей

Наш ветхий мир в пучину,
Отпразднуем по чину
Интернационал.

Публика *(хор)*

Ха, ха, ха, ха. Ха, ха, ха, ха.
Интернационал!

Господин с орхидеей

Не третий, пролетарский,
Банкирский наш и барский!
Нам Ленин – Пуанкаре…

Публика *(хор)*

С партнерами в игре.

Господин с орхидеей

Звучат аккордом мира
Франк, шиллинг, доллар, лира,
В беспечном кабаре.

Публика *(хор)*

Ха, ха, ха, ха. Ха, ха, ха, ха.
В богатом кабаре.

Господин с орхидеей

Здесь претенденты в ссылке
(Они не слишком пылки),
А царь царей Ваал.

Публика *(хор)*

Иль, проще: Капитал.

Господин с орхидеей

Здесь наций грани стерты…
Да здравствует четвертый
Интернационал!

Публика *(хор)*

Ха, ха, ха, ха. Ха, ха, ха, ха.
Интернационал!

Господин с орхидеей *(кричит)*

Итак, messieurs, dames:
(запевает)

Рантье…

Публика *(хор)*

Рантье всех стран соединяйтесь,
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, –
В интернационал!

Шум, крики.

Конферансье

Британии певучая звезда,
Прекрасная мисс Примроз, господа,
Любителям морского спорта смелым
Споет и голосом, и бесподобным телом –
О розовой жемчужине морей.
Перл в раковинке спит, но пред ловцом, отважно,
Ныряющим на дно стихии влажной,
Та раковинка не замкнет дверей…
Спортсменов комильфо, из тех, что холят ногти,
Певица приглашает к файв-о клок-ти.

Аплодисменты; крики: "браво", "ол-райт", "мерси"

Мисс Примроз

(поет и выразительно танцует).

I'm a fair and gentle girl
Like a rose-coloured pearl.
My shelter is my pretty shell,
But for the divers plunging well
I may not close my house nor lock.
You, lovers of sea,
For a cup of tea
Are invited at five o'clock.[2]

Буря восторгов.

(кончает)

Exactly, please, at five o'clock.[3]

(Уходя с эстрады, еще раз оборачивается к публике)

Yes, I'm at home at five o'clock.[4]

Шумные вызовы.

Кинташев, взволнованный, вбегает из ложи в салон и торопливо звонит лакею, который перед ним выростает.

Кинташев

Гарсон, снесите карточку той мисс,
Которую так просят спеть на бис,
Отужинать сюда её зовите,
Скажите,
Что в ложу пригласил ее король…

Гарсон *(в сторону)*

Гм, чищенный.

Кинташев *(про себя)*

Смеется, ма пароль,
Мне под нос плут.

(вслух)

Я говорю: король
Кавказской нефти… Поняли? Успешно
Исполните наказ, еще луи!

Гарсон

Ah, oui!

Parfaitement, monsieur.[5]

Кинташев

Да спешно, спешно, спешно!

Из ложи входят в салон ***Бортищев*** *и* ***Нуну. Кинташев*** *устремляется им навстречу, в ложу.*

Кинташев

Да-ка̀по, бис… Куда ж вы, господа?

Бортищев

С меня довольно. А танцует мило.

Нуну *(к Кинташеву)*

Скажите, мой набоб, чем вас пленила

Британская полузвезда.

Кинташев

Как чем? Коленями.

Нуну

Вам нравятся колени?

Кинташев

Классически-прекрасные.

Нуну *(слегка передразнивая Кинташева)*

У мисс

Классически прекрасные колени?

Кинташев

Нет равных.

Нуну *(удерживая его)*

А мои? Сравните! *(хочет приподнять юбку.)*

Кинташев *(вырываясь)*

После. Бис!

Бортищев *(увещательно)*

Нуну!

Нуну

Я не хочу быть жертвой оскорблений.

Сравните тотчас, если вы могли…

Бортищев *(отводит Нуну за ушко)*

Пусти его, Нуну, и с юбкой не шали.

Кинташев, освобожденный от Нуну, бежит в ложу. Бортищев ласково усаживает Нуну на диван.

Нуну

Что за повадки,
Ревнивец гадкий!

Бортищев

Не злись, мой ангел, и меня не зли,
Сейчас укол пушинкой перевяжем:
Обидчик должен быть наказан… франков, скажем,
На тысячу. Согласна?

Нуну *(обиженная)*

Да… Обяжем
Его мы по суду? Мои колени, ведь,
Мне сам ты говорил…

Бортищев

Я говорю: медведь.

Нуну *(озабоченно)*

Но как его мы штраф платить принудим?

Бортищев

То мой секрет. Теперь о том забудем,
И ты о ссоре – ни гу-гу…

Кинташев суетливо пробегает из ложи через салон в дверь.

Нуну *(продолжая дуться)*

Так поцелуй меня.

Бортищев *(зевая)*

Лень, право не могу.

Нуну *(с живостью)*

Тогда медведь ты сам, как все твои родные,
Из недр Московии медведи выписные.

Бортищев *(с неудовольствием)*

В Париже я – Парижа сын,
И не хочу быть московитом.

Нуну

Лесов косматый гражданин
Не прочь у нас прослыть космополитом…
Я песенку сложила про запас,
Спляши ее, – она к лицу тебе как раз.

Нуну накидывает на Бортищева одну из разостланных медвежьих шкур и водит его за собою, приплясывая по сцене.

Нуну

Медведь-московит
Сонливый, ворчливый,
А все, похотливый,
К сластям норовит.
Косматою лапой
Ты меда не хапай,
Шатун косолапый:
Порхнет из дупла,
Ужалит пчела.

Бортищев

Нуну, я ручной,
С кольцом под губой
Медведь твой цепной.

Нуну

Пляши же за мной.

Бортищев *(нехотя)*

Медведь-московит
Сидел на престоле:
Охотником в поле,
Затравлен, лежит.
Ревет сквозь решетку
На старую тетку
Entente – счетоводку
(На новую нотку),
И бешен, и дик,
Мой кум-большевик.

Нуну

Ты вижу ручной,
С кольцом под губой,
Медведь мой цепной.

Бортищев

Пляшу я, ты пой.

Нуну

Медведь-московит, –
Под белой ли шкурой,
Под шкурой ли бурой,
Свое норовит.
Все ломит и гнет он,
И топчет и мнет он,
Хрустит, что сожмет он,
Мужик или царь,
Бояр иль бунтарь.

Бортищев

Нуну, я ручной,
С кольцом под губой
Медведь твой цепной,
Пляшу за тобой.

Нуну

А впрочем, эмигрант и дворянин, приветом
Закончу я, желая в вас польстить
Медведю русскому, ленивцу ж отомстить:
Вив РСФСР! Вся власть советам!

Убегает, показывая Бортищеву длинный нос. Он принужденно смеется. В салон из ложи входит ***Крушинин.***

Бортищев

(зевает, растянувшись на диване).

Какая скука.

Крушинин

В самом деле
Тоска берет.

Бортищев

А лучший ведь шантан.

Крушинин

Мне и шантаны надоели…
Во мне ль самом какой изъян,
В быту ли нашем, в нашем веке, –
Но только русская хандра
Со мной спаслась из русского костра
И с ней – мечта о человеке.

Бортищев

Философ ты. Славянофил.
Поэтов, может быть, досужий подражатель,
Того ль, кто про "Закат Европы"[6] протрубил,
Насупившийся почитатель;
А я – беспечный обыватель,
Чуть-чуть объевшийся, скучающий чуть-чуть,
Которому равно кутнуть или вздремнуть.

Крушинин

Нет, *я* мечусь как в лихорадке,
И праздно мысль кипит, а воля отнялась,
Как будто жизнь со мной жестоко обошлась,
А сам здоров, богат, с меня и взятки гладки.
Но… порвала ль душа былую с миром связь, –
Все люди, все слова, все женщины мне гадки.

Бортищев

Ну, женщин разлюбить – жизнь разлюбить совсем,
И злит меня Нуну, а мне с Нуну эдем…
Немного скучный все-ж…

Крушинин

Когда б не скучно было
И, сладострастием насытясь, сердце жило!
Я женщину зову, но цельную, одну,
В которой бы нашел гетеру и жену.
Да нет ее нигде: глянь, всюду иль вакханка,
Наложница твоя, иль чинная мещанка.

А я… ведь, я один, причудливо-двойной,
С безумной плотию, с душой моей больной.
Не нравится мне чувственность нагая
И этот раззолоченный притон…

Кинташев *(суетливо вбегая)*

Гарсон, гарсон.

(гарсон появляется)

Зовите мэтр-д'отеля.

(гарсон исчезает)

Дорогая,
Она согласна: ужинать придет!
Что за колени! Верьте, даже в пот
Ударило… Но сколько нас? Их двое,
Она и компаньонка (*к Бортищеву*). Ты. Нуну.
Крушинин, сердце ваше все в покое?
Без дамы вы, один? Не клонит вас ко сну?

Крушинин

Один… А, впрочем, нет. На всякий случай…
Пардон! *(смотрит на афишу):*
"Голубка так под грозовою тучей"…
"поет Мари Бланпре"…

Голоса из публики

ça n'est pas rigolo![7]

(некоторые выходят из залы).

Мэтр д'отэль *(входя в салон)*

Hors d'oeuvre:[8] свежие, месье, из Сан-Мало…[9]

Крушинин

Лирический романс.

(направляется в ложу).

Бортищев

Силянс.

Кинташев *шепчется с* ***Мэтр-д'отелем****, который, получив приказания, уходит, потом усаживается в ложе.*

Мари Бланпре

(на эстраде поет).

Comme une colombe,
Blanche dans l'orage
(Sinistre présage!)
En tournoyant tombe,

Telle est, mon chéri,
Ma vie assombrie.
Mon aile est meurtrie:
Donne-moi l'abri!..

Sous un lourd nuage
Je tournoie et tombé
(Oh, funeste outrage!),
Comme une colombe
Blanche dans l'orage.[10]

Умеренный успех. Крушинин входит в салон.

Крушинин

В ней что-то есть, что трогает меня.
Едва не сорвался в рыдание, звеня,
Прелестный голосок.

Бортищев

Понравилось? Задело?
Пошли ей карточку. За чем же стало дело?

Крушинин

Подумаю… Гарсон… Нет, лучше сам схожу.

(уходит в дверь).

Бортищев

А я до ужина прилягу, полежу.

(ложится на диван).

Мари Бланпре

(на эстраде, поет).

Любовь – мираж. И кто набрел в пустыне
На ржавый ключ и чахлых пальм чету,

Не жаждет он и не зовет отныне
Представшую так явственно мечту.
Вчера в глазах кочующего стана
И вод живых, и рощ струился Май
То путникам волшебница Моргана
Несбыточный приоткрывала рай.
Любовь – мираж, и кто в ее обманы
Уверует, – в песках погибнет он…
А сердце все волшебницы Морганы
Прельстительный лелеет втайне сон.

Не дожидаясь знаков одобрения, вдруг меняет тон и позу и начинает удалую вызывающую песенку.

Эй, не все лозы шампанской
Бош повытоптал ростки!
Раскормясь крупой германской
Наш петух – ки-ки-ре-ки.
Mon coq, ma poule,
Bec-à-bec
Mangeons des moules
Au demi-sec![11]
Flûte![12] Не всех у нас красоток
Поизмяли пруссаки:
Вдвое прибыло кокоток, –
Наш петух – "ки-ки-ре-ки".
Mon coq, ma poule,
Bec-à-bec
Mangeons des moules
Au demi-sec!
Fichtre!..[13] Не все еще карманы
Растрясли большевики:
Под кэкуоки, под канканы
Наш петух – "ки-ки-ре-ки".
Mon coq, ma poule,
Bec-à-bec
Mangeons des moules
Au demi-sec!

Наглая песенка срывает буйные аплодисменты.

В дверь салона входят, держась очень прямо и чопорно, мисс ***Примроз*** *и мисс* ***Прикль****. Последняя, в густой полу-вуалетке, постоянно выдвигается перед мисс* ***Примроз****, как бы служа ей щитом и прикрытием. Мисс* ***Примроз*** *действует и говорит не иначе, как по знаку, подаваемому ей мисс* ***Прикль****, ее переводчицей.* ***Кинташев*** *бежит из ложи навстречу входящим.*

Кинташев

К ногам божественным несу я дань восторга.

Мисс Прикль

Король от нафта уы?

Кинташев

Да, нефтяного торга.

Мисс Прикль *(к мисс Примроз)*

Гив ту зе кинг йор хэнд.[14]

Мисс Примроз *(протягивая Кинташеву руку)*

Айм глэд.[15]

Кинташев *(сияя)*

Я восхищен.

Мисс Прикль

Нам время дэнги, сэр: мы дороги. Пардон,
Не толко ужинат?

Кинташев *(смущенно)*

Н…не только.

Мисс Прикль

Двадцать даме
Залог; мне – ун луи.
(Кинташев хлопотливо роется в бумажнике и сует деньги).
Мерси.
(Улыбается ***Кинташеву****; жестом разрешает мисс* ***Примроз*** *сесть. Та тотчас принимает в кресле очень непринужденную позу, мисс* ***Прикль*** *садится, прямо и строго, сама. С выразительной улыбкой указывая на спутницу).*

Уже мы сами
Влюбленные… Но я, мосьо *(стыдливо потупляясь)*

невэст…

В Америка жених мой, в Алабаме.

Мисс Примроз

Уот ин ми даз зе джентельмен лайк бэст?

Мисс Прикль

Мисс спрашиват, что в ней красиво болши ест?

Кинташев *(восторженно)*

Колени.

Мисс Прикль

О, зе ньиз!

Мисс Примроз

Зе джентельмен хэз тэст.

Мисс Прикль

Мосьо имэет вкус… Индид… В Калкэтта с нами
Был индьян принс, раджа. Хи киссд колени мисс
Уэс уэчэр и платил уэн соврен фор ич кисс.

Бортищев

По фунту поцелуй? Любитель же коленок.

Нуну

Я целовать мои позволю за бесценок,
А ведь мои милей.

Мисс Прикль *(с негодованием)*

О… *(шепчет что-то спутнице).*

Мисс Примроз *(с негодованием)*

О….

Нуну

Пари держу
И, если хочет мисс, пред всеми докажу.

Мисс Прикль *(с убеждением)*

Мы тансовал в Нью-Йорк. Острэлья, Ландон, Ниса…

Бортищев

Богини ссорятся, где нам найти Париса?

Шумная сцена, в которой соперницы и их сторонники перебивают друг друга и говорят зараз.

Мисс Примроз

Ай дансд, эт Ландон, Нью-Йорк, Нис,
Ол пипл фаунд марвеллэз май ньиз.[16]

Нуну

Я не туристка в стиле мисс
Париж, один, был мой Парис.

Мисс Прикль

Ни в Старый Суэт, ни в Новый Суэт
Нигдэ колени лучше нэт.

Кинташев

Я знал балет и полусвет,
Таких колен в Париже нет.

Нуну

Взвивалось облачко тюник, –
Париж кричал: "Elle est très-chic".

Бортищев

О, в дымке розовых тюник
Мамзель Нинонн – шармант-е-шик.

Мисс Прикль

Когда мисс подняла тюник,
Сказал принс Уэльский: "сэт юник".

Бортищев

К чему нас приведет словесное сраженье?
Конкретное вношу я предложенье.
(поет на мотив: "когда богини спорить стали"...)

Когда богини враждовали,
Пасли царевичи стада...

Кинташев *(или, по желанию, голос из публики)*

Мотив из "Belle Hélène"![17] Нельзя ль без плагиата?

Бортищев
(*или, по желанию, композитор, высовывающийся в маске из-за дирижерского пюпитра*)

Как? В честь классических колен
Мелодии классической цитата

Вам не по вкусу? Ну, так вот,
Ее взамен банальнейший фокс-тротт.
(поет по иному)
Когда богини враждовали,
Пасли царевичи стада.
С тех пор царей стада прогнали:
Не жди Парисова суда.
В демократическую эру,
Чтоб двух красавиц рассудить,
Принять иную должно меру:
Публичный конкурс учредить.
Но так как всех красот ценитель
И потребитель – капитал,
Пусть милого кумира чтитель
Свой чек несет на пьедестал.
И та победу торжествует,
Чья перевысила цена.
Ничем к тому же не рискует
От лавров звонких ни одна.

Бортищев, Кинташев, Мисс Прикль, Нуну *(вместе)*

Вдвойне победу торжествует
Та, кто щедрей одарена,
Но из соперниц не рискует
От лавров звонких ни одна.

Бортищев

Mesdames, решено? И суд вершится гласно?

Мисс Прикль *(Кинташеву тихо)*

Уы сколко?

Кинташев

С пятисот начну.

Мисс Прикль

Ол-райт.

Нуну *(громко)*

Согласна.

Бортищев

Условье: без имен, за ширмой…

Кинташев

Ну, хоть так.

Мисс Прикль *(Кинташеву тихо)*

Девиз наш – лилия.

Бортищев *(к Нуну, тихо)*

Нуну, ты будешь…

Нуну

Мак.

Бортищев, Кинташев, Нуну, Мисс Прикль *(вместе)*

К чему нам длить переговоры,
Объявим "le galant concours",[18]
И все за воинские сборы!

Мисс Примроз

Айм ов май виктори квайт шюр.[19]

Бортищев, Кинташев *(вместе)*

С колчаном чеков в бой, Амур.

Все *(вместе)*
(к публике)

Где красота, там и раздоры.
Allons en guerre! Allons! Bonjour![20]

(уходят всей ватагой).

В салон входят **Крушинин** и **Мари Бланпре**

Мари *(продолжая разговор)*

Пусть гейша я, но я артистка тоже,
И жизни, кажется, искусство мне дороже.
Для вас художницей хотела б гейша быть.
Какой же ролью вам могла б я угодить?

Крушинин

Одной: когда бы вы собою нынче были,
Мариею Бланпре, а гейшу позабыли,
Вы вся страданье, мысль… Отдайте мне себя
На этот вечер всю… как будто бы …

Мари *(смеясь)*

Любя.

Как если б оба мы любили.

Крушинин

Любовь – мираж? Не спорю. Но смешна ль
Моя мечта, в зверином этом гуле,
О близкой мне душе, тоскующей в разгуле?
Моя – о вас тревожная печаль?

Мари

Искусство – весело. Искусство ткет обманы,
Иллюзией и тешит, и манит…
И если вас мое искусство усладит,
Я роль беру волшебницы Морганы.

Крушинин

В искусстве правда есть. Расслышал вдалеке
Я боль пронзенную в чудесном вашем пенье,
Обиду, сиротство… *(тихо)* и память о паденье…
Мари, напойте мне романс о голубке.

Мари *(поет)*

Словно голубица
В мраке под грозою
(Рок грозит бедою)
Белая кружится,
Падает… Любимый,
Не крыло ль подбито?
Жизнь моя разбита!
Дай приют родимый…

Обрывает песню, заглушенную рыданиями. Скоро оправляется. Крушинин стоит, закрыв лицо руками.

Крушинин

Мари, послушайте. Любовь недостижима.
Вы обманулись в ней. А я… я обманул,
Иль сам обманут был… – иначе… Мимо, мимо!
Все сон… Вдруг вижу вас, – и вот во сне уснул.
И снится вновь любовь. Обманем же обманы

И, помня, что мы спим, что можем сон стряхнуть,
Что в нас отравленной он не излечит раны,
Войдем в миражный рай – от боли отдохнуть.

(дуэт)

Крушинин

Любовь – мираж. К чему бежать обмана?
Мечте любви доверимся душой –
И, может быть, волшебница Моргана
Нам даст на миг забвенье и покой.

Мари

Любовь – мираж. В искусстве нет обмана.
Игре любви доверится ль душой?
Играючи, художница Моргана
Дарит на миг забвенье и покой.

Оба *(вместе)*

Пойдем с тобой до ближнего распутья,
Деля вдвоем усталость и ночлег.

Крушинин

Могу ль душой к твоей душе прильнуть я?

Мари

Могу ль себя игрою обмануть я?

Крушинин

Покажет нам миража зыбкий брег…

Мари

Покажет новый опыт горьких нег…

Оба *(вместе)*

Покажет нам времен крылатый бег.

Крушинин

Моя?

Мари

Твоя.

Крушинин

Иного душе не надо!
Я твой.

Мари

Ты мой.

Крушинин

Как чаша, она полна…
Моя?

Мари

Твоя!
И милым цепям я рада.
Наш плен

Крушинин

Блажен.

Мари

Две жизни – одна волна.

Крушинин

Всю жизнь

Мари

Вместить

Крушинин

В объятье двух тел сплетенных…
Всю жизнь

Мари

Испить

Крушинин

В лобзаниях уст твоих…
Желать

Мари

И влечь –
О, счастье сердец влюбленных!
Пылать

Крушинин

И жечь –

Мари

О, слитость в одно двоих.

Крушинин

Моя!

Мари

Ты мой!

Оба

Легко голова кружится

Мари

Твоя!

Крушинин

Я твой!

Оба

Поют не слова, но кровь…

Крушинин

Я твой!

Мари

Твоя!

Оба

Ведь это любовь нам снится…

Мари

Ты мой!

Крушинин

Моя!

Оба

То снится двоим любовь!

Мари

К лицу ли нам безумствовать, Крушинин?
Обжечься так легко, с огнем шутя.

Крушинин

Не все ль равно? И без того не длинен
Наш общий путь: свершим его – летя.

Мари

Не дети мы, что б нам пускаться резво
В опасный путь сердечных сумасбродств.

Посмотрим же на дело ясно, трезво.
Две жертвы мы душевных двух банкротств.
Я тронула печалью вас певучей,
Вы тронули меня своей тоской;
Друг другу мы понравились, и случай,
Сдруживший нас, на миг нам даст покой…
Но лишь затем, чтоб вскоре нашу муку
Еще острей мы в сердце обрели,
Чтоб и свою больней перенесли
Неотвратимую разлуку.

Крушинин

Мари, зачем к развязке нам спешить?
Она придет сама, коль страсть увянет.
Горючий ключ кто в силах потушить? –
Лишь истощась, пылать он перестанет.

Мари

Что ж, так и быть. Недаром гейша я,
Художница к тому же, лицедейка…
Я обещаю вам, искусства чародейка,
Дар мимолетный забытья.
Я буду вам женой, на срок, по договору,
Какой желали вы, какая бы спасти,
Быть может, вас могла, дав слабому опору, –
И в совершенстве роль сумею провести.
Потом уйду, хотя бы вы молили
Продлить союз… хотя бы вы любили,
Хотя бы я любила вас…
Не лучше ли расстаться нам сейчас?
Согласны ль вы на риск условия такого?

Крушинин

Мираж, любовь, иль нет исхода рокового
Не избежать равно… Согласен.

Мари *(смеясь)*

В добрый час.

Крушинин *(весело)*

Пойдем, наедине друг друга мы поздравим
Шампанским, а потом…

Мари

Путь утренний направим,
Как перелетных птиц чета,
В иные лучшие места.

На эстраду ставят трельяж с овальными отверстиями для выставки колен и столик, за который, держа молоточек в руках, садится ***Господин с орхидеей*** *в петлице. По сторонам от столика* ***Бортищев*** *и* ***Кинташев****.*

Бортищев и Кинташев *(вместе)*

Мы двое, граждане вселенной,
Куда судьба нас ни закинь,
Везде найдем приют блаженный,
Везде вкруг нас Олимп богинь.

Голоса из публики

Ого, браво!

Бортищев и Кинташев

Храм двух богинь и наша ложа, –
Клянемся честью бульвардье,
Одна с другой красой не схожа.
Кто краше? Спор… Идут к судье.
А кто судья? Где ты античный
Иль Оффенбаховский Парис?..
Устроим аукцион публичный
На первый приз и просто приз!

Публика *(хор)*

Да, вкусы различны,
Париж, вот Парис!
Пусть конкурс публичный
Присудит им приз.
Нет вкусам закона,
Царит в них каприз:
Дадим с аукциона
Красавицам приз.

Господин с орхидеей *(стуча молоточком)*

Колен открыто состязанье…
Как так? Всё тотчас доложу.
Но прежде славное сказанье
По новым данным изложу.
На пристань гость всходил к Елене.
Дул норд… Одежды вдруг взвились.
Увидел… что? ея колени…
И страстью воспылал Парис.
Прелестного поклонник пола
Быть должен знатоком колен:
Парисова так учит школа,
Так сам познал он сладкий плен.

Публика *(хор)*

Да, вкусы различны.
Так вот что – бравó! –
В Елене античной
Пленило его
В прекрасной Елене
Прекрасней всего
Нашел он колени!
Mais c'est du nouveau![21]

Господин с орхидеей

(меж тем как в пролетах трельяжа выставляются две пары колен)

Дианы легкой в них упругость,
Венеры женственной в них лень,
Холмов роскошная округлость,
Долинок розовая тень.
О, эти выпуклости, ямки!
Какие вам найду слова,
Какие, дам, художник, рамки?
Но, вот, мечта любви – жива!
Вот, осязаемо вступает
В оправу из цветов – мечта,

И к двум защитникам взывает
Двух пар стыдливых нагота.

Публика *(хор)*

Да, вкусы различны,
Как стили колен:
Те – мрамор античный,
А те – порселэн.
Сравнить без обиды
Их формы легко:
Там идол Киприды,
А тут Рококо.

Публика аплодирует коленям. Председатель ударом молотка приглашает к аукциону.

Кинташев

За лилию пятьсот.

Бортищев

Пятьсот за алый мак.

Публика *(хор)*

Не каждый дэнди – мот
Из опытных гуляк.

Кинташев

За лилию шестьсот.

Бортищев

Шестьсот за алый мак.

Публика *(хор)*

Courage, messieurs![22] Вперед!
Что золото? Пустяк.

Кинташев *(горячась)*

За лилию семьсот.

Бортищев

Семьсот за алый мак.

Кинташев *(обливаясь потом)*

Я тысячу за лилию!

Бортищев

Я тысячу за мак.

Публика *(хор)*

За лилию Кастилию,
И Аррагон за мак?..
Не взять, месье, Бастилию,
Снимайте бивуак.

(Замешательство Кинташева. Смех в публике).

Господин с орхидеей

(держа молоток беспомощно в воздухе)

Весы в покое… Мы в сомненье,
Которой выдать первый приз.
Расколдовать оцепененье
Явись, новейших дней Парис.

*При звуках американского ритурнеля два дюжих негра в причудливых красных ливреях встаскивают на эстраду на складном стуле **мистера Сама**, с трубкой в зубах; вокруг суетятся несколько оффициантов кафе-шантана.*

Сам

Вот я сам – с экспресса,
Дядя Сам. Уж пресса,
Верно, дала мой портрет.
Годдэм, тьфу.
Виски пить в Париже
Любит Сам. Поближе
Бара приличного нет.
Уэлл, уэлл, уэлл!

Публика *(хор)*

Вот он сам, трест саго
И панàм в Чикаго,
В клетку на нем комплет…
Что за тип!
Вот он сам, трест саго
И панам в Чикаго,

Янки типичнее нет.
Yankee, hip!

Сам

Сам устал с дороги:
Стол сюда под ноги!
Gentlemen, ladies, привет!
Годдэм, тьфу.
Whisky, boy, and soda!
“Янки дудль”. Народа
Нас предприимчивей нет.
Уэлл.

Публика *(хор)*

Вот он сам, трест саго…
и т. д.

Сам

Спорт колен? Идея!
Чей патент? Живее
Мой путевой телескоп!
Годдем, тьфу.
Спор богинь в Европе?
Но без мин, ай хоп ит?![23]
Все конкуренты – стоп,
Стоп.

Публика *(хор)*

Вот он сам, трест саго
И панам в Чикаго!
Вот он навел телескоп!..
Что за тип!
Вот он сам, трест саго
И панам в Чикаго!
Всех конкурентов хлоп!
Янки, хип!

Сам

Вот я сам, богини,
Дядя Сам, отныне

Вам за Париса. Мой суд –
Годдэм, тьфу
Вэри файн[24] – лилея,
Мак, ай файнд,[25] – милее:
Три и пять тысяч. Салют!
Раз, два, три – пли *(негры выстреливают из револьвера)*.

Публика *(хор)*

Вот он сам, трест саго
И панам в Чикаго:
Трубка и клетчатый сьют, –
Что за тип!
Вот он сам, трест саго
И панам в Чикаго!
Кончен Парисов суд.
Янки, хип!

По знаку ***Сама*** *все уходят с эстрады. Входят в салон* ***Бортищев*** *и* ***мисс Прикль.***

Мисс Прикль

Несчастный джентельмен! Мамзел Нуну – злодейка.

Бортищев

Ну, нет.

Мисс Прикль

Кусала вас, как Клеопатру, змейка,
Что вы пустил в жилет. Пошла с другим при вас.
О, шокинг!

Бортищев

Как тут быть, мисс Прикль? Хоть каждый раз
Её измена мне большой досады стоит,
Как будто зуб больной мучительно заноет, –
Она вольна.

Мисс Прикль

А я *(плачет)* должна смотреть на них!
Ведь он, признаюсь вам, но под большим секретом,
Он *(всхлипывает)*... мой жених!

Бортищев

Жених ваш Сам?

Мисс Прикль

Он сам. С моим сэртификэтом
Об обручении, вот он, под мой корсаж,
Не расстаюсь во всех вояж.
Двенадцать лет меня оставил он невинной.

Бортищев

Ah, quel dommage![26]
Зачем же было вам на срок столь длинный
Откладывать законный акт?

Мисс Прикль

Он бэден был, мосьо. Мы заключил контракт.
Он начинал аффэр. Я помогала малым,
Deposed[27] в Охайо-банке капиталом.
"Мэкмэнни" был наш цел. Я в Старый Суэт плыла,
Копила плэнти[28] долларз и ждала.
Три года уэсти мы друг другу не давали.
О тресте саго и панам
Я слышала, но думала: едва ли
Тот Сам, миллиардэр, – мой Сам, мой дарлинг Сам…
И вдруг его глаза мои узнали,
А он пошел с мамзель Нуну!

Бортищев

Мы верности такой в России не знавали.

Мисс Прикль

Что мы сказали, – entre nous.[29]

Входят ***Сам*** *с* ***Нуну, Кинташев*** *с* ***мисс Примроз, Крушинин*** *с* ***Мари****, за ним* ***Господин с орхидеей*** *в петлице и несколько бульвардье и дам полусвета.* ***Негры*** *останавливаются на страже у дверей, со складным стулом и другими атрибутами* ***Сама, гарсоны*** *хлопочут у шампанского.*

Сам *(поднимая бокал)*

Уэлл, за богинь!

Господин с орхидеей

Сказал Парис – турист.

Сам

Нонсенс. Парис – война. Сам – пасифист.
За общий мир!

Кинташев

За каждого кумир
И за любви пристрастья и причуды!

Бортищев

Окончен суд, напрасны пересуды.

Сам *(напевает)*

Кто любит стаут, кто любит эль,
Кто виски друг, – а все за хмель.

(хохочет)

Всем дружеский шэк-хэнд.

(пожимает присутствующим руки)

Годдэм, тут лига наций –
И государств, и эмиграций.
Уэлл, за союзный наш конгресс!

Кинташев

Чей шеф – американский крез.

Сам

Чей лозунг красота и женские caresses![30]

*Целует **Нуну**. Мисс **Прикль** стыдливо и гневно отвертывается. **Кинташев** целует мисс **Примроз**, мисс **Прикль** стыдливо, но без гнева отвертывается в сторону.*

Сам *(получив от Нуну удар по лицу веером)*

Сэнк ю, пребольно.

Нуну *(к Бортищеву)*

Что, рад, медведь? Придет и твой черед.
Сегодня с ним пройдемся мы в фокстротт.

*(**Сам** с **Нуну**, **Кинташев** с мисс **Примроз** делают несколько па)*

Нуну

Довольно.
Пусти, мне хочется поесть.

(садится за ужин)

Мари

В союзе, вижу, место есть
Для сепаратных договоров,
При случае ж и – сепаратных ссор.

Сам

Йес, мэдэм, – коль соседских споров
Не вызывает договор.

Мари

Так слушайте, держав союзный хор!
При вас, свидетелях, сегодня заключаем,
Крушинин, он, и я, Мари Бланпре,
Брак на два месяца и на заре
На пляж нормандский уезжаем.

Многие смеясь аплодируют. ***Кинташев*** *подходит поцеловать руку* ***Мари*** *и заключает* ***Крушинина*** *в объятия.*

Сам

Два месяца! Годдэм…

Сам отзывает в сторону ***Господина с орхидеей*** *и долго с ним шепчется..*

Нуну

Счастливая. Хотела б жить я там.
Вы будете иметь свою усадьбу?
А раньше здесь отпразднуете свадьбу?
Но кто же без тебя сыграет Ли в "Там-там"?

Господин с орхидеей *(подходя к Мари)*

Я буду за нотариуса вам.
Бумаги мне, чернил для протокола!

Крушинин

Свидетели мои – два односела.

(указывает на Бортищева и Кинташева).

Сам

Отец вам посаженный – Сам.
Уэлл.

Жмет руки новобрачным. Новый шум и смех.

Господин с орхидеей

Мой протокол не будет длинен.
Который день в календаре? *(пишет)*
Вы, гражданин Крушинин,
Согласны в брак вступить с гражданкою Бланпре?

Крушинин

Да.

Господин с орхидеей

Вы, гражданка?

Мари

Да.

Господин с орхидеей

Кто, что платить повинен?
Кому, когда? Условия сторон?

Мари

В театре неустойку платит он,
Издержки на отель, автомобили,
И жизнь на вилле,
И все, чего приличный хочет тон.
Подарки, подношенья запрещаю.
Супруги роль играть я обещаю
И верной быть и нежною женой.
Ангажемент артистки
Противу здешнего двойной,
А срок – два месяца.

Господин с орхидеей

Все без подчистки
Записано. *(К Крушинину)* Согласны?

Крушинин

Да.

Господин с орхидеей

Чего
Потребуете вы?

Крушинин

Я – ничего.

Господин с орхидеей

Прошу двух подписей под актом и скрепленья
Свидетельскою подписью его.

(все подписываются)

Брак заключен. Примите поздравленья.

Мари и Крушинин

Мы принимаем поздравленья:
Смеясь, приветствуйте чету!
Коль нет мечте осуществленья,
Друзья, нарядим жизнь в мечту.

Все

Прекрасный ваш пример
Достоин подражанья.
Примите пожеланья
Блаженства выше мер.
Уладить старый спор
Амура с Гименеем
Теперь мы путь имеем:
Любовный договор.

Кинташев

И мы, на месяц, вслед за вами
Вступаем в сад сердечных грез
(Семнадцать тысяч франков даме) –
Кинташев я, и мисс Примроз.

Мисс Примроз

Йес, ай эгри ту,[31] мисс Примроз.

Все

Кинташев, мисс Примроз –
Творцы идеи новой:
Брак – месяц лишь медовый.
Пожните жатву роз.
Пусть нефтяных огней

Ваш месяц будет жарче ж;
Огней потешных ярче
Блестящий Гименей.

Сам

Я сэлф мэд-мэн, тип самодельный,
Шеф треста саго и панам (Годдэм),
С мамзель Нуну, на срок недельный
В марьяж вступаю, дядя Сам (сам, сам, сам).

Все

Трест саго и панам,
Краса и честь Чикаго!
О трест панам и саго,
И сам вы, дядя Сам,
У Франции в плену,
Коль нет американки
Пленительней для янки
Француженки Нуну.

Бортищев и Мисс Прикль

(отдельно от всех)

Что царственный убор
На северном олене,
То в женщине – колени, –
Таков их приговор.

(указывая на Сама и Нуну)

Любовный договор
Недельная забава.
Недельная нам слава –
Олений наш убор.

Общий канкан заканчивается начальными куплетами действия.

Все

Вечерами
Над толпами
Нам горит маяк,
В заломленных шапо-кляк
Манит гуляк.

Пламенея,
Гименея
С Купидоном знак
Счастливейший сулит брак
Без клятв и драк.

Действие II^ое

Терраса виллы, выходящая на морской пляж, в Нормандии. ***Рыбаки*** *с неводами проходят мимо.*

Хор рыбаков

Кормит нас море родное,
Помнит прилива час,
Издали хлынет седое,
Подхватит рыбачий баркас.
Нá версты мели затопит
В буйном разбеге вода;
Ветер гуляет, торопит
Закидывать вглубь невода.
Море уловом откупит,
Всё, что награбит у нас;
С рокотом прочь отступит,
В урочный вернется час.

Из лодки выходят на берег ***Мари Бланпре*** *и* ***Крушинин.***

Мари

Мне кажется, мы здесь поздоровели,
Вдали Парижа и его затей,
Живительный озон и соль зыбей,
И зелень их и палевые мели
Покоят взор.

Крушинин

Меня целит любовь.

Мари

Не верности ль, скажи, нас учит море?
Оно уходит и приходит вновь.

Крушинин

Как я люблю в его седом уборе,
Тоскующий по берегу прилив!
Так и меня стремит к тебе порыв
Нетерпеливый, коль тебя не вижу,
Или забудусь подле милой сном.

Мари

Как хорошо нам было здесь вдвоем!
Два месяца я не верна Парижу.

Крушинин

Забудь его.

Мари

Забыла.

Крушинин

И меня –
Люби.

Мари

Возлюбленный.

Крушинин

День ото дня
Ты мне родней, желаннее, дороже.

Мари

Donc, l'appetit vient en mangeant![32] Так что же?
Люби меня беспечнее, хмельней,
Пока ещё кольцо отчисленных нам дней,
Невозвратимых, не замкнулось
И держит нас волшебный круг, –
Пока в любви опять душа не обманулась,
Мой нежный муж, мой бедный друг.

Крушинин

"Любовь – мираж" не говорю отныне:
Живой родник обрел в душе-пустыне,
Мечта любви исполнилась.

Мари

Но я,
Иль ты забыл условие обмана
Взаимного? – ведь я твоя Моргана,
Художница, кудесница твоя.
Исчезну я, пора, гляди, настала, –
И сон любви рассеется со мной,
Как марево в дали степной,
И будем оба мы, чем были мы сначала.

Крушинин

О, нет, Мари. Я стал иной.
Тому сама ли ты виной,
Единое ль твое искусство, –
Но знаю: новое во мне родилось чувство
И, неотлучное, останется со мной, –
Когда и ты пройдешь, как боль и память. Можешь
Уйти сама, но взять, что ты дала, не можешь.
Пусть счастье – марево: не марево тот клад,
Что я нашел *в себе* и должен, – рад, не рад,
Беречь, бессонному подобно скряге…
Дивишься ты моей отваге,
С какой встречаю новый час,
Что принесет, быть может, нам разлуку,
Когда сожму в последний раз
Я ускользающую руку.
Но, если любишь ты, что разлучило б нас?

Мари

Не лжет, о милый, эта ласка,
Но я несчастнее тебя:
Со мною ты расстанешься, любя,
А я… я вся – живая маска.
Скинь маску – и лица не сыщешь моего,
Вынь сердце, – не найдешь ты в сердце ничего, –
Обиду разве, да кручину…
Мне чувствовать дано, лишь воплотясь в личину.

Крушинин

Который нынче день?

Мари *(тревожно)*

А что? календари
Давно забыла я… Пока горю – гори.
"Счастливые часов не наблюдают", –
Ты говорил, и прав он, ваш поэт,
А розы между тем роскошно увядают.

Крушинин

Ты любишь ли, Мари?

Мари

Меня, без маски, нет…
Но я еще тебя, желанный, обнимаю:
Люби меня, как солнце светит Маю.

Мари и Крушинин *(вместе)*

Любим, покуда
В сердце чудо
Страсти горит.
Верим, не верим –
Страстью мерим
Мы любви магнит.
Лица иль маски, –
Жадны ласки,
Ищут уста уст.
Дети мы в сказке.
Мир без ласки
Пуст.

Крушинин

Целуй жарче.

Мари

Ярче мираж.

(вместе)

Строгий близится страж.
Глупо сомненье,

Коль волненье
Чуешь в крови.
Ум лицемерит,
Сердце верит
В этот миг любви.
Сердце беспечно,
Любит вечно
В полный один миг
Мальчик Венерин
Клятвам верен
Миг.

Крушинин

Целуй жарче.

Мари

Ярче мираж.

(вместе)

Строгий близится страж.

На террасу всходит, идя с пляжа, ***Бортищев*** *и несколько мгновений, не примеченный, наблюдает чету.*

Бортищев

Опять воркуют голубки.
А я родной моей не променяю лени
На жар тревожный вожделений…
Вы слышали, как пели рыбаки?

Крушинин

Купался ты?

Бортищев

Да, нежился с Наядой.

Мари

И, нежась, думали: “дай обману
Я сердце девственной усладой”…
А сердце – с маленькой Нуну.

Бортищев

А, ну ее… Но, если не щадите

Вы мирного холостяка,
Пощады нет вам: трепещите.
Завидел я циклон издалека.
Да, на помине пташечка легка.
Наш тихий рай тю-тю! Кинташев с компаньонкой
За нею – тут как тут; гостей бесценный груз
Оставит нам портовый автобус,
Что к вилле пробирается сторонкой.

Крушинин

Проклятие.

Мари

Моей Нуну
Я – не сейчас, не здесь – была бы рада.

Бортищев

Лишь без нея свободно я вздохну.

Крушинин

Что за докука, за досада.

Перед террасой появляется нагруженный пакетами и картонами ***Кинташев*** *под руку с* ***Нуну*** *и мисс* ***Прикль.***

Кинташев

Все – руки вверх. Засада.

Кинташев, Нуну и Мисс Прикль *(вместе)*

Путешественников трое
Потревожить вас должны
В идиллическом покое
Очарованной страны, –
Той страны, где поцелуям,
Не ведется строгий счет…
Мы ж кочуем и враждуем,
И во всем дадим отчет.
Беспристрастно разберите
Основанья наших ссор:
Если нас не помирите,
Вечен тройственный раздор.

Мари идет навстречу гостям, горячо обнимает ***Нуну****, пожимает руку*

***Кинташеву** и мисс **Прикль**, мужчины суховато их приветствуют.*

Мари

Откуда ты, Нуну? С каких вы облаков
Упали к нам, мисс Прикль, и вы, набоб любезный?

Кинташев

(сильно изменившийся и утративший прежнюю округлость движений).

Я – нищий, не набоб. Лишь титул бесполезный
Владельца (ci-devant[33]) горючих родников
Я удержал (чтоб чорт побрал большевиков).
А чем другим владел, – все трест панам и саго
(Теперь и танков тож) прибрал к своим рукам:
Отец ваш посаженный из Чикаго
Меня зарезал, дьявол Сам.
Мамзель Нуну я умолял – словечко
За акции мои (ах, что я перенес)
Замолвить перед ним: и тут осечка!
Ушла, наставив янки нос.

Нуну *(к Бортищеву)*

Что, слышал, мой медведь?

Бортищев

Мне это безразлично.

Мисс Прикль

Что, слышали, мамзэл? Ответ вам дан отлично.
Чрез вас – приятно это вам –
Несчастен стал мосью, несчастен мистер Сам,
Несчастна мисс Примроз, – а я – всех несчастливей…
(плачет злыми слезами)
Вы у меня украли – жениха.

Кинташев

Как, жениха?

Нуну

Жених ваш – Сам? Ха, ха, ха, ха.

Мисс Прикль

Вы думали: я для него плоха.

Нуну

Я думала: ваш выбор прихотливей.

Мари

Рассказывай, Нуну. Была ты всех болтливей.
Молчишь – и ничего я не пойму,
Как ты наделала всю эту кутерьму.

Нуну

Отвечу сказочкой тебе замысловатой.
Принцесса – я, Волк – янки тароватый.
Машинизации отныне я герольд,
Увидев Новый Свет, где все, ma chère, – *дыбом,*
Где телефонят даже рыбам
И в каждом баре – Мейерхольд.
Шла по лесу принцесса
И видит в чаще леса
Дверь в коттэдж. Нет замка.
Тук зонтиком слегка,
И поступью свободной
Вошла: там Волк голодный
Сидел у камелька:
Уют холостяка.
Она ему: “послушай,
Меня не сразу кушай,
Усядемся рядком,
Голубка с голубком,
Любовно поворкуем,
Как оба мы тоскуем,
Признаемся тишком
Друг дружке: кто по ком.
“Открой мне волчью душу.
Секрета не нарушу:
Держуся скрытно я,
Но… любопытна я.
А для начала, светик,
Съешь трюфельный паштетик,

Хоть беззащитна я,
Хоть аппетитна я…”
Глотнул хозяин трюфли,
Запил бордо, снял туфли,
И шкуру, как шлафрок,
С плеч нехотя сволок…
Под шкурою – машина:
Гудит в груди пружина,
И челюстей замок
Защелкивает блок.
“Вот отчего у волка
В делах так много толка!
Я твой снаряд учу,
Твоею быть хочу…
Над шестернею гайка
Порасшаталась: дай-ка
Ключом я поверчу
И гайку подвинчу”.
Принцесса хвать за винтик…
“Прощай, мой гиацинтик,
Чини свой механизм,
Милей авантюризм!
Взяла у друга фантик,
Сама – на “трансатлантик”…
В искусстве модный *изм*
Теперь конструктивизм.

Присутствующие

Ну, задали загадку!
Желаем по порядку,
Без тропов и фигур,
Всех ваших авантюр
Отчет услышать трезвый:
Как вас закинул резвый
В Америку Амур,
В Америку Амур?

Нуну

Иносказательно я все вам рассказала,
А вы не поняли. Что ж, начинать сначала?

Крушинин

Я понял, отчего принцесса заскучала
В столь милом обществе. “Бог из машины”: так
Зовется некий трюк. Таков и наш чудак,
Почтенный Сам, в прямом однако смысле.
В нем демон есть, иль рок, но весь машина он:
В расчетах, в действии, в движеньях чувства, мысли,
И в трубке, и в плевках, и в клетках панталон.
На славу свинчен он, и пущен в ход, и прочен…

Нуну

Но, как ни точен Сам, все-ж был он обморочен
За первым лёнчоном. Взяв “на булавки” чек,
На стимер[34] села я, потом – в нью-йоркский брэк.[35]

Мари

Так от машины ты в страну машин бежала?

Нуну

Да, правда, от него, но – вместе и к нему,
И вышло все точь-в-точь по плану моему:
Тень Сама по пятам беглянку провожала.
Развода символ, встарь, промеж мужей и жен
На ложе клали меч: меж нами телефон
Стоял разлучником. Мы флирт вели чрез провод,
Что ночь и день жужжал, как неотвязный овод.
Меж тем предприняла в диковинной стране,
Чтоб долларов набрать, твоя Нуну турнэ.
Сам хлопотал, писал ангажементы,
Оплачивал аплодисменты,
Над головой моей, как реющий дракон,
Вился в аэроплане он…
Поздравь меня с успехом и наживой.

Мари

Все хорошо, чему конец счастливый:

Ты возвратилась к нам, цела и весела.

Нуну

А милый Сам не помнит зла.

Мисс Прикль

Коварны столко вы…

Нуну

– сколь вы стыдливы!

Но не довольно ль обо мне?

Великолепны здесь приливы и отливы.

Как дышится легко. Все вижу, как во сне.

Вы счастливы?

Мари

Мы рады тишине.

Нуну

Своим обзавелись хозяйством?

Завесть гусей и кроликов и кур

Меня б не удержал Амур.

Мари

Артисты славятся, увы, праздношатайством.

Нуну

Нет, весь мне покажи свой сельский арсенал:

Двор, птичник, огород и кухню и подвал.

Мари

Ужо. Но как сюда все съехались вы разом?

Нуну *(тихо)*

Вопрос твой поведет к чувствительным рассказам.

Кинташев

Случайно. Должен вам открыться, mes amis:

Корсетной фабрики разъезжий я коми.

Сик транзит глориа[36]. А спутница, мисс Прикль,

Распространяет здесь парижские артикль.

Так нас фортуна подвела!

Мисс Примроз, и мисс Прикль, и я живем в Трувиле.

Мамзель Нуну при встрече помогла

Нам тропку проторить к волшебной вашей вилле…
Хотели мы друзей просить –
Нельзя ли повлиять на Сама?
О, как в словах изобразить,
Какая между нами драма.

Бортищев

Амфитрион вчерашний на пирах,
Любимец ветренной богемы,
Слова сочувствия здесь немы.

Мари

Стремительный ужасен крах.

Крушинин

Где вы, колен классических поэмы?

Кинташев

От горя стал я стар:
Эх, дал я маха!
Хвалю без страха,
Клиенты, свой товар.
Кто был и стал я кем,
О том ни вздоха…
Для дам эпоха
Корсет “nouveau système“.
Шедевр мой корсет
Системы новой:
Сталь, ус китовый,
Шнурков докучных нет.
Оборвался роман
Погибшей жизни.
Будь я в отчизне,
Забрел бы я в духан.
Прогнали б Карданах,
Напариули –
Злость ли, тоску ли,
Забыл бы я свой крах.
Медам, краса колен –

Мои подвязки,
Любой окраски –
И не сжимают вен.
Кто был и стал я кем,
Вы не пытайте:
Предпочитайте
Корсет ”nouveau système“.
Ах, больше перемен
В судьбе, чем в сказке.
Мои подвязки, –
Медам, краса колен.
Подвязки да корсет
Системы новой
Порой медовой
Подарка лучше нет.

Мари и **Нуну** *(вместе)*

Купцом бродил Улисс:
Да рок обманчив.
Весьма заманчив
Корсет “nouveau système“.
“Колени сердцу плен”
Да, то не сказки,
Нужны подвязки:
Оне – краса колен.
Итог за ваш товар
Извольте счесть нам:
Корсетов шесть нам,
Подвязок двадцать пар.

Мисс Прикль

Вы слышали, как тужит он и стонет.
Его обидели, сам никого не тронет.
А между тем мисс Примроз обманул,
Не уплатил по договору,
Взял бриллиант продать – и денег не вернул,
И каждый день заводит ссору.

А глупая мисс Примроз влюблена,
Ему во всем доверилась она.
Меня гулять пустил, сам в руки взял все дело
И приглашений и galants soupers;[37]
С бедняжкой груб, не раз il l'a frappée[38]…
Ему красотка надоела.

Кинташев

Не верьте, о друзья, ревнивой клевете!
Все действия мои не те, не те, не те.
Мисс Прикль сама….

Нуну *(к Мари)*

Пойдем-же, погуляем!
Изгнанник-патриот, вы стали впрямь лентяем:
Медвежью лапу мне, Бортищев.

Бортищев

Так и быть,
Но между нами есть, чего мне не забыть.

Нуну

Нет ничего, нелепый. Быть вернее
Нельзя, в законнейшем спасаясь гименее.

Мари

Пойдемте в сад. Кто любит здешний сидр?

Бортищев *(сходя с террасы)*

Я слышу над собой гуденье сотни гидр…
Пропеллер? Так и есть. Летит к нам с неба латник.

Нуну

То – Сам. Как спрячусь я? Мари, где твой курятник? *(убегает)*.

Бортищев

Бумажки сыплются, как стаи голубей.
За ними со дворов бежит толпа людей,
Читают и кричат: воздушная реклама.

Мари

И я подозреваю Сама.

Бортищев

Peste![39]

Трюк световой: *"Чикаго Трест"*.

Толпа *(на пляже)*

Вот он сам, трест саго
И панам в Чикаго!
Чрез океан перелет,
Saperlotte! [40]
Трест в Чикаго танок
И электро-санок:
Американский народ
не умрет.

Среди всеобщего восторга вкатывается снизившийся аэроплан ***Сама*** *(или же* ***Сам*** *и* ***два негра*** *спускаются в трех парашютах); сопровождаемый неграми* ***Сам*** *всходит на террасу и раскланивается с нея перед толпой. Потом подходит к* ***Мари*** *и* ***Крушинину****.*

Сам

Вот я сам, с биплана:
В гости к вам. Романа
Вашего я эпилог…
Будет с вас!
У меня в Остенде
Гранд' Театр в аренде.
Вы примадонна. Срок –
Час. Уэлл.

Толпа

Вот он сам, чудесник,
И реклам кудесник!
Заокеанский полет –
ça balotte![41]
Строят янки танки
Нам для перебранки:
Американский народ –
Вождь вперед.

Сам вторично раскланивается с террасы.

Сам *(к Мари)*

С утра истек вам срок. Годдам,
Замешкался в полете Сам.
Отходит стимер в восемь. Ждут
В Остенде вас. Реклама – good.

Мари

Благодарю за добрые заботы.
Взглянуть на календарь нам не было охоты.

Крушинин

Мари останется. Мы отменили срок.

Мари *(Крушинину)*

Нет, милый, нет. За мной пришел мой рок.

Крушинин

Мари, ты – жизнь моя…

Мари

Но я артистка тоже,
И жизни, кажется, искусство мне дороже.

Крушинин

Моя навек любимая жена!

Мари

Пусти меня. Я прочь уйти должна
(уходит в дом).

Сам *(Крушинину)*

Мужайтесь, сэр.
(обращаясь ко всем присутствующим)

Уэлл. Сам – администратор
Гастролей мисс Нуну. Она не здесь?

Кинташев *(услужливо выбегая вперед)*

Здесь, здесь.

Мисс Прикль

В курятник спряталась.

Сам

О, йес,
Ай си. Уселась в инкубатор.

Оэ, Томми, Джонни. Пригласите мисс.

Кинташев

Я сбегаю за ней.

Сам

Просите мисс

К администратору ея гастролей.

(Кинташев и негры сбегают с террасы).

Мисс Прикль *(приподнимая вуаль)*

Меня вы узнаете, мистер Сам?

Сам *(вглядываясь)*

Мисс Прикль. Рад видеть вас. Годдам!

Хау ду-ю-ду?

Мисс Прикль *(вынимая из-за корсажа бумажку)*

Я волей иль неволей,

Напомнить вам должна, сэр…

Сам

О, мое письмо.

Ол-райт. На нем поставит трест клеймо:

Долг признан.

(Нуну сконфуженно появляется в сопровождении Кинташева и двух негров, с двумя курицами под мышкой).

Мисс Нуну, за ваши роли

Долг остальной *(передает ей пакет)*. Гуд-бай.

Нуну

Мой милый самодур.

(бросается к нему на шею, выпустив кур, и звонко его целует).

Сам

Вы уронили ваших кур,

Сам в море уронил Амура.

Не строит вам он больше кур,

Но все-ж любите самодура.

Кинташев

Великодушный гражданин,

Припомните, как звонко наши рюмки

Сдвигали мы за ножки балерин.
Теперь для матерей семейства и для Фрин
Корсетами мои набиты сумки.
Раздавлен трестом я, как танкой крот.
По знаку вашему, Кинташев стал банкрот.

Сам

Мне очень жаль. Был радио: “Тинташев”.
Когда б я знал, что это вы, Кинташев…
Уэлл. Видите ли, сэр: на тресте нашем есть
Долг… обязательство… Иметь хотите ль честь
Супругом стать мисс Прикль, как треста представитель?

Кинташев

Вновь начинает жизнь надеждой ворожить!
О, мистер Сам! Вы мой спаситель…
Мисс Прикль! Я возрожден. Ваш молчаливый чтитель
Дерзает руку вам и сердце предложить.

Мисс Прикль

Коварный. Через вас несчастна я довольно.
Что ж будет с мисс Примроз? Мне и подумать больно.
Клянетесь ли со мной одною жить.

Кинташев

Клянусь.

Сам

Ол-райт. Я, Сам, – отец ваш посаженный,
На всех делах семьи печать: Чикаго-трест.
Слугами будут вам мой Томми и мой Джонни.

Мисс Прикль *(к публике)*

Как страшно девушкам снимать вуаль невест.

Кинташев *(величественно):*

Был давеча коми,
Теперь – властитель.
Я – представитель
Чикаго, mes amis!
Кинташев вновь – он сам,
Устав от маски.

Шнурки, подвязки,
Весь хлам ко всем чертям!
Подвязки и корсет,
К чертям летите!
В моей орбите
Вам места больше нет.
(расшвыривает свой товар, негры его подбирают).

Мисс Прикль

Довольно было ссор,
Мой друг, меж нами:
Мечта о Саме
Двух чувств питала спор.
Но Самом, ах, самим
Два сердца слиты,
И как боллиты
Друг к другу мы летим.
Вы – Сама самого
Мне заместитель,
Мой повелитель
От имени его.

Кинташев и Мисс Прикль *(вместе)*

Играет в жмурки Рок
Сто раз обходим
И вдруг находим
Мы суженую / суженого в срок.
Долой былой режим!
Мы впредь друг другу
Супруг супругу –
Навек принадлежим.
Да, Самом, ах, самим
Два сердца слиты.
Как сателлиты,
За солнцем полетим.

Сам

Ночуем, что ли, тьфу, годдам, мы в этом доме?

В аэроплан, мисс Прикль, Кинташев, Джонни, Томми!

(быстро сходит с террасы, за ним названные лица).

Кинташев *(бросаясь за Самом вдогонку)*

Простите, мистер Сам. Летать я не привык,

К отдышке склонен я и к головокруженью:

Дозвольте предпочесть мне твердый материк

Воздушному передвиженью.

*Не успев догнать **Сама,** который его не слушает, **Кинташев** вдруг останавливается и через мгновение устремляется назад. **Негры** удерживают его широко раздвинутыми руками.*

Мисс Прикль *(неграм)*

Ведите под руки его.

Кинташев *(упираясь)*

Нет, нет, боюсь.

Сам *(издали)*

Мисс Прикль!

Мисс Прикль *(бежит вперед)*

Я здесь.

Кинташев *(бежит за ней)*

За ней. Стихиям отдаюсь.

Бортищев *(со ступенек террасы)*

Так вечно женственное нас возносит.

Нуну *(махая платком улетающим аэронавтам)*

Бонжур, шер Сам. Жаль, ветер звук относит.

(оба сходят с террасы и удаляются в тихой беседе).

Толпа

Вот он сам, авьятор

И реклам диктатор!

За океан их полет

Quel pilote!

Строят янки танки

И скупают банки:

Даст сто очков нам вперед
Их народ.

(толпа расходится).

На террасу выходит, в дорожном платье, ***Мари*** *и приближается к недвижно сидящему* ***Крушинину. Мари*** *несколько мгновений стоит на месте, он безучастно смотрит перед собой. Она приближается к нему. Мимическая сцена.*

Мари

Не проклинай ухода моего!
Я свой приход к тебе благословляю.

Крушинин

(пробуждаясь от оцепенения, с болезненным движением страха и детской надежды)

Ты жизнь мою берешь. Останься, умоляю…
Иль я в судьбе твоей не значу ничего?

Мари

Свободная, тебя свободным оставляю.

Крушинин

Пуста моя свобода. Не стыжусь
Перед тобой явиться малодушным
И прежнею отвагой не кичусь.
Не покидай меня. Я за тобой влачусь
Беспомощным ребенком и послушным.

Мари

Твоей душевной пустоты
Я не хочу быть маревом воздушным.
Скитаться твой удел. Любить не можешь ты.
Не возражай. Не раз мои черты
Ты видеть мог без маски: равнодушным
Ты был тогда. Во мне игру мою,
Обман любил; в себе – любовь свою…
Я ж не люблю – любви. И с маской, что̀ роняю,
Ее из сердца изгоняю.
Мы чужды.

Крушинин

Сердца нет в тебе.

Мари

Но многое в моей судьбе
Ты значишь: ведь с тобой я знала жизни силу
И душу мертвую еще живить могла…
И вот упала вновь в могилу,
Конечной смертью умерла.

Крушинин *(с внезапной скорбной твердостью)*

Я немощен, но в немощи свершится
Моя любовь, и ты, быть может, оживешь
Любовию моей… Иди, куда идешь.
Всему я должен покориться.

Отдаленный свисток парохода. На террасу всходят, возвращаясь из сада, ***Бортищев*** *и* ***Нуну****.*

Нуну

Пора, Мари. Наш пароход свистит.
Автомобиля слышу содроганья.
Крушинин и Бортищев, до свиданья.

Мари

Расстанемся. Простите.

Крушинин

Бог простит.

Крушинин садится *на прежнее место и погружается в прежнее оцепенение.* ***Бортищев*** *провожает женщин в дом и через короткое время возвращается. Сумерки сгустились.*

Бортищев

Прознал я от крестьян: венчанье в церкви правят,
И мимо нас пройдет их свадебный кортеж.
Вот нам и развлеченье. Пусть оставят
Нас женщины: ведь мы с тобою те ж.
А завтра в путь, домой. Но воздух что-то свеж:
Пойду-ка в горницу.

Крушинин

Зачем она бежала?

Зачем, бездушная, она изображала,
Так убедительно притворствуя, любовь?
Искусство тожественно ль с ложью?
Будь проклят блеск его, затмивший правду божью!..
Скажи, я назову ль ее своею вновь?

Бортищев

Скажу я прямо, в чем уверен:
Марии нрав не лицемерен.
Артистка не при чем: ты женщиной любим,
Она счастливою не может быть с другим.
Ее надменное витийство –
Отчаянье. Ее уход –
Душевное самоубийство.
Но знал я издавна, что все ж она уйдет, –
Чтоб от любовных чар ты первый не очнулся.
Обидой жизненной она,
Страданьем ожесточена…
Нецеломудренным сочувствием коснулся
Твой зов ее души заповедных глубин.
Зачем же, если к ней так целостью метнулся,
Нецелостен ты был в тот первый миг один,
Когда условный брак и краткую забаву
Ей предложил, чтоб свой развеять сплин?
Ты в кубок жизни влил смертельную отраву.
Ты в гейше медленно испытывал жену,
Своекорыстно, осторожно;
Доверье стало невозможно:
Ты оскорбил ее… Пойду к себе, вздремну.

Крушинин

Итог последний?

Бортищев

Жди, отвечу односложно…

Крушинин

Какой урок!

Бортищев

Уж отплыли: на взморье огонек.

(уходит).

Крушинин *(один)*

Мерцает огонек на мачте корабля,
Что в море темное мою любовь уносит.
Лететь бы вслед за ним, и крыльев сердце просит,
Но держит узника унылая земля.
Лететь бы вслед за ним, и крыльев сердце просит!..
Еще его во мгле могу я распознать…
Вчера я счастлив был: былого не догнать,
Что в море темное мою любовь уносит.
Вчера я счастлив был: былого не догнать.
Пуста моя душа, и склепа нет мрачнее.
Заветный огонек, чем доле, тем бледнее:
Еще его во мгле могу я распознать.

(В оркестре слышится стук деревянных инструментов, возвещающий приближение свадебной процессии).

Заветный огонек чем дале, тем бледнее,
Окрест могилами разрытыя поля…
Скелеты движутся, костями шевеля…
Пуста моя душа, и склепа нет мрачнее.
Скелеты движутся, костями шевеля,
В разгуле праздничном и свадебном веселье…
О, безотзывная, унылая земля!
Нег упоительных угрюмое похмелье!..
Чуть брезжит огонек на мачте корабля.

Свадебный хор крестьян

(сопровождаемый пляской в деревянных башмаках)

Нынче будет пир горой,
Бочек выкатили строй.
Дочь, как яблочко, красна.
Будет матушка пьяна.
Будет свекор пьяным пьян:
Аль у девушки изъян?

Отдавали молодцу
Без изъяна девицу.
Свадьбе слава, дому клад,
Молодым любовь и лад!

Действие III[e]

Место I-го действия. Гул музыки и танцев за сценой. ***Крушинин****, с растрепанными волосами, с блуждающим и мутным взглядом, входит, пошатываясь, и садится за столик, где потемнее. Проходит* ***Бортищев****.*

Бортищев

Ты здесь опять?

Крушинин

Всегда.

Бортищев

(подсев к столу Крушинина)

Я прихожу по долгу.
Пока моя плясавица Нуну
У богомерзкой прелести в плену,
В плену и я… Сижу в углу, вздремну
И в полусне родную вижу Волгу,
И липы старые, и прадедовский дом,
Где ныне свил гнездо какой-то исполком.
Как некогда к земле, так я к Нуну прикован…
А ты? Будь, как Мерлин, ты феей очарован,
Я понял бы тебя. Но Вивианы нет.
Ушла твоя Мари в блестящий полусвет,
С тех пор как дядя Сам устроил ей карьеру
И в Опера Комик ей хлопает Париж.
Довольно, милый! Знай же меру:
Ты нам излишнее внимание даришь.
Здесь душно. На простор. Стряхни глухой гашиш.
Не опротивели тебе их визги, пляски
И самого ковра назойливые краски?

Крушинин

(полусознательно повторяя слова собеседника, как эхо)

Все, брат, бессмысленно, как эти гики, пляски,
Как этого ковра изученные краски.
Мы в жизни, кажется, ненужный элемент.
Гарсон…

Гарсон

Plait-il?[42]

Крушинин

Абсент.

Гарсон

Au sucre?

Крушинин

Non. Nature.[43]

Бортищев

Опять Перно проклятый!
И в этот час! Ты стал, брат, пьяница завзятый.

Крушинин *(перед которым гарсон ставит бокал)*

Мы оба лишний элемент.

Нуну *(вбегая)*

Охота вам хандрить над ядовитым зельем!
Вы нашим деланным отравлены весельем,
Крушинин. Вреден вам парижский наш угар.

Другой гарсон

Мамзель Нуну, ваш номер.

Нуну

Оревуар.

(Бортищев предлагает руку Нуну).

Бортищев и **Нуну** *(удаляясь)*

Жизни шалый ералаш
Двух сердец не разлучает,
И пастушеский шалаш
Милым двум не докучает.
Раззолоченный плафон

Над постелью – иль солома,
Что за дело? Купидон,
Все равно, ночует дома.
И этот Вавилон
Любови не обида,
Мой нежный Филемон,
Любезная Бавкида.
В переменчивой судьбе
Будем верными друг другу:
Я супруга чту в тебе,
Я в тебе – мою супругу.
Неотвязный селадон
И ревнивая обида
Не смутят нас, Филемон,
Не смутят, моя Бавкида.
Салона легкий тон –
Любови не обида,
Дражайший Филемон,
Сладчайшая Бавкида.
Жизни шалый ералаш ***и проч.***

Что с нами ласков он,
Мы не покажем вида,
Любезный Филемон,
Прелестная Бавкида.

Крушинин

(один в темнеющей зале)

Лишь вечер настает, я должен эту муку
По капле пить, как вор, тайком от липких глаз,
Опять переживать ту встречу, ту разлуку,
В притоне, где ее увидел в первый раз.
И стены пошлые заветны и священны,
Как склеп чистилища, где ждет меня дрема,
Которой слаще нет из всех огней геенны,
И пыткою манит поганая тюрьма.

Отчаянье, как смысл вселенной, как разгадка
Последняя всех тайн, – отчаянье, как хмель,
Со мною шепчется так вкрадчиво, так сладко;
"Все жизни марева – лишь путь ко мне: я – цель.
"Я – смерч. Я – смерть. Я – смех волшебницы Морганы.
Я, в белом саване, твоя Мари Бланпре…
Чу, похоронные по ком гудят органы?
И свечи перед кем горят на алтаре?
"Иди к Мари: умри. На снежные поляны
Мари зовет: умри. Иди к Мари, к сестре.
Я – цель. Я – смерть. Я – смех мерцающей Морганы.
Вся в розах, я – скелет: закружимся в игре…"

Крушинин смеется. Вынимает из кармана маленький револьвер и бессознательно с ним играет. Становится еще темнее. К его столу присаживается неопределенная темная фигура.

Ба, это вы, аббат любезный?
Повсюду стережете вы.
Ну, что ж? Про век наш, век железный,
Продолжим разговор… Увы!
Я чую тонко запах серы,
Я знаю твердо: мы горим,
Сказал бы, – будь я вашей веры, –
Что все пути приводят в Рим.
Но истинней *моя* святыня:
Глаза отчаяния – твердь,
Любовь – мираж. Отец – пустыня,
Сын – путник… А Мария – смерть!
Ха-ха. Вы головой кивнули, –
Согласия безмолвный жест, –
И мне безмолвно протянули
Блестящий… ну, конечно, крест?
Благодарю за амулетик.
Но как, скажите, к вам попал
Игрушечный мой пистолетик?
А все-же бьет он наповал.
Опять кивок. Ну, ладно. Прямо

В висок, – и кончено. Годдам,
Вы превратились в дядю Сама,
Пожать я счастлив – поршень вам.
Не поршень? Как? Пожать велите…
Так, так, еще… Вы, Сам, мой рок!
Отдайте мне ее! Внемлите
Любви моей!… Еще – курок?!
А ….

Сон Крушинина

Раздается как бы глухой выстрел (в оркестре). Крушинин лежит на полу мертвый. Проходят слуги-мурины в черных фраках, с высокими зажженными свечами, и становятся полукружьем. Мари, бледная, стоит над трупом с видом власти и торжества, протягивает магнетическим жестом руки вперед, медленно приподымает их и, – повинуясь ея магии, покойник выпрямляется, встает и связанными косными движениями вторит ее начинающемуся танцу. Танго смерти (tango macabre). Она пляшет в исступлении, вакхически запрокидываясь, маня, и гальванизованный труп ответствует ей механически, бледный, с закрытыми глазами, с полуоткрытым ртом, с виснущей на сторону головой, с кровавой раной в виске.

Задняя стена сквозит, расступается: в глубине, среди светильников и курильниц, сверкает литой из золота колоссальный и чудовищный мексиканский идол царящего на троне могущественного и жестокого демона. На его коленях гиератически восседает дядя Сам, с двумя золотыми слитками в руках. Завидев Мари, он сходит на земь и начинает жонглировать слитками. Мари под его взглядом внезапно останавливается, и покойник, потерявший силу оживления, тяжко падает, прямой и длинный, со скрещенными на груди руками. Слуги поспешно покрывают его с головы до ног сдернутою со стола, испещренною винными пятнами, скатертью. Мари, сорвав с корсажа пучек алых роз, бросает их на закутанное в саван тело. Сам подходит к Мари, берет ее под руку и ведет к подножию идола. Шесть слуг несут за ними тело и слагают его у ног чудовища. Сам и Мари, жених и невеста, став по обе стороны покойника, меняются над ним обручальными кольцами. Когда они сближают над мертвым руки, их личина спадает: Сам обнаруживается машиной, Мари скелетом. Едва их пальцы соприкоснулись, раздается подземный удар, оба рассыпаются – один в части механизма, другая в груду костей. Густая тьма, долгий вопль адских сил.

Сцена освещается. Крушинин виден на прежнем месте. В забытьи он соскользнул с кресла на ковер и пытается приставить к виску зажатый в руках револьвер. Дядя Сам следит за его движениями из-за угла портьеры, потом быстро подходит к нему.

Сам

(вынимает из руки Крушинина револьвер и усаживает его в кресло)

Вы поступили безрассудно,
Но жить научитесь, by God, –
Коль умирать вам так нетрудно,
Самоубийственный народ.

Мари *(взволнованная входит)*

Что сделал он? В кого он метил?

Сам

В себя, к несчастью. Я приметил
Его спускающим курок.

Крушинин (*Саму*)

Я видел вас во сне: вы были – рок.

Сам

Коль так, то верно – рок незлобный,
Машине может быть подобный.
Но есть во мне душа – the soul, –
Как формула мильона воль.

Крушинин

Я видел вас во сне машиной
И, кажется, хотел, но все не мог убить.

Сам

Ужели было то причиной,
Что череп вы себе старались раздробить?

Крушинин

Что ж, может быть.

Сам

Ха, ха, ха, ха,
Машины мы, пускай, – но целые особи,
Вы люди – пусть и так, – но почему-то дроби.

И целое у вас –
Вы все зараз:
Все мечетесь в жару, все дрогнете в ознобе.
Но выздороветь, выжить вам
И научиться жить, как мы, желает Сам.

Крушинин

Я умереть хотел, но как-то мимовольно…
Быть может, волить мне и вовсе не дано.
А жить… жить сызнова, жить горестно и больно –
Как будто бы повелено…
Благодарить вас не могу. Довольно.
Стыжусь, что причинил тревогу. Я спешу.

Сам

Останьтесь, сэр, на миг один, прошу.

Мари

Прошу, идти его пустите.

Крушинин

Что вы сказать хотели мне, скажите.

Сам

Я – человек толпы, Молва –
И лживая – всегда права.
Молва, Мари, вас клеветой поносит,
Связуя наши имена
По-своему. На то она
Согласья нашего не спросит,
Не лучше-ли, – хоть брачных уз
Обоим нам и необычен груз, –
Мы сами ей дадим соизволенье
На двух имен соединенье,
Себе – на жизней двух союз?
Хотите ль быть моей женою, –
Я нынче спрашиваю вас,
Затем что, как узнал сейчас,
Ваш друг лишь вами жив, одною.

Так выбирайте-ж, сердце не тая,
Кому из двух вы скажете: твоя.

Крушинин

Мари, вернись и будь навек моею, –
Когда ты любишь. Если ж нет,
Я буду ждать… То не обет,
Но жить иначе не умею,
И знаю: ты придешь, хоть и чрез много лет.

Мари

*(распахивая портьеру и впуская большое общество, среди которого появляются **Нуну** и **Бортищев, Кинташев** с женою и мисс **Примроз**, господин с орхидеей и другие, прежние и новые, лица)*

Все, все, что собрались на пепелище старом
Мой в роли новой праздновать успех,
Товарищи, сюда. Зову я вас не даром,
Но, чур, удерживайте смех…
Сам, дядя Сам, друзья, спасти решился
Мне имя честное – и предлагает брак.
А следом заодно и русский мой чудак
В рискованное плаванье пустился.

Гости

Куда-же ветер веет –
На запад иль восток?
Кто весть судьбы сумеет
Прочесть промежду строк?

Мари

Ведь с этим раньше я жила,
Наложницей другому обещалась
И ласки наперед запродала, –
Затем, что с честию давно я распрощалась.

Крушинин

Себе кажусь я гадок.

Сам

Я векселя не брал.

Гости

Истерика! Припадок!
Надрыв! Бэдлам! Скандал!

Мари

Обоим свой ответ без колебанья дам.
Внимайте, рыцари, и вы, мои собратья!
На сцене лишь к лицу мне свадебные платья.
Я не люблю вас, мистер Сам…
Тебя ж, мой мальчик безрассудный,
Любила я, как жизнь мою,
Другого уж не полюблю,
Но я боюсь твоей любови трудной:
Она всечастный мне укор,
И мне дороже мой позор.

(Присутствующие смущенно молчат).

Крушинин

Ужель сильней любви
Молвы предрасужденья,
И все томленья,
И все моленья
Тщетны мои?
Любовь в своем огне
Гордыни ль не расплавит?
Злой ум лукавит,
Когда все славит
Благость во мне.
О, сердце, смей
Вестью весны плавить лед,
В гробе зимы жизнь будить.
Неудержим верный ход
Медленных дней.
Солнце, смей без устали лить
Волны лучей.

Мари

Былой любви
Ты не живи,
В былое не зови!

Как лед в огне
Зима во мне:
Мертва, смеюсь весне.

О, сердце, смей
В ветре весны быть как лед,
Мертвой зимы сон хранить.
Силу лучей солнце льет:
Ты цепеней.
Гордым хладом смей отразить
Копья лучей.

Господин с орхидеей в петлице

Вниманье! Иску вы, Мари Бланпре, подсудны,

Коль обязательства контракта обоюдны.
Я вашей подписью скрепленный договор
Имею огласить. Его храню с тех пор,
Как в этом месте я, агент парижский Сама,
Нотариусом был – и завязалась драма.

Крушинин

Я узнаю вас, мой аббат?

Господин с орхидеей

Я рад,
Хоть чувствую себя немного пристыженным:
Я богословием ваш сплин развеять мнил…
Вот и револьвер ваш: его я подменил
Нечаянно другим – незаряженным.

Сам

Меня же вы отцом признали посаженным,
И право я имел участвовать в игре.

Господин с орхидеей

Мой документ гласит: “Я, гра́жданка Бланпре,
В брак на два месяца с Крушининым вступаю”, –
И прочее… Строк десять опускаю…
“Но ежели через полгода я
Пред всеми заявлю, что всё его люблю я, –
То в брак законный с ним вступлю я,
И в том порукой честь моя”.

Мари

Хоть подпись подлинна, но договор подложен.

Сам

Что в том, коль смысл его не ложен?

Гости

Вы были безрассудны:
Давать подписку – риск.
Условья обоюдны:
Законный признан иск.

(Мари смущенно подает руку Крушинину. Крушинин смущенно целует ее руку).

Сам

Наш итог, Крушинин, –
Дядя Рок повинен
В том, что склеил ваш союз.
Хоть скажу без лести:
Дядя Сам, по чести,
Брачных противник уз.
Годдем, тьфу!

Бортищев, Нуну и Господин с орхидеей *(вместе)*

Мы вместе вновь: конец сердечным драмам!
"Любовь – Мираж"? Едва ли. Вот урок…
Суровый Рок разоблачился Самом, –
"Любовь – марьяж" устроил дядя Рок.

Гости

За ваш союз бокалы сдвинем звонко!
Пройден искус, преподан вам урок.
Жестокий Рок испытывал вас тонко,
Но был к вам добр замысловатый Рок.

(Мари и Крушинин, взявшись за руки, убегают).

Гости

(со смехом устремляясь за ними с бокалами)

Вечерами
Над толпами
Нам горит маяк…

(Занавес падает при первых звуках хора, заглушаемого оркестром).

[1] "Как некий демон" – из монолога Барона в "Скупом рыцаре" Пушкина.

[2] Я милая прелестная девица,
Подобная розово-прозрачной жемчужине.
Моя защита – моя красивая раковина,
Но для тех, кто ныряет глубоко,
Я мою дверь не замкну.
Вы, влюбленные в море,
Добро пожаловать на чашку чая
В пять часов (англ.).

[3] Прошу Вас, точно в пять часов (англ.).

[4] Да, я принимаю в пять часов (англ.).

[5] Да, все ясно, месье (франц.).

[6] Имеется в виду О. Шпенглер.

[7] Какая скука! (франц.).

[8] Закуски (франц.).

[9] Французский город, знаменитый своими устрицами.

[10] Авторский вариант этой песни на русском языке см. ниже, с. 79.

[11] Мой петушок, курочка моя,

Клюв к клювику,

Будут устрицы,

Дернем шампань! (франц.).

[12] Восклицание типа “черт возьми!”

[13] Восклицание типа “черт возьми!”

[14] Дай королю руку (англ.).

[15] Очень приятно (англ.).

[16] Я танцевала в Лондоне, Нью-Йорке, Ницце,

Все сочли мои колени красивейшими (англ.).

[17] Имеется в виду оперетта “Прекрасная Елена” Ж. Оффенбаха (1864).

[18] Галантное соревнование (франц.).

[19] Я уверена в моей победе (англ.).

[20] Все на войну! Вперед! (франц.).

[21] Это неожиданно (франц.).

[22] Смелей, месье! (франц.).

[23] Надеюсь (англ.).

[24] Очень славно (англ.).

[25] Я считаю (англ.).

[26] Какая жалость! (франц.).

[27] Помещенным (англ.).

[28] Много (англ.).

[29] Остается между нами (франц.).

[30] Ласки (англ.).

[31] Да, я тоже согласна (англ.).

[32] Аппетит приходит во время еды (франц.).

[33] Бывшего (франц.); выражение, употреблявшееся во время Великой французской революции.

[34] Пароход (англ.).

[35] Большой экипаж (англ.).

[36] Так проходит слава (латин.).

[37] Галантные ужины (франц.).

[38] Ее побил (франц.).

[39] Черт возьми (франц.).

[40] Вот те на! (франц.).

[41] Качает! (франц.).

[42] Что угодно? (франц.).

[43] С сахаром? – Нет. Чистый (франц.).

СЕНТЕНЦИИ И ФРАГМЕНТЫ ВЯЧ. ИВАНОВА В ЗАПИСЯХ О. ШОР

Предисловие и комментарии С. С. Аверинцева
Подготовка текста А. Б. Шишкина

Собеседования такого рода, чрезвычайно приватные по своему жанру и тону, рассчитанные на негромкую акустику домашнего пространства, исходящие из презумпции полного понимания "с полуслова", и порой, как кажется, "полусловом" и ограничивающиеся, а после записанные, но не так, как Эккерман записывал Гете, или, чтобы взять пример поближе, как М. С. Альтман записывал того же Вяч. Иванова, а в манере довольно беглого дневника, сугубо "для себя", – подобное чтение представляет специфические трудности, порой, признаемся, довольно ощутимые; однако оно и дает то, чего не даст ничто иное.

Постепенно сквозь видимость хаоса проступают отчетливые лейтмотивы.

Снова и снова слышится очень характерный для русской мысли протест против определенной тенденции немецкого философствования, связанной прежде всего с именем Канта; сюда относится, наряду со всеми прямыми упоминаниями кенигсбергского философа как "*épicier*" – "*мелкого торговца*" (11 октября 1932) и как "*психолога*", подменившего метафизику, приличествующей именно психологу, переориентацией на субъективистскую рефлективность (22 марта 1935), также не имеющее прямого отношения к Канту скептическое замечание о концепте "ценностей" (нем. Werte).

В связи с этой подтемой необходимы особые замечания. Что, собственно, неприемлемо для Вяч. Иванова в столь привычном для нас словоупотреблении? Новоевропейский, только в XIX столетии термин "ценность" перенимает функции прежнего термина "благо" (греч. ἀγαθόν,

лат. bonum), однако вносит принципиально новый момент несовместимой с онтологизмом субъективности: если "благо" онтологично, присуще самой сути бытия и даже может отождествляться с ней, – по схоластической максиме, "сущее и благо суть понятия взаимозаменимые (лат. "ens et bonum convertuntur"), – то "ценность" имеет происхождение в полновластно производимом субъектом акте "оценивания" (нем. "Wertung"). "Философия ценностей (Wertphilosophie) в собственном смысле восходит к Лотце (R. H. Lotze, 1817-1881), для которого характерно обособление областей "действительности", "истины" и "бытия" от области "ценностей", служащее попытке примирить механистическое понимание природы с религией, исходя при этом отчасти из Лейбница и в основном из Канта. Позднее обсуждение концепта "ценностей" особенно характерно для неокантианства и родственных течений.

Всё это заставляет вспомнить для начала и полемику В. Ф. Эрна, и пассажи о. Павла Флоренского, противопоставлявшего Канту Платона и даже применявшего к Канту новозаветное выражение "столп злобы богопротивныя", и стихи Андрея Белого про "Критики", затмевающие свет небесных звезд, и про "*марбургского философа*" – неокантианца:

"Жизнь, – шепчет он, остановясь
Меж зеленеющих могилок, –
Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок.
Она рассеется как дым,
Она – не жизнь, а цепь суждений..."

Можно было бы составить из этих антикантовских выпадов в стихах и прозе, исходивших из среды, Вяч. Иванову близкой, целую антологию. Что до внутреннего "вячеслав-ивановского" контекста, необходимо вспомнить столь характерную для него полемику против того, что на его языке именуется "идеалистическим символизмом" и против чего он защищал символизм "реалистический". "Реалистический" символизм исходит из веры в символические связи, обнаруживаемые в глубинах объективного строя вещей и могущие быть адекватно познаваемыми; напротив, "идеализм", т. е. то направление, виднейшим представителем которого был Иннокентий Анненский, исходит из непознаваемости, так сказать, *вещи в себе*, и постольку избирает "правило верности не вещам, а постулатам личного эстетического мировосприятия".[1] Полемика эта несколько напоминает средневековый спор об универсалиях, в контексте которого "реа-

[1] "Две стихии в современном символизме", 1908 (Вяч. Иванов. Собрание сочинений. II. Брюссель 1974, с. 539).

листы" утверждали сверхэмпирическую адекватность общих понятий, а "номиналисты", отдаленно предвосхищая кантовский "критицизм", усматривали в них простые "наименования", т. е. инструментальную инициативу самого субъекта познания. Конечно, Вяч. Иванов отлично помнил об этом, и постольку в изобретенном им термине "реалистический символизм" можно, пожалуй, усмотреть потенциальный каламбур, отсылающий к средневековым "реалистам". Для самого существа его веры неприемлема редукция символа до принадлежности психологии субъекта.

Несомненно, к числу наиболее глубоких, оригинальных и органических для Вяч. Иванова интуиций относится мотив возвратного движения, *Антиройи*, соединяемый с аристотелевским пониманием цели как особого рода причины (ср. схоластический термин "causa finalis"); этот комплекс идей особенно развернуто и систематически развивается в небольшой поэме "Сон Мелампа" (1907 г.), замыкающей раздел "Carmen saeculare" в сборнике "Cor ardens":

> ...Движутся в море глубоком моря, те к зарям, те – к закатам;
> Поверху волны стремятся на полдень, ниже – на полночь;
>
> <...>
>
> Так из грядущего Цели текут навстречу Причинам,
> Дщерям умерших причин, и Антиройя Ройю встречает...

Некоторые брошенные по ходу разговора фразы по своей сути могут рассматриваться как творческие декларации поэта. Исследователям поэтики Вяч. Иванова стоит запомнить его замечание о степени обильности "*извилин*" как критерии совершенства стиля (25 марта 1931).

Стоит отметить свободный тон обсуждения религиозных вопросов. Замечание о католиках, которым "*не мешало бы вспомнить, что они – христиане*", само по себе довольно обычно, однако весьма не похоже на манеру выражаться "конвертита" в тривиальном смысле слова, каким Вяч. Иванов с его собственной точки зрения как раз не был. Что касается нарочито провоцирующего заявления о том, что "*в системе христианства*" будто бы отсутствует юмор, на это можно было бы много возражать, указав, наряду с притчами Христа (где метафорой для милосердия служит поведение проворовавшегося управляющего, который догадался чужим и всё равно уходящим от него добром привлечь к себе друзей, нужных на будущее, см. Лук. 16, 1-9, а образцом для неотступности в молитве выставлена надоедливая просительница перед "судией неправед-

ным", см. там же 18, 1-5), наряду с многочисленными эпизодами житий святых, – то обстоятельство, что само понятие "юмора" (в отличие от понятий "смеха", "комического", "сатирического") в дохристианские эпохи просто отсутствовало, явилось лишь в новое время и постольку является если не христианским, то в крайнем случае парахристианским или постхристианским. Но для подобных возражений приходится выйти из роли комментатора; возвращаясь к обязанностям последнего, решимся предположить, что слово "юмор" употреблено здесь с неизбежной время от времени в контексте приватных диалогов нетерминологичностью – и обозначает то самое, для чего М. М. Бахтин (между прочим, испытавший сильное общее воздействие мысли Вяч. Иванова) ввел новый, уже привычный для нас термин "смеховая культура". Тогда такого термина еще не было... Но упоминание сатиров отсылает именно к "смеховой культуре", а не к юмору, скажем, диккенсовского типа, обходящемуся без плясовых телодвижений и вакхической громогласности.

Текстологическая справка[2]

Автографы рукой О. Шор в двух блокнотах карандашом и чернилами воспроизводятся здесь в соответствии с порядком расположения текста на листе, то есть с повторами и частично нарушенной хронологией. Последняя запись из блокнота "1" помечена 23 августа 1934. Кроме ивановских высказываний (л. 35об–42об, между лл. 35 и 36 вложен листочек с записью 10 ноября 1928) здесь записаны ст-я Вяч. Иванова, переписанные рукой О. Шор и сопровожденные примечаниями, которые фиксируют авторские датировки или автокомментарий. Так, ст-е "Ночь златокрылая..." сопровождена датой "7 янв. 1918 г." и вариантом заглавия – "Animus et anima" (л. 1), сонет "Весь исходив свой лабиринт душевный" – комментарием «"Число есть отношение Realiorum к Realia" В. И. Февраль 1931 г.» (л. 3), два фрагмента из поэмы "Человек" (ср. III, 238) "Человек! Еще ты болен..." и "Ведай сердцем благодарным" – соответственно "октябрь 1916" и "1 марта 1917" (л. 8). Записи чернилами в блокноте "2", л. 9–10, 12–13, начинаются с фразы "1. В греческих надписях".

[2] Принадлежит А. Шишкину.

В. И. 10 ноября 1928. Рим.

Я: “Вы не забыли русский язык, живя заграницей”.

В. И.: “Я не разучился ему, даже живя в России”.

“Хороший стиль как мозг. Он тем совершеннее, чем в нем больше извилин”. В. И. 25 марта 1931 г.

“Предустановленная гармония как закон ткацкого станка: сплетает разные нити в одну ткань”.

“Предустановленная гармония только звучит примирительно мягко – это страшная, величайшая антиномия”.[1]

9 апр.

Многим католикам не мешало бы вспомнить, что они – христиане.

30 мая.

24 июня 1931 г.

Говорили о Вячеславологии:

Стих в “К Памяти” о растениях: они живут из будущего в прошлое.[2]

Стих в “Младенчестве”. Переход от сада и растений к старику Сторожу естественен, так как *молодые* травы соответствуют именно *старику* в человеческом мире.

Мир “ценностей” – якорь брошенный, но недостигший дна и шатаемый волнами.[3]

В системе христианства нет юмора. С этой точки зрения можно было бы написать критику христ<ианства> покрепче Ницше. (В греческой религии юмор есть: сатиры).

Поэт – тростник kalamos;[4] в нем нет ничего героического; он пред всеми склоняется, – оппортунист, приживальщик.

Мистические состояния его не меняют как человека; он Богу делает offerte[5] и спешит убежать прочь от Него.

5 августа 1931.

30 января 1932.

Говорили об особенностях вячеславова розенкрейцерства.[6] Есть "племя", кот<орому> разрешать соединение розы и креста дано в форме соединения Греции с христианством. М<икель> А<нжело> взял мрамор Эллады, потом розу как купол,[7] кот<орый> поместил на "греческом" кресте[8] – Roma quadrata.[9]

Вячеславу Христос в 7 лет дан как светлый лик, роза, а Греция лет в 11 как аромат кипариса<,> ладана в звуке (Θεός).

Аполлон был принят рассудком как "Эллада" в школе, но в переживании дан через Диониса (как и в самой Греции). В бурном жизненном переживании раскрылся дионисийский пафос и узнался крест. А в христианстве через "нежную тайну" рождения открылась девственность, *целостность* (греч. категория), *роза.*

Наконец делается научная попытка связать христианство с греческими мистериями. После этого утверждение *креста* в христианстве – отсюда "палинодия".[10] Отсюда христианский ужас пола.

Тяготение к Риму; квадрат – основа. Купол под крестом.

Потом – св. Георгий.[11]

* * *

9 февраля 1932.

Влюбленность – притяжение магнита;

Любовь – электричество, гроза.

Тайновидцы влюбленности могут и не знать любовь. Толстой – изображал влюбленность; Достоевский – любовь (Грушенька).[12]

* * *

10 февраля.

Если б был молод, написал бы историю философии в ее зависимости от языка. В языке заложена и поэзия и философия народа.

* * *

15 февраля.

Нафанаил делает силлогизмы;[13]

Фома – основатель индукции;

Петр – интуитивное знание.

Все типы познания даны в Евангелии.

* * *

Говорили о том, что у Вячеслава очистительный поэзией <sic!> акт происходит в виде лирического гимнотворчества, кот<орое> в свою очередь есть sui generis проекционная геометрия: событие жизни погружается в память веков, до древних мистерий и так вновь полученное в Памяти очищается, что есть действия Благодати, как и самое послание поэтического дара.

* * *

11го октября 1932.

Философия Канта – описывает сознание épicier'a. Как термин made in Germany, – отлично оборудованная кухня с оловянными кастрюлями. Кант определил век pétit bourgeois. Весело было бы перевести термины на язык пролетарского сознания.

<без даты>

"Вся Греция симуляция".

июль 1932.

"Поток чудесного течет в берегах натурального".

"Говорят: религия родилась из страха; напротив, отрицание религии происходит из боязни".[14]

<вписано сверху> 23. VIII 34.

– да и то еще: скорее ужас произошел из религии, чем религия из страха.

Малларме потому не имел успеха, что был mal armé. Чтоб победить, ему нужен был Валери (valeur, сила), который так прекрасно сказал по своем избрании в Академию, что это не его избрали, а Малларме.

9 октября 1932 г.

Как легко делать стихи в сравнении с прозой! Мольер это хорошо знал: "Madame, vos beaux yeux me font mourir d'amour". Но он забыл сказать, что эта избранная им самая "простая" форма прозы в прозе *запрещена,* ибо получается чистый александринец.

* * *

Es ergo sum – Достоевский.

Sum ergo es – формула идеализма.

Проблема реального феномена есть проблема теургии.

* * *

15 августа 1933 г.

Благодарю Тебя, Господи, что ты создал меня *міром.*

* * *

Говорили по поводу Р. Штейнера о совместимости перевоплощения с христианством.[15] Вячеслав сказал: Евангелье нигде не отрицает перевоплощения.[16] Никодим (Иоанн, 3; 4), спрашивая о возможности "войти в другой раз в утробу матери своей и родиться", спрашивает о возможности перевоплощения. Иисус отвечает: не в том дело, есть ли перевоплощение или нет; если кто не родится от Воды и Духа....

Es ergo sum – Достоевский.

Sum ergo es – формула идеализма.

Проблема *реального* – феномена есть проблема теургии.

Я – "Вы не забыли русский язык, живя заграницей?"

В. И. – "Я не разучился ему, даже живя в России".

* * *

19 марта 1935 года.

Противоположность субъекта и объекта обычно приписывается разуму; это не верно: сердце ее виновник.[17]

* * *

22 марта 1935 г.

Wie ist Kant überhaupt möglich?[18] Er ist möglich als Psychologe.[19]

* * *

Jede Reflexion ist ein Psychologischer Akt.[20]

23 августа 1934.

Фл.: Думаете ли Вы, Вячеслав, что бессмертие души и бытие Бога доказуемы?

Вячеслав: Не со всех планов сознания равно видны некоторые трансцендентные истины.

* * *

1. В греческих надписях указывались поэты и хореги и *не* указывались актеры.

2. В греч<еском> театре запечатлелось все, что могло запечатлеться и это сохранилось в доступных тогда формах запечатления: театральное действо сохранилось в поэзии (ритм, какого теперь нет), в скульптуре, живописи (изображение костюмов и поз) и в архитектуре (амфитеатры).

3. В музыке -- вещь – *мелос* (единица мелодии).

4. В театре – вещь – движение – звук (единица динамическая).

5. Театральное как динамическое унесено<?> в другие искусства и придавало им движение изнутри.

* * *

Вяч. Иванов:

1. “Не строй на песке”.[21] Песок – это рассыпающиеся индивидуальности. Камень – иерархия личностей.

Вот экзегетика.

2. Бог сказал Человеку: “Аз есмь” – это Его Имя.[22] Потому человек не может сказать “аз есмь”. Но Ты сотворил Человека по образу и подобию своему (иначе и не был бы всеблаг) и сказал ему: “Ты еси”. Но человек должен в ответ сказать Ему: “Ты Еси”. У подножия храма, где на одной стороне была надпись “Познай самого себя”, на другой загадочные слова, которые значат “если” или “иди” или *“Ты еси”*.[23]

3. “О, Артанефис, Ты слышишь эту музыку, которая прислушивается к песням<?> или танцам, придет, придет время и будет звучать свободно”.

А<ртанефис>. “О, это будет высшая радость для души”.

4. Мы происходим из двоих, и множество душ живут в наших душах: все предки.

* * *

Греки видели Ужас темным и заслонялись белыми мраморами. Темным – профетически завладевали в орфических культах.

Средние века видели Ужас – раскаленным, белого каленья. Чтобы не сгореть, они “художественно” пропускали его через призму цветного стекла и загораживались эвфемистически страшными масками своих чудовищ на готических, *прозрачных* церквах.

В Греции тоже есть худ<ожественный> жест как *прозрачность*. Это – в театре. Но там маска – эвфемистическая: “чур меня”. Осторожное наименование Ужаса *темного*. Это – прозрачность в том смысле, что ужас все же *заслоняясь, пропускается. Пламенение через стекло.*

* * *

Память – Бытие

Беспамятство – Смерть = ужас

худ<ожественный> жест = вещь, заслоняющая ужас.

прор<оческий> жест = действие, принимающее ужас.

Подоснова вещи – старина<?> частей, <1 нрзб.>

" " действа – динамизм, текучесть

Но может быть *вещь* временнàя, где динамика, а старое передается профетизму.

Вторая переустановка сознания. = *апантетическая* установка.[24]

Самое *между* как вещность = апантема

Способность ее воспринимать = апантетизм.

[1] *Предустановленная гармония* – понятие, введенное в 1695 г. Лейбницем. По учению Лейбница, монады (субстанциальные элементы мира) не могут взаимодействовать друг с другом, однако изначально включены замыслом Творца в гармоническую систему, взаимосоотносящую между собой пути их развития.

[2] Стихотворения с таким заглавием мы не знаем, однако обращением к Памяти открывается относящийся к 1917-1918 гг. и завершающий III раздел "Света вечернего" отрывок из одинадцати октав, который имеет заголовок "Деревья" и тематически связан с воспоминанием о В. Ф. Эрне. Вот несколько мест оттуда, связанных с ключевыми для Вяч. Иванова мотивами движения "к истоку дней", "к началу вверх":

...Встают средь милых сердцу встреч
Обличья душ, лишь памятью живущих
(Им не дано воспоминать, но течь
В ее русле им значит жить,), текущих
К истоку дней; душ, избранных беречь
Старинный сон, – вне мира в мире сущих:
Обличия дремотный ткет напев
Ветвящихся над путником дерев. <...>

Не по твоим избраньям иль заслугам
Спасает Дух, что некогда живил,
И вот река течет бессмертья лугом,
К началу вверх, откуда ключ забил,
Растениям вокруг, немым подругам,
Которых ты предчувственно любил,
И прошлого лелеет отраженья,
Омытые в водах пакирожденья. <...>.

Ср. из стихотворения "Вечные дары" ("Кормчие звезды", раздел "Цветы сумерек"):

...Пасомы Целями родимыми,
К ним с трепетом влечемся мы –
И, как под солнцами незримыми,
Навстречу им цветем из тьмы...

Стих в *"Младенчестве"*. Имеется в виду следующее место строфы XVIII "Младенчества":

...Зверям присвоенного рая
Служил преддверием наш сад:
Акаций старых вижу ряд,
Березу, – у ворот сарая
Седого дворника, как лунь,
Как одуванчик – только дунь!

[3] См. Предисловие.

[4] Греч.: "тростник".

[5] Ит.: "жертвоприношения".

[6] Розенкрейцеры (нем. Rosenkreuzer, архаич. написание Rosencreutzer, от Rose "роза" и Kreuz "крест"), или "Братство Розы-Креста" (лат. Fraternitas Rosae Crucis), – обозначение довольно загадочного мистического сообщества в географическом ареале Реформации, заявившего о себе в начале XVII в., но ссылавшегося на некоего "рыцаря Христиана Розенкрейца", якобы жившего еще в XIV-XV вв. Главным автором этого сообщества был лютеранский теолог Валентин Андреэ (Andreae, 1586-1654), не чуждый социально-утопическим интересам. Известное влияние розенкрейцерских идей находят у таких мыслителей, как Я. А. Коменский и Р. Декарт. После упадка розенкрейцерской традиции в конце XVIII в. и особенно на рубеже XIX и XX вв. обозначение "розенкрейцерство", как кажется, теряет какую-либо терминологическую фиксацию, различные оккультистские группы в различных странах, в том числе и в России первой половины XX в., называли себя розенкрейцерами. По характерному замечанию современного специалиста, "в эту эпоху само собой разумелось, что всякий эзотерик был также розенкрейцером, что бы при этом ни имелось в виду" (H. Werner, *Lexikon der Esoterik*, Wiesbaden 1991, S. 565). Ср. также: K. Hoheisel, *Die Symbolik der Rosenkreuzerbruderschaft und ihr Weiterwirken* // "Symbolon", Neue Folge, 6, 1928. Для интерпретации данного места всё это едва ли имеет значение, поскольку в его контексте слово "розенкрейцерство" употребляется в этимологическом смысле для обозначения потребности соединить с Крестом (аскетически воспринимаемым явлением Божественного Начала во всей чистоте Его потусторонности) – обвивающие его Розы, т. е. явление земной красоты (в том числе и ценности культуры). Символическое соединение Розы и Креста, обозначающее надежду на проникновение природы Христовой силой, довольно обычно для эмблематики позднего западного Средневековья и вне зоны действия каких-либо особых тайных сообществ; самый известный, хотя далеко не единственный пример, – печать Мартина Лютера. В раннем эпическом фрагменте Гете "Тайны" ("Die Geheimnisse") идет речь об уединенном монастыре, над вратами которого укреплен крест, украшенный розами. Это же соединение – мотив, снова и снова возникающий в поэзии Вяч. Иванова. Вот несколько примеров:

...Аминь всех жизней – в розах крест.
("Младенчество", *Вступление*).

...Те образы ей были сладки,
Где в сретенье лучам Христа
Земная рдеет красота.
(Там же, IV, о матери).

Не затем, что хлынет Свет
Землю обновить,
Хочет сердце каждый цвет
Здесь благословить.

Не затем, что может Бог
Тварь обожествить,
Гость во мне тоску зажег –
Крест Его обвить.
("Римский дневник 1944 года", 24 августа).

Когда мы обсуждаем определенные компоненты мировоззрения и образного языка Вяч. Иванова, было бы одинаково недопустимым как вовсе перестать оглядываться на мир со-

временных ему эзотерических доктрин, так и пытаться чересчур однозначно соотносить с реалиями этого мира мысли и слова поэта, у которого никогда не было склонности перейти на роль популяризатора чужих учений (как, скажем, Андрей Белый популяризировал антропософию). Поэтому истолкование каждого слова, даже столь специфического, как "*розенкрейцерство*", должно исходить из внутренних авторских контекстов, из особенностей сугубо индивидуальной лексики.

[7] Речь идет о строительстве собора св. Петра в Риме.

[8] *Греческий крест* – равносторонний, между прочим, называемый по-латыни "Crux quadrata".

[9] *Roma quadrata* ("квадратный Рим") – традиционное обозначение самого изначального римского поселения на Палатинском холме, имевшего, по преданию, именно такую планировку (характерную впоследствии также для римских военных лагерей и выраставших из них городов). В переосмыслении соотносится с образной символикой антитезы круга и квадрата.

[10] Ср. стихотворение под таким заглавием, написанное в Павии 14 января 1927 г. и вошедшее в V часть "Света вечернего". Оно обобщает покаянные настроения позднего Вяч. Иванова.

[11] Речь идет о центральном образе "Повести о Светомире царевиче", и через него – обо всей символической системе этой попытки нового переосмысления отношений между христианской аскезой и мифологическими архетипами.

[12] Контраст между телесно-биологической реальностью как темой Толстого и экзистенциальным тонусом души как темой Достоевского много обсуждался в символистской эссеистике (например, у Мережковского, к лексике которого, может быть, отсылает употребленное им когда-то именно в этом контексте слово "*тайновидцы*").

[13] В Евангелии от Иоанна (1, 45-49) рассказывается, как Нафанаил (обычно отождествляемый с будущим апостолом Варфоломеем), впервые услышав от Филиппа об Иисусе, поначалу отказался уверовать, ибо полагал, что Иисус родился в том же Назарете, где вырос, между тем как пророчества связывали рождение Мессии с Вифлеемом. Византийский толкователь XI в. Блаж. Феофилакт Болгарский замечает по этому поводу: "Слова его происходили не от неверия, а от осмотрительности и ума, знавшего из закона, что Христос придет не из Назарета, а из Вифлеема" (Св. Евангелие от Иоанна с толкованием Блаж. Феофилакта. М. 1996, с. 76). Но когда при личной встрече Нафанаил имеет возможность убедиться в тайноведении Иисуса, он сразу исповедует свою веру: "Равви! Ты – Сын Божий, Ты – Царь Израилев". *Фома – основатель индукции.* В том же Евангелии (20, 24-28) повествуется, как апостол Фома отказывается верить рассказам о явлениях Христа Воскресшего, пока не сможет убедиться в их реальности чисто эмпирически: "Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, не поверю"; когда же Христос Сам дает Фоме осязать свои раны, Фома произносит свое исповедание: "Господь мой и Бог мой!". *Петр – интуитивное знание.* Там же, 6, 68-69: "Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни. И мы уверовали и познали, что Ты – Христос, Сын Бога живого". (Ср. Матф. 16, 16; Марк 8, 29; Лук. 9, 20). Исповедание Петра, будучи идентично исповеданиям Нафанаила и Фомы, не нуждается, в отличие от них, ни в какой внешней мотивации.

Любопытно, что все три эпизода вместе встречаются именно в Евангелии от Иоанна, – том из канонических Евангелий, которое еще с детства было особенно дорого Вяч. Иванову.

[14] Ср. постоянно цитируемый у вольнодумцев и атеистов Нового Времени латинский стихотворный афоризм: "Primus in orbe deos fecit timor" ("Впервые в мире богов создал страх"); он встречается у Петрония (fragm. 27 Bücheler) и в таком же виде у Стация (Theb. III, 661). Для Вяч. Иванова дело обстоит строго напротив: неверующий – это перепуганный, слабый человек, неспособный вынести *ужаса*, порождаемого присутствием трансцендентной реальности.

[15] *Перевоплощение*, или реинкарнация, – понятие, столь же необходимое для древних доктрин пифагореизма, индуизма и буддизма, как и для позднейшей теософии, ответвлением которой является антропософия. Хотя в Ветхом Завете нет никаких его упоминаний, в мистике иудаизма время от времени встречается мотивы, связанные с этим понятием: особенно характерны они для хасидских легенд.

[16] В этой связи наиболее обычны ссылки на высказывания Христа о Иоанне Предтече, по своему вербальному смыслу характеризующие проповедь Иоанна и его казнь как исполнение пророчеств о приходе пророка Илии во времена пришествия Мессии: "Иисус начал говорить народу об Иоанне: "<...> Если хотите принять, он есть Илия, которому должно придти. Кто имеет уши слышать, да слышит!" (Мф. 11, 7. 14); "Иисус сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде и устроить все. Но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели <...>. Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе" (Мф. 17, 11-13, ср. Мк. 9, 11-13 и др.). С другой стороны, мы встречаем упоминание того, как сам Иоанн Предтеча отвергает свою идентичность Илии: "И спросили его: что же? Ты Илия? Он сказал: нет" (Ио. 1, 21).

Ортодоксальная христианская традиция отвергает учение об инкарнации. В обоснование этого довольно часто приводится новозаветный текст из Послания к евреям 9, 27: "...Человекам положено однажды (ἅπαξ) умереть". Как кажется, для поэтических интуиций Вяч. Иванова важно не столько доктринальное понятие реинкарнации как таковое, сколько само по себе переживание смерти как нового и подлинного рождения:

...Ты сам, кто был во чреве плод,
Раздвинешь ложесна, чье имя – небосвод.
(*Смерть*, "Свет вечерний", IV, 1915 г.).

Более дерзновенна, но едва ли более однозначна образность другого, более позднего стихотворения ("Римский дневник 1944 года", 31 января):

Понесшая под сердцем плод,
Гадая, ждет нетерпеливо,
Впорхнет ли в горницу пугливо,
Иль стукнет гостья у ворот. <...>

Так невидимкою над ней
Кружит и сердце беспокоит
Душа чужая, что удвоит
Ее глухую жизнь своей...

Как истончится жизни нить,
Не так ли зовами и снами

Жена, беременная нами,
Захочет нас переманить? <...>.

Это заставляет еще раз задуматься о том, что и расхожие темы оккультистской литературы приобретают у Вяч. Иванова свои коннотации, решительно не сводимые к внешним влияниям.

[17] Здесь можно усмотреть два момента. Во-1-х, продолжается полемика с кантианской и кантианствующей гносеологией, исходящей из дистанции между субъектом и объектом как первоинтуиции разума. Во-2-х, в упоминании *сердца* (а не, скажем, психологии) можно усмотреть отсылку к опытному переживанию "*аз есмь*" и "*ты еси*".

[18] Немецкая формула: "Каким образом Кант вообще возможен" звучит как пародия аналогичных формул кантианского словаря, восходящих к "Пролегоменам" самого Канта, где читатель на каждом шагу встречает заглавия разделов вроде таких: "Ist überall Metaphysik möglich?" ("Возможна ли вообще метафизика?"); "Wie ist Erkenntnis aus reiner Vernunft möglich?" ("Как возможно познание из чистого разума?"), и т. п., а к §§ 40-45 появляется заголовок, к которому эта пародия подходит ближе всего: "Wie ist Metaphysik überhaupt möglich?" ("Каким образом метафизика вообще возможна?").

[19] Продолжение фразы: "Он [Кант] возможен как психолог". Как кажется, это прямое продолжение мысли, записанной под 19 марта 1935: кантовская переориентация познания на познающий субъект (которую столько сравнивали с коперниканским переворотом в астрономии) с точки зрения Вяч. Иванова методологически допустима не для метафизики, но для психологии. Во-1, психологии как науке естественно быть ориентированной на субъективное, как на свой предмет; во-2, такое состояние познающего ума, когда тот абсолютизирует дистанцию между самим собой и "объектом" познания, этой закрытой "вещью в себе", есть для Вяч. Иванова не гносеологическая проблема, но симптом, характеризующий онтологическое "отщепенство" познающей личности, который может рассматриваться как проблема для психолога.

[20] Если эта немецкая фраза – "Каждая рефлексия есть акт психологический" – представляет собой цитату, нам не удалось ее идентифицировать. Но смысл фразы находится в очевидной связи с предыдущими высказываниями, начиная с 19 марта 1935 г. Повидимому, для ее понимания важен полный смысл термина "рефлексия" – не просто размышление, но как бы обращение мысли на самоё себя, выведение себя из континуума данного в непосредственном опыте жизненного единства, которое предполагает именно переживание дистанции между собой и "объектом".

[21] Ср. Евангелие от Матфея 7, 26-27: "...Всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое."

[22] Понимание формулы "Аз есмь" как Имени Божия восходит к знаменитому месту ветхозаветной Книги Исхода 3, 13-14, где рассказывается, как явившийся Моисею в Неопалимой Купине Господь на вопрос Моисея о Его Имени отвечает: "Я есмь Тот, Кто есть" (евр. eḥje ašer eḥje, в Синодальном переводе "Я есмь Сущий"). Еврейская традиция иногда сближала по звучанию и буквенному составу слова adonaj ("Господь") и ani (местоимение "Я"). В трактате "Зогар", центральном тексте всей каббалистической мистики, обсуждает-

ся функция местоимения "Я" как обозначения "Шехины", т. е. "Присутствия" Бога: "Рабби Йосе говорил: "Слово "Я" означает Шехину, как сказано [Книга Бытия 46, 4]: "Я сойду с тобою в Египет" (*Sefer ha-Sohar*, Wilna 1882, II, fol. 85a. В эпоху Вяч. Иванова знакомство с этим трактатом обычно восходило к шеститомному французскому переводу J. de Pauly.) В еврейских легендах возможны такие сюжеты, как, например, следующий: ночью в окно к благочестивому человеку стучится знакомый, отвечающий на вопрос хозяина: "Кто там?" – "Я!"; хозяин с негодованием кричит в ответ: "Кто, кроме Бога, смеет говорить "я"?" В Евангелии от Иоанна, особенно важном для Вяч. Иванова, обращает на себя внимание реакция воинов, пришедших схватить Христа, на Его слова "Это Я" (церковнослав. "Азъ есмь"): "И когда Он сказал им: "это Я", – они отступили назад и пали на землю" (18, 6). В таком контексте простые слова "это Я" приобретают характер некоей лексической эпифании (явления Божества); это явление постоянно обсуждается экзегетикой Евангелий. Наконец, Вяч. Иванов как профессиональный исследователь античного язычества не мог не знать формул "я есмь", из которых выстроена надпись Исиды, цитируемая Диодором Сицилийским (I, 27, 4; известен ряд аналогов в эпиграфических текстах).

Поэтическая мифология Вяч. Иванова, развитая в мелопее "Человек", особенно в первой части этого философского цикла, интерпретирует домирное падение Денницы-Люцифера как его погрешность в понимании загадки слов "Аз есмь": Бог дарит ему, еще ангелу света, дар самосознания, представленный как алмазный перстень с надписью "Аз есмь", и поскольку это – имя Божие, надпись должна быть правильно прочитана в духе слов, которые скажет Христос: "Я и Отец одно" (Евангелие от Иоанна 10, 30); но себялюбивое самоутверждение Люцифера вкладывает в нее противоположный смысл: "Аз есмь – один". Так начинается мировое зло:

Кто "Есмь" изрек, нарекшись "Аз", –
Свой, с начертанием глагола
И тайной Имени, алмаз
Судил наследнику престола.

А сам сокрылся в глубь небес.
Но лишь прочел "Аз есмь" Денница
В луче от перстня, луч исчез,
И стало сердце – как темница.

Почто "Отец и я одно"
Ты не сказал, украв, надменный,
Сей луч, расплавивший звено
И цепь рассыпавший вселенной?

[23] Речь идет о надписях в святилище Аполлона в древних Дельфах. Надпись, вызывавшая различные толкования, имела форму одной-единственной буквы греческого алфавита Е (эпсилон), которая в контексте диалекта древней Фокиды могла иметь все перечисленные значения. Вопросу о настоящем значении этой надписи посвящено, в частности, знаменитое философское сочинение Плутарха Херонейского "О Е в Дельфах".

[24] От греч. ἀπάντημα "встреча, выход на встречу", в христианских контекстах родственное ἀπάντησις может означать также "сретение" (в различных смыслах, включая название соответствующего церковного праздника, ср. Chron. Pasch. p. 11), а также "собрание для

богослужения". Литургические коннотации этих существительных могут напомнить строку из "Человека":

Свершается Церковь, когда
Друг другу в глаза мы глядим... –

хотя, вообще говоря, они свойственны скорее второму из двух этимологически и семантически родственных слов, чем первому, а в данном месте имеется в виду второе из них (*апантема*). Учитывая общий контекст мысли Вяч. Иванова, напрашивается мысль, что понятие "апантетического" более или менее тождественно тому, что мы привыкли по примеру Мартина Бубера и Михаила Бахтина называть диалогическим принципом.

ПЕРЕПИСКА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА С ОЛЬГОЙ ШОР

Предисловие А. А. Кондюриной

Переписка между В. И. Ивановым и Ольгой Александровной Шор-Дешарт (20 сентября 1894 – 11 мая 1978) охватывает первое десятилетие пребывания поэта в Италии. Уезжая из России, он поручает Ольге Шор заботу о своих делах: имуществе, книгах, издании произведений и защите авторских прав, заграничной командировке и взаимоотношениях с Наркомпросом, могилах своих близких; и с 1924 по 1926 год О. Шор посылает Иванову отчеты из Москвы в Рим. Осенью 1926 года Иванова приглашают в павийский Колледжо Борромео, а Шор в конце того же года оставляет Россию, с середины 1927 – она в Риме. Между Римом и Павией возникает живейшая связь – наиболее многочисленны письма 1928-29 гг., когда обмен посланиями происходит несколько раз в неделю; в 1931-33 гг. О. Шор подолгу живет в Павии, и корреспонденты прибегают к письменным сношениям лишь летом, во время ее отсутствия. В конце 1934 г. Иванов, потеряв место в Колледжо, обосновывается с дочерью в Риме, и туда же возвращается в начале 1935 г. его корреспондентка. Таким образом, в оставшиеся до смерти Иванова четырнадцать лет необходимость в эпистолярном общении отпала.

Биографическое значение переписки огромно. Фактическая ее часть, которая касается текущих дел Иванова в России и на Западе, представляет собой точные сведения из первых рук, часто документированные, сопровожденные цифрами и датами. После приезда О. Шор в Италию большее место в переписке начинают занимать вопросы частного порядка: заботы о больном туберкулезом Димитрии Иванове, материальные тяготы, поиски места, принятие гражданства, литературные дела и т.д. Первые десять лет "итальянского периода" Вяч. Иванова, о которых идет речь, насыщены раздумьями, событиями, планами, новыми знакомствами. Отмеченные начавшимся регулярным сотрудничеством Вяч. Иванова в ев-

ропейской печати и появлением его произведений в переводах, они прекращаются в эпоху, когда он по преимуществу становится известен культурному европейцу.

Переписка дает не только материалы к биографии Вяч. Иванова, но – пожалуй, даже в большей степени – к биографии его корреспондентки, будучи одним из основных ее источников. О. Шор занимает такое существенное место в жизни поэта, что история их дружбы имеет самостоятельный интерес: на протяжении четверти века она становится его поверенным, сотрудницей, биографом и критиком, и, пережив Иванова почти на 30 лет, посвящает их завершению "Повести о Светомире", сохранению, изданию и комментированию наследия поэта. Счастливейшим образом эта обширная переписка сохранилась почти полностью. Публикация такого объема по материалам Римского архива Вяч. Иванова делается впервые, впервые же издаются все дошедшие до нас письма поэта к одному адресату, и адресату особому: события запечатлены здесь для духовно близкого и родственного душевно человека. Своеобразным продолжением данной публикации станет подготовка к печати переписки Иванова с детьми и новых материалов из семейного архива и из архива О. Шор.

То новое, что представляет публикация, не исчерпывается фактами: поскольку переписка в той или иной мере касается всего происходившего за десять лет, она дает основу для систематизации уже известных сведений и опубликованных ранее официальных документов, позволяя видеть их хронологическую и логическую связь.

Корреспонденция, которая во многом сосредоточена на бытовых темах, тем не менее никогда не становится бытовой и позволяет судить об истинном характере отношений, связывавших Иванова и Шор. Письма, свидетельствуя о развитии взаимной привязанности, показывают, что их сближение объясняется общностью духовных позиций и интересов. Д. В. Иванов сформулировал это так: дружба их исходила из того, что они оба относились к жизни как к реальности онтологической, будучи реалистами в философском смысле слова. Хотя – к прискорбию читателей и исследователей – наиболее важные их беседы происходят не в письмах, а при личных встречах, переписка дает возможность явственно представить, каковы были, по выражению Шор, их "существенные разговоры" и их "большие темы" (порожденные в первую очередь философскими исканиями О. Шор). Наиболее значительны как изложение теоретических взглядов письма Иванова: от 9 ноября 1925 г., с переводом сонета Микеланджело и истолкованием его; от 17-18 апреля 1928 г., о смысле жертвы у греков и христиан (пересказ его вошел в предисловие О. Шор к итальянскому изданию "Переписки из двух углов"); и письмо за 1929 г., с объяснением стихотворения "В поцелуе – дверь двух воль..."; хотя в концеп-

туальном отношении они развивают мысли, уже изложенные им в статьях. В эпистолярии О. Шор это письмо от 30 апреля 1929 г. о "Переписке из двух углов" и декабрьское письмо 1930 г. с проектом ее работы о Буонарроти. Изымать их из диалога, часть которого они составляют, было бы не вполне корректно, поскольку в переписке существует ряд внутренних сюжетов, развивающихся затем и через много лет за ее пределами.

И, наконец, едва ли не в большей степени, значительность переписке сообщает естественность и свобода самовыражения Иванова, позволяющая видеть неожиданные стороны его индивидуальности, многогранность человеческого облика, которая раскрывается с особой непринужденностью из-за душевного сродства пишущего и адресата. Пока не опубликована семейная переписка, только диалог с О. Шор дает читателю возможность увидеть личность Иванова этого нового периода его человеческой и поэтической эволюции, личность, условно говоря, не "Кормчих звезд" или "Cor Ardens", а "Римского дневника".

Большая удача, что переписка с Шор выходит в свет в окружении писем Иванова и к Иванову, относящихся примерно к тому же периоду (Ш. Дю Бос, Ф. Ф. Зелинский, О. И. Ресневич-Синьорелли, Г. Робакидзе, Эллис). Адресаты его знакомы между собой и связаны друг с другом, таким образом мы видим среду, в которой живет поэт, и соположение публикаций превращается в контекст, в некое целое. Как советчица и сотрудница, Шор вовлечена в эпистолярные и дружеские отношения со многими корреспондентами Иванова сначала в Москве, затем в Германии, Франции, Швейцарии и Италии: Г. Г. Шпетом, М. В. Сабашниковым, М. О. и М. Б. Гершензонами, Е. Д. Шором, Ф. А. Степуном, Ф. Ф. Зелинским, Гербертом Штайнером, Андреа Каффи, Е. А. Извольской, О. И. Синьорелли, Э. Ло Гатто, И. Н. Голенищевым-Кутузовым, Джузеппе Де Лука и Джованни Папини. На эти письма, образующие своего рода комментарий к переписке Шор с Ивановым, часто даются ссылки в примечаниях к настоящей публикации, когда по поводу каких-либо событий и лиц корреспонденты обмениваются лишь намеками или говорят языком посвященных.

"Большой контекст" всего тома "Русско-итальянского архива" ясно показывает, что знакомства Иванова, завязавшиеся в Италии, не были отдельными знакомствами, и его публикации в европейской печати не были спорадическими публикациями; напротив, они означали его вхождение в определенный круг, обретение единомышленников и аудитории (что ни в коей мере не влекло за собой принадлежности к кружкам или группировкам, которой он старательно избегал). Именно в этом смысле можно говорить о "европейской известности Иванова", о резонансе, который имело его творчество, о влиянии его идей на европейских интеллектуа-

лов: ведь ему часто трудно найти издателя, переводятся лишь немногие его сочинения, он публикуется в периодических изданиях, выходящих небольшими тиражами, в католических печатных органах. Известность его даже в Италии не становится ни широкой, ни абсолютной: показательно, что "Dizionario Bompiani dei Filosofi Contemporanei"[1] 1990 года приводит только три работы Иванова: "Epos Gomera" (Moskva 1912); "Krizis gumanizma" (Peterburg 1918) и "Dostojewsky: Tragoedie, Mythos, Mystik" (Tübingen 1932), не упоминая ни о философских работах Иванова, написанных по-итальянски, ни о специальном номере журнала "Il Convegno" 1933 г., полностью ему посвященном. В этом смысле Иванов разделяет судьбу других русских мыслителей, не ограниченных ни языком, ни специфически русской проблематикой, ни, наконец, национальным складом ума, и сопоставимых по масштабу с европейскими философами, но не получивших на Западе равного признания.

Достаточно лишь перечислить темы, затронутые в письмах, чтобы представить себе насыщенность литературной жизни Иванова с 1924 по 34 год: цикл "Римские сонеты"; статья "К проблеме звукообраза у Пушкина"; сотрудничество в московском альманахе "Театральный Октябрь"; перевод Микеланджело; появление 40 стихотворений Иванова в антологии "Русская поэзия XX века" (М. 1925); издательская и постановочная судьба пьесы "Любовь – мираж?"; попытку напечатать в Советской России перевод трагедий Эсхила; намерение выступать в горьковской "Беседе"; переводы из Гете; начало работы над переложением "Божественной комедии"; появление "Переписки из двух углов" на немецком, французском и итальянском языках; проекты публикации в Германии сборников, составленных из старых статей в переводах и новых или переработанных специально для немецких изданий; поиски издателя для "Диониса и прадионисийства"; предложение печататься в "Красной нови"; сотрудничество в журналах "Die Kreatur", "Corona", "Hochland", "Orient und Occident", "Vigile", "Frontespizio", "Materiali e studi per la storia delle religioni"; выступление с лекциями в Риме, Павии, Сан-Ремо, Цюрихе; создание таких значительных с идейной точки зрения эссе как "Письмо к Шарлю Дю Босу" и "Размышления об установках современного духа", статей о Вергилии, о Петрарке; появление в свет книги о Достоевском в тюбингенском издательстве; завершение двух первых книг "Светомира"...

Историко-литературный интерес переписки для исследователей Иванова составят также многочисленные сведения о неосуществившихся замыслах и несостоявшихся изданиях. Частью из них воспользовалась сама О. Шор в комментариях к брюссельскому собранию сочинений, говоря о

[1] *Dizionario Bompiani dei Filosofi Contemporanei*. Milano 1990, p. 191.

творческой истории и истории издания произведений Иванова, однако подавляющее большинство материалов печатается впервые.

Задачей комментаторов было воссоздание не только историко-литературного фона, но и семейной атмосферы, представление о которой для понимания переписки не менее важно. В жизни семьи очень сильно было артистическое, игровое начало, которое наиболее полно выражалось у Лидии Вячеславовны. "Официальным органом этого пародийного и фантастического мира Лидии", как выразился Д. В. Иванов, была рукописная домашняя газета "Пуля времен". Существовал особый семейный язык, который Ф. Мальковати называет почти тайнописью.[2] Речь идет не только о "домашней семантике" или домашних словечках, которые изобретались по преимуществу Лидией, но об отношении к слову вообще, которое было не прагматическим, но поэтическим, и исходило, по-видимому, от самого Вяч. Иванова. Слова жили особой жизнью: возникали неологизмы, которые порождали метафоры, разворачивавшиеся затем в картины и мифы; в словах была ощутима внутренняя форма, они привлекали другие по сходству звучания. Макароническая речь, каламбуры, игра слов, – все это свойственно и переписке Шор с Ивановым, зафиксировавшей, подобно домашней прессе, устную традицию, являющуюся общим семейным достоянием (особенно интересно с этой точки зрения письмо О. Шор от 1 июля 1930 г.). "Пуля" удваивала мир (как любой печатный орган, она писала об "актуальном"), который представал в комической ипостаси; в ней использовались имена реальных знакомых, но с легкими изменениями, так что в результате получался не шарж, а самостоятельный образ, интриговавший этим мерцанием сходства-несходства с прототипом: существовали, например, О<льга> Картезий, о. Картезий, О. де Картузова, и за всеми ними просвечивала О. Шор-Дешарт. Особое удовольствие доставлял, кажется, самодовлеющий словесный комизм – одно из проявлений остроумия английского толка, которое, по словам Д. В. Иванова, было характерно для сестры Лидии.[3] В пародийной былине, повествующей о жизни Вячеслава и Ольги (имена вполне былинные) во "славном городе Чернигове" (т.е. Павии), действуют два брата – Вакар Макарович и Фракар Макарович (близость звучания оборачивается родственной близостью, имя по-гоголевски удваивается в отчестве): для полноты комического эффекта нужно догадаться, что это аллюзия на павийских профессоров Ваккари и Фраккаро. Все иностранные названия и имена русифицировались, бытовая лексика, напротив, заимствовалась из других языков, но в русской транскрипции.

[2] Ivanov a Pavia, p. 18.

[3] Р. Обер, У. Гфеллер. Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб.1999,с.187.

Здесь же хотелось бы сказать о многоязычии переписки, которое отчасти возникает из соображений удобства, отчасти же является художественным приемом. Она изобилует выражениями на разных языках: выдержки из немецких писем даются без перевода, как и цитаты из немецких, французских и английских авторов, пословицы и поговорки, это же касается галлицизмов и латинизмов, ставших общеизвестными. Встречаются древнегреческие вкрапления, хотя и реже, чем в письмах Зелинского; этому языку в лексиконе Иванова, по-видимому, была отведена особая роль: служить для называния не вполне удобных в обычном обиходе предметов и явлений.[4] Особенно велико количество итальянизмов, которые употребляются для обозначения итальянских реалий, не имеющих русского коррелята (в официальной сфере), как "чужое слово" в случае передачи разговора с собеседником-итальянцем, и намеренно – для словесной игры. Иероглифические обращения и подписи носят уже совершенно игровой характер. Вообще игра как чистое творчество, приносящая радость, отдохновение и душевный подъем, по мнению Шор, была "самым серьезным и важным" в их общении (письмо от 25 ноябгя 1928 г.)

К сожалению, жизнь О. Шор известна пока только в общих чертах: документально подтвержденные биографические сведения, касающиеся эпохи ее формирования, – ученья в Германии и жизни в России – крайне немногочисленны. Ее человеческий облик уловлен, по-видимому, довольно точно в "Воспоминаниях" Л. В. Ивановой, но здесь, как и в некрологе Д. В. Иванова, ее образ воссоздается ретроспективно и духовный ее путь видится в его результатах. Дата рождения могла бы прикрепить ее к младосимволистам или к поколению Б. Пастернака. Д. В. Иванов вспоминает, как Ольга Александровна рассказывала, что девочкой, выглядывая в переднюю, увидела отца, подававшего пальто бородатому старику, который потом оказался Львом Толстым (как замечал некий мемуарист, все это поколение в нежном возрасте пересидело на коленях у Льва Николаевича). Родители, особенно мать, поощряли ее интерес к философии, и атмосфера отчего дома была благоприятна для ее развития, но она жила собственной внутренней жизнью и ближе всего из семейных была с двоюродным братом по отцу Е. Д. Шором, в будущем философом и переводчиком Вяч. Иванова.[5]

[4] В ответ на вопрос, мог ли В. Иванов употребить не вполне приличное слово во французском тексте, Д. В. Иванов ответил: "Отец сказал бы это по-гречески". Ср. письма Ф. Зелинского, где он прибегает к древнегреческому для именования геморроя.

[5] Их отделенность от домашних и сходство друг с другом отмечала в своих письмах 1915-17 гг. к подруге кузина О. Шор по матери – Е. А. Ковалева. Эти письма находятся в РАИ и являются одним из немногих свидетельств о жизни О. Шор до переезда в Италию.

Ее склонности и философские пристрастия определились очень рано. Д. В. Иванов говорит о "глубоком созвучии" и "изначальной общей интуиции", существовавшими еще до личной встречи Иванова с Шор в 1924 году.[6] Когда в 1910 году 16-летняя Шор, побывав на лекции Иванова, с легкостью резюмировала ее содержание – не означает ли это, что в его слова облеклись догадки, уже существовавшие у нее к тому времени?

Как положено, учиться философии она поехала в Германию. Во Фрейбурге она слушала Риккерта и общалась с русскими неокантианцами, между тем существо их идей, их "идеализма" было для нее неприемлемо, и она сразу начала полемизировать со своими менторами. Ее мышление продолжало другую традицию, и ближе всего ей были философы, глубоко родственные Иванову, – Платон, Августин, она хорошо знала Данте (как предшественника и учителя Микеланджело). С. И. Гессен, философ, к этому времени пользовавшийся определенной известностью мыслитель, соредактор международного журнала "Логос", познакомившись с Ольгой Александровной во Фрейбурге в 1911 году, утверждал, что не он, а она в их собеседованиях выступала его наставницей и уже представляла собой оригинального мыслителя (см. прим. 1 к письму О. Шор Вяч. Иванову от 27 февраля-1 марта 1927).

Становление ее отличалось непрерывностью, эволюционировала она, углубляя и обогащая свои исходные идеи, постепенно и органически. Все они сходились в одной точке, о чем бы она ни думала, и вплетались в ее онтологическую систему, как то было с ее искусствоведческими работами. Неудивительно, что она говорила о произведениях любимых художников: "У меня сейчас к нему нет вопроса", или, наоборот, "есть вопрос".[7] В Вяч. Иванове она видела поэта, который писал и размышлял о тех же проблемах, которые волновали ее. Сосредоточение сначала на его личности, а потом работа над исследованием его творчества, рождались в ответ на ее собственные духовные искания.

Углубленность ее не всегда носила рефлективный характер. "Всю жизнь она посвятила духовной работе и исканию истины", – пишет Д. В. Иванов.[8] Примечательно, что он говорит не о результатах, а о процессе, который был внутренним и – в принципе – мог не иметь никакого материального выражения, не воплотиться ни в каких работах, которые она, действительно, писала с большим трудом и, как правило, не завершала. Внешнее выражение духовной энергии тем не менее существовало – это было действие, направленное вовне, в мир: сочувствие и по-

[6] Д. В. Иванов. О. А. Шор – О. Дешарт (III, с. 688).

[7] Там же, с. 693.

[8] Там же, с. 689.

мощь ближним до забвения себя, с течением времени превратившееся в самоотречение, граничившее со святостью.

Творчество было для нее не самоцелью, а ступенями к познанию. Единая магистральная тема получает свое зримое завершение в главных трудах ее жизни, соответствующих основным сферам ее интересов: в Собрании сочинений Вяч. Иванова, включая дописанного ею "Светомира"; в философской системе, изложенной в книге"Мнемология"– плоде более чем пятидесятилетнего труда; и в работах по искусству.

Встреча, с которой, собственно, и началась их дружба, произошла, когда Ольге Александровне было уже 30 лет: она была сотрудницей ГАХН, другом семьи Гершензона, автором неопубликованного этюда о Микеланджело, подаренного Вяч. Иванову в 1924 г. К Иванову Шор приходит учиться, но одновременно проявляет большую философскую самостоятельность: "Мнемология", идеи которой начинают оформляться еще во времена Фрейбурга, питается их беседами, пишется в то время, когда она живет рядом с Ивановым; книга исходит из близких ему позиций, и тем не менее не находится под его прямым влиянием. В письме от 30 апреля 1929 г., где речь идет об интерпретации "Переписки из двух углов", О. А. Шор отстаивает свое право на концептуальные несогласия, говоря, что они есть вопрос убеждений и их нужно будет обсуждать, а не поправлять, как филологические ляпсусы, которые она просит "выудить". Во что выливалось обсуждение, свидетельствует семейное предание о "шкафах", которыми якобы время от времени кидался Вячеслав в пылу споров с О. А. Шор. Если на то были резоны, принималась позиция собеседницы – это был действительный обмен мнениями. Недаром Иванов в своих стихах, подчеркивая, что общей у них была отправная точка, а не вывод, называл ее "со-вопросницей" и "спутником" – шедшим с ним по тому же пути. Чтобы передать характер их душевной близости, он заимствует из "Мнемологии" термин "апантема" – встреча, совпадение. Философское понятие "апантемы", дающее имя тому, что переживается в непосредственном опыте обоими собеседниками, в переписке обогащается новыми значениями и однокоренными образованиями, и автохарактеристика взаимоотношений Иванова и Шор получает определение – "апантетизм". Оно достаточно широко: "апантетизм", например, подразумевает совместное творчество и попытку постичь творчество собеседника – ибо "портрет есть встреча портретируемого с портретирующим" (О. Шор к Иванову от 6 мая 1929 г.).

Удивительный пример "сотворчества" – это "Светомир". С самого начала Шор ощущает себя причастной мистическим образом к его созданию и в какой-то мере приобщается к разработке сюжета. Именно потому, что она была посвящена в замысел "Светомира", после смерти Ива-

нова она принимает на себя обязательство исполнить его завещание – завершить книгу.

"Апантетизм", по-видимому, подразумевает не только духовное, но и душевное родство. На письма собеседники отвечают немедленно, и они имеют эффект живого общения. Есть письма "ни о чем": потому что содержание их составляют не столько факты, мнения, оценки, но и сам способ мыслить и чувствовать, сама человеческая близость. В письмах Иванова поражает минимальное расстояние между подуманным и сказанным; кажется, что они фиксируют живой душевный опыт в его протекании, все изменения настроений, интонации, тона, прихотливость ассоциативных переходов и даже сам процесс оформления мысли (что, безусловно, является стилизацией, следующей контурам действительности: например, письмо Иванова от 10 августа 1930 г. с восклицаниями после каждой фразы: "это не по-русски"). Создается впечатление, что пишущий стремится "передать себя" собеседнику как можно точнее и нагляднее.

Письма Иванова суть всегда словесное творчество, поскольку они подчиняются не одним требованиям утилитарности, но и эстетическим канонам. По переписке можно судить о юморе Иванова (тема почти не затронутая специалистами) и о том, что его юмор является следствием мировосприятия – и мировоззрения – в целом. Это модус его отношения жизни, и он тесно связан с приятием всего сущего, с его "да" миру. Юмор Иванова может не проявляться через комическое в узком смысле слова, но сказываться в свободе от односторонности и предвзятых мнений. Иванов, к примеру, мог одновременно писать Шор лирические стихи и эпиграммы – ему была присуща способность охватить одним взглядом оба полюса явления, что проявлялось даже в строении фразы:

> Здешние академические дикобразы <...> обижаются на приглашение Зелинского, как иностранца, для commemorazione Virgiliana, серьезно воображая себя соотечественниками Вергилия (впрочем, я так же бы думал, быть может, будь я итальянец)(8 мая 1930 г.).

Несмотря на большую близость и духовное сродство, Иванов всегда был готов иронизировать над О. А. Шор. Он сочинил несколько шуточных стихотворений о слове "апантема" (которым сам пользовался), образованном ею вопреки правилам греческой грамматики. Здесь сразу видна разница между глубинной ориентацией Иванова и его "строгой и проницательной сочувственницы":[9] Шор в сильной степени была наделена чувст-

[9] Уезжая из России В. И. Иванов подарил О. Шор свою книгу "По звездам" (1909) с дарственной надписью: "Моему дорогому другу, автору восхитившего меня этюда о Микель-Анджело, моей строгой и проницательной сочувственнице, О. А. Шор, оставляю эти строки на память, благодарный Вяч. Иванов. 27. VIII. '24".

вом юмора, но это качество осталось "для домашнего употребления" и не стало универсальным способом восприятия мира, ее письма (особенно ранние), как и ее работы монотонно серьезны, даже когда глубоки, ее стихия – пафос. У Иванова не существует заранее заготовленных суждений: мы видим, как они рождаются в каждый конкретный момент и по конкретному поводу. Она же сразу исходит из концепции, которая объяснила бы все без остатка и в которую все укладывается, что, неизбежно, ведет к жесткому отбору или предвзятости.

В переписке представления, которые существует об Иванове у Шор, сталкиваются с видением Ивановым собственной личности. Шор хорошо видит значительность Иванова как поэта и мыслителя и испытывает перед ним благоговение, – настолько, что невольно обожествляет его. О трагической судьбе близких ему женщин она говорит: "Есть что-то роковое в дерзании приблизиться к Вам" (12-17 августа 1925). И то и другое вызывает священный трепет, ибо переходит пределы человеческого. Иванов старается дистанцироваться от образа, создаваемого Шор, и перевести их отношения в человеческий план. В письме от 16 июля 1926 г. он пытается объяснится и, приведя фразу своей корреспондентки: "Думается, никогда я не осмелюсь считать просто лирическое письмо к Вам не только своим долгом, но хотя бы своим правом", – восклицает: "Неужели Вы <...> не чувствуете, что слышать это ... обидно?" При более коротком знакомстве он будет прибегать к иронии. Среди фотографий, подаренных им Шор, есть одна с дарственной надписью: "Моей преувеличительнице Фламинго[10] – этот увеличенный снимок. 19.5.'34". Переписка дает возможность следить за тем, как меняются их взаимоотношения и в какой степени это корректирует теории Шор об Иванове, зафиксированные в статьях о его творчестве и во "Введении" к Собранию сочинений.

В реальности, когда "глубокоуважаемого Вячеслава Ивановича" писем первых лет сменяет "Пуфи, маленький", дружба их становится настолько задушевной, что выдерживает и иронию, и дискуссии, и разного рода эксцессы: "Какое счастие, невероятное, для Птицы, что она вообще может себе позволить написать Самому Вам при всем благоговении, кот<орое> всегда испытывала и неизменно испытывать будет, такое глупое письмо!" (19 января 1929 г.). Однако в созданном ею жизнеописании "смиренный обиход" она сочла нужным отсеять: "Маленького Пуфи" там нет. Нет там даже "дистанцированной полярности" 1925 г., Вячеслав Иванов брюссельского Собрания сочинений отделен от читателя "эпической дистанцией".

[10] "Птица", а также "Фламинго" были прозвищами О. Шор в семье Ивановых (см. об этом ниже во вступительной статье и в письмах).

Она любила слова “волнительный, трогательный, очаровательный”, курсив и восклицательные знаки, что вызывало в Иванове чувство перейденной меры. Он был чуток к любой аффектации и во всяком случае в этот период уже чужд бытовой театральности. Восхищение Иванова часто прикрывается юмором, выступающим как “целомудрие благодарности” (слова из его письма от 6 июня 1928 г.). “Чрезмерная жестикуляция” встречает отповедь “старого ворчуна”: “Не смейте мне льстить <...>. Пусть Вас Ликот[11] пристыдит <...> – и запретит Вам” (16 марта 1928 г.). Торжественная хвала же возносится не самой О. А. Шор, а существу божественного происхождения, ученой Птице.

В переписке мы наблюдаем за живым процессом мифотворчества, возникновением домашней мифологии, которая, правда, не получает законченного характера. К тотему Ивановых – Коту – добавляется розовый Фламинго. Поскольку символические аспекты образа птицы разработаны более глубоко, можно думать, что игра велась преимущественно Ивановым и адресовалась Шор. Глава семьи – это священный кот Египта, жрец и посвященный (профессор фон Пуф). Фламинго апантетически попадает с ним в одно пространственно-временное и культурное поле, более того, в их египетских именах обнаруживается общий элемент, свидетельствующий о сущностном родстве. Мудрая изначальной мудростью, так как стоит у истоков творенья, Птица посвящает себя раздумьям о Памяти. От Фламинго в этом мире всеобщих соответствий Иванов переходит к Фениксу и ибисоголовому Тоту – изобретателю языка и письменности, так как “Родоптерос” – “розовокрылый” переписки есть некая мифологическая птица вообще, и отсюда возможность для нее в каждом конкретном случае выступать в новом обличье. Родство с Тотом делает птицу служительницей муз, потому что для Иванова поэзия – самоосуществление языка.

Отношения Шор и Иванова, сложившиеся в период, охватываемый перепиской, по свидетельству сына поэта сохранили тот же характер до самой его смерти. Всю оставшуюся жизнь она прожила в его последней квартире на виа Леон Баттиста Альберти. Д. В. Иванов перенес ее прах в семейную могилу на кладбище Тестаччо.

[11] Прозвище Л. В. Ивановой.

Текстологическая справка[12]

В Римском архиве Вяч. Иванова (далее – РАИ) находится значительный по объему (и пока еще неразобранный) архив О. А. Шор, включающий материалы, привезенные из России, а также отложившиеся в итальянский период (1927-1978). Это переписка с Е. Д. Шором, Л. В. и Д. В. Ивановыми, письма С. И. Гессена, М. Б. Гершензон и Н. М. Гершензон-Чегодаевой; черновые варианты работ О. А. Шор об Иванове и ее продолжение "Повести о Светомире царевиче". Своего исследователя ждут неопубликованные работа о Микеланджело и философское сочинение "Мнемология", а также многочисленные подготовительные материалы к неосуществленным трудам по архитектуре – о Леоне Баттиста Альберти и о Капитолийской площади. Ее личная библиотека составляет часть библиотеки РАИ.

Предлагаемая читателям переписка В. И. Иванова и О. А. Шор публикуется по автографам, находящимся в РАИ, опись №3.[13] Сохранилось 133 письма, 4 записки и 1 телеграмма Иванова и 200 писем, 7 записок и 15 телеграмм Шор. Полностью публикуются все письма Иванова и 10 писем Шор. Еще ряд ее писем даются с купюрами и около 40 используются в комментариях, с указанием лишь даты. В иных случаях приводятся шифры или отсылки к публикуемым в этих же томах "Русско–итальянского архива" перепискам Иванова с другими корреспондентами. Последовательность и местоположение приписок, к которым нередко прибегают корреспонденты, не оговариваются. Восстановленные публикаторами тексты даются в угловых скобках, которые в особо сложных случаях сопровождаются также знаком вопроса. Даты писем даются перед их текстами; немногочисленные случаи восстановленных датировок оговариваются в комментариях.

Вяч. Иванов был противником орфографической реформы, но при этом соблюдал правила старой орфографии неполностью. К сожалению, публикаторы здесь не имели возможности для дипломатического издания его писем, хотя и отдают себе отчет в его необходимости. Внесены некоторые малозначительные изменения в пунктуацию; отступления от нормы в иностранных текстах сохранены с пометкой "так!"

Орфография и пунктуация О. Шор, отличающиеся большой непоследовательностью, претерпели существенные изменения, хотя порой это

[12] Принадлежит редакции.

[13] Далее при ссылках на письма и документы, хранящиеся в РАИ, указываются лишь номер описи и порядковый номер внутри неё.

шло в ущерб экспрессивности ее стиля. Отрывки из писем В. И. Иванова от 27 июля 1925 г. и от 23 января 1929 г. были опубликованы О. А. Шор в ее Вступлении (I, с. 175) и комментариях к Собранию сочинений (II, с. 754-755); письмо от 9 ноября 1925 г., а также фрагменты из писем 30 апреля и 16 июня 1926 г. напечатаны О. Кузнецовой и А. Шишкиным в журнале "Russica Romana" II, 1995, с. 269–270.

Публикация была подготовлена при непосредственном участии Д. В. Иванова. Все французские тексты даны в переводе Франсуаз Лесур (Франция), перевод немецких текстов отредактирован Д. В. Ивановым. Публикаторы благодарят за содействие при составлении комментариев Р. Бёрда, Л. Н. Иванову, А. Т. Казаряна, Э. Ф. Кондюрину, А. В. Лаврова, Ф. Лесур, Е. Тахо-Годи, В. А. Черных. Особо хотелось бы отметить значительный вклад, внесенный в подготовку комментариев и текстов на немецком языке М. Вахтелем.

Примечания к письмам 1924-1927 гг. составлены А. Б. Шишкиным, 1928-1931 – А. А. Кондюриной, 1932-1934 – Д. Рицци. Редакторы публикации – А. Б. Шишкин и Л. Н. Иванова.

Список принятых сокращений

Все тексты В. И. Иванова цитируются по изданию: Собрание сочинений. Т. I-IV. Брюссель 1971-1987. Ссылки даются в круглых скобках, где первая обозначает том, вторая – страницу.

Амфитеатров и Иванов – А. В. Амфитеатров и В. И. Иванов. Переписка. Предисловие и публикация Джона Малмстада // Минувшее. 22. М. 1997, с. 475-538.

Бёрд – Роберт Бёрд. Вяч. Иванов и советская власть (1919-1924). Неизвестные материалы // Новое литературное обозрение. 40, 1999, с. 305-331.

Вахтель 1995 – *Vjačeslav Ivanov. Dichtung und Briefwechsel aus dem Deutschsprachigen Nachlass*. Herausgegeben von Michael Wachtel. Mainz 1995.

Вячеслав Иванов. Материалы и исследования – Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М. 1996.

Иванов и Кутузов – Переписка В. И. Иванова и И. Н. Голенищева-Кутузова. Публ. А. Шишкина // Europa Orientalis, 8, 1989, с. 481-526.

Д. Иванов – Р. Обер, У. Гфеллер. Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб. 1999.

Иванова – Лидия Иванова. Воспоминания. Книга об отце. М. 1992.

Котрелев 1968 – Н. В. Котрелев. Вяч. Иванов – профессор Бакинского университета // Ученые записки Тартуского гос. университета. 1968, Вып. 209, с. 326-339.

Котрелев 1989 – Н. В. Котрелев. Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // Эсхил. Трагедии. В переводе Вячеслава Иванова. М. 1989, с. 497-523.

Котрелев 1995 – Николай Котрелев. Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким. К истории журнала "Беседа" // Europa Orientalis, 14, 1995, с. 183-208.

Котрелев и Мальковати – Вяч. Иванов. Переписка с В. Э. Мейерхольдом и З. Н. Райх (1925-1926). Публ. Н. В. Котрелева и Ф. Мальковати // Новое литературное обозрение, 10, 1994, с. 257-281.

НЛО 10 – Новое литературное обозрение, 10, 1994. (Вячеслав Иванов. Материалы и публикации. Сост. Н. В. Котрелев)

РИА I – Русско-итальянский архив. Archivio italo-russo. Составители Даниэла Рицци и Андрей Шишкин. Trento 1997.

Шишкин 1999 – А. Шишкин. Вяч. Иванов и сонет серебряного века // Europa Orientalis, 18:2, 1999, с. 221-270.

Cahiers – Cahiers du Monde russe. 1994, Vol. XXXV.

Ivanov a Pavia – Vjačeslav Ivanov a Pavia. A cura di Fausto Malcovati. Roma, s.a.

ПЕРЕПИСКА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА С ОЛЬГОЙ ШОР

Публикация А. А. Кондюриной, Л. Н. Ивановой,
Д. Рицци и А. Б. Шишкина

1924

1. В. И. Иванов - О. А. Шор
16 августа 1924 г. Москва.[1]

16 авг. 11 $^1/_4$ утра

Вам, дорогая Ольга Александровна, привет моей глубокой дружбы и безмерной благодарности - на пороге инобытия.[2]

Ваш В. И.

Адрес моего сотрудника, композитора Михаила Евгеньевича Попова,[3] Баку, Гос<ударственная> Консерватория.

От Димы и Лидии приветы.

[1] Почтовая карточка, карандаш.

[2] То есть окончательного отъезда из России.

[3] Михаил Евгеньевич Попов (?-1926) – композитор, педагог Л. В. Ивановой в Бакинской консерватории. Автор музыки к оперетте “Любовь – мираж?”, либретто которой написал В. Иванов. См. наст. изд., с. 49-58.. О болезни и смерти Попова В. Иванову сообщает В. М. Зуммер в открытке от 2 августа 1926 г. и предлагает переслать музыкальное наследство покойного его лучшей ученице (оп. 3, № 93, л. 27-27 об.).

2. В. И. Иванов – О. А. Шор
27 сентября 1924 г. Рим.

172, via delle Quattro Fontane,
3° piano (presso Placidi),
Roma.
27 сентября 1924

Дорогая Ольга Александровна,

Спешу сообщить Вам наш прочный адрес: он выставлен в заголовке. Отныне возможно будет ожидать писем от друзей: писать poste restante[1] никто не решился. Вспоминаем о Вас постоянно: удивительно ли? За последнее время Вы всецело вошли в нашу жизнь гением-покровителем, и нам кажется, что именно Вы нас послали и напутствовали в дальнее странствие, – да и кто знает, как бы мы собрались и выбрались без Вашей самоотверженной помощи? Получили ли Вы наш привет с границы? Преобладающим впечатлением во время путешествия было чувство удивления. Где все прежнее, такое знакомое и характерное? Где крикун-пруссак? Республиканский Берлин! Contradictio in adjecto![2] Любезные, легкие, улыбающиеся немцы... И везде, везде – полная перемена быта, психики, форм живой жизни. А старина еще величавее, чем прежде; с дружественною и уверенною ясностью глядит она, словно улыбаясь, на новую жизнь, и Венеция еще чудеснее, еще прекраснее Флоренция, еще вырос вечный город.[3] "Весело мне",[4] – как сказал Пушкин при посещении мастерской художника, – весело веселостью художника, хотя прежнего счастья в душе нет, и благословенное солнце Италии лишь целебно ласкает мою усталую старость... Порой чувство монаха, уснувшего под пенье птички, и проснувшегося стариком в том же, но непонятно изменившемся мире... Сестры Вашей[5] не удалось нам увидеть в Берлине, мы слышали только ее милый ласковый голос, звавший нас к себе по телефону, – но мы затормошились, засуетились, заспешили и убежали скорее из Берлина, убедясь, что там "Амуры и Психеи все распроданы по одиночке"[6] – разумею "Геликоны", "Эпохи" и прочие цветы невинного досуга.[7] Здесь мы жили некоторое время в пансионе, нам указанном,[8] а ныне устроились в трех комнатках, поверхность коих отнюдь не превышает строжайшей московской нормы, у вдовы адвоката, живущей с юношей-сыном[9] и взявшейся хозяйничать для нас или за нас. Жизнь здесь отнюдь не дешева, комнаты стоят 475 лир в месяц, т.е. 45 рублей; насущное про-

питание требует не менее 45 лир в день при величайшей экономии. Наши финансы на исходе. Спокойствия поэтому нет. Не пришлете ли денег за мебель? Если есть, очень поспешите. Хожу частенько в наше посольство, руководствуясь директивами коего еще не вступил в сношения с итальянцами (да еще и нет никого в Риме – летний сезон продолжается), зато уже послал Анат<олию> Вас<ильевичу>[10] докладную записку о перспективах научно-культурной работы[11] и сам уже начал работать в германском Институте[12] и в Biblioteca Nazionale.[13] Диму записали мы во французский Lycée Chateaubriand;[14] Лидия ждет возвращения в Рим своего maestro – Respighi,[15] и записывается для него в Accademia di Sta Cecilia.[16] Шлем все трое сердечный привет Вам и добрым Розе Моисеевне, Александру Соломоновичу, Кларе Моисеевне, Давиду Соломоновичу.[17] Кланяйтесь Густаву Густавовичу[18] и Петру Семеновичу.[19]

Дружески Ваш, преданный и благодарный Вяч. Иванов.

[1] До востребования (фр.).

[2] Противоречие в определении (лат.).

[3] В Венецию В. Иванов был командирован с семьей на 6 недель по случаю открытия Советского павильона на Biennale (международной выставке современного искусства, проходящей в Венеции с 1895 года). Он ехал через Берлин (31 августа), Мюнхен, Венецию и Флоренцию в Рим. См.: Иванова, с. 129-131. В Риме Ивановы оказались 14 сентября.

[4] Из ст-я "Художнику" ("Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую...").

[5] Вера Александровна Шор, скрипачка. Погибла в нацистском лагере.

[6] Неточная цитата из "Горя от ума". У Грибоедова – "Амуры и Зефиры все..."

[7] Названия издательств, закрывавшихся из-за кризиса русско-берлинского издательского дела. Первоначально Иванов полагал найти литературный заработок именно в Берлине. См.: Котрелев 1995, с. 184, 186.

[8] Пансион "Рубенс" на виа Belsiana.

[9] У синьоры Плачиди, где Ивановы прожили до осени 1926 года. Подробнее см. Иванова, с. 133-138, Д. Иванов, с. 59-61.

[10] Анатолий Васильевич Луначарский (1875-1933) – нарком просвещения.

[11] Записка Вяч. Иванова А. В. Луначарскому от 22. IX. 1924 // РИА, I. с. 549-550. Подробнее о проекте организации Русской Академии в Италии см.: А. Шишкин. Вячеслав Иванов и Италия // РИА I, с. 517-519, а также: Иванова, с. 155. Мысль об организации в Италии института по изучению славянской культуры и об участии в нем существовала у Иванова уже в 1920 году и исходила от министра народного образования в 1919-1920 гг. Андреа Торре. Подробнее см.: Бёрд, с. 307; прим. 44 на с. 326.

[12] По свидетельству Д. В. Иванова, с Германским археологическим институтом В. Иванов был связан еще с 90-х годов, когда тот располагался на Капитолии: здесь он работал и участвовал в раскопках. Существовало даже такое понятие "ragazzi capitolini" (что-то в роде "капитолийских юношей", если перефразировать выражение Пушкина). После 1-ой Мировой войны институт был переведен в новое здание на via Sardegna.

[13] Римская Национальная библиотека – одна из самых крупных государственных библиотек Италии. Находилась тогда на piazza del Collegio Romano, выходящей на via del Corso.

[14] Лицей Шатобриан – французская государственная гимназия, дававшая право продолжать образование в высших учебных заведениях Франции. Во главе лицея стоял прелат Dumaz, и это было необычно, так как во Франции строго соблюдалось разделение церкви и государства. Но для Дюма было сделано исключение, поскольку он был основателем этого, сначала частного, лицея. "Шатобриан" существует до сих пор и располагается там же, что и в бытность Д. В. Иванова учеником. Подробнее см.: Вячеслав Иванов. Материалы и исследования, с. 50-58; Д. Иванов, с. 60-61; Иванова, с. 148-149.

[15] Отторино Респиги (1879-1936) – композитор. Ср.: Иванова, с. 142-148. В РАИ находятся две деловые записки Респиги, адресованные Л. В. Ивановой.

[16] Академия Святой Цецилии (ит.) – Национальная музыкальная академия в Риме, где преподавал Респиги.

[17] Роза Моисеевна Шор (ум. 1930) – мать О. А. Шор, отличалась живостью культурных и общественных интересов, принимала участие в "Обществе Свободной Эстетики". До революции помогала левым силам, поэтому впоследствии у нее оказались большие связи. Александр Соломонович Шор (1864-1939) – ее отец, рояльный мастер, работал в Московской консерватории. Родители О. А. Шор принадлежали к христианской ветви семьи, в своей автобиографии для ГАХН она написала: "Еврейка по крови, русская по культуре". Клара Моисеевна (ум. 1926) – тетка, Давид Соломонович (Симферополь 1867 - Тель-Авив 1942) – дядя, знаменитый пианист. Он был одним из руководителей сионистского движения в России и, как только представилась возможность, переехал в Палестину и занялся распространением музыкальной культуры среди новых поселенцев.

[18] Густав Густавович Шпет (Шпетт) (1879-1937) – философ, вице-президент Государственной академии художественных наук – ГАХН (1923-1929).

[19] Петр Семенович Коган (1872-1932) – литературный критик, историк литературы, с 1921 года президент ГАХН. В РАИ находятся две книги Когана с дарственными надписями: "Пролог" (М.-Пг., ГИЗ, 1923): "Глубокоуважаемому Вячеславу Ивановичу с верой, что необъятная широта его мысли вместит и эту книгу"; "Наши литературные споры" (М., ГАХН, 1927): "Дорогому Вячеславу Ивановичу от неизменно любящего и уважающего его П. Когана. 19/22 V 27".

3. В. И. Иванов – О. А. Шор

29 сентября 1924 г. Рим.

29 сент<ября> 1924

Пишу Вам, дорогая Ольга Александровна, вдогонку за первым письмом новое по важному для меня, хотя на вид и небольшому делу. Книжки "Aeschyli Tragoediae, ed. Ad. Kirchhoff", так великодушно уступленной мне

В. О. Нилендером,[1] в нашем багаже не оказалось. Не у Вас ли она осталась? Я Вам передал, помнится, ее для возвращения Вл<адимиру> Оттоновичу; потом Вы принесли мне добрую весть, что он ее мне отдает; но передана ли она была Вами, в хлопотах и суматохе последнего дня, моей дочери для упаковки или была Вами забыта? Или же Лидия забыла ее уложить в последнюю минуту – и тогда какова ее судьба? Не попала ли она с оставшимися рукописями и пр. к Ивану Моисеевичу Дегтяревскому (Старо-Конюшенный, 4)?[2]

Мой добрый гений, возьмите на себя еще и этот труд – разыскать и спасти драгоценную филологу книжку, без которой я не могу работать.[3] Но если даже Вам удастся найти ее, – как ее переправить ко мне? Через Академию, что ли? Ибо ведь так просто книги, пожалуй, не пошлешь... Но здесь я говорю себе: ученого учить – только портить. Вы же maestra di color che sanno...[4] Только все же книжка на почте пропасть не должна.

Итак, и по отъезде моем мой призрак продолжает Вас мучить хлопотами.

Получили ли письмо? Адрес, на всякий случай, еще раз:

Al Sig. Prof. Venceslao Ivanov
172 via Quattro Fontane
3° piano (presso Placidi)
Roma.

Сердечные приветы!
Дружески преданный Вам
Вяч. Иванов.

[1] Владимир Оттонович Нилендер (1883-1965) – филолог-классик, переводчик древнегреческих авторов и поэт. У Кирхгоффа, который подготовил издание Эсхила, В. И. Иванов учился в Берлине.

[2] Иван (Иосиф) Моисеевич Дегтеревский (Дегтяревский) – литератор. Вместе с Ал. Н. Чеботаревской и О. Шор был доверенным лицом Иванова. Часть мебели, книги, некоторые картины и скульптуры Ивановых хранились в его квартире (составленные им списки ивановского имущества находятся в архиве А. Н. Чеботаревской в ИРЛИ). См.: Иванова, с. 361; С. И. Субботин. "...Мои встречи с Вами нетленны" // НЛО 10, с. 228 прим. 143; Л. Н. Иванова. К истории архива и библиотеки Вяч. Иванова (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. В печати).

[3] В Риме В. И. Иванов пересматривал свой перевод трагедий Эсхила и начал работу над обширным комментарием к нему, который предполагал выпустить в виде отдельной монографии.

[4] Перефразированный стих 131 из IV песни "Ада". "Учителем тех, кто знает" (пер. М. Л. Лозинского) Данте называет Аристотеля. Это одно из излюбленных выражений Иванова.

4. О. А. Шор – В. И. Иванову
9 октября 1924 г. Москва.

9 октября 1924
Москва

Глубокоуважаемый, дорогой

Вячеслав Иванович,

безмерно обрадовалась Вашему почерку, этому явлению Вас мне "из далей далеких". Весело стало от Вашего "удивления" навстречу "новым формам живой жизни". Ведь из удивления, по Вашему собственному признанию, родится поэзия. Будем ждать Ваших новых откровений! И грустно стало от забот и тревог, которыми новый быт уже на Вас наступает. Денег за мебель Александра Николаевна[1] мне пообещала, но не передала. Я ей послала запрос о них в Петроград, куда она внезапно уехала; как только их получу, сейчас же Вам вышлю. Если "Aeschyli Tragoediae" запоздало теперь не обнаружились в Вашем багаже, то, надеюсь, Вам недолго придется оплакивать эту потерю. Уж как-нибудь мы Эсхила Вам раздобудем. Не важно же для Вас, чтобы это была *физически* та же книга. В Москве ее нет. (К сожалению, не я ее забыла). К Дегтяревскому она не попала, хотя именно *ему* Алекс<андра> Ник<олаевна> передала все оставшиеся, *чужие* книги. Остается сделать мало правдоподобное предположение, что Ал<ександра> Ник<олаевна> увезла ее с собою в Петроград. Одновременно с этим письмом, посылаю письмо А<лександре> Н<иколаевне> с просьбой прислать мне книгу, быть может, ею спасенную. Если книга будет у меня, то она будет у Вас. Не беспокойтесь: на почте она *не пропадет.* Одновременно же с этим письмом посылаю письмо двоюродному брату во Фрейбург с просьбой во что бы то ни стало раздобыть "Aeschyli Tragoediae, ed Ad. Kirchhoff" и спешно Вам книгу переслать. Юша[2] свел короткое знакомство с большим магазином, и в моей практике еще не было случая, чтобы он требуемую книгу не достал. Буду очень рада, если мне удастся подарить Вам книжку, без которой Вы не можете работать. Тогда у меня будет маленькая надежда, что Вы изредка по внешней ассоциации будете обо мне вспоминать... Скажите, Вячеслав Иванович, "на какой предмет" (как теперь говорят) Вы мне сообщаете, что послали Анат<олию> Вас<ильевичу> докладную записку? Что это? – к сведенью платонически или к сведенью утилитарно? Думаете ли

Вы, что дело пойдет быстро и гладко, или Вы боитесь, что оно может затормозиться в Москве, и не хотите ли Вы, чтобы в этом случае я проследила и подстегнула движение бумажек. Если хотите, то пришлите Петру Семеновичу письмо, а мне – поручение осведомиться, получил ли он его, или, – если считаете удобным, – пришлите письмо П<етру> С<еменовичу> на мой адрес. Тогда я буду иметь основание вмешаться в это дело. Кроме того сообщите мне *точно*, кем, когда и куда Ваша докладная записка была направлена. Научно-культурная работа в Италии для Вас, да и для всех русских филологов, такая драгоценная вещь, что Вам ее упустить никак нельзя. Кстати, если хотите оказать услугу Петру Семеновичу, постарайтесь ускорить итальянскую визу Лидии Павловны Копейкиной,[3] кот<орая> едет в Венецию для помощи при свертываньи выставки. Дайте кому следует благоприятный об ней отзыв (об Л<идии> П<авловне>, не об выставке).

От Мануйлова[4] из Баку получила семь Ваших стихотворений, взятых Ман<уйловым> из редакции "Русского Современника"[5] 16 июля с. г.

1) "Madonna della neve"
2) "Сон"
3) "Вежды"
4) "Маскарад"
5) "Возврат"
6) "Мерлин"
и 7) "Ио".[6]

Что прикажете с ними делать? Переслать их Вам? В союз драм<атических> писат<елей> я Вас записала. За Тифлисскую постановку "Любовь – мираж?"[7] союз обещал Вам заплатить. Как только получу деньги, Вам вышлю.

С постановкой трагикомедии в Москве – дело обстоит еще неопределенно. Немирович обещал Маркову собрать актеров и им ее прочитать. С дирижером Володя переговорил. Думаю, с музыкальной стороны возражений не будет. Как только что–нибудь выяснится, Вам сообщу.[8]

Будьте добры сказать Лидии Вячеславовне, что ноты ее я через день после Вашего отъезда Ти-де-бель[9] передала.

Ваше любезное преувеличение нескольких моих микроскопических услуг приводит меня всегда в предельное смущенье.

Если мне удалось их Вам оказать, то за это не Вам меня, а мне Судьбу благодарить надо. Буду бесконечно счастлива, если мне дано будет сделать для Вас что-нибудь величиною в натуральный рост моего чувства к Вам…

Вашу библиотеку мы пока не тормошили. С Иваном Моис<еевичем> сговорились ее толком переписать[10] и сделать карточный каталог; тогда только ее можно будет расценить. Впрочем, мечтаю, что продавать Вам ее не придется и она в том надежном месте, где находится, спокойно дождется Вашего возвращения. A propos[11] надежных мест: Зелинский[12] на время своей заграничной поездки поместил свою библиотеку в полуподвальном этаже Академии Наук. Во время ленинградского наводнения (о кот<ором> Вы, вероятно, читали) она вся погибла... Только, ради Бога, не поймите мое a propos в том смысле, будто я Вам советую как можно скорее библиотеку ликвидировать; наоборот, я за ее сохранность совершенно спокойна и меньше всего хотела бы ее продавать.

"Брюсов умер", – сейчас сообщили.

Скончался сегодня в 10 ч. утра. Разрушенные легкие не выдержали крупозного воспаления... Как хорошо, что перед смертью он вновь встретился с прежними друзьями. Ведь Вы посетили его в этот Ваш приезд; а с Белым он вместе в Крыму прожил последние недели. Странно – в прошлом году на своем юбилее Вал<ерий> Як<овлевич> возмущенно и грустно протестовал: "Что Вы говорите со мною, как с умершим? Я был когда-то символистом, теперь я коммунист; я не умер, а перешел к новым формам реальной жизни". – Кто-то это услыхал тогда; теперь – символически ухмыльнулся...[13]

Буду ждать ваших поручений и приказаний.

Ваше сообщение об "Амурах и Психеях" очень огорчительно. Чем это объясняется? Общим положением Берлина или падением интереса к России?

Написала ли Лидия Вячеславовна что-нибудь новое? У меня имеется один план насчет ее последних произведений; но об этом в следующий раз.

Как себя чувствует мой верный, ловкий помощник Димочка в новом мире? Примите сердечный привет Вам и Вашим от душевно, целостно Вам преданной

О. Шор.

Пожалуйста, отправляйте письма заказными: простые часто пропадают. Из того факта, что Ваше последнее письмо дошло, не делайте слишком оптимистических выводов.

[1] Ал. Н. Чеботаревская (1869-1925) – переводчица, близкий друг семьи Ивановых. Ей Иванов оставил в собственность свою квартиру в Б. Афанасьевском переулке, доверив распоряжение обстановкой и библиотекой. См.: Доверенность В. И. Иванова от 19 августа 1922

на имя Ал. Н. Чеботаревской // Л. Н. Иванова. К истории архива и библиотеки Вяч. Иванова. В 1923 году московская квартира Иванова была ликвидирована, часть вещей и библиотеки отправлена в Петроград А. Н. Чеботаревской. См.: Г. В. Обатнин. Из материалов Вячеслава Иванова в Пушкинском доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб. 1994, с. 30. Оставшаяся часть имущества, по-видимому, была роздана на хранение знакомым А. Н. Чеботаревской в Москве. В письме Иванову от 14 января 1928 г. Г. И. Чулков приводит свидетельство К. Колобовой, по словам которой книги Иванова с дарственными надписями продавались на московском рынке (оп. 3, № 204, л. 3 об.).

[2] Евсей Давидович Шор (1891-1974) – двоюродный брат О. Шор, сын Давида Соломоновича. С 1922 года жил в Германии, работал над докторской диссертацией во Фрейбурге, переводил на немецкий русских философов (Бердяева, Шестова, Шпета), из-за наступления фашизма перебрался в Палестину. Он стал переводчиком и исследователем творчества Иванова, а также его доверенным лицом в переговорах с немецкими издателями. В РАИ находится 85 писем Е. Д. Шора к В. И. Иванову за 1924-1946 гг. (оп. 3, № 208-215), а также машинописные копии переводов ивановских статей с правкой Иванова и Шора. Домашние звали его Юшей, так обращалась к нему О. Шор и так же с определенного момента иронически называет Шора в переписке с ней Иванов. В "Пуле времен" есть персонаж "философ Юша", он же "профессор Jusch". Подробнее см.: Д. Сегал // Cahiers, а также IV, 757-770.

[3] Лицо неустановленное.

[4] Виктор Андроникович Мануйлов (1903-1987) – литературовед, студент В. Иванова в Баку, впоследствие профессор Ленинградского Университета. По просьбе поэта он взял из редакции "Русского современника" отданные туда стихи, которые были пересланы Иванову через О. Шор (см. письмо В. Мануйлова к О. Шор от 21 сентября 1924 г. // НЛО 10, с. 8). В 1923 г. поэт посвятил Мануйлову ст-е "Victori manu Elohim" (IV, 90) – толкование его имени и судьбы (подробнее см. в статье А. Шишкина "Велимир": к разгадке имени Хлебникова // "Europa Orientalis" 1996: 2, с. 128). См. также: В. А. Мануйлов. Записки счастливого человека: Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов. СПб., 1999. В РАИ находятся 8 писем В. А. Мануйлова Иванову за 1924-1928 гг., частью с приписками С. В. Троцкого (оп. 3, № 131).

[5] Литературно-художественный журнал "Русский современник" издавался в Ленинграде в 1924, всего вышло 4 книги. Ср.: Л. Шуб. "Русский современник" // Литературная энциклопедия, т. 10 [München 1991] с. 402-403.

[6] Стихотворения "Madonna della neve" ("Снежная Мадонна" – ит., 1915) и "Вежды..." (1917) впервые напечатаны в журнале "Современные записки", LXVIII, 1939; "Сон" (1915) – "Oxford Slavonic Papers", V, 1954; "Маскарад" (1914; в ред. 1933 г. – "Демоны маскарада") – в "Современных записках", LXVI, 1938; "Возврат" (1918 или 1919) – в бакинском сборнике "Норд" (1926). Эти ст-я включены затем в книгу "Свет вечерний" (1962). "Мерлин" (1916) впервые опубликован в НЛО 10, с. 8; "Ио" (1924) – IV, 91-92.

[7] О постановке пьесы в Тифлисе сведений нет.

[8] Предполагалось, что оперетта может быть поставлена в Художественном театре (в РГАЛИ сохранилось письмо управделами МХТ от 22 июля 1924 к В. И. Иванову). Владимир Иванович Немирович-Данченко (1858-1943) – режиссер МХТ. Павел Александрович Марков (1897-1980) – театральный критик, режиссер. С 1925 года станет завлитом МХТ. Володя –

возможно, В. В. Лужский, который в названный период, предположительно, был зав. литературной частью театра. Ср.: Котрелев 1995, с. 188, 203.

[9] Елена Максимовна Тидебель (Tedeböhl) - московский музыкант. В РАИ находится ее письмо от 22 октября 1924 г., адресованное Л. В. Ивановой. В нем говорится, что рукопись, полученная от О. Шор, была отослана в издательство в Филадельфии, но ответа о возможности ее публикации пока нет.

[10] В. Иванов оставил О. Шор доверенность от 27 августа 1924 года распоряжаться частью его библиотеки, поступившей в Театральный музей, с правом ее продажи (см. Бёрд, с. 327). Списки книг, составленные Ивановым для И. М. Дегтеревского, находятся в РАИ.

[11] Кстати (фр.), здесь – "что касается".

[12] Фаддей Францевич Зелинский (1859-1944) – крупный филолог-классик. Подробнее см. письма Зелинского к Иванову в наст. изд.

[13] Ср. впечатления Андрея Белого о похоронах В. Я. Брюсова, состоявшихся в Москве 12 октября 1924 г., в письме к Иванову-Разумнику начала марта 1925 г. (Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публ., вступит. статья и коммент. А. В. Лаврова и Д. Мальмстада. СПб. 1998, с. 312, 321).

], автор "Memoirs of Scriabin's Volge Tour (1910) – The monthly musical Record 1926, p. 6.

1925

1. О. А. Шор – В. И. Иванову.
19 февраля 1925 г., Москва.

Глубокоуважаемый, дорогой Вячеслав Иванович,

сегодня в пять ч<асов> утра умер Михаил Осипович.[1] Врачи говорят: припадок печени с рефлексом на сердце, или припадок грудной жабы с рефлексом на печень.

Последнее время Мих<аил> Ос<ипович> чувствовал себя физически и духовно так хорошо, как давно уже себя не чувствовал: окреп, много продуктивно работал. Все что в нем было раньше от раздражительности и каприза – все от него отошло. Что-то восточное, лучистое в нем проступило; он был точно те древние боги о тысяче простертых для помощи рук. И знаете, что странно: эта неземная доброта совсем не имела призвука боли всего живого, боли, отягчающей доброту, делающей ее земной. Этой боли в Мих<аиле> Осип<овиче> в последнее время совсем, совсем не было: веселый он был, как только художники, а не критические осознаватели бывают, веселый и страшно легкий.

Тепло, укромно в его присутствии становилось, и в тоже время вознесенно, вознесенно до жути <...> Когда я видела его в последний раз, мы долго нежно о Вас говорили, обсуждали способы проведения Вашей трагикомедии на сцену. "Если б это вышло, как я был бы рад", – сказал М<ихаил> О<сипович> на прощание. Это – "*рад*" – о Вас было последним словом, что я от него слышала. <...>

[1] М. О. Гершензон (1869-1925).

2. В. И. Иванов – О. А. Шор
2 марта 1925 г. Рим.

Рим, 2 марта 1925.

Дорогая Ольга Александровна,

Как давно и как много собирался я Вам писать – и, к моему величайшему удручению, так и не ответил на Ваше доброе и милое письмо, пи-

санное еще в октябре; а с того времени случилось мне получить от добрейшего Евсея Давидовича, который не пожалел времени и усилий, чтобы достать редкую теперь книжку, Эсхиловы трагедии в редакции Кирхгоффа, присылка коих доставила мне живейшую радость, но и повергла меня в некоторое смущение, ибо Е<всей> Д<авидович> денежные расчеты со мною по этому поводу решительно отверг, ссылаясь на Ваше распоряжение,[1] – и вот, даже за этот подарок и за эту радость не сумел я своевременно принести Вам свидетельство моей умиленной признательности, что делаю лишь теперь, посылая Вам мою сердечную благодарность за милый и ценный дар Вашей сердечной отзывчивости. (Но все же, как жаль, что книжка Нилендера непонятно сгинула: черное подозрение шепчет мне, что всему виною – la fatale étourderie de cette extatique Cassandre...[2]). – И вот, наконец, Ваше второе письмо, скорбная весть о кончине моего горячо любимого (любимого даже в его "капризах"), свято почитаемого Михаила Осиповича. Впервые узнал я о его смерти, впрочем, в самом деле не от Вас, а за два дня до Вашего письма из лаконического сообщения Ходасевича: "читаете ли Вы русские газеты? знаете ли, что М. О. умер?"[3] – Но знаете ли Вы, что, как ни горько мне пережить его (чего я именно боялся), а первое слово, сорвавшееся с уст, было: "Счастливый!" Не упрекайте меня за это признание (в субъективном порядке), объективно же... уверяю Вас, что это самая непреложная, – и психологическая ли только? – объективность... – смерть праведника заставляет нас на миг ощутить, как *реальность*, какой-то, вдруг пронизывающий душу, луч нездешнего *света* (как я и писал моей горячо любимой Марии Борисовне[4]). Что Вы пишете, в своих словах и категориях восприятия, о впечатлении, какое оставляла на Вас за последнее время его близость, – то же самое уже давно переживал в его присутствии и я сам и мог бы давно, кажется, сказать это по-своему. Благословляю свое неожиданно долгое пребывание летом в Москве, потому что много виделся с ним и, зная что мы расстаемся Бог весть на какой срок, – спешил его душевностью – надышаться...

За месяц ровно до кончины,[5] 18 января, М<ихаил> О<сипович> писал мне. В этом письме, с очаровательною художественною добротою, он рассказывает о Верховском.[6] Мне хочется выписать для Вас это начало его письма:

"С новым годом, милый В<ячеслав> И<ванович>! И пусть 9 римских сонетов[7] будут задатком на обновленное Ваше творчество в новом году; и остальное все да приложится. С заседания я пришел поздно, когда уже все спали. По возвращенной, лежавшей на столе книге я узнал, что был Юрий Никандрович, сидел с М<арией> Б<орисовной>; в пепельнице лежали окурки готовых папирос. Он курит всегда трубку, и в ней – очень

скверный табак. Из окурков я умозаключил, что он днем получил наконец долгожданные деньги в Госиздате и кутит; ну, думаю, о нем можно не заботиться, он при деньгах. На другой день пошел я к одному хорошему человеку выпросить денег для одной нуждающейся писательницы, и получил 3 червонца, и решил, значит, все отдать ей, а Верховскому ничего. А вечером пришел опять Ю<рий> Н<икандрович>, я ему рассказал свое умозаключение, он и говорит: "ах, не так; папиросы я покупаю в двух случаях: когда заведется лишний рубль, – и когда нет даже рубля, – потому что пакет трубочного табаку стоит 80 коп., – когда их нет, я покупаю пачку папирос за 25 коп." – Я устыдился своей недогадливости; на всякого мудреца довольно простоты. И тут я ему дал прочитать Ваше письмо. – Это я, милый В. И., не праздноглагольствую, а отвечаю на Ваше письмо: такая misère[8] царит в литер<атурной> среде нашей" etc... В том же письме о Ходасевиче: "он под небом Сорренто[9] желчен и угрюм... и стихов отнюдь не пишет; а Ю<рий> Н<никандрович>, голодая и плетясь в рваных башмаках без калош, – пишет! неукоснительно пишет, и все дискантом! Странное существо человек, загадочнее кошки"... Это, М<ихаил> О<сипович> свою кошку полюбил и, значит, все разгадывал... А вот о Вас: "О<льга> А<лександровна> на этой неделе будет читать в Акад<емии> своего М<икель>-Андж<ело>.[10] Она, бедная, совсем извелась... – из-за болезни тети? каково ее состояние?[11] Вы знаете, мне она очень нравится, бедненькая". И опять М<ихаил> О<сипович> о Вас: "Совсем она стала на комарика похожа"... Милый комарик, как мне Вас жаль, – но проповедовать Вам благоразумие ("aber schonen Sie sich denn!"[12]) – потерянный труд. Приезжайте сюда!

Я же отсюда не собираюсь ехать и на убеждения друзей из Баку: "Обещайте вернуться в Баку, телеграфируйте в НКП Азербайджана, и жалованье профессорское будет высылаться с 1 января впредь", – отвечаю бездействием. Ибо своих брать туда не хочу, а одному ехать почти не расчет,.да и не поручишься, что к ним назад отпустят в июне 1926 г. Был у нас в Риме Петр Семенович,[13] обещал он мне в Москве поагитировать в Цекубу,[14] чтобы деньги, которые бы я получал в Москве, высылались заграницу: едва ли это удастся. Спросите его, пожалуйста, о результатах при свидании. И еще писал мне недавно Анатолий Вас<ильевич>.[15] Письмо его вообще обнадеживающее на будущее; а кончается сообщением, что одновременно вносит он оффициальное предложение о добавочных командировочных деньгах мне, но в успехе, за недостаточностью средств, не уверен. Согласно с Вашею доброю готовностью, буду Вам глубоко благодарен за соответствующую справку, если таковая возможна.

Что до пресловутой “трагикомедии”, я убедился, что она никому не нужна.[16] Набросал я, по заказу М<ихаила> О<сиповича>, статейку о звукообразе Пушкина[17] для какого-то пушкинского календаря, который он редактировал[18] и где должны были быть напечатаны статьи его, Цявловского,[19] М. Н. Розанова[20] и Вересаева,[21] – но к указанному сроку (15 февр<аля>) не поспел; пошлю ее, должно быть, в “Беседу” Горького.[22]

В том же письме (никак не могу с ним расстаться) М<ихаил> О<сипович> трогательно повторяет за Пушкиным: “Адриатические волны, о Брента, нет, увижу вас”.[23] Так и не суждено было ему увидеть Италию, а мне с ним увидеться здесь.

У меня теперь довольно много итальянских, отчасти интересных, знакомств; но современный Рим мне не нравится, его загромоздили автомобили, разносчики не кричат, национальные традиционные костюмы крестьянок запрещены в городе, новые строения испортили самые милые места: нет больше – или почти нет – прежнего наслаждения бродить по улицам... И все же тут хорошо!

Из стихов, полученных от Вити, спишите мне, родная, “Madonna della Neve”, “Сон”, “Вежды”, “Мерлин” и “Возврат”.

Дочь моя, покуда я пишу Вам, в соседней комнате работает и по обыкновению ведет сама с собою драматический диалог: – “Теперь подумай, удобно ли после такого fracasso[24] оставлять бедный кларинет одиноким... Подтвердить или не подтвердить?.. Второй фагот, поработай, дружок!.. А вот тут валторны... А тебя не смущает вот такое (поет)... Нет, но можешь и так...” и т.п. Maestro Respighi продолжает распространять о ней доброе мнение, которое доходит до нас стороной через знакомых писателей.

Зато о себе не могу порадовать Вас никакою доброю вестью. Чувство глубокой душевной *синтетической* усталости и немощности перед ужасающей трагикой свершающейся жизни не прекращается, а чуть ли не возрастает.

Пока до свидания, моя радость, Ольга Александровна! Привет сердечный Вашим. Обещаюсь писать. Берегите здоровье.

Дружески ваш

Вяч. Иванов.[25]

[1] Подарить книгу, как пишет О. Шор в предыдущем письме.

[2] Пагубная рассеянность этой экзальтированной Кассандры (фр.). Кассандрой у Ивановых звали А. Н. Чеботаревскую.

[3] Иванов цитирует письмо В. Ф. Ходасевича от 25 февраля 1925 г. (в печати)..

[4] М. Б. Гершензон (урожд. Гольденвейзер, 1873-1940) – жена М. О. Гершензона и сест-

ра А. Б. Гольденвейзера, у которого Л. В. Иванова кончила курс консерватории в Москве. Была очень близка с О. Шор. Переписка с М. Б. Гершензон хранится в архиве О. Шор в РАИ.

[5] Гершензон умер 19 февраля.

[6] Юрий Никандрович Верховский (1878-1956) – поэт, переводчик, историк литературы. Об его отношениях с В. И. Ивановым см. II, 736; III, 846; IV, 713; Шишкин 1999, с. 228-96, 247-51.

[7] В Риме с сентября по декабрь 1924 года были написаны 9 сонетов, которые в начале января 1925 года Иванов отправил М. О. Гершензону (III, 849). Впоследствии они получили название "Римских", но первоначальным авторским названием цикла было по-видимому "Ave Roma" (Котрелев 1995, с. 205 прим. 38).

[8] Нищета (фр.).

[9] В. Ф. Ходасевич гостил с октября 1924 по апрель 1925 в Сорренто у М. Горького .

[10] Творчество Микеланджело было предметом углубленных искусствоведческих и философских штудий О. Шор на протяжении всей жизни. Упомянутый этюд (первая часть монографии), подаренный ею В. И. Иванову в 1924 году в Москве, хранится в РАИ. На нем пометы Иванова и множество исправлений в греческих цитатах, сделанных его рукой.

[11] Речь идет о Кларе Моисеевне.

[12] Но пощадите же себя (нем.).

[13] П. С. Коган был в Риме в августе 1925 года.

[14] Правильно: ЦЕКУБУ – Центральная комиссия по улучшению быта ученых.

[15] Письмо неизвестно.

[16] Иванов подразумевает запрещение публичного чтения пьесы (см. Иванова, с. 123-124), неосуществившуюся постановку в МХТ и отказ Горького напечатать ее в "Беседе" (письма Горького см.: Котрелев 1995, с. 189, 190-191).

[17] Статья "К проблеме звукообраза у Пушкина" написана в марте-апреле 1925 года.

[18] Книга готовилась кооперативным издательством "Колос" (М.-Пг., 1918-1926), которое вскоре обанкротилось.

[19] Мстислав Александрович Цявловский (1883-1947) – пушкинист.

[20] Матвей Никанорович Розанов (1858-1936) – историк литературы.

[21] Викентий Викентьевич Вересаев (1867-1945) – писатель.

[22] "Беседа" – журнал, издаваемый при участии Б. Ф. Адлера, Андрея Белого, Ф. А. Брауна, М. Горького и В. Ходасевича. Выходил с 1923 по 1925 год в Берлине раз в два месяца, прекратил свое существование на 7-ом номере. Предполагалось, что Иванов будет сотрудничать в "Беседе" не только как поэт, но и как эссеист, и поместит в ней статью о Пушкине (в 8-ой книге). Подробнее см.: Котрелев 1995, с. 196-197, а также: И. И. Вайнберг. Беседа // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918-1940. Периодика и литературные центры. М. 2000, с. 32-42.

[23] Начало XLIX строфы I-ой главы "Евгения Онегина".

[24] Шум, гам (ит.).

[25] Следуют приписки Л. В. и Д. В. Ивановых.

3. О. А. Шор – В. И. Иванову
16-27 апреля 1925 г. Москва.

16 апреля 25 г.
8 $^1/_2$ ч<аса> в<ечера>. Четверг

Глубокоуважаемый, дорогой Вячеслав Иванович,

окна моей комнаты – Вы знаете – смотрят на маленькую Антипьевскую церковь.[1] Сейчас узорятся огоньки свечей, вспыхивает и угасает пение, мерно отсчитывают Евангелья одинокие колокола.

Из дому мне уйти нельзя: у Клары что-то с сердцем неладно; темпер<атура> 39.8°, меня поминутно зовут. И вот вместо того, чтобы направиться в церковь, я незванно устремляюсь к Вам... <...> Подлинное ощущение культуры вызывает священный трепет; потому, прикасаясь к Вам, я испытываю религиозное чувство. И *не можете* же Вы *не хотеть* приумножать его в мире...

Простите мне это признание: сегодня страстной исповедальный день...

По делу мне, в сущности, нужно было бы писать Вам завтра. Пока все, как будто, обстоит благополучно: в Наркомпросе заграничная комиссия постановила деньги Вам выдать. Но есть еще одна инстанция, и до ее заключения ни в чем уверенным быть нельзя. Окончательно все должно решиться в ближайшие после праздников дни.

Что касается Ваших отношений с Цекубу, то: после целого ряда анекдотических приключений, историей коих посмешу Вас при свидании, Ваши бумаги попали в руки Петра Сем<еновича>, и Вы торжественно были зарегистрированы в КУБУ по *пятой* категории. К пятой категории относятся Академики и представители *точных наук* с мировыми именами.

Вы – это чуть ли не первый случай зачисления Ученого-гуманиста, Поэта. Практически зачисление в пятую категорию означает академическое обеспечение в размере 100 руб. ежемесячно. <...> Если ничего неприятного не произойдет, то через несколько дней я буду иметь радость отправить Вам первую получку. <...>

27 апреля

Так основательно меня прервали, что больше недели никак я не могла дорваться до письма. <...>

Заседание в Цекубу было отложено на несколько дней; вопрос о включении в денежный список отложен на май. Для всех простых смертных эта отсрочка означает отсрочку в получении денег – и больше ничего. Для Вас вопрос осложняется тем, что Вас здесь нет, – а командировка Ваша формально кончается в июне.[2] В Наркомпросе знают, что Вы уехали в конце августа, но это нигде зафиксировано Вами не было. Отказать Вам комиссия не откажет, но дело Ваше рассудит так (это я уже наверное знаю): "Командировка В<ячеслава> И<ванова> кончается в июне. Значит, он через месяц вернется. Зачем нам высылать деньги за границу. Пусть В<ячеслав> И<ванов> приедет; мы его в список включим". Теперь, в предупреждение такого постановления вот что Вам надлежит сделать. <...>

1) Немедленно пришлите заявление в Цекубу (*обязательно на мой* адрес, чтобы я могла до передачи подкрепить его соответствующими подписями, иначе ничего не выйдет). Заявление должно быть написано очень обстоятельно: надо указать, что Вы выехали в августе, работаете по заданиям НКП etc. etc. ... Командировка дана на год, а денег отпущено очень микроскопически, и они совершенно истощились. НКП готов и обещает назначить добавочные суммы, но за отсутствием средств до сих пор готовности своей осуществить не может. Прервать сейчас работу – значит обессмыслить командировку etc. ... Одним словом, напишите всю правду, но очень подробно. Да, обязательно еще укажите, сохранено ли Вам жалованье по Бакинскому университету и если сохранено, то в каком размере. Если найдете удобным, сообщите, что выехали Вы за границу впервые (в течение революции, конечно); тут упорно циркулируют ложные слухи, будто Вы уезжали в Европу года 2–3 тому назад: "Все время катается по Европе, значит, не очень-то нуждается"... <...> вот о чем еще *обязательно* надо упомянуть в заявлении: на Вашем иждивении находятся двое детей, дочь и сын, оба *учащиеся*.

Это во-первых, но есть и второе:

2) Пришлите заявление в комиссию по заграничным командировкам НКП или на имя Анат<олия> Вас<ильевича> с просьбой о продлении командировки. НКП признает необходимость Вашей дальнейшей работы в Италии, но формально без Вашего письменного заявления сделать, конечно, ничего не может. <...>

Как занятия Лидии Вячеславовны? Какое счастье, что она живет в таком чудесном мире звуков; ей, вероятно, все легко.

А Димочка? Передайте ему, пожалуйста, что кроме той единственной юбилейной марки, что я наклеила на свой конверт, марок никаких на почтамте не было; обещали выпустить к 1-ому маю.[3] Если сегодня найду – пришлю.

Мария Борисовна, Сережа и Наташа здоровы.[4] Верховский все пишет стихи и доклады. Петр Сем<енович> уехал в Париж.

Целую Лидию Вячеславовну и Диму. Вам самый сердечный привет.

Ваша искренне преданная О. Шор. <...>

[1] Московский адрес О. Шор – Малый Знаменский пер., 7. Дом существует до сих пор.

[2] В РАИ хранится удостоверение Наркомпроса, выданное В. И. Иванову, в том, что он командируется на год в Италию и Германию для научных занятий в области литературы, датированное 25 июня 1924 года.

[3] Д. В. Иванов собирал в это время коллекцию марок и просил О. А. Шор выбирать разные и интересные. Именно этим пристрастием объясняется отсутствие марок на многих конвертах, находящихся в РАИ.

[4] Семья М. О. Гершензона.

4. В. И. Иванов – О. А. Шор
7 мая 1925 г. Рим.

Дорогая Ольга Александровна.

О, как я Вам за все, за все благодарен!.. Но сегодня ни о чем ни слова. Я просто исполняю все Ваши распоряжения в деловом и срочном порядке. Статья же, еще неделю тому назад, отослана на имя Лебедева-Полянского,[1] как наказывал Мстислав Александрович. Не сердитесь хоть Вы-то, дорогая, за эту истому со статьей. Простите, что конверт, содержащий заявление и личное письмо на имя Ан<атолия> Вас<ильевича>, запечатан: мне показалось, что в данном случае оффициальная, служебная сторона дела предписывает эту неловкость, и Вы ее извините.

До следующего (на днях) большого письма о не-деловом.

Ваш всею душой

Вяч. Иванов

7 мая.

[1] Павел Иванович Лебедев-Полянский (1881-1948) – в 1921-30-х годах руководил Главлитом.

5. В. И. Иванов – О. А. Шор
23 мая 1925 г. Рим.[1]

Дорогая Ольга Александровна,

Получил только что Вашу добрую весть. Все трое, мы глубоко растроганы и, счастливые, с чувством спасения, благодарим Вас за спасительную помощь.

Вы правы: "игрушки" Вам! И заслуженно Вы испытываете одну из благороднейших и самых красивых радостей. Я отчетливо знаю, что – не будь Вас – ничего бы не вышло. Здесь нужны были Ваша ревность, Ваша сообразительность, Ваша энергия и настойчивость, – Ваше искусство и Ваш "темп", мой благодетельный, волшебный дирижер!..

Со всеми этими хлопотами должно так торопиться, что и сегодня неделовое письмо еще не мыслимо.

Прежде всего, поставляю Вас в известность, что, прошлый раз, в конверт с письмецом к Вам и с заявлением в Цекубу было вложено мною еще 2 конвертика: не запечатанный на имя Б. А. Шпаро[2] (я благодарил его за любезное и сильное содействие) и запечатанный на имя Ан<атолия> Вас<ильевича>, содержавший заявление о продлении командировки (о добавочных деньгах не было в нем сказано ни одного слова) и частное письмо к нему, в ответ на полученное от него.[3] Догадываюсь, что существует, по-видимому, правило, в силу которого пересылать в запечатанных конвертах на имя одного лица письма, адресованные к другим лицам, не полагается. Вероятно, письмецо к Б<орису> А<лександровичу>, за отсутствием адреса, пропало; я напишу ему другое, по адресу Цекубу. Но письмо мое к А<натолию> В<асильевичу>? Если бы оно не попало в его руки, мне было бы очень, очень жаль. Если заявление получено, – справьтесь пожалуйста! – получено и частное письмо. На всякий случай прилагаю повторное заявление, составленное менее подробно, прося Вас передать его в Наркомпрос.

Что же до статьи (коей точного черновика у меня нет), я надеюсь, что она дошла и не затерялась у Лебедева-Полянского. Передал ли он ее Мст<иславу> Ал<ександровичу> (коему я доселе отписать грешным делом не удосужился и пишу только теперь), и если нет, не опоздала ли она через это к набору?[4]

Не имея с ноября, должно быть, поводов к визитам в посольство, я не могу следить за советскими газетами и не знаю нынешней котировки червонца, почему и предоставляю Вам, mon ange gardien,[5] произвести со-

ответствующий расчет. Доллары мне лично кажутся весьма удобными; давали за 10 д<олларов> 247 лир с лишним; сегодня дали бы, вероятно, около 246,50.

Кажется, все, требовавшее незамедлительного ответа, оговорено. Прилагаю две доверенности и заявление.

Лучше ли Вашей бедной тете? И как чувствуете себя Вы сама, радостная подвижница? Целую Ваши милые деятельные руки.

Вам признательный бесконечно

Вяч. Иванов.

P.S. Только что заметил Ваш postscriptum на последней страничке. Итак, письмо к Б<орису> А<лександровичу> в самом деле было изъято. Спасибо за адрес его. Но вот беда: открыток с видами, кажется, посылать в ССР нельзя. По крайней мере, они направляются в цензуру. Или я ошибаюсь? Напишите мне об этом. А писать ему буду опять, завтра же.

В. И.

Доверенность

Доверяю Ольге Александровне Шор ежемесячно получать причитающиеся мне из Цекубу деньги.

Командированный заграницу с научною целью, член Цекубу,
проф. Вячеслав Иванов
Рим, 23 мая 1925.

Адрес:

Al prof. Venceslao Ivanov
172 via Quattro Fontane
p.III (presso Placidi)
Roma (5).[6]

[1] Ответ на письмо О. Шор от 16 мая 1925 г., в котором речь идет о назначении пособия от Наркомпроса. Она говорит, что удачный исход дела вызвал у нее такую же радость, которую в детстве она испытывала, получив страстно желаемую игрушку.

[2] Борис Александрович Шпаро, сотрудник ЦЕКУБУ. В письме от 16 мая 1925 г. О. Шор советует прислать ему в благодарность открытку с видом Рима.

[3] Предположительно, письмо Луначарского от 13 февраля 1925 г. См.: РИА I, с. 556.

[4] Письмо Иванова к М. А. Цявловскому от 24 мая 1925 (ИРЛИ, ф. 387, N° 168).

[5] Мой ангел-хранитель (фр.).

[6] Следует вторая доверенность, идентичная по содержанию.

6. О. А. Шор – В. И. Иванову
3 июня 1925 г. Москва.

3 июня 1925 г. Москва.

Глубокоуважаемый, дорогой

Вячеслав Иванович,

деньги Ваши – академическую стипендию Цекубу (85 руб.) и гонорар за статью (40 руб.) – получила и в образе долларов (63.50) перевела Вам в Рим. Теперь обращаюсь к Вам с большою просьбою: моментально по прибытии денег черкните мне хоть одно слово – "получил". Дело в том, что по совету друзей я послала Вам деньги через Роскомбанк (Российский Коммерческий Банк). Меня уверили, что это самый скорый путь, что дней через 9-10 dol. будут в Ваших руках. Очень мне необходимо знать, так ли это. Ведь без малого через месяц я опять получу Ваши академические деньги и мне крайне важно за это время выяснить, следует ли оставаться верной Роскомбанку. Перевод был сделан 30-го мая на Ваш адрес через Banco di Roma. Мне выдана квитанция за N 9663. Впрочем, этого Вам, кажется, можно не знать.

Письмо Ваше получила через несколько часов после того, как отправила деньги (дали мне их по доверию до доверенности). Статья благополучно и своевременно изволила прибыть в цензуру и уже передана Лебедевым-Полянским издателю, кот<орый> от нее в восторге. Кроме издателя ее еще никто не видел. (Кстати: в Вашем предыдущем письме Вы меня уведомили, что направили ее прямо в цензуру, и я, естественно, не стала со справками дожидаться того времени, когда Вы соберетесь "отписать Мс<тиславу> Ал<ександровичу>"). Печататься она будет спешно; с нетерпением жду возможности ее прочесть. В этом же Пушкинском Ежегоднике появится последняя законченная статья Мих<аила> Осип<овича>, его "медленное чтение" "Путешествия в Арзрум". <...>

Ваше письмо к Бор<ису> Ал<ександровичу>, очевидно, пропало. Полагаю, что такая же судьба постигла и Ваше послание к Анат<олию> Вас<ильевичу>. Со всею точностью выясню это в самое ближайшее время и Вас извещу. Заявление о продлении командировки получила и направлю по назначению. Кажется, все деловое исчерпано.

Советую Вам как-нибудь зайти в наше Полпредство и узнать, когда нужно явиться для возобновления паспорта. Это всегда лучше делать вовремя во избежание скучной канители при опоздании. Если для продления

паспорта Вам нужна командировочная справка, я Вам ее спешно вышлю. (Впрочем, думаю, что она Вам не нужна).

Теперь еще только одно и совсем о другом: кладбище Новодев<ичьего> мон<астыря> перешло в веденье Главмузея. С 10-ого июня начинается перерегистрация похороненных там. Все незарегистрированные могилы будут срыты. Узнав это, я бросилась к Мар<ии> Бор<исовне>, чтобы выяснить, кому Вы поручили наблюдение за могилой Вашей покойной жены. От нее услышала то, что и ожидала услышать: все было в руках покойной Александры Николаевны, теперь никто не следит.

Простите, Вячеслав Иванович, что я, знавшая Веру Константиновну только *de vue*,[1] без Вашего на то разрешения вмешиваюсь в такое интимное дело. Но не могу же я от излишней совестливости загубить ее могилу?!... Если Вам не неприятно мое прикосновение к ней, то пришлите мне, пожалуйста, копию "выписки о смерти". (Я не знаю, кем и когда она была выдана, а это может понадобиться). Только, умоляю Вас, будьте искренни: если Вас хоть сколько-нибудь коробит мое вторжение, и Вам захочется поручить охрану кому-нибудь из более близких друзей, то, ради Бога, не церёмоньтесь со мною – пошлите копию, кому сочтете нужным и не забудьте поставить ее или его в известность, что деньги Ваши (коли в таковых окажется нужда) находятся у меня и их можно в любой момент получить. Т<ак> к<ак> перерегистрация начнется через неделю и, не знаю, долго ли протянется, то ответ Ваш опять требует спешности. (Сознаюсь, я была приятно удивлена, очарована точностью и срочностью Ваших деловых общений).

Очень бы хотелось хоть что-нибудь узнать про Вас. Вы меня только дразните обещанием написать "о неделовом". Ответьте хоть в деловом тоне на следующие вопросы:

1) Как Вы себя чувствуете физически (раз уж трудно или не хочется писать о душевном).

2) Работаете ли исключительно над Эсхилом, или над Данте тоже?

3) Довольны ли своей работой?

4) Пишете ли стихи?

5) Где печатаетесь?

Безумно хочется увидеть Ваши сонеты. Пришлите мне какой-нибудь ненужный Вам черновичок хоть одного из них. Очень, очень об этом прошу Вас.

От Юши узнала, что три выпуска Вашего "Достоевского" издаются.[2] Он надеется устроить "Диониса и Прад<ионисийство>". Я бы грешным делом вперед пустила "Эллинскую религию"... Мне почему-то кажется, что Вы недооцениваете эту Вашу прекрасную, чудесную книгу.

Я совсем оставила Микель-Анджело. Вторую часть можно писать только по живым источникам Флоренции и Рима. И вот в связи с проблемами современного творчества опять замаячил Ваш образ. О бесконечно многом и фактическом и духовном хотелось бы спросить Вас. Но Вы ведь не ответите?!...

Кларе немного лучше, и у меня явилась надежда хоть на 2-3 месяца приехать в Рим.[3] Вы не собираетесь его покинуть? Мечта моей жизни – наукой подышать подле Вас. Целую Лидию Вячеславовну и Димочку. Вам самый глубокий сердечный привет от бесконечно преданной О. Шор.

P. S. Совсем недавно я от Жолтовского[4] получила открытку с видом купола Св. Петра. Это я сообщаю Вам в опровержение Ваших сомнений насчет посылки открыток. Международные открытки свободно циркулируют по всем почтовым путям. В цензуру направляются лишь фотографии (но это ведь совсем другое). Впрочем, об открытке с видом Рима я, конечно, просила как о программе minimum, не желая обременять Вас необходимостью писать пространное письмо. La même.[5]

[1] Издали (фр.).

[2] Речь, по-видимому, идет о статьях Иванова "Достоевский и роман-трагедия", "Лик и личины России" и эссе об "Идиоте" (рабочее заглавие – "О мифе"), переработанных для немецкого читателя, которые сначала предполагалось издавать в виде выпусков, а потом было решено объединить в трехчастную книгу о Достоевском. Подробнее см. IV, 758, 761-763.

[3] О. Шор получила в мае 1925 года трехмесячный заграничный отпуск как сотрудница ГАХН. Подробнее см.: Бёрд, прим. 109 на с. 331.

[4] Иван Владиславович Жолтовский (1867-1959) – архитектор, председатель секции архитектуры ГАХН, один из авторов плана реконструкции Москвы.

[5] Та же (фр.).

7. В. И. Иванов – О. А. Шор
13 июня 1925 г. Рим.

13. VI. ' 25

Дорогая Ольга Александровна,

Сейчас – только несколько строк. Ибо я сильно испуган угрозою родным могилам. Кого же и просить мне о заступничестве как не Вас? Вы не только самый надежный и деятельный помощник мой, не только самоотверженный друг мой, – Вы стали еще и глубоко близким мне человеком.

Ваша душевная чуткость, тонкость и прозорливость таковы, что с Вами могу и хочу я говорить о самом внутреннем и заветном, уверенный в музыкальной верности Вашего сердечного слуха: вот почему, кстати сказать, готов я отвечать и на все Ваши вопросы о моей жизни и душе, и однажды на всегда прошу Вас говорить мне и спрашивать меня обо всем с последнею прямотою, отстранив всякие (слишком, до преувеличения, свойственные Вам) опасения d'être indiscrète[1] и тому подобные условности, разделяющие людей. Я Вам глубоко благодарен за предупреждение и умоляю Вас сделать все возможное для охранения нетронутыми наших двух могил в новой части кладбища Новодевичьего монастыря, находящихся по правую сторону от Скрябинской аллеи,[2] ближе к стене, – а именно могилы Веры Константиновны († 8 августа 1920 г.) и Марии Михайловны Замятниной († 25 марта 1919), отмеченных крестами. За обе могилы были внесены покупные деньги; наблюдение за обеими поручено покойной Ал<ександре> Ник<олаевне> Чеботаревской. Третья дорогая нам могила – там же: Владимира Францевича Эрна.[3] Его жена и дочь в Тифлисе;[4] кто в Москве наблюдает за могилой, не знаю; необходимо позаботиться и о ней. Искал я в своих бумагах выписку о кончине Веры Конст<антиновны>, взятую из полиции, и не нашел: но к чему она?[5] Возможно, что я ее уничтожил, отправляясь заграницу, как устарелый и ненужный документ; если все же найду, вышлю. Тратьте на могилы из моих денег, выдаваемых Цекубу, сколько нужно. И, если придется, прибегните к чьему-нибудь покровительству, чтобы они были за мною закреплены.

Вы послали 63 долл. 50 ц. 30 мая. Banco di Roma уведомил меня 10 июня. Я получил взамен около 1600 лир. Спросил в банке о средствах пересылки денег из Москвы: мне сказали, что Banca Commerciale di Russia[6] – *единственное* средство, кроме пересылки через курьеров посольства. Итак, все в порядке. Благодарю Вас без конца. Если бы Вы только знали, *что значит для меня* это получение академической стипендии!.. Почему-то за статью прибавили мне 10 р. – Вашими молитвами?

Вы знаете вероятно, что некий здешний медик, prof. La Cava, открыл автопортрет Микель-Анджело на содранной коже, которую держит в руках св. Варфоломей[7] на фреске Страшного Суда.[8] Я читал брошюру La Cava.[9] Сходство головы de l'écorché[10] с портретом М<икель–>Анджело, в самом деле, разительно. Кажется, La Cava прав: это автопортрет. Но как объяснить это странное изображение? По La Cava, это месть художника, жалоба к потомкам – на людей, почти затравивших его в жизни, "содравших с него кожу". Я склонен думать иначе: небесный хирург насильственно исторгает из бездны и спасает в рай оболочку грешника. М<икель>-А<нджело> чувствовал себя демоническим грешником и в то же время

надеялся увидеться в раю со своим верным служителем и другом, лицо которого видно за <телом?> Варфоломея...[11] Однако, содранная кожа – ведь кожа самого мученика, Варфоломея, – а на фреске это кожа Микель Анджело: как мог он или отожествлять себя мистически с Варфоломеем, или представить le martyr écorché как écorchant, le saint bourreau de l'âme qu' il sauve ainsi de l'Enfer?[12] Откуда это мистическое чувство близости именно к св.Варфоломею?.. Вот сколько загадок![13]

Вчера был большой день для Лидии: исполнялась на блестящем saggio[14] академии Св. Цецилии ее симфоническая поэма для камерного оркестра "Il Pescatore" на тему гетевского "Fischer" ("das Wasser rauscht', das Wasser schwoll").[15] Ей много аплодировали, и ее хвалили и Respighi, Molinari[16] и самый строгий муз<ыкальный> критик Италии – Torrefranca.[17] Сегодня есть отчеты в газетах.

Мои Вас целуют. Дима благодарен за марки. Приветы Вам и Вашим, и благодарность от всего сердца. Ваш Вяч. Иванов.

Доверенность

Поручаю Ольге Александровне Шор принимать от моего лица все нужные меры, при перерегистрации могил Новодевичьего монастыря, для охранения могил моей семьи (Веры Константиновны Ивановой и Марии Михайловны Замятниной). Равным образом передаю заботу об охранении могилы моего друга Вл<адимира> Францевича Эрна, порученную мне его женою, живущею в Тифлисе, Ольге Александровне Шор.

Вячеслав Иванов

командир<ованный> с научной целью заграницу.

Рим, 12 июня 1925.

[1] Быть нескромной (фр.).

[2] Так москвичи называли аллею, где был похоронен Скрябин.

[3] Владимир Францевич Эрн (1882-1917) – философ.

[4] Жена – Евгения Давыдовна Эрн (урожд. Векилова, 1886-1972) и дочь – Ирина Владимировна Эрн-Калашникова (1909-1991) в это время уехали к родственникам в Тбилиси. Зимой 1916-17 годов Эрны жили в квартире Ивановых на Зубовском бульваре. Е. Д. Эрн была особенно близка с Л. В. Ивановой, которая прозвала ее "Антилопой". Связи с их семьей сохранились: Д. В. Иванов встречался в Москве с И. В. Эрн-Калашниковой и ее сыном, в РАИ хранится переписка жены и дочери Эрна с Л. В. и Д. В. Ивановыми.

[5] Выписка находится в РАИ.

[6] Российский коммерческий Банк (ит.).

[7] Апостол. Принял мученическую смерть в Армении: брат правителя страны, обращенного им в христианство, приказал заживо содрать с Варфоломея кожу, а затем распять его.

[8] Имеется в виду фреска Микеланджело в Сикстинской Капелле.

[9] La Cava. *Il volto di Michelangelo* (1925).

[10] Того, с кого содрали кожу (фр.).

[11] Юноша слева от Варфоломея – это предположительно либо Томмазо де Кавальери (см. прим. 7 к письму О. Шор от 19 октября 1925), либо Франческо Амадори да Урбино (ум. 1555), домочадец ("famiglio") и помощник художника с 1530 (см.: Edolo Masci. *Tutti i personaggi del Giudizio Universale di Michelangelo*. Roma 1998, p. 51). То, что Иванов говорит о "служителе и друге", наводит на мысль, что он подразумевает именно Урбино.

[12] Мученика, с которого содрали кожу, <как> того, кто сдирает, святого палача души, таким образом спасающего ее от Ада (фр.).

[13] О. Шор отвечает в письме от 29 июня 1925 г.: "За известие об автопортрете Микель-Анджело благодарю Вас от всей души. Известие это меня бесконечно обрадовало и потому, что открытие La Cava само по себе чрезвычайно ценно, и потому, что поднятый Вами прибой загадок глубоко волнителен и еще (быть может, главным образом) потому, что Вашей ясновидящей чуткостью Вы пронзили самый центр моих сомнений и исканий: умозрительно для меня было ясно, что в эпоху 'Страшного Суда' у М<икель->А<нджело> *должен был* быть автопортрет. Отыскать его я надеялась в Италии. И вдруг оказывается, что не только во время написания 'Страшного Суда', но в нем самом имеется у Буонарроти самоизображение. Как я счастлива и как Вам беспредельно благодарна! Связанные с автопортретом догадки буду пытаться вслед за Вами разгадывать..."

[14] Экзамене (ит.).

[15] "Рыбак" ("Бежит волна, шумит волна", перевод В. А. Жуковского).

[16] Бернардино Молинари (1880-1952) – блестящий римский дирижер, в 1912-1934 гг. – главный дирижер концертного зала Augusteo, музыкальный руководитель симфонических концертов Академии Санта Чечилия, которые в 1920-х гг. проходили в монументальной ротонде, круглом зале, построенном на руинах древней гробницы императора Августа. Молинари принадлежал к новому поколению римских музыкантов и был известен своим живым интересом к произведениям современных композиторов. Его концерты часто кончались оживленной полемикой, аплодисментами и свистками, когда консервативная часть абонентов громко протестовала против того, что тогда считалось авангардом. Исполняя произведения Л. Ивановой, Молинари вводил ее в группу композиторов новой школы, и ее музыка таким образом признавалась достойной внимания.

[17] Фаусто Торрефранка (1883-1955) – музыковед.

8. В. И. Иванов – О. А. Шор
27 июля 1925 г. Рим.

Рим, 27 июля 1925.

Дорогой друг, Ольга Александровна.

Давным-давно порываюсь писать Вам, и не умею поймать подходящий час. Жизнь как-то осложнилась в этом месяце рядом неожиданных

отвлечений. К тому же много времени уходит теперь, в вакационное время, на занятия с Димой латинским и английским языком. Он и его сестра сидят, к сожалению, все еще в городе, вместо того чтобы купаться в море, так как у Лидии почти весь месяц ушел на изготовление полученного ею заказа оркестровать для одного музыкально-сценического предприятия[1] длинный ряд фортепианных пьес. С нетерпением жду их освобождения, потому что они теряют лучшее время для купаний, не только отдохновительных, но и медицински необходимых. Я же решил оставаться все лето в Риме; и, однако, придется и мне отлучиться на неделю или на две: когда именно, еще определенно не знаю. Дело в том, что Максим Горький, давно звавший меня к себе в Сорренто, теперь повторяет приглашение с особенною настоятельностью, и желал бы, как он пишет, посоветоваться со мной об устройстве нового журнала для России и другого для Европы.[2] Съездить к нему во всяком случае необходимо. В итоге, у меня опять больше задач, чем времени для их выполнения. Я обещал 2 статьи о Дионисе для итальянских филологических журналов, и Евсей Давидович ждет рукописи о Достоевском.[3] Он же, – добрый, добрый, – хлопочет о переводе моих статей о символизме[4] и проч.

Каждое письмо к Вам, дорогой друг мой, прежде всего долг благодарения! Что было бы с нами, если бы Вас не было для спасения и успокоения нашего? Какая тяжесть отлегла у меня от сердца при первых строках Вашего последнего письма, в которых Вы возвещаете мне, что я могу быть спокойным за судьбу дорогих могил![5] Я знаю, что это успокоение стоит Вам немалых трудов и забот. Спасибо Вам, незаменимый, бдительный страж, добрый мой гений! И опять прошу Вас взять из посылаемых мне денег, сколько нужно, на поддержание могил. Последнюю посылку Вашу от 27 июня своевременно, с благодарностью, получил. Без академического обеспечения Цекубу дело было бы совсем плохо.

Ни слова не писал я Вам до сих пор о бедной Александре Николаевне. Вы угадываете, чего стоило мне пережить страшную весть. Осведомлен я и об обстоятельствах издавна грозившей, и так все же нежданно, – несмотря на все предчувствия и предвестия, – так беспощадно рухнувшей катастрофы. Образ гибели ее, бросившейся с моста, долго преследовал меня, как ужасное, раздирающее душу видение. Нужно Вам сказать, что незадолго она написала из Петербурга письмо, почти деловое и <внешне?> по содержанию, но столь безумное внутренне, что между строк его я прочел с ужасом близость какого-то трагического конца.[6] Ее мысль была смятена и помрачена, душа ее была глубоко и (как мне показалось) окончательно больна; я сказал Лидии, что наша Кассандра накануне или безумия, или смерти. В этом смысле ее самоубийство и не самоубийство даже. Роковая предназначенность к нему сказывалась, во всяком случае,

и в судьбе ее матери, и в судьбе ее сестры.[7] Сама же она, как я знаю из ее признаний, героически боролась с "Аластором",[8] и религией умела его побеждать – до поры…

Я очень тронут заботою Ф. К. Сологуба о наших вещах, и напишу ему и Татьяне Николаевне.[9] Но достояние наше, со смертью Кассандры, по-видимому, все же, – в значительной, по крайней мере, части, – пропало. Она отдала наш рояль в наем какой-то знакомой, но адрес последней мне неизвестен. Не знаю я также, у кого поставила она мое бюро и другую ценную, особенно по воспоминаниям, мебель нашу (кресла и стулья, сделанные по рисункам Якунчиковой,[10] старинные стулья петровского времени и пр. и пр.). Быть может, знает обо всем этом Татьяна Николаевна? Не позвоните ли ей об этом в досужий день?..[11]

Когда же мы с Вами увидимся в Риме, дорогой друг? Когда убедитесь Вы лично, что автопортрет М<икель>-Анджело, интуитивно Вами угаданный, в действительности существует, до сих пор непонятно незамеченный, на страшной фреске? Есть еще человек, глубоко взволнованный открытием La Cava; он мне и сообщил о том первый: это Юрий Петрович Денике,[12] старинный мой приятель по пушкинскому моему семинарию, с коим недавно вел я долгие беседы, – ныне он в Берлине.

Недавно виделся я с нашим полпредом, П. М. Керженцевым,[13] который через знакомых выразил желание со мною увидеться. Он гораздо живее и сочувственнее, чем его предшественник,[14] относится к некоторым научно-организационным предложениям А. В. Луначарского, П. С. Когана и моим, но я-то сам к ним значительно охладел;[15] и больше волнует меня другое: а именно, он хотел воспользоваться своим влиянием в Госиздате "на предмет" заказа мне перевода "Божественной Комедии". Я был бы счастлив сделать это дело, достойное поэтической старости, если бы какое-либо просвещенное издательство платило мне за перевод периодически, песнь за песней, – это материально поддерживало бы меня и духовно услаждало.

Дорогая Ольга Александровна, я писал бы большую, важную оригинальную поэму о России, как я ее прежде видел, – если бы я видел в духе Россию и теперь; но это зрение у меня отнято…

О главном, что творится в душе, в письме явственно не напишешь. Но вот автоцитата из другого письма:[16] "На другой день после Dies Irae[17] ощущаешь себя 'ушибленным копытом демона' (как говорит Эсхил[18]). Не закрепленным более родной почве, существенно расширившимся до сознания сына земли. Пробужденным семью громами. Отрекающимся (ср. 'die Entsagenden' Гете[19]). По туловище погруженным во всемирный и все растущий потоп греха. Уцелевшим на малом острове среди 'взрыва всех смыслов'. Скучающим при пении всех культурных сирен. Сбитым со

всех средних позиций. Поставленным перед последним выбором"... И ближе всего, кажется, душе – Августин.[20]

В Ольгин день[21] на этой неделе вспоминали мы Вас. Сожалею, что не вспомнил раньше о близких именинах Ваших и не поздравил Вас своевременно. Давид Соломонович приветствовал меня через Евс<ея> Д<авидовича> из Берлина. Поклонитесь сердечно милым Вашим маме, папе и тете, на улучшение здоровья которой я, по одному намеку Вашему, горячо надеюсь. Целую Ваши деятельные, дружеские, верные, милые руки.

Ваш Вяч. Иванов.

Паспорта продолжены на год. О посылке копии о продлении командировки в Баку – подумаю, спасибо. Для этой цели иметь копию здесь мне было бы полезно.

Читаю (лучше поздно, чем никогда) "Воспоминания о Блоке" Андрея Белого в его "Эпопее",[22] узнаю многое о себе, и дивлюсь наивной отваге – самоизображения... Говорят, "Москва"[23] – хороша: имеете ли Вы понятие об этом новом его романе? Напишите.

[1] Д. В. Иванов вспоминает, что готовилась какая-то балетная постановка, и Л. В. Ивановой заказали переложить для оркестра фортепианные пьесы Рахманинова.

[2] Горьким был задуман журнал "Собеседник", в котором В. Иванову предлагалось стать редактором отдела поэзии. Проект не осуществился. См.: Котрелев 1995, с. 200.

[3] В письмах к Шору Иванов называет свою работу "этюдом о религии Достоевского" (IV, 762-763). Она войдет в качестве третьей части в книгу Иванова о Достоевском 1932 г.

[4] Подробнее планы издания сборника ивановских статей о символизме на немецком языке освещены в прим. 5 к письму № 2 за 1926 и прим. 10 к письму № 3 за 1927 гг.

[5] Письма О. Шор от 29 июня 1925 и от 12-17 августа 1925 г. Тем не менее могил В. К. Ивановой и М. М. Замятниной больше не существует. Осталась в неприкосновенности лишь могила Эрна, где теперь покоятся также его жена и дочь. См.: С. Е. Кипнис. Новодевичий мемориал: Некрополь монастыря кладбища. Изд. 2-ое. М. 1998, с. 157.

[6] Письмо А. Н. Чеботаревской от 4 января 1925 г. (оп. 3, №. 203, лл. 6-7).

[7] В семье Ал. Н. Чеботаревской покончили с собой, бросившись в воду, ее мать, брат и сестра Анастасия, – все жертвы наследственной душевной болезни, что выглядело как проклятие, тяготевшее над их родом (см.: Михаил Гершензон в воспоминаниях дочери. М. 2000, с. 264, а также С. Е. Кипнис. Новодевичий мемориал: Некрополь монастыря кладбища).

[8] В демонологии Нового времени – главный исполнитель вердиктов Сатаны, в античности Аластор – это имя демона мести, участвовавшего в Троянской войне вместе с гигантом Сарпедоном, а также общее название для духа мщения, овладевавшего членами всего клана, и духов-мстителей (Плутарх говорит, что Цицерон хотел покончить с собой перед домом Ав-

густа, чтобы стать его "аластором"); а также духов зла, смерти и разрушения вообще. В эпоху романтизма он появляется у Шелли в поэме "Аластор, или Дух одиночества".

[9] Татьяна Николаевна Чеботаревская (1880?-1968) – сестра Ал. Н. Чеботаревской

[10] Мария Васильевна Якунчикова (по мужу Вебер, 1870-1902) – художница, работавшая в частности в сфере прикладного искусства. Якунчикова, по-видимому, часто встречалась с В. И. Ивановым в швейцарский период, так как он был близко знаком с ее мужем и свекровью (см. прим. 11 к письму № 29 за 1928).

[11] О. Шор отвечает в письме от 3 июля 1925 г.: "Сейчас спешу лишь опровергнуть неточные полученные Вами сведенья – или предположенья Ваши? – насчет пропажи Ваших вещей. Что касается рояля, то он еще осенью прошлого года был не Алекс<андрой> Ник<олаевной>, а мною сдан на хранение. Мне хотелось сдать его в наем (что было бы Вам выгоднее), но Татьяна Ник<олаевна> (ее, как всех в Москве, тогда уплотняли) требовала, чтобы я его забрала в самом срочном порядке и при той спешке я смогла лишь найти верные руки, кот<орые> оплатили доставку и гарантировали абсолютную сохранность инструмента. Итак, рояль Ваш спокойно стоит на М. Никитской 14, в квартире сестры Федора Авг<устовича>, милой Марии Августовны Поповой. Мне казалось, что я Вам об этом писала. Вероятно, забыла за вереницей смертей. Сейчас же по получении Вашего запроса, переговорила с Татьяной Николаевной. Ваше бюро она сама видела в Петрогр<аде>, знает, что там же находится какая-то Ваша мебель, но она не помнит, какая именно. К субботе она обещала мне все выяснить, т. к. до тех пор увидится с Ольгой Николаевной. До субботы я еще зайду к Дегтеревскому; быть может, и ему что-нибудь известно".

[12] Юрий Петрович Денике (1887–1965) – политический публицист. С 1920 года – профессор Московского университета, с 1922 работал в советском полпредстве в Берлине, вскорости перешел на положение эмигранта.

[13] Платон Михайлович Керженцев (наст. фамилия Лебедев, 1881-1940) – литератор, партийный деятель, с апреля 1925 по 1926 год советский полпред в Риме.

[14] Константин Константинович Юренев (Юрьенев; наст. фамилия Кротовский, 1888-1938) – советский дипломат. Был полпредом в Италии по 1925 год.

[15] Имеется в виду проект создания Русской Академии в Риме см. А. Шишкин. В. Иванов и Италия // РИА I, с. 517-520.

[16] Письмо Иванова к Ф. А. Степуну от 22 марта 1925 г. (оп 3, № 189; в печати).

[17] Дня Гнева (лат.).

[18] Вяч. Иванов имеет в виду 1660 стих "Агамемнона", который в его поэтическом переводе звучит : "Ах, раздвоенным копытом тяжко демон нас ушиб". В более прозрачном переводе С. Апта: "Натерпелись мы несчастий под копытами судьбы".

[19] Аллюзия на роман Гете "Годы странствий Вильгельма Мейстера", полное название которого – "Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden". Связь становится очевидной, если учесть, что Иванов пишет свое письмо как эмигрант (Wanderjahre).

[20] Августин – творчески и жизненно один из самых близких для поэта мыслителей. Особенно близки Иванову две идеи Августина: одна связана со знаменитым разделением на "два Града" и их непримиримой борьбой (христианство и люциферианство), другая – "transcende te ipsum" ("превзойди самого себя") – с необходимостью преодоления своего

"ego". Это преодоление, или исправление, своего "я" может приобретать различные формы: от религиозного обращения до религиозно-философского учения о "Вселенском Анамнесисе во Христе" (III, 445), философско-эстетической формулы "пафос реалистического символизма: чрез Августиново "transcende te ipsum" к лозунгу: "a realibus ad realiora" (II, 553), или мелопеи "Человек" с эпиграфом из De Civitate Dei XIV, 28 и третьей частью – "Два града".

Однако идейная близость не объясняет всей глубины отношения Иванова к Августину, так как почти всегда в тени оказывается личностная сторона этого отношения. То, что важные события его внешней жизни связывались тем или иным образом с фигурой глубоко почитаемого святого, для Иванова было в высшей степени значимо: добрым предзнаменованием он считал выезд из Советской России 28 августа 1924 года – в день бл. Августина, затем переселение в Павию, где покоятся мощи святого; выход парижского издания "Человека" – тоже в день св. Августина в 1939 году (см. свидетельства О. А. Шор, Л. В. Ивановой и Д. В. Иванова).

[21] 11 июля по ст. стилю.

[22] "Эпопея". Литературный ежемесячник под редакцией Андрея Белого. М. – Берлин. "Воспоминания о Блоке" появились в NN 1-3 (1922) и N 4 (1923).

[23] Начало романа Андрея Белого "Москва" (Часть 1. Гл. 1–2), завершенного в конце сентября 1925 г., было опубликовано в альманахе "Круг" (М. – Л. 1925. [Кн.] 4–5).

9. О. А. Шор – В. И. Иванову
12-17 августа 1925 г. Москва.

12-ого августа 25 г.
Москва

Глубокоуважаемый, дорогой Вячеслав Иванович,

при обращении к Вам с души срывается такой стремительный поток дум и воспоминаний, что я, боясь, как бы он не затопил необходимые спешные вопросы и сообщения, решительно останавливаю его преградой: дела, дела, дела…

На днях снова была в Новодевичьем. Могилы все три окончательно зарегистрированы. Хлопот у меня с ними никаких не было. Что касается денег, о кот<орых> Вы повторно спрашиваете, то я точно еще не знаю, сколько это будет стоить, но во всяком случае какие-то совершенные пустяки. Сочтемся.

Теперь вот какой у меня к Вам вопрос: перерегистрация обеспечивает сохранность могил в смысле их неприкосновенности при предполагающейся перепланировке кладбища, но естественно ни в какой мере не касается их сохранности в смысле нарядности их облика. А надо сознаться,

что вид запустения они до некоторой степени все же являют. Особенно нехороша могила Веры Константиновны. Окружающие ее запущенные холмы срослись с нею в одну сплошную травяную массу. Могилу необходимо заново обложить. Для этой цели я свела дружбу с монахиней Грушею, кот<орая> с холмиками обращается, как с любимыми детьми, и долго водила меня по кладбищу, показывая те, за которыми она ухаживает. Могилы Замятниной и Эрна выглядят лучше. С ними можно пока обождать. <...>

Звонил мне как-то Кожебаткин,[1] спрашивал, не изменили ли Вы своего решения расстаться с библиотекой; предлагал взять ее на комиссию и продавать книги поодиночке. Я ему обещала Вас об этом запросить. Полагаю, что делать этого *не следует.* При ликвидации библиотеки частями деньги будут очень редко капать и Вы их не увидите. Если уж продавать, то только целиком или отдельно автографы на особых условиях. Кожебаткин хотел прийти ко мне "вплотную" поговорить. Что мне ему сказать? Буду ждать Ваших приказаний. Кстати о книгах: давно хотела Вас спросить. У Бахрушина[2] я два раза о них справлялась. Предлагала ему охранную грамоту, от которой он отказался; оставила свой телефон, чтоб он мог позвонить в случае каких-нибудь недоразумений. Он не звонил. Говорил он, что *все* в порядке. Досадно, что я совсем не представляю себе, каково это "*все*". Не знаете ли Вы точно, сколько ящиков и корзин ему было отдано? По списку Дегтяревского проверить ничего нельзя, т. к. Александра Николаевна дала три противоречивые справки: что наличность книг соответствует списку, что в музее имеются книги, кот<орых> в списке нет, и что некоторые из внесенных в список книг находятся у нее на квартире. Конечно, Вячеслав Иванович, я очень виновата перед Вами, что в свое время не добилась от нее четкого ответа, но Вы понимаете, почему я не посмела этого сделать... Хотите, чтобы я принялась за выяснение состава Вашей библиотеки или Вы считаете, что это все равно ничего не изменит <...>

По поводу вещей Ваших разговаривала не только с Татьяной Ник<олаевной>, но и с Ольгой Ник<олаевной>,[3] кот<орая> случайно оказалась в Москве и сама мне позвонила. Она мне сообщила, что у них в Петрограде, кроме бюро Вашего стоит еще какая-то "старая, причудливая мебель". Точнее она ее описать не умела, количества вещей тоже не помнила, но утверждала, что их довольно много: стол, стулья (очевидно столовые и еще какие-то), ночной столик, всякая мелочь и несколько корзинок. Вам просила передать привет и обещание скоро написать. Далее я выяснять уж ничего не могла: Ольга Ник<олаевна> (с кот<ороой> мы общались в первый раз в жизни) вдруг заговорила об Александре Николаевне, сказала прерывающимся голосом, что это ужасно, что до

сих пор с этим справиться не может и, громко разрыдавшись, бросила трубку...

Что касается другой Вашей мебели, то я вспомнила, как Михаил Осипович, описывая однажды Вашу внезапную страстную привязанность к вещам и такую же внезапную небрежность по отношению к ним, упомянул, между прочим, что какие-то Вами любимые стулья стоят у одной из Ваших учениц. Вспомнив это, я обратилась за сведеньями к Марии Борисовне. Она сказала, что у Самойловой[4] действительно стояла и, может быть, стоит Ваша мебель. Самойлову она обещалась направить ко мне лишь только она приедет в Москву. <...>

Заходила я и к Дегтяревскому. Он уехал отдыхать. Вернется через месяц. Мать его просила Вам кланяться и передать, что крестница Ваша Вас по бюсту прекрасно знает и нежно дергает за нос.[5] (Впрочем, последнего она не просила Вам передавать). Рассказывала она про А<лександру> Н<иколаевну>, что все предшествующее кончине время покойная была страшно обеспокоена тем, что не так распорядилась Вашими вещами, как надо. Все перевозила их с места на место. "Привезет, бывало, оставит часа на 3-4 и опять куда-то заберет их. Совсем безумная была". Как странно, Вячеслав Иванович, ведь все видели, что "совсем безумная" она была, и все же никто не решился ее выспрашивать даже тогда, когда это было бы необходимо. Вот и к Чулковой[6] часто приходила А<лександра> Н<иколаевна>, все пыталась покаяться в "смертном грехе". А Над<ежда> Григ<орьевна> (праведно от имени своего религиозного сознанья, но совершенно неправильно медицински) отвечала ей, что "смертных грехов" выслушивать не может, и отсылала больную в церковь. Старого духовника Ал<ександры> Ник<олаевны> там не было, и ей пришлось обратиться к его преемнику (сыну, кажется. Вы его знаете?). Этот же священник ее и отпевал. Во время его речи становилось до ужаса очевидным, что неспособен он был утешить больную душу, изнывавшую под тяжестью мнимого преступленья. Если уж он счел своим долгом что-то говорить и в чем-то оправдываться, то он, естественно, должен был и мог сказать лишь то, что – знаете Вы – чувствовалось всеми нами, напрашивалось само собой: что поступок покойной – припадок безумия – был такой же болезнью, как всякая другая *смертельная* болезнь, кот<орую> нельзя считать грехом... Нет, он сообщил, что решился отпевать ее после долгих колебаний лишь потому, что она подвергалась самому страшному из всех соблазнов и искушений. Она жила и душа ее гнила в мерзкой среде писателей и так называемых литературных критиков, котор<ые> копаются в своей и чужой порче. Ей можно простить, что она не выдержала такого испытания и погибла...

Слова – самоубийство – он не произнес. Говорил он без конца. Внешне и внутренне немощно звучал его неприятно-напевный дискант после огненных слов Службы. В храме было страшно тесно. Всё чужие люди, задержавшиеся после Великопостной обедни. По ним проходило недоумение, порой скверное любопытство. Некоторые подползали с вопросами. Какая-то старуха: "Скажите, что она убивица что ли?"... Какой-то мальчик: "Да разве она самоубийством покончила?"... Я стояла близь покойной, не могла оторваться от ее лица. Оно было совершенно, благостно спокойно. Но странно: кожа казалась влажной и чрез нее жутко проступали капли воды, точно глубокие, с трудом проливающиеся слезы. (Потом я решила, что *то* было воображением, но Мар<ия> Борис<овна> вдруг спросила меня: "А Вы не заметили, что лицо у Ал<ександры> Ник<олаевны> было мокрым?") Напоминание о последней муке и выражение блаженной тишины заставляли фальшью звучать извиненья и проклятья, оглашавшие церковь. Сердце мучительно сжималось от анафемы поэзии и поэтам, а в голове проносилися и душу спасительно волновали боговдохновенные ритмы стихов – Пушкинских, Гетевских, Рильковских, Ваших...

Конечно, Вы до конца правы: "ее самоубийство – не самоубийство даже". Больше того, образ ее гибели, Вас долго преследовавший, в действительности, по-видимому, ничему не соответствует. Судя по всему, Ал<ександра> Ник<олаевна> с моста вовсе не бросалась. Она подошла близко к реке; в воду ее непреодолимо тянуло, и она в нее – бросилась или упала?... Умерла, вероятно, моментально от разрыва сердца. Во всяком случае матрос, А<лександру> Н<иколаевну> сейчас же вытащивший, нашел ее уже мертвой. Не только в высшем духовном, но и в самом прямом, эмпирическом смысле смерть ее, пожалуй, не была самоубийством. <...>

17. VIII. 25 г.

<...> Что увело А<лександру> Н<иколаевну> из жизни? Я не о "роковой предназначенности" говорю, сказавшейся "и в судьбе ее матери, и в судьбе ее сестры". Я спрашиваю: что означает смерть "Кассандры" в плане не ее, а Вашей жизни? Есть что-то роковое в дерзании приблизиться к Вам. Ведь А<лександра> Н<иколаевна> – не первая. Пусть даже они, Вас любившие, умершие – погибали внутренне и внешне необходимо, от Вас независимо, следуя своему собственному непреложному закону. Но почему именно они, *обреченные, к Вам* влекутся? Почему Вы именно *их* выбираете?.. Вам, как никому из людей нашего века, было дано испытать, изжить, узнать трагическую судьбу, трагическую вину, темную душу Рока. Не потому ли Вы теперь так больно, остро, подлинно видите во

всем поставленность перед последним выбором? Но Вам не только испытать, Вам *сказать* дано, и Вы не смеете молчать, хотя бы и чувствовали, как при "взрыве всех смыслов" "немеет лира". Вы говорите, что писали бы "большую, важную, оригинальную поэму о России, если бы"... Но разве для того, чтобы петь о России Вам нужно (хотя бы внутренне) *ее* видеть и называть? Для этого Вам надо лишь доверчиво всматриваться в *свою* глубину. Разве все последние вопросы о судьбах страны не решаются в конце концов в одиноких, отрешенных душах ее значительных Сынов?.. Быть может, на пафосе воспоминанья Вы дадите новую "Dichtung u<nd> Wahrheit",[7] быть может, Вы, привыкший "разрешать собственные запросы сознания опытами внутреннего проникновения в далекую, загадочную древность", – быть может, Вы воскресите своей провидческой памятью созвучную современности душу Эсхила, откроете "рождение (нашей) трагедии из духа"... чего, кого?.. Дайте *ИМЯ*, Вы, властелин Переименований!

<...> *Перевод*, хотя бы Данте, – это для Вас слишком мало. <...> не заставляйте меня признавать, что "дело это достойно" Вашей "поэтической старости". Ну, нет. За Вами совсем другое Слово...

О "Москве" Белого понятие имею. Слышала ее в чтении Бориса Ник<олаевича>. Сама еще не видала романа, потому судить не могу. Ведь, читая *свою* вещь, Белый может убедить в чем угодно. "Москва" – авантюрная драма, разыгравшаяся в особых актах сознания, в стихийной сфере Беловской реальности. Ее видимые герои – старые профессорские семьи, давно как будто бы известные по "Котику Летаеву" и "Эпопее", и все же новые, по-иному откристаллизованные. Ее невидимые, подлинные герои – рациональное и невнятица – тоже старые знакомые образы, но мастерски вычерченные, потому до жути убедительные. Технически, в приемах и терминах, особенно при описании улицы, Белый местами достигает совершенства. И все же: чувствуешь, что поэма делается гениальным человеком, но делается она на последней грани художественно-допустимого, и подымается страх, не падет ли под напором переизбыточности грань, не взорвется ли вещь...

Впрочем, первые главы романа появились уже в периодической печати. Если хотите, я Вам их вышлю. Ужасно хочется знать, что Белый написал про Вас. Сообщите что-нибудь об этом. Как-то (это было, каюсь, давно) Бор<ис> Ник<олаевич> про Вас очень нежно (c'est le mot[8]) расспрашивал и просил передать Вам сердечный привет.

<...> Здоровье Клары, о кот<ором> Вы добро спрашиваете, медленно ухудшается. Больная заживо гниет. Все любящие должны были бы как счастья желать ей скорейшей смерти, а она жалко и жадно цепляется за жизнь. Какую?!.. Ничего не понять.

Копию бумаги НКП согласно Вашей просьбе прилагаю. На днях начнут выдавать деньги из фонда Цекубу. Сейчас же вышлю. <...> Целую Лидию Вячеславовну и Димочку. Наши все кланяются.

Вам самый сердечный привет от Вашей безгранично преданной, – везде, всегда О. Шор.

[1] Александр Мелетьевич Кожебаткин (1884-1942) – московский литератор и библиофил, секретарь "Мусагета" в 1909-1911 гг. и владелец издательства "Альциона".

[2]Алексей Александрович Бахрушин (1865-1929) – театральный деятель, создатель знаменитого музея (впоследствии Гос. Центральный Театральный музей им. Бахрушина). Часть библиотеки Иванова попала в это собрание, однако дальнейшая судьба ее неизвестна. См.: Бёрд, с. 327 прим. 61; Л. Н. Иванова. К истории архива и библиотеки Вяч. Иванова.

[3] Ольга Николаевна Черносвитова (1872-1943) – сестра Ал. Н. и Т. Н. Чеботаревских. С ее дочерьми играла в детстве в импровизированном театре Л. В. Иванова, и их постановку смотрел сам Мейерхольд. См.: Иванова, с. 40.

[4] Леонида Иосифовна Самойлова (Леля) (в замужестве Фейнберг, 1907-1945) – участница поэтического кружка "Чаша" в Баку. Л. Н. Иванова приводит в своей статье расписку Самойловой о получении на хранение вещей Иванова. См.: Л. Н. Иванова. К истории архива и библиотеки Вяч. Иванова.

[5] Маленькая дочь Дегтеревского Наташа. Бюст, по-видимому, работы Голубкиной.

[6] Надежда Григорьевна Чулкова (1874-1961) – жена Г. И. Чулкова.

[7] "Поэзия и правда" (нем.) – итоговое автобиографическое произведение Гете.

[8] Именно так (фр.).

10. В. И. Иванов – О. А. Шор
18 сентября 1925 г. Рим.

Рим, 18 сент<ября>1925.

Я бесконечно виноват перед Вами, дорогой друг мой, Ольга Александровна: мое чрезмерно долгое молчание непростительно. Увы, я не достиг самообладания в простейших вещах, и бывает со мной странное: душевное бессилие взяться за перо как раз тогда, когда больше всего хочется и больше всего надобно обменяться вестями и мыслями с далеким другом. Парализует мою решимость еще и мысль, что, быть может, Вы уже на пути в Рим, а также необычно долгое молчание Ваше, наступившее после большого и важного Вашего письма, ответа на которое Вы естественно ожидали и не дождались по сей день, тогда как именно на это письмо я и должен был незамедлительно ответствовать, хотя бы лишь для того, чтобы сказать Вам, что оно было мне желанно и что я всею душой с Вами...

Но прежде всего, раз уже случил<ся> такой перерыв в нашей переписке, восстановим ее ритм, напишите мне скорее хоть несколько слов и известите о видах Ваших на поездку в Италию.

Сейчас – очень кратко – о поверхности, не о глубинах жизни.

И, прежде всего, благодарю Вас за верную Вашу помощь в деле снабжения меня хлебом насущным: стипендию Цекубу получил я своевременно за август, за сентябрь же с опозданием, лишь 17 октября (выслана из Москвы была она 6 октября), что наводило меня на предположение об отказе банка переслать Ваши 43 доллара после того как Мейерхольд в начале октября выслал на мое имя 70 долларов (гонорары мне *и Муратову* за наши статьи для Альманаха Театра им. Мейерхольда[1]). Ибо слыхал я, что количество пересылаемых частным лицам за границу денег регулировано и не должно превышать, чуть ли не 15 червонцев в месяц (что, б<ыть> м<ожет>, и не верно).

Далее, очень сожалею, что не написал Вам в ответ своевременно, как благодарен за Вашу заботу о могиле Веры, и что прошу Вас исправить ее из денег, мне пересылаемых.

Далее, по вопросу о моих вещах, должен я был давно просить Вас – и прошу ныне – выяснить следующий таинственный факт. В августе была у меня Мария Григорьевна Гречанинова[2] и передала мне сорок рублей, полученных ею от Татьяны Николаевны Чеботаревской за продажу какой-то моей мебели. Что же это за мебель, проданная за 40 р.?[3] Как ни нужны деньги, я все же испытал больше тревоги, чем удовольствия.

Далее, есть у меня – я Вам рассказывал – друг в Баку, который и жил с нами последние $1^1/_2$ года, братец мой Божий, которого я нежно люблю, человек с голубино чистой душой и в миру трогательно беспомощный. Он бедствует там после нашего отъезда. Здесь бы я его устроил. Имя – Сергей Витальевич Троцкий.[4] Окончил курс юрид<ического> фак<ультета> в Петерб<урге> около 1904 года. Потом изучал там же философию на филолог<ическом> фак<ультете>. С тех пор и наше знакомство. Безусловно и строго аполитичен. На новую Россию глядит дружески-ясным взором. Занимался не юриспруденцией, а практическою агрономией и философией. Литератор. В Баку был секретарем худож<ественной> секции Азербайджанского Наркомпроса. Перебивается переводами. Скопил денег на поездку. Здесь у Мариани и у графа Манцони[5] я ходатайствовал об итальянской визе для него; обещано и отчасти уже оказано содействие. Помогите при помощи Ваших знакомых достать ему заграничный паспорт, как это обещал мне и Максим Горький, у которого я гостил неделю в Сорренто.[6] И двиньте дело в ит<альянском> посольстве. Он Вам и сам напишет, если я сообщу ему, что Вы готовы и можете ему помочь.[7]

Наконец, об общем с Вами деле: Мейерхольды, будучи здесь, заказали мне поэт<ический> перевод избранных стихотворений... Микель-Анджело![8] По моему указанию, они хотели привлечь и Вас к этому культурному начинанию их издательства (изд<ательс>тво Театра им. Мейерхольда). Вероятно, уже Зинаида Ник<олаевна> Мейерхольд-Райх говорила с Вами об этом. Жду от Вас и об этом вестей.

От Дав<ида> Соломоновича из <Киссенгена?> получил письмецо. Старался двинуть через Мариани его дело о визе, но дело затянулось, и он уехал в Яффу,[9] не посетив Италии. Так мы и не виделись.

Как здоровье бедной Вашей тети? Мой поклон Вашей матушке. Приветы от моих.

Дружески преданный Вам В.И.

Отчего Вы только намекнули на какое-то предложение мне, но не решились сказать, в чем дело. Напишите подробно, что за план у Вас родился, – хотя бы он и казался Вам парадоксальным.[10]

[1] Павел Павлович Муратов (1881-1950) – искусствовед, историк, писатель, с 1923 по 1927 год жил в Риме. Написал для № 1 "Театрального Октября" статью о Л. Пиранделло. Статья тем не менее в альманахе не появилась, так как фигура Муратова была не совсем удобна в советском издательстве. См.: Котрелев и Мальковати, с. 258, 267-268.

[2] М. Г. Гречанинова (70-е гг. XIX в. – 1947), жена композитора А. Т. Гречанинова. Этой властной и категоричной даме, рядом с которой тушевался ее знаменитый муж, Ивановы-дети дали прозвище "Мяу!"

[3] 29-30 октября 1925 О. Шор отвечает: «Татьяна Ник<олаевна>, как я и думала, возвратила Вам старый долг Алекс<андры> Ник<олаевны>. Давно еще (Вы, вероятно, знаете от самой А<лександры> Н<иколаевны>) был продан какой-то стол и какой-то шкап, за кот<орый> А<лександра> Н<иколаевна> Вам не доплатила 4-х червонцев. Вот эти-то деньги Тат<ьяна> Н<иколаевна> и передала Гречаниновой, сказав, что это – за "мебель"».

[4] С. В. Троцкий (1880-1942) – друг Иванова еще со времен "башни", автор "Воспоминаний", опубликованных А. В. Лавровым в НЛО 10, с. 41-87. В. И. Иванов с самого начала своего пребывания в Италии прилагал усилия, чтобы устроить Троцкого за границей. Об этом можно судить по ответному письму племянника Троцкого Николая Янушкевича от 22 октября 1924 г. из Парижа, в котором тот отказывается брать на себя заботы о дяде (оп. 3, № 233, л. 1). В РАИ находится 20 писем С. В. Троцкого с 1924 по 1933 гг., часть из них обращена ко всей семье Ивановых (оп. 3, № 198).

[5] Граф Гуидо Манцони (Мандзони) был первым послом Италии в Москве в 1924-1927 гг., Мариани – секретарь при нем в Итальянском посольстве, последний был связан родственными узами с семьей Гречаниновых. Возможно, что речь идет об Эрминио Мариани, коммерческом атташе в России ок. 1917 г.

[6] С конца августа по 2 сентября 1925. См.: Иванова, 156-161. Иванов в письме детям упоминает, что Горький по его просьбе писал в Красный Крест Е. П. Пешковой.

[7] О. Шор в письме от 29-30 октября 1925 г. отвечает: "О Вашем друге: никаких затруднений у него быть не может. По нашим законам никому из граждан СССР не возбраняется ездить за границу; надо лишь *по месту жительства* (центр тут ни при чем) подать соответствующее заявление и через 10 дней пойти получать паспорт. Раз он человек, сочувствующий новой России, то абсолютно не требуется особых хлопот и воздействий. Все удастся крайне просто. А если он так беспомощен, что сам не догадается, куда следует обратиться и что писать, то этому его научить может только кто-нибудь из бакинцев (т. е. взять его и куда полагается отвести) <...> А вот для получения ит<альянской> визы ему придется приехать в Москву и здесь <...> я <...> для друга Вашего сделаю все, что будет в моих слабых силах. Поэтому сообщите ему, пожалуйста, мой адрес". Троцкий визы так и не добился.

[8] Неточность: согласно договору, заключенному 3 августа 1925 года с Издательством при Театре им. Всеволода Мейерхольда, Иванов должен был перевести *все* поэтические произведения Микеланджело (3 тыс. строк) к 1 апреля 1926 года. Переводить сонеты Иванов стал еще до приезда Мейерхольдов в Рим, таким образом их предложение и с материальной, и с художественной точки зрения оказалось тем самым вожделенным заказом, о котором он помышлял все это время. Текст договора из РАИ см.: Котрелев и Мальковати, с. 277.

[9] Д. С. Шор в 1925 г. переселился в Палестину.

[10] Письмо от 29-30 октября 1925 г. О. Шор предполагала, что Иванов до образования Русской Академии в Риме мог бы работать в ГАХН. Называя свой план "парадоксальным", она объясняет, что подразумевается его преждевременность, ибо Ивановы не могли бы вернуться раньше весны 1926 года, когда заканчивала свои музыкальные занятия Л. В.

11. О. А. Шор – В. И. Иванову
19 октября 1925 г. Москва.

19. X. 25 г.

Глубокоуважаемый, дорогой Вячеслав Иванович,

на днях была мне радость: узнала, что Вы переводите сонеты Микель-Анджело. С наслаждением исполнила б просьбу Вашу и послала бы Вам литературу о нем, если бы таковая на русском языке существовала. Из монографий о М<икель>-А<нджело> имеется всего лишь одна: статья, напечатанная в "Жизни" за 1900 г. кн. I-IV. Вы ничего не потеряете, если статьи этой не прочтете. Есть еще брошюрка Н. Щербакова "Донателло и Мик<ель>-Анд<жело> как представители итальянской пластики раннего и позднего Возрождения" (1916 г.). Брошюрка, как брошюрка; о сонетах ничего там нет. Все остальное – отдельные замечанья, разбросанные по разным "Историям Итальянского Возрождения". Много там правильного, но ничего оригинального и значительного при всем желании не найти.

Что касается переводной литературы, то имеются биографии Ромэн-Ролана <так!>, Раймона (1910 г.) и частично Гримм (1914-1918).[1] Вот и все. Вам всего этого, конечно, совсем не нужно. Сонеты М<икель>-А<нджело> не переводились. (Если не считать тютчевского "Молчи..."[2] и нескольких случайных прозаических цитат). Вы впервые их подарите России.

Вчера Яворский и Протопопов мне рассказывали, что слышали Вас в Полпредстве, что Вы сами и переводы Ваши были чрезвычайно пленительны;[3] но они только хвалили, точно передать ничего не могли. Господи, неужели я Вас никогда не услышу... неужели когда-нибудь, может быть, скоро услышу?!

Какое счастье, что именно Вы переводите М<икель>-А<нджело>. Никому другому не справиться с его неуклюжим, глубокодумным стихом. И какой чудесный Вы дадите комментарий!

Зинаида Ник<олаевна> мне говорила, что Вы к сонетам М<икель>-А<нджело> хотите еще добавить его письма и "жизнь мастера, писанную его учеником". О ком Вы думаете, о Кондиви?[4]

Но раз Вы так добры, что разрешаете мне высказать свое мнение по этому поводу, то я решаюсь возразить. Ни переписки М<икель>-А<нджело> , ни жизнеописания Кондиви предпосылать сонетам не стоит, потому что в 1914 г. значительная часть Буонарротиевских писем вместе с биографией Асканио появилась в переводе Маргариты Павлиновой[5] (Изд. "Шиповник"). Книга сделана хорошо. Помещены почти все (имеющиеся в печати, конечно) письма мастера, несколько ответных писем (Виттории Колонны, Себастьяна дель Пьомбо, Пьетро Аретино etc.), послания о М<икель>-А<нджело> Вазари к Леонардо,[6] Франческо д'Олланда к королю Иоанну (частично) и многое другое. В книге есть, правда, возмутительный пробел: полное отсутствие переписки с Томмазо Кавальери.[7] Но это – не упущение, а обыкновенная, глупая тенденция, для борьбы с которой всех писем М<икель>-А<нджело> вновь переводить, конечно, не стоит. Читателей на такие вещи у нас очень мало. Для неспециалиста довольно того, что имеется, а специалист прочтет оригиналы. Может быть, имело бы смысл перевести биографию Вазари? Как Вы к ней относитесь?

Вячеслав Иванович, у меня к Вам огромная просьба: ради Бога, напишите мне, как Вы понимаете и переводите микельанджеловское:

> ..."Come dal foco 'l caldo esser diviso
> Non può, dal bell'etern'ogni mia stima,
> Ch'exalta, ond'ella vien; chi più 'l somiglia"...[8]

Меня слова эти мучают уже целый год. Умоляю Вас, ответьте! Вы за это время наверное пересмотрели всю литературу о М<икель>-А<нджело>. Если не трудно, сообщите мне, пожалуйста, появилось ли что-нибудь психологическое или философическое, что-нибудь обессмысливающее мои мысли.

У меня к Вам еще одна просьба, касающаяся Вас непосредственно. В течение ближайшего времени пойдет пересмотр академических стипендий. Командировка Ваша имеет беспримерную длительность и потому позицию Вашу пришлось основательно укреплять. Все, что я могла сделать, не тревожа Вас, я, конечно, сделала. Теперь я уверена (поскольку в нашем мире можно быть в чем-нибудь уверенным), что успех обеспечен; но я вынуждена обеспокоить Вас написанием заявления. Вот я и прошу Вас *немедленно* по получении этого письма прислать *обязательно мне* (иначе Вы можете испортить дело) заявление в Цекубу с указанием, что командировка Ваша привязывает Вас к Риму до июня 26 г., что работа по заданиям НКП берет все Ваше время, что кроме сохраненного за Вами жалованья Бакинского Университета Вы никаких других доходов не имеете, а потому просите продолжить на текущий акад<емический> год выдачу Вам денег, в кот<ором> Вы и находящиеся на Вашем иждивении дети (сын и дочь) нуждаетесь. О Бакинском Унив<ерситете> непременно упомяните. Это очень важно, что кафедра Вас ждет и жалованье Вам выплачивают (пожалуйста, сообщите размеры Вашего оклада; а то я во всех анкетах пишу: "одна тарифная ставка 17-го разряда", что в отношении точности оставляет многого желать). Благодарная память успокаивает меня насчет своевременного прибытия Вашего заявления. Надеюсь, что теперь, как и прежде, Вы облегчите мне борьбу за Вас и тотчас же пришлете бумагу. Буду ее с нетерпением ждать.

Борис Александрович просил передать Вам, что письмо Ваше давно получил, давно Вам на него ответил, но письма своего почему-то не отослал (не понравилось оно ему сразу, а потом устарело) и скоро напишет другое. Мил он бесконечно и делает для Вас все, что может.

Если б не рассказы вернувшихся из Италии знакомых, я бы о Вас ничего не знала. Даже на деловые вопросы Вы мне не ответили и о получении денег (надеюсь, Вы их все время аккуратно получали?) меня не известили. I am longing to receive a letter from you.[9] Но если Вам некогда или не хочется писать, то черкните лишь несколько слов о своем здоровье, только не задерживайте заявление.

За последнее время Вы перевидали столько москвичей, что о Москве писать, пожалуй, не стоит. Искусство наше хочет стать под знак Монументального; но "достижения" (как теперь любят говорить) надо искать лишь в области реставраций. Открываются нежные, крепкие, яркие ли-

нии и краски старой иконописи, освобождаются от безвкусных наростов белокаменные стены прежних веков. Театральный сезон намечается знаменательный. Пойдет несколько новых пьес (но это, за исключением инсценировки "Петербурга", неинтересно) и много классических комедий и трагедий; причем ставят не только Грибоедова, Пушкина и Шекспира, но (да еще в нескольких театрах сразу!) самого Эсхила.[10] Как с ним справятся, это, конечно, другой вопрос. Уже начали с безграмотностей. Почему Вас тут нет?!...

Как музыкальные успехи Лидии Вячеславовны? Что делает Димочка? Посылаю ему марки, выпущенные к юбилею Академии Наук.

Поцелуйте Ваших детей за меня, примите самый сердечный привет от Вашей бесконечно преданной

О. Шор.

[1] Ромен Роллан. Жизнь Микельанджело. Пг. 1916; М. Раймон. Микельанджело. Его жизнь и деятельность. П. б.г.; Герман Гримм. Микельанджело Буанаротти. Спб. 1913-1914 (в издательстве "Грядущий день" из 18 выпусков вышли только 5).

[2] Подразумевается тютчевский перевод четверостишия Микеланджело "Молчи, прошу, не смей меня будить..." ("Grato m'è'l sonno, e più l'esser di sasso...").

[3] Болеслав Леопольдович Яворский (1877-1942) – музыкант и действительный член ГАХН. Сергей Владимирович Протопопов – композитор и педагог, ученик Б. Л. Яворского. Речь идет о чтении Вяч. Ивановым на приеме в Полпредстве двух переводов из Микеланджело: сонета "Зоб наживаю, как одмоклый кот" и надписи к скульптуре "Ночь", о чем он пишет дочери 24 августа 1925 (Иванова, с. 151). Идея заказать переводы возникла у Мейерхольдов, очевидно, после этого приема.

[4] Имеется в виду классический труд Ascanio Condivi. *Vita di Michelangelo Buonarroti*. Roma 1553.

[5] Переписка М. Буонарроти и жизнь мастера, написанная его учеником А. Кондиви. Пер. М. Павлиновой. 1914.

[6] Vittoria Colonna (1490-1547) – поэтесса и предмет любви Микельанджело; Sebastiano del Piombo (1485-1547) – живописец; Pietro Aretino (1492-1556) – поэт, драматург, прозаик и живописец; Giorgio Vasari (1511-1574) – художник, архитектор и знаменитый биограф; Leonardo da Vinci (1452-1519).

[7] Tommaso de' Cavalieri (ок. 1510-1587) – римский патриций, ученик и возлюбленный Микеланджело. Их взаимоотношения отразились во многих стихотворениях Буонарроти, а также в переписке, которая, по-видимому, считалась неудобной для публикации.

[8] Первый терцет XCII сонета. В. Иванов отвечает письмом от 9 ноября 1925 г.

[9] Мечтала бы получить от Вас письмо (англ.).

[10] К 1926 году МХТ готовил постановку "Прометея" (спектакль был признан неудачным, поэтому выпущен не был), во 2-ой студии МХТ ставилась "Орестея", которая была снята с репертуара после трех представлений.

12. В. И. Иванов – О. А. Шор
29 октября 1925 г. Рим.

Рим, 29 окт<ября> 1925.

Дорогая Ольга Александровна.

Наши письма разминулись в дороге, и сегодня полученное Ваше не отвечает еще на последнее мое.

Сейчас, очень спешно, лишь несколько деловых слов. А о М<икель>Анджело потом. Интересующее Вас место мне не кажется особенно значительным: это – одно из бесчисленных у него исповеданий платонизма. Но теперь не до того.

Угроза отнятия у меня акад<емической> стипендии приводит меня в смятение (едва воздержался от слова "отчаяние"). Но как Вы, мой идеал деловой точности, могли, несмотря на мои сообщения в письмах и соответствующее упоминание в оффициальном заявлении, могли впасть в заблуждение, будто я получаю все еще из Баку профессорское жалованье? Оно прекратилось с февраля 1925 г. – раньше, следовательно, чем взамен ему явилась спасительная стипендия Цекубу.[1] Мои дополнительные доходы – литературные. Мы очень бедны.

Я уже просил Вас помочь, если можете, моему близкому и беспомощному другу, жившему с нами в Баку и ныне осиротевшему и совсем обездоленному, Сергею Витальевичу Троцкому (имя родовое), в исходатайствовании заграничного паспорта и получении итальянской визы. Переговоры мною уже велись с Мариани, ведутся через знакомых с гр. Мандзони (находящимся здесь) по вопросу о визе, а насчет паспорта обещала содействие Екатерина Павловна Пешкова. Не научите ли его, как поступить? Черкните ему, если можете что сообщить, в Баку, Гос<ударственный> Университет, кв<артира> проф. Вс<еволода> Мих<айловича> Зуммера[2] – *ему.*

Пл<атон> М<ихайлович> Керженцев переслал мне на днях N° "Красной Газеты" (N 252, 16 окт.), где в "Хронике Искусств" сообщается, что "Главнаука возбудила в коллегии Наркомпроса вопрос об организации в Риме института по изучению ист<ории> искусств и археологии" и что руководителем его намечен я. Ни я, ни Керженцев (поддерживающий проект) не знаем, в каком положении дело, проводимое А. В. Луначарским. Не известно ли что-нибудь об этом Вам?

Пока до свидания. Благодарность от Димы за чудесные редкостные марки. Приветы от Лидии. Приветы Вашим. Как здоровье тети?

Ваш Вяч. Иванов.

Прилагаю заявление. Если оно не так составлено и противоречит Вашим сообщениям, уведомите – как писать.

В.И.

Мне пишут, что проф<ессорское> содержание в Баку увеличили до 180 р<ублей> и я бы получал там до 300 р.!

В правление Цекубу.
Доктора классической филологии
Вячеслава Ивановича Иванова

Заявление

Ввиду того, что научная командировка моя в Италию продолжена Наркомпросом по июль 1926 г. и удерживает меня от выполнения моих профессорских обязанностей в Бакинском Гос<ударственном> Университете, вследствие чего профессорское жалованье из Баку не высылается мне более с февраля 1925 года, прошу Цекубу сохранить за мною высылаемую мне академическую стипендию, без которой у меня останется только, как средство к жизни, скудный литературный заработок и положение мое с семьею, живущей на моем иждивении, из крайне стесненного сделается прямо бедственным.

Вячеслав Иванов.
Рим, 29 октября 1925 г.
via Quattro Fontane 172, presso Placidi.

[1] Иванов числился профессором кафедры классической филологии Бакинского университета до 1 июня 1925 года: в 1924-25 гг. он был командирован за границу на 1 год с сохранением содержания, с февраля 1925 года находился в отпуске без содержания. Ссылки на соответствующие университетские постановления см.: Котрелев 1968, с. 335, 338.

[2] Всеволод Михайлович Зуммер (1885-1970) – историк искусства, профессор Бакинского университета. В РАИ находится 27 его писем к Иванову за 1924-29 гг. (оп. 3, № 93). К Зуммеру после отъезда Ивановых переселился С. В. Троцкий; см. его письмо к Ивановым от 13 августа 1925 в кн.: М. С. Альтман. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб. 1995, с. 178-179. Впоследствии Зуммер работал в Харьковском художественном музее, и некоторые сведения о нем доходили через Д. М. Дмитриевскую.

13. В. И. Иванов – О. А. Шор
9 ноября 1925 г. Рим.

Рим, 9 ноября 1925.

Дорогая Ольга Александровна.

Посылаю Вам свое переложение и истолкование интересующего Вас сонета М<икель>-Анджело; кстати, это будет для Вас пробою предпринятой мною работы. Прошу не ограничиться поощрениями, но сообщить самые деловые, субтильные и придирчивые замечания, памятуя что их-то филолог и ценит.

Прозаический истолковательный перевод:

> "Жизнь любви моей не сердце мое, ибо не сердцем любит та любовь, какою люблю тебя: ничего смертного, подверженного заблуждению, не может в ней быть, ни мысли греховной.
>
> "В миг, когда душа разлучалась с Богом, любовь соделала меня оком здравым, тебя же светом и сиянием; и мое великое желание не может не узнавать этого сияния в том, что, к прискорбию нашему, должно умереть в тебе (на земле).
>
> "Подобно тому как жар не может быть отделен от огня, так от вечно-прекрасного не может быть отделено мое благоговение, которое возносит того, кто наиболее подобен образцу красоты вечной, в те сферы, откуда нисходит благоговейная любовь.
>
> "Так как весь рай заключаешь ты в очах своих, я, пламенея желанием вернуться туда, где впервые любил тебя, обращаюсь под свод твоих бровей (согласно первому значению слова ciglia, или же, так как ciglia значит и ресницы: под завесу твоих ресниц)".

Опять перед нами платоническая концепция красоты и любви. Души упали на землю из мира духовного и божественного, из лона Божия. Истинная красота, как предмет Эроса, – свет оного мира, погруженный в материю. Существо Эроса, способность узнавать этот свет и к нему стремиться, – память о виденной в потустороннем мире красоте. Орган этого узнания – не сердце, волнуемое желаниями, но чистое, здравое око. Глаза – проводники, соединяющие памятливую душу любящего с люби-

мою душою, таящею в себе унаследованный от неба свет; о том, как соединение душ в любви совершается при посредстве глаза, учит Данте.[1] Что любовь возводит любимого в те горние сферы, откуда сама нисходит, – мысль Платона. По Платону же памятливая душа избирает предметом своей любви то существо, которое наиболее напоминает ей виденный ею некогда образец вечной красоты. "Служа различным божествам, люди испытывают овладение оными и в этом овладении невольно воспроизводят в своей жизни, чувствованиях и наружных оказательствах, по мере своих сил, все то, что составляет внутреннюю особенность и внешнее отличие овладевшего ими божества... Если в таком состоянии им случается испытать любовную страсть (pathos), то любовь их бывает устремлена на человека, наиболее похожего на божественный образ, в них отпечатлевшийся, и тогда возлюбленный делается для них предметом обоготворения, кумиром их бога, его живым подобием. Усматривая в любимом черты своего божества, люди, – продолжает Платон (Phaedr. 230), – "еще более его любят, и если они из Зевса зачерпнули, как мэнады, плещут влагою на душу любимого, творя его сколь возможно более подобным своему божеству". – Это выписка из моей книги ("Дионис и Прадионисийство", стр. 203 сл.).

А вот и переложение (ибо в стихах можно дать только переложение):

Не в темном сердце жизнь любви моей:
Не заблужденье слепоты сердечной,
Не вожделенье страсти быстротечной
Не тлен она, и нет соблазна в ней.

Мы сберегли во мгле земных путей:
Я – око здравое, ты – свет извечный;
И в оболочке хрупкой и конечной
Ловлю я славу памятных лучей.

Где пламя, там и жар: так не отходит
От красоты и в край родной любовь
Того возносит, в ком ее находит.

В твоих очах мне рай сияет вновь,
Где прежде я любил тебя,- и вводит
В златые двери сводчатая бровь.

Мое желание – чтобы Вы написали вводный к переводу стихов этюд о *М<икель>Анджело, как поэте,* и объяснили его лирику из его внешней

и внутренней биографии. Только не называйте его стихов “неуклюжими”; стих М<икель> А<нджело> максимально ловок и гибок в передаче субтильностей его мысли. Он тяжел из-за своего удельного веса.[2]

[1] Это одна из основных тем “Новой жизни”.

[2] Окончание письма отсутствует. О. Шор отвечает Иванову 25 июня – 7 июля 1926 г.

1926

1. В. И. Иванов – О. А. Шор
30 апреля 1926 г. Рим.

Рим, 30 апреля 1926.

Дорогая Ольга Александровна.

Наблюдение, которое Вы невольно делаете и точность коего опровергать невозможно, – я знаю, для доброго мнения Вашего о моей личности убийственно: долгие месяцы я безмолвствую, но едва весть о возможности получить деньги "до слуха чуткого коснется",[1] – ответствую незамедлительно, par retour du courrier.[2] Напрасно было бы уверять Вас, что давным-давно собираюсь писать Вам и откладываю письмо со дня на день: это обстоятельство не исключает подозрения в моей эгоистической заинтересованности, ибо писать моей великодушной protectrice[3] я стал бы, в первую очередь, опять-таки о своих делах. Ради некоего смягчения категоричности неизбежного вывода приложу лучше страничку бескорыстного письмеца к Вам, не посланного из-за желания выразить все сказанное лучше и дать другой вариант перевода.[4] Присовокуплю еще и нижеследующее самонаблюдение: чтобы говорить охотно (а я люблю говорить), мне нужно слышать голос собеседника, и потому писать друзьям мне безмерно легче непосредственно по получении дружеских строк. Прежде всего, пребывание в Риме дорогого и бесконечно доброго Евсея Давидовича, – сближая, разделило нас: я знал, что он Вам часто пишет, и мне казалось, что я с Вами разговариваю через него. Он писал Вам, пожалуй, и лишнее: о неудавшейся поездке моей в Египет, о чем уведомлять было преждевременно. Зелинский рекомендовал меня, и факультет выбрал меня на должность professeur adjoint[5] по латинской литературе и защищал потом мою кандидатуру *единогласно,* но министерство все же не утвердило меня, – по-видимому, как гражданина Сов. Республики.[6] А получал бы я там колоссальное, по нашим понятиям, жалованье. Перспектива жить 7 месяцев в году в Египте (где я был, 24 года тому назад) меня пленяла, и неудача предприятия глубоко меня огорчила. Всю зиму я усиленно занимался английским языком (ибо латин<ская> лит<ература> читается там по-английски, тогда как другие предметы по-французски) и благодаря этому нажил здесь преданных и надежных английских друзей, – что высоко

оцениваю.[7] Евсея Дав<идовича> я настойчиво, но безнадежно посылал в Египет (или Палестину, к Дав<иду> Сол<омоновичу>), опираясь на медицинские авторитеты (проф<ессор> Синьорелли,[8] исследовавший его, меня поддерживал). Желтовский, с кот<орым> я через него познакомился и от которого слышал много интересного об архитектуре, – кажется, склонял его к другому решению. Египет, конечно, чудодейственно исцеляет болезнь почек, и он бы вернулся оттуда здоровым, а теперь он носит в своем теле опасного врага. Ибо я, конечно и неизбежно, полюбил его и глазами любви увидел, что он делает роковую ошибку, стремясь сначала закончить свои научные дела и потом только позаботиться о нужнейшем – о здоровье, – тогда как нужно было бы преодолеть понятное мне по собственному прошлому самолюбие и лишь после года в Египте (или Палестине, что почти одно и то же) приступать к фрейбургскому докторату. С Евс<еем> Дав<идовичем>, его женой[9] и Желтовским сделали мы незабываемую экскурсию, в автомобиле последнего, в недостижимую иначе Капраролу.[10] Евс<ей> Дав<идович> заставил меня приняться за мною заброшенного Достоевского, много писал на ремингтоне под мою диктовку, и мы составили для нем<ецкого> издания книгу о Дост<оевском> ("Tragödie, Mythos und Mystik in Dostoiewski's Dichtung").[11] Евс<ей> Дав<идович> умилительно заботится и хлопочет не только обо мне, но и о композиционных делах Лидии (которая за эту зиму написала для хоров *a soli*[12] кантату "Огненосцы" – мой текст,[13] – и ныне поглощена срочною оркестровкой новой – выпускной – симф<онической> поэмы на тему "Облако" – "The Cloud" Шелли[14]). Об остальном (первейшей важности) расскажу, когда увидимся: ибо ведь Вы, как определенно сообщает Евс<ей> Дав<идович>, *вскоре* будете в Риме, не так ли?.. Только что уехал отсюда Зелинский: он читал лекции в Голландии и в Оксфорде (где торжественно одели его в тогу доктора – honoris causa[15]), провел в Риме и Неаполе недели 3, присутствовал на моей лекции (о происхождении религии Диониса) в Circolo di Roma,[16] прочитанной – точнее: сказанной – по приглашению Unione Intellettuale Italiana.[17] Еще осенью я представил 2 реферата в Германском Археол<огическом> Институте о результатах своего исследования. Будут статьи Зелинского и моя об этом предмете в здешней Rivista per la Storia di Religione.[18]

Мейерхольдово изд<ательс>тво, кажется, разладилось или разлаживается, по отсутствию средств (*только* ли поэтому?). Невысылка аванса сказалась параличем моих работ по М<икель>Анджело (опять у меня meines krassesten Materialismus![19]). Все же ряд сонетов переведен, но кое-что я, кажется, растерял в своих же бумагах – безвозвратно.[20]

То, что Вы пишете о гонораре за "Антологию",[21] есть, конечно, роса на выжженую степь и манна небесная. Как Вас благодарить за Вашу

спасительную бдительность и неустанное Ваше попечение? Московский план Ваш, дорогой друг, едва ли, все же, даже только практичен. Помните, что Диму я хочу обучать еще несколько лет заграницей; одному, разлучась со своими, вернуться не хочется, Баку зовет, но смогу ли я весной быть со своими? В Баку получил бы я 300 р. в месяц и, надеюсь, сохранил бы стипендию из Цекубу. Все же я писал в Баку неоффициально, что имею намерение вернуться на ближайший учебный год. Однако, разлука с семьей и неуверенность в весенней поездке в Рим меня ужасает. А как иначе быть? Северного климата я уже, кажется, окончательно не переношу более. Из Научно-Исследовательского Института при Ленинградском Университете по Сравнительной литературе (Институт имени Александра Веселовского, объясняет мне Зелинский) получил я трогательно-лестную грамоту, подписанную проф<ессором> Державиным, с перечислением разных моих "заслуг" и поздравлением с исполнившимся в этом году моим 60-летием.[22] Университеты здешние для иностранцев (в качестве профессоров) закрыты; впрочем, если бы даже было сделано исключение, однако невероятное, не было бы завидно иметь титул экстраординарного профессора и жалованье в 700 лир (sic!) в месяц... Тем не менее, если бы была сохранена моя стипендия, я бы еще, м<ожет> б<ыть>, выжидал бы возможного (в конце концов) приглашения в заграничный (неитальянский) университет; поэтому, чрезвычайно заинтересован я в успехе (по-моему, сомнительном) ходатайства о продлении командировки, с коим все же, по Вашему совету, обращаюсь в Н<ародный> Комиссариат Просвещения. Единственное основание, по коему считаю себя незаслуживающим лишения положенной мне, в форме стипендии, пенсии, есть моя полит<ическая> корректность – безусловное воздержание от сотрудничества в эмигрантских изданиях, научных учреждениях и т. п.[23] Об итальян<ском> "регламенте" археологических раскопок наведу спешно все возможные справки.[24]

А пока до свидания, дорогой друг! Напрасно все же Вы меня так долго, хоть и по заслугам, карали – и отчасти продолжаете карать – своим абсолютным молчанием, а в последнем письме – молчанием о себе и о всем, что не относится практически к сфере моих нужд... Все деньги я получил, и в последний раз двойную посылку, которая уравнивала прежние недоплаты. От задержек Цекубу приходилось порой туговато.

Приветы Вашему отцу и Давиду Соломоновичу, маме и тете. Лидия нежно Вас приветствует, Дима также и благодарит за дивные марки.

Неизменно и глубоко преданный Вам и признательный

Вяч. Иванов.

P. S. Не увидитесь ли с Зин<аидой> Ник<олаевной> Мейерхольд, чтобы узнать точно ее намерение относит изд<ания> М<икель>-Анджело? Спасибо Вам за библиографию.

Нельзя ли вместе с гонораром раздобыть экземпляр "Антологии"?

Спешу, не перечитываю. В. И.

Посылаю газетную вырезку, кот<орую> м<ожет> б<ыть> полезно приобщить к заявлению о командировке.

[1] Цитата из стихотворения Пушкина "Поэт" ("Пока не требует поэта...").

[2] Обратной почтой (фр.).

[3] Покровительнице (фр.).

[4] "Страничка" неизвестна.

[5] Экстраординарного профессора (фр.).

[6] Иванов оставался гражданином СССР вплоть до принятия итальянского подданства в 1935 г. Подробнее о хлопотах по поводу места в Каирском университете см. письмо № 4 Зелинского к Иванову в наст. изд.

[7] Имеются в виду свящ. Фокс (Fox) и семья Мьюэр (Muir). С английской парой Мьюэров Л. В. и Д. В. Ивановы жили вместе в пансионе "Roma" в Олевано летом 1926 года, когда стала выходить рукописная семейная газета "Пуля Времен" (№1 – от 5-го июля 1926). О степени близости к Мьюэрам говорит факт их сотрудничества в газете (статьи, подписанные "From our Scottish Correspondent", принадлежали шотландцу Майклу, "Irish News" или "The Irish Correspondance"– ирландке Пэтси), а также то, что "Пуля" два раза выходила на английском языке, введенном ими в обиход (здесь помещаются первые английские стихи Д. В. Иванова). Они называли Ивановых "Cat family", что, может быть, послужило отправным пунктом для появления нового прозвища главы семейства "Chief-cat". Мьюэры живейшим образом стремились оказать влияние на Д. В. Иванова в период его религиозных исканий, что вызывало недовольство В. И. Иванова: см. Вячеслав Иванов. Материалы и исследования, с. 14-34 и 66-68; ср. Д. Иванов, с. 80-84.

[8] Анджело Синьорелли (1876-1952) – муж О. И. Ресневич, известный врач и любитель живописи. Он был одним из создателей Итальянского комитета борьбы за демократию в России (Comitato Italiano per la Democrazia russa), основанном в 1919 г. Umberto Zanotti Bianco и членом Комитета помощи русской интеллигенции (Comitato di Soccorso agli intellettuali russi).

[9] Надежда Рафаиловна (Надива) Шор.

[10] Caprarola – город неподалеку от Витербо, знаменитый своим палаццо Фарнезе, построенным по рисункам Сангалло.

[11] В 1932 г. в Германии вышла в свет книга под названием "Достоевский. Трагедия - Миф - Мистика ". Об истории ее издания см. IV, 757-770.

[12] Без музыкального сопровождения (ит.).

[13] Сама Л. В. Иванова (с. 200) называет ее "ораторией для большого оркестра, хора и двух солистов на слова Вяч. Иванова" (ст-е 1906 г., вошедшее затем в "Cor Ardens" – II,

239-243). Оратория закончена не была. Рабочие материалы оратории (стихотворные и нотные автографы, копии) переданы в Гос. музей им. Глинки в 2001 г.

[14] Дипломная работа Л. В. Ивановой, каждая часть которой первоначально имела подзаголовок и сопровождалась соответствующим фрагментом из оды английского поэта-романтика Перси Биши Шелли (1792-1822) "Облако" в итальянском переводе Ascoli:

I. *Presto*. [La Pioggia]. II. *Meno mosso, agitato*. [La Tempesta]. III. *Allegretto*. [Il Tramonto]. IV. *Largo*. [IL Notturno]. V. *Moderato; molto vivace*. [Morte e Resurrezione]. Экземпляр программы симфонической поэмы, переписанный рукой О. Шор, хранится в архиве Л. В. Ивановой.

[15] Почетного доктора (лат.).

[16] Заседание этого общества состоялось 24 апреля 1926 года и проходило в Palazzo Doria. Тема выступления Иванова – "La religione di Dioniso e le sue origini". См. воспоминания П. Муратова "Вячеслав Иванов в Риме" (Иванова, с. 368-370). В РАИ сохранился пригласительный билет на лекцию.

[17] Международное культурное общество, основано в 1917 г.

[18] Точное название "Studi e materiali di storia delle religioni. Pubblicati dalla Scuola di studi storico-religiosi dell'Universita di Roma" – журнал по сравнительно-историческому исследованию религиозных учений, основанный в 1925 году Раффаэле Петаццони и существующий до сих пор. Рецензия Ф. Ф. Зелинского "V. Ivanov. Dioniso e il predionisismo" появилась в выпуске 1926:3-4, с. 295-297, русский ее перевод см. в приложении к письмам Зелинского к Иванову. О статье Иванова, равно как и о рефератах для Германского археологического института, сведений нет.

[19] Мой заядлый материализм (нем.). Единственная выплата за переводы из Микеланджело – 40 долларов – относилась к 1925 году (См.: Котрелев и Мальковати, с. 269).

[20] См. комментарий к неопубликованному сонету Микеланджело в наст. изд., с. 45-46.

[21] И. С. Ежов, Е. И. Шамурин. Русская поэзия XX века. Антология русской лирики от символизма до наших дней. М., "Новая Москва", 1925. Здесь на сс. 61-71 напечатано 40 ст-й Иванова. Благодаря этому изданию возникла легенда о том, что Иванов будто бы занимал должности ректора Бакинского университета и зам. Наркома просвещения Аз.ССР. Соответствующую выписку из раздела "Биобиблиография" для Иванова сделал В. М. Зуммер в письме от 5 марта 1927 года (оп. 3, № 93, л. 47 об). Иванов откликается на письмо О. Шор от 22 апреля 1926 г.: «"Новая Москва" издала "Антологию поэтов XX в." и никому из поэтов не заплатила гонорара на том основании, что "антология – хрестоматия"; союз писателей подал в суд. <...> Ваших стихов в книге напечатано 40, всего 600 строк с небольшим, "местком писателей" обещал мне немедленно по получении Вашего заявления возбудить ходатайство о выдаче причитающихся Вам денег. Сейчас союз уточняет свои взаимоотношения с издательством, отсюда неопределенность следуемой Вам суммы. <...> Направить заявление надо "В союз писателей" или в "местком союза писателей". Послать его можно либо непосредственно в союз по адресу Тверской бульвар 25, либо мне. <...> Если заявление пошлете на мой адрес, то приложите к нему, пожалуйста, доверенность на мое имя». Предполагалось, что гонорар будет от 150 до 300 рублей; но получить удалось, по-видимому, только 20.

[22] Николай Севастьянович Державин (1877-1953). Адрес был получен Ивановым 15 апреля 1926 года и находится в РАИ. Вот его текст:

"Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Коллегия Научно-Исследовательского Института Сравнительной Истории Литератур и Языков Запада и Востока при Ленинградском Государственном Университете считает своим долгом приветствовать Вас от имени Института в знаменательный день шестидесятилетней годовщины Вашего рождения, как выдающегося деятеля русской науки, поэзии и критики.

Институт высоко ценит Ваши труды в области классической филологии. Уже работа "De societatibus vectigalium publicorum populi romani" задолго до ее напечатания привлекла к себе внимание русских ученых. Еще более сил и внимания посвятили Вы научному и литературному воссозданию греческой религии, столь ярко выраженному Вами в Вашей книге "Эллинская религия страдающего бога" и в Вашем капитальном исследовании "Дионис и прадионисийство". Наконец, обладая огромным поэтическим опытом и глубоким проникновением в дух античности, Вы сыграли исключительную роль в деле возрождения в русской поэзии античных традиций, сделавши доступными русскому обществу произведения Алкея и Сафо, а также Петрарки, в передаче одновременно верной и художественной, и создавши, на основе любовного изучения античных образцов, такие замечательные произведения, как "Тантал", "Прометей" и ряд стихотворений в сборниках "Кормчие звезды", "Прозрачность" и "Cor Ardens". Истинным духом Эллады веет и от многих оригинальных Ваших произведений, тем более, что Вы впервые и всегда удачно ввели в современный стихотворный обиход новые античные размеры.

В сознании высокого значения Вашей творческой деятельности, Институт с величайшим вниманием следит за ней, ожидая новых ценных вкладов в русскую науку и поэзию, и прежде всего, завершения обещанного Вами грандиозного дела – перевода Эсхила, к вящей славе Вашей и на пользу русской культуре.

Директор Института проф. Н. Державин".

[23] Требование политической лояльности было непременным условием разрешения на выезд за границу для деятелей культуры вообще, тем более в случае, если они пользовались какими-либо формами государственной поддержки. Иванов, поручившийся "честью", никогда не считал свое обещание пустой формальностью и был верен ему, пока оставался гражданином СССР (см. письмо Иванова И. Н. Голенищеву-Кутузову от 24 апреля 1930 – Иванов и Кутузов, с. 497), даже когда хлопоты о пенсии оказались безнадежны. Р. Бёрд указывает на статью в БСЭ 1933 года, где, несмотря на отказ вернуться, Иванов еще не объявлен эмигрантом – говорится, что он "живет в Италии" (Берд, с. 331, прим. 119).

[24] Ответ на предложение О. Шор в письме от 22 апреля 1926 г.: "Музейный отдел приступил к раскопкам в Херсонесе и ему очень хочется воспользоваться законодательными достижениями многоопытных стран. Если б Вы могли достать регламент Помпеянских раскопок (общий закон, ограждающий права и постановления местного порядка), Вы оказали бы Главнауке большую услугу; и, думается мне, Вам не следует упускать возможность оказания ее. До сих пор я нарочно имени Вашего в отделе не называла, чтобы (в случае, если б Вы почему-нибудь не захотели или не смогли раздобыть регламент) не ставить Вас перед необходимостью отказывать Главнауке. Поэтому настоящее мое обращение Вас решительно ни к чему не обязывает, а представляет лишь удобный случай Вам быть любезным по отношению к учреждению, с которым Вы всячески связаны. Если б Вам не удалось доставить самый текст регламента, Вы, быть может, согласились бы прочитать его и сообщить в виде

небольшого доклада его содержание и свои по этому поводу мысли. Все материалы надо направить по адресу: Наркомпрос. Главнаука. Отдел по охране музеев. Если Вы пошлете голый материал, то обязательно вслед ему отправьте заявление с разъяснением оснований такого Вашего поступка: 'Узнав, что Муз<ейный> отдел интересуется etc. etc.'... (от кого узнали, конечно, не указывайте; так выходит внимательней: сами узнали). Меня же обязательно известите о высылке регламента или доклада, чтобы я (когда мне это для Вас понадобится) могла кому следует поставить на вид сделанную Вами работу".

2. В. И. Иванов – О. А. Шор
16 июня 1926 г. Рим.

16. VI. ' 26.

Дорогая Ольга Александровна.

Вот уже $1^1/_2$ месяца как Вы, вопреки своему обычаю, медлите accuser réception[1] моего заказного письма со вложением 1) доверенности на ведение дела о гонораре за стихи, напечатанные в "Антологии", 2) заявления в Наркомпрос о продлении командировки, – что наводит меня на сомнения в благополучном получении означенного письма. Особенно же удручен и утеснен я полным прекращением высылки академических денег с того счастливого дня, когда мы получили двойной месячный оклад (за февраль и март), – почему живется нам за это время крайне плохо.[2]

Сообщаю далее, что, согласно Вашему совету, вот уже с месяц тому назад, я послал в Главнауку Наркомпроса докладную записку, что будучи де осведомлен об интересе Отдела Музеев к существующим в Италии постановлениям о раскопках, я был у главного заведующего этим делом археолога проф<ессора> Paribeni (дир<ектора> Нац<ионального> Музея delle Terme),[3] который обещал мне доставить печатное собрание законов и распоряжений, но потом письменно извинился, что свободного экземпляра у него нет, и указал, что таковое собрание находится в продаже; почему я и прошу Главнауку уведомить меня о желании приобрести эту книгу (цена 36 лир), после чего я немедленно ее вышлю, деньги же (т.к. незначительную сумму пересылать прямо не стоит) уполномочиваю впоследствии получить О. А. Шор, имеющую мою доверенность. До сих пор Главнаука на мое предложение не отозвалась.

Из посольства прислали мне экземпляр "Театрального Октября" с моею статьей "Гоголь и комедия Аристофана". Статья напечатана дико, с нелепою оговоркой редакции, с опечатками, искажающими ее смысл. "Зачинательная личность" моей теории (т. е. герой) обратилась в "значи-

тельную личность", а "мимический хор" в "мистический хор".[4] Отсюда, вероятно, возникло в пугливом воображении редакции (пуганная лошадь куста боится) представление о "мистическом" характере моей статьи, за что она (лошадь) и извиняется сконфуженно перед своими читателями (завтра расскажу на приеме в посольстве этот анекдот Пл<атону> М<ихайловичу> Керженцеву).

Нельзя ли, дорогая Ольга Александровна, выхлопотать для меня у просвещенного издательства несколько экземпляров сборника, ибо статья моя мне нужна для перевода ее,[5] и нельзя ли что-нибудь сделать для исправления опечаток, коих список я прислал бы, в следующем N°? Или таковой вовсе не предвидится, как и "Сонеты" М<икель>Анджело не упомянуты в списке предполагаемых изданий Театра Мейерхольда? Кажется, что изд<ательс>тво сходит на нет.[6]

Вообще Ваше молчание меня тревожит. Все ли у вас в семье благополучно, и едете ли Вы наконец в Италию?

Из Баку мне пишут об окончательной ломке университета, так что покрыто мраком неизвестности, сколько часов было бы мне предоставлено, если бы я вернулся осенью, и неизвестно, был ли бы я отпущен весной заграницу, ибо в заграничных отпусках (конечно, на частный, а не казенный счет) было отказано 11 профессорам из 12 желающих. Как же, при таких условиях, расстаться с семьей, и поправит ли поездка матер<иальную> сторону жизни, когда паспорт один стоит, для командированных, кажется, 300 р.?

Простите, дорогой друг, это ужасное по содержанию своею унылостью и низменностью интересов письмо и выбросьте его по прочтении в корзину.

Ваш сердечно Вяч. Иванов.

[1] С получением (фр.).

[2] См. письмо О. Шор от 22 апреля 1926 г.

[3] Роберто Парибени (1876-1956) – археолог и специалист по античной истории. Национальный Музей (Museo Nazionale Romano alle Terme di Diocleziano) – один из самых значительных археологических музеев мира, в котором собраны памятники античного искусства и археологические находки, сделанных в Риме.

[4] В тексте статьи в IV томе СС частью сохранена ошибочная терминология. Суровую критику на этот счет см. у Котрелева и Мальковати, с. 276.

[5] В письме от 29 октября 1925 г. Е. Д. Шор сообщал В. Иванову, что они со Степуном предложили издателю Рейхелю выпустить два сборника ивановских статей: "Символизм и искусство" и "Игры Мельпомены" (оп. 3, № 208, л. 8). Потом они, видимо, видоизменились в "Kunst und Symbol" (см. прим. 10 к письму Иванова № 3 за 1927 г.) и "Судьбы театра", состав которых отчасти совпадал (подробнее см.: Приложение к письму Е. Д. Шора от 27 июля

1932 г., в "Переписке Е. Д. Шора с В. И. Ивановым" (оп. 3, № 208–213; в печати). В "Kunst und Symbol" должна была войти статья "Гоголь и Аристофан", однако впервые она появилась в журнале "Corona" (1933, 5) в переводе Б. Лессена (псевдоним Бенно Нессельштрауса).

[6] Уже летом 1926 года "Театральный Октябрь" фактически прекратил свою деятельность, хотя выпустил план издательства на сезон 1926-27 гг.; официально он было закрыт 1 октября 1928 года (Котрелев и Мальковати, с. 280).

3. О. А. Шор – В. И. Иванову
25 июня – 7 июля 1926 г. Москва.

25 июня 1926 г.
Москва.

Глубокоуважаемый, дорогой Вячеслав Иванович,
письмо Ваше меня огорчило и смутило.

"Унылость" его тона я остро ощутила как свою перед Вами вину. Вина моя, конечно, не в том, что я недостаточно усердно отнеслась к своим дирижерским обязанностям над хором Ваших дел: из официального сообщения НКП и из открытки моей, той, что встретилась в пути с Вашим письмом, Вы давно уже узнали об исполнении всех своих желаний: о продлении командировки еще на год и о сохранении за Вами академического обеспечения. В запоздании денег тоже нет моей вины: Цекубу выплатило мне за два месяца сразу, и я сейчас же отправила Вам 100 руб., предельную по теперешнему закону на одного отправителя и одного получателя месячную сумму. При первой возможности (высылать можно только лично) пошлю Вам все остальное. Впредь Вы – надеюсь, аккуратно – будете получать, как и раньше, 85 руб. в месяц. Ближайший пересмотр случится в октябре.

С Союзом писателей нахожусь в непрестанном общении. Председатель "месткома" возбудил ходатайство о гонораре, весьма бурно защищает Ваши интересы и обещает, что деньги вот-вот получатся. Возможно, что выплачивать издательство станет их частями. Выбор был между получением единовременно половины причитающейся суммы и получением в несколько приемов полной суммы (т. к. у изд<ательства> всех следуемых поэтам денег в наличности нет). Поэты решили ничего не уступать и настаивать на полномерном исполнении судебного постановления (50 к. за строку). На все эти переговоры ушло много времени; отсюда задержка. Как видите, и в ней я неповинна. <...>

Недавно была окончательная перерегистрация могил Новодевич<ьего> кладбища, которое музейный отдел передал общине верующих. (Новое кладбище, конечно; старое осталось в веденьи Главнауки). Не беспокойтесь, могилам, Вам дорогим, не грозит и не будет грозить никакой опасности...

Вид старого кладбища меня поразил: в непосредственной близости от могил, на них раскинулись ряды маленьких новеньких, белилами выкрашенных детских колыбелек, в каждой из которых покоился спеленутый грудной младенец, – большие, белые, живые цветы среди ветхих днями, покосившихся камней, лепестки Мечты среди гранитных и мраморных Воспоминаний... На мой вопрос, откуда эта россыпь детей, мне ответили, что в бывших монашеских кельях устроены ясли. Кладбище содержится прекрасно. Перерегистрация будет происходить ежегодно в целях благоустройства.

И в этом отношении я Вашего доверия не обманула. Но все же раз я оправдываюсь и чувствую себя виноватой, значит, будь я еще внимательней и бдительней, я бы чем-то и как-то, вероятно, сумела бы предупредить и снять Ваше "уныние" (поскольку оно, конечно, вызвано материальной конъюнктурой). Чем? Как? Может быть, Вы, Многовидящий, мне скажите это.

В том, что я замедлила accuser réception Вашего письма, я не извиняюсь: извинения такие считала бы величайшей нескромностью. Я незамедлительно засвидетельствовала получение Вашего письма исполнением всех Ваших поручений, о чем Вы были своевременно извещены. Затруднять же Вас чтением писем, в кот<орых> не имелось бы для Вас лично интересных сообщений, я никогда не решаюсь не потому, что предполагаю в Вас какую-то корыстность в отношениях, а потому, что хорошо знаю свое место. Думается, никогда я не осмелюсь считать просто лирическое письмо к Вам не только своим долгом, но хотя бы своим правом. Один безобразный поступок я по отношению к Вам сделала: до сих пор я не поблагодарила Вас за радость, которую мне доставило получение Вашего перевода, истолкования Микельанджеловского сонета и сказочного, как дар феи, предложения написать "вводный к переводу стихов этюд о М. А., как поэте". Совсем независимо от того, может ли предложение это быть практически осуществлено (а по-моему, практически оно невозможно), одно Ваше "желание" дозволить мне работать вместе с Вами дало мне такое счастье, которое разве лишь предносится в снах. Вы знаете: в благодарениях словами я отвратительно беспомощна и безнадежно бездарна, но забыть Вашего внимания – никогда не забуду.

Оставляя вопрос об осуществимостях – можно помечтать? Если б Вы мне предоставили свободу выбора, я взяла бы не ту тему, которую

предлагаете Вы. *Вашему* переводу сонетов адски хочется предпослать не характеристику М<икель>-А<нджело> как поэта, а сравнительное описание Вашего и его внутреннего опыта, поскольку опыт этот эманировал лирически. Вслушиваясь в Ваш сонет, я желание такое в себе еще разожгла.

"В стихах можно дать только переложение", т. е. (если переводчик – большой поэт) транспозицию в иную духовную тональность.

Опускаю все сомнения и проблемы, заставившие меня остановиться на трех строках микельанджеловского сонета, и обращаюсь к волнующей меня теме о тональности *Вашей.* "Подобно тому, как жар не может быть отделен от огня, так от вечно-прекрасного не может быть отделено *мое благоговение* (курсив мой), которое возносит того, кто наиболее подобен образцу красоты вечной, в те сферы, откуда нисходит благоговейная любовь". А в стихах:

"Где пламя, там и жар: так не отходит
От красоты и в край родной *любовь* (курсив мой)
Того возносит, в ком ее находит".

Слово *stima* Вы передаете как "благоговение", чтобы в стихах перевести в "любовь".

Быть может, я ошибаюсь от незнания языка, но все же: слово – stima – употребляется не только в своем прямом смысле, но и per lode – похвала, *славословие.* Этому и соответствует Ваше – "благоговение", если его понять согласно Вашему же словоупотреблению как предметную кристаллизацию акта. ("Культура есть иерархия благоговений"). М<икель>-А<нджело> учит здесь не о любви, а о кристаллизованной любви, *об искусстве* (курсив мой). (Утверждаю пока голословно, т. к. показать я это могла бы не филологическими соображениями, конечно, а лишь в своем методе и общем контексте мыслей, чего сейчас, естественно, делать не смею). Три приведенные строки говорят не о том, о чем говорят все остальные; они – выпадающие строки. Есть такие в каждом почти Буонарротиевском сонете. В них его особенность. О, Вы абсолютно правы: к каждой почти мысли М<икель>-А<нджело> можно найти созвучное учение у Данте и особенно у Платона. Но в этом – *почти* – все дело. Если сопоставить все микельанджеловские отклонения, то получится нечто новое. Да и там, где отклонений как будто бы нет, где М<икель>-А<нджело> покорно повторяет мысли Учителя, мысли эти вызваны иной, чем у Платона, потребностью, выражают иное устремление духа, а значит (ведь основное устремление вещи есть ее бытие), и иное Бытие. Платон и Микель-Анджело омонимически – о Разном.

И как знаменательно, что Вы в стихах не пожелали передать это Разное.

М<икель>-А<нджело> писал, а Вы переводите сонеты "на другой день после Dies Irae", когда "ощущаешь себя... пробужденным семью громами, отрекшимся... уцелевшим на малом острове среди 'взрыва всех смыслов', скучающим при пении всех культурных сирен... поставленным перед последним выбором...", когда "чувство глубокой, душевной, *синкретической* усталости и немощности перед ужасающей трагикой совершающейся жизни... возрастает"... Характер трагической обреченности и пути обретения Имени у Вас с М<икель>-А<нджело> во многом подобны (несмотря на все необоримые эмпирические несхожести). Но в "Слепительном Да", глядящем из "Непримиримого Нет",[1] есть и момент воли к спасению *своей* личности и судьбы (таков уж возраст микельанджеловского и нашего века) и здесь Вы друг от друга отличны. Все преступления границ, а значит, и подлежащие оправданию акты, лежат у М<икель>-А<нджело> в сфере чрезмерностей искусства, у Вас – в сфере пристрастий жизни. Потому для

М<икель>-А<нджело> "stima"– благоговение-славословие.

Для Вас – благоговение-любовь.

Не сердитесь на меня, Вячеслав Иванович, и отнесите нижеследующее признание на счет моего невежества вообще, и специально – в области итальянского языка, но каюсь, – и после прочтения Вашего перевода я продолжаю думать, что: (1) Поэзия – не самая совершенная из дарованных М<икель>-А<нджело> форм объективаций. (2) Ваше переложение в художественном отношении стоит выше оригинала и (3) "Удельно" весомые мысли не обязательно должны передаваться "тяжелым" стихом (что Вы сами показываете).

Надеюсь, Вы не принимаете это интимное письмо за то, чем оно не хочет быть: за пробу моей о Вас работы. Работать и писать я стала бы, конечно, в методах и формах известного Вам этюда о М<икель>-А<нджело>. Что же касается[2]

7. VII. 26.

Как досадно! Прошло 12 дней, и за эти 12 дней я не смогла ни отправить денег Лидии Вячеславовне, ни дописать Вам письма. То и другое сделаю теперь незамедлительно. Дело в том, что и я сама, и Мария Борисовна, кот<орая> могла бы заменить меня, были больны; а последнее время Мар<ия> Борис<овна> (замечательная она женщина, М<ария> Б<орисовна>, булатом оказалась, окрепшим от ударов судьбы) все дни и

ночи проводит у Цявловских. Там случилось ужасное несчастие: утонул Андрюша. Вы его знали? Редко прекрасный юноша – светлый, умный, сильный. Возможность самоубийства исключается. В прошлый понедельник днем Андрюша пошел купаться (мать сама его послала) и пропал. Его нигде не могли найти. Только в четверг вечером из "бюро происшествий" дали знать, что всплыл какой-то труп молодого человека и отправлен в морг. В морге Мстислав Алекс<андрович> опознал до неузнаваемости обезображенное тело сына. Софье Сергеевне его не показали, привезли в заколоченном гробу. Вскрытие обнаружило, что даже разрыва сердца не произошло. Андрюша захлебнулся, попав в яму...[3]

В прошлом году утонул единственный сын Богословского, теперь – единственный сын Цявловского, недавно умер после тяжкой болезни единственный сын Фриче. Все они молодые, крепкие телом и духом, нужные. А – далеко ли идти за примером? – у нас в семье жена умершего дяди, старая, страдающая слабоумием и эпилепсией, никому, даже собственным детям ненужная, прозябающая в сумасшедших домах, живет и, как говорят врачи, долго еще проживет, т. к. у нее здоровые зубы, желудок и сердце. Ну как тут сохранить веру в Мудрость Провидения?! Научите!!

У меня к Вам огромная просьба, Вячеслав Иванович, мне необходимо от Вас получить наставление, которое Вы один только и можете дать. Вот уже скоро два года как медленно умирает Клара Моис<еевна> (Вы ведь помните ее?). Сначала все думали, что она вот-вот уйдет. Врачи давали двух-трехнедельный срок. Эти две недели протянулись до нынешней зимы, когда Кларе вдруг стало лучше. Тогда-то я, как Вам говорил Евс<ей> Дав<идович>, и собралась уезжать. Но наступило резкое ухудшение. Несчастная буквально заживо разлагается. Все тело покрылось красными пятнами, темп<ература> по вечерам 40°, каждую ночь ее мучают приступы грудной жабы, но организм борется с болезнью геркулесовски и, думаю, в течение некоторого времени (недели, месяца – как знать?) смерть будет отгонять. Голова работает со всей, отпущенной ей в нормальном состоянии, ясностью, и больная по-своему живет: т. е. занимается, раздражается, огорчается всякой ерундой; вся она в суете сует, за кот<орую>, как за соломинку, хватается. Я так подробно описываю, чтобы ясно поставить вопрос. Вы мельком видели, но своим пронзительным взглядом, наверное, насквозь увидели Клару. Пустая, корыстная, холодная, она прожигала свою жизнь в роскошных кабаках и за игорными столами. Она объездила полмира, но видела только дорогие гостиницы и рестораны; она встречала массу интересных людей, но пользовалась ими лишь как объектами для интриги или flirt'а. И все же она обладала такой легкостью, дерзостью, наивностью в требованьи успеха, таким артисти-

ческим даром владенья своей красотой и уменья играть мужскими сердцами, что она была уведена в сферу эстетического и как-то там спасена. Если бы она погибла на том пароходе, кот<орый> вез ее в августе 1914 г. из Англии в Россию (мало ли пароходов тогда погибало?) ее жизнь можно было бы назвать счастливой, если бы...

> "Жди же, смертный, в каждой жизни завершительного дня,
> Не считай счастливым мужа под улыбкой божества
> Раньше, чем стопой безбольной рубежа коснется он".[4]

Потом пошло: потеря за потерей. Потеря состояния, успеха, красоты и, наконец, здоровья. Мне все казалось: испытания, непосильные для прелестного зверька, ему ненужные, но, быть может, на то и посланные, чтобы зверька превратить в человека. Ничуть не бывало: на пороге смерти Клара утратила свой эстетизм; но взамен не приобрела никакой другой духовности. Она существует только вегетативно и при том раздражена, озлоблена, всех и вся ненавидит, ко всем ревнует молодость, здоровье, право на жизнь. Скажите, какое поведение Вы считали бы по отношению к ней правильным? Все тешат ее наличностью и перспективой веселеньких пустячков, разжигают любовь к земле, чем увеличивают боль; и уверенно утверждают, что так *надо*. Я всем существом своим чувствую, что так *не надо*, но понимаю, что пустячки – та сила, что отгоняет от нее смерть, что боль и злоба – последние ниточки, привязывающие ее к жизни. Нужно, можно их надрывать? Обращаюсь к Вам, Учителю. Ответьте! Научите, что мне следует делать! Буду напряженно ждать Вашего совета. Если я в чем-нибудь виновата перед Вами, выругайте меня какими угодно словами, но не карайте, не мучайте молчанием...

Письмо недопустимо затянулось. Потому оставляю до следующего все, что мне хочется сказать по поводу Вашей статьи в "Театр<альном> Окт<ябре>", единственной не только в сборнике, но во всей современной литературе, по глубине и захвату мыслей, волнительной, как все Ваши писанья. Ограничиваюсь деловой стороной: Мейерхольдов в Москве до сих пор нет. Узнала, что вернутся они дней через 5-6. Тогда с Зинаидой Ник<олаевной> обо всем переговорю и вышлю все следуемые Вам экземпляры статьи.

Что касается искажающих смысл опечаток, то в допущении их Вы сами немного повинны. Какое Вы имели основание доверять незнакомым Вам и (эвфемистически выражаясь) несозвучным корректорам, почему Вы не попросили кого-нибудь из друзей держать за Вас авторскую корректуру? Пишу это, конечно, не в целях упрека, а предупреждения на следующий раз.

Предложение Ваше Главнаукой получено было, но попала бумага не к тем лицам, кот<орые> в ней заинтересованы, и потому провалялась зря. Теперь бумагу раскопали, *любезность Вашу оценили,* но используют ее, вероятно, несколько позднее. <...> Ведь я Вас просила одновременно с отправкой заявления меня об этой отправке известить. Я очень хорошо понимаю, что это показалось Вам ненужным затруднением. Но если б Вы это сделали, отношение Ваше дошло бы вовремя, сразу куда надо.

Теперь вот какая у меня к Вам убедительная деловая просьба: Пожалуйста, вышлите мне доверенность, только настоящую, написанную по форме и обязательно *засвидетельствованную в нашем полпредстве.* Доверенность *полную* или, по меньшей мере, общего характера на право получения за Вас денег, где бы они ни случились etc.

Посоветуйтесь с Пл<атоном> Мих<айловичем> Керженцевым; он, конечно, знает, как надо такие доверенности составлять.

Если до сих пор я за Вас получала бумаги и деньги, то это не столько потому, что у меня была Ваша доверенность (присылаемые Вами, никем не заверенные записки, в сущности, таковой не являлись), сколько потому, что люди и учреждения, с которыми мне приходилось сталкиваться, и без записок имели ко мне доверие. Да к тому же Цекубу ни в какой мере не было заинтересовано в задержании Ваших денег. Но издат<ельство> "Нов<ая> Москва" в полной мере заинтересовано в их задержании и, когда дело дойдет до расплаты (а, судя по всем признакам, дойдет оно скоро), издательство обязательно начнет придираться ко всяким формальностям, почему с этой стороны все должно быть в порядке. Я знаю, что процедура оформления доверенности – процедура канительная и драгоценная, но и Вы ведь знаете, что я всегда старалась Вас минимально затруднять при устроении Ваших московских дел, и потому: раз уж я Вас затруднять решаюсь, значит, – это необходимо. Без нотариальной (полпредской) доверенности я рискую попасть в ложное положение, что надолго затормозит дело.

Ввиду того, что доверенность – удовольствие дорогое, советую Вам сделать ее исчерпывающе полной (на ведение Ваших дел, получения за Вас денег и бумаг etc. etc., по возможности долгосрочной (года на два по крайней мере) и предоставить мне право передоверия (ведь в случае моего отъезда – а уеду же я когда-нибудь! – никто никуда за Вас обратиться не сможет. Мне нечего, конечно, предупреждать Вас, что передоверять я стану лишь с Вашего на то разрешения).[5] <...>

О Лидии Вячеславовне я со многими музыкантами говорила. Провести печатанье ее произведений, имея в руках лишь их наименования, совершенно невозможно. У нас вообще по причине "режима экономии" печатанье затруднено. Сообразив, что раньше, чем быть напечатанным,

молодому композитору полезно быть услышанным, я получила от председателя Муз<ыкальной> Ассоциации обещание исполнить ф<орте>п<ьянные> вещи Лидии Вячеславовны на одном из открытых собраний Ассоциации, где бывает вся музыкальная и музыкантская Москва. Об этом подробно напишу Лидии Вячеславовне, напишу отдельно, чтобы не задерживать этого письма. Сейчас мертвый сезон. Концерты начнутся не раньше сентября.

Спасибо за прелестные марки. Кого благодарить – Вас или Димочку?

Мария Борисовна просила Вам передать самые нежные и сердечные приветы.

Наши все кланяются. Целую Лидию Вячеславовну и Димочку. Примите пожелания всего наилучшего от глубоко Вам преданной О. Шор.

P. S. О Вашем Египетском плане Юша мне никогда, ничего не писал. Узнала я об нем от Якушкина,[6] кот<орый> сообщил мне это по Вашему "поручению" и просил пока никому не говорить, что я и исполнила. Возвращаться в Баку, конечно, нет смысла, да и необходимости нет: академическое обеспеченье получать будете, гонорар у "Нов<ой> Москвы" выцарапаем, а там – что Бог даст. Жду письма. Еще привет.

О. Ш.

[1] Цитата из ст-я Иванова "Огненосцы" (II, 243).

[2] На этом первая часть письма обрывается.

[3] Сын М. А. Цявловского, студент-востоковед Андрей Мстиславович Цявловский (1906-1926), утонул в Москве-реке 28 июня 1926 (см.: К. П. Богаевская. Рядом с Цявловскими // М. Цявловский, Т. Цявловская. Вокруг Пушкина. Издание подготовили К. П. Богаевская и С. И. Панов. М. 2000, с. 10).

[4] Источник цитаты установить не удалось, однако утверждение "никто не может считаться счастливым прежде смерти" встречается от Библии (Сирах I, 11, 28) до Петрарки (сонет 36). В античной литературе о том же говорит Софокл ("Царь Эдип", 1497), Еврипид ("Андромаха", 100) и Овидий ("Метаморфозы", 3, 136-137), цитата из которого в переводе С. Шервинского звучит так: "Но дня последнего должно // Ждать человеку всегда, и не может быть назван счастливым // Раньше кончины никто, до обрядов о нем погребальных". Монтень в первой книге "Опытов" рассказывает о Солоне, который предупреждал Креза: "что как бы приветливо ни улыбалось кому-либо счастье, мы не должны называть такого человека счастливым, пока не минет последний день его жизни..." (Сообщено Е. Тахо-Годи).

[5] Доверенность от 27 июля 1926 года, составленная по просьбе О. Шор, находится в РАИ: "Настоящею доверенность нижеподписавшийся уполномачивает гражданку Ольгу Александровну ШОР, проживающую в Москве, в Малом Знаменском переулке, в д. № 7, управлять и распоряжаться всем принадлежащим ему ныне и впредь могущим принадлежать имуществом, а равно заведовать всеми его делами, продавать, закладывать и отчуждать из

его имущества, что она найдет нужным, получать деньги, ему причитающиеся, и деловые бумаги, как от государственных учреждений, так и от частных мест и лиц, вести с учреждениями и частными лицами от его лица переговоры и заключать договоры. Для выполнения всего вышеизложенного можете Вы пользоваться всеми правами, необходимыми для успешного ведения и окончания возложенных на Вас дел, в том числе имеете Вы права совершать все без исключения законом разрешенные акты, договоры и сделки, всюду подписываться и расписываться за меня, получать от всех без исключения правительственных, кооперативных и частных мест и лиц всякое принадлежащее мне имущество и деньги, предъявлять иски и обвинения, давать словесные и письменные объяснения, подавать всякого рода прошения, заявления и всякого наименования судопроизводственные бумаги, получать справки, копии, удостоверения, исполнительные листы и прочие документы, а равно присужденное мне имущество и деньги, оканчивать дела миром на суде, приводить решения в исполнение всеми законными способами, словом, пользоваться всеми правами, предоставленными законом истцу, ответчику и третьему лицу. Полномочия эти в полном составе или по частям можете передоверять другим лицам с правом дальнейшего передоверия.

Доверенность эта дана сроком на три года <сверху исправлено карандашом на “бессрочно” – прим. комм.>.

Во всем, что Вы по этой доверенности учините, Вам и лицам, коим Вы передоверите эти полномочия, верю и спорить не буду.

Вячеслав Иванович Иванов, проф. Бакинского Гос. Университета, команд<ированный> заграницу.

Генеральное Консульство СССР в Италии настоящим удостоверяет подлинность подписи профессора Бакинского Ун-та Вячеслава Ивановича Иванова на настоящей доверенности. Рим, 27 VII 1926, № 31.

Настоящая доверенность составлена и засвидетельствована Генеральным Консульством СССР в Риме в соответствии с законами СССР, что подписью Генконсула и приложением печати подтверждается.

Генконсул СССР в Риме *Рембелинский*”. Внизу листа – штамп и печать Первой Государственной Нотариальной Конторы в гор. Москве о передоверии доверенности на имя Гершензон М. Б., состоявшееся 27 декабря 1926 года.

[6] Неустановленное лицо.

4. В. И. Иванов – О. А. Шор
11 июля 1926 г. Рим.

11 июля 1926.

Дорогая Ольга Александровна.

Не пропало ли ваше “заказное письмо”, которое Вы намеревались послать немедленно вслед за открыткой с добрыми вестями?[1] – ибо письма я так и не получил, и это меня беспокоит. Получил же я:

1) пятьдесят долларов, – но без дополнения до высоты двухмесячного оклада;

2) выписку из протокола НКП о продлении командировки на год, по предложению А. В. Луначарского;[2]

3) отношение Главнауки с просьбою о высылке итальян<ских> узаконений о раскопках; я на это потрачу 36 лир + лиры 3 за пересылку, каковую сумму благоволите получить из Музейного отдела, который об этом предупрежден.

Итак, плотная занавесь скрывает от меня Вас и все то, о чем Вы имели бы меня осведомить.

Главнейшее событие у нас – блестящий успех Лидии с ее симф<онической> поэмой "La Nuvola" ("The Cloud" – Shelley) и на выпускном экзамене по композиции (3-х-суточное заключение для написания партитуры на заданную тему – "оперная (лирическая) сцена").[3] Она получила одна полный балл и кончила первою из выпущенных в этом году 4 молодых "maestri di composizione".[4]

Вопрос о возвращении в Баку решил я отрицательно. Там, при введении московской схемы, мне не только остается мало работы, но и кроме того "педфак" усиленно тюркизируется.[5]

Ф. Ф. Зелинский мне пишет: "Удивился я, прочтя, что Луначарский издает библиотеку поэтов в русс<ких> переводах,[6] между прочим Эсхила, последнего под своею редакцией. А перевод чей? Возможен ли другой, когда есть Ваш? А если Ваш, то к чему его редакция? Написал Сабашникову[7] с просьбой навести справки. Думаю, что и Вас это дело заинтересует, тем более что Вы с Л<уначарским> были когда-то хорошо знакомы".[8] .... В самом деле, этот вопрос меня не только интересует, но и волнует. Неприятно быть заживо погребаемым. Кем? Быть может, Сергеем Мих<айловичем> Соловьевым, кот<орый>, кажется, дал "Орестею" для театра.[9] Я имею все права на опубликование моего *готового* не принадлежащего Сабашникову[10] и им не изданного перевода. Ради Бога, позаботьтесь, всевидящий и всепромыслительный ангел мой, о сохранении моих прав. Я именно нуждаюсь в заказе переводов и хотел бы предложить Ан<атолию> Вас<ильевичу> своего *Данте**. Керженцев писал об этом Ионову,[11] тот не отозвался. Ведь Брокгаузом-Эфроном был заключен (ныне не действительный) договор со мной о переводе "Б<ожественной> Комедии",[12] и я принялся было за "Purgatorio".[13]

Посылаю, что написалось. Ваш душой Вяч. Ив.

*Таиров[14] был у меня, обещал поговорить с А<натолием> В<асильевичем> об этом, т. е. о поручении мне Данте. – Что же с гонораром "Антологии"? – безнадежно?

[1] Открытка от 9 апреля 1926.

[2] Выписка из протокола № 22 заседания Комиссии по научным заграничным командировкам при Наркомпросе РСФСР от 4 июня 1926 г. находится в РАИ: "*Слушали*: Заявление проф. В. И. ИВАНОВА о продлении срока его заграничной научной командировки по июнь 1927 г. Просьбу поддерживает А. В. Луначарский. *Постановили*: Продлить срок заграничной командировки В. И. ИВАНОВА по июнь 1927 г., без дополнительной субсидии из кредитов Наркомпроса. Выписка верна: За секретаря Комиссии *Станкевич*".

[3] См.: Иванова, с. 145-146.

[4] Композиторов (ит.).

[5] Об изменениях, происходивших в Бакинском университете см.: Котрелев 1968, с. 338-339, прим. 64.

[6] С 1926 года в Госиздате стала выходить серия "Русские и мировые классики" под редакцией А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова.

[7] Михаил Васильевич Сабашников (1871-1943) – издатель.

[8] Иванов цитирует письмо Зелинского от 6 июня 1926 г., см. письма Зелинского к Иванову в наст. изд.

[9] Поэт, прозаик и переводчик С. М. Соловьев (1885-1942) перевел трилогию Эсхила для постановки во 2-ой студии МХТ'а.

[10] Утверждение Иванова противоречит письмам от 9 августа 1926, адресованным О. Шор и М. Сабашникову; в последнем он подтверждает: "*Принадлежит мой Эсхил Вам*". (Эсхил. Трагедии. В переводе Вячеслава Иванова. М., Наука, 1989, с. 514-515).

[11] Илья Ионович Ионов (наст. фамилия Бернштейн, 1887–1942) – издательский работник, заведующий Петроградским отделением Госиздата.

[12] Текст договора от 14 мая 1920 года см.: РИА I, с. 547-548. Договор потерял силу, так как издательство перестало выплачивать гонорар.

[13] "Чистилище" (ит.).

[14] Александр Яковлевич Таиров (1885-1950) – режиссер.

5. В. И. Иванов – О. А. Шор
16 июля 1926 г. Рим.

Рим, 16 июля 1926.

Дорогая Ольга Александровна.

Наконец я дождался Вашего большого письма и убедился, что на почте ничего не пропало. Зачем Вы построили его в форме апологии? Как мог я, хоть на мгновение и в мыслях, роптать на Вас, mon ange protecteur,[1] на Вас, за меня жертвоприносящуюся непрестанно, и днем, и –

наверное – ночью обо мне промышляющую? Выводить из упоминания об "унылости" некую мнимую вину свою столь же неосновательно, мой дорогой философ, как из остроумных соображений по поводу моей передачи Микель-Анджелова понятия "stima" – превосходство моего стихотворного переложения перед оригиналом. Чем же оно хорошо, если, капитулируя перед "тяжелостью" подлинника, eo ipso[2] отказывается передать его внутренний ритм?.. Еще больший упрек Вам за излюбленный Вами прием тонкого мучительства, за Ваш всегда болезненно действующий на меня припев: "затруднять Вас чтением писем, в которых не имелось бы для Вас лично (!) интересных сообщений, я никогда не решаюсь – потому что хорошо знаю свое место (?!). Думается, никогда я не осмелюсь считать просто лирическое письмо к Вам не только своим долгом, но хотя бы своим правом".[3] Неужели Вы, тонкий психолог и мнительнейшая моралистка in praxi,[4] не чувствуете, что слышать это... обидно?[5] – Три Хариты (Grazien) во 2-й части "Фауста" (акт 1), держась за руки и танцуя, учат у Гете: одна – искусству дарить, другая – искусству принимать дар, третья – красоте благодарности.

Aglaïa: Anmuth bringen wir ins Leben;
Leget Anmuth in das Geben.

Hegemone: Leget Anmuth ins Empfangen!
Lieblich ist's, den wunsch erlangen.

Euphrosyne: Und in stiller Tage Schranken
Höchst anmuthig sei das Danken.[6]

Ваша изысканная гордость отнимает "Anmuth" у Вашего "Geben".[7] Она осложняет каким-то чуждым и тяжелым элементом и, несомненно, омрачает простые и светлые отношения доверчивой дружбы, которая выросла и крепнет между нами... Разве Вы не знаете, что Вы для меня не только un ange gardien,[8] не только интереснейшая собеседница, совопросница и сочувственница, но и дорогая, любимая душа?

Вы пишете мне пространную и ничем, кроме Вашей мнительности, не вызванную апологию, а я отвечаю все новыми обвинениями. Как допускаете Вы в свою душу эту чудовищную мысль, что от бедной Вашей тети не нужно "отгонять смерть"? Конечно, правы те, кто, веселя ее, стремятся поддержать ее нескудеющую волю к жизни. Они кормят ее душевно, как питают физически. Это наша прямая и простейшая обязанность по отношению к ближнему – даже в глазах буддиста, который желал бы, чтобы воля жить замерла в человеке, но лишь путем медленного внутреннего и вполне самопроизвольного процесса. Единственное, что ей

нужно, – это нежная и почти нечувствительная помощь в направлении ее мыслей на предметы веры в Бога и будущую жизнь, но опять в свете любви к жизни, а отнюдь не под угрозой близкой смерти. Что же до характеристики Клары Моисеевны, которая понравилась мне как тип, жизнь утверждающий, хотя, благодаря односторонности и непросветленности этого жизнеутверждения, и эгоистический по преимуществу, – не забывайте, что самая жизненность – уже sui generis[9] добродетель.

Известие о несказанном горе Цявловских глубоко меня поразило. Я напишу на днях Мстиславу Ал<ексан>дровичу.

Провидение, Ольга Александровна, не критикуйте и не испытывайте. В Бога можно только либо верить – и тогда уже цельно, – либо не верить. Если бы какая-нибудь гипотеза удовлетворительно для нашей мысли разрешала проблемы страдания и видимого неравенства человеческих участей, она была бы сомнительна именно в меру своей удовлетворительности с точки зрения humanae Rationis.[10] Это можно сказать, например, об антропософическом варианте теории перевоплощений. Что именно желательно для личности, в чем ее благо и ее счастье в последнем и единственно истинном смысле, мы не знаем разумом и прозреваем разве лишь глазами веры в самом общем, но для строго и цельно верующего достаточном смысле: fiat voluntas Tua.[11]

До скорого, следующего письма! Упоминал ли я уже, что Лидия кончила курс первой из 4 выпущенных новых maestri с полным баллом (что здесь редкость) за клаузурную[12] 3-дневную работу по композиции и что исполнение “Облака”, прекрасно и сильно прозвучавшего в оркестре, было серьезным успехом. Доверенность пришлю на днях[13] и квитанцию об отсылке книги в Главнауку. Дима благодарит за чудные марки. Ваш В. И.

[1] Мой ангел–покровитель (фр.).

[2] Тем самым (лат.).

[3] См. письмо № 3 за 1926 г. в данной публикации.

[4] В жизни (лат.).

[5] О. Шор отвечает на это в письме от 30 июля 1926 г.: “Я Вас так благоговейно люблю, что совершенно не могу понять, как какое бы то ни было высказыванье моего чувства к Вам может быть ‘обидным’. Я не признаю никакой субординации (здесь я абсолютно свободна), но духовную иерархию остро ощущаю и принимаю в полной мере: если Вам угодно подносить мне дары своей “дружбы”, то я могу их принимать не иначе как коленопреклоненно с воздетыми руками: что же тут обидного для Вас?!”

[6] *Аглая:* Жизнь даря, в ее даянье
Вкладывайте обаянье.

Гегемона: Обаяния печатью
Наделяйте восприятье.
Ефросина: Обаятельней всего
Благодарных существо.

(Пер. Б. Пастернака)

[7] "Обаянье" <у Вашего> "давать" (нем.).

[8] Ангел-хранитель (фр.).

[9] Своего рода (лат.).

[10] Человеческого разума (лат.).

[11] Да будет воля Твоя (лат.).

[12] От итальянского "clausura" – затвор.

[13] См. прим. 4 к письму № 3 1926 г.

6. В. И. Иванов – О. А. Шор
9 августа 1926 г. Рим.

9 авг<уста> 1926.

Дорогая Ольга Александровна.

Только что получил Ваше письмо об Эсхиле[1] – со вложением коллективного привета по поводу пропагандируемой Вами (зачем?!) моей трагикомической шутки.[2] Я глубоко благодарен ее друзьям за их ласку и plausus,[3] но далеко не уверен в том, они ли правы или Максим Горький, столь высоко меня оценивающий, что шутку эту он считает недостойною моего пера и меня, как "учителя"...[4]

Но оставим это, ибо я спешу ответить на Ваш спешный запрос. Мое отношение к М. В. Сабашникову в деле об Эсхиле не может быть квалифицировано ни как "лирическое", ни как "юридическое".[5] Я надеюсь, что оно просто морально-честное отношение. Подумайте: 1) он мне Эсхила заказал; 2) он мне Эсхила оплатил – лучше, чем был по договору обязан; 3) он рукописи мои спасал и спас в роковую минуту, когда не думал о спасении собственного добра и собственных дорогих его сердцу вещей, рукописей, писем, портретов и пр., которые и погибли;[6] 4) он предоставлял мне неограниченную свободу забирать у него назад представленное ему для переделок;[7] 5) он разорился и все же своей бескорыстной просвети-тель<ско>й деятельности не оставил. Б<ыть> м<ожет>, Вы помните, как в самый день нашего отъезда заграницу он привез мне, в виде новой оплаты уже оплаченной однажды "Орестеи", с трудом добытые деньги на

дорогу. Итак, ничего без его согласия и одобрения я предпринимать *нравственно* не могу. Поэтому все, что я могу и должен сделать, это просить Вас о личной передаче ему прилагаемого письма,[8] с коим прошу Вас ознакомиться: прочтя его, Вы, я думаю, убедитесь, что путь, мною избранный, есть единственный правильный.

Спешу кончить это письмо и отнести его на почту, пока не поздно. Сегодня я получил 44 доллара. Недавно Лидия получила 30 долл<аров>. Раньше были высланы 50 долларов. Спасибо Вам, дорогая! Если бы Вы знали, как важно для нас правильное получение академ<ического> обеспечения! Итак, Цекубу расплатилась со мной за апрель, май и июнь: не так ли? Получена ли Вами доверенность и удовлетворительна ли она?

Прерываю письмо.

Ваш Вяч. Ив.

[1] Письмо О. Шор от 30 июля 1926 г.

[2] Речь идет о пьесе "Любовь – мираж?": "Как-то (давно уже то было) после настоятельных просьб Горностаева я прочла Вашу трагикомедию (из рук я ее выпускать не хотела) в небольшом обществе. Пьеса произвела потрясающее впечатление своей трагической частью. 'Ну и опереттка, – вздохнул кто-то, – мороз по коже дерет; ну и опереттка!' Некоторые из слушателей пожелали выразить Вам свою благодарность. Посылаю Вам их строки. Простите, что я показала вещь Вашу без Вашего на то разрешения, но Вы ведь не приказывали держать ее в тайне..." (Письмо О. Шор от 30 июля 1926 г.).

[3] Одобрение (лат.).

[4] Иванов цитирует определение из письма Горького от 19 октября 1924 г., где говорится, что роль его в истории поэзии – "роль мастера, учителя, вождя" (Котрелев 1995, с. 190-191).

[5] Выражение О. Шор из письма от 30 июля 1926 г.: "Что же касается Ваших обязательств по отношению к Сабашникову, то о лирической стороне я судить, конечно, не могу, но юридически Вы совершенно свободны даже и в том случае, если б Саб<ашников> Вам полностью оплатил перевод".

[6] Во время пожара 1917 г. в московской типографии. В предисловии к изданию 1926 года Иванов утверждает, что Сабашников спас *единственный* список "Орестеи" (Эсхил. Трагедии. В переводе Вячеслава Иванова. М., Наука, 1989, с. 196).

[7] Первый вариант "Орестеи" был представлен в издательство в 1917 году; Иванов забирал манускрипт для доработки из редакции еще по крайней мере 2 раза – в 1920 году, а затем в августе 1924 года. Подробнее см.: Котрелев 1989, с. 510-511.

[8] В письме от 9 августа 1926 г. Иванов просит Сабашникова дать "Орестее" возможность увидеть свет как можно скорее для сохранения приоритета переводчика (см. там же). Если издательство не в состоянии выпустить Эсхила немедленно, оно может уступить рукопись ГАХН для единственного, причем безгонорарного, издания. При повторных публикациях права собственности Сабашникова на перевод сохранятся и будут специально оговорены в предисловии к книге, как и его роль в деле публикации "Орестеи". В письме от 23 сентября

1926 г. О. Шор тем не менее сообщает, что Академия обязуется выплачивать гонорар по мере того, как книга будет расходиться.

7. В. И. Иванов – О.А.Шор
11 сентября 1926 г. Рим.

11 сент<ября> 1926.

Дорогая Ольга Александровна.

Вы стали так скупы на письма, что я, напр<имер>, до сих пор так и не знаю, получена ли моя доверенность. М. В. Сабашников написал мне, вот уже с неделю тому назад, что передает Вам рукопись:[1] дело теперь за Академией Х<удожественных> Н<аук>, но Ваше молчание знаменует новые затруднения? Я уже писал и Петру Семеновичу – между прочим прося его по возможности содействовать плану поручения мне каких-либо классических переводов, – Данта, думал бы я, ибо какую другую пользу могу я принести, при современных условиях и моих данных, обществу, как не перевод Данта? – будучи вообще "ненужным элементом". Так выходит по моему крайнему разумению. Цекубу благодарен я бесконечно, но должен признаться, что ее постоянные задержки не позволяют ни на что рассчитывать. Вот, примерно, уже 11-ое, а денег все нет.

Напишите, дорогая, обо всем, как и что.

Спешно хочу успокоить Вас (ибо Вы, б<ыть> м<ожет>, в тревоге и недоумении), что у меня здесь есть копия "Орестеи" и я пересматриваю ее опять, исправляя все опечатки и внося новые перемены в текст: так что при печатании книги у Вас будет канонический экземпляр, коего и нужно будет тщательно держаться. В корректуре Вам поможет, м<ожет> б<ыть>, Шпетт Густав Густавович, а в случае нужды можно консультировать с Новосадским.[2] Ваш

Вяч. Ив.

Что у вас в семье. Мне как-то тревожно за Вас. Мои еще на даче. Дойдет ли это не заказное письмо благополучно?

[1] Письмо М. В. Сабашникова от 27 августа 1926 г. Сабашников, сознавая важность обнародования ивановского перевода не только для поэта лично, но и для русской культуры в целом, и не располагая в данный момент возможностями напечатать книгу, которая не окупится немедленно, просит лишь подтвердить права издательства в будущем, что имеет для

него скорее символическое значение: “<...> чтобы издательство пережило меня, как оно уже пережило других своих основателей” (Котрелев 1989, с. 516-517).

[2] Николай Иванович Новосадский (1859-1941) – филолог-эллинист, с 1919 по 1934 гг. заведовал Отделом классической филологии Гос. библиотеки им. В. И. Ленина в Москве (до 1925 г. носившей название Библиотеки Румянцевского музея).

8. В.И. Иванов – О.А. Шор
После 11 сентября 1926. Рим.[1]

Дорогая Ольга Александровна.

На днях писал Вам. Дошло ли не-заказное? Сегодня посылаю письмо по строгому наказу Лидии, от которой вчера вечером получил прилагаемое с требованием не задерживать пересылки.

Повторяю, что Ваше молчание тревожно. Сабашников сообщил мне о передаче рукописи Вам. Нет ли затруднений в Академии Х<удожественных> Н<аук>? Все ли у вас благополучно в семье? Здоровы ли Вы?

Занимаюсь исправлением копии “Орестеи”, которая будет выслана Вам для руководства при печатании. Печатать нужно все так, как значится не в Вашем экземпляре, а в этой ныне мною окончательно редактированной копии. *Это очень важно.*

Из банка получил повестку. Должно быть, очередная Ваша высылка из Цекубу? За *июль,* не правда ли? – или я спутал?

Спешу на почту. До свидания, т. е. – увы, только до Вашего ожидаемого письма!

Ваш Вяч. Ив.

[1] Датируется по содержанию. 23 сентября 1926 г. О. Шор отвечает на оба письма: “Очевидно, одно письмецо мое к вам пропало. (Я его послала не заказным, т. к. мне некогда было идти на почту). Отсюда ваше волнение за судьбу Эсхила. Спасибо Вам за добрую тревогу о моей жизни. У нас в семье действительно не все благополучно. Клара умерла”.

9. В. И. Иванов – О. А. Шор
11 октября 1926. Рим.[1]

11 окт<ября>.

Дорогая Ольга Александровна.

Итак, бедная Клара Моисеевна скончалась! Мир ей. Как ни держалась она за жизнь, все же так лучше: отстрадала, и успокоилась.

О себе скажу Вам большую для нас и – имея в виду великую трудность жизни – радостную новость, но скажу конфиденциально: с ноября по май приглашен я в Collegio Borromeo при павийском университете, где буду жить и чем-то заниматься со студентами.[2] Содержание, говорят, будет очень хорошо (но главное и несомненное – это красота палаццо XVI в<ека>, в котором помещается древний Collège), а жалованье будет столь ничтожно, что нечего и думать отказываться добровольно от обеспечения Цекубу, как я сделал бы в прошлом году, если бы приглашение в Египетский университет не разлетелось, благодаря тамошнему "сокращению штатов", в дым. С последних чисел октября в Риме меня не будет, останутся Лидия и Дима одни. Деньги, имеющие прибыть сюда после 25 окт<ября>, лучше адресовать на имя Лидии. Потом дам более точные указания.

Пересылаю затребованную бумагу, хотя, по моим отсталым представлениям, в академию выбирают без заявлений о кандидатуре и биографий.[3] Или я не так Вас понял и не то, что нужно, написал? Тогда уничтожьте бумагу и не конфузьте меня ее представлением в Академию.

Предисловие я также написал,[4] но еще не переписал и пришлю его через день или два. Денег за "Антологию", судя по всему, Вы не добились.

Спасибо Вам от сердца, родная Ольга Александровна.

Ваш душой

Вяч. Ив.

Адрес в ноябре:

Collegio Borromeo, Pavia.

[1] Датируется по содержанию. Ответ на письмо О. Шор от 23 сентября 1926 г.

[2] Collegio был основан San Carlo Borromeo в XVI веке. О Колледжо Борромео и его устройстве см.: Иванова, с. 162-182; Д. Иванов, с. 63-65, I, 175 и прим.

[3] О. Шор 23 сентября 1926 г. пишет: “<...> Академия может печатать лишь труды своих членов. Она просит Вашего согласия таковым стать. Тут требуются некоторые формальности: с Вашей стороны заявление, автобиография, перечень трудов. Конечно, формальности эти – ерунда. Академии хорошо известна и Ваша биография, и Ваши творенья и ей не нужно бумажек. Но ей ‘приятно хранить у себя автограф большого человека’ (слова Густ<ава> Густ<авовича>)”.

[4] “Предисловие переводчика” к “Орестее”. По сведениям Н. В. Котрелева, до 1933 года автограф хранился у Л. Я. Гуревич, затем был передан в Литературный Музей (Котрелев 1989, с. 196-198. См. также прим. 6 и 8 к письму № 6 от 1926 г.).

10. В. И. Иванов – О. А. Шор
16 октября 1926 г. Рим.

16 окт<ября> 1926.

Дорогая Ольга Александровна.

Вот и “Предисловие переводчика”. (Заявление в Ак<адемию> Х<удожественных> Н<аук> получено?[1]) И вот посвятительная страница:

Ѳаддею Францевичу
Зелинскому,
вдохновителю этого труда,[2]

переводчик

Все это заглавными буквами:

ѲАДДЕЮ ... ПЕРЕВОДЧИК

Кстати о фите. Она необходима в трудах о классической древности (я ее провел в своей книге о Дионисе, иначе получилась бы бессмыслица: исследование было бы и смешно, и лишено – буквально – смысла). Эгис*ф*а, *Ф*ив, Тал*ф*ибия, *Ф*иеста на свете не было. Фита в греческих словах совсем другое, чем *ф*ерт. Надеюсь, что мое упорствование в борьбе против засилья этого хулигана и влюбленность в престарелую фиту не покажутся “сущею ересью” и контрреволюцией нашим старообрядцам “новой” (кадетской и уже оказывающей разрушительное влияние на русскую *речь*, на *язык* наш) “орфографии”.[3]

Обложка:

Эсхил
ОРЕСТЕЯ
трагическая трилогия
I. Агамемнон. II. Плакальщицы. III. Эвмениды.

Перевод
Вячеслав<а> Иванова

То же на титульном листе.

Потом посвящение.

Потом предисловие переводчика.

Потом листок с надписью:

ОРЕСТЕЯ
(Действо об Оресте)
трилогия

Потом листок:

Трилогия. Часть первая
АГАМЕМНОН.
Трагедия.

Сличение с оригиналом и исправление моего экземпляра берет у меня много труда и времени. Он будет вскоре выслан для верности через наше посольство в Академию.

На Вашу помощь с корректурами полагаюсь, хотя, увы, слишком знаю, какой труд принужден взвалить на Ваши плечи, несущие на себе бремя всех грехов моих.

Но полагаюсь также и на Густава Густавовича, которому буду писать. Без его высшего призора дело все же будет ненадежно. Как ни прекрасно Ваше образование, Вы однако, дорогая, не филолог... И едва ли корректор... Ах, что-то будет с моим трудным текстом! Кто имеет глаз досмотреть за всеми этими так называемыми (vulgo[4]) "мелочами", от которых у ремесленников моего ремесла зависит *все*? Кто понимает теперь, кроме немногих избранных, которые будут облечены, как апокалиптические девственники, в белую одежду, русский язык настолько, чтобы не заменять моих слов своими, заимствованными из ходячего словоупотребления? Кто, наконец, чувствует стихотворный метр настолько, чтобы не искажать "вестию" в "вестью", "великой радостию" в "великою радостью", или "великою радостью" в "великой радостью" и пр. и пр.?[5]

Сегодня только это. Спешу.

Простите. Ваш признательный и все же неблагодарный друг В. И.

О Данте я писал Петру Семеновичу. Таиров, конечно, все забыл. С ноября адрес: Collegio Borromeo, Pavia, – но и римский не беда: дочь перешлет. В. И.

[1] Иванов был принят в число членов-кандидатов ГАХН 3 декабря 1926 г. (Бёрд, с. 320).

[2] Монографическая статья Зелинского об Иванове в венгеровской "Русской литературе XX в" (М. 1917, с. 133), завершалась словами: "Все указанные свойства В. Иванова намечают его, как будущего переводчика Эсхила – и именно поэтому он от этой задачи уклониться не в праве. <...> Если есть заслуга, которою он может превзойти свои понынешние заслуги, то это – воссоздание Эсхила в русской поэзии".

[3] Орфографическая реформа 1917-18 гг., устранив буквы, не обозначающие фонем, сокращала количество традиционных написаний и частью затемняла внутреннюю форму слов. Для Иванова это было равносильно утрате культурной традиции, которая сохраняла преемственную связь России с греко-византийским миром, о чем он писал в статье "Наш язык" (1918). Говоря о новой орфографии как об орфографии "кадетской", Иванов, возможно, подразумевает политические взгляды А. А. Шахматова (последнее сообщено Б. А. Успенским).

[4] В просторечии (лат.).

[5] О. Шор в письме от 20-24 января 1927 г. уверяет Иванова: "Корректуру прочтет Любовь Яковлевна Гуревич; она прекрасный корректор, а здесь еще особенно постарается. Верховный надзор передаст она Густаву Густавовичу".

11. В. И. Иванов – О. А. Шор
1 ноября 1926. Павия.[1]

1. XI. ' 26.

Дорогая Ольга Александровна.

На новоселье как я, так и Лидия с Димой. Их адрес: via Bocca di Leone 50, presso Catena, Roma.[2] Мой: Collegio Borromeo, Pavia. Как прекрасно мое новоселье (palazzo[3] построен 1563-1580 архитектором Пеллегрини[4]), Вы видите по фотографии двора. Крестиком отмечаю дверь, ведущую в отведенные мне комнаты (огромный sitting-room, bed-room, dressing-room,[5] да еще с калориферами, – переход чувствителен после римской "masure",[6] как прозвал наши три комнатки у Четырех Фонтанов Зелинский). Пишите! – Пишу. – Получена ли рукопись "Орестеи", посланная Пл. М. Керженцевым в Ак<адемию>Х<удожественных> Наук, на имя П. С. Когана?

Ваш Вяч. Ив.[7]

[1] Открытка с видом двора Collegio Borromeo в Павии. В одном из проемов второго этажа – крестик. На первом этаже под одной из арок – стрелка и приписка на обрамлении открытки: “Арка, ведущая в сад”.

[2] На via di Bocca di Leone Ивановы жили по двум адресам: сначала в доме N 50 у Катены, затем у приятельницы Лидии, Сантарелли, в квартире на последнем этаже, где была знаменитая терраса (И. Н. Голенищев-Кутузов назвал ее “римской башней”) и где был начат “Светомир”. См.: Иванова, с. 226-228.

[3] Дворец (ит.).

[4] Pellegrino Tibaldi (по прозванию Pellegrini, 1527-1596) – архитектор, живописец и скульптор.

[5] Гостиная, спальня, туалетная комната (англ.).

[6] Хижины (фр.).

[7] О. Шор отвечает в письме от 21 ноября 1926 г.: “Что собою представляет Collegio Borromeo? Как, с кем проводите дни? С итальянцами или русскими, интересными учеными или скучными книгоедами? Окружены ли Вы настоящими людьми или лишь милыми да немилыми двуногими? Ради Бога, хоть что-нибудь о себе напишите! Глядя на фотографию двора старинного palazzo, где вы теперь пребываете, я живо представила себе Вашу чуть-чуть согбенную фигуру на фоне Пеллегриниевских арок, колонн, и голова у меня закружилась от радостной мысли, что Вам хорошо. Господи, увижу ли я когда-нибудь Вас и Италию вместе. <...> Иногда в минуты тоски и безверья я вспоминаю Вас, сидящим у меня в зеленом кресле, говорящим, слушающим о Микель-Анджело, и тогда начинаю верить, нет – достоверно знать, что мечты сбываются, не только становятся действительностью, но даже бледнеют, теряют свое очарование перед ней...”

12. В. И. Иванов – О. А. Шор
13 ноября 1926 г. Павия.

13. XI. ‘ 26.

Дорогая Ольга Александровна.

Прежде всего – серьезное и спешное дело. “Переписка из двух углов” между покойным М<ихаилом> О<сиповичем> и мною напечатана в N 2 замечательного религиозно-философского журнала “Die Kreatur” (редакция коего, ради дружественной переклички, нарочно составлена из одного католика – Wittig, – одного протестанта – Weizsäcker – и одного еврея – Martin Buber,[1] издающего новый и необыкновенный перевод Библии,[2] – с ним у меня переписка, – в издательстве Lambert Schneider, Berlin – Dahlem, Schorlemer Allee 13a). Перевод сделан проф<ессором> Ник<олаем> Ник<олаевичем> Бубновым, профессором философии Гейдельбергского университета[3] (Heidelberg, Römerstrasse 41). Еще задолго до выхода N 2 я

узнал из Prospect журнала, что в нем появится "Переписка" и написал издателю запрос, кто переводчик и будет ли уплачен авторам какой-либо гонорар. Так завязались у меня с журналом (Шнейдером, Бубером и Бубновым) добрые письменные сношения. О гонораре мне было сообщено, что права авторов ими признаются в полной мере, но гонорар был уже сначала "zugesagt"[4] проф<ессору> Бубнову со стороны журнала, однако, "Переписка", которую они высоко ценят и считают "одним из важнейших документов современной мысли", будет, вероятно, выпущена отдельною книжкой, и тогда изд<ательс>тво пойдет в самом широком смысле навстречу справедливым притязаниям авторов. На этом мы и порешили.

Но вот, на днях, с опозданием вследствие мешкотной пересылки адресованного мне в Рим письма, получаю я от издателя, вместе с письмом, в котором он выражает свою радость о появлении в немецкой печати "Переписки", чек на двести герм<анских> марок, на Dresdner Bank.[5] Я поручил нашему (при Collegio Borromeo состоящему) ученому бухгалтеру и финансисту навести справки, как половину этой суммы направить в Москву Марии Борисовне (Арбат, Никольский п. 13), и он принес мне из здешнего отделения Banca Commerciale Italiana[6] половину суммы, для меня, в итальянских лирах (вследствие быстрого роста лиры 100 марок составили только 540 лир), а на остальную половину, т. е. 100 R<eichs>Mark, чек из Banca Commerciale It<aliana> в Dresdner Bank. Ему объяснили, что прямых банковских сношений с Русским Гос<ударственным> Банком у них, в Милане и Павии, нет (странно, п<отому> ч<то> Милан резиденция нашей коммерческой делегации!), но что чек на Dresdner Bank будет, по их мнению, несомненно уплачен в Москве в Гос<ударственном> Банке Марии Борисовне: мне остается-де только написать на чеке "уплатите М<арии> Б<орисовне> Г<ершензон>" и отправить его в Москву. Все это показалось мне крайне сомнительным. Во-первых, подпись мою нужно было бы предварительно засвидетельствовать через дочь в Риме; во-вторых, – уплатили ли бы в Москве по такому чеку (адресованному из Италии в Германию, из здешнего такого-то банка в тамошний такой-то), мне представилось проблематическим, т.к. операции Гос<ударственного> Банка отнюдь не распространяются на всю сеть заграничных банков, и все денежные дела у нас регулированы совсем особыми установлениями, о которых здесь понятия не имеют. В результате этих критических сомнений, решился я вчера, пожертвовав 15 лирами, потраченными на приобретение чека, получить по оному деньги в лирах на руки, так что *ныне я – должник Марии Борисовны Гершензон на сумму 100 R<eichs>Mark,* – около 50 рублей, должно быть, по нашему. Решился я на это, полагая, что простейший способ передачи денег есть вычет в пользу М<арии> Б<орисовны> означенной суммы из той, которую Вы мне в ближайший

срок имеете выслать... Но теперь, когда дело сделано, новые сомнения обуревают мою душу: а вдруг Цекубу прекратила как раз теперь платить мне акад<емическое> обеспечение – или отложила платеж на неопределенно долгое время? А вдруг наш должник, издатель "Антологии", своим кредиторам ничего не даст? Ведь я думал облегчить и ускорить доставку денег Марии Борисовне, а тут вдруг случится Ваша неплатежеспособность по моим делам?.. Ну, что делать, тогда уведомьте меня об оной, и деньги я вышлю М<арии> Б<орисовне> через Рим, где это легче. А покамест моя к Вам, дорогой друг, просьба, вытянуть откуда-нибудь как можно скорее 100 марок для М<арии> Б<орисовны>, если только это возможно, – иначе же немедленно меня уведомить, – и при свидании с Марией Борисовной сказать ей мою непрестанную душевную думу об ней и любовь к ней с детьми, и мой дружеский привет. Все письмо посвящаю только этому делу, сообщенному с излишними, б<ыть> м<ожет>, подробностями. Жду письмеца Вашего, и о себе буду писать отдельно. Мне здесь очень хорошо. Вы получили открытку с изображением нашего двора?[7] Лидия и Дима пишут мне успокоительные письма, что stanno bene.[8] Их адрес: via Bocca di Leone, presso Catena, Roma (8). Деньги Ваши Лидия еще не получила. Поклон Розе Моисеевне, Александру Соломоновичу, Давиду Соломоновичу, находящемуся, не правда ли, с Вами? Как он поживает? Сердечно Ваш

Вяч. Иванов.

Получен ли высланный Пл. М. Керженцевым на имя П. С. Когана в Ак<адемию> Х<удожественных> Н<аук> через дипл<оматического> курьера мой экземпляр "Орестеи", в который я внес немало важных изменений прежнего текста и которым при печатании прошу руководствоваться, как текстом окончательным, каноническим. В. И.[9]

[1] Joseph Wittig (1879-1949), Viktor von Weizsäcker (1886-1957) и M. Buber (1878-1965); философский и литературный журнал "Die Kreatur" выходил в 1926–30 гг.

[2] Имеется в виду серийное издание Die Schrift. Zu verdeutschen unternommen von Martin Buber gemeinsam mit Franz Rozenzweig. Berlin, s.a. В библиотеке РАИ находятся 13 книг этой серии, а также книги Бубера "Reden über das Judentum", 1923; "Ich und Du", 1923; "Des Baal-Schem-Tow Unterweisung im Ungang mitt Gott", 1927; "Zweisprache", 1932; "Königtum Gottes", 1932, кн. M. Buber und Franz Rosenzweig "Die Schrift und ihre Verdeutschung", 1936. Две книги с автографами подарены Бубером семье Иванова в 1960 году: "Gog und Magog", 1949 "Schuld und Schuldgefühle", 1959. Переписку Иванова с Бубером, философом и писателем, впоследствии профессором Иерусалимского университета см.: Вахтель 1995, с. 29-47. В 1927 году Бубер приезжал в Павию, чтобы лично познакомиться с Ивановым. См.: Иванова, с. 173-174 (здесь же приведено письмо В. И. Иванова детям с характеристикой Бубера); Д. Иванов, с. 64, прим. 1.

[3] Н. Н. Бубнов (1880-1962). В позднем письме А. Е. Климову от 11-18 февраля 1973 г. О. Шор сообщает, что Бубнов – "русский философ, учившийся и получивший профессуру в Германии. Будучи дворянином, он, как многие русские за границей, прибавил к имени своему немецкое *фон* <...> Между ним и В. И. близости никакой не было: ни личной, ни идеологической. Знакомство их было эпистолярным. <...> Переписка та началась и кончилась в павийский период В. И.". Бубнов переводил также статьи Иванова для "Короны": "Переводы превосходны; смысловых ошибок нет, но то – не вполне заслуга Бубнова. Получив соответственный текст перевода, Г. Штейнер мчался в Павию, оставался там несколько дней и вместе с В. И. основательно перерабатывал словосостав".

[4] Обещан (нем.).

[5] Дрезденский банк (нем.).

[6] Итальянский коммерческий банк (ит.).

[7] Письмо от 1 ноября 1926 г.

[8] Поживают хорошо (ит.).

[9] О. Шор отвечает в письме от 21 ноября 1926 г.: "<...> вчера тотчас же по получении Вашего письма я отправилась к Марии Борис<овне> с радостной вестью. Мы долго и нежно о Вас говорили. Мар<ия> Бор<исовна> чувствовала себя согретой, обласканной Вашей заботливостью, радостно ею приподнятой. Она сама Вам пишет. <...> Конечно, Вы мудро поступили, получив весь гонорар. Самый удобный и скорый расчет с Мар<ией> Бор<исовной> – это вычет из Вашего академического обеспечения, о сохранении котор<ого> Вас известила уже моя открытка. Боюсь только, что сохранить его удалось в последний, в лучшем случае в предпоследний раз. <...> Я не удивляюсь, что Лидия Вяч<еславовна> до сих пор не получила денег: выслала я их не ей, а Вам и выслала с некоторым опозданием. Опоздание – простите мне его великодушно! – случилось по причине моего нездоровья и мучительности пересылочной процедуры (дежурить приходится на улице с 4-х утра, чего я, больная, сделать не могла), а послала я деньги *Вам*, потому что успела уже получить Ваш прочный адрес, а Вы просили 'послать Лидии' до упрочнения его".

13. В. И. Иванов – О. А. Шор
9 декабря 1926 г. Павия.

9 дек<абря> 1926.

Дорогая Ольга Александровна,

Благодарю Вас за передачу денег Марии Борисовне от всей души; но, почти уверенный, что они Ваши, ибо моих Вы еще не добились, и сокрушаюсь в то же время, что до такой степени злоупотребляю Вашей добротой ко мне!.. Дальнейшее известие, что Вы дежурите с 4 ч<асов> утра всякий раз, как посылаете мне деньги, приводит меня в конечное отчаяние... безвыходное, – потому что ни помочь Вам, ни обойтись без Вашей

помощи физически не могу. Но горе мне от того большое, и оно постоянно меня гложет, как укор совести... Увы, дальше начинаются просьбы, т. е. дальнейшее выжимание из Вас великодушно расточаемых сил. Первая просьба небольшая: взять от Марии Борис<овны> (она прислала мне милое письмо,[1] и я буду писать ей в ответ) *расписку* (по-немецки, если можно!) в получении 100 RMark для моего оправдания перед издателем, которому я ее перешлю (впрочем, я сообщил и его адрес); лучше бы в 2 экземп<лярах>, чтобы один остался на всякий случай у меня. Другая просьба сложнее и, боюсь, хлопотливее. Не удивлены ли Вы уже присылкою на Ваше имя двух черных шелковых шалей? Зная историю с Якушкиным, Вы, должно быть, сообразили, в чем дело, – отчасти. Керженцевы, уезжая из Рима (8 дек<абря>), любезно взялись переслать Вам эти шали. Назначение их следующее: ту, которая величиною больше и *имеет в углу ВЫШИВКУ,* нужно направить в Харьков, Госпитальная ул., д. 20, кв. 2, Дарии Михайловне Ивановой-Дмитревской;[2] ту же, что поменьше и *без вышивки* (с длинной бахромой), – в Баку, Гос<ударственный> Университет (Меркурьевская у<лица>), кв. проф<ессора> В. М. Зуммера, Анастасье Гавриловне Косыревой.[3] Первая уже путешествовала в России с Якушкиным; вторая – подарочек, посылаемый Лидией нашей бакинской Насте, которая у нас служила и с нами дружила, и осталась верным другом; с Лидией у нее настоящее приятельство.

Не знаю, в какой мере надежна почтовая пересылка, оказия *верная,* конечно, лучше, – да где ее найдешь? Во всяком случае из Москвы эти подарки легче переслать по назначению, чем отсюда, и потому пусть в Ваших руках они будут – с тем, чтобы Вы распорядились насчет их доставки адресатам, как и когда Вы найдете это возможным. Такова вторая моя просьба, дорогой друг!

Счастлив, что обеспечение еще продолжили, но Вы говорите, что это, должно быть, в последний раз, поэтому будущее с весны мрачно. Ибо здешнее мое пребывание – дело<?> временное, и именно с весны я опять буду вольной птицей. Вот тут и помог бы мне хороший заказ из Госиздата – на Данта, скажем, или что другое, поэтическое и классическое. Но Петр Семенович молчит, – значит, дело не выходит, и, должно быть, Ан<атолий> Вас<ильевич> не располагает заказами. Керженцев уже пытался через Ионина[4] действовать в этом направлении, но безуспешно. А Зелинский, тронутый моим посвящением (кстати, отнюдь не уничтожьте его, – боритесь за его помещение, если нужно, – полагаю, что оно никого смутить не может своею естественностью, ведь Зелинский – первоклассный европейской славы филолог и переводчик Софокла), – З<елинский>, говорю я, пишет, что если он “вдохновитель”, то это дает ему право опять настаивать на завершении Эсхила.[5] Moi, je ne demande pas

mieux:[6] – Но кто же материально поддержит меня в завершении дела моей жизни? – Сейчас я употребляю досуг на подготовление цикла лекций, который, должно быть (но *не наверное*!) состоится в здешнем унив<ерситете> в январе (о религиозной мысли в России от славянофилов до наших дней[7]). Тема предложена. Это дало бы некоторый заработок. А в Collegio я получаю 600 лир в месяц, но живу в холе, и это, конечно, большая нам поддержка. Занятия мои состоят в одном часовом уроке в день – немецкого языка (читаем "Фауста") – три раза в неделю – и английского – тоже три раза – (читаем "De Profundis" О. Вайльда,[8] а прежде читали сцену из "Ю<лия> Цезаря" Шекспира – речи Брута и Антония); с более знающими студентами говорю по-немецки и по-английски, с остальными же – в свободное время после завтрака и обеда по-французски (итальянский язык мне в сношениях со студентами запрещен, в целях практики иностр<анных> языков). Однако, перевод и объяснение нем<ецких> и англ<ийских> текстов производится по-итальянски. Одним словом, вавилонское смешение языков. Здесь спокойно и удобно и "здорово", как в санатории. Доказательство: часто играю в шахматы. Завтракаем и обедаем в огромном рефектории. Но монастырского ничего нет, хотя ректор – священник,[9] правда – очень светский и чуждый клерикализма, широко образова<нны>й и умный, да по воскресеньям в домашней церкви служат обедню. L'antico collegio è bellissimo.[10] Управляется оно комитетом из профессоров университета, хотя имеет независимость от него своего богатства и юридическое лицо. Живут в нем, – можно сказать в роскоши, – 40 лучших студентов. Большая зала напоминает, когда вступишь в нее, Сикстинскую Капеллу: вся расписана фресками (Цуккари[11]). Перед Collegio геометрические сады. Оно господствует над долиной широкого красивого Тичино, окруженного лесами. Я любуюсь на нее из окна моей спальни. Очень хорошо и не скучно. Есть интересные книги. Знакомые – профессора и доценты. Павия полна средневекового <очарования><?>.

Деньги ваши получил я поздно и с затруднениями (нужно было напоминать в Милане). Посылайте впредь дочери в Рим: via Bocca di Leone 50, presso Catena, Roma *8*.[12] Еще раз: via Bocca di Leone 50, presso Catena, *Roma (8)*.

В. И.

[1] Письмо от 30 ноября 1926 г. (оп. 3, № 46, л. 3-4).

[2] Дарья Михайловна Дмитревская (1864-1933) – первая жена В. И. Иванова, с которой он переписывался до самой ее смерти, в РАИ находится 37 ее писем за 1924-1932 гг. (оп. 3, № 74-77).

[3] Анастасия Гавриловна Косырева (Настя) – прислуга Ивановых в Баку. О ней см.: Иванова, с. 109-110. В РАИ находится 10 ее писем с 1925 по 1928 гг., адресованные Л. Ивановой, конверты частично надписаны В. М. Зуммером.

[4] Очевидно, описка. Речь идет об Ионове.

[5] Цитата из письма Зелинского от 30 ноября 1926 г., под № 9 в письмах Зелинского Иванову в наст. изд. Иванов первоначально намеревался перевести все трагедии Эсхила (что было указано также в договоре с Сабашниковым и подтверждено его заявлениями о заграничной командировке), однако завершил лишь "Орестею". Частично он перевел "Просительниц" (323 стиха из 1074), "Персов" (1045 стихов из 1077) и "Семеро против Фив" (777 из 1078). "Прикованный Прометей" переведен не был. Свод всех документов, свидетельствующих о планах Иванова см.: Бёрд, с. 324, прим. 24.

[6] Я-то согласен (франц.).

[7] Лекции состоялись в январе 1927 года и были объединены названием "Религиозная мысль в современной России". Л. В. Иванова приводит даты и темы лекций: 24 января – "Русская церковь и религиозная душа народа"; 26 – "Теза и антитеза: славянофилы и западники"; 28 – "Толстой и Достоевский"; 31 – "Владимир Соловьев и современники", в пятой, незапланированной лекции говорилось о Достоевском, Вл. Соловьеве и Флоренском. Здесь же дана выдержка из письма Иванова, содержащего план введения ко всему циклу (Иванова, с. 171-172). Отчет о лекциях, весьма произвольный, был опубликован: M. dell'Isola. Il pensiero religioso russo // Bilychnis. 1927. Anno XVI. Fasc. 4. Vol. XXIV. N 4. P. 270-273. Д. В. Иванов рассказывает, что Вяч. Иванов сердился на Изола из-за неточности ее сообщения. В память о знакомстве Изола поднесла В. Иванову свою книгу "Le idee religiose di P. Bourget" (Quaderni di Bilychnis. №20, 1925) с дарственной надписью, которая в свете ивановского мнения об ее отчете звучит почти иронически "Al chiarissimo Signore Prof. Venceslao Ivanov la sua attenta uditrice. Pavia, 4. II. 1927. Maria dell'Isola" (находится в библиотеке РАИ с пометками Иванова).

[8] "De Profundis"– книга, написанная Оскаром Уайльдом в тюрьме и частично опубликованная в 1905 г. В библиотеке Иванова находится экземпляр, которым он пользовался во время уроков: это изд. De profundis and Ballad of Reading Gaol by Oscar Wilde in one volume. Tauchnitz Edition. 1908 Vol. 4056. На с. 140 после окончания текста произведения четыре подписи – очевидно, учеников; подпись "Venceslao Ivanov" и дата 30. 5. 1927 (карандаш). На полях – итальянский перевод английских слов рукой Иванова, половина тетрадной страницы с английскими словами вложена в книгу.

[9] Дон Леопольдо Рибольди (Riboldi, 1880-1966) в 1920–1927 гг. ректор Collegio Borromeo, затем монах доминиканского ордена.

[10] Старинный колледжо прекрасен (ит.).

[11] Федерико Цуккари (Zuccari, а также Zuccaro или Zuccheri, 1542-1609) – итальянский художник, основатель Академии Св. Луки в Риме, чьи фрески находятся в Капелле Паолина в Ватикане и Зале Большого Совета во Дворце дожей в Венеции. В 1605-1607 гг. работал в Павии.

[12] Чернила расплылись, поэтому Иванов повторяет адрес.

1927

1. В. И. Иванов – О. А. Шор

13 января 1927 г. Павия.

13 янв<аря> 1927.

Дорогая Ольга Александровна.

Спешу успокоить Вас: письмо Ваше из Берлина от 7 янв<аря> со вложенными в него *CTA* долларами было мною вчера получено и принесло мне, разумеется, большую радость,[1] как потому что я не ожидал столь щедрой присылки, так – в не меньшей мере – и потому, что ожидаемый приезд Ваш заграницу оказался совершившимся фактом, почти обеспечивающим наше относительно-скорое свидание, на которое с нетерпением надеюсь.

Письмо Ваше (Вы писали его, с трудом превозмогая головную боль) не скажу, чтобы показалось мне вполне обстоятельным. Откуда явилось акад<емическое> обеспечение за целых *три* месяца, и за какие именно месяцы, – мне хотелось бы знать, чтобы сообразить будущее. На сколько времени приехали Вы из России, также интересует меня живо. Каковы вообще Ваши заграничные планы?[2] Где и когда мы можем *впервые* встретиться? Я привязан к Collegio до июня. Но теперь с Вами легко перебрасываться письмами и даже записками: это большая приятность. Сообщите мне, между прочим, получили ли Вы от Керженцева для пересылки в Харьков и Баку две шелковые шали, о которых я Вам писал?[3] Скажите также, *где* Евсей Давидович, которого я потерял из вида и которому мне нужно написать? Все ли в Ницце? Точный адрес? Где Давид Соломонович? Не знаю, облегчит ли или затруднит (едва ли последнее) советская академическая командировка получение итальянской *визы*; но вообще отношение к советским гражданам и ученым в оффициальных (фашистских) сферах[4] самое положительное. Это Вы можете усмотреть, например, из того весьма своеобразного факта, что в этот университетский Collegio я бы не был приглашен и мне не было бы поручено прочесть цикл лекций в аудитории университета (этот цикл предполагается на конец января), если бы я был политическим “profugo”[5] и состоял во вражде с советским правительством, так как власти сочли бы такое приглашение несовместным с дружелюбными дипломатическими отношениями к Со-

в<етской> России. Во Франции, мне кажется, наоборот, моя служебная связь с сов<етским> университетом имела бы в подобном деле значение отрицательное. – Мое письмо к М<арии> Бор<исовне>, вероятно дошло к ней уже после Вашего выезда из Москвы, и Вы ничего не знаете о нем. Переводчик "Переписки из Двух Углов"[6] нуждается в книгах Мих<аила> Осиповича, особенно в "Печерине".[7] Отсутствие моих собственных книг (особенно сборников моих статей) также весьма затрудняет мне организацию дела переводов и немецких изданий. "Переписка" напечатана в № 2 журнала "Die Kreatur". Мне прислали 2 №№ этого выпуска, но зато присылают и весь журнал. Издатель необыкновенно любезен и великодушен. Он мне еще прислал нужные книги. Я стесняюсь просить его о новых подарках. Не сделаете ли это Вы сама для М<арии> Б<орисовны>, так как Вы в Берлине, имя же издателя Lambert Schneider, адрес: Schorlemer Allee 13a, Berlin – Dahlem; телефон: Pfalzburg 1569.[8] Я ему кланяюсь и на днях пишу и пересылаю расписку М<арии> Б<орисовны>. По делу визы едва ли могу быть полезен иначе, как мобилизуя, по обыкновению, проф<ессора> Синьорелли в Риме, который имеет связи в Мин<истерстве> Ин<остранных> Дел, но которого, кажется, больше не слушают, ибо его рекомендации русских слишком часты. Все же, если нужно, отрядите к нему немедленно Лидию (via Bocca di Leone 50, presso Catena, Roma 8) или заставьте меня ему написать.

В ожидании скорых вестей и частой летучей переписки горячо обрадованный Вашим приездом Ваш

Вяч. Иванов.

[1] Ответ на письмо О. Шор от 7 января 1927 г. и открытку б. д. из Берлина. Она пишет: "<...> Берлинские банки меня уверили, <...> что единственно надежный способ пересылки Вам денег – это почта. Ею я и пользуюсь, но по русской привычке с некоторой опаской. Поэтому умоляю Вас *сейчас же* по получении этого письма известить меня о его прибытии. <...> Непосредственно перед своим отъездом я получила для Вас деньги за три месяца, что составляет 255 руб. (За один месяц я получила академич. обеспечение несколько раньше, но из 85 р. – 50 р. было отдано Марии Борисовне и 12 р. ушло на передоверие доверенности, чего нельзя было избежать <...>), что в переводе на доллары составляет 99 дол.<...> В письмо вкладываю расписку Марии Борис<овны> в получении 100 М. М<ария> Б<орисовна> очень просила узнать у Вас, полагаются ли ей какие-нибудь авторские экземпляры. <...> Последующую пересылку я вам сейчас здесь организую так, что Вы будете деньги получать автоматически; аккуратнее, чем раньше.<...> 'Новая Москва' сдала дела 'Рабочей Москве', которая обязалась долги платить. Я сговорилась с союзом писат<елей>, чтобы деньги были выплачены М<арии> Б<орисовне>. Вы *и* их получите из Берлина. Сейчас у меня так дико болит голова, что я с трудом соображаю, что пишу. <...> Хочу дописать, чтобы не задерживать денег. <...> Говорила я в Москве и о продолжении Вашего академическ<ого> обеспеч<ения>. Ведь пересмотр ближайший будет в апреле. Получила соответствующее обещание. Что надо будет предпринять, своевременно сообщу. Надеюсь, что к тому време-

ни, когда придется писать заявление, я уже дорвусь до Италии, и значит, буду радостной обладательницей непосредственного общения с Вами. Возможно, что в Италию я поеду позднее, чем желала бы, по совершенно дурацкой причине. Вы не можете себе представить, до чего я идиотична в хлопотах по своим собственным делам. Моя итальянская виза оказалась затерянной, а новую ждать мне в Москве было уже некогда. Я обратилась с просьбой к Елене Алекс<андровне> (Вы ее знаете) разыскать N° старой визы; Леля с Лидией Вячеславовной ходили к Lo Gatto, и он что-то Manzoni писал. Сейчас Вас ни о чем не прошу, но если из всей переписки с Lo Gatto ничего не выйдет, я решусь потревожить Вас. Сейчас только очень прошу Вас дать мне совет. Как относятся в Италии, при фашистской установке, к нашим академическим мандатам? У меня есть командировка от Академии, но я не знаю, пускать ли мне ее в ход. <...> С нетерпением буду ждать Вашего ответа, с еще большим нетерпением – встречи с Вами".

[2] На это О. Шор отвечает 20-24 января 1927 г.: "О своих планах ничего определенного написать не могу, потому что не имею еще определенного плана. *Хочется* мне только одно: скорее, скорее в Италию, где я увижу, наконец, синее небо, яркое солнце, впервые – Микель-Анджело и вновь – Вас... Но помимо внешних затруднений у меня имеется еще и ряд сомнений; я пока не знаю, *смею* ли я *хотеть* все бросить и удрать dahin, dahin <туда, туда (нем.) – цитата из "Песни Миньоны" Гете. – Прим. комм.>. У меня ряд поручений различного характера (чего не исполнить нельзя), предложение выступить с лекциями в разных городах Германии (странное предложение, полученное мною еще в Москве от одной случайной моей слушательницы-немки) etc., etc. Но я еще не огляделась, не знаю, что следует и чего не следует делать, и живу пока без определенных планов. Все проведенное в Берлине время у меня пропало даром: был болен Давид Соломонович. И болезнь его, начавшаяся страшно, но закончившаяся пустяками, меня заполонила на $^3/_4$, а оставшаяся четверть ушла на родственные встречи. <...> Завтра я поеду в Дрезден дней на 7-8. Если ответите сейчас же, пошлите письмо в Дрезден, Paradiesstr. 6, по адр<есу> Степуна. Потом я вернусь в Берлин, на сколько времени – еще не знаю. Во всяком случае не меньше, чем на две недели. Дальше: если итальянская виза к тому времени получится – в Италию. Если в Италию – то прежде всего в Павию к Вам. Заеду хоть на день повидаться с Вами. Мне необходимо Вам многое сказать и обо многом Вас спросить, чего в письменной форме даже при отсутствии цензурных стеснений сделать все же нельзя. Приеду (на Вашей стороне остается, конечно, право отвода), естественно, потому, что напряженно хочу Вас видеть, но у меня имеется и внешний повод для заезда в Павию, т. е. почти в Павию. Я получила от Академии поручения в связи с Миланской выставкой и, согласно данному обещанию, *должна* остановиться в Милане, а Павия, на мое счастье, – рядом. Если итал<ьянская> виза не будет получена, проеду на некоторое время в Париж (франц<узская> виза у меня есть), куда меня, впрочем, благодаря общей усталости, вероятно (ведь Париж требует большой траты сил), не тянет". Подробнее об обстоятельствах отъезда О. Шор см.: Бёрд, с. 331, прим. 109.

[3] См. письмо Иванова от 9 декабря 1926 г. О. Шор отвечает в письме от 20-24 января 1927 г., что шалей она не получила.

[4] В Италии фашистская партия пришла к власти в 1922 году.

[5] "Беженцем" (ит.).

[6] Н. Н. Бубнов.

[7] Имеется в виду "Жизнь В. С. Печерина". М., 1910.

[8] О. Шор отвечает в письме от 20-24 января 1927 г.: "У Lambert Schneider'a, согласно Вашему предложению, я уже была и книгу для М<арии> Б<орисовны> получила. L<ambert> Schn<eider> был очень мил, просил Вам кланяться. Какая обида, что письмо Ваше меня не застало в Москве. Я привезла бы все Вам нужные книги. Впрочем, я не уверена, что не могу и отсюда быть Вам в этом отношении полезной. Сообщите мне на всякий случай, какие Ваши и М<ихаила> О<сиповича> книги желательно здесь иметь. Если Мар<ия> Бор<исовна> (она из-за Сережи судорожно боится всякого общения с заграницей) почему-нибудь затруднится выслать книги, то, быть может, мне удастся устроить это иначе. <...> От Федора Авг<устовича> (он приезжал сюда) узнала, что высланные мною ему книги все в целости и сохранности дошли, а среди этих книг были все Ваши сборники стихов и статей. Если они Вам для издательских целей нужны, Ф<едор> А<вгустович> их Вам с удовольствием даст. Есть у него и все книги Мих<аила> Осиповича. Напишите мне об этом".

2. О. А. Шор – В. И. Иванову
7 февраля 1927 г. Дрезден.

7. II. 27.
Дрезден.

Глубокоуважаемый, дорогой Вячеслав Иванович,

давно уже могло бы дойти письмо от Вас, а его все нет. Меня это молчание тревожит. Пожалуйста, сообщите, получили ли вы деньги из Москвы? Если нет, я сейчас же запрошу.

Почему Вы медлите с указанием, какие Ваши сборники требуются для перевода. Я ведь Вам писала уже, что у Фед<ора> Авг<устовича> Ваши и Мих<аила> Ос<иповича> книги имеются почти все. Куда, когда, что именно прикажете выслать? Буду Вам очень благодарна, если Вы мне расскажете, как обстоит дело с переводами. Решенный это вопрос или только поднятый? Простите, что я и за границей продолжаю Вас преследовать вопросами, но я так привыкла заниматься Вашими делами, что мне как-то странно без них, и я так люблю Ваши творения, что была бы счастлива, если б мне было дано хоть чем-нибудь ускорить их появление в Германии. Что же касается книг Мих<аила> Ос<иповича>, то Мария Борис<овна> просила меня постараться их по-немецки издать, но действовать по совету друзей и своему усмотрению, *ее* ни о чем не спрашивать, т. к. она из-за Сережи панически боится всяких вопрошаний из-за границы. Я не знаю еще, *что* я смогу сделать, но во всяком случае *сделать* хочу все, что смогу, а делать могу только в Германии; пробуду же

здесь недолго. Поэтому мне необходимо как можно скорее узнать, какие книги Гершензона Вы уже устроили. Мар<ии> Бор<исовне> хотелось перевести "Тройственный образ совершенства" и "Гольфстрем".[1] Эти вещи я привезла. Федору Авг<устовичу> кажется, что легче всего теперь было бы в Германии провести книгу о Пушкине. Им начинают интересоваться. Как Вы думаете? Не составить ли сборник: "Русские писатели о Пушкине". Ведь могла бы получиться прекрасная книга. Взять лучшие вещи, начиная с речи Достоевского. И Вам написать все объединяющую общую о Пушкине статью. Хотя Вы ушли сейчас в Данте и Эсхила, но Вам ведь не может быть не до Пушкина.

Такой сборник пока лишь моя фантазия, но я уверена, что будь он скоро готов, для него можно было бы найти издателя. Очень хотелось бы знать Ваше мнение. Показать Германии Пушкина – разве это не соблазнительно для Вас? Кстати, видели ли Вы перевод Пушкина на немецкий язык под ред<акцией> Luther'a (Leipzig 1923 г.). Многое очень хорошо передано.

Пишите мне, пожалуйста, на адрес Степуна, у кот<орого> я сейчас живу и с кот<орым> мы часто и нежно говорим про Вас. Федор Авг<устович> и Наталья Николаевна[2] жаждут Вас видеть; Ф<едор> А<вгустович> все мечтает написать Вам существенное письмо, но он так растерзан университетскими делами и разъездами, что никак не может до письма дорваться. На днях он вышлет Вам своего "Переслегина".[3] Ему необходимо знать Ваше отношение к этой вещи; ведь весь роман написан благодаря Вам. Пробуду я здесь еще неделю. Ваше письмо наверное успеет дойти. А мне хотелось бы получить его именно здесь, где под рукою и помощь Ф<едора> А<вгустовича>, и все книги. Как жаль, что Вы не можете к нам сюда приехать. Здесь чудесно. И все какое-то тихое и доброе; всё – и природа, и люди. Это поражает после Москвы. О Москве расскажу при встрече. О себе сейчас писать не могу, не в состоянии: слишком мне хочется Вас видеть и с Вами разговаривать. Планы мои все еще неопределенны. В Берлине пробуду недели 2. Потом, вероятно, недели 2-3 в Париже. (Виза есть). Дальше все будет зависеть от итальянской визы. Мне обещали, что через 2 недели она получится, но я ужасно боюсь промедления. Глупо будет, если виза придет тогда, когда мне нужно будет возвращаться домой. Вы знаете, *что* для меня значит попасть в Италию, и поймете, почему я решаюсь воспользоваться Вашим добрым предложением и прошу Вас мне помочь. Напишите, пожалуйста, Синьорелли о своем отношении ко мне и о моем отношении к итальянскому Ренессансу то, что не противно Вашей совести, и попросите его двинуть дело в министерстве. Ведь для итальянского правительства я никак не могу явиться нежелательным элементом и почему бы ему не допускать людей,

желающих заниматься искусством, в свои художественные сокровищницы. Дело мое обстоит следующим образом: 28 или 29 января на основании моей академической командировки русское полпредство в Берлине послало ноту итальянскому представительству с предложением дать мне визу. Копия мандата приложена к ноте. На всякий случай выпишу для Вас деловую часть мандата. Кстати: в своем прошении я указала Вас как человека, кот<орый> может меня "рекомендовать". Прошу Вас, не откажите при случае (впрочем, я не уверена, что к Вам обратятся) удостоверить мою политическую безгрешность и заинтересованность исключительно в Италии Микель-Анджело. И еще одно: Мейерхольды меня просили написать Ольге Иван<овне> Синьорелли.[4] Я до сих пор не собралась этого сделать, адреса ее найти не могу. Теперь в письмо мое к Вам вкладываю 2 письма к О<льге> И<вановне>. В одном я только исполняю поручение Зин<аиды> Ник<олаевны>, в другом – прибавляю просьбу о визе. Пожалуйста, прочтите оба письма и вложите в свое письмо к Синьор<елли> то, которое найдете более подходящим.[5] Мне кажется, что лучше послать то, в кот<ором> я пишу о визе; а то как-то странно получается, что Вы за меня просите, – а я сама молчу. Но Вы их лучше знаете, и я всецело полагаюсь на Вас.

Итак, мандат: Академия удостоверяет, что я еду для окончания научной работы, и меня charge:

1) D'établir des relations avec les Institutions et Sociétés exécutantes des travaux scientifiques identiques à ceux de l'Académie.

2) De rechercher des matériaux bibliographiques.

3) *De fournir des informations sur les travaux préliminaires en rapport avec l'exposition Internationale à Monza-Milano.*[6]

Затем: просьба ко всяким Autorités et Institutions[7] о содействии; и подпись президента и секретаря Академии.

Имя мое пишется Olga Chor.

Если б Вы только могли себе представить, как мне необходимо знать Ваше отношение к тому, что произошло в уме Европы. В религии я еще ничего не понимаю. Но в философии случилась Гегелевская антитеза в чистом виде. Никто ничего не желает слышать об отрешенном мире ценностей и идей, философия хочет "делать жизнь". От гносеологии и эстетики перешли к этике и *социологии*.

Очень волнительно и, когда думаешь о России, – очень жутко. Только здесь я испугалась духа марксизма. В России он ощущается как вихрь, невыносимо мучительный и потому почти очистительный. Остается вместе с Достоевским молиться, чтобы бесы вселились в свиней. А здесь хуже: марксизм проник в лучшие головы, медленно и спокойно, благолепно

и потому страшно отравляет мысль и дух. Как от него спастись? Как от него спасать? Что делаете Вы? Достаточно ли одного: "чур меня!" Ради Бога, напишите хоть несколько слов об этом. Теперь, когда Вы могли долго, издалека смотреть в лицо России, – что скажете Вы об его выражении? Куда должна идти Россия? И что надлежит конкретно *делать* каждому из нас. В Москве, несмотря на всяческие волнения, в одном отношении я жила очень спокойно. Я была уверена, что *делать* надо только одно: в меру сил своих идти "куда влечет тебя свободный ум",[8] приобщаться кто чему может – Афинам Перикла, Риму цезарей, Риму пап, внутренне накоплять *бытие*, иноприродное взвивающемуся, а остальное приложится. В Европе я впервые усумнилась в правоте такого пути.

Жду Вашего Слова.

Сердечный привет.

Глубоко преданная О. Шор.

P. S.

Итак мои адреса:

1) В течение недели: bei Prof. Stepun. Paradiesstr. 6-b Dresden

2) В течение следующих 2-х недель:

bei D-r N. Kopelmann. Bayerischestr. 34 Hchp. Berlin W. 15

(Это вместо Bleibtreustr. 24: сестра моя переехала).

Жду письма!

Для верности посылаю письмо это заказным, хотя за последнее время ни одно простое письмо не пропало.

[1] Речь идет о книгах Михаила Гершензона: Тройственный образ совершенства. М. 1918; Гольфстрем. М., "Шиповник", 1922.

[2] Наталья Николаевна (урожд. Никольская; 5 мая 1886 – август 1961) – жена Ф. А. Степуна.

[3] Автобиографический роман "Николай Переслегин" (печатался в "Современных записках" в 1923-1925) – наиболее значительное художественное произведение Степуна.

[4] Ольга Ивановна Синьорелли (урожд. Ресневич; 1883-1973) – жена А. Синьорелли. Писала для Издательства при Театре им. Вс. Мейерхольда книгу воспоминаний об Элеоноре Дузе (См: Котрелев и Мальковати, с. 278-280). Подробнее о ней см. переписку В. И. Иванова с О. И. Синьорелли в наст. издании.

[5] См. письмо № 1 О. Шор к О. И. Синьорелли, в приложении к переписке Иванова и Синьорелли (наст. изд.), а также письмо № 2 Иванова к Синьорелли, написанное по просьбе Шор.

[6] Уполномочивает: 1) Установить контакты с учреждениями и обществами, занимающимися научными изысканиями в тех же областях, что и Академия; 2) Собирать библиогра-

фические данные; 3) Сообщать сведения о подготовке Международной выставки в Мондза-Милане (фр.). Французский текст приведен нами в соответствие с нормами орфографии. Подробнее о выставке см. прим. 4 к письму № 2 в переписке В. И. Иванова с О. И. Синьорелли.

[7] Властям и учреждениям (фр.).

[8] Цитата из пушкинского сонета "Поэту" ("Поэт, не дорожи любовию народной...").

3. В. И. Иванов – О. А. Шор
11 февраля 1927 г. Рим.

11 февр<аля> 1927.

Дорогая Ольга Александровна.

Я уже думал – Вы уехали из Дрездена. Но только что получил Ваше письмо (от 7 февр<аля>) и, согласно Вашему желанию иметь ответ еще в Дрездене, спешу немедленно послать его Вам экспрессом (отказывая себе для этого даже в послеобеденном отдыхе), хотя не уверен, что 14-го это письмо уже будет в Ваших руках. Прежде всего сердечный привет Федору Августовичу, который видимо не получил моей новогодней открытки, посланной по его старому адресу в Дрезден (b. Prof. Kroner): в ней я напоминал ему, что ни "Переслегин", ни другие его обещанные оттиски[1] до меня не дошли.

Спешу, дорогая, ответить на Ваши деловые вопросы. Письмо Ваше (а именно, более длинное, с упоминанием о визе) перешлю Ольге Ивановне. Из моих книжек, если они у вас под рукой, прошу выслать сборник статей "Борозды и Межи"[2] профессору Гейдельбергского университета Николаю Николаевичу Бубнову (Prof. N. von Bubnoff), Römerstr. 41, Heidelberg. Его Федор Августович знает. Я выслал ему и "Диониса и Прадионисийство". Последнее в надежде, что он поспособствует найти "Диониcу" издателя. Книга рецензирована Зелинским в польской Eos[3] и в Materiali e Studi per la storia della religione, издаваемой проф<ессором> Pettazzoni[4] в Риме. "Борозды и Межи" ему позволят ознакомиться со статьей "Границы искусства",[5] которую я охотно переработал бы для "Die Kreatur", предпослав несколько слов о новой книге аббата Bremond[6] (de l'Académie Française)[7] об отношении поэтической интуиции к мистике.[8] Ничего у меня в деле переводов не налажено. О "Достоевском" почему-то ни слуху ни духу: Александр Карлович Кресслинг[9] ничего не пишет, Евсей Давидович также. Вероятно, дело затормозилось. Была речь и об издании моих эстетических статей книгой под заглавием "Kunst und

Symbol”:[10] судя по молчанию инициаторов (тех же, Кресслинга и Евс<ея> Дав<идовича>) дело заглохло. Бубнов очень интересовался книгой Михаила Осиповича о Печерине: *она ему очень нужна*. Спишитесь с ним от лица Марии Борисовны. Вот и все, что я могу сказать о переводах. А Вы, кажется, вообразили, что я устроил половину своих и Михаила Осиповича книг. Ровно ничего не устраивал и не устроил. – Ваши надежды на регулярную и скорую высылку акад<емического> обеспечения мне показались оптимистическими, и кажется факты подтверждают мой скептицизм: о московских деньгах ни слуху ни духу. – Статью о Пушкине напишу с величайшею радостью. Кстати, так и не вышел приготовленный Мих<аилом> Ос<ипови>чем пушкинский сборник, с моей *очень важной* статьей “О звукообразе у Пушкина”: Цявловский его так и не выпустил?[11] Книг от Зин<аиды> Ник<олаевны> Мейерхольд я не получал; но доволен, что она меня не будирует за мое очень прямое письмо.[12]

Очень хочу Вас видеть и не могу, кажется, отвечать на Ваши большие вопросы в письме, раз уверен в предстоящем свидании. Но мне не хотелось бы чтобы Италия встретила Вас холодами, не лучше ли дождаться весны ранней, которая, говорят, в этих местах хороша, тогда как теперь здесь, в Павии, холод и снег. Завидую, что будете в милом, несравненном Париже: хвалю его так эмфатически в виде протеста против Вашего немецко-советского[13] бесчувствия (есть оно и у Евс<ея> Дав<идовича>) к милому месту, где бьется сердце Европы. (Германия – Европа лишь отчасти).[14] – Относительно визы: ко мне за справками никто, конечно, не обратится, – скорее, справятся обо мне самом, и напрасно Вы меня оффициально упоминали. Ваши “мандаты” очень сложны, по-советски непонятны и через то неубедительны, и изложены на безграмотном франц<узском> языке. Но все это, конечно, не беда. – Преодолевая желание философствовать (что, впрочем, если Ваш приезд замедлится, охотно буду делать в письмах менее лихорадочных), прошу Вас принять мою сердечную благодарность за непрекращающиеся и заграницей заботы обо мне и передать мой горячий привет Федору Августовичу и Наталии Николаевне. – Надеюсь, что Давид Соломонович теперь хорошо себя чувствует, и представляю себе, как он Вас напугал в Берлине. Первая Ваша открытка (от 31 декабря) пришла почему-то с большим запозданием – 12 января. Но ничего не пропало. Бранить итальянскую почту также немецко-советский предрассудок. Марксизм в Европе (кроме, б<ыть> м<ожет>, Германии) теперь отнюдь не влиятелен в культуре; за его схему держатся только коммунисты (и это, конечно, многое значит), – может быть, Вы имеете в виду *метод* историч<еского> материализма? – В Данта я, конечно, отнюдь не “погружен”, а жду с трепетною надеждой исполнения пророчеств Петра Семеновича.[15] – Боюсь что не на все отве-

тил в спешке? Отпишите ответ незамедлительно и ждите в свою очередь от меня спокойного письма без страха не застать Вас. Советую Вам прочесть предложенные лекции.

Когда Вы возвращаетесь в Россию, все же не знаю. – В Мейерхольда и его предприятие окончательно не верю. – Хорошо послать Бубнову и сборник статей "По звездам":[16] статья "Русская Идея"[17] может быть полезна ему и проф<ессору> Эренбергу, издателю "Oestliches Christentum".[18]

Читал недавно в здешнем унив<ерситете> пять лекций о "русской религиозной мысли" – вернее, *говорил* их: четыре по-французски, последнюю – по-итальянски.

Крепко жму Вашу руку. Ваш Вяч. Иванов.

[1] Помимо "Переслегина" в библиотеке РАИ находится несколько статьей Степуна, которые, можно полагать, были подарены Вяч. Иванову. Это оттиски из "Современных записок": Литературные заметки. И. А. Бунин (По поводу "Митиной любви") с дарственной надписью: "Пока что от автора – (очень поздно – каюсь в ошибках). Ф. Степун – это и есть автор"; "Культура и жизнь. Письма из Германии (Вокруг выборов президента республики)"; "Христианство и политика". На остальных оттисках – дарственные надписи О. Шор.

[2] Вяч. Иванов. Борозды и межи. Опыты эстетические и критические. М., Мусагет, 1916.

[3] T. Zielinski. Wjaczeslaw Iwanow. *Dionyz i pradionyzyistvo* // Eos. Commentarii societatis philologiae polonorum. Editores R. Ganzyniec, Th. Zielinski. Leopoli. Volumen XXIX 1926. C. 208-209. Журнал с рецензией Зелинского находится в библиотеке РАИ. Русский перевод этого текста см. в приложениях к письмам Зелинского к Иванову в наст. изд.

[4] Raffaele Pettazzoni (1883-1959) – президент Международного общества историков религии. О нем: Иванова, с. 360. О рецензии Зелинского см. прим. 19 к письму В. И. Иванова № 1 за 1926 г.

[5] Точное название – "О границах искусства". Статья впервые напечатана в "Труды и дни". М., Мусагет, 1913. Тетрадь 7.

[6] Имеется в виду книга Анри Бремона (1865-1933) "Prière et Poesie", 1926; Вяч. Иванов упоминает ее в статье 1938 г. "Мысли о поэзии" (III, 662). Хранится в библиотеке РАИ. В письме Д. и Л. Ивановым от 29 декабря 1926 г., касаясь разговоров с Рибольди, В. Иванов писал: "Волнует нас книга французского академика père Brémond *La poésie et la Prière*, где устанавливается родство между поэтической интуицией и мистикой" (РАИ).

[7] Члена Французской Академии (фр.).

[8] Намерение Иванова написать новый вариант статьи для "Die Kreatur" не осуществилось.

[9] A. Kresling (1897, Петербург – 1977, Фрейбург) с 1927 г. переводил главы ивановской книги о Достоевском (1932). См.: Вахтель 1995, с. 83, 116; IV, 758, 763–769. В РАИ находятся 3 письма А. К. Креслинга к В. И. Иванову с 1926 по 1931 год (оп. 3, № 113). Креслинг принимал участие во Фрейбургском музыкальном обществе, задачей которого была пропаганда

современной музыки, поэтому он предлагал Л. В. Ивановой прислать ее произведения для исполнения во Фрейбурге. Его просьбу поддерживал Е. Д. Шор, т. к. неподалеку от города находилась резиденция князей Фюрстенберг, следивших за музыкальными новинками, где проводились периодические музыкальные выставки, известные всей Германии. Из планов сотрудничества, кажется, ничего не вышло, но из письма Креслинга от 2 апреля 1926 г. явствует, что он вступил по этому поводу в эпистолярные сношения с Л. В. Ивановой.

[10] Вот проект этой книги:

"Kunst und Symbol"

I. A realibus ad realiora

I. Zwei Strömungen im neueren Symbolismus < = Две стихии в современном символизме>. *По звездам*, стр. 251-296. Опустить §1. Прибавить, под заголовком "Предчувствия и предвестия", заключительный новый §, составленный из страниц книги 194 и 331-325 (подробные указания потом).

II. Der Symbolismus in der russischen Dichtung < = Заветы символизма> *Борозды и межи*, стр. 121-144.

Excurs: Поэт и чернь

III. Was ist Symbolismus < = Мысли о символизме.>

II. Vom Kuenstler und Kunstwerk

I. Манера, Лицо и Стиль *Бор. и межи*, стр. 167-185.
II. Границы искусства " " стр. 189-229
III. "Магический идеализм" Скрябина не напечатано (по корректуре).

III.

I. Сущность трагедии *По звездам*
II. Эстет<ическая> норма театра
С экскурсами: О кризисе театра
О Вагнере
Новые тезисы к проблеме театра
III. Гоголь и комедия Аристофана.

Автограф Вяч. Иванова в РАИ.

[11] Статья Иванова увидела свет в сб. "Московский пушкинист: Статьи и материалы". Под ред. М. А. Цявловского. Москва 1930.

[12] По-видимому, письмо Иванова к З. Н. Райх от 23 августа 1926 г. (см.: Котрелев и Мальковати, с. 274-275). О посылке книг О. Шор пишет 20-24 января 1927 г.: "Зинаида Николаевна просила передать Вам нежнейшие приветы, сказать, что она Вас помнит и любит. Книги, о которых Вы просили, она Вам выслала, но не знает, дошли ли они, т. к. Вы ей ничего о них не писали. Если не дошли, она вышлет вторично". На самом деле, речь идет скорее всего об оттисках статьи или об экземплярах альманаха "Театральный Октябрь".

[13] Было: "немецко–московского". Слово "московского" зачеркнуто и заменено на "советского".

[14] Европа, по Иванову, – там, где жива греко-римская культура, продолжающая свое существование в восточной, греческой, и западной, римской, ее разновидностях. Германия же, будучи Западом географически, в культурном отношении внеположна романизированной Западной Европе. См. письмо Иванова Е. Д. Шору от 26 октября 1927 г. (Cahiers, с. 337-338).

[15] О. Шор писала об этом 20-24 января 1927 г.: "О Данте я говорила с Петром Семеновичем; он сказал, что все сделает. Посмотрим! Просил он Вас целовать, хотел послать со мною 'нежное письмо', но не успел его написать".

[16] Вяч. Иванов. По звездам: Статьи и Афоризмы. СПб., Оры, 1909.

[17] Точное название статьи – "О русской идее". Напечатана впервые в "Золотом руне", 1909, I, II-III.

[18] Имеется в виду издание *Öestliches Christenthum Documente*. Herausgegeben von N. v. Bubnoff und Hans Ehrenberg. I. Politik. II. Philosophie. München 1925. В двухтомник вошли переводы Чаадаева, Аксакова, Леонтьева, Соловьева, Хомякова, Флоренского, Булгакова, Бердяева, Карсавина.

4. О. А. Шор – В. И. Иванову
27 февраля – 1 марта 1927 г. Дрезден.

Глубокоуважаемый, дорогой Вячеслав Иванович,
только что мне сообщили из Берлина, что виза итальянская пришла. Спешу выразить Вам свою глубочайшую благодарность. Безмерно радуюсь предстоящему свиданию. Пишу Вам все еще из Дрездена, где совершенно неожиданно для себя непомерно задержалась.

Приезжал сюда мой первый философический учитель и друг Сергей Осипович Гессен,[1] и мы с ним и с Федором Августовичем много и страстно говорили о Вас. Вспоминая все, что Вы сделали для духовного раскрытия России, радостно ощущая пленительность Ваших откровений, мы огорчались, что голос *Ваш* не раздается сейчас в Европе, когда ей бы нужно слушать именно его. И вот какая к Вам просьба: пришлите к 1-ому мая Федору Августовичу статью на любую из Ваших больших тем. Федор Авг<устович> мечтает, чтобы Вы показали Германии "трезвую Россию", а то Россию тут все свели с ума. Пушкина никто *не знает*. Wir nehmen Sie beim Wort:[2] "Статью о Пушкине напишу с величайшею радостью".

Скажите немцам на Пушкине "прозрачно", пронзительно, как Вы один умеете, последнюю правду о России. Но: "Пушкин" – не обязательная тема; выбор предоставляется Вам. Хорошо, если статья будет размером в полтора листа. Федору Авг<устовичу> хочется поместить ее в "Hochland",[3] но если б это почему-нибудь не вышло (что, впрочем, мало вероятно), то он устроит ее в другой многочитаемый и хорошо платящий журнал. ("Hochland" платит прекрасно). Необходимо, чтобы Вас, наконец, услышали. И еще одно: напишите статью сразу по-немецки. Зачем Вам переводчики, кот<орые>, во-первых, исказят, "кудесник слова", Ваш

язык, а во-вторых, съедят добрую половину Вашего гонорара. Ведь Вам, наверное, почти что безразлично, на каком наречии писать. А то опять: переводчики, редакторы – это усложнит, затормозит, удорожит все дело. Итак, можно надеяться?!..

Ф<едор> А<вгустович> собирался писать Вам сам, но заболел. У него (как то сейчас полагается) сильный грипп. Он лежит и по причине большого жара несет какую-то невнятицу. Как только он поправится, сейчас же поедет на Ривьеру, откуда Вам напишет обо всем обстоятельно и существенно. Открытку вашу Ф<едор> А<вгустович> получил (с большим запозданием), но не хотел *только* откликнуться, он все ждал свободного часа для настоящего ответа, а час все отодвигался всякой суетой сует.

От Евс<ея> Дав<идовича> справку насчет "Достоевского" получила. Он сообщает, что книга набирается и выйдет, вероятно, к лету, что он лично как только приедет во Фрейбург (недели через 2-3), сделает все от него зависящее, чтобы дело ускорить. Сейчас напишет Кресслингу.

"Борозды и межи" Бубнову отправила. Ответа от него не имею. В Москву послала запрос о деньгах. Со дня на день жду извещения. Думаю, что задержка произошла лишь потому, что знакомый мой уезжал на 3 недели в Крым, и деньги Цекубу выдавало в его отсутствие. Получите, наверное, за два месяца сразу. Чтобы деньги могли *не* прийти, *абсолютно* не допускаю, ибо пересылка их поручена человеку, каких почти на свете нет: доброты ангельской, исполнительности американской и возможностей грандиозных.[4] Очень прошу Вас написать мне хоть одно слово: "получил", как только деньги придут.

Мои планы таковы: как только Ф<едор> А<вгустович> поправится (дня через два-три, вероятно), поеду на неделю в Берлин. Потом на 2-3 недели в Париж и оттуда в Италию. Дальше не знаю. В Италии, вероятно, пробуду до августа. Август и сентябрь проведу, должно быть, в Германии; тогда буду читать лекции. Сейчас это меня задержало бы еще месяца на два, что для меня невозможно. В октябре придется вернуться в Россию. Но об этом мне сейчас совсем не хочется думать. Пишите на адрес сестры в Берлин. Буду счастлива получить хоть записочку от Вас.

Нат<алия> Ник<олаевна>, Ф<едор> А<вгустович> и Серг<ей> Осип<ович> шлют Вам сердечный привет. Прибавляю к нему свой. Безмерно преданная, глубоко благодарная Ваша О. Шор.

1 марта 27 г.

Простите! Письмо пролежало два дня неотправленным, т. к. вслед за Ф<едором> А<вгустовичем> и я отдала маленькую дань гриппу, почему

два дня просидела дома. Сейчас переписывать письма не в состоянии; чтобы не задерживать, отправляю старое. В Академию завтра обращусь и насчет Эсхила, и насчет Данте. Что касается Вашей статьи о "Звукообразе", то Вы уже знаете, что "Колос" рухнул и все рукописи перешли в Госиздат; ну, а Госиздат, конечно, заканителит дело. Цявловский Вам об этом писал. Он все же надеется, что сборник выйдет.

Сегодня встал Ф<едор> А<вгустович>, но совсем еще болен. Вынужден завтра отправиться в лекционное турне и оттуда в Париж и на Ривьеру. Не знаю, как это сойдет. Завтра я еду в Берлин, где буду ждать с нетерпением весточки от Вас. Адрес моей сестры: bei D-r N. Kopelmann. Bayerischestr. 34 Hochpt. *Berlin W. 15.*

Сердечный привет. О. Ш.

[1] Сергей Иосифович Гессен (Усть-Сысольск, 1887 – Лодзь, 1950) – русский философ, ученик и последователь Риккерта. Вместе со Степуном и Сеземаном редактировал русское издание журнала "Логос" (1911-1914). Его имя стало нарицательным для обозначения русского неокантианца: у С. Булгакова было выражение "гессенята", писал он также о "Гессене и прочей неокантианской мелочи" (См: В. Кейдан "Путь, что на карты не попал": Письма русских философов 1911-1914 гг. // РИА I, с. 157-341). Получил образование в Германии: после одного семестра в Гейдельберге перебрался во Фрейбург. В кн. "Мое жизнеописание" Гессен писал: "Во Фрейбурге <...> летом 1911 года я встретил Ольгу Александровну Шор, дружба с которой стала в дальнейшем одним из важнейших событий моей внутренней жизни. <...> Беседы с ней не только углубили мой образ мыслей, склонный к банальным конструкциям, но в определенном смысле расширили мой интеллектуальный кругозор, да и все мое миропонимание" (С. Гессен. Избранные сочинения. М. 1999, с. 734). В 1921-24 гг. жил в Германии, в Праге, затем в Польше. С 1934 г. был преподавателем кафедры философии воспитания Варшавского университета, а с 1946 года – ординарным профессором истории педагогики в университете Лодзи. В РАИ находятся архивные материалы Гессена: переписка с О. Шор, начиная с 1913 года, письма его жены, статья "Школа в России и революция", работа о Достоевском, "Мое жизнеописание" и книги с дарственными надписями В. И. Иванову и О. Шор. Называя его своим "первым философическим учителем", О. Шор не имела в виду актуальной общности философских позиций.

[2] Мы ловим Вас на слове (нем.).

[3] Этот проект осуществился через 10 лет, когда в журнале появилась статья Иванова *Der Ursprung des russischen Romans: Eugen Onegin* // Hochland, 35, Marz, 1937/38, SS. 442-447, перевод Х. фон Хайзелера. В том же журнале вышли прежде его эссе *Humanismus und Religion. Zum religionsgeshichtichlichen Nachlass von Wilamowitz* // 31, Juli, 1933/34, S. 307-330; *Der Sinn der antiken Tragödie* // 34, Dezember, 1936/37, S. 232-243. О журнале "Hochland" см. примечание 2 к письму Эллиса к Вяч. Иванову от 18 апреля 1936 г. в наст. издании.

[4] Имеется в виду друг Шоров Joseph A. Rosen (1877-1949), в 1921-1938 представитель в СССР организации American Joint Distribution Committee. См. о нем в *Encyclopedia Judaica.* Jerusalem 1996, v. 14, p. 269.

5. В. И. Иванов – О. А. Шор
11 марта 1927 г. Павия.

Павия, 11 марта ‘ 27.

Дорогая Ольга Александровна, поздравляю Вас и себя с получением итальянской визы: это разрешает утвердительно вопрос о нашем свидании, а может быть – и более длительном совместном пребывании летом в каком-нибудь одном месте. Спешу также уведомить Вас о получении Лидией в Риме суммы 87 долларов 50 центов от какого-то американского банка... “Из-под таинственной холодной полумаски звучал мне голос твой...”[1] Узнаем Ваши и Вашего доброго поверенного махинации, чтобы переправить мне двухмесячную выдачу из Цекубу и сердечно Вас и его благодарим. – Итак, Вы довольно долго пробыли в Дрездене, а теперь, гляди, уже в Париже. Хоть это письмецо Вам, должно быть, перешлют, все же не охотно пишешь в неизвестность. О статье уже думал, даже написал (по-немецки) первую страницу; тема пусть будет “Пушкин”.[2] Жду вестей и “Переслегина” от Федора Августовича. Кланяюсь Сергею Гаспаровичу.[3] Привет Евсею Давидовичу, пишите!

Глубоко Вам преданный и признательный

Вяч. Иванов.

[1] Строка из одноименного стихотворения Лермонтова.

[2] В РАИ находятся 3 фрагмента статей о Пушкине по-немецки: набросок в полстраницы, относящийся к марту-апрелю 1925 г. (оп. 2, № 93, л. 5 об), и два недатированных отрывка – второй из них на немецком и русском языках (оп. 2, № 100, 101).

[3] Очевидно, так Иванов ошибочно именует Гессена.

6. В. И. Иванов – О. А. Шор
16 марта 1927 г. Павия.

Павия, 16 марта ‘ 27.

Дорогая Ольга Александровна, получив только что Вашу открытку из Берлина,[1] спешу на нее ответить, пока Вы еще там. Письмецо мое, с уведомлением о получении 87 долларов, благополучно дошло, – не правда ли?

Что до мероприятий с целью сохранения академического обеспечения, – заявление, которого Вы требуете, прилагаю на Ваше рассмотрение и употребление, но, откровенно говоря, не думаю, что способствую "культурному сближению" с *Советской* Россией, какого в Москве хотят, ибо лекции мои трактуют о религии, проникнуты религиозным духом и, хотя безусловно аполитичны, plaident la cause des persécutés contre les persécuteurs.[2] Они в России не понравились бы, а так как мое достоинство русского писателя не позволяет мне кривить душою и лгать, хотя бы и косвенно, то Вы сделаете нечто для меня приятное, если прилагаемое заявление не пошлете по адресу, а уничтожите, хотя прямого обмана в нем и нет и оно прозрачно для имеющего глаза (почему, кстати сказать, и не убедительно). Если меня не считают достойным пенсии, то видимо акад<емическое> обеспечение удержать не придется. Заменили бы ее верным заказом большого перевода (напр<имер>, Данта)! Что до цифр, Вам нужных, – я получаю в Collegio Borromeo при полном и превосходном содержании, всего 600 лир в месяц. Академические жалованья в Италии вообще очень малы. За лекции заплатили мне 1500 лир. За "Переписку из двух углов" получил я, как Вы знаете, 100 марок. Больше ничего. Лидия дает уроки. Прилагаю одно газетное entrefilet,[3] чтобы показать *Вам*, что мои лекции для наших властей скорее нежелательное, нежели приятное явление. Петра Сем<еновича> еще письмами и просьбами утруждать не буду.

Пишите пожалуйста часто, дорогой друг. Ваш Вяч. Иванов.

[1] Иванов отвечает на письмо О. Шор от 12 марта 1927 г., где она, в частности, пишет: "<...> несмотря на то, что мне крепко обещали сохранить при апрельском пересмотре за Вами акад<емическое> обеспеч<ение>, я все же очень волнуюсь и думаю, что пора уже начать принимать меры. <...> В Цекубу официально надо будет дать справку о деятельности Вашей и материальном положении. Очень прошу Вас составить соответственное заявление (указывать надо главным образом на 'культурное сближение' Вами осуществляемое etc.) и прислать его *мне*. *Прямо* в Москву *не* посылайте. Я к заявлению Вашему приложу лирическое письмо и направлю куда следует. <...> Сообщите еще мне обстоятельно, сколько точно (и в виде жалованья, и в виде гонорара за лекции и статьи – укажите заглавия их) Вы заработали за последнее полугодие. <...> Думаю, что, пожалуй, следуéт еще написать Петру Семеновичу. Он сам не имеет отношения к распределению стипендий, но его слово значение, конечно, имеет. Об обещании продлить акад<емическое> обесп<ечение> Вы ему, конечно, *не* упоминайте, а напишите только, что Вам необходимо до конца командировки пробыть в Италии, а без денег это невозможно; командировка же продлена до середины июня. <...> О продлении командировки хлопотать еще рано. Поговорим при свидании, о кот<ором> с нарастающим нетерпением мечтаю".

[2] Выступают в защиту преследуемых против преследователей (фр.).

[3] Заметку (фр.).

7. В. И. Иванов – О. А. Шор
16 июня 1927 г. Рим.[1]

Дорогая Ольга Александровна.

Ау! ау! ау!

Я в Риме, via Bocca di Leone 50, с 13-го июня. Когда увидимся?

Ваш

Вяч. Иванов.

[1] Открытка с изображением балдахина Бернини в соборе Св. Петра. Датируется по почтовому штемпелю. О. Шор, судя по открытке из Парижа от 3 мая 1927 г., намеревалась быть в Риме 9 мая.

8. В. И. Иванов – О. А. Шор
13 сентября 1927 г. Рим.[1]

13 сент<ября> утро.

Дорогая Ольга Александровна.

Грустно без Вас. Прерван музыкальный ритм недавней жизни... Помимо этого печального констатирования, нет ничего нового сообщить Вам.

Ни Лидия, ни Дима еще не явились. От Евсея Давидовича по-прежнему ни слуху ни духу.

Ольга Ив<ановна> Синьорелли страстно желает с Вами увидеться, и т.к. уезжает опять в четверг, в Олевано,[2] то собирается, когда Вы будете в Риме, приехать для свидания с Вами.

Счастлив, что поездку Вы восторженно хвалите в двух полученных мною открытках – из Перуджии и из...?[3] – за которые благодарю Вас.

Во Флоренции передайте мой нежный привет Ник<олаю> Петр<овичу> Оттокару.[4]

Андрею Яковлевичу[5] (горжусь, что он благодарит меня за "очаровательного спутника") сердечный поклон.

Нетерпеливо ожидающий Вас

Вяч. Иванов.

[1] Адресовано во Флоренцию до востребования. В это время О. Шор отправилась путешествовать по Италии вместе с А. Я. Белобородовым (см. прим. 5).

[2] Городок в горах под Римом, место летнего отдыха.

[3] Открытки не найдены.

[4] N. Ottocar (1884-1957) – историк, ординарный профессор Флорентийского университета, автор классических работ по истории флорентийской коммуны. Был учеником И. Гревса, но с Вяч. Ивановым познакомился лично только в Италии. У Ивановых его звали почему-то Серым Волком. В молодости, до эмиграции в Италию, играл важную роль в русской университетской жизни. В библиотеке РАИ находятся его книги с дарственными надписями: 1) *Il Comune di Firenze alla fine del dugento*. Firenze 1926 ("A Venceslao Ivanov devoto omaggio dell'autore"); 2) *Firenze. Cenni di storia e di cultura fiorentine*. Firenze 1938 ("Al chiarissimo Professore e caro amico Venceslao Ivanov con sincero affetto offre l'autore"); 3) *Venezia. Cenni di cultura e di storia veneziane*. Firenze 1938 ("Al caro e venerando amico Prof. Venceslao Ivanov questo peccato di gioventù offre l'autore. Novembre 1938 (XVII) Aff-mo Nicola Ottocar"); 4) *Siena*. Firenze 1944 ("Al carissimo ed illustre amico Prof.Venceslao Ivanov, con viva simpatia e sincero affetto offre Nicola Ottocar. Firenze 1. IX. 1945") и 5) *Studi comunali e fiorentini*. Firenze 1948 ("All'illustre Maestro, nonché carissimo ed <нрзб> amico Prof. Venceslao Ivanov, con sincero affetto, offre Nicola Ottocar. Firenze, agosto 1948"). В РАИ находится 22 письма Оттокара к Иванову за 1925-1942 гг. (оп. 3. п. 157).

[5] Андрей Яковлевич Белобородов (1886-1965) – художник и архитектор, с 1920 по 1932 гг. жил в Париже, с 1934 поселился в Риме. Два альбома – "La grande isola" и "Танец", а также ряд его картин находятся в собрании Д. В. Иванова. Работы Белобородова находятся в Гос. Русском музее и в Museo di Roma. О нем: Иванова, с. 238–239; I, 853–854; Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкинд. Художники русской эмиграции. (1917–1941). СПб. 1994. Д. В. Иванов написал о нем статью в книге: *Beloborodoff. Vedute di Roma presentate da Henri de Régnier*. Breve guida di Jean Neuvecelle. Roma 1961.

9. В. И. Иванов – О. А. Шор
19 сентября 1927 г. Рим.[1]

Понедельник.

Дорогая Ольга Александровна,

Сегодня я занимаю комнату у Tomasicchio;[2] Лидия очищает Вашу и переселяется на Bocca di Leone.

Ожидали Вашего приезда сегодня. Последняя весть от Вас была из Пезаро.

В субботу неожиданно явились к нам на Bocca di Leone Диоскуры,[3] пили у нас кофе и слушали Лидину музыку. В тот же вечер принимали нас всех троих у Бойченко,[4] где мы обедали. Они очень, очень милы. О

невозможности увидеться с Вами горько скорбели, но остаться в Риме не могли – в воскресенье утром выехали, а для Вас оставили письмо, которое сохраняю для передачи Вам.

Ольга Ив<ановна> Синьорелли стремится с Вами увидеться: если Вы не поедете в Олевано, приедет она в Рим. Об этом Вам нужно будет списаться.

В Риме Дягилев[5] и зачем-то меня "отыскивает", ибо адреса моего не знает, а я – его адреса.

Отсутствие вестей от Вас меня тревожит. С нетерпением жду Вашего возврата. Votre courrier vous attend 93 Corso.[6] Приветы от Лидии и Димы.

Апантетически[7] Ваш

Вяч. Иванов.

Из Фрейбурга никаких сигналов!

[1] Письмо датируется по почтовому штемпелю. Адресовано во Флоренцию до востребования, но отослано отправителю.

[2] Фамилия хозяина будущей квартиры О. Шор в Риме.

[3] О ком идет речь, не установлено. Д. В. Иванов полагает, что это мог быть Белобородов с каким-нибудь своим приятелем.

[4] Неустановленное лицо.

[5] Сергей Павлович Дягилев (1872-1929). Д. В. Иванов вспоминает, что его отправили в гостиницу Plaza на Corso Umberto, где остановился Дягилев, швейцар звонил в номер по телефону, а затем передал трубку ему, и они о чем-то с Дягилевым говорили. Лично в упоминаемый приезд Дягилев с Вяч. Ивановым не встречались.

[6] Для Вас лежат письма на Корсо 93. (фр.).

[7] "Апантема" – термин О. Шор, который она производила от греческого корня ἀπάντημα – "встреча, совпадение", одно из основных понятий ее философской системы, изложенной в книге "Мнемология" (РАИ, неопубликовано). Оно близко формуле В. Иванова "Ты еси, следовательно, я есмь": человек познает реальность самого себя тем, что встречает реальность другого человека. "Апантетизм" – это внутренняя связанность; он соотносится с другим понятием – соборностью, радикальное начало которой – "ты еси", "я есмь", мы связаны, так как вместе укоренены в абсолютном существе, которое есть Бог (Прим. Д. В. Иванова). См. также Д. В. Иванов. Фрагмент из воспоминаний // Europa Orientalis. 1999. 2, с. 269-270.

10. В. И. Иванов – О. А. Шор
25 ноября 1927 г. Павия.

25. XI. ‘ 27.

Дорогая Ольга Александровна,

Как славно было бы, если бы в глубокой тишине моей большой светлой квадратной сводчатой кельи, куда через решетку окна и зелень кустов и елей за окном матово глядит полуденное солнце, завели мы с Вами – “милая, потихоньку, родненькая, полегоньку” (о, как я устал!) – задушевный “апантетический” разговор о большом и … недвижном, о корнях бытия и их глубинной жизни… Denn ich vermisse Sie schmerzlich! Il est vrai que vous étiez un peu remuante,[1] и от Вас нужно немного отдохнуть; но я предпочел бы еще некоторую усталость от Вас этой невозможности иметь Вас подле себя. – Милая, начали ли Вы по крайней мере заниматься[2] или все отдаете себя без устали и без оглядки нам? Но насколько я дорожу Вашими штудиями – и насколько покровительствую также Вашей потенциальной дружбе с О<льгой> И<вановной>, – настолько ревную, ужасно ревную – к Леле,[3] стихия которой, мне враждебная, наверно уже вливает свои охлаждающие струи в Вашу чудесную и, несмотря на все Ваши рассудочные повадки, безумную душу. Впрочем, такие как мы с Вами (ведь у нас очень много общего, et tant pis![4] – во всяком случае это не комплимент Вам) не могут не возбуждать ревности в тех, кто их любят (мрр… по-египетски[5]).

Простите эту галиматью. Набрасываю эти строки совсем случайно – просто потянуло руку к перу, чтобы немножко поболтать с Вами и обмануть разлуку – без всякой цели сказать что-нибудь дельное и вообще что-нибудь, кроме одного, что мне без Вас томительно скучно – Милый Фламинго,[6] мне не достает розового облачка Ваших крыльев в обнимающем меня воздухе. – Ваш Вяч. Ив.

P.S. У нас есть теперь ящик для писем – из него два раза в день письма относятся на главную почту, – и вот соседство этого ящика с моей кельей соблазняет, набросав несколько строк и не оглядываясь на написанное, тотчас бросить их в ящик, – что всегда похоже на то, будто сжигаешь корабли, ибо перечитывание и задержка в отсылке возбуждают самокритику, проверку, нерешительность и желание разорвать письмо. А тут как будто постучался, точнее, поцарапался к Вам, заявил очередную глупость и – исчез – без памятного знака.[7]

[1] Мне болезненно Вас не хватает (нем.). Правда, Вы были чересчур неусидчивой (фр.).

[2] О. Шор работала одновременно над исследованием о Микеланджело и "Мнемологией", которую она завершила в конце жизни (рукопись хранится в архиве О. А. Шор в РАИ).

[3] Уменьшительной имя Елены Александровны Ковалевой-Пельш (1898-?), двоюродной сестры О. Шор по материнской линии, первой жены Е. Д. Шора. Их дома в Москве находились рядом, общение семей было очень тесным, но бытовым. Ковалева училась на философском отделении Женских курсов и занималась музыкой у Д. С. Шора. Впоследствии жила в Париже и наездами в Риме. В Париже у нее было машинописное бюро, и, кажется, довольно широкие знакомства в эмигрантских кругах, в том числе и с деятелями культуры. В РАИ находится ее юношеская переписка с подругой детства и несколько писем к О. Шор, с которой они общались впоследствии и через Д. В. Иванова, часто посещавшего Е. А. Ковалеву в Париже. У Ивановых ее звали Сеттером (также и с одним "т"), О. Шор именовала ее иногда Собакой или Псом. Трудно сказать, занимала ли она большое место в реальной жизни Ивановых, однако в воображаемом мире "Пули времен" была одним из постоянных персонажей. "Пуля" постоянно публиковала либо "Мемуары Сеттера", либо исповедь "Почему я сбежала в Париж", либо ученые изыскания m-me Элен Ковылевой, или Кобылевой-Герн (ассоциация с ее фамилией по мужу-голландцу), либо галантные письма некоего ветхого вдовца, к ней обращенные. Вероятно, период, отразившийся в публикуемой переписке, был также временем наиболее тесного общения В. Иванова с Ковалевой. О ней: Иванова, с. 228.

[4] Ничего не поделаешь (фр.).

[5] Аллюзия на "уроки египетского языка" О. Шор, в котором корень слова любовь звучит как "мрр".

[6] Прозвище "Фламинго" было придумано Л. В. Ивановой и синтезировало физический (сходство с птицей) и духовный ("розовость" и окрыленность) облик О. Шор, а также страсть, которую она питала к Египту, т. к. фламинго прилетали из Египта. Подробнее см.: Иванова, с. 185-186. "Птица" переписки – это мифологическая птица как таковая, поэтому она может быть носительницей качеств, символизируемых птицами вообще, и любой из конкретных мифологических птиц в частности. Как любое крылатое существо, она соответствует духовному началу, мысли (а также знанию) и высшим человеческим проявлениям. Птица, особенно в Египте, – символ души: иероглиф, обозначающий душу, представляет птицу с головой человека. Это переходная фигура, связывающая земной и небесный миры, посредник между богом и человеком, небесный посланник, и в этом отношении соответствует ангелу (Иванов называет Шор "розовым ангелом Памяти"). В индийской традиции (которая хорошо была знакома Иванову и Шор) именно птица олицетворяет залог дружественного отношения богов: она находит Сому – эликсир бессмертия – на вершине неприступной горы и приносит ее людям. Представление о птицах как о существах иного мира и о вестниках отражается в традиции гаданий по их полету или пению. Они также имеют отношение к началу мира (солнечная Птица олицетворяет божество-творца): по словам поэта Saint John Perse, птицы сохранили для человека нечто от песни творенья. Поздравляя с днем рождения Л. В. Иванову в открытке от 27 апреля 1929 года, Иванов называет О. Шор "розовокрылою птицею памяти": "Упомянутая птица, таинственного и священного происхождения, имеет чудесную силу будить в избранных душах своею близостью Память, как неиссякаемый и чистейший источник творчества. Если ты из ее песен или просто из розовых отблесков первоначального рая, оставшихся на ее крылышках, научишься *вспоминать*, то не хватит в Евро-

пе и Америке нотной бумаги, чтобы записать те ‘звоны, что всплывают глухо из Летейских омутов души’”.

Общий символизм птицы в переписке обогащается вторичными значениями, которые вытекают из уподобления О. Шор фламинго. Во-первых, фламинго парит в вышине и представляет духовное устремление и высоту духа, ибо разным видам птиц соответствуют разные человеческие качества. Окраска имеет решающее значение для определения соответствия между определенной птицей и душевными свойствами, и эта тема развивается Ивановым на протяжении всей переписки. Розовый – это градация красного, но смягченная, можно думать, что это женская ипостась красного цвета. Розово-красный фламинго связывается с зарей, солнцем и огнем, что делает возможным переход к новому представлению о божественной солнечной Птице и к пурпурному фениксу. Для гностиков розовый – цвет воскресения, так как это – цвет тела, что также поддерживает сходство с фениксом. Во-вторых, египетское происхождение фламинго дает ключ к толкованию многих образов переписки в контексте египетской мифологии. Так как кот – тотем Ивановых – тоже священное египетское животное, и животное посвященное (жрец), возникает общее смысловое поле, где они “апантетически” встречаются. Птица в Египте связана с Тотом (чаще всего этот бог изображался с головой ибиса) и через Тота – изобретателя языка и письменности, покровителя всех, кто имеет какое-либо отношение к закреплению мира на письме – к египетскому писцу и Памяти. Тот, в свою очередь имеющий отношение к солнцу (сопровождает бога Ра на его ладье) и фениксу (как психопомп), получает долгую жизнь сначала в древнеримской, а потом и европейской традиции, преобразившись в Меркурия, связывающего мир богов с миром подземным, и Гермеса Трисмегиста.

Вместе с тем принадлежность “Фламинго” к птицам развивается в переписке и в конкретно-образном плане: дом ее – птичник, у нее черный клюв и длинные ноги, перья, крылышки, она клюет, издает звуки “кх-кх”, парит над Нилом, летает невесть где и т. д.

[7] Ответ – письмо О. Шор от 26-27 ноября 1927 г.: “<...> перечитываю, только что полученные мною Ваши милые строки, думаю о Вас - и ‘весело мне’... Большая, белая, сводчатая ‘келья’ небезызвестного Вам барочного palazzo, пригласительные ступеньки ведут к итальянскому окну, за которым деревья и ‘матовый свет’ полуденного солнца или полуночной луны... Вы торжественно сидите за письменным столом, а Фламинго присел на ступеньку окна, и мы апантетически перекликаемся о ‘корнях бытия’; но ‘потихоньку’ ли, ‘полегоньку’ ли – не знаю. Уж очень это не в ритме Вашей и моей жизни, не в стиле нашего апантетизма. Но Вы правы, конечно (даже независимо от Вашей усталости). Если общение настоящее, о ‘корнях бытия’, то в глубине оно всегда ‘потихоньку’ происходит, ‘полегоньку’. А на периферии пусть буря – почему бы не она? – ведь не спячка же, говорит о Тишине. Неужели я Вас утомила в последнее время? Я так сдерживалась, давала Вам покой, не хотела ‘тревожить Вас ничем’. Мне нужно было, чтобы в ближайшей памяти Вашей осталась не тревога, не боль, а ‘розовое облачко’ чьих-то ‘крыльев’. А вот теперь мне ужасно захотелось постучаться к вам в душу, послать ‘вопросник’, а Вы мне: ‘о, как я устал!’, но это ведь ничего не значит, – такие как вы (впрочем, *таких,* конечно, нет) могут уставать – физически, душевно, но *духовно*? – нет, нет! Вы еще *не* все сказали, Вы не смеете устать! <...> Хочу лишь сообщить Вам (что Вы, впрочем, уже знаете из посланной открытки) радостную весть: Димочке определенно лучше. Он прибавил 2 кило и чувствует себя много бодрее. Доктор (я с ним говорила) доволен, рассчитывает скоро Диму поднять. <...> Честное слово, мы

пишем и будем писать чистейшую правду. Скрывать ее от Вас *теперь* было бы абсурдно. <...> Димочка отвоеван, отмолен. Мне вообще кажется, что перевернулась какая-то трудная страница книги Вашей Жизни; дальше светло. Но чтобы *жить* в радости, надо иметь много сил. <...> Пишите о себе. Как себя чувствуете? Что Достоевский? Довольны ли занятиями с учениками? Вы понимаете, конечно, что вопросы эти – форма воздержания от вопросов... Одно только мне еще спешно надобно Вам сообщить: знакомые Вам двери птичника тоскуют по царапавшим их лапкам Кота, а глаза и крылышки Фламинго – по красивой человеческой – (человеческой ли?) – руке с магическими, обнимающими ее пальцы самоцветными знаками, приглашающими 'гадать по звездам'..."

11. В. И. Иванов – О. А. Шор
7 декабря 1927 г. Павия.[1]

7 дек<абря> 1927.
вечером.

Дорогой друг Ольга Александровна.

Что могу я Вам сказать о себе? – Вот, скоро, даст Бог, увидимся... да, но и при свидании я ничего, должно быть, не сумею Вам о себе сказать, т. е. вынести из своего внутреннего мира какие-нибудь *вести*. Но в нем зима, – ни цветов, ни плодов, ни признаков выявлений жизни. Впрочем, не может быть, чтобы Вы сама живо не представляли себе поглощающий меня моноидеизм, и что единственная мысль моя о Диме[2] – Вы это знаете... И до такой степени парализована моя мысль, что я не могу даже распутать того, что напутал когда-то в "Достоевском" о Душе Мира, – и я бессильно бьюсь над должною редакцией этого места (но и ряда других также), и рукопись бедного Кресслинга все лежит на письменном столе. Кстати, о "Достоевском" (ибо лучше, и даже единственно возможно говорить только о мелочах): ответ мой на вопрос Евсея Дав<идовича>, конечно, положительный; то, что он пишет (т.е. что Вы выписали), прекрасно. Другой же вопрос Вы предпочли решить самодержавно[3] – так тому, значит, и быть!.. Поклонитесь от меня Елене Александровне. Как хорошо, что она уложила Вас на два дня отдыхать! Очень рад, что Ваша метаморфоза во Фламинго признана державами.[4] Благодарю за урок египетского языка,[5] о священный Фламинго! Кстати, не сообщите ли и его иероглифы? – После приезда проф<ессора> Грициотти[6] из Америки, они исчезли с горизонта: Вы понимаете, как это досадно моему нетерпению узнать, нет ли оттуда вестей для меня.[7]

Нехорошо, нехорошо, о розокрылый волшебник, что Вы не хотите дружиться с Ольгой Ивановной.

Что ж, присылайте "вопросник" – подумаю; или сейчас отвечу, или приготовлюсь к Риму. Сомневаюсь однако чтобы было о чем спрашивать. Получили ли вы от Лидии мой долг – 1000 лир?

Не могу удержаться от удовольствия сообщить Вам следующую выписку из письма моего славного толстяка, Евгения Васильевича:[8] "Ну, как Дима? А вы с Лидией пережили тревожные дни, в которые Ольга Александровна показала всю свою доброту и привязанность. Все мои симпатии теперь принадлежат ей. Готов извинить даже приверженность к современной немецкой философии, что считаю одним из наиболее ужасных и нечестивых пороков"... *Sic!*

Письма и открытки *все* получаются, но 4 раза очередную открытку приносили на другой день вместе с открыткой следующего дня.[9]

До свидания, дорогой друг

Вяч. Ив.

Как я счастлив, что Вы в Риме! Кстати, о Риме: не пишите в заголовке письма "Рим", а пишите лучше *час.*

Только что играл 2 партии в шахматы: одну выиграл, другую потерял. Вот Вам все же сообщение *о себе.*

[1] Ответ на письмо О. Шор от 6 декабря 1927 г.

[2] У Д. В. Иванова открылась острая форма туберкулеза.

[3] Имеются в виду приведенные в письме О. Шор к Иванову от 6 декабря 1927 г. цитаты из письма к ней Е. Д. Шора от 29 ноября 1927 г. по поводу перевода "Русской идеи": «1) "Надо ли дополнить предисловие фразой, о которой я писал Вячеславу Ивановичу: 'Однако и в формах своего Воскресения русский народ сохранит, как величайшее сокровище свое и вечное предостережение, память и печать своего нисхождения; в формах объективной культуры этому будет соответствовать стремление к увенчанию всех сфер культурного творчества единящим религиозным смыслом' и немецкий вариант этого фрагмента. 2) Нет, 2-ой вопрос решу по-своему. Если Вам интересно, потом Вам расскажу". Это был технический вопрос о выборе подходящего варианта перевода одного из выражений.

[4] "Фламинго" стал "официальным" прозвищем О. А. Шор в семье Ивановых и их друзей (прим. Д. В. Иванова). Оно превратилось в имя собственное: например, так же именовали ее в письмах итальянцы, хотя по-итальянски "фламинго" звучит как "fenicottero".

[5] Имеется в виду письмо О. Шор от 26-27 ноября 1927 г., где рассказывается о спряжении египетского глагола "любить" и приводятся иероглифы "кот" и "птица".

[6] Benvenuto Griziotti (1884-1956) – с 1920 профессор экономических наук в Павийском университете, директор научного института финансов в Павии. Ср.: Минувшее. 3, с. 61, 76.

[7] Иванову предложили место ординарного профессора в Кордове (Аргентина), но из-за государственного переворота приглашение потеряло силу. См.: Иванова, с. 162 (она относит это событие ко времени, предшествовавшему переезду отца в Павию, за ней ту же ошибку повторяет Р. Бёрд). Подробнее об аргентинских планах В. И. Иванов говорит в письмах к детям 1927 г. См: Вячеслав Иванов: Материалы и исследования, с. 26-27. В РАИ находится письмо жены проф. Грициотти, которая уведомляет, что и для Л. В. Ивановой в Аргентине нашлась работа органистки и преподавателя музыки.

[8] Цитируется письмо Е. В. Аничкова (1866-1937) от 23 ноября 1927 г. (оп. 3, № 10, лл. 7-8), близкого друга Вяч. Иванова еще с эпохи Башни (см.: Иванова, с. 37-38 и сл.; Шишкин 1989, с. 490 прим. 4). В РАИ находятся 7 писем Аничкова Иванову за 1925-1936 гг. (оп. 3, № 10).

[9] О. Шор каждый день (иногда дважды в день) писала в Павию о состоянии Д. В. Иванова.

1928

1. В. И. Иванов – О. А. Шор
16 января 1928 г. Павия.

Понедельник, 16. I. '28.

Дорогой друг, я уже начинал тревожиться за Вас, и действительно, – как вижу из полученной только что открытки, – с Вами случились в Генуе какие-то неприятности. Не думал я, что Вы так долго задержитесь в Генуе, воображал Вас давно в Милане и не знал, чем объяснить Ваше молчание.

Разумеется, мы должны увидеться в Павии. От самой мысли о Вашем проезде мимо я испытываю боль и обиду. Правда, свидание наше будет весьма мимолетно; все же это лучше, чем не увидеться вовсе.[1]

Повторяю наставления: утром Вы должны осмотреть Чертозу.[2] (Вы возьмете поезд в 8 ч. 20 м. и будете на станции Certosa в 8 ч. 49 мин.); после осмотра монастыря Вам придется (что я уже заранее, как Вы, м<ожет> б<ыть>, помните, оплакивал) ждать праздно поезда в Павию, кот<орый> выходит из Чертозы в 13.36 и доставляет Вас в наш город через 10 минут. (Есть и трамвайная линия между Миланом и Павией, но она менее удобна: Вы выезжаете трамваем в 13.25 и будете в Павии в 13.50). В Павии Вы придете в Collegio Borromeo за мной, и мы осмотрим три церкви и посидим в кафе. Я покину Вас так, чтобы мне быть в Collegio к 6 ч., а Вам на вокзале к поезду 18.14: в 20.25 будете в Генуе – и, если хотите, в 1 ч. 37 м. ночи в Пизе.

Если предпочитаете, я Вас встречу на вокзале, чтобы Вам не идти через весь город в Collegio (который мы можем во всяком случае посетить вместе). Пожалуй, так лучше, и время выгадывается, п<отому> ч<то> вокзал на противоположном конце города чем Collegio.

Во всяком случае я жду от вас экспресса или телеграммы; но желательно получить их *накануне*, а не в самый день Вашего приезда.

Из Рима я получаю вести вполне успокоительные.

Сердечный привет другу Ганчикову.[3]

До апантетического свидания.

Вяч. Иванов.

[1] Ответ на письмо О. Шор от 15 января 1928 г.: "Хоть у меня и много старых и новых 'тем' для (предстоящего?) разговора с Вами (они ведь были только растревожены, даже и не отмечены по дороге из Рима в Геную), но я все же не настаиваю на Павийском свидании, если оно в какой-нибудь мере неудобно 'компрометантно' для Вас. Буду ждать соответствующего сообщения от Вас; оно определит мое решение. <...> Пробуду в Милане 2 дня; *отсутствие* ответа от Вас сочту за ответ *отрицательный* и проеду Павию, Вас *не* увидев, что, естественно, для меня будет весьма огорчительно. Если в Милане задержусь – напишу еще. В Генуе потеряла много времени зря, хотя все же видела много. Случилась со мною глупость, кот<орую> опишу при свидании или в ближайшем письме. Два дня я по причине ее провалялась: сначала в какой-то дыре, куда случайно попала (анекдот тоже при свидании), потом в приличной гостинице. Генуя очаровательна. Какие чудесные лестницы! А природа все же скучна".

[2] Чертоза <ди Павия> – городок в 8–ми км от Павии, где расположен картезианский монастырь XIV–XVIII вв.

[3] Леонид Федорович Ганчиков (1893-1968) – философ и историк, друг семьи Ивановых и О. Шор. Жил в это время в Милане. О нем: Иванов и Кутузов, с. 510 прим. 1. В РАИ находятся 26 писем Л. Ф. Ганчикова В. И. Иванову и его семье за 1928-1968 гг. (оп. 3, № 41).

2. О. А. Шор – В. И. Иванову

20 января 1928 г. Пиза.[1]

Глубоко и радостно взволнованный разговором с Вами, Фламинго не способен был испытывать неприятные ощущения и не обиделся наличностью душного, дымного купе, населенного пятью душными и дымными мужчинами, кот<орые> всячески старались помешать ему думать о том, о чем легко думалось. В самом веселом настроении влетел он в Пизу и помчался на Соборную Площадь. Там он встречал восход яркого солнца, видел, как серый (бело-серый на фоне сначала черного, потом блестящего синего неба) мрамор розовел, оживал от прикосновения нежных лучей и непреложно утверждался в своем волшебном бытии... Предоставляю "кудеснику слова" выразить, что Фламинго чувствовал, у него для этого нет языка! Ужасно хочется услышать Ваш голос; но не решаюсь просить Вас писать в Сиену; Ваше послание слишком большая драгоценность, чтобы подвергать судьбу его такому риску. Но если Вы письмом встретите меня в Риме, буду бесконечно благодарна. Приеду как будто бы к Вам.

Фламинго ножкой приветствует своего Повелителя.

[1] Открытка с изображением Соборной площади в Пизе.

3. В. И. Иванов – О. А. Шор
23 января 1928 г. Павия.

Pavia, 23. I. '28.

Милый, радостный Фламинго!

Как я счастлив, что был с Вами эти немногие часы в Павии. Давно не удавалось нам так глубоко и проникновенно побеседовать. Вы опять умели прийти чудесною гостьей, и вместе *своею,* по самым затаенным переходам моего душевного лабиринта, – царица Савская, превращенная в заревое облачко-птицу. О том, как постепенно розовел и оживал мрамор перед Вами, пришедшею на площадь Пизы до света, Вы сказали – только что дошла до меня Ваша весточка – так, что лучше не скажешь: мне показалось, что я сам был там с Вами. Фламинго ли не чувствовать "прикосновения нежных лучей" восходящего солнца... "И непреложно утверждался в своем волшебном бытии". Восхитительно сказано о пизанском мраморе, и почувствовано из недр Памяти. – Но какою аскезой Вы заслужили видеть a thing of beauty![1] Только молодость способна на такие подвиги. В 4 ч. утра Вы уже начинаете свое паломничество после бессонной ночи в ужасном вагоне...

Приветствую Вас заочно в Риме. Да будет Вам плодотворен этот возврат. Пишите мне, как только уловите минутку. О своих заботах – с минуциозною обстоятельностью.

До свидания, пока лишь в мыслях, чудесное существо!

В. И.

[1] A thing of beauty is a joy forever (англ.) – строка из вступления к поэме "Эндимион" Джона Китса (1818).

4. В. И. Иванов – О. А. Шор
8 февраля 1928 г. Павия.[1]

8. II. '28.

Вместо обещанного заманчивого письма, – Фламинго моего сердца! – имею, и то не от Вас, а только о Вас, тревожные вести. Так как в патологической сфере Вы представляете собою живое опровержение детер-

минизма, ибо Ваши недуги никогда не проистекают из других причин, кроме Вашего собственного свободного изволения, – я спрашиваю себя, отчего приключился флебит и бывает ли таковой происхождения травматического? Во всяком случае, отдайте в нем отчет! Но то обстоятельство, что я доказал свое право винить и бранить Вас (к счастию для Вас, заочно), не рассеивает все же моей серьезной тревоги. С флебитом не шутят, а Вы умеете только шутить с собою. При флебите необходима полная неподвижность, а Фламинго и неподвижность – "две вещи несовместные".[2] И Ликот[3] не сумеет подвергнуть Вас надлежащей дисциплине и выходить Вас. Отсюда угроза тягчайших осложнений. В заключение, я нервничаю и апантетически ощущаю (серьезно!) симптомы просыпающегося собственного флебита. После этого Вы не друг, а автаркическая[4] заревая птица, розовое облачко безучастное.

В. И.

[1] Почтовая карточка.

[2] Цитата из "Моцарта и Сальери" Пушкина.

[3] Одно из домашних имен Л. Ивановой, производное от "кот" (ЛИдия КОшка), обычно употреблялось в форме мужского рода.

[4] Самодостаточная (греч.).

5. В. И. Иванов – О. А. Шор
9 февраля 1928 г. Павия.[1]

9. II. '28 веч<ером>.

Дорогой Фламинго, пожалуйста телеграфируйте мне Ваше мнение (а также, если возможно, и Ликотово), что я должен ответить на только что полученную из Москвы нижеследующую телеграмму с оплаченным ответом:

> "Collegio Borromeo Ivanov Pavia Italia – Pavia Moscou Radiovienna – Разрешите печатать Красной Нови ваши новые стихотворения. Поручению редакции Всеволод Иванов."

Г. И. Чулков пишет что мои стихи ходят в списках[2] и Кр<асная> Новь[3] (Раскольников[4] и Вс. Иванов[5]) хотели их напечатать все, кроме "Собак".

Меня подмывает ответить, что печатать их пока воздерживаюсь.

Или же ответить: "Согласен с условием напечатать первым стихотворением 'Палинодию'".

Прошу совета телеграммой.
Ваш В. И.

[1] Почтовая карточка.

[2] В письме от 14/27 января 1927 г. (оп. 3, № 204, л. 1-2), Чулков, в частности, писал: "В моих руках оказались списки пяти твоих стихотворений, из коих 'Собаки' и 'Палинодия' потрясли мое сердце. 'Палинодия' <в оригинале по-гречески> переписана рукою Надежды Григорьевны неоднократно, и она вручает эти стихотворения друзьям, даже тем, кто глух к поэзии <...> Пожалуйста, извести меня, разрешаешь ли ты их печатать, а еще лучше извести их непосредственно <т. е. Раскольникова и Вс. Иванова. – Комм.>".

Один из списков, изготовленный, по-видимому, Чулковым, описан Н. В. Котрелевым. В него входят ст-я 1924-1927 гг. "Язык" ("Родная речь певцу земля родная..."), "Собаки", "Notturno" ("Ропот воли в сумраке полей..."), "Каменный дуб" , "Палинодия", "Римские сонеты" и "Уж расставались мы, когда, подвижник строгий..." (названия даются по СС). См.: Котрелев 1995, с. 205-206. Все ст-я, кроме последнего, были напечатаны впервые в "Современных записках" (1937, LXII , LXIII и LXV) и вошли с изменениями в сборник "Свет вечерний". "Уж расставались мы, когда, подвижник строгий..." опубл. в IV, 94.

[3] Первый советский "толстый" журнал "Красная новь", Москва 1921-1942.

[4] Писатель и журналист Федор Федорович Раскольников (наст. фамилия Ильин, 1892-1939) стал редактором журнала "Красная новь", после того как в 1927 г. по обвинению в троцкизме с поста главного редактора был снят А. К. Воронский. В этой ситуации, когда современники ожидали от новой редакции резкой перемены курса, обращение к Вяч. Иванову, а также Андрею Белому (встреча последнего с Раскольниковым имела место в редакции журнала 26 апреля 1928 г.) с просьбой о сотрудничестве было тактическим ходом. О том, как он воспринимался в московских кругах, пишет в своих воспоминаниях П. Н. Зайцев: "Летом 1927 г., когда А. К. Воронский находился в очередном отпуске и жил вне Москвы, в редакцию 'Красной нови' Отделом печати ЦК были назначены для укрепления партийных позиций журнала новые лица: Ф. Ф. Раскольников, Васильевский и В. М. Фриче. <...> Воронский <...> предпочел уйти совсем из ред<акции> 'Красной нови'. Секретарь ред<акции> поэт В. В. Казин тоже подал Раскольникову заявление об уходе. Вместо него Раскольников пригласил поэта Г. А. Санникова.

Перемены в журнале вызвали большие разговоры в литературных кругах. Писатели, печатавшиеся в 'Красной нови' при Воронском, отказались участвовать в журнале при новом редакторе. Этот отказ поставил Раскольникова в затруднительное положение. Ждали, как выйдет из трудности редакция и сам Раскольников. Все думали, что уже на сентябрь у него не будет нового материала и нечего будет печатать.

Но, вопреки ожиданиям, в сентябрьской книжке появились Сергеев-Ценский, Н. Никитин, С. Буданцев, А. Аросев, а в октябрьской – С. Малашкин, П. Антокольский и другие. Блокада журнала не удалась. <...> Новая редакция 'Красной нови' даже поэту Вячеславу Ивановичу Иванову послала в Прагу <так!> приглашение дать стихи для журнала: и Иванов прислал их <так!>. Но теперь 'Красная новь' не спешила эти стихи печатать. Литературным материалом она оказалась обеспечена". Цит. по: Дж. Мальмстад. А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка // Минувшее. 13. М. 1993, с. 287-288 прим. 4.

[5] Всеволод Вячеславович Иванов (1895-1963) – писатель.

6. О. А. Шор – В. И. Иванову
10 февраля 1928 г. Рим.

10. II. 28.
Гумбертов Пробег[1] в 1 ч. 30 м.

Мой Священный Державный Кот,

полчаса тому назад получила Ваше espresso.[2] Бросилась советоваться к Ликоту, кот<орый> однако еще с меньшей, чем Фламинго, ясностью представляет себе физиономию "Красной Нови" и потому своего "мнения" не имеет. Что касается меня, то полагаю (как и Ликот): весь вопрос сводится к выяснению личности журнала, т. е. степени ее покраснения. На Вас испытующе обращены сейчас глаза еще живой (хоть Вы в этом и сомневаетесь) *настоящей* России; Вам *нельзя* даже немного оступиться. Раз Ваши стихи ходят в списках и читаются наизусть, у Вас нет основания *не хотеть* их печатать, но где, *где*? Имя Чулкова в данном случае, простите мне, – не порука; он способен не до конца учесть ситуацию, несмотря на всю свою любовь к Вам, не сообразить, в какой мере *ответственно* такое выступление.

Я сделала следующее: позвонила Lo Gatto[3] и попросила его дать мне все NN "Кр<асной> Нови". Надеюсь, что по именам авторов и характеру статей последнего года смогу представить себе духовное географическое место "Нови" и допустимость Вам его занять. Во всяком случае, сейчас же подробно опишу Вам журнал. Думаю, что ранее Вам соглашаться *не* следует, а отвечать сразу отказом неудобно (надо все же указать основания, – какие?), да и пора Вам уже *заговорить,* но очень и очень надо подумать, откуда и в какой момент должен раздаться Ваш голос.

На телеграмму надо ответить телеграммой: "Посылаю письмо. Прошу подождать печатать" (или что-нибудь в этом роде).

Будет вежливо вполне; а окончательный ответ можно и задержать на несколько дней – это не беда.

В России все дела делаются с поспешностью черепахи (литературные, по крайней мере, дела), но иногда вдруг Раскольниковым и Всеволодам Ив<ановым> втемяшится решать что-нибудь срочными телеграммами. Зачем Вам-то им потворствовать?

Lo Gatto я поймала в момент его отъезда в Неаполь. Он вернется в понедельник утром, и тогда же я к нему пойду. У него имеются все NN 27

г. – это достаточно. Мое espresso получите во вторник. Если Ваше письмо в Россию (сегодня пятница) задержится на 3 дня – здесь нет ничего неприличного. А скороспелый ответ может потом отозваться субстанциональными неприятностями. Dixi……

От Юши получила письмо: умоляет "Достоевского". Ваше промедление нарушает все издательские планы. "Русск<ая> Идея" задержана, т. к. ее не хотят (м<ожет> быть, издатель и прав) – пускать намного раньше "Достоевского". Ради Бога, ответьте мне спешно, когда приблизительно Вы окончите просмотр перевода. И еще одно: Юша просит, чтобы Вы написали Креслингу *решительно,* что Вам нужны все *три* части и что Вы не вернете начала, пока не получите конца, "иначе перевод никогда не будет готов".

Мне ужасно не только хочется, но внутренне необходимо написать Вам о Вас; сделаю это моментально, как только получу от Вас ответ на следующий вопрос: как себя чувствуете, о чем размышляете, можете ли работать. Если да, – то в каком направлении? Если нет, – то при каком ощущении? Отвечу моментально.

В апантетической тоске благоговейно и нежно подымает ножку Фламинго.[4]

Бегу посылать телеграмму и espresso. Августейший Котенок – слава Богу, становится все "пушистее"; Ликот творит и красивеет. Фламинго смешно в него влюбился, но не уверен еще во взаимности.

Апантетически La même.[5]

P.S. Посылаю S. Caterina da Siena.[6] Писал Andrea Vanni,[7] кот<орый> ее лично знал. Икона имеет черты портрета.

[1] Название "Corso Umberto" – проспект <короля> Умберто (тогдашнее название via del Corso) – обыгрывается в языке ивановской семьи, причем изменяются обе его составляющие: Умберто – Гумберт, Корсо – "пробег", возводящий название улицы к слову "corsa" – бег (ит.).

[2] Срочное письмо (ит.).

[3] Этторе Ло Гатто (1890-1983) – крупнейший итальянский славист, друг и сотрудник Вяч. Иванова. Его воспоминания об Иванове см.: Э. Ло Гатто. Мои встречи с Россией. М., Круг, 1992, с. 46-53.

[4] Ритуальный знак приветствия. Среди особенностей О. Шор, за которые она получила прозвище "Фламинго", была манера задумавшись стоять на одной ноге. См.: Иванова, с. 186. О. Шор иногда рисовала, довольно реалистично, в начале своих писем фламинго, поджавшего ногу. Иванов же в конце своих писем ставил значок в виде изогнутой линии, символизирующий протянутую птичью ножку.

[5] Та же (фр.).

[6] Екатерина Бенинказа (1347-1380) из тосканского города Сиена, монахиня доминиканского ордена, одна из наиболее почитаемых католических святых. Канонизирована в 1461 году и провозглашена покровительницей Сиены и, вместе с Франциском Ассизским, покровительницей Италии.

[7] Андреа Ванни – сиенский художник XIV в.

7. В. И. Иванов – О. А. Шор
11 февраля 1928 г. Павия.

11 февр<аля> '28

Дорогой и верный друг! Простите и примите благодарность за хлопоты. Но как же не знать образованному фламинго, что такое "Красная Новь"? Центральный литературный орган красной Москвы: то ли оффициальный, то ли официозный. Помещался он, когда я был в Москве, в самом Наркомпросе. Не-большевики из числа его сотрудников рассматриваются как "попутчики", – те пресловутые "попутчики", место коих в коммунизированной природе было темой знаменитой дискуссии,[1] развертывавшейся, если не ошибаюсь, на страницах этой самой "Красной Нови". Широка (относительно) или нет настоящая программа издания (в нем всегда были культурно-либеральные, т.е. не узко-партийные тенденции и редакционные защитники таковых), – вовсе не важно. Самый факт приглашения свидетельствует, как будто, о веянии мягких зефиров. Важно другое: выступать ли мне в среде пишущих в Сов<етской> России и, следовательно, зачисленных в "попутчики" писателей, или нет. Ибо каждый пишущий в Сов<етской> России желает печататься в "Красной Нови". Хотя Чулков и пишет, что платят там хорошо и тотчас, однако приятнее мне не быть выведенным на советскую арену одним из интеллигентов-гладиаторов, восклицающих хором:[2] "Ave, U.R.S.S., morituri te salutant".[3] Но приглашение чуть-чуть провокационно. Отказ может быть истолкован, как разрыв. Решение ответственно, особенно в эпоху хлопот о лит<ературной> пенсии. Какой разговор может быть о пенсии, когда писатель определенно и даже демонстративно отмежевался от Советской литературы? Конечно, очень полезно, чтобы Вы пересмотрели в спешном порядке NN журнала и вынесли свой приговор о возможности участия в нем. Жду Вашего espresso и не отвечаю пока на телеграмму (сошлюсь на временное отсутствие – поездку в Рим). Но даже если бы Ваше впечатление было и благоприятно, политическое острие решения тем не менее не будет притуплено. Ибо "Кр<асная> Новь" – орган полуофициальный, –

едва ли, политически не то же, что "Правда". И трудно мотивировать отказ: готовлю-де сборник и не хочу печатать его частей в розницу?

В том, что Вы пишете о "Дост<оевско>м", – противоречие. *Спешно закончить* просмотр 1-ой части – и вместе не *высылать ее,* а написать Креслингу, что я жду двух других частей, которые, очевидно, получу в "греческие календы"?[4] Я не понимаю, что нужно делать. Но пользуясь "карнавальными" вакациями[5] – целых две недели, – хотел именно приняться за "Дост<оевского>", что и сделаю, ибо работать *могу*, – только нет у меня больше надежды видеть ни "Русскую Идею", ни "Достоевского" изданными Вайбелем.[6]

Любите, любите Ликота, и он Вас пусть все больше любит. Это хорошо для обеих, и Ликот хороший, как и Фламинго. Благодарю за картинку св. Катерины Сиенской: это прекрасный, прекрасный подарок. Très beau – et rare![7] Я *очень* обрадован им.

"Нежно подымающий ножку" Фламинго, – а что же флебит? Вы скажете: прошел? Неправда, радость моя. С ним не шутят. Заклинаю Вас – примите же меры.

Жду espresso; и Всев<олод> Ив<анов> тоже ждет. Патетически восклицаю: "Судьба моя в Ваших руках", – и апантетически: "Evviva Flamingo, il sapiente, il coraggioso, il provvidente! divino oracolo!"[8]

В. И.

Что за путаница в делах с Розеном? Теперь, когда я имею и право и желание получать его доллары регулярно, он их не высылает.

[1] В дискуссии участвовали, с одной стороны, "Красная новь", объединявшая писателей, получивших название "попутчиков" (сочувствовавших революции беспартийных интеллигентов, миросозерцание которых оставалось вне рамок пролетарской идеологии), а с другой - журналы "Леф" (1923-1925) и "На посту" (1923-1925), выражавшие точку зрения идеологов пролетарского искусства и критиковавшие "попутчиков" за идейную незрелость. Суть полемики состояла в том, могут ли "попутчики" участвовать в создании нового пролетарского искусства: редакция "Красной нови" в лице Воронского возражала, что нового искусства пока нет и важнейшей задачей современных писателей является усвоение опыта старой культуры. Формально дисскуссия была прекращена резолюцией ЦК РКП (б) от 18 июня 1925 года "О политике партии в области художественной литературы", осудившей позицию "лефовцев" и "напостовцев" и повлекшей закрытие этих печатных органов, но фактически продолжалась возобновленным журналом "На литературном посту".

[2] Дальше следовало зачеркнутое "перед боем".

[3] Иванов переделывает латинскую фразу: "Да здравствует Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя", которую произносили гладиаторы, проходя мимо императорской ложи.

[4] Календы – в римском календаре первый день каждого месяца. Поскольку у греков календ не существовало, возникло шутливое выражение “греческие календы”, т. е. день, который никогда не наступит.

[5] Студенческие каникулы, приходившиеся на время карнавала (обычно февраль – начало марта).

[6] Josef Friedrich Waibel – издатель во Фрейбурге, см. о нем: IV, 763 и Вахтель 1995, с. 88-91. В РАИ находятся 3 письма Вайбелю от Е. Д. Шора 1932 г. (оп. 3, № 210, л. 31-37) и 2 письма Вайбеля В. Иванову от того же года (оп. 3, № 210, л. 38-39).

[7] Очень красивый – и редкий! (фр.).

[8] Да здравствует Фламинго, мудрый, смелый, заботящийся обо всем необходимом! божественный оракул! (ит.).

8. О. А. Шор – В. И. Иванову
14 февраля 1928 г. Рим.[1]

14. II. 28.
Рим.

Прямо беда!

Гоняюсь второй день за Lo Gatto. Его ждут с минуты на минуту, а он все не едет и не едет. *Знаю,* конечно, все, что Вы написали про “Кр<асную> Новь”, знаю. Но считаю, что все дело в людях, с кот<орыми> выступать. На “ave” Ваши стихи, конечно, не похожи, но *хор* обязывает. Обязательно надо знать, *кто* начал еще печататься в журнале, кроме Всев<олода> Ив<анова> и компании. То, что было невозможно неприличным четыре года тому назад, то, что было бы еще недопустимо в прошлом году, – теперь, быть может, стало приемлемым. У нас ведь все меняется, хотя кажется, что стоит, – внешне (и, пожалуй, все стоит, хотя кажется, что меняется, – внутренне). Вопрос о физиономии сегодняшней “К<расной Н<ови>“ для Вас накренит куда-то вопрос внешне, а *внутренне*, можете ли Вы вообще выступать в РСФСР, – этим, естественно, не решается. Большой, трудный, – не знаю, как Вас, – меня замучивший вопрос. Господи, как хотелось бы с Вами поговорить! Завтра поймаю во что бы то ни стало если не Lo Gatto, то его журналы. Завтра же напишу Вам. Розен мне написал, что будет Вам аккуратно ежемесячно высылать. Теперь Вы должны получить за февраль. Если до 15 числа денег не будет, сейчас же известите меня; я сделаю “репримант” конторе.

Сейчас вернулась от Димы. Он весел, прибавил еще 1,5 ф. Полный. Розовый.

Не думаете ли Вы, что надо послать телеграмму будто бы от университета: “Иванов уехал временно. Скоро вернется”. Или лучше просто молчать?

Апантетически Ваш Фламинго.

Что написал Вам Чулков?

[1] Почтовая карточка.

9. О. А. Шор – В. И. Иванову
18 февраля 1928 г. Рим.

18 февр<аля> 1928 г.
Рим.

Нет, нет, нет, Ваша Великолепность, Ваша Апантетичность, *не-возмож-но,* “Красную Новь” не должно украшать Ваше имя. Перехожу сразу к описанию “хора”; его отдельные участники перед Вами выступят сами (представителей выбираю рапсодически).

В декабрьском N° 1927 г. *Владимир Луговской* творит “*Дорога Дарьяла*”.

“Ручей подзадоривал. Ветер помог,
А солнце на горном пороге,
И восемь хороших коричневых ног
Идут по Грузинской дороге.
Идут комсомольцы в удобных трусах.
Вокруг начинают расти чудеса.
И древняя молодость дышит
Все выше, и выше, и выше.

Когда комсомолка, стянув платок,
Сказала, что помнила с первой ступени
(Гуденье цветного металла,
Сумевшего в строки лечь) -
“В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле”...
“Ну, что же, - ответил веселый попутчик,
Упорно сощурив простые глаза, -

Здесь много красивей и много лучше,
Чем Лермонтов дал сто лет назад.
А про Тамару - это буза!
Я, правда, в стихах не особенно крепок,
А Лермонтов делал их первый сорт,
Но это ж была пограничная крепость
Против степных кочевых орд.
Топаем дальше!..”
И ветер помог,

Ветер на горном пороге,
Восемь хороших, коричневых ног
Идут по Грузинской дороге.
Расходятся мраки гранитных эпох,
В теснинах скрывается тамошний бог.
Из черных Ворот Дария
Выходит юная гвардия.

В том же выпуске “Нови” помещены стихи *Веры Ильиной “Городок на Оке”*.

Они кончаются:

мещане
зажигают лампадки

Под кусок селедочной икры
Пьют “казенку” из щербатых чашек,
Привечают нищих и монашек,
И ребят таскают за вихры.

Стариной уездной душит плен.
Лишь одно здесь близко и знакомо:
Слабосильный фордик Исполкома
Да сплетенье трепетных антенн.

А в октябрьской “К<расной> Н<ови>“ того же 1927 г. наш милый *Петр Семенович,* такой благородный, тонко дипломатический, *умный* в советской практике и такой пошленький плоский в своих теоретических советских заявлениях пишет *ответственную,* по случаю десятилетия “Мировой Революции” отчетную (и программную) статью о *“Поэзии”*. Отпев со всяческой вежливостью символистов и акмеистов, полупризнав футуристов и конструктивистов, он восторженно приветствует молодых пролетарских поэтов и приводит лучшие образцы их творений:

"Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждою мелочью
Революцию мировую найти".

или:

"И вот теперь за повод дней берусь я,
За повод дней, что раньше нас влекли.
Иду на мир и на тебя, мамуся,
Я пьяной радостью спасителей земли".

Это – стихи *Безыменского* (имеющего однако уже литературное *имя*). Он же приглашает поэтов "Кузницы" искать поэзию в "отделении милиции". Вместо того чтобы "планеты перекидывать как комья, электропоэмами космос воспеть", он стремится

"в каком-нибудь предгублескоме
зарю грядущего разглядеть"...

Другой поэт – *Жаров* – еще жизнерадостней. Его *солнце* – "делегат небесной рати от весеннего Ц. К...., председатель и на земле и в облаках".

Satis?![1] Но я слышу еще один голос, вполне подходящий для участия в Вашем "хоре". Это – *Светлов.*

"Знаю я: отец усердно молится
Замолить сыновние грехи,
Мне ж сверкающие крики комсомольца
Перелить в свинцовые стихи".

Чтобы Вы знали хотя бы по именам тех лиц, с которыми Вам предлагают петь, я списала для Вас оглавление трех последних книжек "Кр<асной> Н<ови>".

Октябрь

Николай Никитин	
Сергей Буданцев	рассказы
С. Сергеев-Ценский	и
Сергей Малашкин	романы.
Стихи:	П. Антокольского, Дж. Алтаузена, М. Тарловского, Л. Лаврова.

П. Шубин	теоретические
Ю. В. Франкфурт	статьи.

За рубежом:

Ил. Эренбург. Бретань
и т. д.

Ноябрь

Ник<олай> Никитин	
Серг<ей> Буданцев	Романы
С. Серг<еев>-Ценский	
Хаджи-Мурат Мугуев.	
Стихи:	И. Бехера, Г. Санникова, И. Бугаевского, Г. Томашевской.
Статьи:	М. Савельева, М. Н. Покровского, Бороздина, И. Жиги, П. Когана и Арановича.

Декабрь

Пантелеймон Романов	
Сергей Буданцев	Романы
Александр Сырин	
С. Сергеев-Ценский	
Стихи:	Ник. Ушакова, Веры Ильиной, Влад<имира> Луговского, Семена Кирсанова, М. Ершовой, Марка Тарловского.[2]

Ну, и т<ак> далее.

Из всех этих “поэтов” самый интересный, пожалуй, – *Антокольский.* Но и он ведь провозгласил еще несколько лет назад:

“Трон королям. Тонзура для аббата.
Сто фунтов стерлингов есть в сутки
биржевик.
А мы переведем на мировой язык набата,
Что будет значить: – большевик”.

Какой умысел кроется в приглашении Всеволода Иван<ова>, зачем ему понадобилось звать Вас в ряды литературного "молодняка",[3] печатать Ваши "католические" стихи рядом с комсомольскими "безбожными", – как знать, да и не все ли равно?! Если даже допустить (в чем я, впрочем, сомневаюсь), что этот умысел – не политическая, а лишь экономическая корысть (как ловко будет раскупаться N° "Кр<асной> Нови" со стихами Вячеслава Иванова, которые ходят по рукам в списках! Да и скандал двойной: *"Палинодия"*, помещенная в *"Красной Нови"*!!), то и в этом случае *Вам на этот зов идти НЕЛЬЗЯ.*

Вы знаете, *как* я Вас люблю, и потому отлично поймете, *чего* мне стоит это решение. Не могу же я не учитывать возможных в случае Вашего со мною согласия последствий отказа (впрочем мне почему-то чудится, что *ничего* плохого не будет). Но *что* бы ни было, *что* бы ни грозило – *Вам, Учителю*, ответившему вселенским католичеством на советский интернационал, Вам, – да что тут доказывать? – Вам по сану, по духу вступить в ряды новых "поэтов" и с ними "топать дальше" *недопустимо, невозможно, нет, нет, нельзя.*

А дальше? – что об этом думать? Дальнейшее Бог даст. Тут – вера.

А вот о формах отказа подумать надо, и *очень*. Ликот передал мне телеграмму от Всев<олода>: вторичный запрос.[4] Что-нибудь ответить надо немедленно, т. е. *немедленно* надо запретить печатанье стихов. А над письмом придется основательно поразмыслить. Оно будет документом служить и наверное получит широкое распространение. Телеграфируйте: "Стихи прошу *не* печатать. Пишу подробно. Отъезд вызвал промедление", или нечто аналогичное.

Вы, конечно, правы; лучший предлог отказа: "Готовлю сборник". Но что-то надо еще добавить и по существу. Ведь стихи-то все же особенные, выпадающие (внешне во всяком случае) из прежнего строя Ваших творений. У Вас могут быть глубокие основания не давать их поодиночке во избежание лжетолкований...

Умоляю Вас немедленно сообщить мне Ваше решение. Я физически *больна* "Красной Новью" (что в сравнении с этим какой-то флебитик; кстати, он проходит). А все-таки Вы сможете скоро писать даже о России.

Но о Вас в другой раз. Как-то кощунственно касаться Ваших тем пером, только что выписывавшим стихи *Светлова.* Да и письмо это разбухло, и отправлять его надо скорее. Но, Боже мой, сколько мне нужно не только Вам исповедовать, но и просто всякой всячины рассказать. Даже не знаю, *что* и выбрать. Лучше просто оборву. Вы ведь сами меня учили *сразу* уходить. Только деловые вопросы:

I *Почему Вы мне не отвечаете*:

1) Получили ли деньги за февраль?

2) Послать ли Каффи Вашу книгу?[5]

(Спрашиваю в *третий* раз).

II "*Достоевский*": Противоречие разрешается просто: *кончить* "Д<остоевского>" надо для Вайбеля, т. к. он жаждет книгу *набирать*. А с Креслинга дипломатически (ибо он канительщик) надо потребовать все три части. Написать письмо можно в 10 минут, а для окончания просмотра перевода Вам в лучшем случае понадобится несколько дней; поэтому письмо надо написать сейчас же, а рукопись послать, когда она будет готова. Понятно? Или Фламинго опять что-нибудь невразумительно прочирикал?

А *о себе* Вы все же так-таки *ничего* и не написали. Вам не нужно больше "розового облачка" верной Вам птицы; а Фламинго томительно тоскует по "заревым крыльям", на которых можно было бы через окно – оно ведь открыто – украдкой (чтобы никто не увидел) влететь в Вашу просторную келью и вдохнуть Ваш воздух, без которого трудно и больно дышать.

Конечно, я очень люблю Ваших детей; теперь уже и за них самих, но все же, все же, каюсь: я не могу забыть: "Le matière en est la votre".[6]

Дети хороши. Ликот вернулся радостный, внешне порозовевший, пушистый, внутренне светлый, тихий. Он сам Вам писал и пишет. Димочка наглядно поправляется. Очень занят лежаньем на террасе и всякими трапезами. Темп<ература> maximum 37,3 (во рту, значит, – 37). Он читает, но в меру и имеет явную волю к излечению, что очень важно. Бог даст, приедете, увидите сами прилив здоровья. Между прочим: несмотря на сквозняки, "гигиену" etc. etc. у Димочки не только не было никакой инфлуэнции, но даже и намека на насморк.

Вот и ушла *сразу!* От Вас не уйдешь. Да, еще о Карницком[7] надо бы написать. Но это длинно; в другой раз.

Теперь, только одно, очень *необходимое*:

Вы совсем отбились от рук; все наши обряды забыли. Когда Фламинго "нежно подымает ножку", с ним надо здороваться или прощаться по-фламинговски. Он такой, он иначе не может…

Не томите; ответьте скорее.

Апантетически Ваш Фламинго.

[1] Достаточно? (лат.).

[2] Перечислены советские поэты и прозаики: Владимир Александрович Луговской (1901-1957), Вера Васильевна Ильина (1894-1966), Александр Ильич Безыменский (1898-

1973), Александр Алексеевич Жаров (1904-1984), Михаил Аркадьевич Светлов (1903-1964), Николай Николаевич Никитин (1895-1963), Сергей Федорович Буданцев (1896-1940?), Сергей Иванович Малашкин (1888-1988), Сергей Николаевич Сергеев-Ценский (1875-1958), Павел Григорьевич Антокольский (1896-1978), Джек (Яков) Моисеевич Алтаузен (1907-1942), Марк Ариевич Тарловский (1902-1952), Леонид Алексеевич Лавров (1906-1943), ~~Павел Николаевич Шубин (1914-1951)~~, Ю. В. Франкфурт, Илья Григорьевич Эренбург (1891-1969), Хаджи-Мурат Магомедович Мугуев (1893-1968), Григорий Александрович Санников (1899-1969), И. Бугаевский, Г. Томашевская, М. Савельев, Михаил Николаевич Покровский (1868-1932), Бороздин, Иван Федорович Жига (наст. фамилия Смирнов, 1895-1949), Аранович, Пантелеймон Сергеевич Романов (1885-1938) Александр Сырин, Николай Николаевич Ушаков (1889-1973), Семен Исаакович Кирсанов (1906-1972), М. Ершова, а также немецкий писатель Иоганн Роберт Бехер (1891-1958).

[3] "Литературный молодняк" – термин РАППовцев, который в 20-е годы использовался применительно к начинающим пролетарским писателям.

[4] От Вс. Иванова пришла повторная телеграмма от 17 февраля 1928 г.: «Телеграфируйте, разрешаете ли Вы печатать стихи в "Красной Нови"» (оп. 3, № 94, л. 2, оригинал на фр.).

[5] Андреа (также Андрей) Иванович Каффи (Andrea Caffi, 1886-1955) в это время взялся за перевод "Диониса и Прадионисийства" (в письме к Иванову от 4 июля 1928 г. он сообщал, что завершил перевод последней главы книги. Каффи собирался предложить книгу Галлимару, затем нашел другого издателя, которому передал рукопись, но по-французски "Дионис" не вышел. См. письмо Каффи В. И. Иванову от 3 декабря б.г. в РАИ). Сын итальянского художника, работавшего в Мариинском театре, Каффи родился в России и свободно говорил по-русски, итальянски и французски. Он был социалистом и занимался политической деятельностью, в эпоху фашизма скрывался, затем эмигрировал из Италии в Париж. Д. В. Иванов вспоминает, что Каффи был аскетом, всегда голодал. Некоторое время занимал место домашнего учителя в семье княгини Бассиано, американки по происхождению, переехавшей в конце войны в Рим на via delle Bottege Oscure. В Париже Каффи сотрудничал в основанном ею в журнале "Commerce" (1926-1931) вместе с Полем Валери, хотел привлечь к работе в нем также и Иванова. В Риме кн. Бассиано был учрежден литературный журнал "Bottege Oscure" (1948-1960), но печатался ли в нем Каффи, неизвестно. Восемь писем А. Каффи к В. И. Иванову находятся в РАИ (оп. 3, № 106). В библиотеке РАИ есть французское издание книги П. Муратова о древнерусской живописи 1925 года в переводе Каффи. Ср. также: Шишкин 1989, с. 498 прим. 4 и прим. 4 к письму № 3 в переписке В. И. Иванова с О. И. Синьорелли.

[6] Они сотканы из тех же нитей, что и Вы (фр.).

[7] Андрей Осипович Карницкий – врач, профессор Бакинского университета. В библиотеке РАИ находится его книга "Развитие ребенка и особенности его возрастов". Баку, 1927. Нина Карницкая, его дочь, была интересным композитором и близким другом Л. В. Ивановой в Баку. См.: Иванова, с. 113.

10. В. И. Иванов – О. А. Шор
21 февраля 1928 г. Павия.

Павия, 21 февр<аля> 1928.

Дорогой заревой друг! Получив вчера Ваш вердикт, послал я сегодня утром нижеследующую телеграмму:

> "Krasnaianov, Krivokolenny 14, Moscow.
> Absence retarde réponse. Publication impossible. Excusez refus. Réserve poésies pour livre posthume. Remerciements. Ivanov".[1]

Вы будете критиковать этот ответ? Мотивация фантастическая? Что за предлог? – "берегу стихи для посмертной книги"... Почему "посмертной"? [Предполагаю, что кто-нибудь растолкует им слово "posthume"...] Для того, чтобы они не подумали, что я печатаю книгу у эмигрантов. И притом, чем юродивее, тем именно и дипломатичнее. Пусть скажут, что я, совсем по-гоголевски, рехнулся. Так и нужно. Тонкий человек поймет, что я считаю себя анахронизмом среди молодняка – разумеется, иронически. Кроме того, что я искал *позы* для отказа, я хотел еще непременно избежать *письма* с необходимыми в нем лишними словами и "товарищескими" приветами. Одно беда: поймут ли французскую телеграмму и не скажут ли: "Мы читали, ничего не разобрали, увидели, что Вы благодарите за честь – значит, согласны, – и приняли все это за разрешение печатать". Но думаю все же, что отказ выражен вразумительно. А остальное, как Бог даст. По крайней мере, гора с плеч.

Во всем виноват, думаю, Чулков. Это он, по глупости, вздумал нас сватать. Ибо сам напечатал в Красной Нови своих "Императоров" – какие-то исторические характеристики пяти последних царей (воображаю!).[2]

Благодарю Вас от всей души за принятые на себя хлопоты. (Ликот инсинуирует, что они послужили Вам предлогом для вмешательства в брачные отношения обладателя нумеров "Красной Нови"!?!). Но т. к. вердикт Ваш в сущности *принципиальный* отказ, то хлопоты и задержка были лишними. Все же *нужно* было *автопсией*[3] утвердиться, что за роскошь *теперешняя* "Кр<асная> Новь"; это, конечно, так. И, однако, мое впечатление, что она приемлемее чем когда-либо. Принято давать молодняку коммунистически резвиться; рядом стоят молчаливые и уклончивые попутчики, старики, в роде Сергеева-Ценского или – Чулкова. Петр Се-

менович – добрый воспитатель комсомола, его никто не берет всерьез. Чем не журнал? Живя с красным паспортом, последовательно и писать с красным паспортом, т. е. в "Красной Нови", – что отнюдь не предрешает содержания написанного. Мне очень весело, что Вы – и Ликот – мне категорически запрещаете это; но *логики* тут мало. Кроме того, Вы, кажется, не оценили, что молодняк теперь не богохульствует и не прославляет в стихах Чеку или ГПУ, как бывало прежде. Вы, Фламинго, несправедливы в Вашей рецензии.

Так как я бешено спешу и имею еще только 5 минут до отсылки письма, которое хочу отослать незамедлительно, то отвечаю en toute hâte[4] на очередные вопросы:

Каффи нужно, конечно, немедленно выслать один экземпляр "Диониса", но имейте терпение отыскать разрезанный и потрепанный. Кажется, мой запас уже истощен.

Попробую написать Креслингу, но мне очень неловко писать ему, как Вы велите, п<отому> ч<то> я до сих пор не вернул его перевода, и он естественно обижается, предполагая, что перевод меня не удовлетворил. Писать ему *теперь* так, очень, очень неловко.[5]

Деньги от Вашего праведного приятеля я получил (44 долл.) тотчас после того, как Вам на него пожаловался. Ваш апантетически

В. И.

[1] "Красная Новь. Кривоколенный 14, Москва. Ответ запоздал по причине моего отсутствия. Публикация невозможна. Извините за отказ. Стихи предназначаю для посмертной книги. Благодарю. Иванов". (фр.).

О реакции Вс. Иванова на павийскую телеграмму можно судить из его письма к М. Горькому от января-февраля 1928 г.: "Вячеслав Иванов прислал своему другу Г. Чулкову стихи, отличные стихи. Чулков прислал их нам, я хотел их напечатать и думаю – неужели автор будет протестовать, послал ему телеграмму с просьбой напечатать. Он живет в Риме. И получил такой ответ: "Печатать нельзя, стихи готовятся для посмертной книги" // "Новый мир" 1965, № 11, с. 249.

[2] Неточность: книга "Императоры" состоит из "психологических портретов" Павла I, Александра I, Николая I, Александра II, Александра III. Кроме того, Чулков писал, что в "Красной Нови" в 1926 и 1927 гг. напечатаны были только два этюда: "Император Павел (опыт характеристики)" и "Александр Третий". Книга "Императоры" была еще на стадии корректур (письмо от 14 января 1928: оп. 3, № 204, л. 1 об.).

[3] От греческого – "вскрытие".

[4] В крайней спешке (фр.).

[5] Речь идет о том, что В. И. Иванов, обеспокоенный болезнью сына, в течение трех месяцев не работал над фрагментом перевода, присланным ему Кресслингом.

11. О. А. Шор – В. И Иванову
23 февраля 1928 г. Рим.

23 февр. 1928 г.
Рим.

О, Державный!

…“Bewunderung ist eine immer wiederkommende Verwunderung”…[1] – это очаровательное кантовское определение (подчеркнутое Гёте в его экземпляре “Критики силы Суждения”) вспомнилось мне при чтении Вашей телеграммы в “Кр<асную> Новь”. Действительно: ответ Ваш фантастичен до юродства, но и безумен до оскорбительности. Ничего тоньше, остроумнее, дипломатичнее и дерзостнее невозможно придумать. Уж, кажется, я могла бы привыкнуть к Вашим загадкам и догадкам, а все же всякое проявление Вашего духа в большом и в малом неизменно удивляет и поражает, как откровение.

А чувствуете ли Вы, что ответ Ваш ужасно *русский*? Пойми, где тут “святость, где смешок”. Среди тысяча толкований, кот<орые> можно было бы дать Вашим словам, есть, – есть все же, о, Неуловимый, – и такое: “Прошу меня впредь оставить в покое и не тревожить до самой смерти”.

Вы, конечно, правы, упрекая меня в промедлении и нелогичности. Но потому-то и промедление получилось, что какую-то неизбежную нелогичность я предчувствовала с самого начала. *“Нет”* – во мне должно было не доказаться, а дорасти (тут другая логика).

Каюсь; уже послав даже Вам свой “вердикт”, я не раз спрашивала себя, *чем* бы стал для меня Ваш поступок, если б Вы совсем не колеблясь и ни с кем не советуясь, сразу ответили в Москву: “Да”.

Конечно: поступки большого человека дай Бог понять, образы творений с образами его действий “со-образить”… а все-таки, все-таки, вероятно, было бы больно. Но это, если б Вы не колебались и согласие было для Вас почему-то естественным, но раз Вы сомневаетесь и спрашиваете, раз я могу думать, что мое решение упадет хоть маленькой гирькой на чашу качающихся в Павии весов, то как же я могла себя внутренне и внешне еще и еще не проверять, хотя бы ценою “задержки”.

Кстати: “рецензии” я абсолютно никакой не дала, а сделала лишь выписки: “судите, мол, сами”. Но думаю, что участие в журнале сейчас –

вещь менее безобидная, чем раньше. Пока молодежь богохульствовала и прославляла ГПУ, можно еще было бы, пожалуй, заглушать выкрики их другим криком, хотя бы попущенным в их царстве; была бы борьба. Но теперь, в эпоху "будней", "мирного строительства", когда Петр Сем<енович> добрый, "воспитывает комсомольца", "юная гвардия" *резво* "топает дальше", лампадки *мягко* признаются "мещанством", а оппозиционные старички в виде "уклончивых попутчиков" *добродушно* описывают современность или подругивают последних "Императоров", когда U.S.S.R. величественно, точно Бог Рильке (в кот<орого> "все втекает"[2]), принимает всякое даяние, ибо умеет всякое *по-своему* переварить, – теперь нести свои дары *нельзя.* "Und jedes Lied, das tief genug erklungen, wird an dir glänzen wie ein Edelstein".[3] А что же глубже Ваших песень?

Простите мне нечаянный, тупоумно серьезный ответ на Ваше блестящее, трагическое скерцо!

Сегодня с Ольгой Ив<ановной> ездили к "Дыме".[4] О<льга> И<вановна> была приятно им поражена. Мендес[5] доволен. Темп<ература> 37. Кстати: видели ли Вы Морелли?[6] Он несколько дней тому назад Диму слушал. Поговорите с ним и напишите нам. (Впрочем, я имею предельно скептическое отношение к мнению "знаменитостей"). О<льга> И<вановна> обещает устроить для Димы даровое пребывание в санатории (не обязательно в этой, а какая понадобится на лето) еще на три месяца. Она Вам писала. Вы получили ее письмо? Ответили? Очень спешу; потому кончаю.

Приказания Ваши исполню. Жду письма.

Апантетически Ваш Фламинго.

Сейчас по дороге забежал к Ликоту. Он играл "Вариации".[7] Фламинго, идиот в музыке, конечно, не судья, но был очень взволнован. Глубокая вещь и о *настоящем.* Услышите сами; будете рады. Респиги очень доволен; Кошечкой сильно увлечен. Ф.

Да, о Креслинге: почему писать ему "неловко". Это – как писать? Мне ли, мне ли Вам, дипломатическому гению, подсказывать необидную форму? Поблагодарите за отличный, честный перевод и объясните, что задерживаете его ввиду необходимости проверить *себя,* имея перед глазами целое, т. е. все три части, получения каковых естественно жаждете...

...Некстати: я нашла неожиданно для самой себя прообразы микельанджеловских героев. Как Вы думаете, *где*? У этрусков. Совпадение поразительное.[8] С нежным апантетическим приветом Ф.

[1] Восхищение – это постоянно возвращающееся изумление (нем.).

[2] "Каждая песня, которая звучит достаточно глубоко, блеснет на тебе, как драгоценный камень" (подстрочный перевод) – цитата из стихотворения Рильке "Und du erbst das Grün" (1901), входящего в сборник "Das Stunden-Buch".

[3] Каждая песнь есть сокровенный драгоценный камень (нем.). У Рильке – "und jedes Lied, das tief genung erklungen, // wird an dir glänzen wie ein Edelstein".

[4] Обыгрывается латышский акцент О. Синьорелли, постоянно служивший предметом шуток в семье Ивановых.

[5] Guido Mendes, директор санатория итальянского Красного креста "Чезаре Баттисти" на via Portuense в Риме, где лечился Д. Иванов, и где совершился его переход в католичество. Мендес был активным сионистом и столь же пламенным фашистом, так как Муссолини одно время симпатизировал сионизму. Создавался, при живейшем участии Мендеса, даже маленький флот в Ливорно, который должен был перевозить в Палестину будущих поселенцев. Поэтому в санатории при входе в общую столовую, где обедал также и персонал, больные делали фашистский салют. Когда же Муссолини начал склоняться к антисемитизму, Мендес эмигрировал в Палестину, где продолжал врачебную деятельность. Известия о нем доходили до Д. В. Иванова через Израильское посольство. См.: Д. В. Иванов. Из воспоминаний, с. 63-64.

[6] Эуджениo Морелли (1881 – после 1964), врач, крупный специалист по легочным заболеваниям. Состоял профессором в Павии, но часто ездил в Рим, т. к. был членом Палаты депутатов (О. Шор называет его в письмах "onorevole" – традиционное выражение, обозначающее депутата парламента). См. письмо В. И. Иванова Л. В. Ивановой от 12 декабря 1927 г. с припиской Морелли, адресованной Мендесу (Вячеслав Иванов: Материалы и исследования, с. 24).

[7] См.: прим. 7 к письму Иванова от 3 марта 1929 г.

[8] Почти через год в письме от 25 января 1929 г. О. Шор возвращается к разговору о том, *что значит* эта связь: "М<икель->А<нджело> и этруски близки по особому <...> чувству *упругости*. Упругость же (даже по элементарному физическому определению) есть "способность возвращаться в *прежнее* состояние". А возврат в "прежнее" состояние – что это иное как не *память*?!"

12. В. И. Иванов – О. А. Шор
26 февраля 1928 г. Павия.

26. II. '28.

Хитрый египтянин Фламинго, стоящий на одной ножке на голове древнего Мемнона,[1] делающий другой, насмешливо и нежно, апантетические жесты с высоты мне, бегемоту, по уши зарывшемуся в косный ил, и кокетливо перебирающий крылышками, чтобы я мог видеть их заревую подкладку и понимать их немой язык: "А вот вдруг вспорхну и улечу! Вы

же сам, wunderliches Wesen,[2] меня учили (будто бы?!!) уходить сразу!..” Schöner schlauer Wundervogel, der einen Hippopotamus (resp. ein ungeschlachtes Nilpferd) “bewundert”, d. h. das besagte Untier mit “immer” wiederkommenden Verwunderung” anschaut![3] Вы пользуетесь малейшим поводом, чтобы меня хвалить чрезмерно, но все это с расчетом, чтобы из инертной массы магически вызвать танцующую Пиппу[4] (“Pippa tanzt”: “God’s in his heaven, all’s right with the world!”),[5] а покуда Вам это не удается. (Не удается, Фламинго!..), просто заставлять меня в поте лица работать по Вашему приказу, выделяя из себя трудолюбивого египетского писца. –

Все эти упреки за то, что Вы заставили меня сесть и написать прилагаемую грамоту[6] (что могу я сделать без Вашей цензуры?), копию с коей грамоты одновременно посылаю в Zähringen, Blasiusstrasse 4.[7]

И то ли еще Вы меня заставите сделать? Т. к. я только что отослал еще большое письмо милому Андрею Ивановичу, который для своей “обаятельной принцессы” должен реферировать сегодня – о библиотеке Аполлодора, а завтра – о третьем глазе у плезиозавра, – то я в праве роптать на Ваш деспотизм.[8] А для О<льги> И<вановны> (которая горько жаловалась на Вас за редкие свидания) я перевел на итальянский ряд чеховских цитат из акафистов![9] Очень благодарю за мистическую ложечку:[10] очаровательно.

Пишите, заклинаю Вас именем божественного изобретателя письменных знаков![11]

В.И.

[1] Мемнон – в греческой мифологии царь Эфиопии, убитый в Троянской войне Ахиллом, сын богини утренней зари Эос. Две гигантские фигуры, его изображающие, были воздвигнуты у Фив на берегу Нила, одна из них на рассвете издавала жалобный звук, считавшийся приветствием Мемнона своей матери: у Иванова – “певучие мольбы” и “сладкий стон” (см. ст-я “Мемнон” (III, 490) и “Кот-ворожей”(III, 507), вошедшие в сб. “Свет вечерний”). По голосу Мемнона прорицатели определяли будущее. Судя по всему, Мемнон имел существенное отношение к мифологии переписки, поскольку связывался с ее основными понятиями – зарей, профетическим началом, птицами и памятью: помимо наиболее известной версии, где роса – вечные слезы богини зари, в несохранившихся трагедиях Эсхила “Мемнон” и “Взвешивание душ” говорится о том, что Эос, узнав о неминуемой смерти сына, просит Зевса сделать бессмертной память о нем, и тело его превращается в стаю бекасов (Memnoidi). Таким образом, мифологические птицы, они же потомки зари – это воплощенная память. По другой версии Memnoniae aves – птицы, в которых от горя превратились соратники Мемнона, – собираются ежегодно над его могилой на тризну и вступают в бой, пока половина из них не погибнет.

[2] Чудесное создание (нем.).

[3] Прекрасная, хитрая, чудная птица, которая восхищается гиппопотамом (или неуклюжим бегемотом), то есть, постоянно удивляется вышеупомянутому чудищу (нем.). Иванов

обыгрывает кантовскую цитату из предыдущего письма О. Шор. Фламинго здесь живо напоминает Феникса, взлетающего, по преданию, на заре с нильских вод. Иванов обыгрывает противоположность символического значения птицы (включая также негативный аспект ее образа, обозначающий непостоянство) и бегемота как непросветленной плоти, которая нуждается в божественной благодати, чтобы подняться до духовности. Появление в этой картине бегемота – также египетского животного – возможно, спровоцировано немецкой этимологией слова (буквально – нильская лошадь).

[4] Видимо, имеются в виду драма Г. Гауптмана "Und Pippa tanzt" ("И Пиппа танцует"), (1906), либо – что менее вероятно – переведенная в 1903 году Х. фон Хайзелером пьеса Р. Браунинга "Pippa passes" (в немецком переводе – "Pippa geht vorüber").

[5] "Танцующую Пиппу" (нем.): "Бог в небесах и благодать в мире" (англ.) – цитата из Р. Браунинга, ставшая словами детской рождественской песенки. Иванов использует ее в статье "Il mito di Edipo", опубликованной в августовском выпуске "Frontespizio" за 1933, говоря о "песне" анимы, чувствующей себя в гармонии с миром.

[6] Имеется в виду письмо Иванова к Креслингу от 26 февраля 1926 г. Черновик его, видимо, посланный О. Шор, находится в РАИ (оп. 3, № 114, л. 1). Иванов просит спешно прислать ему весь переведенный материал и предлагает Креслингу помочь с переводом 2-ой части. О. Шор отвечает в открытке от 1 марта 1928 г.: "Письмо Ваше к Креслингу, конечно, прекрасно, как и все Ваши 'грамоты'".

[7] Адрес Е. Д. Шора.

[8] Парафраз отрывка из письма А. Каффи от 11 февраля 1928 г., в котором он характеризует дом княгини Бассиано, где только что поселился: "Принцесса - обаятельная личность и <...> проявляет изумительную любознательность по всем мыслимым областям литературы, искусства, философии, филологии, истории и даже палеонтологии - 'третий глаз' плезиозавров был предметом вчерашней нашей беседы <...> Сегодня должен реферировать о 'Библиотеке' Аполлодора, кот<орой> (к стыду, пожалуй) никогда не читал " (оп. 3, № 106).

[9] Из рассказа "Святою ночью". Публикацию этих переводов см. в наст. изд., с. 455.

[10] О чем идет речь, установить не удалось.

[11] В "египетском" контексте письма можно предположить, что речь идет о боге Тоте, изобретшем письменность.

13. В. И. Иванов – О. А. Шор
1 марта 1928 г. Павия.[1]

1 марта.

Глубоко тронут и благодарю в Вашем лице, розово светлейший Фламинго, всю тройственную ассамблею, вкупе приветствовавшую вчера мою таинственную мифологическую и разноликую личность с Портуен-

совского Патриаршего Гульбища. Сим приветствием вы ухитрились сделать мне заочно праздник с вами “вкупе”.

В. И.

[1] Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю. Ответ на поздравительную телеграмму от 29 февраля 1928 г.: “Боярская тройственная ассамблея вкупе, с Портуэнсовского Патриаршего Гульбища в день тезоименитства Царя-батюшки Барана, Князя Заморского, Кота Священного низко кланяется на многие лета и благоденствия желает. Великодержавный Котенок. Ликот. Фламинго”.

Имеются в виду прозвища Иванова: “Царь Баран”, придуманное в раннем детстве Димой, и “Герцог Сиракузский”, измененное “по цензурным условиям” для избежания недоразумений на почте, как пишет О. Шор 9 марта 1928 г., на “Князя Заморского”. “Портуэнсовское Патриаршее Гульбище” обыгрывает адрес санатория, где была составлена телеграмма, т. к. “Чезаре Баттисти” находился на via Portuense. Котенок – домашнее имя Д. В. Иванова, он тоже – как сын Царя, вероятно, – принадлежал к августейшим особам.

14. В. И. Иванов – О. А. Шор
10 марта 1928 г. Павия.[1]

10 марта 1928.

Дорогой друг, спешу ответить в деловом порядке на Ваш вопрос, окруженный обычною таинственностью. Официально вакации с 1-го по 15 апреля. Фактически буду свободен дня за три, по крайней мере, раньше. Конечно, ухудшение в состоянии здоровья Димы вызвало бы меня в Рим немедленно. Если же бы состояние его было столь удовлетворительно, как две недели тому назад, приезд мой может быть задержан. И есть тому две причины. Во-первых, ответа из Аргентины я должен дождаться здесь, в соседстве Грициотти; ответ может быть даже направлен на его имя, и решения без его совета и разъяснения принимать нельзя. Во-вторых, мой приезд очевидно расстроил бы всю работу́ Лидии[2] и рассеял бы все ее вдохновение; она моего приезда, конечно, боится (как и я боялся бы на ее месте), хотя, разумеется, об этом молчит. Ergo..?[3]

Мне жаль, что Вы не переслали мне письмо Димы без успокоительных комментариев. Его долгое молчание свидетельствует, что ему было очень плохо. До сих пор желудок его был союзником нашим в деле его лечения. Гастрические недомогания при туберкулезе легких – вообще симптом тревожный…

Непреодолимая лень мешает мне написать Вам о Цюрихе и вместе написать в Цюрих[4]: как жаль, что Вас нет, – без Вас дела не сделаешь. Преодолею лень на днях.

«Как “Достоевский?”» – Поправляю письменные работы студентов.

Вы ужасно, удручительно скупы. Вам нужно столько сказать мне, и Вы молчите, даже задерживаете экстренные сообщения.

До свидания, милый, горячо любимый Фламинго.

В. И.

[1] Почтовая карточка. Ответ на открытку О. Шор от 9 марта 1928 г., в которой она спрашивает, когда и на сколько времени Иванов приедет в Рим. “Зачем это нужно – расскажет письмо”.

[2] 6 марта 1928 г. О. Шор пишет: “Ликот оркестрирует и весь ушел в тромбоны”.

[3] Следовательно (лат.).

[4] Речь идет о знакомстве и начавшемся сотрудничестве с Гербертом Штайнером (1892-1966) и Мартином Бодмером (1899-1971), основателями и соредакторами цюрихского журнала “Корона”. Подробнее см. : Вахтель 1995, с. 29-48; 77-218.

15. В. И. Иванов – О. А. Шор
12 марта 1928 г. Павия.

Фламинге[1]
12 марта ‘28.

Неуловимый – и будто бы чей-то “собственный” (так я и поверил!) – Фламинго,[2] о коем Ликот, вернувшись из Фраскати,[3] классически выразился: “Хорошо с Розовой; и сердцу любезно, и приятно уму”, – удивительно ли, что Вы, читающая с одинаковою легкостью длинный свиток моей памяти и сокровенные скрижали древней памяти Египта, а ему ли, Египту ли не помнить этрусков? – удивительно ли, говорю я, что в то время как Тромбетти[4] разобрал их язык, Вы нашли ключ к загадке их гения, догадавшись, что Микель-Анджело был этруск? Волшебное крылатое существо не может более удивить меня никаким неожиданным прозрением. Попытаюсь удивить его своим, провозгласив не менее смелую гипотезу, что оное волшебное существо замышляет попасть на этрусский конгресс[5] (где встретит, между прочим, и Зелинского с Вероникой[6]). Ежели моя гипотеза есть подлинное прозрение, значит: les beaux esprits se rencontrent.[7] В противном случае, le bel esprit[8] я один; ибо мысль записаться в число участников (что нужно сделать, конечно, немедленно, – не знаю только, где и как; – знает между прочим проф<ессор> Петтаццони,

друг Лидии) – мысль эта несомненно умная, и Вам нужно непременно ее осуществить. Неделя осмотров и сообщений даст много для познания этих загадочных меланхоликов, – больше чем все книги и легонькие экскурсии. Вот и все, что я хотел Вам сегодня сказать. Утром отослал, уже aux soins de Lycotte,[9] цюрихское письмо,[10] а вчера ответ на Ваш запрос о моем возможном, но проблематическом приезде в Рим. Получили ли Вы его от привратницы дома на Гумбертовом Пробеге?[11]

Апантетически

В. И.

[1] Слово "фламинго" в языке ивановской семьи могло приобретать окончание женского рода и склоняться. О. Шор часто, говоря о себе, употребляет его в мужском роде, даже в формах множественного числа (например, "фламингов"). О "грамматическом споре" Зелинского с Д. Ивановым по этому поводу см.: Иванова, с. 191.

[2] Отсылка к открытке 28.2 - 1.3, подписанной "Ваш собственный Фламинго".

[3] Город неподалеку от Рима.

[4] Alfredo Trombetti (1866-1929) – итальянский лингвист.

[5] I Международный этрускологический конгресс проходил с 27 апреля по 5 мая во Флоренции. Подробнее см. письма № 16, 18 и 19 в письмах Зелинского к Иванову в наст. изд.

[6] Дочь Ф. Ф. Зелинского. В РАИ хранится 5 ее писем за 1936-1940 гг., адресованных Иванову (оп. 3, № 85), переписывалась она и с остальными членами семьи, в основном с Л. Ивановой. Она жила с овдовевшим отцом и сопровождала его во всех поездках, сама называла себя Антигоной (тем более, что Зелинский постепенно терял зрение). Подробнее о ней см. письма Зелинского Иванову в наст. издании.

[7] Блестящие умы встречаются (фр.).

[8] Блестящий ум (фр.).

[9] На имя Ликота (фр.).

[10] Письмо Г. Штайнера от 26 февраля 1928 г. Ср. предыдущее письмо Иванова.

[11] Поскольку О. Шор часто переезжала с квартиры на квартиру и уезжала из Рима, она в основном получала корреспонденцию на один и тот же адрес – Corso Umberto, 93. У Иванова эта "система постоянного адреса" вызывала сомнения, так как получение писем таким образом задерживалось.

16. В. И. Иванов – О. А. Шор
12 марта 1928 г. Павия.[1]

12. III.

Волшебный Фламинго.

Посылаю черновик ответа.

Что написать Креслингу или Евс<ею> Дав<идовичу>?

Прошу дальнейших директив, с оценками положения и прочими наставлениями.

Ваш В. И.

[1] Письмо написано на обороте последнего листа сложенного вчетверо письма Г. Штайнера к В. И. Иванову от 26. II. 1928 г., внутрь которого вложено письмо В. И. Иванова к Г. Штайнеру от 12 марта 1928 г. (напечатано: Вахтель 1995, с. 83-84). Датируется по приложениям к письму.

17. В. И. Иванов – О. А. Шор
15 марта 1928 г. Павия.[1]

Фламинго.
aux soins de Lycotte.
15. III. '28.

О Фламинго, Фламинго!

– Почему Вы не сообщаете мне Вашего адреса?... Что это еще за новые проделки? –

– "Черновик" предполагает "беловик". Следовательно, копия с черновика снята и даже отослана. Не будь она отослана, "черновик" был бы не "черновиком", а "проектом".

Ваше возражение предвидено. Глупость не простая, а предумышленная. Зачем же? Затем, что – если не позволять себе никогда роскоши быть неумным (unklug), никогда не будешь иметь во рту вкуса свободы. Безрассудство – квинтэссенция свободы.

Напишите, родная, за меня Евс<ею> Дав<идовичу>, что я с своей стороны уполномочиваю Herrn Steiner из Цюриха напечатать отрывки из материала, принадлежащего Вайбелю, если последний согласен, и пр. по моему "черновику". И переводчик заработает. Лучше всего II. Abschnitt (Mythe).[2]

– Праведный друг Ваш опять прислал мне 44 доллара с пометкой: "за март".

– Пишите, прошу Вас. Я буду здесь ждать ответа из Америки.

Апантетически пожимаю протянутую[3]

В. И.

[1] Почтовая карточка на имя Л. Ивановой, ответ на открытку О. Шор от 13 марта 1928 г.: "<...> что значит 'черновик'. Оригинал отослан или нет? Если нет, то я очень просила бы

смягчить выражения, касающиеся Вашей непреодолимой потребности до тла переделывать свой текст *уже* сделанного перевода. <...> И зачем Вам дублировать Достоевского? Лучше <...> перевести еще непереведенное. <...> А Юшу надо Вам, конечно, о предложении цюрихском известить; он не преминет использовать его в Вашу пользу".

[2] II часть (Мифы) (нем.). Речь, видимо, идет о второй, "состоящей из определений", как выражается В. И. Иванов в черновом варианте письма Креслингу, части книги о Достоевском (оп. 3, № 114, л. 1 об.), над переводом которой последний работал чуть ли не с 1926 года.

[3] Следует значок, изображающий птичью ножку.

18. В. И. Иванов – О. А. Шор
16 марта 1928 г. Павия.

16 марта '28.

Высокий, или – по совмещению в своем таинственном существе начала профетического и художественного начала – "возвышенный", родич Феникса, Фламинго![1] Ваша интуиция об этрусской закваске в творчестве загадочного властителя Ваших дум ist sicher nicht aus der Luft gegriffen:[2] в ней чувствуется какая-то внутренняя убедительность. Prüfen Sie die Sache genauer.[3] И, в самом деле, поезжайте во Флоренцию на этрускологический конгресс. Справьтесь об условиях присоединения, о времени его (в какие дни апреля) и о прочем, прежде всего, в библиотеке, а потом у профессора римского унив<ерситета> по кафедре истории религий Pettazzoni, которому Вы передадите мой сердечный привет и расскажете о своей командировке и о своих изучениях, как и о скором приезде Зелинского (выступающего на съезде с докладом по религии этрусков).[4] Он с Вами будет очень любезен и Вам во всем поможет. Живет он на via Viminale, по левой стороне, если идти от via Nazionale, в последнем этаже дома, подъезд которого обрамлен витринами фотографа; Лидия была или бывала у него; N° дома не помню. Его нужно захватить спешно, п<отому> ч<то> лекции кончает он перед вакациями рано и уезжает в родную Болонью. Кажется, есть к нему и телефон. Застать его можно, вернее, ок<оло> 10 часов.

Но почему Вы прячетесь от меня в тропические заросли, и я принужден прибегать aux soins de m-lle Lycotte? В чем тут дело? "Мы ленивы и не любопытны", – что-то в этом роде сказал Пушкин о русских:[5] я ленив, ревнив и любопытен.

Ответа из Córdoba нужно дожидаться здесь, senza dubbio![6]

Ганчиков своим приездом моего душевного покоя (о, я – эгоист!) доселе, к счастию, не нарушил. Io sto zitto.[7]

Не смейте мне льстить и говорить о "музыке языка" в самой деловой отписке. Пусть Вас Ликот пристыдит – он в этом отношении очень строг – и запретит Вам. "Тем – тьма".[8] Великолепная аллитерация! Вероятно, поэтому Вам так противно писать мне?

Апант<етически> В.И.

[1] Фламинго в Упанишадах – символ души, переходящей из тьмы в Свет, и принадлежность к миру света-солнца-огня-очищения и возрождения связывает ее с Фениксом, в особенности с египетским его предшественником – Бенну, который с зарей поднимался над Нилом, чтобы, сгорая с закатом, возродиться вновь. В египетской традиции Феникс представлял не только солнечный цикл и разливы Нила, но и символизировал жизнь после смерти: усопший становился фениксом, и должен был возродиться после взвешивания души. Одновременно Феникс являлся птицей-психопомпом, сопровождающим умершего. В христианской традиции Феникс символизировал воскресение и бессмертие, а также божественную природу, и вследствие этого играл большую роль в алхимической символике, хотя, кажется, что данный аспект феникса для Иванова заметной роли не играл. Участие во взвешивании душ может ассоциативным путем привести от Феникса к архангелу Михаилу, однако это не более чем предположение. Слова Иванова о "совмещении профетического и художественного начал", наверное, имеют отношение к концепции Памяти как источника творчества.

[2] Явно не без основанья (нем.).

[3] Проверьте вопрос точнее (нем.).

[4] Доклад Зелинского на конгрессе – "L'elemento etico nell'escatologia etrusca" – был впоследствии опубликован в журнале проф. Петтаццони: см. письмо № 19 и прим. к нему в письмах Зелинского к Иванову в наст. изд.

[5] Цитата из 2-ой главы "Путешествия в Арзрум".

[6] Без сомнения! (ит.).

[7] Я молчу (ит.).

[8] Отсылка к письму О. Шор от 14 марта 1928 г.: "Ваш ответ в Цюрих очарователен по стилю. Я получила эстетическое наслаждение. Какая музыка языка! Теперь почти никто не владеет уже ею. Вот оно откуда, дарование Ликота". Далее она пишет, что у нее для предстоящих бесед с Ивановым "тем – тьма".

19. В. И. Иванов – О. А. Шор
20 марта 1928 г. Павия.

Фламинго.
20. III '28.

Дорогой друг, пересылаю Вам ответ из Цюриха.[1] Напишите за меня, будьте доброй, во Фрейбург. И положите для меня резолюцию по всем пунктам. А нельзя ли бы где-нибудь напечатать всего "Тантала" – бедно-

му Heiseler'у, которого я, еще в незапамятные времена, задавил своим педантизмом в ритмике и, перепугав его, все же ничего в смысле исправлений или точных директив, не сделал, – ему было бы утешением видеть свою почтенную работу напечатанной.[2] Мне же это почти безразлично.

Какие-то новые переводы какого-то Kalner'a[3] – также... Вот "Дионис" меня все же интересует.[4] Кстати, послали ли Вы экземпляр книги Андрею Ивановичу?

Да, конгресс 27 апр<еля>, как я вижу теперь из письма Зелинского, последний уже на пути в Рим.

Возможно что приеду. Гита[5] уезжает для меня только, или независимо от моих решений? Это важно знать. И когда будет для меня открыта Кошкина Пасть?[6] – Грициотти советуют ехать, ответ может задержаться, это так; но проф<ессор> Грициотти уезжает 15 апр<еля> из Павии. Не знаю, какое решение приму. Но и в Риме нужно быть, п<отому> ч<то> дело с Димой осложняется, – как я вижу и из сегодняшней Вашей открытки, где Вы говорите о какой-то сложной его психологии и о спешном переезде в горы, который советует Мендес.[7] Ах, отчего Вы пишете так скупо и отрывочно! Я ничего более ясно не вижу.

Спасибо Вам, друг, за Ваши заботы. Только поменьше умолчаний, per carità.[8]

В.

[1] Не исключено, что Иванов пересылает О. Шор ответ Г. Штайнера (несохранившийся) на его письмо от 12-го марта 1928 г.

[2] Впоследствие Иванов оценивал поэтический перевод, который предпринял Henry von Heiseler (1875-1928) в 1908 году, как "удивительный по совершенству" (письмо к С. Л. Франку от 18 мая – 3 июня 1947 г., опубликовано: Мосты. 10, 1963, с. 364). Фрагмент "Aus der Tragödie Tantalos" появился в "Neuen Schweizer Rundschau" (1931, № 2 с. 135-143), полностью перевод опубликован в 1940 г. в Karl Rauch Verlag, Dessau und Leipzig. Под "педантизмом в ритмике" В. И. Иванов подразумевает, очевидно, упрек Хайзелеру, что тот не соблюдал цезуру в ямбическом триметре. Подробнее о Хенри фон Хайзелере см.: СС II, 680-681.

[3] Неустановленное лицо.

[4] Немецкий перевод, сделанный базельским издательством Бенно Швабе и присланный для отзыва В. И. Иванову, так и не увидел света из-за необходимости авторской его доработки. В. Иванов пробовал опубликовать "Диониса" по-немецки через Степуна и Шора и по-английски через П. Виноградова. В ответном письме из Оксфорда от 22 мая 1925 г. последний сожалел, что найти издателя в Англии или Америке будет нелегко (оп. 3, № 34, л. 1 об.). В 1930 г. в журнале "Vigile" было объявлено о подготовке французского издания книги в переводе А. Каффи (см.: Вахтель 1995, с. 44 прим. 17). Однако все эти попытки не принесли конкретных результатов.

[5] Гита Радич – подруга Л. Ивановой, жена поэта С. Стефановича (1874-1944). В 1927-28 гг. Радич занимала комнату Д. В. Иванова, когда приезжала в Рим из Будапешта. См.: Иванова, с. 213.

[6] Via Bocca di Leone (досл. улица львиной пасти) называлась у Ивановых "Кошкиной Пастью", а также "Кошкиным Ротиком".

[7] Открытка О. Шор от 18 марта 1928 г.: "Мендес <...> советует с наступлением тепла перевезти Диму в горы. <...> Сегодня имели с Вел<иким> Котенком многочасовой разговор. В душе этой глубокие и сложные процессы происходят (по-моему, все дело в психологии; желудок вообще ни при чем). <...> Какой особенный, интересный, одаренный и очаровательный мальчик!"

[8] Ради Бога (ит.).

20. В. И. Иванов – О. А. Шор
24 марта 1928 г. Павия.

24. III. '28.

Милые Ликот и Фламинго,

Видел сегодня проф<ессора> Морелли. Он удивился, услышав о peggioramento,[1] и наивно сказал: "А Мендес мне ничего не говорил". – "Но это случилось в марте, после Вашего визита". Упомянул об атонии Веры, – говорит: "Возможно, что была связь с ее позднейшим туберкулезом". "И гастрическое состояние Димы наводит меня на мысль о наследственности". – "Почему вы не привезли его сюда, вот в эту Casa di Salute?[2] Я бы его всячески исследовал" (Цена в его Casa di Salute, где происходит разговор, 55 лир в день, не считая лечения и докторских визитов). "Теперь Мендес спешно посылает его в горы". – "Куда?" – "Не запомнил места, которое он рекомендует, в Сев<ерной> Италии. Но я мог бы увезти его и в Швейцарию". – "Зачем ненужные траты? Вот пошлите его в L'Abettina <так!> в Valtellina.[3] Я участвую (как пайщик, негодяй?) в этой санатории. Буду ездить туда раз в две недели. Он будет под моим наблюдением. Высота 1000 метров. Больше 1200 метров не нужно. Может вредить, и со стороны геморрагии опасно". "Сколько же там стоит жизнь!" "35-40 фр. в день, можно устроить и скидку. Напишите Мендесу, что я советую L'Abettina. Впрочем, я буду сам в Риме через неделю". – "Пожалуйте переговорить с ним сами".

Вот вам книжка о L'Abettina". Посылаю ее одновременно.

Судя по описанию, очень напоминает Красную Поляну;[4] только все ели вокруг санатории. Места в окрестностях Lago di Como[5] красивые.

Вопрос о выборе места очень трудный и дипломатический. Не знаю, зачем писать своим швейцарцам.[6] Морелли прав, говоря, что в Италии есть все – все высоты. Но большой не нужно. Интересно, на какую высоту посылает Мендес и что думает Синьорелли. Прежде всего нужно определить тип – высоту места.

В.

Ликот, я не могу перевести твои песни.[7] Найди Дамиани[8] (bibl<ioteca> Monte Citorio),[9] он все сделает.

[1] Ухудшении (ит.).

[2] Частная клиника (ит.).

[3] Долина в Альпах между озерами Альпезелла и Комо. Здесь расположены упоминаемые в последующих письмах селения: Сондрио, Сондало и Тирано.

[4] Местность на Кавказе, где Ивановы были летом 1916 года. См.: Иванова, с. 64-67.

[5] Озеро Комо в северной Италии – традиционное место, где лечились туберкулезные больные.

[6] О. Шор предлагала просить содействия Г. Штайнера и М. Бодмера для поисков санатория и получения швейцарской визы.

[7] Речь идет о переводах на итальянский язык ст-й, которые Л. В. Иванова собиралась положить на музыку: трех пушкинских фрагментов ("Ходит во поле коса", "Три девицы под окном" и "Колокольчики звенят"), "На базаре" И. Новикова, и добавленном ею позже ст-и Т. Вечерки "Ну, что же, счастье, может, в том...". Оригинальные тексты и переводы В. И. Иванова опубликованы: РИА I, с. 532-535.

[8] Enrico Damiani (1892-1953) – крупный итальянский славист, переводил ст-я Иванова.

[9] Библиотека дворца Монтечиторио.

21. В. И. Иванов – О. А. Шор
13 апреля 1928 г. Павия.[1]

Павия, 13 апр<еля>.

Волшебный Фламинго,

Размышляя по дороге над текстом Ликота, – я обронил его (honni soit qui mal y pense[2] – что я размышляя задремал!)... Во всяком случае не могу его найти. Но текст этот был неполон, и я нуждаюсь спешно в полном

и точном; почему и посылаю эти строки espresso и на имя Вашей padrona di casa[3] (не на *Ваше*, не сердитесь), чтобы ускорить дело, в замедлении которого виноват все же сам Ликот, не удосужившийся списать мне "Рынок".[4] Спишите его сама с ее партитуры "Песен" (в голубом переплете большого формата),[5] если Ликот пропал без вести, и пришлите espresso.

Прилагаю остальной перевод в *окончательном* виде (édition définitive).[6]

Доехал я, несмотря на переполненный вагон, даже не без приятности, сохраняя впечатление Ваших двух милых лиц и белых платочков, а также видение трижды представшей мне пинии Диминой санатории. У вагона встретил меня высланный возница и по весенним аллеям и вдоль красивого Тичино привез в мою тихую и светлую келью. Замечательно, что в поезде вчера не знали (или не говорили?) о вчерашнем миланском ужасе.[7]

Пишите мне, очень прошу Вас, о нужном и *не* нужном, – я избаловался опять Вашею близостью, и скучаю по Риму в обществе семи милых и умных студентов. Пишите. Апант<етически> Ваш

Вяч. Ив.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Пусть будет стыдно тому, кто плохо подумает (средневек. фр.).

[3] Квартирной хозяйки (ит.).

[4] Имеется в виду ст-е Ивана Алексеевича Новикова (1877-1959) "На базаре" ("Оглобли, колеса..."), которое Вяч. Иванов под названием "Базар" переложил на итальянский и немецкий языки. В библиотеке РАИ находится сборник с карандашными пометками, в который входит вышеупомянутое стихотворение: "Полный ковш: Стихи для детей среднего возраста". М., ГИЗ, 1924. На нем – дарственная надпись автора Д. В. Иванову, сделанная 8 августа 1924 г., перед отъездом Ивановых из России.

[5] Партитура находится в РАИ. Это тетрадь в твердом переплете голубого цвета с серыми цветами, содержащая 5 произведений для 3-х женских голосов в сопровождении камерного оркестра: "Тоска" (без слов), "Коса", "Цыганочка", "Необъятное" и "Базар". В партитуру вложены переводы текстов на немецкий язык рукой В. И. Иванова и О. Шор. На листе с автографом Иванова в правом нижнем углу его записка: "Урчливому <значок, изображающий кошачью голову. – Комм.> почтеньице! Да <помещено между двумя описанными выше значками. – Комм.>. Счастливо. Хр. и Б. М. с нами. В."

[6] Окончательный вариант (фр.).

[7] 12 апреля 1928 года во время открытия Миланской ежегодной ярмарки незадолго до прибытия короля Италии Виктора Эммануила III взорвалась бомба, было убито 20 и ранено 40 человек.

22. В. И. Иванов – О. А. Шор
17–18 апреля 1928 г[1]. Павия.

17 апр<еля> 1918.

Изим, фантастический Фламинго, Вы – немного неожиданно для меня (ума охлажденного и скептического*) – выразили желание "быть поощренной к переписке на наши большие темы"[2] ответом "на следующий вопрос: есть ли и если есть, какая разница между жертв<ой> эллинской, библейской и христианской? "Жертвенный, мертвый Бог", о котором говорит "кто-то странный (кстати, это по-старинному 'странник') по дороге",[3] – что Он, в том же ли смысле жертвен, как Дионис и Авраам, или это слово другое стало значить?"

Я не думаю, чтобы этот вопрос был прямо связан с "нашими" темами, – но Вам это лучше знать, ибо провиденциальный план наших разговоров составляет Вашу тайну. И, быть может, то слово, которое, по Вашим ожиданиям, должно по-новому прозвучать в моей душе, есть именно "Жертва?" – Едва ли, впрочем... Как бы то ни было, "препоясываюсь", – как говорили древние и еще говорят итальянцы (m'accingo[4]), – на подвиг краткого ответа, отнюдь не желая однако забираться в дебри религиозно-исторических исследований, которые мне довольно-таки надоели. Но, прежде всего, зачем цитировать мои стихи? Прежде я мужественно нес за них ответственность; теперь мне не хотелось бы, чтобы меня ими попрекали. Però voglio essere non soltanto accinto, ma anche succinto: poche parole dunque![5]

У греков не одна религия, а несколько: с древнейших времен синкретизм. Поэтому рядом с жертвой – даром благоговения, благодарности, умилостивления – или, в отдельных, исключительных случаях, откупа – вышним богам – искупительные жертвы богам преисподним, которым нужна кровь, а не благоухание сожигаемого тука (тонкого жира жертвенных животных), далее – жертвы героям, души которых под землей питаются кровью, уходящею в землю, – и особенно жертва оргиастическая, где в умерщвляемой и пожираемой жертве умерщвляется и пожирается сам бог, коему пожирающие жертву-бога причащаются до внутреннего отожествления с ним самим, почему поклонники Вакха сами становятся во время совершения "таинства" – "вакхами".

18 апреля.

Проблема, которую вы затронули, мудрый Фламинго, во всяком случае одна из труднейших для историка религий... Продолжаю, кряхтя, потому что здесь трудно быть кратким. Впоследствии (должно быть, под влиянием все захватывающей Дионисовой религии) мысль о насыщении божеством через вкушение от жертвы распространяется и на дарственные жертвы вышним богам. Отсюда строгий христианский запрет участвовать в народных пиршествах, где раздавалось мясо жертвенных животных: вкушающий от него, по словам ап. Павла, принимает в себя душу, или силу, демонов, т. е. языческих божеств. Индусы, опьяняясь возливаемым жертвенно соком Сом,[6] также приобщались божеству Сом. – Библейской жертвы я не изучал, не будучи ориенталистом. Мистическая сущность вкушения от пасхального агнца для меня не ясна. В общем ветхозаветные жертвы аналогичны эллинской жертве вышним богам. Но есть характерная особенность: мысль о принадлежности Творцу каждой живой твари, и, прежде всего, жизни первенца, который, по всей строгости, должен был бы всегда быть отдан через заклание богу; однако Адонай довольствуется символическим закланием первенца (жертвоприношение Исаака, обрезание). – В христианстве все жертвы упразднены единою жертвой Иисусовой, мистически не прекращающейся в таинстве Евхаристии, где искупительная жертва становится одновременно, как показывает самое имя, и благодарственной. Искупление понимается как погашение греха (этого долга, уплаты коего необходимо требует божественная справедливость), грех же одновременно как грех индивидуальный, и как общий грех много-единого Адама. Одна из основных идей христианства – вселенская общность греха и искупления. С другой стороны, христианская концепция жертвы включает в себя и идею причащения плоти жертвоприносимого Бога, которая составляет отличительный признак жертвы дионисийской. Несмотря на эту аналогию, отнюдь нельзя утверждать однoприродность обоих явлений религиозного сознания, о которых идет речь. Жертвенная самоотдача Диониса – факт космогонический, а не исторический; и мыслится она абсолютно вне категорий нравственного порядка. Сын божий у эллинов не из любви отдается на растерзание темным силам Земли, Титанам, но из субстанциально присущего ему тяготения к саморасточению. Правда, из этой первоначально чисто-метафизической и существенно пантеистической концепции мистическая секта (или, если угодно, “церковь”) орфиков пыталась развить понятие греха, как индивидуального (сопровождающегося загробным возмездием), так и вселенского, первородного: но речь идет все же не об искуплении, а только о космогоническом сотворении человека с его двойственным составом:

его титаническою, темною, и дионисийскою, духовною, частью. Через поглощение Диониса Титаны стали людьми, как существами духовными; отсюда этическое последствие: прилепляясь всею волею к Дионису, мы одухотворяемся и преодолеваем темное наследие "беззаконных предков" (Титанов) в нас. Дионис в нас помогает и преодолению смерти, – но не в воскресении, а в палингении, т. е. в возрождении на земле для новой земной жизни. Все же дионисийство определяет собою водосклон эллинской религ<иозной> мысли, направляющий ее, в ее исторических судьбах к христианству. В иудаизме не бы<ло> вовсе некоторых<?> предпосылок,[7] необходимых для идеи жертвы в полноте ее христианского смысла. О *жертве* хрис<ти>анской говорю я<?>, а не об остальном его содержании, покоящемся <на> предпосылках иудаизма.

Но зачем Вам понадобилась, дорогой друг, эта диссертация? Или я не то сказал, что Вам было надобно. Ответьте. Ваш апантетически В И.

*В самом деле, вера – "вещей обличение невидимых"[8] – сделала меня весьма скептическим ко всем продуктам "естественной" человеческой мысли и ко всему человеческому, только человеческому вообще. "Сверхъестественное" еще кое-как понятно; а "естественное"- даже ненаучное понятие, ein unklarer Begriff,[9] просто "мнение", δόξα.

[1] Письмо, написанное на почтовой бумаге Колледжо Борромео, датировано ошибочно (описка), правильная датировка дается на основании предыдущего письма.

[2] Цитата из письма Шор от 15 апреля 1928 г.: "Если хотите доставить мне радость существенного с Вами общения и поощрить меня на переписку на наши большие темы, ответьте, пожалуйста, на следующий вопрос: есть ли, и если есть, то какая, разница между *жертвой* эллинской, библейской и христианской. 'Жертвенный, мертвый Бог', о котором говорит 'кто-то странный по дороге', – что, он в том же смысле *жертвенен*, как Дионис и Авраам?.. Или это слово другое стало значить? Ваша Птица очень будет ждать Вашего письма, ибо неизменно алчет и жаждет проникновенной беседы с Вами".

[3] Строка из стихотворения Иванова "Путь в Эммаус" (II, 264).

[4] Это выражение означает одновременно и "подпоясываюсь", и "собираюсь".

[5] Однако мне бы хотелось не только начать, но и быть кратким: поэтому буду немногословен (ит.). Здесь также игра слов: accinto (приступивший) и succinto (лаконичный, краткий, сжатый) имеют один и тот же корень.

[6] Сома, или сом – опьяняющий напиток, эликсир бессмертия, который вкушали в индийских ритуалах жертвоприношения богам огня (Агни). Сам напиток был почитаемым божеством.

[7] Лист надорван с частичной утратой текста.

[8] Евр. 11:1.

[9] Неясное понятие (нем.).

23. В. И. Иванов – О. А. Шор
18 апреля 1928 г. Павия.[1]

Фламинге египетской.
18 апр<еля> '28.

Глубоко – но, по-видимому, простите, не быстро-мысленный Фламинго! Когда я говорил Вам о Горьком то, что Вы ныне мне преподносите,[2] Вы отнеслись к моей мысли хладно, а теперь меня тормошите. А, главное, непредусмотрительно умалчиваете Вы о том, что я, разумеется, не могу держать в памяти, а именно – как зовут его первую жену, и кто там другой во главе Красного Креста. Вообще я ему напишу о Кайдалове[3] только по получении от Вас концепта, о чем и как именно запросить или просить; иначе напишу такое, что потом Вы же будете меня ругать. Каждый исполнительный орган нуждается в точных директивах высшей власти, как действовать и что говорить: я орган исполнительный, а Вы начальство. Когда же подчиненный проявляет инициативу, его не поощряют: я еще в Риме у Вас и при Вас хотел написать Горькому, но Вы дело уронили. Теперь мне писать ему не очень-то хочется, п<отому> ч<то> он не ответил до сих пор на мое поздравление с юбилеем;[4] все же о Кайдалове напишу, а о себе нет. И спрашивать его прямо о поездке в Россию[5] не могу. – Эта открытка перебила письмо к Вам, которое лежит передо мною, неоконченное.[6]

Апантетически В. И.

Мое единственное утешение, когда Вы что-нибудь мне приказываете сделать, – наворчать.

Одновременно посылаю на Гумбертов Пробег 93 теоретическое послание.

[1] Почтовая карточка на имя Л. Ивановой.

[2] Письмо О. Шор неизвестно. По-видимому, речь идет о мысли обратиться к Горькому за содействием в получении пенсии и литературных заказов как источника средств для содержания Д. В. Иванова в санатории. О. Шор собиралась ехать в Сорренто, начиная с конца ноября 1928 г.

[3] М. Кайдалов, доктор богословия из Бельгии. В последующей переписке он шутливо именуется "пасынком" О. Шор. В РАИ – три его письма к В. Иванову, датированные июлем 1929 и 9 августа 1931 года (оп. 3, № 103). С какой просьбой мог обращаться Иванов к Горькому по поводу Кайдалова, установить не удалось.

[4] С 60-тилетием и 35-летием литературной деятельности.

[5] Начиная с 1928 года до своего окончательного переезда в Россию в 1933 году, Горький проводил лето и часть осени в Советском Союзе. Первый его приезд, совпавший с юбилеем, был отмечен как всенародный праздник (см. также прим. 15 к письму В. И. Иванова от 1 июня 1928 года).

[6] Речь идет о письме N 22 за 1928 год, которое ниже в будет названо также "теоретическим посланием".

24. В. И. Иванов – О. А. Шор
30 апреля 1928 г. Павия.[1]

30 апр. '28.

Крылатый друг,

Спасибо за этрусскую "открыточку",[2] – как говорит Дима, – написанную в Орвието,[3] когда вы пили "красный дар Фуфлунса",[4] – и за флорентийскую. Я уже собирался послать Вам привет во Флоренцию poste restante. Приветствуйте сердечно Зелинских. Только что послал Фаддею Францевичу поклон со здешним podestà,[5] проф<ессором> Ваккари,[6] который будет завтра на докладе Ф<аддея> Фр<анцевич>а. Пишите мне, будьте милым фламинго, хотя бы в форме сухих реляций, о конгрессе и о всем, что Вы видите. Почти готов Вам завидовать... но нет, слишком все это утомительно. Дома лучше! Но, как я ни ленив, Вы все же похвалили бы меня за прилежание к "Достоевскому". Получив в Абетину реком<ендательное> письмо Морелли, туда написал и жду ответа. Однако, он говорит, что распоряжаться там не может, и что *большой* скидки не будет. Евсей Дав<идович> запрашивает меня письмом, слыхал ли я что-нибудь об Ольге Ал<ексан>дровне за последний месяц. Я ответил подробным письмом о Ваших gestes et exploits.[7] Все же напишите наконец ему. Апантетически Ваш

В. И.

[1] Почтовая карточка, адресованная во Флоренцию, где в это время проходил конгресс.

[2] Открытка не найдена. Сохранились открытки из Флоренции от 27 апреля и 1 мая 1928 г.

[3] Город в Умбрии, основанный этрусками, славится вином с тем же названием.

[4] Бог растительности и плодородия, этрусский Дионис.

[5] Во времена фашизма – глава городской администрации.

[6] Pietro Vaccari (1880-1976) – декан юридического факультета Павийского университета, затем – факультета общественных наук, возглавлял правление Колледжо Борромео, в 1923-1933 гг. был мэром Павии.

[7] Деяниях и подвигах (фр.).

25. В. И. Иванов – О. А. Шор
4 мая 1928 г., Павия.

4 мая '28

Крылатый друг, получил я вторую Вашу весточку, на которую и отвечаю, – по Вашему указанию, уже в Рим, хотя Вы еще не скоро там будете (что меня эгоистически немного тревожит, – как они без Ваших указаний и действий у Ангела, у Мендеса и пр. соберутся в путь, в Абетину, где, кстати сказать, собираются меня не на шутку грабить, ибо в денежном отношении покровительство Морелли сводится, по-видимому, к некоей quantité négligeable,[1] и мы будем, чего доброго, в пух и прах разорены, ежели Ангел не выхлопочет субсидию!.. Но это все в скобках)...

Посылаю Вам один из отчетов о конгрессе, где вскользь упомянуто о том, что речь шла и о влиянии этрусков на искусство Возрождения... М<ожет> б<ыть>, упомянутый Ducati также напал на мысль об этрусском наследии в творчестве М<икель> Анджело?

Ужели Trombetti ничего вперед серьезно не двинул? Che disillusione![2] А жаль!

Жду новых сообщений, и в частности, о нашем милом Зевсе (или Софокле), по-дружески, – в смысле физиономического сходства.

Кстати, о сходстве. На кого я похож, – конечно, не знаю. Впрочем, моя Ксения[3] из Ленинграда пишет как раз об этом:

"На днях видела на выставке Ваш портрет (раб<оты> Ульянова, 1920). Вы похожи там на черную хищную птицу. К изумлению всех присутствующих, я низко Вам поклонилась уходя:

Вот зачем, в часы заката,
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената,
Низко кланяюсь ему".

Простите лаконизм этой записки. Хочу послать ее немедленно: почту берут. Я работаю. Апантетически В. И.

[1] Чему-то ничтожному (франц.).

[2] Какое разочарование! (итал.).

[3] Ксения Михайловна Колобова (1905-1978), ученица Вяч. Иванова в Бакинском университете.

26. В. И. Иванов – О. А. Шор
13 мая 1928 г. Павия.

13 мая '28.
$4^1/_2$ пополудни.
Hírês Aigyptóio rhodópteros ámbrotos órnis
Ἱρῆς Αἰγυπτοίο ῥοδόπτερος ἄμβροτος ὄρνις
Священного Египта розокрылая божественная птица

Как жаль, что Ваше египетское небрежение такими новшествами, как язык Гомера,[1] не позволяет Вам оценить вылившегося у меня в Вашу честь и хвалу гексаметра!..

Вашу открыточку (Вы, бедная пернатая, такой были усталой, когда ее писали, что на конверте начертали было "Alma Bocca di Leone" и потом поправили в "Almo Collegio"[2]) от 11 мая получил я сегодня, вернувшись из Милана, и хочу рассказать Вам несколько светлых, как этот прекрасный весенний день, впечатлений встречи с нашими путешественниками.[3] Сопровождаемый носильщиком, открыл я их присутствие в одном из спальных вагонов и увидел веселыми и свежими. И тотчас же возник между нами Дон Леопольдо, также веселый и нежно-ласковый (обыкновенно, как Вы слыхали, этот желчный и трагический человек смотрит ноябрем). Почему-то ему было поручено запасти какой-то недостававший билет до Tirano (невольно вспоминается по созвучию его собственное, Ликотом изобретенное прозвище "tiranno"[4]), который он и преподнес в ожидаемый, очевидно, этими эксплуататорами дар.

По лестницам вниз и вверх пришлось бедняжке Диме добираться до уже готового поезда в Sondrio; и после того как места были заняты, Тиран повлек всю компанию по тем же лестницам назад пить кофе, приговаривая, что он очень доволен видом (явно бодрящегося) Димы. В буфете угостил он путников кофе со взбитыми яйцами и cake'ом и за столом я от души сказал, что рад видеть всех троих.[5] Тем временем старший из эксплуататоров, сказав, что едет с 800 лирами (это значит, что со дня моего отъезда из Рима было истрачено за месяц, с какими-то закупками для Ди-

мы и ж<елезно>-д<орожными> билетами, около 4000 лир!), успел вытянуть – pumpen – из моего кошелька 400 лир. Но горечь этой утраты была снята Ликотовым сообщением, что последний анализ дал негативный результат. Слава Богу! Но Вы об этом ничего не пишете: *так ли это*? и правильно ли я оцениваю это неожиданно радостное известие? Кроме того, мне было приятно слышать от Дона Рибольди, что доктор Zubiani, директор Абетины, sia un bravo medico[6] (он его ценит выше, чем "коммерсанта" Морелли, но это суждение, очевидно, лицеприятно, п<отому> ч<то> Морелли был в Совете отъявленным врагом нашего бывшего ректора, Тирана, коего и вытеснил). В целебность Абетины ("che pineta!"[7]) Тиран верит, п<отому> ч<то> его брат там от туберкулеза вылечился; но жил он в самом Sondalo, а санатория тогда еще только строилась.

Разумеется, я ни о чем толком поговорить с моими не успел, – свидание длилось всего полчаса. Они уехали, улыбающиеся, – а дальше... Бог весть. Я стою за Швейцарию; и разговор на днях с берлинским бактериологом Friedberger'ом, который читал в Павии лекцию о тифе и был гостем в нашем Collegio, утвердил меня в этом мнении: по его словам, Braunwald известная хорошая санатория, и больной в Швейцарии в надежных руках; впрочем, Морелли он уважает. Дон Рибольди, почти уже опаздывая на служение в свою церковь, подвез меня в автомобиле и назначил мне rendez-vous в своей церкви между двумя службами. Я же сначала постоял в восхищении, в радости эстетической перед собором,[8] потом вошел в него, и эстетическая радость перешла в мистический восторг под этими подлинно готическими сводами, под этим неподлинно-готическим, но все же мистическим куполом, при виде этих огромных, пламенеющих и звучащих, как симфония, vitraux.[9] Далее, взял я taxi и побывал на via S. Eufemia, но Ганчикова не застал дома. В назначенный час я был в S. Fedele, но видел Дон Леопольдо уже только у алтаря, п<отому> ч<то> благодаря длинной проповеди (с обычными доказательствами бытия Божия) никакого промежутка между службами не было. Зато я любовался очень красивою службой в этой пышной церкви, большой и столь переполненной элегантною (*сплошь*!) публикой, что с трудом можно было добраться до выхода. Don Riboldi может быть, при его любви к блеску, доволен таким приходом. К нашему luncheon'у[10] в Collegio я поспел с опозданием на полчаса (в 1 ч. без 5 м.). И после классической сьесты сие апантетическое послание крылатому другу написал.

В.И.

Следующее письмо о литер<атурных> делах. Я буду часто писать, и Вы, Фламинго, будьте умником хорошим и пишите часто, часто. Вы еще и на "жертву"[11] не отозвались. Какая же Вы францисканская птица, буд-

то бы понимающая проповедь[12] (впрочем, я еще не начинал Вам проповедовать), – нет, Вы птица египетская.

Ликот, в сопровождении своего Тирана, приедет в Павию, где останется еще день, другой: вот все, что пока решено. – Дима, оглядев меня по своему обыкновению критически, провозгласил что я – monsieur Briand.[13] На что д<он> Леоп<ольдо> отозвался, что у оного масона порочный вид, а у меня непорочный. Но Ликот подтвердил, что я – Бриан.

Гумбертов Пробег – Roma *8*, или я путаю?

Завтра постараюсь написать, согласно Вашей верховной воле, письмо Мендесу, которое направлю на Ваше имя для передачи.

[1] О. Шор не слишком хорошо знала греческий, что являлось предметом постоянных ивановских шуток, и совершенствовалась в нем: в РАИ сохранилась тетрадь ее упражнений. В данном случае Иванов переводит факт незнания греческого из бытового плана в культурно-исторический, представляя его как презрение древней цивилизации к варварскому наречию. Ср. “Тимей” Платона.

[2] “Высокая Львиная Пасть” (лат., ит.) – адрес самой О. Шор; “Almo Collegio” – “Высокий Колледжо” (лат., ит.) – традиционное выражение, употребляемое применительно к университету.

[3] Речь идет об отъезде Д. Иванова в сопровождении сестры в санаторий “Абетина”.

[4] О происхождении прозвища см.: Иванова, с. 166. Д. В. Иванов вспоминает, что дон Рибольди отличался авторитарностью. Это его качество пригодилось, когда он решил пригласить Иванова в Павию, т. к. пришлось проявить большую настойчивость, чтобы отстоять кандидатуру в Совете.

[5] Так как Рибольди, оставивший пост ректора Колледжо, переехал к тому времени в Милан.

[6] Хороший врач (ит.).

[7] “Какой сосновый бор!” (ит.).

[8] Duomo di Milano, кафедральный собор, который начал строиться в 1386 г.

[9] Витражей (фр.).

[10] Второму завтраку (англ.).

[11] Т. е. на письмо от 17-18 апреля 1928 г.

[12] Отсылка к открытке О. Шор от 9 мая 1928 г., на которой изображен Франциск Ассизский, проповедующий птицам: “Фламинго жаждет Вашего Слова; он, как эти птицы, иногда понимает Проповедь”.

[13] Aristide Briand (1862-1932) – министр иностранных дел Франции.

27. В. И. Иванов – О. А. Шор
13 мая 1928 г. Павия.[1]

13 мая.

Дорогой друг,

Еще сегодня нашел возможность написать Мендесу, не желая задерживать Ваших мудрых мероприятий. Не думаю, чтобы этот espresso предупредил написанное Вам сегодня письмо, если же предупредит, знайте, что это только приложение к письму, уже отосланному.

Апантетически Ваш

В. И.

[1] Письмо датируется по содержанию.

28. В. И. Иванов – О. А. Шор
18 мая 1928 г. Павия.[1]

18 мая '28.

Rhodópteros! Нельзя быть такой неотзывчивой птицей и так упрямо прятать головку под крылышко. Ваша открыточка espresso о S. Cecilia[2] была немедленно препровождена мною с espresso к Ликоту. От него же вестей не имею, и не знаю где бродит, дикий.[3] Из Абетины имел всего одну телеграмму по их приезде туда и одну открытку от Димы: "all right". Более ничего о них не знаю. Евс<ей> Д<авидович> благодарит меня<?> за успокоительные о Вас сведения и сообщения о Вашей работе.[4] "Надеюсь, говорит, встретиться с О<льгой> А<лександровной> в июне в Берлине, если она попадет туда". Я же боюсь Вашей поездки туда[5]. Ганчиков сообщает что Вы вспомнили о нем из Болоньи... Что значит: вопрос о пенсии "поднят"?..[6] Очевидно Вы пишете мне всегда с трудом и старанием; иначе были бы словоохотливей.

Пожимаю апантетически протянутую.

Ваш В. И.

[1] Почтовая карточка, адресована в Рим.

[2] Возможно, об экзамене по классу органа, который Л. В. Иванова должна была сдавать в конце мая 1928 года.

[3] Парафраз строки пушкинского "Поэта" ("Пока не требует поэта..."): "Бежит он, дикий и суровый..."

[4] Далее текст испорчен.

[5] Неточная цитата из письма Е. Д. Шора от 14 мая 1928 г. (оп. 3, № 209, л. 2).

[6] В открытке от 11 мая 1928 г. О. Шор пишет: "Из Москвы получила известие, что вопрос о пенсии поднят".

29. В. И. Иванов – О. А. Шор
1 июня 1928 г. Павия.

1. VI. '28.

Schöner Liebling der Morgenröthe, rosig schimmerndes Wunder des blauen Himmels, unter dem auch meine seligen ailurischen Urahnen einst in Ruhm und Ehren und Fisch-überfluss wohnten! Zu allererst sehe ich mich leider veranlasst, Ihnen Folgendes einzuschärfen: hässliche Zumutungen, von der ängstlichen Eigenliebe eingegeben, sind eine Sünde, die die zarte Philía, der Freundschaft Göttin, schwer beleidigt, und um so weniger entschuldbar, je sinnloser sie sind. Soviel von Prometheus und den Raubvögeln, zu denen nicht einmal der blödeste Nilfisch, geschweige denn ein prometheischer Ailuros einen Flamingo rechnen kann. Was aber meinen eigenen folkloristischen Schnitzer betrifft, so tut es mir leid so dumm gewessen zu sein; aber es war doch keine böse Zumutung, sondern eine schlechte Interpretation und eine sinnwidrige Klügelei: ich dachte nämlich, Sie wären gegen meine Schüler böse, weil ich ihr gelehrter Sklave sei. Und in der Tat bespotten Sie ja die armen Jungen eimnal als meine "выученники"; denn Sie können die jungen Italiener überhaupt nicht gut leiden, was übrigens sehr ungerecht ist...[1]

Но почему все это изложено по-немецки? Очевидно под впечатлением, слишком живым, от только что полученного Вашего письма о "счастливых швейцарах"[2] с приложенными немецкими анкетами, при побочных ассоциациях мыслей о моем цюрихском приятеле, замешанном во всю эту кашу, и о безнадежно не поддающемся окончательному усовершенствованию этюде о Достоевском, немецкими страничками которого усеян мой стол. Знаменитое двустишие: "de la dépouille de nos bois l'automne avait jonché la terre"[3] – переделываю ad usum proprium[4] так: "de la dépouille de ma sagesse d'antan le travail a jonché ma table".[5]

И не только “ma table”,[6] но и душу; но это сделал уже не “труд”, а век мой: “la vieillesse a jonché mon âme”...[7] И, в конце концов, старый хороший стих, символически понятый, воскресает: “de la dépouille de nos bois l’automne avait jonché la terre”...

О чем не мешало бы догадаться и Фаусту, когда он принялся переводить – и переделывать – “im Anfang war das Wort”.[8]

Болтливость бесполезнейшая объясняется, при психологическом анализе, некоторою détente[9] после законченных экзаменов и иллюзией свободы. Поэтому не хочется быть сразу деловым; впрочем, с Вами я всегда болтаю много и бездельно, предоставляя думать Вам. Впрочем, чтобы письмо не было вовсе бессодержательно, скажу еще вот что: мне кажется, Вам не стоит (так как в Берлин Вы, к моему удовольствию, не собираетесь) ехать с Димой в Швейцарию; а за готовность Вашу и принятые к путешествию меры благодарен я Вам несказанно. В самом деле, жизнью в Абетине, с ее свободою, комфортом, самостоятельностью (своя комната!) и пр<очим> Дима доволен, веранда есть, воздух – какой требуется, его лечат и за ним медицински непрерывно следят (conditio sine qua non[10] его благополучия) – почему не дать ему там, как Вы правильно говорите, “побаловаться”? Последний счет, мне присланный (по 27 мая) составлен уже только на 424 лиры (60 л<ир> в день, причем pneumatorax[11] оценен в 40 лир). Б<ыть> м<ожет>, мой разговор с Морелли и письмо Ангела[12] (если только оно материализовалось, так как лишь немногое материализуется из того, что бывает предпринимаемо в ангельских сферах) – возымеют дальнейшее действие; во всяком случае немедленное путешествие не даст никаких выгод. А с 1-го июля почему не подняться немного выше[13] и не принять более активных мер в лечении? В Швейцарии доктора говорят по-французски, и Лидия все объяснит; пожить ей с братом на швейцарском молочке целебно, – авось не поглупеют. Поэтому сегодня я колеблюсь немедленно пересылать бумаги Штейнеру (как условлено) для доставления в Браунвальд. И по правилам Абетина нужно предупредить об отъезде, кажется, за неделю. Подумаю еще завтра. Но что *Вам* не нужно ехать, не правда ли? – ясно.

Я же пока (еще неделю или две) в Collegio: есть и дела со студентами, и едва ли не лучше дождаться Совета. Когда выяснится время отъезда, предупрежу заранее. Неужели мы можем оба так славно устроиться у <1 нрзб>.

Чулков мне пишет о деле моей пенсии (чего я в письме к нему не касался), что Петр Семенович прекрасный человек, но медлитель, и что он, Георгий Иванович, идет к нему, чтобы его пошевелить...?..[14] Горький был торжественно встречен в Москве![15]

Апантетически преданный и благодарный В.И.

[1] Чудесный любимец утренней зари, розовым отливающее чудо голубого неба, под которым и мои блаженные айлурические предки некогда жили в славе, почете и избытке рыбы, увы! прежде всего должен я обратить внимание Ваше вот на что: мнительность, порожденная робким себялюбием – грех, который тяжело оскорбляет нежную филию – богиню дружбы, – тем менее простительна, чем более она безосновательна. Это я о Прометее и хищных птицах, к которым даже глупейшая из нильских рыб, не говоря уже о Прометеевом Айлуросе, не могла бы причислить Фламинго. Что же касается моего фольклорного промаха, мне досадно мое невежество, но виной тому не злонамеренность, а неправильное толкование и праздные домыслы: а именно, я думал, что Вы сердитесь на моих учеников, так как я, будто бы, их ученый раб. И действительно, Вы дразните бедных юношей моими "выучениками" <это слово по-русски. – Комм.>, так как вообще не любите молодых итальянцев, что, впрочем, совсем несправедливо (нем.).

Иванов отвечает на письмо О. Шор от 30-31 мая 1928 г.: "А он-то, Фламинго, думал, что многопочитаемый αἴλουρος давным-давно уже проведал: Птица предлагает раскрыть свои крылья, благоустроить на их розовом пушке Август<ейшего> Котенка и перенести его на вершины Helvet'ии. Фламинго даже обиделся и решил, будто проф<ессор> хайлуросический, на минуту усумнившись в совершенной готовности Птицы немедленно приступить к перелету, сразу же быстромысленно заставил Фламинго в обществе onorevole клювать хайлуровскую печень и хлебать хайлуровскую кровь. <...> И вот Птица ясным человеческим, т. е. мемноновским языком изъясняет, что к хлопотам по перелету уже приступила и <...>'Вечный Город' покинет, лишь только швейцарцы ему сие разрешат. Характер же сих обитателей Альп таков, что 'хотелось бы, чтобы они думали' и делали все 'быстрее' (так мой папа деликатно выражается о законченных представителях совершенной глупости), ибо питательное молочко на них действует так же, как и на Ромула (обитателя via della Croce). В целях соответствующего воздействия на них мы с Ликотом просим Вас Штейнеру послать письмо с требованьем ускорить визы, т. к. представительствующие здесь швейцары говорят, что срок их получения не то 2 дня, не то 2 месяца – не разберешь (К. И. просит прибавить – 'счастливые швейцары'). К Вам, значит, просьбы: 1) Мгновенно заполнить прилагаемые бумаги и отправить их в Браунвальд. 2) Написать Штейнеру просьбу ускорить визы. <...>

Разрешите Птице Вам снова пожелать 'ни пуха ни пера!' Как?! ученый филолог, народоведник, тонкий исследователь языка не знает общепринятого простецкого и обиходного выражения русского, не знает, что 'ни пуха ни пера' – *по-русски* означает пожелание *от души* успеха, тогда как 'желаю успеха' – холодная условность, – не знает???!!! Это упрек в порядке научном. А вот и лирическая обида! Как Вы могли хоть на минутку допустить, что Ваш собственный Фламинго может хоть в чем-нибудь, хоть когда-нибудь Вам пожелать неуспеха?! Да если б это черное по белому им самим и было изображено, то Вы своим глазам *не* должны были бы поверить. <...>"

[2] Выражение из карамзинских "Писем русского путешественника".

[3] "Мертвыми листьями наших лесов осень усеяла землю" (фр.) – из стихотворения Шарля Юбера Мильвуа (1782-1816) "Листопад".

[4] Для собственного употребления (лат.).

[5] "Останками моей старой мудрости работа усеяла мой стол" (фр.).

[6] Мой стол (фр.).

[7] “Старость мне наполнила душу” (фр.).

[8] “В начале было Слово” (нем.) – евангельская цитата из 3-ей сцены 1 части “Фауста” Гете.

[9] Разрядкой (фр.).

[10] Непременное условие (лат.).

[11] Пневмоторакс – метод лечения туберкулеза.

[12] Анджело Синьорелли. Игра слов: имя его по–итальянски значит “ангел”. О его письме О. Шор сообщает 30-31 мая 1928 г.: «Проф. Ангел, считая, как и Вы, что Абетина Диме хороша, и весь вопрос в счетах, днем и ночью волнуется изысканием способов укрощения аппетита Сондриевских волков. И вдруг напал на “счастливую” мысль, кот<орую> подсказала ему счастливая случайность. Приехал к проф. Ангелу какой-то его двоюродный брат, богатый и больной легкими. Ангелу и пришло на ум послать его в Абетину с рекомендательным письмом Морелли такого характера: “Посылаю Тебе, Onorevole, богатого больного, кот<орый> способен платить не 80, а 100 лир. С него и следует столько брать. А кто платить не может, с того и брать нельзя. Потому прошу Тебя сделать так, чтобы Д. Иванову со всяческими extra день обходился maximum в 40-50 лир. Привет etc., etc.”».

[13] В горы. Из письма О. Шор от 21 июля 1928 г.: “Оставаться в Абетине долее нельзя. Жара дикая и тени никакой”.

[14] Письмо Г. И. Чулкова от 21 мая 1928 г.: “Что касается персональной пенсии (об этом мне сообщила Р. М. Шор, прося моего содействия), то я со своей стороны обращался с напоминанием к П. С. Когану, который любезнейший человек, но невыносимый кунктатор. Завтра увижу его и скажу ему обличительное и назидательное слово” (оп. 3, № 204, л. 3). Чулков был коллегой П. С. Когана по ГАХН.

[15] 28 мая 1928 года на перроне Белорусского вокзала Горького встречал почетный караул красноармейцев и пионеров, а также партийная, правительственная и писательская делегации: К. Ворошилов, С. Орджоникидзе, А. Луначарский, М. Литвинов, А. Серафимович, Ф. Гладков, Вс. Иванов, Л. Леонов, К. Станиславский; вечером того же дня Горького принимал Сталин. См.: М. Горький в Москве // Известия, 29 мая 1928, N 123.

30. В. И. Иванов – О. А. Шор
6 июня 1928 г. Павия.

6. VI. 28.

Rhodópteros, Вы очень совершенное существо, но так как я только что должен был из-за Вас и по Вашему приказанию настрочить длиннейшее письмо в Цюрих содержания пренеприятного, а именно письмо извинений и извиняющихся разъяснений, с приложением копии Вашего (в са-

мом деле, впрочем, вовсе не дурно составленного) заявления к счастливым швейцарам, то естественно мне хочется прибавить к нему ворчливое postscriptum по Вашему адресу. Я не давал Вам (а только – косвенно – Лидии) полномочия сослаться на Штейнера (недавнего цюрихского гражданина) и на Бодмера (старинного цюрихского патриция),[1] потому что не имел на то их разрешения. Итак, Ваш образ действий был, согласитесь, весьма некорректен по отношению к ним и поставил меня в положение неприятное.

Кроме того, все это мне не было толком выяснено, так что, несмотря на Ваше "блестящее" изложение дела в письмах ко мне, я только из сегодняшнего Вашего письма[2] понял, чего Вам собственно нужно. Ибо раньше я думал, что Вы хотите только поддержки ходатайства со стороны Штейнера, почему и откладывал это до его возвращения в Цюрих, ибо считал, что поддержку может оказать не он, а Бодмер; но я не подозревал, что их имена уже даны в миссии[3] оффициально и что каждую минуту они могут получить из Берна запрос. – Далее, если Вы настолько упрямы, что хотите, во что бы то ни стало, добиться от меня благодарственного послания к Ангелу,[4] прежде чем передать мое (в настоящее время ridiculement[5] запоздалое и под старинной датой) письмо Мендесу,[6] зачем было заставлять меня писать последнему столь поспешно? и зачем было, задержав письмо, лишать меня и его ответа о состоянии Димы (п<отому> ч<то> я просил его об этом), и его мнения о Braunwald'е?

Но возможно ли было избежать того, в чем я Вас упрекаю? О, да! 1) Ожидая приезда Штейнера, я настоятельно спрашивал, что ему нужно сказать. Вот тут-то и следовало меня осведомить о Вашем оффициальном использовании имени его и Бодмера, чтобы я мог объяснить ему все это в разговоре – как объяснил насчет Лидии – и кстати попросить его, б<ыть> м<ожет>, написать в Рим, о чем я говорил с ним только как о возможности в будущем, когда это потребуется, п<отому> ч<то> не был осведомлен обо всем обстоятельно и полно. 2) Заставляя меня писать Мендесу, нужно было тотчас же ультимативно потребовать письма к Ангелу как условия, без которого письмо к Мендесу передано не будет. Вместо этого Вы наставляли меня долго в этике благодарности вообще, умалчивая, что письмо к Мендесу у Вас лежит, тогда как Ликот мне говорил, что Вы немедленно поедете к нему *с цветами*... Теперь – какой-то "подарочек"? Какой? Зачем? По-моему, неуместно. – Наконец, я просто *Вашего* голоса не слышал, а только эхо ангельских мелодий из Ваших уст, что меня окончательно сбивало и сердило: "и отзвук той песни в душе молодой остался без слов, но живой".[7] Впрочем, даже и "слова" повторялись.

Итак, Вы существо, правда, полное совершенств, но Ваша роковая привычка умолчаний и полу-скрывательства, Ваше нежелание допускать даже прямо заинтересованных лиц в Вашу алхимическую кухню, Ваши методы дипломатии и дипломатической тайны не *апантетичны*, и заставляют меня воскликнуть: "Ну, и путаник же Rhodópteros!"[8]

Меня злит, что Вы все заставляете меня умиляться и быть растроганным. Даже преувеличенно. Я хочу умиляться и растрагиваться tout spontanément.[9] Напр<имер>, умиляюсь и растрагиваюсь Вашей милой заботой о моей комнатке.[10] О более важном не упоминаю из целомудрия благодарности. Есть и такой вид целомудрия. А если поворчать, – это еще целомудреннее. Vous-vous-récriez? Que faire! Tel je suis, et je le regrette autant que vous. Un vieux grognon, sans doute. Cependant, ma gratitude, mon admiration, mon affection, mon dévoûment sont trop grands pour que je m'abstienne d'en prendre une petite revanche. Soyons donc de bons amis tout en guerroyant. A moins que vos transports *angéliques* ne vous fassent chercher des amitiés plus "apantétiques" que la mienne.[11]

Сердечно-памятный привет Вашей двоюродной сестре.

Еще два деловых пункта. 1) Покамест я не посылаю анкеты (медицинской) Штейнеру для передачи в Braunwald; для визы это вовсе не важно, а отрезать пути отступления, если таковые понадобятся, страшно; между тем доктор Вебер из Женевы[12] может дать другой и, б<ыть> м<ожет>, лучший совет в ответ на письмо, написанное, я надеюсь, Лидией. 2) Штейнер показывал мне письмо фрейбургского Вайбеля, который выражает удовольствие, что Вячеслава Иванова хотят приблизить к немецкой публике, но и нежелание, чтобы отрывки из издаваемых Вайбелем книг появились значительно ранее их выпуска в свет. Я все же даю – и почти не могу теперь не дать – отрывок из "Достоевского" (3 первых §§ второй главы первого отдела, под заглавием "das Prinzip der Weltanschaung"[13]) для их июльского N°.[14] Надеюсь, недоразумений не будет?

Об этих двух пунктах напишите Ваше мнение. Ваш всем сердцем

В. И.

Нет, из Берлина за июль еще не прислали.[15]

Июль по-моему близок к осени, и этюд уже был плохо издан в немецком переводе.[16]

Как я благодарен Вашей матушке![17] Но что с ними?

[1] Штайнер был уроженцем Австрии, Бодмер же принадлежал к старинному швейцарскому роду.

[2] Письмо не обнаружено.

[3] Т. е. дипломатической миссии Швейцарии в Риме, заменявшей посольство.

[4] Об этом О. Шор пишет 19, 21 и 25 мая 1928 г.

[5] До смешного (фр.).

[6] В письме от 20 июня 1928 г. (ответ на письмо Иванова от 13 мая 1928 г.) Г. Мендес извиняется за промедление и сообщает, что послание Иванова было доставлено ему О. Шор только 19 июня.

[7] Строки из стихотворения Лермонтова "Ангел" ("По небу полуночи ангел летел...").

[8] Дальнейшее представляет собой приписку на листе другого формата и без даты. Думать, что оно представляет собой продолжение предыдущего письма, позволяет общность тематики.

[9] Совершенно непосредственно (фр.).

[10] Возможно, речь идет о репродукциях, которые О. Шор дарила Иванову, чтобы он украшал ими свою комнату в Колледжо.

[11] Вы возражаете? Но как быть? Таков я, о чем жалею не меньше Вас. Старый ворчун, без сомнения. Однако, моя признательность, мое восхищение, моя привязанность так велики, что не могу отказать себе в небольшом отмщении. Будемте посему добрыми друзьями, хотя бы и воюя. Разве что, влекомая вашими ангельскими порывами, Вы станете искать более апантетические дружеские связи, нежели со мной (фр.).

[12] Лев Николаевич Вебер (1870 – Женева, 1956) – врач-невропатолог, сын А. В. Гольштейн от первого брака и муж М. В. Якунчиковой. Иванов познакомился с ним, когда жил в Женеве в начале века. Подробный отзыв Иванова о нем ("Мака") см.: Переписка Вяч. Иванова с Гольштейн. Публ. М. Вахтеля и О. Кузнецовой // Studia Slavica Hung. 41, 1996, с. 371; ср. также: с. 342, 363, 376.

[13] Принцип мировоззрения (нем.).

[14] 6 мая 1928 г. Г. Штайнер предложил Вяч. Иванову дать для цюрихского журнала "Neuen Schweizer Rundschau", главным редактором которого был Max Rychner, фрагмент работы о Достоевском или часть статьи "Русская идея". Кроме того, в этот же выпуск должны были войти немецкий перевод "Тантала", рукопись которого Хайзелер передал Штейнеру, эссе Нессельштрауса об Иванове, фрагменты "Переписки из двух углов", "Зимние сонеты" в переводе Праксмарер и два сонета в переводе Фестенберга (см. Вахтель 1995, с. 85-87). Этот проект был осуществлен только в 1931 г. в сильно сокращенном виде, когда в февральском выпуске журнала были напечатаны тексты: Herbert Steiner. *Zu Wjatscheslaw Iwanows Werken* (S. 112-123), *W. Iwanow. Dostoevskij als Denker* (S. 123-135); *Aus der Tragödie Tantalos* (S. 135-144).

[15] Деньги из ЦЕКУБУ.

[16] Очевидно, речь о переводе Дмитрия Уманского (W. Iwanow. *Dostojewskij und die Romantragödie*. Leipzig – Wienna, Verlag der Wiener Graphisches Werksätte, 1922), который Иванов упоминает в следующем письме.

[17] После отъезда О. Шор из Москвы, дела В. И. Иванова вели М. Б. Гершензон и Р. М. Шор.

31. В. И. Иванов – О. А. Шор.
10 июня 1928 г. Павия.

Воск<ресенье> 10. VI. '28.

Строгий Фл<аминго>, повинуясь Вашей телеграмме,[1] послал вчера в полдень телеграмму: "Waibel Buchhandt, Freiburg i/b, Gestatten sechzehn Druckseiten. Dost. Neue Schweizer Rundschau veröffentlichen Iv. Coll. B."[2] Хотел еще прибавить: Juliheft,[3] и что Verlag[4] будет назван, но это удовольствие очень дорогое, и без того заплатил – не понапрасну ли – 13 лир. И в связи с этим мероприятием отложил, скрепя сердце, до завтра<?> поездку к Диме, хотя в воскресенье ответа не жду, – Waibel bummelt.[5] Рукопись приготовил в виде почтового пакета и вручаю проректору, который уполномочен в мое отсутствие прочесть ответную тел<еграмму>, если таковая будет, и в случае согласия Вайбеля немедленно отправить манускрипт в Цюрих, где он должен быть 12-го, чтобы попасть в июльскую книжку; в случае же несогласия уведомить меня экстренно. Оценивая положение, нахожу, что Вы правы, п<отому> ч<то> я поступаю во всяком случае корректно. Но, с другой стороны, ввиду пассивности Вайбеля и неосновательности обструкционизма, думаю, что эта корректность донкихотада. И т. к. я Цюриху обещал дать этот фрагмент, – кстати, уже изданный в Вене Уманским,[6] – то в случае молчания Фрейбурга я все же его пошлю. Уведомьте, пожалуйста, Евс<ея> Дав<идовича> в спешном порядке, что в случае молчания я пошлю рукопись к 15 июня.

Простите, дорогая, и спасибо Вам сердечное.

Апант<етически> Ваш В. И.

[1] Телеграмма О. Шор от 9 июня 1928 г.: "Пишу Юше. Вам советую просить Вайбеля телеграфное разрешение".

[2] Разрешите мне опубликовать шестнадцать печатных страниц Достоевского в Neue Schweizer Rundschau. Ив<анов>. Колл<еджо> Б<орромео> (нем.).

[3] Июльский выпуск (нем.).

[4] Издательство (нем.).

[5] Вайбель лодырничает (нем.).

[6] См. прим. 14 к предыд. письму.

32. В. И. Иванов – О. А. Шор.
17 июня 1928 г. Павия.[1]

17 июня '28.

Любимый и верный друг,

Вернувшись, ничего не нашел из Фрейбурга, и пакет с моей рукописью лежал по-прежнему на моем столе, а Ваше письмо увещевало терпеть. Рассердился. Обдумал положение. Разумеется, Вы правы. Права Вайбеля: 1) инициатива – и отсюда право на приоритет в ознакомлении немецкой публики с моими работами; 2) сделанные издержки на предпринятый им перевод; 3) полученный мною небольшой аванс; 4) как я ни переработал свой фрагмент для цюрихской "Rundschau", основа текста – die Vorlage[2] – остается Креслинговой, т. е. Вайбелю принадлежащей. Итак, я не имею права ни на какие ультиматумы. Вследствие чего, послал в Цюрих длинное письмо с откровенным изъяснением всех причин, принуждающих меня нарушить необдуманно данное обещание. Предлагаю или повременить с публикацией моих фрагментов, или получить мою книгу со статьей "О существе трагедии", которую они могут спешно перевести. Вы можете быть мною довольны, о Фламинго, перевоплощение Царицы Савской!

Молчание Вайбеля, по-моему, объясняется так. Пожертвовать своим приоритетом (в указанном смысле) ему не хочется, да и несправедливо этого требовать. Ответить "нет" не только неловко (контракта ведь нет), но и *иначе* стеснительно: это его обязывает к изданию, от которого он теперь все же имеет возможность – и даже, мне кажется, порою соблазн – *улизнуть!* Даже и согласие его обязывает (заменяет отсутствующий контракт). Жаль, если Вы написали от моего лица Евс<ею> Дав<идовичу> слишком решительно, ультимативно, как я требовал: повторяю, что ультиматум nonsense,[3] и ссориться с В<айбелем> совсем не хорошо, – и неблагодарно, и невыгодно.

Мне даже не верится, что я буду иметь длительную радость совместного житья с Вами... Или это не решено Вами? Во Флоренцию, впрочем, Вас на короткое время отпущу. Что было с Вашей семьей в Москве? – Вы пишете тревожный намек.[4] – Штейнер и Бодмер написали в Рим рекомендацию. В Швейцарию ехать по-моему нужно, и Дима сам *хочет*, но он хочет не раньше 12 июля (чтобы корректно в Абетине отбыть 2 месяца полных). Я очень счастлив, что видел его и жил с ним все время не-

сколько дней. Играла ли Л<идия> 15-го? *Нужно* мне *писать.* Отъезд же назначил я на четверг, и даже белье мне стирают экстренно к вечеру среды: это доказательство серьезности моей программы. Все же накануне извещу еще и окончательно. До апантетического, dunque,[5] свидания, родной Фламинго!

Ваш В. И.

Ганчиков Вам преданно кланяется, ропщет на молчание (после Болоньи); собирается в августе в Рим. Lui sta bene.[6]

[1] Ответ на письмо О. Шор от 12 июня 1928 г., в котором она предлагает дождаться решения Вайбеля и передать его в Цюрих: "<...> его *отказ* был бы для Вас ценным документом, а его *согласие* Вас ничего в Цюрихе не лишает". В противном же случае издатель может вчинить иск автору, так как формально прав Вайбель: невозможно набирать книгу, перевод которой не готов.

[2] Литературная основа (нем.).

[3] Бессмыслица (англ.).

[4] О чем идет речь, выяснить не удалось.

[5] Таким образом (ит.).

[6] У него все хорошо (ит.).

33. В. И. Иванов – О. А. Шор.
Июль 1928 г. Рим.[1]

Четверг.

Браунвальдский бланк утерян! Посылаю пустой лист с моей подписью для заполнения его соответствующим текстом. Или же вышлите, когда потребуется и *если* потребуется подпись, новый бланк.

Сопровождаем Ваш путь нашею мыслью и любовью.

В. И.

[1] Лист без даты. Датировка проблематична, однако, поскольку речь идет о потере бланка, можно думать, что оно написано до 21 июля, когда О. Шор говорит о получении бумаг и том, что поручительство заменят другие документы. Однако, в том же письме она говорит, что доктор "бланк обстоятельно заполнил".

34. В. И. Иванов – О. А. Шор.
После 21 июля 1928 г.[1] Рим.

Дорогой Rhodopteros, милый, где то порхают божественные крылышки? Благодарю Вас за большое, обстоятельное и утешительное письмо из Абетины и за привет из Тирано.[2] А дальше – из-за границы – пока ничего нет – жду с трепетом вестей – немею в ожидании. С сегодняшнего утра – отъезда Ликота – началась наша жизнь вдвоем с милою и очаровательною Е<леной> А<лександровной>, и первый день оной был занят у обоих долгим-долгим сном (так Ликотовы сборы нас утомили) и ... первым уроком "божественной эллинской речи"...[3] Но какие же вы с Димой недогадливые: не могли понять, что "arriva sabato Cosca", т. е. "К. И. arriva sabato [a Sondalo]".[4] Довольно. Писать больше пока не нужно. Писать *мало* – не о чем; *много* – невозможно. Вы – "душки". Апантетически

Ваш В. И.

[1] Письмо без даты, представляет собой приписку к письму Е. А. Ковалевой, обращенному к О. Шор. Датируется по содержанию как ответ на письмо О. Шор к В. Иванову от 21 июля 1928 года, в котором она рассказывает о поездке в санаторий Абетина и о свидании с Д. В. Ивановым.

[2] Письмо написано в Сондало, приписка к нему сделана в Тирано, городе рядом с итало-швейцарской границей, откуда отправлялась почта.

[3] Цитата из пушкинского ст-я "На перевод Илиады". Иванов занимался с Е. А. Ковалевой древнегреческим и в дальнейшем она называет его "дидаскалосом".

[4] "Кошка <по-русски> приезжает в субботу", "<К. И.> приезжает в субботу в Сондало" (ит.). Ответ на вопрос О. Шор в письме от 21 июля 1928 г.: "Перед самым моим выходом из Абетины в 9 ч. вечера пришла Ваша до неузнаваемости перепутанная телеграмма. Мы ее долго разбирали. В переводе она гласит: "Целуем розовые крылья, мягкие усы. Приедет субботу. Кошки". Решили мы, что обещается мой приезд. Почему же в субботу?!"

35. В. И. Иванов – О. А. Шор.
30 июля 1928 г. Рим.[1]

30. VII. '28.

Дорогой Фламинго, благодарю бесконечно. Во всем Вам доверяю. Потому телеграфирую: "Wolfer".[2] Надеюсь, понятно, что я присоединяюсь к Вашему решению. Катол<ическая> санатория мне симпатична: но Вы ничего не пишете о ее докторах.

Зачем Диму везти в Браунвальд *после* Давоса, не понимаю. Потому и Ваше намерение отдать анкету в Браунвальд мне непостижимо. Я желал Браунвальд как перехода к Давосу на летние месяцы, а не наоборот. Мне жаль, что Вы не хотите дождаться Д<иму> и Л<идию> на месте; но, вероятно, Вы во всем пра́вы. Во всяком случае я надеюсь, что Вы еще раз заедете в Давос и окончательно договоритесь. Уступка со стороны Dr. Wolfer'а более чем просто желательна. Ибо условия, конечно, тяжелые. Но это ничего не значит. Завтра пойду в миссию за визами в Давос.

Бедная, Вы должно быть устали и замучились. Не знаю, как благодарить Вас и сказать Вам всю мою нежность. Ваш В. И.

[1] Почтовая карточка на имя m-me Thalberg (Наталья Тальберг – московская подруга О. Шор). Это ответ на письмо О. Шор к Иванову от 28 июля 1928 г.: "<...> наконец-то я могу толком описать Вам свои расследованья и сообщить свое предварительное решение, каковое прошу Вас немедленно телеграфно утвердить или отменить. Браунвальд временно отпадает; до сентября там вообще свободного нет места. Да и хорошо, что нет: 1) Браунвальд, хоть и очарователен, но все же недостаточно высок и в настоящее время недостаточно прохладен. 2) Врач – мил очень; тип наших добрых земских врачей. В большой мере общественный деятель и санаториальную работу свою рассматривает как гражданский и этический долг. Он лечит честно, внимательно, добросовестно. Но он не имеет (мне так показалось, по крайней мере) специфического *медицинского* пафоса. <...> У меня даже получилось впечатление, что попроси я его *очень,* и он ухитрился бы выцарапать местечко, но т. к. я сие считала неполезным для Димы, то пообещала лишь прислать анкету (я ему ее не вручила, чтобы не обязываться) и привезти больного, когда будет место.

Теперь к Вам вопрос: хотите ли Вы, чтобы я анкету *все же* послала? Место будет в сентябре. Думаю, что послать, пожалуй, надо, но надо и указать, когда желательно место. Во всяком случае *не* в сентябре, а позднее, не правда ли?

Теперь положительная часть. Везти Диму надо *в Давос*. Для начала это лучше всего. Бодмер и Штейнер – они сверхъестественно любезны и Вас действительно любят и чрезвычайно ценят – узнавали у своих врачей про давосских светил. Их два: *Staub* и *Byland*. Но я была в их санаториях. Дома шикарные и совершенно недоступные. <...> Спрашивала я про D-ra Wolfer'а, о кот<ором> Вам писала в прошлый раз. Его знают все здесь, и все в общем говорят о нем одно и то же: очень хороший, опытный, серьезный, вдумчивый врач, но научно не звезда первой величины. Я свое впечатление описывала. У Wolfer'а гарантировано внимательное отношение, индивидуальная в Диме заинтересованность, хороший уход, осторожное, но энергичное лечение. <...> Другая более дешевая возможность в Давосе – это католическая санатория. С 15 августа освободится место в 14 Fr. Южная комната с балконом. Позднее (неопределенно) можно будет устроиться в менее хороших комнатах за 11-12 Fr. (включая пневму). Дешевле в Давосе можно жить только в пансионе, что пока для Димы бессмысленно. Думаю, что начать надо с Wolfer'а; а там видно будет, катол<ическая> санатория или Браунвальд. <...> Я устрою визу и уеду. <...> Штейнер, Бодмер и Нессельштраус шлют приветы".

[2] Швейцарский врач, у которого Д. Иванов лечился в Давосе до санатория "Альбула". См.: Иванова, с. 214.

36. В. И. Иванов – О. А. Шор
16 ноября 1928 г. Павия.

16/ XI./ '28.

Фламинго радостный, благодарю Вас и за сегодняшнюю радость телеграммы;[1] растроган и потрясен Вашими "сыновними" ("vos fils obéissants"[2]) чувствами, но всякая гиперболическая "жестикуляция" – и "сыновняя" также – мною не одобряется. Вы душка, и я всю дорогу был под впечатлением Ваших милых проводов – все были в глазах две ваши фигурки, Ликота в белой шапочке, и Вашей – в позе миниатюрного герольда, выступающего смелою мужской походкой с каким-то веселым и торжественным провозглашением.

Меня ждало письмецо от Евсея Дав<идовича>, начинающееся со слов: "Dr. Siebeck (Mohr) Tübingen,[3] выразил согласие на издание "Русской Идеи". В конце ноября Ф. А. Степун, Kaubisch[4] – друг и переводчик Степуна, – через которого мы ведем переговоры с Siebeck'ом, должны сойтись, чтобы окончательно установить условия... Тогда же, возм<ожно>, у нас произойдет разговор об издании "Kunst und Symbol".[5]

Далее просьба Каубиша переслать ему I-ую часть "Достоевского", чтобы он мог сослаться на нее в своей работе о Достоевском.

Пока – столько. Целую Ваши милые руки, Rhodopteros моего сердца!

Апантетически Ваш

В. И.

Ваши наставления относительно обуви в дороге были исполнены.

[1] Иванов цитирует телеграмму от 16 ноября 1928 г., подписанную Л. Ивановой и О. Шор.

[2] Ваши послушные сыновья (фр.).

[3] J. C. B. Mohr (Paul Siebeck) – крупное научное издательство, работавшее в Тюбингене с 1870-х гг., с 1920 г. издательство возглавлял Oskar Siebeck (1880–1936). Кроме ивановских "Die Russische Idee", 1930, и "Dostojewskij: Tragödie – Mythos – Mystik", 1932, издательство также публиковало философские книги Н. Бердяева.

[4] Мартин Каубиш (1888-1941) – немецкий поэт и писатель, вместе с Е. Д. Шором работал над переводом ивановской "Русской идеи". О Каубише Иванов подробно писал Г. Штайнеру 30 сентября 1933 г.: "Разрешите мне – но это между нами – сказать несколько слов о

Мартине Каубише (педагоге в Дрездене A, Ermelstr. 9). Я дружен с ним, хотя никогда с ним лично не встречался. (Правда, он прислал мне свою фотографию и множество произведений, опубликованных и неопубликованных). Он, кстати, близкий друг профессора Ф. Степуна. Наше знакомство началось с переписки по поводу моей книги о Достоевском. У Каубиша глубокая душа. Он глубоко и остро думает. Он тонко чувствует, он человек широкого горизонта и высокого духовного полета. Его статьи существенны. Они полны высокой духовной силы и выступают за новый синтез, цель их – помочь немецкой душе по-новому осознать себя. Они достойны внимания и почти всегда хороши по форме. Он писал о Леонардо, о Гете, о Гельдерлине, о смерти и о культе смерти, о "границах фаустовского человека". Его книга о "Великом инквизиторе" Достоевского появится у Зибека. В его лирических стихотворениях мне нравится некая глубокая внутренняя жизнь, иные стихи запечатлеваются в памяти благодаря их нежно-мистической мелодичности. А другие волнуют, как, например, его soliloquia или его разговоры с Богом. Небольшой сборник его вышел в свет, наверное, год тому назад. Готовится его второе расширенное издание. Именно этому подробно мною охарактеризованному поэту и эссеисту я просил Вас в свое время переслать экземпляр "Короны" с моей статьей о Гоголе. Он восхищен подарком, выражает безмерную благодарность, весь выпуск ему очень нравится. Особенно поразили его воспоминания Анненкова (помимо моей статьи, заинтересовавшей его как "старого гуманиста" – "какой удивительный парень этот Гоголь!"). Также тронули его письма д-ра Серафикус ("ecce poëta beatus et cruciatus!"). Теперь он пишет мне: "Друзья советуют мне печататься и в 'Короне'. Я был бы рад. Не окажетесь ли Вы столь добры, чтобы замолвить за меня словечко редакции, которая не знает обо мне ровно ничего?' Что я и делаю с большим удовольствием, ибо считаю Каубиша достойным вашего внимания. Мне думается, что его стихотворения или одна из 'легенд' лишь украсят 'Корону'. Напишите мне пожалуйста, заказан ли в принципе путь посторонним в вашу крепость, или я могу посоветовать ему предложить вам что-нибудь в стихах или в прозе. А также переслать в ноябре его рукописи, которые лежат у меня в Павии?" (Вахтель 1995, с. 144-145, оригинал по-немецки). В РАИ хранится ряд машинописных статей и поэтических сочинений Каубиша, а также оттиски его работ.

[5] О. Шор отвечает в письме от 17 ноября 1928 г.: "Очень рада, что Юша проявился; но очень боюсь, что редакция переводов отвлечет Вас от главной творческой работы <"Светомира" – Комм.>".

37. В. И. Иванов – О. А. Шор
19 ноября 1928 г. Павия.[1]

19 / XI / '28.

Милый, бедный Родоптерос! Каково египетской птице, в холоду да в хаосе, сидеть на единственной свободной жердочке под лампой среди айлурического[2] потопа вещей, нахлынувших в его комнатку! Я бы отчаялся в самом апантетизме, если бы должен был за него расплачиваться такими

ужасами. Как я несчастен, что Вы все это должны терпеть из-за меня! И при этом Вы еще способны писать, без малейшего ропота, веселые розовые пушистые строки. Я же в эти дни с жутью воображал, что Ликоту и Вам придется перенести, претерпеть и переделать для отправки моего сундука и очищения моей комнаты... За гостеприимство, оказываемое Вами портрету,[3] очень благодарен. Прошу через Вас Ликота послать мне по почте брошюру Синьорелли "Sesso, intersesso, supersesso".[4] К моему удивлению, у меня попросил ее ректор.[5] Хорошо прибавить и "Fede Cattolica",[6] которую я после колебаний оставил.

Из корзиночки с рукописями нужно достать черновую рукопись моей статьи о Гоголе и Аристофане (для сборника Мейерхольда), ибо она должна войти в "Kunst und Symbol", буде издание этой книги состоится, но я думаю, что для моего доброго имени лучше было бы этой книги не издавать.

Спасибо. Пишите. Ликота, за приложение печати, целую как люблю.[7]

Апантетически и айлурически Ваш

В. И.

[1] Почтовая карточка, ответ на письмо О. Шор от 17 ноября 1928 г.

[2] От греч. αἴλουρος – "кот", как называл себя Иванов. От этого же слова производилось прилагательное "айлурический", что значит "кошачий".

[3] Скорее всего речь идет о портрете Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, работы М. Сабашниковой-Волошиной. Однако в павийской комнате В. И. был и увеличенный снимок эпохи "Башни" (как видно на фотографии 1932 года). Портрет находился в комнате О. Шор, затем Л. Иванова привезла его в Павию.

[4] В РАИ находятся три экземпляра кнги Angelo Signorelli. *Sesso, intersesso, supersesso. Specchio per tutti e per ognuno.* Roma 1928. Один из них с дарственной надписью: "A Maria e Maddalena Schor con devota simpatia. Roma, 23/4 928". Очерк охватывает различные аспекты пола – от медицинского до философского: "I. *Definizione del sesso.* II. *Principio maschile e femminile.* III. *Attributi del maschio e della femmina.* IV. *Mescolanze dei due principi e formazione dei tipi.* V. *Leggi di formazione e di distribuzione dei vari tipi.* VI. *Illustrazione dei differenti: dell'uomo e della donna.* VII. *Combinazione dei vari tipi tra loro: assonanze e dissonanze.* VIII. *I due poli del sesso.* IX.*Gli interferenti.* X. *Il supersesso*".

[5] Ринальдо Нашимбене (Nascimbene, 1883-1958) – ректор Collegio Borromeo с 1928 по 1939 г., известный гебраист. В РАИ находятся письма Нашимбене до 1946 года, а также его книга *Il salmo XXXIX e i salmi da morto nuovamente tradotti dall'ebraico in lingua volgare e metricamente disposti dal canonico Rinaldo Nascimbene.* Pavia 1931 и *Antichissime testimonianze sugli ebrei* (оттиск из журнала Athenaeum. Fascicolo II-III, Luglio 1927) с дарственной надписью: "Omaggio dell'autore. 30. V. 1928".

[6] Неустановленное издание.

[7] Во время совместного пребывания с В. Ивановым или О. Шор Л. Иванова рисовала на их письмах отпечаток кошачьей лапки, обведенный в кружок, с разными надписями (на одном из писем О. Шор поверх текста – целая дорожка кошачьих следов).

38. В. И. Иванов – О. А. Шор
22 ноября 1928 г. Павия.

22/ XI/ '28.

Rhodopteros моего сердца, т.е. крылатое существо сверхприродного происхождения, озаряющее розовым сиянием мое сердце! Благодарю Вас за радостную весть,[1] значение которой Вы понимаете не меньше, чем я сам. И за самый факт, составляющий содержание вести, – т. е. за милость Цекубу, – благодарю опять Вас же, мой хранительный гений, а через Вас (à travers votre lumière[2]) Вашу добрую маму, Вашего папу, и вдохновленных Вами и ими моих великодушных благожелателей и покровителей *там*, – конечно, прежде всего Шпаро. Все же есть, и на случай отказа в пенсии, Вами явно предвидимого, некоторая point de repère[3] – я чувствую себя в самом деле "распушистившимся"; пушистым же при получении Вашего письма я, как Вы угадали, не был. Впрочем, быть мог, ввиду того, что вчера получил от проф<ессора> Ваккари (podestà, декан и наш, в Collegio, presidente del Consiglio[4]) известие, что на университетском Совете во вторник вечером (коему предшествовало мое свидание с вызывавшим меня rettore magnifico[5]) было постановлено дать мне incarico della lingua russa.[6] Ректор Росси[7] уполномочен образовать в унив<ерситете> две группы по изучению рус<ского> языка и сам хочет посещать высшую (для профессоров), потому что наш язык ему отчасти уже знаком. Дальнейшее пока еще не известно: не известно даже, идет ли дело о двух, или больше, часах. Как бы то ни было, это очень хорошо в разных отношениях. Все вокруг – и il Magnifico, и президент, и наш ректор Don Nascimbene, милейший ко мне человек, и даже один студент из наших, пылающий желанием учиться по-русски, – в этом новом для Павии предприятии очень заинтересованы. А покамест начались мои здешние занятия; еще 15 новичков, ревностных и славных. "Элементы"[8] работают, мне тепло; Collegio приобретает radio – вчера была проба – и фортепьяно – для музыкальной залы; il raggioniere[9] <так!> – справляется, доволен ли я устроенными им элементами и прибавленным новым ковром, et cetera, et cetera. Между прочим, одна из двух cordons bleus[10] заменена поваром; кор-

мить стали вкуснее. Столько об айлурическом – в тесном смысле слова – благосостоянии. My foot is all right.[11] Жду Ваших присылок, за которые очень благодарю Вас и Ликота. Об Абетине пусть кот не тревожится, все будет устроено.

Из присланного счета вижу, что Ликот, стало быть (что я запамятовал), уплатил там все же 1500 лир, так что долгу всего 2670? Tant mieux[12].

Пишу Вашим kálamos'ом (kálamos – тростник, и трость для писания; у апостола Павла: "пишу Вам тростию"), и приглаживаюсь, айлурос, Вашим птичьим гребешком.

Risposta alla gentilissima Professoressa:

La maniera artistica del Tolstoi ha, certo, esercitato un grande influsso sulla letteratura russa; ma non si può dire altrettanto del suo stile o del suo linguaggio, neppure parlando dei suoi conti popolari. Nella sua sintassi non si trova nè correttezza nè vera originalità. Il suo lessico non presenta niente di nuovo e straordinario. Non ha affatto perfezionato o ricreato la lingua russa, nè ha contribuito sensibilmente a rinfrescarla cogli elementi della lingua popolare genuina. Non conosco nessuna ricerca scientifica attorno allo stile e alla lingua di questo autore.

Cordialissimi saluti al professor Damiani.[13]

Что за ключ Вы мне посылаете? Я никакого ключа в Риме не забыл.

Покорнейше прошу сообщать мне философические бюллетени о Памяти, памятных знаках и пр.[14]

Целую Ликота и нетерпелив слышать об ее новых песнях. Не простуживается ли она?

Напишите адрес Степуна. Присланы ли с книжками "Переслегин" и синхронистические таблицы по всемирной истории, кот<орые> мне уступила Елена Александровна. Ей самый айлурический и нежно-дидаскалический привет.

Синантетически[15] Ваш

Αἴλουρος

Хорошо бы Ликоту зайти утречком в Латеран, к секретарю кардинала, padre... как бишь? опять забыл, пусть напомнит Ликот или узнает. Писали ли они в Albula и что в ответ им сказали ?[16]

[1] Ответ на письмо О. Шор от 21 ноября 1928 г. о продлении академической стипендии.

[2] В вашем сиянии (фр.).

[3] Ориентир (фр.).

[4] Председатель Правления (ит.).

[5] Итальянский титул университетского ректора.

[6] Место преподавателя русского языка (ит.).

[7] Ottorino Rossi (1877-1936).

[8] Т. е. отопление.

[9] Ragioniere (ит.) здесь – экономический директор.

[10] Искусных кухарок (фр.).

[11] С ногой все в порядке (англ.).

[12] Тем лучше (фр.).

[13] Ответ высокочтимой госпоже профессору: Без сомнения, влияние Толстого-художника на русскую литературу в высшей степени значительно, чего нельзя сказать об его стиле или языке, взятых отдельно, даже если речь идет об его народных рассказах. Его синтаксис неправилен и лишен оригинальности. Лексика, которой он пользуется, не отличается ни новизной, ни исключительностью. Русский <литературный> язык он не усовершенствовал и даже не обогатил его сколь-нибудь существенно элементами народной разговорной речи. Мне неизвестны какие-либо научные труды, посвященные стилю или языку этого писателя. Сердечный привет профессору Дамиани (ит.).

Вопросы, на которые отвечает Иванов, были заданы некоей преподавательницей русского языка в Римском университете, пришедшей по совету проф. Дамиани, и О. Шор передает их в письме от 21 ноября 1928 г.: преобразовал ли Толстой русский язык, соответствуют ли взгляды Толстого на язык тем изменениям, которые литературный язык претерпел в его творчестве, а также, имеются ли специальные исследования по данному вопросу.

[14] Речь идет о работе О. Шор над “Мнемологией”.

[15] От греч. “синантеза” – мифологическое родство, неологизм Вяч. Иванова и О. Шор.

[16] Католический санаторий в Швейцарии, устроить туда Д. В. Иванова помог кардинал Леписье. О кардинале Леписье см.: Д. Иванов, с. 82; Иванова, с. 212-213.

39. В. И. Иванов – О. А. Шор
22 ноября 1928 г. Павия.

22 /XI / ‘28.

Rhodopteros милый, отослав Вам только что (до завтрака) письмецо, пишу тотчас же (после завтрака) и другое вслед, потому что за завтраком мы беседовали по душе с Don Nascimbene. Сей последний, очень тепло и доверчиво ко мне относящийся, начал с того, что Athenaeum[1] ждет от меня обещанной статьи (“лебедей”),[2] и перешел потом к развитию своей любимой мысли, которую он держит однако от всех в большом секрете, ввиду опасности всяческих противодействий (напр<имер>, и со стороны

епископа), – мысли о том, чтобы Collegio Borromeo образовало собою исподволь научный центр работ по истории религий. Сообразно с этою целью, он ведет и составление библиотеки (внешнее оборудование которой составляет также предмет наших с ним бесед). В результате возник проект устройства в Collegio весенних лекций: он дал бы предположительно несколько лекций об апостоле Павле или по своей специальной части – ориенталистике (он не только специалист по еврейскому языку, но занимается также и клинообразными надписями и иероглифами, и коптским языком, и т.д. и т.д.); а я несколько лекций о греческих мистериях. Можно было бы позвать и Зелинского, и даже, б<ыть> м<ожет>, Аничкова для сообщения об Иоахиме de Flore[3]. Из здешних профессоров есть блестящий и талантливый Suali;[4] но он, автор чудесной книги "L'Illuminato" о Будде, зашибается, к сожалению, буддизмом; во всяком случае более знаток и индийских литератур, и сравнительной истории религий. Как бы то ни было, нужно иметь в виду эту возможность; вследствие чего, незамедлительно, хочу спасти от погребения заживо у Штейна[5] нужные мне книги: Usener "Götternamen" (была в моей комнате), Rohde "Psyche" и *Lobeck* "Aglaophamus"[6] (в шкапу, толстая связка несброшюрованных старинных печатных листов – ценности исключительной). Прибавьте к этому и еще что найдете в шкапу по истории греческой религии, и отложите все для присылки мне сюда при случае (полезна также Русская История Платонова, часть II,[7] – но, разумеется, не для этих целей). Пишу об этом сейчас и для того, чтобы самому не забыть этого дела, и для того, чтобы уберечь нужные книги от погребения.

Апантетически Ваш idem Αἴλουρος.[8]

Все меня отвлекает от Ахинеи,[9] но она меня не оставляет – в мыслях.

[1] Научный журнал, посвященный изучению античной литературы и истории, при Павийском университете, основанный в 1902 году (Studi periodici di letteratura e storia dell'antichità fondati da Carlo Pascal e pubblicati sotto gli auspici della R. Università di Pavia).

[2] Эта статья Иванова неизвестна.

[3] Об Иоахиме Флорском (1132-1201) Е. А. Аничков издал книгу *Joachim de Flores et les milieux courtois*. Roma 1931.

[4] Luigi Suali (1881-1957) – профессор индологии в Павийском университете.

[5] Владелец бюро путешествий и склада в Риме, где из–за недостатка места и частой смены пансионов хранились вещи Иванова.

[6] H. Usener. *Gœtternamen*. Bonn 1896; E. Rohde. *Psyche. Tübingen und Leipzig* 1903; A. Lobeck. *Aglaophamus*, V. 1&2. Regimontii Prussorum MDCCCXXIX. Упомянутые книги находятся в библиотеке Иванова в РАИ. Для пересылки В. Иванову О. Шор переплела

"Aglaophamus", за что Иванов благодарит ее в письме от 10 февраля 1929 г.

[7] С. Ф. Платонов. Учебник русской истории. Ч. I и II. Прага 1925. Находится в библиотеке Иванова в РАИ, переплетен в виде одного тома.

[8] Тот же (лат.) Айлурос.

[9] Домашнее название "Повести о Светомире царевиче", над которой Иванов начал работать в сентябре 1928 г.

40. В. И. Иванов – О. А. Шор
26 ноября 1928 г. Павия.[1]

26/ XI / '28.

Я горько обижен на Вас, коварный Фламинго, не найдя в присланных книгах "Переслегина". Целлулярный морализм[2] показал, чего он стоит: он не останавливается даже перед тайною конфискацией. "Переслегин" выкраден Вами из книг, назначенных к отправлению! Чтобы загладить ce péché mortel,[3] немедленно вышлите мне книгу, которую я *никак* и *ни за что* не могу еще возвратить, вместе с Очерками о Египте и Ассиро-Вавилонии Левицкого (он должен быть в шкапу): это один из тех двух харьковских профессоров, коих "самолюбие и честолюбие" мною, как Вы знаете, тяжко оскорблено.[4]

Удивленный Вашим молчанием (уже не в Сорренто ли Вы![5])

В. И.

От гнева не могу сообщить Вам, что нужно.

[1] Почтовая карточка, адресована в Рим.

[2] Иными словами, "ваша мораль замалчивания и скрытности". Слово "целлюлярность" обозначало в словаре Иванова отъединенность, индивидуализм как противоположение "другому". Им часто будет пользоваться О. Шор во "Введении" и комментариях к СС.

[3] Этот смертный грех (фр.)

[4] Орест Иванович Левицкий (1848-1922) – украинский историк, археограф, архивист и этнограф, академик АН УССР. Инцидент, о котором говорит Иванов, неизвестен.

[5] У Горького.

41. В. И. Иванов – О. А. Шор
1 декабря 1928 г. Павия.[1]

1 дек. '28.

К сожалению, гордая Птица, не вижу в словах Ваших раскаяния, коего начало есть мужество назвать свой поступок по имени. Ваше объяснение сводится к утверждению принципа: цель оправдывает средства. Но даже тот, кто ему следует, не должен все же называть употребленное им для достижения доброй цели дурное средство хорошим, рассматривая его независимо от цели. Он говорит, если уважает свой принцип: "добрая цель обращает мое *дурное* средство в хорошее, ибо целесообразное". Сие целлуларистам (т.е. фальшивым защитникам неприкосновенности лица) – в поучение и обличение! Впрочем, цель вовсе не добрая, т. к. добро не может быть сумбурным. С О<льгой> И<вановной> будет одна канитель, п<отому> ч<то> она будет держать "Переслегина" под арестом долгие месяцы бесплодно. Да и как можно убедить издателя издать книгу, показывая ее снаружи? Мне "Переслегин" до зарезу нужен сейчас и на короткое время: conditio sine qua non[2] моих сношений с Ф. А. <Степуном>. Пришлите мне книгу спешно, и я спешно верну ее Вам.

В. И.

Я отлично знаю, что Вы мне говорили об этом раньше, но моего согласия и соизволения не получили: это Вы также припомните.

[1] Почтовая карточка, адресована в Рим. Ответ на открытку О. Шор от 27 ноября 1928 г.: "<...> Профессор, очень даже неубедительно Вы определяете поступок Фламинго как воровство. Птица Вам многократно сообщала о необходимости оставить ей "Переслегина" на предмет итальянизированья его русско-германской личины. Родопторос <так!> мог бы даже засереть от невнимания к его причирикиваньям. Гнев Вам "затуманил глаза". Удивленная вашим недовольством О. Ш. <...>". Речь идет о намерении О. И. Синьорелли перевести книгу на итальянский и найти для нее издателя. "Переслегин", по требованию Иванова, был выслан ему 6 декабря 1928 г., о чем О. Шор известила его открыткой от 5 декабря.

[2] Непременное условие (лат.).

42. В. И. Иванов – О. А. Шор
1 декабря 1928 г. Павия.[1]

1. XII. '28.

В дополнение к только что отосланной полемической открыточке, о дух надменный и неукрощенный, еще вот что: в "Переслегине" лежит закладка, ленточка памятная, – ее блюдите!.. Впрочем, можно, думаю, оставить ее в книге при пересылке ее мне, – ибо я настойчиво прошу выслать мне "Переслегина" немедленно... А может быть Вы и мою памятливую закладочку Ольге Ивановне препроводили? От целлуларистов всего жди. – Кстати, должен ли я Вам прислать в двух экземплярах краткое и <нрзб> объяснение причин моего пребывания в Италии?[2] Но нельзя ли это объяснение ни на чье имя не обращать, а писать: "Мое длительное пребывание в Ит<алии> имеет причинами a) b) c)..."?

Ев<сей> Дав<идович> пишет, что Вайбель признался ему, что его изд<ательст>во "aussichtslos".[3] А я и рад, что дело по крайней мере ясно. Весь вопрос как добыть рукопись от Креслинга. Ex-апантетически

Ваш В. И.

[1] Почтовая карточка, адресована в Рим.

[2] Для обоснования своего права получать пенсию, находясь за границей, В. И. Иванов должен был представить отчет о культурной работе, которую он вел в Италии (письмо О. Шор от 25 ноября 1928 г.).

[3] Бесперспективно (нем.).

43. В. И. Иванов – О. А. Шор
6 декабря 1928 г. Павия.[1]

6. XII '24.

Душка, Фламинго, Вы самая озаренная из всех мифологических птиц! Ваша синантеза с Солнцем сделала розовым оперение Ваших божественных крыльев! Примите уверение в моем глубочайшем уважении и доверии к Вашей моральной личности. Выкраденный Вами "Переслегин" не вульгарный *vol*, – c'est un *vol* de l'oiseau sacré vers le Soleil,[2] – нечто подоб-

ное Гермесову похищению солнечного стада быков у Аполлона. Дерзну ли подписаться апантетически Вашим, не навлекая на себя подозрения в претензии равняться с солнцем?

В. И.

Ради Бога, Левитского "Египет и Ассирия"! Спасите мое доброе имя и самолюбие автора книги.

Глубоко тронут списком книг[3] и надписью на свертке с миндальным мылом. Mille grazie.[4]

[1] Почтовая карточка, адресована в Рим. Ошибочно датирована 24 годом, правильная датировка дается на основании содержания.

[2] *Кража*, – это *полет* священной птицы в сторону Солнца (фр.). В подлиннике – игра слов, так как "vol" означает и полет, и кража. Ныне в библиотеке Иванова находится экземпляр "Переслегина" с дарственной надписью: "Дорогому Вячеславу Ивановичу Иванову с мечтой о свиданьи и долгих беседах. Ф. Степун. Дрезден 18 / II. 29".

[3] Часть римской библиотеки В. Иванова каталогизирована О. Шор в письме от 25 ноября 1928 г.(поскольку библиотека Иванова до сих пор не описана, заглавия ряда изданий, указанных в списке О. Шор, уточнить не удалось):

"*Список книг*

айлурического Проф. von-Puffy

1) *Virgilii.* Opera (1 том). 2) *S. Augustini.* Confessiones. 3) *Horace.* Opera (1 том). 4) Atene e Roma. 5) *Проф. von Puffi.* "De societatibus <vectigalium publicorum populi romani>. 6) " – " – "Борозды и межи". 7) " – " "По звездам". 8) " – " – "Дионис и Прадионисийство". 9) *Aeschyli.* Cantica. 10) *Зиновьева-Аннибал.* "Трагический зверинец". 11) Athenaeum (10 экз.) 12) Studi e materiali di storia delle religioni. Anno II. 1926. 13) Neue Schweister Rundschau (2 тома). 14) *Volpe.* Movimenti religiosi. 15) *Zelinsky.* Les origines de la religion hellénistique. 16) *Сахаров.* Сказания русского народа. 17) *Афанасьев.* Русские сказки (2 том). 18) *Шейн.* Русские народные песни. 19) Russische Volkslieder (2 тома). 20) Летопись по Лаврентьевскому списку. 21) *Платонов.* Учебник русской истории. 22) Вопросы теории и психологии творчества. 23) *Горностаев.* Лицо эры. 24)<*Martin Buber.* Des Baal–Schem–Tow>"Untenreisung"... 25) Das Buch Schmuel. 26) "Die Kreatur". Heft 4. 1928. 27) Греческое Евангелие. 28) *Hoffmann.* Kater-Murr. 29) *Byron.* (1 том) 30) Ricerche religiose. Settembre 1927. 31) *Norris.* <1 нрзб> of the world. 32) *Данте; Шекспир.* (3 книжечки. Карм. изд.) 33) *Lo Gatto.* Storia della letteratura russa (2 тома). 34) *N. Ottokar.* (2 тома) 35) "Новая Европа" (январь-июль 1927). 36) *Petrovitch.* "Grammaire serbe". 37) *Walter Scott.* "Ivanho". 38) *Gœthe* (2 томика).

Словари

39) *Даль.* Толковый словарь (4 тома). 40) *Planche.* Греческо-франц. словарь. 41) Dizionario della lingua italiana (Tommaseo) 42) *Вейсман.* Греческо-русский словарь. 43) Словарь итальян<ско>-франц<узский>. 44) Français – Allemand – Anglais. 45) *Georges.* Lateinisch-deutsches Handwœrterbuch (2 тома). 46) Deutsch-Italienisch. 47) Nouveau dic. fr.-ang. et ang.-franc. 48) Dictionnaire Larousse (1 том). 49) Словарь сербско-французский.

50) Corso completo di lingua croata e serba (Kusar). 51) Langue français-espagnole (ed. Tauchnitz). 52) Manuel de la conversation espagnol-français. 53) *Муратов*. Магические рассказы. 54) 4 англ<ийских> учебника. 55) Vorträge 1922-1923. II Teil?(?). 56) Deutsche Literatur. 57) <Нрзб>. 58) Anna Benedetti (3 книги). 59) Горский. (?) 60) *Il Gatto* (Ein monumentale томище). 61) Студенческая работа ученика Вольпе.

Сей список выполнен в качестве сундучной работы под диктовку Кошки Ивановской".

[4] Большое спасибо (ит.).

44. В. И. Иванов – О. А. Шор
10 декабря 1928 г. Павия.[1]

10. XII. '28.

Фламинго милый, вчера получил я от Ильи Г<оленищева>-К<утузова> письмо и новые стихи[2] и тотчас пересылаю последние Степуну[3] с письмом к нему, и *уже* довольно длинным (в ожидании настоящего). Будьте добры *в спешном порядке отослать Ф<едору> А<вгустович>у,* как я ему и возвещаю, Ильины стихи, оставленные мною в Риме и назначенные к пересылке в Дрезден (цикл о Риме, и другие). Письмо Ильи кончается словами: "При случае (!)[4] прошу засвидетельствовать мое почтение и поцеловать ручки Ольге Александровне и Елене Александровне". Зачем я за него буду дамам ручки целовать?

Но, впрочем, так и будь. И весь апантетический этикет исполняю. Но от Е<лены> А<лександровны> жду греческого письма[5] и на отсутствие оного обижаюсь.

В. И.

Отсюда прямо следует, что "Переслегин" мне срочно нужен: жду его с нетерпением!

Ликотовы акведуки получил – фрр…

Спасибо Вам сердечное за трудную переписку моих виршей.[6]

[1] Почтовая карточка, адресована в Рим.

[2] Илья Николаевич Голенищев–Кутузов (1905-1969) – поэт, переводчик, литературовед. Имеется в виду письмо от 3 декабря 1928 г. (Europa Orientalis, 8, 1989, с. 491-493). Среди присланных Иванову произведений было ст-е "Подоприте, яблони, меня…"

[3] Ф. А. Степун являлся сотрудником и фактическим редактором "Современных записок". В письме от 25 ноября 1928 г. О. Шор просит: "Пожалуйста, напишите ему хоть не-

сколько слов о Голен<ищеве>-Кутузове, стихи которого я Степуну сейчас же вышлю". Из ст-й Кутузова в этом журнале в 1929-1930 гг. появились только "Офорт", посвященный Вяч. Иванову (СЗ XL) и "Возмездья сын, во мгле пресуществленья..." (СЗ XLII).

[4] Знак восклицания вставлен Ивановым.

[5] Возможно, это был греческий стих о св. Христофоре, за присылку которого Иванов впоследствии благодарит Е. А. Ковалеву. В РАИ находится список этого текста, сделанный В. М. Зуммером (оп. 3, № 93, л. 72).

[6] В письме от 25 ноября 1928 г. О. Шор сообщает: "Относящиеся к Ахинее Ваши стихи – прилагаю". По-видимому, имеется в виду стих "О Владычице Дебренской" 1915 г. (I, 299-300).

45. В. И. Иванов – О. А. Шор
14 декабря 1928 г. Павия.[1]

14. XII.

Фламинго воздушно-розовый, всего два слова в ответ на espresso ради спешности. Нет, меня не пленяет перспектива получить в Collegio караван сундуков, и не кажется это мне ни приличным (получая деньги за проезд и багаж из Рима и в Рим), ни практически удобным. Vivat floreat crescat Steinius,[2] конкретная связь моя с Римом. Не Бог весть что стоит склад. – Далее, Ликот проведет со мной 24, 25 и 26 дек<абря> и просится на Ривьеру.[3] Но это не обязательно, может побыть и в Павии. У него есть теперь инструмент. Во всяком случае хотелось бы *приехать* на *место уже найденное*, а не *отыскивать самому* днями место и пансион (хотя рекомендации мне дадут, и тогда я сообщу). Итак, можем встретиться и в Венеции с 27/28 до 9 января, если Вы это предпочитаете и знаете, где там жить. Решайте!

Апант<етически> Ваш

В. И.

[1] Почтовая карточка, адресована в Рим. Датируется по почтовому штемпелю. Ответ на письмо О. Шор от 12 декабря 1928 г., в котором она спрашивает, нельзя ли отправить вещи Иванова в Павию, чтобы не платить за их хранение в Риме.

[2] Пусть живет, процветает и умножается Штейн (лат.).

[3] Речь идет об итальянской Ривьере – побережье Лигурийского моря.

1929

1. В. И. Иванов – О. А. Шор
11 января 1929 г. Павия.

11. I. '29.

Дорогой Фламинго,

Вы не rhodopteros только, а еще и phoenicópteros. И это есть Ваше оффициальное, так сказать – служебное обозначение в орнитологии.[1] Что значит: "пурпурнокрылый". И напоминает птицу Феникса ("пурпурного"), коего моя интуиция давным-давно признала Вашим родным братом. Все сие – и также, что Вы "душка", – сообщается в спешном порядке, за неимением других столь же спешных и важных известий. Впрочем, есть и еще уведомления: Михаил значит "КТО(mi) КАК(cha) БОГ(El)?" А Гавриил: "СИЛЕН БОГ". А фламинго в иероглифических словарях, как и в Библии, нет. Жаль! Вероятно, Вы, будучи Тотовичем,[2] смешивались с Ибисом Тотовым.[3] – В Collegio ждали меня очаровательные и трогательные письма ко мне и Диме от Father Fox'a, со вложением для Димы одного фунта стерлингов, который я с удовольствием препроводил ему к русскому новому году (с коим и Вас поздравляю) под красными печатями. От Каффи, должно быть, препровожден мне N° "Commerce". От О<льги> И<вановны> милая открытка с гор. Евсей Давидович пишет сегодня: "Очень прошу Вас сообщить, что с Олечкой. Ее молчание к праздникам всех жестоко обеспокоило". Sic! А третьего дня в его письме читаю, с удивлением великим: "Ваше письмо от 22/XI обрадовало меня своим для меня новым, легким, шутливым, бодрым тоном, а последнее письмо окончательно убедило(?!), что Ваш прошлогодний пессимизм окончательно рассеялся, усталость последних десятилетий с их событиями, заботами и волнениями прошла и что снова мы будем вправе ждать новой записи Ваших вдохновений"...[4] Откуда сие? А Креслинг прислал ему 2-ю часть Достоевского, и это утешительно.

До свидания, Розовокрылый! Спасибо Вам преизбыточное за 2 недели укрепления, утешения, вдохновения и простой детской радости, которые Вы мне подарили.

Апантетически Ваш Αἴλουρος.

От Лидии из Милана[5] (которой писал) еще не имею вестей. Что Вам сказали Carrara и Pietrasanta?[6] Все ли благополучно?

В унив<ерситете> свидания с Magnifico не добился, но мне была показана бумага из военного ведомства с запросом, когда же начнутся курсы русского языка и литературы? Есть жаждущие учиться офицеры.

[1] Латинское название фламинго – Phoenicopterus ruber. Ruber, по-латыни – красный, цвет, который символически соответствует Фениксу, а также огню, очищению, животворным силам и активности.

[2] По-видимому, существом, ведущим свое происхождение от Тота, бога мудрости и хранителя памяти. Тем не менее в платоновском "Федре" Тевт, изобретший письмена (а также число, счет, землемерие, и звездочетство) и якобы нашедший средство "для памяти и мудрости", был осужден богом Аммоном за то, что память "внутреннюю", когда вспоминают "сами от себя", он заменяет "припоминанием" – памятью "внешней", когда учатся понаслышке и становятся "мнимомудрыми".

[3] Ибис, появлявшийся в Египте с разливом Нила, для древних был наделен даром предвидения. Считалось, что Тот учил египтян оккультным наукам и искусствам в облике Священной птицы, шаг ибиса приравнивался к локтю и служил мерой при постройке храмов. В Библии ибис упоминается в книгах Левит 11:17 и Второзаконие 14:16 (как нечистое животное).

[4] Письмо Е. Д. Шора от 8 января 1929 г. (оп. 3, № 209, л. 19 об.). Более раннее письмо, о котором говорит Иванов, не обнаружено – письма Е. Д. Шора в период с 16 июля 1928 по 8 января 1929 отсутствуют.

[5] Л. В. Иванова отправилась в Милан для подготовки "Праздника хлеба", к которому ей была заказана музыка. См.: Иванова, 223-225. Вообще "Праздник хлеба" был учрежден по инициативе движения Opera Italiana "Pro Oriente", которое возглавлял в Милане Don Francesco Galloni: целью этого движения являлась "романизация" восточной части бывшей Римской империи, в частности Балкан. Раздача хлеба бедным должна была сопровождаться спектаклем, прославлявшим земледельческий труд, в исполнении детей: "La favola del pane", а пожертвования – идти в фонд движения. Книга "Pane nostro", содержавшая текст пьесы и партитуру песен (с. 55-106), вышла в 1929 году в издательстве движения, которое помещалось одновременно в Милане и Софии.

Так как деятельность Don'a Galloni была созвучна государственной политике (так называемой "Битве за хлеб", которую вел Муссолини с 1925 года), праздник в 1930 году стал официальным (тем более, что он совпадал с годом Вергилия – "l'anno di Virgilio, il poeta dell'Impero e dei Campi"). СочинениеЛ. В. Ивановой было представлено Муссолини Don'ом Galloni, и ей опять заказали музыку к празднику 1930 года. Партитура для пьесы "Nostra materna terra" была опубликована в специальном выпуске журнала "Le vie dell'Oriente" под названием "I canti del pane", p. 34-59. См. Иванова, с. 225. Указанные издания находятся в РАИ.

[6] О. Шор и В. И. Иванов провели рождественские каникулы 1928 года в Споторно – на Лигурийском море (I, 213). Каррара и Пьетрасанта, расположенные рядом, интересовали О. Шор потому, что Микеланджело выбирал здесь мрамор для своих работ.

2. В. И. Иванов – О. А. Шор
12 января 1929 г. Павия.[1]

12 янв. '29.

Только что получил, милый Пурпуровокрылый, Ваши три открыточки[2] (с интересным Страшным Судом Орканьи[3]). Вы сделали une bonne action très méritoire,[4] совершив благочестивое паломничество в дом М<икель>Анджело;[5] он, я знаю, очень этим доволен, так как далеко не все, его прославляющие, привержены ему сердцем: ждите от него возвратного оказательства любви. Ликот заявил о своем пребывании в Милане (почему-то в отеле Bristol – Schmidt), прислав мне оттуда сыра Рокфор и колбасы Gendarme – швейцарские продукты, которые я айлурически ценю. Общение между нами, как видите, также айлурическое. Получили ли Вы мое письмецо глупое? Нежною мыслью сопровождаю Вас на воздушных путях Ваших. Есть в иероглифах водяная птица с обозначением: "красный": подозреваю пурпурнокрылого. Апантетически Ваш

В. И.

[1] Почтовая карточка, адресована в Рим.

[2] Открытки из Каррары и Пьетрасанта от 10 и из Пизы от 11 января 1929 г.

[3] Орканья (Orcagna) Андреа (наст. имя Андреа ди Чионе) – флорентийский художник, работавший между 1344 и 1368. На самом деле фреска на Монументальном кладбище в Пизе Орканье не принадлежит. В этом произведении она видит предвосхищение "Страшного Суда" из Сикстинской капеллы: "Обратите внимание на жест Христа. Он послужил прообразом для микельанджеловского. Но *что* М<икель->А<нджело> из него сделал!"

[4] Весьма похвальный поступок (фр.).

[5] Видимо, подразумевается дом, в котором Микеланджело останавливался в Карраре.

3. В. И. Иванов – О. А. Шор
13 января 1929 г. Павия.

13. I. '29.

"Нет ничего тайного", как говорит Писание, о Rhodopteros, "что не сделалось бы явным". Продолжая свои разыскания, Don Nascimbene пришел к выводу, что иероглиф Фламинго следующий: <иероглиф>[1] или, что то же самое: <иероглиф> и значит этот иероглиф: "красный, пурпуро-

вый", но птица в конце указывает, что дело идет о phoenicopteros, или самом Фениксе. Может быть, мифическому Фениксу и соответствовал конкретный – фламинго. Недаром я говорил, что Феникс Ваш родной брат.

На полях напротив иероглифов: Произносится <иероглиф> [дшр][2] по-коптски т р о щ (т. е. трош).

Но если вышеизложенное все еще только гадательно, зато египетский паспорт Айлуроса в полном порядке.

произносится *mjw* (т. е. мяў)

и значит: "кот". А "кошка" – *mjt*

Первый знак <иероглиф> есть звук *m*. Второй (перо) <иероглиф> есть звук j. Птица – w. Четвертый знак <иероглиф> означает животное млекопитающее или carnivore[3].

Знаменательно, что в состав айлурического иероглифа интегрально входит – *птица*! Прообраз нашего апантетизма. (Иначе: кот съел ученую птицу и стал ученым котом). Также и перо птичье в котином иероглифе неспроста оказалось!

Сей ахинее посвящая, ввиду ее особой важности, отдельное послание, честь имею апантетически Вас приветствовать.

<Иероглифическая подпись "кот">.

[1] Образец одного из многочисленных египетских иероглифов в переписке см. в иллюстрациях в настоящем томе.

[2] Отсюда ведет свое происхождение взятый впоследствии О. Шор псевдоним Дешарт.

[3] Carnivore (фр.) – питающееся мясом.

4. О. А. Шор – В. И. Иванову
15 января 1929 г. Рим.

15 января 1929 г.
<иероглиф>
("Вечный Город")

"О священный <иер. кота>, от всей души своей <...> поздравляю Вас с приведением в порядок Вашего египетского паспорта. Надеюсь, <...> Вам ничего уж больше не помешает айлурическими лапками пробежаться по долине Нила, заставить египетского фараона вспомнить, что он *и* Мемнон, пробудя в нем живой отклик звуками "божественной эллинской речи". Что касается Фламинги, то надо уповать, что она в путешествии

по древнему Царству неотлучно будет при Айлуросе; правда, вид на жительство ее далеко не в таком блестящем, пушистом состоянии, как Кошачий, но зато некоему священному существу удалось пробудить в глупой Птице древнюю память и Фламинге пришлось вспомнить себя гражданкой Мемфиса. А вспомнить – значит, *быть*. Ну, а своих верных граждан каждая страна даже с поврежденными (при перелетах) бумагами в конце концов все же примет. Главное: установить родство; и за оживление Памяти, т.е. за дарование Жизни, rhodoptoros <так!> своему священному сородичу приносит свою многопочтительную, вечнодышащую благодарность.

<...>что касается самого Феникса, то он имеет определенный иероглиф bnw, но Фламинга чувствует, что это к ней не относится и готова узнать свое имя в Вашем начертании. (Кстати, *dšr* звучит почти как *дашор*: еще одно подтверждение). <...>

Особое удовольствие доставило Фламинге ее извечное "интегральное" присутствие в айлурическом иероглифе. Вот они – пути апантетизма! Как же после этого не уверовать в его, апантетизма, божественное происхождение? и не ждать, что он обернется источником мифотворчества?.. <...>

Юше пишу. Как чутко он услышал новый звук в Вашей душе! Это, вероятно, потому, что он Вас любит.

Видела я Ольгу Ивановну. Она огорчена смертью Онофри,[1] случившейся на Рождестве.

Апантетически Ваш Фламинго <...>.

Что значит mi cha El? "кто как Бог?" – вызов на бой или спокойное утверждение Божьей силы? Поведайте, о Священный, Птице своей тайны Михаила.

[1] Arturo Onofri (1885-1928) – поэт-антропософ. Его увлечение учением Р. Штейнера воплотилось в книге *Nuovo Rinascimento come Arte dell'Io*. В библиотеке РАИ есть книга *Arturo Onofri visto da Banfi – Benco – Colonna di Cesarò – Cavicchioli – Comi – Cozza – Evola – Flora – Gui – Levasti – Manacorda – Marone – Marotti – Moscardelli – Palmieri – Pavolini – Prati – Regnoli – Rosa e una lettera di Giovanni Papini*. Firenze 1930 с надписью на обложке V. Ivanov.

5. В. И. Иванов – О. А. Шор
23 января 1929 г. Павия.

23. I. '29.
<Иероглиф "Фламинго">

Благодарю Вас, дорогая, за продление паспорта – не египетского, не хетского, а хатского[1] – продление скупое, так сделанное, чтобы через 3 месяца опять в орду идти челом бить, ярлык брать, и чтобы всякая душа свое подданство знала и печать свою антихристову берегла.

Что значит: "Кто как Бог?" (Mi-cha-el)? Ясно, что значит. Крик мощного: "Есть ли кто, кто дерзнул бы равнять себя с Элогимом?... Коли есть такой, выходи на бой!"... Так Дон Кихот провозглашал, что всех женщин прекраснее Дульсинея, и тем вызывал на поединок рыцарей других боготворимых дам.

С другой стороны, тот факт, что я Вам об этом пишу в первую голову, значит, что я также, как и Вы, хотел бы, на время, по крайней мере, укрыться от того дискретного, что мы, по слабости нашей, считаем за "конкретное", от злобы дня.

Веду беседу с Nascimbene о разных критических контроверзах, вроде, напр<имер>, того, хорошо ли или нет написан по-гречески пролог Деяний Апостольских, есть ли в нем интерполяции или нет...

О чем и сейчас с ним беседовал, идя в похоронной процессии за гробом проф<ессора> Перрончито.[2] Торжественные академические похороны с участием войск, п<отому> ч<то> покойный был и combattente.[3]

Это семья друзей Рибольди, и он меня к ним водил. Покойный ученый был особенно знаменит знаменитостью своего тестя Гольджи[4] и ему наследовал в Инст<итуте> общей патологии. С его женою, дочерью Гольджи, Рибольди особенно дружен. Покойный, как и Гольджи, был miscredente[5] и масон; и не знали, понесут ли гроб в церковь, Гольджи хоронили без церковных церемоний. Но все же понесли: tempora mutantur![6]

На дверях церкви S. Francesco было написано: Aldo Perroncito ... *di qui comincia nuova vita.*[7] "Кто мог найти такие слова?"- спрашиваю у Nascimbene. – "Конечно, Рибольди, он один",[8] – отвечает тот.

Говоря о Рибольди, вспоминаешь и о Ликоте.[9] Ему, по-моему, в Милане хорошо мяукается. Два воскресенья подряд он ко мне приезжал. В первый раз как снег на голову свалился, и никого в Collegio не было, ни

ректора, ни Аньезе.[10] Ходили мы в sala di musica[11] слушать песенки,[12] а потом весело ужинали в ресторане. А во второй раз был для нее ректором устроен ужин, и приглашен наш пианист и регент церковной музыки кончающий медик Beltrametti для музыкальных разговоров. И Ликот опять показывал и песенки, и свою музыку, и первые свои корректуры. И было весело.

В Абетину послал я 1000 лир и получил благодарность и соображения Zubiani о Диме. Он с уверенностью надеется на хорошее, но *не скоро.*

Перечитывал дневники Лидии Димитриевны.[13] Выписка: "21 августа (1906 г.) подъезжала к Варшавскому вокзалу (возвращается, то есть, из Швейцарии от детей в Петербург – мы звали его тогда Петробагдадом, он был фантастичен,- эпоха "Эроса"...).[14] До последней минуты все мысли были там, у оставленной Веры. Я была в плену. Разве это – материнство? Целовала газету, в которую она своими руками завернула мои туфли. Она прекрасна и внушает уважение со страхом, и влюбленность в каждую линию, в звук голоса и эти светлые, гордые и прямые страшно глаза, которые не горят, но светятся, потому что они так устроены, что от зрачка идут светящиеся лучи, расширяясь от центра кнаружи радужной оболочки. Такие глаза как-то называются научно. Когда поезд замедлил ход, и во мне замедлилась жизнь. Я застывала. Так всегда при приездах. Из окна увидела серую шляпу В<ячесла>ва и его медные кудри, ищущий взгляд. И ждала, не двигаясь, замедляя минуты, пока вышли остальные; очень спокойно позвала носильщика и неторопливо вышла. В<ячесла>ва назвала, п<отому> ч<то> он не видел, как я вышла, хотя видел меня в окно; тотчас заметила N*,[15] подошедшего от другого вагона, где сторожили. Я и ожидала, и не ожидала его. Я все-таки не поняла всего непоправимого в совершившемся, и потому мне было неприятно его присутствие, но уже завлекало богатство, которое оно приносило. Только больно расставаться с жизнью, хотя бы для жизни. Каждая новая жизнь не может родиться без смерти прежней, и всегда смерть болезненна. Все это промелькнуло неосознанное в те же первые секунды"...[16]

Будьте радостной. <Иероглиф "кот">.

[1] Находясь официально в заграничной командировке, Иванов должен был регулярно продлевать паспорт в Советском консульстве, которое он называл "хаткой".

[2] Aldo Perroncito (1882 – 21 января 1929) – профессор общей патологии. С семьей Перрончито В. И. Иванов познакомился через Дона Рибольди в 1926 году.

[3] Здесь: ветеран войны (ит.).

[4] Camillo Golgi (1844-1926) – гистолог и патолог, нобелевский лауреат за 1906 год.

[5] Неверующий (ит.).

[6] Времена меняются (лат.).

[7] Отсель начинается новая жизнь Альдо Перрончито (ит.).

[8] В. И. Иванов говорил, что Рибольди – “мастер на лапидарные изречения” (Иванова, с. 168).

[9] Получению заказа Л. В. Ивановой способствовал Дон Рибольди.

[10] Так звали заведующую хозяйством в Колледжо Борромео.

[11] Музыкальный зал (ит.).

[12] Л. В. Иванова написала 9 песен к детской пьесе “Pane Nostro”.

[13] Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Среди рукописей, вывезенных из Москвы, была часть ее архива. В разобранной части РАИ дневники не обнаружены.

[14] В скобках – примечание Иванова. События 1906 г. отразились в его сборнике стихов “Эрос”. СПб., Оры, 1907.

[15] Речь идет об С. М. Городецком.

[16] Эта дневниковая запись Зиновьевой–Аннибал со ссылкой на письмо Иванова приведена О. Шор в комментарии ко II тому СС, с. 754–755. N* она заменяет на Г.

6. В. И. Иванов – О. А. Шор

23 января 1929 г. Павия.[1]

23. I. ‘29.
<Иероглиф “Фламинго”>

В добавлении к только что опущенному в ящик письму еще несколько слов.

Когда я пригвоздил к стене над своим письменным столом портрет Лидии, Nascimbene принес мне, в дар *ей*, чудесную желтую розу, из полученных им от кого-то в подарок. Это характеризует и его, и наши отношения.

Далее, Елену Александровну я очень люблю; но со дня нашей материальной разлуки все, что казалось столь живым между нами, стало чем-то отвлеченным, побледнело, как будто низошло в Аид бледных теней. На ком вина, я не знаю. Но для меня она так же конкретна и так же мне мила, как была на terrazino <так!> нашем.[2] Правда, я сердит на нее, за то что она обманула мою надежду иметь в виде ее поэмы памятный знак целой поры в моей жизни…[3]

Почему итальянцы забывают les neiges d’antan?[4] Потому что живут в Душе Мира. А эта помнит лишь то, что возвращает в бытие. Душа Мира не имеет воспоминаний, но только память. А случайный снег в Риме – лишь воспоминание.

Где-то Вы, Фламинго? Вероятно впрочем, все в Риме. Ау!

О кончине Онофри я знал своевременно из газет. Он умер um Weihnachten,[5] в пору, которую антропософы (т. е. он) называют ночью посвящений.

Апантетически Ваш

<Иероглиф “кот”>.

[1] Почтовая карточка.

[2] Terrazzino – небольшая терраса (ит.). Подразумевается квартира на via Bocca di Leone.

[3] Е. А. Ковалева описывала в рифмах жизнь своих друзей.

[4] Снега давнего времени (фр.) – цитата из “Баллады о дамах прошедших времен” Франсуа Вийона. В русском поэтическом переводе В. Брюсова, Н. Гумилева и С. Пинуса это выражение звучит как “прошлогодний снег”. Ответ на письмо О. Шор от 19 января 1929 г.: “В Риме – снег, и итальянцы радуются ему: “Не запомним, когда он тут был!” Меня трогает это постоянство их изумления. Каждый год, видя снег, утверждают, что “снега вообще не бывает”. Объясните, властелин Памяти, этот странный феномен забвения”.

[5] Около Рождества (нем.).

7. В. И. Иванов – О. А. Шор
10 февраля 1929 г. Павия.

10 февр. ‘29.

Фламинго радостный, получил я вчера два изящнейших томика “Aglaophamus’a”, переплетенные Вами с таким вкусом и любовью, – был восхищен, обрадован, умилен, спасибо Вам, rhodopteros моей души! – Недостаток один только, но неважный: “Agl<aophamus> Lobeck”, вместо “Lobeck, Aglaophamus”.

Ибо Lobeck автор, Aglaophamus заглавие книги, а не *наоборот*. “Вяч. Иванов, Тантал” значит: В<яч.> И<ванов> сочинил Тантала; напротив, “Тантал, Вяч. Иванов” вводит читателя в заблуждение, что Вяч. Иванов – создание поэта Тантала. Тем не менее, сие вовсе не существенно: всякий понимает, что не мог же пифагореец Аглаофам выдумать за 5 веков до Р. Х. злобного кенигсбергского профессора Лобека. – Итак; я глубоко тронут и благодарен Вам, розовый ангел Памяти, но и сердит на Вас. Как Вы уже и чувствуете. За что? Разумеется, во-первых, за болезнь; во-вторых, за молчание об оной. Что это опять? Флебит и сердце? Что мне с Вами делать?!!...

Пауза
гнева.

Сидим с Ликотом в павийской Bierbrauerei[1] и пьем пиво, после завтрака у Грициотти, с водкой, вывезенной из России, и всякими вкусными вещами.

Пауза
приятных
воспоминаний.

Ликот опять пел свои песенки. Счастливые швейцары молчат, Милан молчит. Ликот скребет у меня под окном 2 раза в день оркестровку гимна о хлебе для медных труб della banda militare.[2] Обурчала весь Collegio.

Большая новость: оффициальное назначение в университет, incarico di lingua russa, 4 нед<ельных> часа для группы профессоров, генералов и полковников 2 часа, для <нрзб> студентов и молодых офицеров 2 часа. Жалованье 4000 лир в год: 333 л. 33 с. в месяц за *все* время. 19 февр<аля> первая лекция.

Пауза
насмешливого
упрека.

Ну и легковерие! А еще критик-философ! Что происходит примирение госуд<арства> и церкви, это факт (как говорят в осведомленных кругах), но ... коронация во вторник!..[3] Вижу, что Вы не критичнее Вашего богоспасаемого пасынка, которого, впрочем, *очень, очень* благодарю за присланный текст.[4]

Итак (*практически*) Вы собираетесь *все же* в Неаполь? Гм... В среду? Гм, гм... Вместе с проф. Самойловичем?![5] Примут ли Вас в Сорренто, ввиду высокого посещения полярных героев.

Целую милые ручки, которые наскребли; как-никак, 2-ю часть М<икель–>Анджело. Апантетически ваш В. И.

Еще о детях. От Димы вести хорошие, но он, очевидно, томится ожиданием Ликота. Выходит на терр<асу> и t° меньше. 1-ю книгу Ахинеи ныне, подобно лоцману, ввожу осторожно в гавань.

Переплеты чудные – не налюбуюсь. Только очень роскошные – говорит ректор. То, что Вы написали о Л<идии> Д<имитриевне>, – достопамятно.[6]

[1] Пивной (нем.).

[2] Военного оркестра (ит.).

[3] Речь идет о так называемых "Латеранских соглашениях", подписанных Муссолини и кардиналом Гаспарри 11 февраля 1929 г., закрепивших между прочим и "конкордат" церкви и государства. Сообщавший об их подготовке Кайдалов утверждал также, что папа будет венчать на царство итальянского короля, и предлагал О. Шор билет в S. Pietro на церемонию (письмо О. Шор от 8 февраля 1929 г.).

[4] Духовный стих о св. Христофоре.

[5] Рудольф Лазаревич Самойлович (1881-1940) – начальник спасательной экспедиции на ледоходе "Красин". 10 февраля 1929 года Самойлович, полярный летчик Б. Г. Чухновский и врач экспедиции Средневский были в гостях у Горького на вилле "Il Sorrito". Подробнее см.: Л. Быковцева. Горький в Италии. М. 1975, с. 364 и сл.

[6] Письмо от 25 января 1929 г., где рассказывается о видении, в котором О. Шор явилась Зиновьева-Аннибал: "Что-то говорит, не приказывает, а сообщает... Очнувшись, я мучительно не могла вспомнить, *что* она говорила, чувствовала только близость, присутствие и удивилась ощутительной связи своей с Ушедшей, какой ранее ни с кем не бывало.<...> Через час получила Ваше письмо и с диким сердцебиением стала читать выписку из "Дневника". Вспомнила, что Л. Д. учила меня тайне связей..."

8. В. И. Иванов – О. А. Шор
3 марта 1929 г. Павия.[1]

3 марта '29.

Мне очень жаль, очень, очень жаль, милый, бедный Фламинго, что случилось такое недоразумение, заставившее Вас ожидать poste restante писем понапрасну и Вас так встревожившее. Мы же с Ликотом Вас побранивали за усвоенную Вами систему "постоянного адреса" в Риме, которая отрезывает или бесконечно затрудняет сношения с Вами, как только Вы не в Риме, и во всяком случае психологически парализует волю друзей к переписке с Вами через Гумбертов проспект, когда розовая летает невесть где. Ибо о poste restante мы в письмах Ваших ничего не прочитали – "факт"!! И сейчас для меня новость, что я должен писать Вам в Сорренто ferma in posta.[2] В предыдущей открытке также было упоминание о poste restante – в Неаполе, откуда однако Вы выезжаете. И все Ваши последние весточки вообще были спешны, бессвязны и неудобовразумительны. Вразумительность прекратилась с возвещения, что Вы остаетесь в Риме на папскую литургию. Дальше все заволоклось туманом, из-за которого слышен был только грохот неаполитанского урагана и звон обрушивающихся с музейного потолка стекол. Тут же Вы лепетали, что я будто бы учил Вас, что "в филологии все делают наоборот и кверх но-

гами" (??!!!)...[3] Просто, Вы были серьезно больны, и не писали чем, и после болезни ничего толком (м<ожет> б<ыть> также и из-за скрывательства по отношению к болезни) говорить, пожалуй, и соображать не могли. Но все же вижу, что оказаться в Неаполе Вы были рады, и это меня немного успокаивает. Я хочу сказать, что мелодия Ваша слышалась из воздушных сфер – сладко, но весьма невнятно, и волшебная птица казалась недосягаемой.

А впрочем, все all right. Ликот, несколько раз совсем было уезжавший, но опять задерживаемый розысками военной "банды"[4] для проверочного исполнения своей партитуры, наконец 28 февраля пил за мое и за Ваше здоровье с Димой в Давосе, о чем я был извещен в тот день (день моего рождения) телеграммой. Я очень занят, ибо Юша бомбардирует меня "Русскою Идеей", спешно приготовляемой к набору у Зибека-Мора (радость!), а Ольга Ивановна требованиями неотложной высылки ее перевода "Переписки из двух углов", также подлежащей набору,[5] наши кончающие студенты пристают со своими требованиями переводов из немецких и английских научных работ, студенты, добивающиеся женевской bourse[6] для Лиги Наций, с французскими résumés[7] своих трудов и английскими письмами, а мое университетское назначение требует 4 раза в неделю пробираться по скользким тропам (п<отому> ч<то> у нас тает снег) в университет. Да и Ликот брал у меня много времени (что было, впрочем, усладительно) до своего отъезда. Но все хорошо, и мои лекции в университете (как с профессорами и военными майорами и полковниками; так и со студентами) очень милы и уютны. Только я очень занят регулярно с $8^1/_2$ до 10 ч. по утрам и с 5 до 8 ч. вечером лекциями и уроками, а в остальное время всеми вышеупомянутыми делами, так что об Ахинее уже давно и не думаю. Кстати, говоря о делах, упомяну, что, к величайшему сожалению, долларами служить Вам не могу, они все идут в Швейцарию, а лирами *вполне могу.*

Нет, розокрылый, Вы вообще корреспондент неважный, а когда хвораете и перелетаете, то от Вас толковой весточки не добьешься.

Сейчас Ликот в лихорадке спешной работы с партитурой для Augusteo,[8] и не знает – спутался – к 15 марта или 15 апр<еля> должно ее представить. Писал Елене Александровне справиться, и посылал <?> также в S.Cecilia; вздыхал, что Вас нет в Риме, Вы бы и справились, и приняли рукопись для передачи куда следует.

Вот Вам успокоительные вести о нас. Вы же постарайтесь все-таки написать мне обо всем толково.

Кланяйтесь Алексею Максимовичу. Присылкою стиха о св. Христофоре глубоко тронут и не знаю, как Елену Александровну благодарить.[9] А Вы сама – непостижимое чудо Божье, заревое, и без Вас худо, и чем

Вы дальше, тем неприятнее: не всегда, как видите, бывает "неприятно, что так близко".[10] А я Ваш апантетически неизменный Айлурос.

Это в Сорренто – ferma in posta, – а дальше не знаю, куда писать.

И ничего более толкового в свою очередь сообщить не могу. Только в филологии не "все наоборот" и rhodopteros значит самый, что ни есть, розокрылый.

"Pane Nostro" давно вышел в свет и Вам послан на Проспект. Адрес Ликота опять Haus am Berg, Davos Dorf.

[1] Ответ на открытки О. Шор от 21 февраля и 1 марта 1929 г.

[2] До востребования (ит.).

[3] Отсылка к письмам О. Шор от 21 февраля, где описывается ураган в Неаполе, и 17 февраля 1929 г.: "Фламинго <...> за свою долгую жизнь имел случай держать в руках переплетенные книжки, и ему никогда не пришло бы в голову *настаивать* (ибо ему пришлось именно настаивать) на помещении Agl<aophamus> перед Лобеком, если б глубокопочитаемый проф. фон-Пуф (длительно академически-обстоятельно втолковывая птице необходимость напечатать крупным шрифтом заглавие книги и мелким – имя автора) не повторял бы многократно для долгопамятности пернатой (repetitio est mater и пр. <повторенье - мать (лат.)>), что 'все, все надо наоборот, чем обыкновенно, ибо сие есть филология'. Птица попугайски и повторяла переплетчику: 'Все, все наоборот!' Тот озадачился, но приказ исполнил".

[4] Игра слов: "banda" по–итальянски – и банда, и оркестр.

[5] О. И. Синьорелли перевела "Переписку из двух углов" на итальянский для издания: V. Ivanov e M. O. Gherscenson. *Corrispondenza da un angolo all'altro*. Traduzione dal russo di Olga Resnevic riveduta da Venceslao Ivanov. Introduzione di O. Deschartes. Lanciano, R. Carabba Editore, 1932 в серии "Cultura dell'anima", составлявшейся под руководством Дж. Папини.

[6] Стипендии (фр.).

[7] Резюме (фр.).

[8] Augusteo – главный симфонический зал в Риме. Л. В. Иванова писала пьесу "Тема и девять вариаций Rorate Coeli desuper", которую Респиги предложил представить в комиссию, отбиравшую произведения для "Augusteo". Сочинение было принято и исполнено в апреле 1930 года. См.: Иванова, с. 221-222. Д. В. Иванов вспоминает, что этими словами пророка Исайи, вдохновившими "Вариации", начиналась литургия того дня, когда он присоединился к католической церкви. См.: Вячеслав Иванов. Материалы и исследования, с. 71.

[9] В письмо от 17 февраля 1929 г. О. Шор вложила переписанный Е. А. Ковалевой стих о Св. Христофоре. Она пишет также, что ее кузина "перед отъездом в Париж хочет посетить своего дидаскалоса. Случится это приблизительно дней через 14-15. <...> Теперь, вот какая у Птицы к Вам просьба: если Вам не нужно снабжать сейчас Ликота финансами, и 44 дол. у Вас лежат в долларном виде, то вместо того, чтобы пересылать их Птице, передайте их Собаке (мы с ней соответственно сочлись)".

[10] Цитата из письма О. Шор, где она, в свою очередь, цитирует слова Иванова.

9. В. И. Иванов – О. А. Шор
8 марта 1929 г. Павия.

8 марта'29.

Волшебный, спасибо Вам и за Ваши очаровательно пушистые и розовые письма, писанные в грозе и буре, in fretta e furia,[1] что делает их еще более розовыми и пушистыми, и за все Ваши труды, усилия, старания и происки в пользу Айлуроса. В каковых стараниях и происках Вы переходите за пределы ... даже простой истинности показаний. Так, никакого "Ада" я никогда не переводил, и когда у меня спросят будто бы лежащую в моем портфеле рукопись, я буду поставлен в глупейшее положение. Но и это не важно; более важно, как бы не перебить главного ходатайства второстепенными домоганиями. Как бы то ни было, я очень обрадован сердечным участием Горького, а что из всего этого выйдет – об этом думать не нужно и не хочется. Вас же благодарю бесконечно.[2]

Пишу, как Вы приказали, дождавшись 2-го espresso, и немедленно по его получении. Все all right. Ликот извещен о сроках заблаговременно письмом синьорины Сеттера<?>, которые вместе сообщают, что министр утвердил премии d'incoraggiamento[3] и что он может получить 3000 лир, когда будет в Риме – в апреле. Если бы Вы внимательнее прочитали мое письмо, то освободились бы от многих тревог: никто Вас не обвинял в путанице относительно срока подачи партитуры, но, как я *писал, Ликот* "запутался" сам в своих мыслях и перед отъездом в Швейцарию сомневался, 15 *марта* или 15 *апреля* ему назначено, а письмо, где это было начертано, в своих перебегах потерял. Итак, когда я писал о невразумительности Ваших писем, то этого пункта отнюдь в виду не имел, спутался в вихре забот – сам Ликот.

Все Ваши беспокойства напрасны. У нас солнце и весна. Лекции уютные. Много работы и хлопот за это время, но все сбывает. Перевод Ольги Ив<ановны> тотчас выправлен и уже давно ей отослан. Юша и Каубиш пристают с вариантами, придираются, требуют разжевыванья; но делать нечего – их удовлетворяешь. Жду Елену Ал<ексан>дровну, но времени для нее у меня немного.[4] Освобождаюсь на вакационное время с 17 марта (до 7 апреля). В Рим приехал бы только для Вас, хотя быть там всегда полезно и для дела. В Неаполь не могу, далеко, дорого. Фрески (орфические) знаю по книгам.[5] Назначайте место встречи, где хотите – во Флоренции, в Болонье, на Ривьере (только не в "Esperia"[6]), – а хотите

– в Rapallo, хотите – напишу в Marsiglia.[7] Не совсем прилично однако будет, что я еду на свидание с кем-то на Ривьеру. В Рим все же приличнее: туда по крайней мере *ожидается Лидия.* В конце концов, пожалуй, лучше поэтому в Рим: больше оправданности. Но куда? Одним словом, извольте организовать все и известите, куда ехать – туда и поеду. И комнату найдите. Лучше *в Рим;* хоть и далеко, зато оправданнее, проще для объяснений. За мной глядят во все глаза. Итак, я за Рим.[8]

От детей, слава богу, вести хорошие. Жду известий и решений.

Ваш В. И.

Повидались бы Вы еще раз с неаполит<анским> маэстро[9] – сам он никому никогда не напишет, нужно его потолкать.

[1] Впопыхах (ит.).

[2] О. Шор в письме от 3-6 марта 1929 г. описывает свой визит к Горькому: "Был он, как и следовало ожидать, очарователен. Вас очевидно не только высоко ценит, но и очень любит. После всяческих заботливых расспросов касательно семьи и судьбы Вашей и радостно выраженной готовности 'сегодня же' написать кому следует, он все продолжал спрашивать: 'Что, что я еще могу для него сделать?' Птица этим воспользовалась и вступила в следующий диалог:

– У В. И. имеется полный перевод Эсхила; он вот уже два года как "издается" у нас.

– Я сегодня же напишу Когану. Академия *должна* его издать *немедленно.* Что еще есть у В. И.? Ему следовало бы издать свои последние стихи.

– Конечно. Но Вы же согласитесь с тем, что их жаль разбрасывать по журналам. В. И. готовит сборник.

– Конечно, он прав. Но как только сборник будет готов, его надо печатать сейчас же.

– О, да! А вот у В. И. давно уже лежит работа, на которой отсутствие издателя сказалось параличем. Это – перевод Данте. <...>

– У него *готов* перевод всей "Комедии"?

– Нет, но готов "Ад" и, кажется, начато "Чистилище". Если договор и аванс появится, В. И. быстро исполнил бы весь пересказ. Данте его старая любовь. Но делать этот монументальный перевод без уверенности, что он скоро увидит свет, – Вы понимаете, как это трудно.

– Понимаю. А он согласился бы отдельно издать "Ад"? Во всяком случае, я сегодня же пишу об этом Шмидту (Шмидт – заведующий Госиздатом).

Далее Птица почтительно, но обстоятельно изложила, *что* следует писать о Вас в Москву (разумеется, что о болезни Димы и о ходе Вашего пенсионного дела, начатого даже не по Вашей инициативе, было уже рассказано раньше). Она понимает, конечно, что нечего России объяснять, *кто* такой Вяч. Иванов etc.etc, но все же советским учреждениям надо поставить на вид, что он – единственный русский ученый, который не переменив подданства, получил университетское здесь incarico. Какой же более блестящей "культурной связи" можно еще желать? А ведь для осуществления оной ему и дана была командировка, в како-

вой он по сей день и состоит. Бумажки ему ежегодно посылаются, но они не могут быть обменяны в банке etc.etc…

– Это все верно, верно; хорошо, что Вы это сказали…

<…> Т. к. Флам<инго> точно не ведал, хотите или не хотите Вы, чтобы Г<орький> думал, что я приехала по Вашему желанию, то вопрос о том, знаете или не знаете Вы о моем вмешательстве, так и остался незатронутым <…>".

Следствием разговора было письмо Горького к П. С. Когану от 7 марта 1929 г., где он почти дословно воспроизводит просьбы и доводы О. Шор (Иванова, с. 329–330). Отступление от истины в разговоре с Горьким О. Шор объясняет и оправдывает в письме Иванову от 12 марта 1929 г.

[3] Поощрительные премии (ит.).

[4] О. Шор в письме от 3-6 марта 1929 г. просит Иванова "наставить" и ободрить свою кузину, которая страдает от болезненной неуверенности в себе.

[5] В том же письме О. Шор предлагает Иванову провести каникулы на Амальфитанском побережье, чтобы осмотреть в Помпеях Villa dei Misteri, расписанную фресками, изображающими мистерии Диониса.

[6] Гостиница в Споторно.

[7] Итальянское название Марселя. Поскольку речь идет все время об итальянской Ривьере, наверное, и это – название гостиницы.

[8] Приписано красным карандашом.

[9] Неустановленное лицо. О. Шор в письме от 21 марта 1929 г. пишет, что маэстро болен и песенки Л. В. Ивановой исполнены быть не могут.

10. В. И. Иванов – О. А. Шор
14 марта 1929 г. Павия.

14. III. '29.

Дорогой Фламинго,

Случилась неприятность. Между тем как мои дела в Collegio кончаются оффициально 16-го, т. е. послезавтра, и в университете уже два профессора прекратили чтение лекций и все студенты были уверены, что с понедельника 18-го лекций не будет, – ректор университета обратился к профессорам с предложением бороться с "abuso delle vacanze"[1] и продолжить чтение лекций в течение недели от 18 до 23 числа, т. е. до самого Вербного Воскресенья (Domenica delle Palme). И Nascimbene говорит мне, что получив только что l'incarico, я поступил бы неправильно, прекратив лекции рано, в виду упомянутого предложения ректора. Это меня злит, т. к. я в унив<ерситете> занят по вторникам, четвергам, пятницам и суб-

ботам, но вторник – праздничный день, а придут ли все же мои слушатели в четверг – неизвестно. Во всяком случае я понапрасну Вас перетревожил и сократил этим Ваше пребывание в Неаполе. А уведомить Вас немедленно, нельзя: Бог знает, где Вы теперь, судя по Вашим письмам – сегодня в Неаполе, а завтра уже в Риме. Какая досада этот арест, совершенно бесплодный.

– Сегодня получил из Collegio Gesù траурное извещение о кончине моего бедного милого Dom Ephrem'a de Brunier,[2] бенедиктинца.

– До свидания, радость моя, но видимо не до столь скорого, как я надеялся. Апантетически Ваш В. И.

Вот что значит принимать решение между получением запросного<?> espresso и отсылкой espresso ответного.

Очень больно, что Вы благодаря моей поспешности зачеркнули наверное половину своей программы и не видели важнейших вещей.

[1] "Злоупотреблением каникулами" (ит.).

[2] Католик восточного обряда, духовный отец В. Иванова. Collegio Gesù – один из иезуитских центров. На кладбище Верано в склепе греческой коллегии, где покоился прах Иванова до перенесения его на Тестаччо, их могилы были рядом. О. Шор пишет в письме от 21 марта 1929 г.: "Об отце Ефреме расскажу, когда увидимся. Он ведь умирал, когда я уезжала в Неаполь. Надежды тогда уже не было, и к нему никого не пускали. Он был очень хорош до конца". Подробнее см.: I, 854-855.

11. В. И. Иванов – О. А. Шор
16 марта 1929 г. Павия.

16 марта'29.

Дорогой Фламинго,

Две строчки – just two lines[1] – чтобы сказать Вам, что я так устроился, что мои лекции в унив<ерситете> кончаются *в среду* и я могу ехать уже *в четверг, 21-го, если Вы меня позовете.*

Сегодня получил от Ликота письмо, где она сообщает, что Грюнингер[2] подробно исследовал Диму и заявил, что "каверна более совсем не прослушивается, т.е. закрыта; mais si <vous> voulez retourner après la cure en Italie, il faudra tout de même continuer le pneumo pour qu'elle ne se ouvre pas".[3]

Сообщает Ликот также, что послал из Цюриха партитуру 13-го в 1 ч. дня с прямым поездом espresso; впрочем, об этом она сама Вам, как говорит, написала.

До свидания.

Апантетически Ваш

В. И.

P.S. Найти в Риме комнаты трудно. Ну, что же, остановимся в Santa Chiara[4] и съездим оттуда дня на 2/3 напр<имер> в Нептуно,[5] пожить *над морем*, как в Рапалло, или куда еще. Хотя мне хотелось бы воспользоваться библиотеками…

Получил из Collegio Gesù траурное извещение о кончине моего незабвенного духовного отца, бенедиктинца Dom Ephrem de Brunier.

[1] Только две строки (англ.).

[2] Врач санатория "Альбула", где лечился Д. Иванов.

[3] Но если <вы> собираетесь после курса лечения обратно в Италию, то придется все же продолжать пневмо<торакс>, чтобы она снова не открылась (фр.).

[4] Пансион в Риме, где жила О. Шор.

[5] Nettuno – городок на берегу Тирренского моря рядом с Римом.

12. В. И. Иванов – О. А. Шор
18 марта 1929 г. Павия.[1]

18 марта '29.

Айлурос растроганно благодарит son confrère égyptien[2] за телеграфный розовый пух и, *внешне* осаждаемый все новыми присылками Юшиных дактилографированных листов с отметками "развить то, разъяснить это, присовокупить примечание" (в результате чего составляются новые страницы),[3] *внутренно* же терзаемый упреками совести за слишком нетерпеливо поспешную выписку Фламинги в Рим, с ужасом предчувствует, хотя еще смутно и неопределенно, что в четверг утром ему, чего доброго, не выбраться, а разве лишь в субботу. И в таковых растерзанных чувствах апантетически гладит лапкой чье-то крылышко. Chief-cat.[4]

[1] Почтовая карточка, адресованная в Рим.

[2] Египетского собрата (фр.)

[3] В более раннем письме от 26 октября 1927 г. В. И. Иванов пишет Е. Д. Шору, что он не столько исправляет старый вариант, сколько дает "новую – и намного более обширную – редакцию" рукописи (Д. Сегал, *Cahiers*, с. 337). Е. Д. Шор просил Иванова сделать некоторые уточнения и разъяснения, необходимые, во-первых, для переводчика и, во-вторых, для немецкого читателя, до которого текст должен был быть "донесен" в доступной по возможности форме. См. также письма Е. Д. Шора В. И. Иванову от 14 сентября 1929 и от 9 января 1933 гг. (оп. 3, № 208, 211, в печати).

[4] "Главный кот" – одно из семейных прозвищ Иванова, данное ему Г. Штайнером. Существовал и итальянский вариант этого прозвища – Capo Gatto, так как Штайнер говорил на многих языках и любил переходить с одного языка на другой.

13. В. И. Иванов – О. А. Шор
20 марта 1929 г. Павия.[1]

Среда, 20/Ш.

Получил другую телеграмму. Сердечно благодарю за трудные, конечно, розыски. Так как завтра выбраться не могу, поеду чуть свет в субботу, 23-го.

О часе приезда телеграфирую. Но все же вернее было бы, если бы Вы дали адрес найденных комнат. Мало ли что может случиться на ж<елезно>д<орожном> вокзале, что может разлучить приезжающего и встречающих. И спокойнее было бы. Апант<етически> Ваш *В. И.* Дай Бог встретить Вас здоровою и хорошею, *умницей.*[2]

[1] Почтовая карточка, адресована в Рим. Датируется по почтовому штемпелю.

[2] О. Шор отвечает письмом от 21 марта 1929 г.: Адрес – "Гумбертов Пробег *(sic!) 92.* Пришлось взять пансион. Это оказалось и самым удобным, и самым дешевым в конце концов. <...> S.Chiara – безрадостна, ибо она уничтожила бы всякую возможность для нас бесед даже дневных; что уж говорить о ночи! Она добродетельна до омерзения и признает лишь матримониальную жестикуляцию, духовное же общение считает непристойным". Д. В. Иванов вспоминает, что говорили они ночами, а утром после завтрака, приготовленного Фламингой, когда В. И. в постели съедал свой "живительный кусочек" (так Л. Иванова называла жареный бекон, которым В. И. начинал свой день), продолжали начатый накануне разговор.

14. В. И. Иванов – О. А. Шор
8 апреля 1929 г. Павия.[1]

8/ IV/ 29.

Дорогому Розокрылому еще машет белым платочком с болезненными чувствами оторвавший<ся> от апантетического общения с <1 нрзб> Айлурос.

[1] Открытка с видом Колледжо Борромео, адресована в Рим.

15. В. И. Иванов – О. А. Шор
4 мая 1929 г. Павия.[1]

4 мая.

Христос воскресе, Alma Avis![2] Мне кажется, Вы помните зарю Третьего дня, когда пролетали мимо гробницы с отваленным камнем,[3] и тогда у Вас прибавилось три розовых перушка на грудке, у сердца.[4] Растроганно благодарю Вас за подъятый серьезный труд: я не ожидал столь широко задуманной и философски-конструктивной работы.[5] Но что будет с ней делать О<льга> И<вановна>? Такую вещь, со всеми ее цитатами, не так-то легко перевести! И если Вы за ней не присмотрите, она наделает, по недоразумению, тысячу убийственных ошибок. Целую Ваши бедные, усталые от писанья ручки и Вашу умницу-головку, которой так хочется быть вымытой.[6]

Апантетически Ваш Айлурос.

NB Приезжает ли Гессен?

Работа так тонко сделана, что ее легко сорвать в переводе одним неточным философски или душевно нетактичным выражением.

[1] Открытка, адресованная в Рим. Датируется по почтовому штемпелю. Изображает фасад павийской церкви Св. Михаила. Название церкви подчеркнуто и отсылает к любимым Ивановым и О. Шор архангелу Михаилу и Микельанджело (Мишеньке).

[2] Благородная Птица (лат.).

[3] Символ Воскресения.

[4] Скорее всего, аналогия со щеглом: красное пятнышко на его грудке – капля крови Христа, упавшая с тернового шипа, который щегол вынул из брови Спасителя. По ассоциации в живописи эта птица выступает как атрибут Младенца Христа и, таким образом, косвенно соотносится с Фениксом.

[5] Предисловие к "Переписке из двух углов" для итальянского издания, о посылке которого О. Шор пишет 30 апреля 1929 г.: "Вынудило меня (несмотря на угрозу Вашу не читать моей рукописи) направить Вам все же текст 'предисловия' следующее обстоятельство, Вами непредвиденное. <...> (а) Флом Вас отнюдь не просит исправлять его pauvre <несчастный. – Фр.> текст. Это было бы с его стороны неделикатно. Но ему абсолютно необходимо знать, не насадил ли он там (т. е. насадил – не беда, *не приписал ли он Вам)* каких-нибудь филологических глупостей (ибо Птица о филологии знает лишь одно: что там все наоборот, и то не всегда. <...>) Выудите глупости; остальное можете *и не читать*!!! (б) Совершенно необходимо исправить цитаты из Буонаюти (т. е. у Вашего Достоевского). Мы беспомощны уже по тому одному, что даже не имеем оригинала; а перевод, как Вам хорошо известно, автором не исправлен и *не одобрен*. <...> в) В статье мною рассказано про Лидию Димитриевну. Быть может, Вам что-нибудь покажется слишком интимным, и не захочется Вам сообщать о том здешней публике. Мне бы поэтому все же очень хотелось, чтобы Вы с этой (только с этой и с филологической точки зрения) прочли статью. А если Вы не согласны с моим толкованием Ваших стихов, то об этом мы по существу можем объясняться и по напечатаньи статьи. Это – вопрос *убеждения*. Вы можете меня ругать как угодно, но я отнюдь не прошу Вас меня *в этом* исправлять сейчас.

<...> Беспокоит меня очень часть о Гершензоне. <...> Может быть, хоть в этой, *Вас абсолютно НЕ* касающейся части, Вы согласитесь сделать глупой Фламинге какие-нибудь указания?!! Это будет дружеской лаской к памяти Гершензона. <...> Издатель гонит в шею и прав. О<льга> И<вановна> тревожится, переводит усердно. Птица дико волнуется и трепещет всеми крылышками, ибо у нее не написаны еще последние главки".

[6] По воспоминаниям Л. Ивановой, О. Шор дала обет не мыть волос, пока не закончит "Предисловие". Работа затянулась, кажется, на год.

16. В. И. Иванов – О. А. Шор
8 мая 1929 г. Павия.[1]

8 мая.

Дорогой Фламинго, Ваше молчание заставляет меня предполагать, что дело в Цекубу провалилось!.. И еще мне не дает покоя мысль, что Вы все время после Пасхи отдали на этюд обо мне и Герш<ензоне> – и быть может понапрасну, т. к. О<льге> И<ванов>не с ним не справиться, и вся затея рухнет: это беспокоит меня отнюдь не из-за меня (я отно-

шусь к этой публикации почти безразлично), а из-за Вас. Спасибо за открыточку,[2] я Вас нежно жалею и люблю.

Апантетически Ваш

В. И.

Что Гессен?

[1] Почтовая карточка, адресованная в Рим. Датируется по почтовому штемпелю.

[2] По-видимому, открытку от 6 мая 1929 г.

17. В. И. Иванов – О. А. Шор
16 мая 1929 г. Павия.

16 мая '29.

Ох, от души отлегло, божественный Родоптерос, когда получил весть, что обеспечение из Цекубу сохранено...[1] До осени? или на целый год? Вероятно, до осенней ревизии. Благодарю Вас и Вашу маму за то, что держите меня на поверхности, как покрывало Левкофеи[2] голого Одиссея среди бурных волн... Но я, кажется, впадаю в слог Чичикова, который тоже плавал по обуреваемому морю.[3] Что делать, и Чичиковым станешь среди коловращений судьбы. А как насчет перевода купленных мною по ревизским сказкам душ в государственном казначействе на персональную айлурическую пенсию, не наслышаны ли от чиновников? Кстати, не вышло ли бы неприятной для давосских дел заминки в высылке долларов из Берлина ввиду того, что сии аккуратно высылаются "per memo of *June* 22-nd, 1928"?[4]

Штейнер из Цюриха мне пишет: "Völlig unverzeihlich ist es, dass ich Fräulein Olga Chor, die damals Ihrem lieben Brief die ersten Zeilen nach ihrem Unfall hinzufügte, nie, nie gedankt habe. Bitte, seien Sie bei ihr der Vermittler und Anwalt aller meiner Entschuldigungen! Ich will versuchen, mich gelegentlich ein wenig zu exkulpiren. Wie geht es denn Frl. Chor? Hoffentlich, recht gut".[5]

В субботу он, Штейнер, будет у меня. Комната в отеле взята на 2 ночи.

Если вы так дружно и хорошо живете вместе, как пишете, т.е. как истинно благовоспитанные animaux de luxe,[6] взаимоуважающие природу один другого и гармонически сливающие свои *КХ* и *ФР-ХА* в симфонию

первобытного рая и невинной природы, я не только радуюсь, но и надеюсь, что этот симбиоз в "матримониальной комнате"[7] без прямых углов останется поэтическим воспоминанием. Одно мне не по душе, что Ликот в своей стихии "творит", а Фламинго не над своим Нилом парит, а убивает драгоценное время без толку, ибо О<льга> И<вановна> уже сбежала, будто бы до сентября, а м<ожет> б<ыть> и совсем, из глубокооправданного инстинкта самосохранения своих мозгов; да и независимо от сего потерянное для М<икель>-А<нджело> и "Памяти" время – потеряно безвозвратно.

Почтительно гладя крылышки, апантетически Айлурос.

Подаренная на Пасху тетрадь[8] наполовину исписана все тою же Ахинеей.

[1] Об этом сообщает открытка О. Шор от 13 мая 1929 г.

[2] Левкофея (Левкотея) – морская нимфа, спасшая Одиссея от ярости Посейдона. Освободившись от одежды и обвязавшись покрывалом Левкофеи, он смог добраться вплавь до острова феаков ("Одиссея", песнь 5-ая, стихи 333-462).

[3] Чичиков жаловался Манилову, что он "как барка какая-нибудь среди свирепых волн" ("Мертвые души" т. 1, гл. 2).

[4] По указанию от 22 июня 1928 (англ.).

[5] "Совершенно непростительно, что ни разу, ни разу я не поблагодарил фрейлейн Ольгу Шор, которая тогда добавила первые строчки к Вашему любезному письму после несчастного случая. Прошу Вас выступить моим посредником и адвокатом и передать ей мои извинения. Хотя бы отчасти постараюсь при случае искупить свою вину. Как поживает фрейлейн Шор? Надеюсь, вполне хорошо" (нем.). Вероятно, Штейнер подразумевает аварию, в которую попала О. Шор, возвращаясь из Швейцарии: вагон сильно дернуло, и сустав правой руки был поврежден. О. А. таскали из госпиталя в госпиталь, но последствия сказывались до конца жизни – как только она начинала писать, появлялись болезненные приступы. Ей пришлось перейти на работу с пишущей машинкой, и долгие часы ночью слышался медленный стук монументального ремингтона. См.: письмо Шор В. И. Иванову от 1 августа 1928 г., Иванова, с. 214. (Примечание Д. Иванова).

[6] Драгоценные домашние животные (фр.). Дальнейшее – отсылка к письму О. Шор от 30 апреля 1929 г.: «Изредка между партитурой и кошачими ушами просовывается крылышко птицы на предмет трамбованья; а порою между манускриптом и кловом вдвигается кошачья мордочка, на предмет глаженья. При сем апантетизме оба указанных зверя выражаются: К. И. делает фррр, а Птица – кх, кх. Соседи восклицают: 'Коме диффичиле иль руссо!'» ("Как труден русский язык". – Ит.).

[7] От ит. "Camera matrimoniale" – комната с двухспальной кроватью для супругов. Л. Иванова и О. Шор поселились вместе, и с этого времени у них появилось прозвище "конъюги" ("конюги" в написании О. Шор), т. е. "супруги". "Комната без прямых углов" намекает на "Переписку из двух углов", над предисловием к которой работала Шор.

[8] Тетрадь с автографом 1-ой книги "Светомира". На л. 2 рукой О. Шор: "31-ого марта 1929 г. Светлое Христово Воскресение. Рим" (РАИ оп. 2, № 1, п. 2).

18. В. И. Иванов – О. А. Шор
16 мая 1929 г. <?> Павия.[1]

В поцелуе – дверь* двух воль,
Рай и боль.
"Ты" родилось. У порога
Третий тихо отвечал
И помчал
Эхом "ты" к престолу Бога.[2]

Разумеется, "ты" в последней строке – винительный падеж, прямое дополнение к действительному глаголу "помчал". Другими словами: в поцелуе двух любящих родилось "ты": "воистину ты еси" – сказал один другому. У порога стоял некто третий: "третьим ты стоишь меж двух, тайный дух". Как эхо подхватывает и повторяет звуки, так этот "третий" подхватил произнесенное любящими "ты" и понес это "ты" к престолу Бога. "Воистину Ты еси"- сказал он, этот "третий", Творцу от имени двух его творений, которые через любовь познали друг друга истинно сущими. Итак, есть чета любящих, есть "третий" – посредник между ними и Богом, и есть Бог, которому этот посредник приносит, как молитвенный дар от двух любящих, весть, что они познали и исповедали Его, т. е. Бога, *бытие*. Как может "Третий", "Посредник", говорить это от лица двух, любящих друг друга и *друг другу*, а не Богу сказавших: "Воистину ты еси?" И кто, наконец, этот "Третий", этот "Посредник" между Творцом и Тварностью, этот – как я сказал бы на языке Фламинго – "ангел апантемы"? Известно, что провансальские поэты и поэты del dolce stile nuovo, с Дантом включительно, называли его Amor. И в данном стихотворении он именуется "богом Любви". В "Vita Nuova" он одно из действующих лиц; в "Divina Commedia" он "muove il Sol e le altre Stelle".[3] Кто же он такой для метафизики и, если угодно, для богословия? – Отвечать на выше поставленные вопросы не поэтово дело. Поэтово дело, по Платону, творить "мифы", а не "логосы", т. е. не философские построения. Философ же, если пользуется мифом, не должен его изменять и уверять, например, что 4 действующих лица есть 3. Он должен также уважать грамматику, ибо, по новым исследованиям, *логики* нет без *слова*.

* Когда любовь размыкает замурованную дверь между двумя сознаниями, соединяющиеся души испытывают и блаженство, и "боль". И на пороге двери появляется "Третий" – "Amor"...

[1] Отрывок не датирован, но поскольку он написан на той же бумаге (лист, вырванный из блокнота), что и письмо от 16.5.1929, в нем нет никаких признаков, указывающих на начало или конец, и оба листа лежат вместе, можно предположить, что он представляет собой часть вышеупомянутого письма.

[2] Пятая, заключительная строфа ст-я "Тенью по стопам четы..." из поэмы "Человек" (III, 212).

[3] В "Божественной Комедии" <Амор> "движет солнце и другие звезды" (ит.) – последний стих поэмы, в поэтическом переводе М. Лозинского звучащий так: "Любовь, что движет солнце и светила".

19. В. И. Иванов – О. А. Шор и Л. В. Ивановой
24 мая 1929 г. Павия.

24 мая '29.

Опять пишу общее милым сожительницам письмецо, не зная, как распределить его содержание между обоими мифологическими существами.

В Collegio благотворная тишина, которою особенно наслаждается ректор:[1] большая часть студентов сбыла в Рим, оглашаемый – или оглушаемый – ныне гольярдическими ("goliardici") "eia!" и "Giovinezza".[2] И тихо цветут жасмин и розы, а лилии еще только собираются. Но уже завтра вечером шумливая ватага нахлынет. Впрочем, мне-то что? У меня тихо и благорастворенно. И уроки почти прекратились. Ректор же очень мил. "Оставайтесь", – сегодня говорит, – "весь июнь; мне с Вами хорошо, и Вам здесь удобно poetare;[3] а в горах в июне еще не хорошо вам будет, свежо". Я говорю: "благодарен; дочь наверно до 15 июня с Респиги будет в Риме работать, а потом за мной приедет, вместе ехать в Швейцарию; да еще нужно для Швейцарии паспорта устроить; верно, во второй половине июня только тронемся". Вырабатываем теперь план действий по языкам на будущий год, ибо на июньском заседании Совета (где, кстати сказать, теперь, вместо Морелли, заседает сын патрона, в качестве представителя последнего – il conte Vitaliano, будущий principe и patrono,[4] ныне же новобрачный) должно быть окончательно и детально урегулировано и упрочено преподавание языков в Collegio. Ввиду необходимости борьбы с французскою безграмотностью желательно нам (*просьба к вам нижайшая*) получить из Lycée Chateaubriand французскую хрестоматию – morceaux choisis[5] – там принятую и изучавшуюся Димой, с образцами прозы и стихов и историко-литературным и стилистическим комментарием, cours

supérieur.[6] Каковую книжку просил бы я приобрести у Mr. Bellaco,[7] ибо в наших книгах ее, должно быть, нет. Желателен также каталог немецкой Reclam's Bibliothek, который можно gratis получить у Herder'a, via Propaganda; да и английский изданий Tauchnitz был бы полезен. Если суть в Lycée еще какие Exercices de Style,[8] берите. – Далее, вот еще о чем мы с ректором беседуем. Нужно починить заалтарную картину (Мадонна, S. Carlo и мученица Юстина): закрыть на ней трещины и натянуть ее, ибо полотно обвисло; кое-где подмалевать. Картина XVII века или конца XVI-го, неизвестного художника, хороша и по композиции и по краскам, и по благородству стиля. Испортить ее страшно. Нельзя ли бы, о божественный Rhodopteros, запросить у Лохова,[9] как тут быть, кого позвать. Приват-доцентка по истории искусства в миланской Худ<ожественной> Академии BRERA по имени EVA TEA,[10] рекомендовала ректору реставраторшу картин Mimì Bazzi,[11] имеющую <?> studio в Милане, на via Bargetto. Слыхал ли Лохов что-либо об этой Мими, – le charme[12] ее пола и прозвища мне не внушает доверия к ее реставраторской деятельности. – Я говорю ректору, не спросить ли через друзей, очень дипломатически, не навестил ли бы меня Лохов в Collegio, где есть интересные фрески Цуккари и Неббия,[13] немного испорченные, лет 100 назад, реставраторами; но ректор страшно боится "*impegnarsi*",[14] боится траты денег на приглашение celebrità[15] (памятуя, что Совет бранил Рибольди за эстетическую расточительность) из-за скромной картины и пр. А справиться о Bazzi просит. Итак, Фламинго, помогите нам в деликатном деле со свойственною Вам тактическою тонкостью.

Ежели бы Ликот добрался до репризы в партитуре, т. е. если бы писал и для ф<орте>п<иано>, и для оркестра, а не один клавир, – а я не знаю, как пишутся концерты (м<ожет> б<ыть>, в виде двойного клавира для двух ф<орте>п<иано>), то он уже отнюдь не заслуживал бы укора в черепашистости[16] (даже и при двойном клавире, по-моему, не заслуживает). Но что Ликот и черепаха, это верно в другом смысле: ибо черепаха, из щита коей Гермес построил первую лиру, для древних была символом мелоса и музических искусств. Почему и я усвоил себе с юности этот поэтический талисман, или табу. Sur ce, j'embrasse les ailes roses d'un certain oiseau qui a vu nouvellement, à l'aube d'un beau jour de printemps, son apothéose en flamme dans le ciel de Rome, et le gentil chat-tortue à ronron mélodieux.[17]

Айлурос,

Professore incaricato nella R<egia> Università di Pavia, как сие явствует из только что вышедшего Annuario dell'Università, где моя библиография занимает $1^1/_2$ страницы,[18] почему проф<ессор> Фраккаро[19] умоляет меня дать или продать ему для библиотеки факультета, мою латинскую работу

De Societatibus,[20] а я не знаю, есть ли у меня еще экземпляры (если бы их было больше 2-х, я бы дал под условием ему написать об оной статью).

Дима не пишет, а я тревожусь; и не знаю также, получил ли доллары.

Процессия папская, как вы знаете, отложена на неделю.

Поздравляет тебя, Ликот, с русской пасхой Вера Косовская,[21] 5 avenue Duquesne, Paris 7-me).

У нас работы: устраиваются души (не anime, а docce[22]).

[1] По воспоминаниям Д. В. Иванова, Дон Нашимбене был большой ученый, но кабинетный, нрава робкого и меланхолического, и старался избегать контактов со студентами.

[2] "Eia!" (а также "eia alala'") – возглас ликования, слова из фашистской песни "Giovinezza" ("Молодость").

[3] Сочинять стихи (ит.).

[4] Граф Виталиано, <будущий> князь и патрон (ит.). Колледжо был основан князьями Борромео и содержался на их средства.

[5] Избранные отрывки (фр.).

[6] Высший курс (фр.).

[7] Заместитель директора Лицея (сообщение Д. В. Иванова).

[8] Стилистические упражнения (фр.).

[9] Николай Николаевич Лохов (Псков, 1872 – Флоренция, 1948) – художник, крупный специалист по технике итальянской живописи, жил во Флоренции.

[10] Эва Теа (1886-1970) – профессор Академии художеств и католического университета в Милане, ученица Адольфо Вентури, известный историк итальянского искусства, автор многочисленных публикаций.

[11] Неустановленное лицо.

[12] Обаяние (фр.).

[13] Федерико Цуккари (см. прим. 12 к письму № 13 за 1926 год) и Чезаре Неббия (1536-1614) – авторы цикла фресок "Fasti di S. Carlo" в зале на верхнем этаже Колледжо.

[14] Взять на себя обязательства (ит.).

[15] Знаменитостей (ит.).

[16] Л. Иванова называла себя черепахой, т. к., по ее мнению, работала очень медленно.

[17] После чего целую розовые крылья некоей птицы, которая недавно пережила на заре одного прекрасного весеннего дня свой пламенный апофеоз в небе Рима, и милого котенка–черепаху с мелодичным мурлыканьем (фр.).

[18] ~~Ординарный~~ профессор Королевского Павийского университета <...> "Университетского ежегодника" (ит.). Здесь перечень работ Иванова, как изданных, так и проектируемых, находится на с. 150-151 (Annuario Accademico. Anno 1928-29. Pavia 1928).

[19] Плинио Фраккаро (Fraccaro, 1883-1959) – профессор древней истории Павийского университета, с 1927 года редактор журнала "Athenaeum".

по контракту

[20] De societatibus vectigalium publicorum populi romani. СПб. 1910; ср. Cahiers, с. 353-377.

[21] Вера Косовская – подруга Л. Ивановой, искусствовед. Жила в Риме, затем в Париже, работала в Лувре. См.: Иванова, 153. В РАИ находится 1 ее письмо, адресованное В. И. Иванову, от 12 июня 1925 г. на греческом языке.

[22] Игра слов: anima – душа, doccia – душ (ит.)

20. В. И. Иванов – О. А. Шор и Л. В. Ивановой 12 июня 1929 г. Павия.

...речь не мальчика, но мужа.[1]
Пушкин.
12 июня '29.

Carissimi Coniugi,[2]

Ваше молчание начинало меня не на шутку тревожить. Оно доказывало, во-первых, что дело нашего совместного устройства задача далеко не легкая. Потом я чувствовал, что Лидии худо, и боялся, не расхворалась ли она. И, наконец, я не знал, что мне делать. Из только что полученного espresso вижу, как обстоят дела.

И, прежде всего, всецело одобряю план переселения в Rocca di Papa.[3] Красоту и поэзию этой вилледжатуры,[4] хоть и не был там, живо чувствую. Вам непременно нужно вдвоем туда поехать; мне же сладость этого отдыха с вами разделить не суждено. Взвесив мои доводы, вы вероятно согласитесь, что я прав.

Желание прожить целый месяц в обществе Rhodopteros'а, да еще и Ликота, и ехать потом к Диме с Ликотом соблазнило меня сразу же устремиться в Рим, не взирая на связанные с этим лишние траты. Но потом в душе моей шевельнулись сомнения. Ведь в Давосе, из-за климата тамошнего, и до октября, пожалуй, не досидишь: что же потом? Освобождение от сербского языка[5] исключило надобность думать о поездке в Триест к <1 нрзб>. Естественнее всего было остановиться только на Риме, куда, как известно, ведут все пути, – Риме, как Фламинговой резиденции: гадать, следовательно, об октябре в Риме в ее обществе. Но это значило: дважды проехаться с Севера в Рим и назад... ed io non sono che un povero diavolo![6]

Ваше совершенно правильное решение ехать в Rocca di Papa (о via dei Greci[7] я и слышать не хочу: здесь petitio principii,[8] – Лидия в Риме для работы, но в Риме она работать не может, – абсурд!) – это правильное и

талантливое решение ваше показало мне явно всю основательность моих сомнений. Траты на немедленную поездку в Рим еще возрастают (до minimum'а 1200 фр., которые я и могу, и *обязан* сберечь), и вся моя летняя вакация обращается в ряд Strapatzen[9] и спешное комивояжерство (Павия – Suquet[10] – Rocca – Suquet – Павия – Давос – Цюрих – Павия – Рим – Павия) … grazie tante![11] К тому же я человек беспокоящийся и "ёрзающий" перед каждою перспективой поездки. В Rocca я буду рваться в Давос, а Лидия медлить, а я буду ворчать, что от Давоса ничего не останется, что время уходит и т. д., и т. д. Посему, и так как надлежит быть верным своей природе и знать свою "задуманность", разумнее будет поступить вот как.

Я никуда из Павии сейчас не еду, но немедленно начинаю хлопотать о визе для себя лично, через Базель и Милан, и немедленно же по ее получении отправляюсь, через Бернину,[12] один в Давос, где нахожу себе приют по детальным указаниям Ликота (о коих ходатайствую), не боясь и истратить лишний франк до ее приезда, ибо сберег 1500 лир, – где с Димой мы ждем приезда Ликота mit Sehnsucht,[13] – и имею спокойное чувство, что времени, отпущенного мне на свидание с ним в этом году, не растратил по вилледжатурам. Признаюсь, что нетерпение видеть его уже и теперь меня делает моноидеистом. Когда в Давосе будет становиться чрезмерно свежо и дождливо (Steiner говорит, что оставаться там хорошо bis Mitte September[14]), я устремлюсь к египетской птице в теплые края, вероятно, в Рим (где и поработать далеко не лишнее дело), чтобы к своему сроку вернуться в Павию.

Из чего следует:

Прошу хорошо переговорить с Грюнингером, Ликота по-французски, а ученую птицу конфиденциально и эрудитно по-немецки, о состоянии Димы и о видах для него; о чем мне дотошно отписать.[15] От меня же Грюнингеру кланяться сердечно и благодарить, и выразить надежду на скорое с ним в Давосе свидание.

Прошу экспрессно выслать мне все инструкции и директивы для счастливых швейцарцев и научить, нужно ли заранее получить permesso di ritorno[16] из квестуры[17] для представления оного вместе с паспортом и анкетою? Не мешает приложить и пресловутый "концепт" Gesuch'a,[18] хотя мне кажется, что мое дело простое и особых изворотов подъяческих не требует.

Прошу откровенно и справедливо высказаться о моем решении.

Кроме того: полезно взять от Грюнингера удостовереньице (записку), что он лично знает меня и Лидию и поддерживает, с медицинской точки зрения, наше желание пожить некоторое время при больном.

Нужно ли представлять certificati[19] из унив<ерситета> и Collegio, что я в Павии служу? Таковое у меня есть.

Ежели Лидия хочет заехать за мною в Павию, чтобы вместе ехать дальше, ускорив несколько срок, скажем так, чтобы вместе мы могли выехать 15 июля (дольше мне жить в Collegio не очень удобно), я согласен и рад. Если лучше все же выхлопатывать визу совместную через Рим, напишите, что я должен делать. Одно условие: начать хлопотать сразу, и что я остаюсь до поездки в Швейцарию – в Павии. Впрочем, я вероятно все же немедленно по получении визы – так я нетерпелив - одним словом: моя тенденция – раньше приехать в Давос и раньше выехать из Давоса.

Елена Александровна, милая и добрая, пишет от 5 июня (15 rue de la Sante, Batiment N° 5, chez Wulfson, Paris XIIIe), что уже третью неделю лежит, не двигаясь, на спине, от припадка почек; добыла мне псалтырь;[20] от Фл<аминго> "почти ничего не имеет" и "очень беспокоится о животных". Бедняжка милая.

Ликоту кланяется очень хвалящая его Женни Грициотти,[21] которая вчера играла мне "Старинные Песни" Респиги.

"Кончаю... Страшно перечесть... Стыдом и страхом замираю... Но мне порукой ваша честь, и смело ей себя вверяю" (Пушкин, письмо Татьяны). – Вписываю в тетрадку XL-ую главу, где Лазаря делают царем.

Да![22]

В. И.

Д<арья> М<ихайловна> напоминает просьбу.[23] До отъезда в Rocca нужно бы переговорить с муз<ыкальным> издательством о возможностях издания присланной и тобою одобренной вещи.

Прошу прислать мне книжку стихов Майи.[24]

[1] Цитата из "Бориса Годунова".

[2] Дражайшие супруги (ит.).

[3] Городок в горах вблизи Рима, место летнего отдыха.

[4] От ит. villeggiatura – отдых, а также место отдыха.

[5] В Павийском университете собирались ввести курс сербского языка.

[6] Куда же мне, бедному! (ит.).

[7] Улица в Риме, где находился один из пансионов.

[8] В логике латинский термин, обозначающий мнимое или недостаточное основание для доказательства.

[9] Излишних усилий (нем.).

[10] Пансион в Риме.

[11] Благодарю покорно! (ит.).

[12] Горная цепь в Альпах между Энгадина и Вальтеллина, а также одноименный перевал.

[13] С тоской (нем.).

[14] До середины сентября (нем.).

[15] Грюнингер приезжал в Рим с 10 по 16 июня 1926 г., и Д. В. Иванов просил похлопотать за доктора перед кардиналом Леписье о возможности попасть на папскую мессу (письмо О. Шор от 30 мая 1929 г.).

[16] Обратную визу (ит.).

[17] От ит. questura – управление полиции.

[18] Прошение (нем.).

[19] Свидетельства (ит.).

[20] О. Шор 22 июля 1929 г. пишет: "Псалтырь <на церковнославянском языке – Комм.>, что Сеттер Вам выслал, пришлось выписать из Риги, я-то думала, что только в Риме, а оказывается, и в Париже славянского текста нигде нет, ибо шрифт остался в России".

[21] Jenny Griziotti Kretschmann – жена профессора Б. Грициотти, экономист, приват-доцент Павийского университета. Была русского происхождения. В РАИ находятся письма Jenny Griziotti Kretschmann по-русски, адресованные В. Иванову (от 22 сентября 1927 г.) и О. Шор, с которой их связывали тесные дружеские отношения. Здесь же ее книги с дарственными надписями: 1) *Lo spirito di lucro come movente dell'attività economica* // Giornale degli Economisti e Rivista di Statistica, Luglio, 1930 с инскриптом: "Дорогому Вячеславу Ивановичу на добрую память. Женя"; 2) *La funzione dei prezzi e l'economia "regolata"*. Città di Castello 1931 с надписью "Al chiar-mo Prof. W. Ivanov in omaggio dall'A<utore>"; 3) *Lo stato come soggetto economico*. Pavia 1933 с дедикацией: "Фламинге-философу от Жени-экономиста. 15-VII-33".

[22] Этим словом-формулой, означавшей радостное приятие мира, В. И. Иванов заканчивал свои письма к дочери и сыну. См.: Вячеслав Иванов: Материалы и исследования, с. 32; А. Зверев. "Да" // Новый мир, 5, 1997, с. 239.

[23] Д. М. Дмитриевская. Ее письма в период с 26 мая по 4 июля 1929 года отсутствуют, но можно предполагать, что это были разного рода вопросы, связанные с музыкой и обращенные к Л. В. Ивановой, с которой она состояла в переписке независимо от отца. Давая музыкальные уроки, она просила прислать ей программу римской консерватории по классу рояля и пения, спрашивала, какие стихи Иванова положил на музыку Гречанинов, и даже просила похлопотать за некоего Николая Ивановича, украинского композитора, партитуру которого переслала для публикации ее в Италии (возможно, сочинение на слова В. Иванова). Контекст, кажется, говорит за верность последнего предположения, хотя сама просьба излагается Дмитриевской в письме Л. В. Ивановой от 5 июля 1929 года.

[24] Речь идет о Марии (Майе) Павловне Кудашевой (урожд. Кювилье 1895-1985), жене Ромена Роллана. В книге Marie Koudacheva. *Sur l'Ecume*. Paris 1929 – два цикла, посвященных Вяч. Иванову: первый цикл из восьми ст-й помечен "Moscou, 1916", второй из десяти – "Moscou, 1924". Еще одно ст-е ("Quand j'hésitai, vous ordonnâtes: Ose") является ответом на

ст-е Иванова 7-8 августа 1915 “Сад” (“Если хочешь пройти чрез Меня...”, – IV, 40, ср. с. 716), в свою очередь посвященное Кудашевой. В РАИ (оп. 3, № 116) хранятся 4 письма Кудашевой к Иванову за 1921-1948 гг.

21. В. И. Иванов – О. А. Шор
19 июня 1929 г. Павия.[1]

19. VI. ‘29.

Дорогой Фламинго, благодарю за Грюнингера и реляцию.[2] Дай Бог, чтобы он не ошибался в оценке достигнутого; что же касается начинающегося теперь периода, он уже и раньше много говорил, как в этот период нужно быть осмотрительным и как легко даже все испортить. Летопись[3] с Вашими дополнениями и исправлениями Диме выслана; я же ожидаю продолжения эпопеи. Запрос в Милан об анкетах с краткой мотивировкой поездки был послан тотчас после телеграммы.[4] Прошу детальных директив, как не запутать, а ускорить дело; анкету же Лидину пришлю, по получении, ей. Где вы – уже в Albergo del Tufo.[5] Вздохнул я о славном Бахрушине; вопрос же о книгах me rend tout à fait perplexe.[6] Прежде всего, никакой расписки из Музея я не брал. Далее, куда мне девать книги, кто их возьмет? Академия?[7] Думаю *продать* их Академии, – не помните ли, сколько Шпетт предлагал? Все равно их в глаза не увидишь. Не в Баку же их пересылать к *Зуммеру* или Харьков (Музей[8])? Издержки большие! Придумайте что-нибудь для меня. Письмецо Вашей маме перешлю через Вас. Писать ей о делах боюсь, как бы чего не наврать. О себе: 16 июня в воскр<есенье> окончена и вписана в тетрадку 1-я Книга Ахинеи. 45 глав. В 40-й сидень исцелен, в 43 выбран царем, в 45 – родился Светомир! Знаю, что эти преждевременные роды Вас испугают, но мать чувствует себя хорошо.

Целую Лидию. Ей кланяется il conte Renato,[9] с которым я познакомил<ся?>

В. И.

Пишу для Steiner’а “Гоголя и Аристофана”. Ради Бога, где Юша?

И пусть он (Юша) вышлет “Дост<оевского>го” Штейнеру, Bärengasse 18.

Nascimbene будет в Риме на 3 недели (сентябрь-октябрь), и мечтает, что я буду тогда также в Риме, на что я надеюсь.

[1] Почтовая карточка, адресованная в Рим.

[2] Письмо О. Шор к В. Иванову от 15 июня 1929 г., передававшее разговор с Грюнингером и благоприятный прогноз, который тот делал в отношении совершенного излечения Д. В. Иванова.

[3] Письмо Л. В. Ивановой к Д. В. Иванову с приписками О. Шор, в котором до его сведения доводилось мнение Грюнингера.

[4] Видимо, дело идет о хлопотах по получению швейцарской визы.

[5] Отель в Рокка ди Папа, в римских окрестностях.

[6] Приводит меня в полную растерянность (фр.). 15 июня 1929 г. О. Шор сообщает о смерти Бахрушина и цитирует письмо Р. М. Шор, которая спрашивает, существуют ли квитанции на книги, отданные в Театральный Музей, в противном случае библиотеку нельзя будет получить обратно.

[7] ГАХН. Академией, по свидетельству О. Шор, был принят на хранение архив В. И. Иванова, находившийся в его московской квартире.

[8] Д. М. Дмитревская просила передать книги по искусству в харьковский музей.

[9] Возможно, граф делла Торре, который ведал организацией "Праздника хлеба". Подробнее см.: Иванова, с. 225.

22. В. И. Иванов – О. А. Шор
25 июня 1929 г. Павия.[1]

25. VI. '29.

Grande alarme![2]

Ради Бога, что должен я делать, получив Ликотины анкеты? Ведь они представляются вместе с *паспортом* и *двумя* (?) *фотографиями*? Где же паспорт и фотографии?..

Не забывайте, что я проделываю эту музыку в первый раз, а вы опытные. И вы меня оставляете без директив и обучения!.. Концепт не Бог весть что; я и лучше напишу сам. А вот как действовать по закону, – не знаю.

Занят 2 раза в день на экзаменах в Техн<ическом> Инст<итуте>. Должен ассистировать всегда, да и у самого 36 человек. Но за все это платят; и говорят все, что это очень хорошо, что меня мобилизировали. Тем не менее времени до 10-го (конец экзаменов – заседание совета) мало, а я все не умею наладить дела о визах, п<отому> ч<то> меня оставили одного, auf mich selbst angewiesen.[3]

Сегодня только об этом, и ни слова о другом.

Всклокоченный Айлурос.

[1] Почтовая карточка, адресованная в Рим. Очевидно, ответ на письмо О. Шор без даты: "Возвращаю Вам заполненные Ликотом анкеты. <...> О книгах напишу из Росса. М<ария> Бор<исовна> подала прошение в Союз писателей по совету <Эфроса?>".

[2] Большая тревога! (фр.).

[3] Предоставили самому себе (нем.).

23. О. А. Шор – В. И. Иванову
После 19 июня 1929 г. Рим.[1]

Поздравляю Вас, дорогой пушистый Ахинейщик, с рождением Светомира. "В 40 Сидень исцеляется, в 43 выбран царем". Это еще понятно. Далее: "в 45-ой – родился Светомир". Как это он ухитрился столь скоропалительно родиться – "недоступно человеческому уму". Положим, – он ведь чудо.

Что же касается иной "преждевременности", то она не столь уж велика. Разрешите маленькую справочку: 28 сентября 1928 г. вещественно зародился Светомир. Это было в воскресенье.

16 июня 1929 г. Светомир появился на свет. Это тоже было в воскресенье (Ein Sonntagskind ist er![2])

Ровно 9 месяцев истекло бы 28 июня. Преждевременность равна 12-ти дням.

Фламинго с этой стороны за мать совершенно спокоен и лишь горит огнем цвета своих крыльев от желанья Маленького увидеть.

Золотистый!

Ай, ай, ай, глупая Птица перепутала открытки.

Поздравление с рождением Светомира она хотела написать на этом изображении его Прообраза. Теперь же ей представилась зато возможность (не только добродетель, видно, торжествует!) пожелать Маленькому, как говорится в сказке, "расти не по дням, а по часам" и, как сказывается в Житии, стать народным героем и любимым святым. Фламинге уж не терпится увидеть его в "кафтанчике". Маленькому же пушистому Ахинейщику послана тетрадка, чтобы он был умным и скорее начал бы вписывать в нее 2-ую часть.

Засим Фламинго шлет уверенья в своем совершенном обожании и уважении, а также почтительно протягивает ножку. АВФ.[3]

[1] Две открытки без даты, адреса и почтового штемпеля. Датируются по содержанию. Вторая из них воспроизводит картину Гвидо Рени “Св. Архангел Михаил”.

[2] Он воскресное дитя (нем.). Считалось, что дети, родившиеся в воскресенье, наделены особыми качествами и им сопутствует удача.

[3] Апантетически Ваша Фламинго.

24. В. И. Иванов – О. А. Шор
3 июля 1929 г. Павия.[1]

3. VI. 29.

Дорогой Фламинго,

Прежде всего сердечно благодарю Вас за вторую тетрадку – дар, несомненно, преждевременный и наводящий на превратные мысли, а именно: не о второй книге Ахинеи, а о новой переделке первой. Впрочем, это не очередная забота, ибо не то вовсе теперь на уме. А Светомир-то, в самом деле, оказывается родился через 9 месяцев, без 12 дней, по точному счету (но это, скорее, возвещение о его рождении; а к некоторым обстоятельствам оного автор еще вернется во 2-й книге, уже ему посвященной) и притом Sonntagskind. Sonntagskinder, кажется, видят духов и легко могут умереть? Наша Еленушка,[2] в Лондоне была Sonntagskind... Спасибо Вам также за утешные открыточки, за Михаила Архангела, за фламингов милых и, наконец, золотистого молодого кота. Это молодой кот, а я старый и потому очень *устал*. С 8 ч. до 12 и с 3 до 7 $^1/_4$ занят в экзаменационной комиссии (на выпускных экзаменах Технического Института, по англ<ийскому> яз<ыку>). Платят 35 лир в день: мало, но ведь это – государство и, в некотором роде, повинность. Наработал я за июнь 245 лир, и еще за июль получить надеюсь 140 лир. Курьезно, что ко мне непрестанно обращаются с рекомендациями экзаменующихся: останавливают на улице, делают в Collegio визиты важные люди, пишут письма к ректору, рекомендует он сам, пишет наконец о том же и ни кто иной как Тиран миланский. Кстати, последний экстренно спрашивает о N° дома на via Babuino,[3] и получил ответ: 151. Из чего следует, что на вышеозначенный адрес направлено будет или уже направлено тиранское письмо. Ваше непрозрачное[4] поведение – почему не в Rocca, почему на Sediari, где и что такое Sediari?[5] – меня беспокоит: я догадываюсь, что Лидия не просто лежит в мигрени, а прямо больна. И эта мысль меня тревожит.

В консульство я послал в понедельник заказным 4 анкеты, 2 свои фотогр<афические> карточки, Gesuch an die Fremdenpolizei[6] (по Вашему концепту), письмо длинное, по-немецки, консулу и свидетельство из университета о своем incarico, очень про<сил?> ускорить дело, п<отому> ч<то> и Collegio скоро закрывается на лето. Ухитрился написать все сие, одеваясь перед выходом на экзамен и немного через это опаздывая.

С нежным и апантетическим приветом

Ваш Айлурос.

Напишите же мне толком о книгах моих, о делах, о том, что особенно я должен сказать маме и пр., – я ничего не понимаю.

[1] Датировка ошибочна. Правильная датировка дается на основании содержания письма.

[2] Дочь Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, умершая в Лондоне в возрасте 6–ти месяцев. Ср. новейшую работу Г. Кружкова "Мы – двух теней скорбящая чета". Лондонский эпизод 1899 г. по письмам Вяч. Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал // НЛО 43, 2000, с. 239-245 и др.

[3] Пансион, где в это время жили Л. Иванова и О. Шор.

[4] Т. е. скрытное. Калька с итальянского, где "trasparente" означает одновременно и "прозрачный", и "открытый, явный, очевидный".

[5] Via Sediari, куда перехали Л. Иванова и О. Шор.

[6] Прошение в отдел полиции, ведающий иностранцами (нем.).

25. В. И. Иванов – О. А. Шор
8 июля 1929 г. Павия.

8 июля '29.

Дорогой Фламинго,

Хожу сам не свой в думах об Елене Александровне. Справлялся у наших кончающих медиков: говорят, что операция из очень серьезных, но если будет хорошо произведена и если организм вообще не заражен туберкулезом, больная в ее возрасте имеет все шансы на выздоровление. Дай Бог! Определенность диагноза дает надежду, что другая почка не затронута... Но что будет стоить операция у парижских специалистов! Прежде такие видные хирурги прямо грабительствовали. Вам же, разумеется, надобно ехать к ней, как это меня ни огорчает: здесь уже ничего не возразишь. Не прислать ли Вам сразу денег на дорогу? – Телеграфи-

руйте. Я с величайшим нетерпением жду виз, ибо мое столь затянувшееся пребывание в Collegio на положении праздношатающегося меня тяготит. Как только визы будут получены, Ликот должен быть здесь на другой день, чтобы сразу же выезжать. А Вы когда получите визу? М<ожет> б<ыть>, благодаря дяде,[1] немедленно? А деньги? Перехватите немного у меня, чтобы не ждать. – Вы спрашиваете об Афанасьеве?[2] Нет, мне нельзя его отдавать, доставьте его сюда, хотя и не для того, чтобы тащить его в Швейцарию. А также *книжку Майи.* У Lo Gatto мне хотелось бы получить 3-й том его Ист<ории> Лит<ературы> и выпущенный им очерк русской, или Новой, или Новейшей русской литературы, где, говорят, есть и обо мне; и вообще поддержать бы добрые с ним, моим книжным кредитором, сношения.[3]

Письмо Вашей маме перешлите Вы; прилагаю его. Но по вопросу о книгах должен иметь Ваши соображения и директивы. Я бы охотно продал Академии эти книги, пользоваться коими мне, по-видимому, в жизни не суждено. Оградить же их – даже и без расписки Музея – разве уже так необыкновенно трудно? Какое прошение подала Мария Борисовна, добрая, в Союз Пис<ателей>? Чтобы они защитили и взяли к себе книги? Есть ведь и еще кое-что, отданное на хранение Сологубу, и м<ожет> б<ыть> что знает только Татьяна Николаевна Чеботаревская? Но что я могу сделать отсюда без Ваших советов?

Какой переворот в наших планах! Но все же, я бы хотел надеяться, что Вы вернетесь после операции скоро в Италию?.. Ах, Фламинго, Фламинго, как Вы меня расстроили Вашею грустною вестью!

Будьте мужественны *без надрыва* и *берегите* пуще всего *себя* и свои силы, необходимые для Вашего апантетического *Айлуроса.*

P.S. Я верю в Вашу целительную силу[4] и уповаю на ее действенность для бедняжки Елены Александровны. Смотрите, не стесняйтесь брать у дяди все, что он может дать, на операцию и лечение: *так нужно.* Вы чудная душа и любимая душка, розокрылая, благодатная.

Le même.[5]

[1] В Париже у О. А. Шор жил весьма влиятельный в сионистских кругах дядя, который помогал ей разрешать прежде всего вопросы с визами. Более точных сведений о нем получить не удалось.

[2] А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки и легенды. Т. II. Берлин 1922. Находится в библиотеке Иванова в РАИ. О. Шор спрашивала, переслать ли сказки в Павию.

[3] Имеется в виду издание: E. Lo Gatto. *Storia della letteratura russa.* Roma, Anonima Romana Editoriale, 1929, т. III, имеющееся в библиотеке РАИ. Что именно подразумевает Иванов под очерком новейшей русской литературы, неизвестно. Ло Гатто напишет о В. И. в

Storia della letteratura russa. Firenze 1942 (в основном в гл. 8, см. также по указателю), сделав на книге дарственную надпись "A Venceslao Ivanov con affetto devoto. Roma, maggio 1942". В РАИ находятся его "Storia della letteratura russa", т. I, с дедикацией: "A Vjaceslav Ivanov omaggio devoto. Roma, ottobre 1928"; т. II без надписи, а также тома III-V с инскриптами: "A Vjaceslav Ivanov con umiltà. Roma, 31 luglio 1935", "A Vjaceslav Ivanov con affetto. Roma, 31 luglio 1935" и "A Vjaceslav Ivanov con gratitudine devota. 31 luglio 1935". Книга E. Lo Gatto. *Il teatro russo*. Milano 1937, где на с. 181 говорится о трагедиях Иванова, подписана автором: "A Venceslao Ivanov. Roma, giugno 1937". Ло Гатто давал Иванову книги из своей личной библиотеки и из библиотеки Istituto per l'Europa Orientale, директором славянского отделения которого он был.

[4] О существовавшем у Шор "даре диагноза" см.: Иванова, с.192.

[5] Тот же (фр.).

26. В. И. Иванов – О. А. Шор
29 июля 1929 г. Давос.

29 июля '29.
Давос.

Милый Фламинго,

С трепетом прислушиваемся мы к Вашим вестям о ходе выздоровления дорогой Елены Александровны. Спасибо за большое и обстоятельное письмо.[1] Спасибо за постоянную мысль о нас и за отдачу самих досугов Ваших размышлению о моем нелепом юродстве и – подлинном уродстве. Правильно – по отношению ко мне – обзывала покойная Марья Мих<айловна> Замятнина, ласково бранясь, жертву своего святого негодования (будь то "Вячеслав", или "Лидия большая", или "Лидия маленькая"[2]), "уродами"! Но благодарность – чувство гармоническое и осчастливливающее, а моя благодарность за Ваше рвение к этюду обо мне – чувство, смешанное с горькою досадой на расточение Вашего дорогого времени и дорогих сил Ваших втуне. Ибо в этой чрезмерно затянувшейся и осложнившейся работе Вы, все равно, по "независящим от Вас обстоятельствам", не скажете самого главного, что в живой нашей апантеме совершает надо мной исцелительное и оживительное чудо.

А я очень счастлив с Димой, и мне здесь хорошо. Не верьте юмористическим стилизациям Ликота. Диму я, правда, совсем "не узнал"; но как он мил и хорош и в новом своем облике плотного и рослого *голландского* (верно, налет от его друга, Payens'a[3]) lad'a,[4] и сказать не умею. Дай Бог, чтобы навсегда остались с ним прозрачная, ласковая и вдумчивая нежность души и младенческая чистота сердца.

Наша поездка в удобнейшем автомобиле из Тирано в Давос[5] была волшебным даром судьбы. Как я чувствовал дыхание Души Мира в этих долинных, разогретых солнцем и благоухающих лесах и на этих двух пустынных перевалах (Bernina и Fluelen), на высоте 2300-2400 метров, где уже нет древесной растительности и снег лежит подле дороги!

Да, я думаю об Ахинее, но попытка проникнуть в ее ущелья и перевалы далеко не так легка и крылата, как наше путешествие. Пробираешься в густой туман, в облака, и из них вырисовываются чудовищные Hörner.[6] Как, напр<имер>, мое новейшее, глубоко огорчающее меня открытие, что Володарь должен чувствовать *вражду* к Светомиру (horribile dictu, und wie hässlich[7]), – *ревность*, – по тысяче причин, из коих ближайшая та, что сын разлучает его с Отрадой. Но молчу: иначе нужно исписать десяток-другой таких листов. Нежный привет вам обеим. Апант<етически> Ваш В. И.

Илье Ник<олаевичу> большой привет.[8] Скажите, что я писал о нем Степуну и послал стихи его. А ему все собирался писать о серб<ском> яз<ыке>, но так и не собрался, пока в унив<ерситете> думали, – теперь отложили.

Нессельштраус[9] просит у меня "Младенчество", "Кормчие Звезды", "Прозрачность", статью о Гете – но все это прежде всего, в Павии, и "К<ормчие> З<везды>" и "Прозр<ачность>" я не решился бы доверить почте. Но, кстати, *где статьи Зелинского-Белого* (выпуск Венгерова),[10] – у *Вас*? Этим выпуском я очень дорожу. Он был бы ему, б<ыть> м<ожет>, полезен для сочинения статьи.

Писал Blasiusstr. 4,[11] *умоляя* выслать Штейнеру фрагмент о Достоевском, принимая все последствия на себя (они[12] в свою очередь умоляют, "хотя бы во имя покойного переводчика Тантала",[13] чтобы составить посвященный мне N°), – но Евсей Давидович безмолвствует: думаю, что они решились ни за что не выдавать рукописи, и это ставит меня в положение невозможное!.. Из Collegio получил офиц<иальное> уведомление о conferma dell'incarico,[14] об одобрении Совета и назначении награды в 1200 лир, как в прошлом году. – Адрес наш: Haus am Berg. – С Э. К. Метнером переписка.[15] – Вам особенный привет от Штейнера. – Как хорошо, что мы увиделись в Павии!

Сейчас получены Димой Крылов, Фонвизин и Грибоедов. Бесконечно благодарим, дружно радуясь.[16]

[1] См. письмо О. Шор от 22 июля 1929 г. из Парижа.

[2] Л. Д. Зиновьева-Аннибал и Л. В. Иванова.

[3] Доминик Пайенс – голландец, с ним Д. Иванов подружился в санатории "Альбула". Несмотря на обманчиво-здоровый вид, был безнадежен и умер в санатории. (Прим. Д. И.).

[4] Парня (англ.).

[5] Замечательное описание этого путешествия см. Иванова, с. 215-216.

[6] Вероятно, горы, так как "horn" во мн. числе обозначает горные хребты. В этой области Швейцарии распространены названия гор, кончающиеся на "horn", например, "Rothhorn".

[7] Страшно сказать (лат.), гадко (нем.).

[8] Письмо О. Шор от 22 июля 1929 г.: "Приехал сюда Илья Голенищев-Кутузов. Часто бывает у Лели; очень мил. Собирается читать об Вас лекцию, т. к. находит, что Вас никто из молодых поэтов не понимает, хотя всем лучшим в себе они обязаны Вам. Лекцию он потом напечатает. Он весь еще живет в Италии и дописывает Данте. Это хорошо, ибо с осени он вообще с семьей переедет в Париж и работать начнет над св. Бернардом. До того времени с Данте, кот<орый> почти готов, надо покончить. Пробудет он здесь еще недели 3. Вам 2 раза писал и огорчается, что Вы его забыли. Живет он на улице: 'Chat qui pêche'".

[9] Benno Nesselstrauss (1894, Ковно – ?) – переводчик, писал также под псевдонимом Лессен. См. о нем: Вахтель 1995, по указателю. В письме от 21 июля, о котором идет речь, Нессельштраус просит прислать ему первые сборники стихов и статью о Гете (оп. 3, № 148, л. 7-7об.). В РАИ находятся 8 писем Б. Нессельштрауса к В. И. Иванову за 1925-1929 гг., а также номер "Neue Schweizer Rundschau". H. 9. September 1927 со статьей Нессельштрауса "Zur russischen Literatur", с. 863-868, где он ведет речь также о В. И. Иванове. Перед началом текста дарственная надпись: "Г-ну В. И. Иванову в знак глубокого уважения. БН."

[10] Речь идет о "Русской литературе XX века. 1890-1910". Под ред. С. А. Венгерова. Кн. VIII. М. [1917] со статьей Ф. Ф. Зелинского "Вячеслав Иванов" (с. 101-113) и статьей А. Белого под тем же названием (с. 114-149). Книга с правкой В. И. Иванова находится в библиотеке РАИ.

[11] Адрес Е. Д. Шора.

[12] Т. е. редакция журнала "Corona".

[13] Хенри фон Хайзелера.

[14] Подтверждении в должности (ит.).

[15] В РАИ хранится 34 письма Эмилия Карловича Метнера (1872-1936) к Иванову с 1925 (когда возобновилась их эпистолярное общение) по 1936 (оп. 3, № 139–141). Частично переписка с Метнером издана В. Саповым в "Вопросах литературы", 1994, вып. II и III.

[16] Подарки ко дню рождения Д. Иванова (17 июля).

27. В. И. Иванов – О. А. Шор
12 августа 1929 г. Давос.

12 авг. '29.
Haus am Berg.

Радость моя Фламинго, хотелось бы много написать Вам – в частности о Метнере, – je n'y arrive jamais.[1] Прыгаю in medias res:[2] получил я 8-го числа письмо, доброе, простое, хорошее, серьезное, от Вашей милой,

умной мамы,[3] и с ним письмо А. Г. Габричевского,[4] очень любезное, о переводах из Гете для Госиздата, с приложением контракта для подписи на перевод до 1-го апреля 1634 рифмованных и 822 белых стихов (среди первых I-ая, IV-ая, XI-ая и XII-ая книги "Дивана"), – и так я обрадовался этому заказу, что сейчас же перевел балладу "Paria", мною любимую.

Ищу по всему Давосу драматический фрагмент "Прометей", перевод коего должен быть выслан в октябре, – но пока не нахожу: его в малых изданиях не всегда печатают.

Спешу отослать, на имя Розы Моисеевны, подписанный контракт, чтобы закрепить заказ, но нужно ответить А. Г. Габричевскому, а я не знаю, как расшифровать его инициалы (типическое затруднение в русской переписке) и потому прошу Вас "в спешном порядке" меня о том вразумить.

О Метнере <–> за мной. А вот об "артикулюсе"[5] я думал и надумал: присылайте его к Лидии и м<ожет> б<ыть> нам удастся (и я не прочь подиктовать сам) кое-как перевести его, – дабы сделать приятный сюрприз О<льге> И<вановн>е, – на итальянский язык, который итальянский перевод был бы прямо направлен стилисту Тирану. Ибо иначе возникает ряд опасностей, из коих первая, что О<льга> И<вановна> напишет, не поняв Вас, свое, а Тиран будет стилизовать *ее,* а не Ваше добро (и воображаю, какое!) Другая же опасность – ее отчаяние и внезапный (но ей все же не несвойственный) окончательный уклон от непосильной работы, под предлогом, например, неладов с издателем или его отказа печатать столь запоздалую работу. О чем и подумайте. Ибо Вы – птица мудрая, и от Вас кот-сказочник всему научился. Ваш метод анамнезы не чета Юнгову, хотя Юнг и вылечил чистою анамнезой Метнерову болезнь,[6] ужасную, милого Эмилия Карловича. Последний в восторге от Ахинеи (это был с моей стороны опыт) и под сильным впечатлением от Лидиной музыки; усиленно шлет ее к своему брату[7] – определить "р а н г" таланта. Под его маркой "Мусагет"[8] хочет выпустить три книжки: "Лирические стихотворения", "Мистические стихотворения" и "Человек" на средства "Петрополиса",[9] издания по отношению к большевикам дружественно-нейтральные, если "Петрополис" согласится. Гонорара больше 50% с чистой выручки, конечно, не добьешься. Я уполномочил переговорить. Марку же "Мусагета" "Петрополис" считает удобной для ввоза переведенной книги Юнга ("Psych<ologische> Typen"[10]) в Сов. Россию. Зелинский пишет, что его зять, академик Бенешевич,[11] послан на 3 года в Соловки – ужас! И, несомненно, несправедливо. Апант<етически> Ваш В. И.

Написал для Вашего пасынка реком<ендательное> письмо к ректору Лувенского катол<ического> унив<ерситета>,[12] какому-то епископу: он

хлопочет о лекторате в этом унив<ерситете> по ц<ерковно>-слав<янскому> языку. Рекомендация, очевидно, напрасная по неавторитетности рекомендующего.

Сравните мой содержательный стиль и кошачью реторику!!.[13] Подражание Ахинее к тому же.

Не скупитесь на весточку о себе и милой Елене Алек<сандровне>. Ей большой от сердца привет! В.И.

[1] У меня никогда не получается (фр.). Это была последняя встреча Иванова с Э. К. Метнером. Подробнее см.: Иванова, с. 217-218.

[2] В суть дела (лат.).

[3] Письмо Р. М. Шор от 30 июля 1929 г. (оп. 3, №. 229, л. 1).

[4] Речь идет о письме А. Г. Габричевского от 1929 года (оп. 3, № 38, лл. 1-4) с приложением заказа на перевод произведений Гете от его имени и списка предлагаемых стихотворений (их перечень приведен в НЛО 10, с. 19). Позднее по поводу представленных Ивановым переводов они обменялись письмами: сохранилось письмо Габричевского от 8 декабря 1929 г. (оп. 3, № 38) и три черновых варианта ответа Иванова от 21 декабря 1929 г. (оп. 3, № 39).

Александр Георгиевич Габричевский (1891-1968) – специалист по теории и истории искусств, до закрытия ГАХН возглавлял в ней секцию изобразительного искусства. В библиотеке РАИ находится книга под его редакцией "Искусство портрета". М., ГАХН, 1928. Вместе с С. Шервинским и Б. Ярхо был редактором первых двух томов юбилейного собрания сочинений Гете в 13-ти тт. (М.-Л. 1932-1949). В этом издании появился только "Прометей" (Т. 2. М.-Л. 1932, с. 77-95). Стихотворение "Постоянное в изменчивом" было напечатано в ивановской статье "Мысли о поэзии" (III, 671-672). Фрагменты "Пария" и "Парнас" и стихотворение "Неустанная любовь" см. в НЛО 10, с. 15-18. См. также Бёрд, с. 331 прим. 118.

[5] "Артикулюсом" (латинизированное), или "артиколетто" (ит. "статейка"), в переписке называлось введение к итальянскому изданию "Переписки из двух углов". О. Шор производила от него еще и глагол "артикулить", т. е. писать "артикулюс".

[6] Карл Густав Юнг (1875-1961) стал аналитиком, а затем другом и учителем Метнера. Для Иванова, если выражаться в сопоставимых терминах, бессознательное у Юнга, "Юнгова анамнеза", – только личное бессознательное, индивидуальное воспоминание, "анамнеза же Фламингова" есть Анамнесис, Память, хотя Юнг разработал концепцию коллективного бессознательного уже в 1921 году. Ср. Иванова, с. 217-218; M. Ljunggren. *The Russian Mephisto. A Study of the Life and Work of Emilij Medtner*. Stockholm 1994; А. Эткинд. Эрос невозможного. История психоанализа в России. М. 1993; его же: Вячеслав Иванов и психоанализ // Cahiers, с. 225-235. В семейной периодической печати доктор Юнг фигурировал достаточно часто и с неизменным определением – "аспид".

[7] Николай Карлович Метнер (1880-1951) – композитор.

[8] Речь идет о возобновленном издательстве под тем же названием, что и действовашее в Москве в 1910-1917 гг. издательство символистов, редактором которого был Э. Метнер. Кажется, что целью второго "Мусагета" была публикация трудов Юнга в переводах на иностранные языки.

[9] Два фрагмента из писем берлинского издательства "Petropolis Verlag", адресованных Э. К. Метнеру, находятся в РАИ (оп. 3, п. 139). "Петрополис", однако, говорит о намерении напечатать лишь один стихотворный сборник Иванова: "Мы отнеслись с большим интересом к Вашему предложению издать стихотворения Вячеслава Иванова. Мы чрезвычайно ценим его. Если Вы издадите под фирмой "Мусагет", мы, конечно, готовы взять на себя распространение книги. Но нам было бы лестно эту книгу издать под своей маркой. Все расходы по изданию мы приняли бы тогда на себя, а прибыль поделили бы пополам между Вячеславом Ивановым и нами (вложено в письмо Метнера к Иванову от 26 августа 1929 г., оп. 3, № 139, л. 19).

[10] K. G. Jung. *Psychologische Typen.* Zürich, Rascher Verlag, 1921. Метнер редактировал в возобновленном "Мусагете" 4-томник работ Юнга, который открывался "Психологическими типами", вышедшими в 1929 году в переводе С. Лорие с его предисловием, для которого он взял, кстати, эпиграф из Иванова. Предисловие Метнера воспроизведено в книге: К. Юнг. Психологические типы. СПб.-М. 1995. Метнер успел выпустить 3 тома, издание было завершено только в 1939 году психоаналитическим клубом в Цюрихе. См.: А. Эткинд. Вячеслав Иванов и психоанализ, с. 231, 234.

[11] Владимир Николаевич Бенешевич (1874-1943) – специалист в области византийского церковного права. Подробнее о нем и его судьбе см. письма Зелинского Иванову №№ 1 (прим. 10), 21 и 23 в наст. издании. Иванов цитирует письмо Зелинского № 23 от 7 августа 1929 г.

[12] С этой просьбой обратился к В. Иванову М. Кайдалов в июльском письме 1929 г. (оп. 3, № 103). Louvain (фр.), или Leuven (флам.) – город в Бельгии.

[13] Очевидно, к письму В. Иванова были приложены письма Л. и Д. Ивановых.

28. В. И. Иванов – О. А. Шор
23 августа 1929 г. Давос.

23 августа '29.

Rhodopteros, божественный!

Штейнер мне опять пишет: "Es wäre, auch *um der Familie Heiseler willen*, erwünscht, *sehr* erwünscht, dass das Dostojewski Fragment endlich eintrifft und mit dem "Tantalos" zusammen erscheinen kann. Heiseler's Sohn bat mich brieflich sehr darum. Haben Sie nun Herrn Chor's Adresse? *Bitte, Teilen Sie sie mir mit.* Ich werde ihm – in aller Artigkeit, aber dringlich – schreiben. Es kommt doch auch ihm zugute. Dies *muss* nun endlich ins Reine kommen".[1]

Я не счел себя в праве сообщить ему адрес и ответил, что я уже требовал (verlangt) рукопись у Dr. Chor'a, на свой страх и ответственность, но он молчит, и я не знаю, во Фрейбурге ли еще он, и что если Штейнер хочет писать ему, то пусть направит письмо на Ваше имя, в Париж 12 rue Pérignon, и Вы письмо перешлете.

Итак, возможно, что Вы получите письмо к Евсею Давидовичу; поступите с ним, как найдете наиболее правильным, чтобы и на пересылке рукописи настоять и вместе его не прогневать.

Считаю необходимым, чтобы Вы письмо открыли и прочли; ибо, если оно будет таково, что запутает все отношения, чем-нибудь затронув la susceptibilité[2] Евсея Давидовича, то его пересылать ни в каком случае не следует.

Думаю, что рукопись моя где-нибудь в Дрездене или Берлине или в Издательстве и т. <д.>, но как бы то ни было, нельзя задерживать далее выход посвященного мне N° "Neue S<chweizer> Rundschau"[3] хотя бы из-за Heiseler'овых вдовы и сына, заботящихся о Nachlass'е[4] моего переводчика.

Вы хорошо видите, конечно, остроту положения – помогите, пожалуйста, мудрый; с письмом же Шт<ейнера>, буде таковое получите, раньше ознакомьтесь непременно, и если можно – перешлите, если же отсюда возгорится обида и вражда Юши к Цюриху и ко мне, не пересылайте. Я слишком знаю, как с ним нужно быть осторожным. Но статью-то свою все же я волен печатать, где хочу, parbleu[5]... Простите за деловую сухость этой *исходящей* бумаги, *означенной* за N°±∞.

Апантетически Ваш Αἴλουρος.

[1] Было бы крайне желательно – также из-за семьи Хайзелера, – чтобы фрагмент Достоевского наконец появился и был опубликован вместе с "Танталом". Сын Хайзелера настойчиво просил меня об этом в письме. Получили ли Вы теперь адрес г. Шора? Пожалуйста, сообщите мне его. Я пишу ему – вежливо, но настойчиво. В конце концов, это ему на пользу. Пора, наконец, завершить дело (нем.).

[2] Обидчивость (фр.).

[3] См. прим. 13 к письму № 28 за 1928 год.

[4] Наследии (нем.).

[5] Черт побери (фр.).

29. В. И. Иванов – О. А. Шор

Между 23 августа и 2 сентября 1929 г. Давос.[1]

Получил от Нессельштрауса "Прометея". Зовут в Цюрих. Присылают для этого аванс за "Гоголя". Обижаются за невысылку "Дост<оевского>". Просят адрес Юши, чтобы умолять его самолично. Его молчание мне кажется дурным знаком, что он почему-то и не *может* выслать рукопись, м<ожет> б<ыть>, оставленную в Дрездене. Не знаю, как быть. Задерживает<ся> выход №, мне посвященного. Вдова Heiseler'а умоляет

не задерживать выхода “Тантала”. Где однако Е<всей> Д<авидович>, все ли на Blasiusstr. 4?

Помогите, ПОМОГИТЕ!!

Ап<антетически> В<аш> В. И.

[1] Датируется по содержанию.

30. В. И Иванов – О. А. Шор
2 сентября 1929 г. Давос.

Давос, 2 сент. ‘29.

Дорогой Фламинго,

Мне очень грустно перечить Вашему плану.[1] Но я решительно не в силах оторваться от Димы, и какова бы ни была погода, решил остаться здесь до октября. И без того несколько дней уйдут на Цюрих, куда я обязался заехать, хотя бы на возвратном пути. Итак, из Швейцарии прямо в Рим на октябрь – *и это только для Вас*, – с Ликотом, кот<орый>, впрочем, вероятно, приедет позже дня на 2-3, из-за Милана, где ведь ей еще навертывается заказ музыкальный. В Риме же мешать нашему апантетизму будут разве лишь Гете да О<льга> И<вановна>. Здесь занят я Гетевским “Прометеем”, который представляет переводчику все трудности “вольного стиха”, а Вы знаете, как трудно выработать окончательную редакцию фразы: “Marquise, vos beaux yeux me font mourir d’amour”.[2] То ли дело крепкие форма и рифма, – куда легче! Но от этих милых занятий я поминутно отрываем. Луначарскому прилагаю на одобрение и пересылку заявление.[3] Ради Бога, добейтесь от Юши решительного действия: N°, мне посвященный, для меня выгоден, и доставление фрагмента о Достоевском не только conditio sine qua non для “Rundschau”, но и нравственное обязательство, особенно перед семьей покойного Heiseler’a. Очень тревожусь за Давида Соломоновича: если он в Палестине, то переживает не только горе, но и личную опасность.[4]

Дима так мил, что все мое существо в его близости растворяется; и в этом растворении невозможно скристаллизовать волю до решимости сократить срок своего с ним общения. Да это и не мудро. Андрею Ивановичу[5] мой беспредельно нежный привет. Иллюстрации для Диониса я и подобрать, как следует, не сумел бы – без долгих, по крайней мере, изысканий; и характер книги, по моему убеждению, их не требует, даже им противится, ибо археологическая часть в ней совсем на втором плане, и она

вовсе не написана для общего ознакомления читателя с миром дионисийства. А вот мои дополнения и изменения в ее тексте необходимы. Когда буду знать адрес Андрея Ив<ановича>, напишу ему, как давно собираюсь.

Это спешный, сухой, деловой (что видно из приложений) ответ Вам немедленно по получении Вашего письмеца.[6] Адрес Э. К. Метнера: Mr Emile Medtner, Le Vert-Logis, 6 rue du Cours, Montmorency (S. et O.), полчаса езды от Парижа по ж<елезной> д<ороге> (или трамвае?).

Апантетически Фламингов Айлурос.

И Л<идия>, и Дима в один голос говорят: Почему же Птице не прилететь сюда. Кажется, это Вам не улыбается, мне же улыбнулось бы розово, как Ваши крылья. Е<лене> А<лександровне> нежный привет.

В. И.[7]

[1] О. Шор предполагала вернуться из Франции в Рим в начале сентября, чтобы быть с В. И. Ивановым до начала занятий в Павии (письмо от 22 июля 1929 г.).

[2] "Маркиза, Ваши прекрасные глаза заставляют меня умирать от любви" (фр.). Источник цитаты не установлен.

[3] Заявление от 2 сентября 1929 // РИА, I, 559.

[4] В 1929 г. в Палестине происходили массовые арабские волнения, в ходе которых были убиты сотни евреев.

[5] Каффи, с которым О. Шор встречалась в Париже.

[6] Письмо неизвестно. Письма между 22 июля и 9 сентября не обнаружены.

[7] Далее следует приписка Д. Иванова. Шор отвечает открыткой от 9 сентября 1929 г.: "<...> понимаю, как Вам трудно оторваться от Димочки, и покоряюсь Вашему решению. Явлюсь в Рим в конце сентября, чтобы к первому октября приготовить Вам помещение. Из прилагаемого отрывка Юшиного письма Вы увидите, что настойчивость Птицы возымела свое действие. Получили ли Вы рукопись, наконец? Маме о НКП и Цекубу написала. Ваше заявление очень хорошо. Будет передано лично. Вас обожают. АВФ. Большую фотографию Св. Георгия кисти Рафаэля я Вам привезу в Рим".

К открытке был приложен отрывок адресованного ей письма Е. Д. Шора: "Фрагмент 'Д<остоевско>го' был мною послан во Фрейбург, переписан на машинке и по той же причине застрял. Сейчас я посылаю его, рукопись и машинопись, В. И., с карандашными заметками. Все дело в том, что сейчас на сложном немецком языке никто не говорит. Замечательно, что сложности, которые выдерживает русский язык, немецкий язык не выдерживает. Подробно – в письме к В. И. Одновременно посылаю В. И. отрывки из II и III главы для просмотра. Перевод всего 'Д<остоевско>го' закончен, только Креслинг боится послать его В. И<ванови>чу, т. к. хотел бы прежде всего выяснить вопрос с редакцией перевода".

31. В. И. Иванов – О. А. Шор
21 сентября 1929 г. Давос.[1]

Фламинго, крылатый, что за злоупотребление крылышками розовыми! Зачем в Милан? Разве чтобы растолковать Тирану артикулюс? Но он не будет слушать. Предпочитает сам читать и вникать. Я его довольно знаю. Его и на полчаса не залучишь. Только деньги напрасно потратите. Из Парижа в Рим, как и с Ривьеры в Рим, ездят через Геную. – Много о чем нужно было бы поговорить с Вами, но лучше ни о чем не начну – иначе не кончу. Вернулся вчера из Цюриха. Там все ждут "Dost<ojewski> Frag<ment>". А мне довольно сказать, что, по сообщению Юши, Креслинг "запер в свой стол" манускрипт, и уехал в Латвию – откуда ждут его дней через 5! Так меня еще в жизни не третировали. "R<ussische> Idee" прислал мне Юша в своей переделке – местами это скорее изложение содержания моих мыслей, более или менее близкое. Призываю царя Давида и всю кротость его,[2] чтобы не разразиться невежливым <?> негодованием, и пребываю в безмолвии и покорности – иначе дело еще осложнится <?>.

Ваш апантет<ически>

В. И.[3]

[1] Почтовая карточка с приписками Д. В. и Л. В. Ивановых. Текст, написанный карандашом, местами полустерт. Датируется по почтовому штемпелю. Очевидно, ответ на утраченное письмо Шор о ее возвращении. Сохранилась ее открытка из Парижа от 16 сентября 1929 г. с воспроизведением "Св. Михаила" Рафаэля из Лувра: "<...> будьте умным и мужественным, как сей Покровитель Вашего Покровителя, – и все будет хорошо. Птица застряла в чудесном, золотистом, как Ваша шкурка, осеннем Париже, дабы досмотреть рисунки Микель-Анджело в Лувре и Chantilly. Все последние ночи заново передумывала некоторые свои мысли об Айлуросе. <...> Эту ночь как будто бы что-то поймала. Записываю. <...> Вас обожают АВФ".

[2] Пс. 131:1. Слово "кротость" славянского перевода в русском передается как "сокрушение". В предании православной церкви это молитвенное обращение, рекомендуемое в случае душевного обстояния. Свои замечания по поводу немецкой версии статьи В. И. Иванов высказывает Е. Д. Шору в письме от 22 сентября 1929 г., см. переписку В. И. Иванова с Е. Д. Шором (в печати).

[3] Над письмом В. И. Иванова приписка Д. Иванова. Он пишет в частности: "*Прометей кончен*!!!" На обороте письмо Л. Ивановой.

32. В. И. Иванов – О. А. Шор
18 ноября 1929 г. Павия.

18/ XI/29.

Фламинго радостный,

Ваш субботний espresso заблудился в дороге – pare incredibile,[1] и я навожу справки на почте: он получен мною только сегодня, в понедельник, утром. Что Ликот в Милане, я подозревал, но вестей от нее не имею.[2] Живу вяло. Лечили меня вдыханиями каких-то паров. Теперь все в порядке. Хинин принимаю.[3] Занятия в Collegio начались, но идут еще не полным ходом; а в университете нет. Никак не можем поладить насчет расписания часов: коллизия нешуточная. И офицеры с профессорами, и наши alunni[4] свободны только от 5 до 7; дело не устраивается; был ряд свиданий с Magnifico, но бесплодных. Теперь я отстранился и предоставил решать квадратуру круга обоим ректорам совместно. А жаль было бы потерять возможность преподавания в университете из-за "orario".[5] Эти обстоятельства не позволяют и мне войти в правильный ритм. К тому же гляжу на свою статью о "Бесах", как баран в воду, и о Кириллове все ищу немногих, но правильных слов – и не нахожу. Начинаю с досады читать. Прочел французскую книгу Чулков<а> "Les derniers Tsars"[6] с интересом, но порою и с некоторой досадой. Ни за что не хочется приниматься толком. Даже противно собирать стихи для издания.[7] Может быть, еще не вполне выздоровел. Получил ли Ликот ноты Метнера?[8] Эмиль Карлович спрашивает. Что до Вас, знаю, что и Вам нечем похвалиться. Вы чувствуете себя, конечно, физически плохо; "артикулус" должен казаться вам бездонным сосудом, а Вы себе самой – одною из Данаид. Меня убивает этот образ – Фламинги-Данаиды, неустанно черплющей воду в дырявую амфору. Светомир, в самом деле, должно быть, целуется со звездами, ибо пребывает в бессрочной отлучке.[9] Юрию Верховскому послан был в юбилейный день[10] по телеграфу "братский привет". Вот и все. Малость и тусклость этого "всего" Вас, к сожалению, прогневает. Прихожу с повинной. Только при мысли о вас "диафанно" мерещутся мне заревые отблески, Розокрылый!

Апант<етически> Ваш В. И.

Абетина потребовала настойчиво уплаты долга; я наскреб им 1000 лир (остается еще 670 л<ир> долгу), и получил благодарность.

Димочка прислал эдельвейсы, которые я прикрепил к портрету Веры – это ее цветы.[11]

У меня хорошо и тепло; но стучат где-то рабочие (ремонт).

Поклонитесь от меня "деточке, Пете"[12]. Вы сама "après tout",[13] деточка милая.

[1] Трудно поверить (ит.).

[2] О поездке Л. Ивановой в Милан сообщает В. Иванову О. Шор в письме от 16 ноября 1929 г.

[3] Иванов заразился малярией еще во время своего первого пребывания в Риме.

[4] Ученики (ит.).

[5] Расписания (ит.).

[6] "Последние цари" (фр.). Книга G. Tchoulkov. *Les derniers Tsars Autocrates*. [Paris 1928] с подписью "V. Ivanov" на авантитуле находится в библиотеке РАИ.

[7] Т. е. составлять сборник для "Петрополиса".

[8] Три письма Л. В. Ивановой к Метнеру хранятся в РГБ, 167.14.12.

[9] Отсылка к письму О. Шор от 16 ноября 1929 г.: "Два дня тому назад мне опять снился Светомир. Сон растаял, когда я просыпалась, и я не могла его в памяти закрепить. Остался ярко лишь один образ: Звезда сошла и поцеловала Светомира. Странная была она: точно на елке, смешная, золотая, какая-то детская и в то же время благостная, сияющая неземным светом, непостижимая, хоть и видимая. <...> думайте о Светомире. Он должен дать катарсис". В 2-х открытках – от 19 ноября 1929 г. и недатированной – О. Шор пишет о "Бесах": "<...> трудности здесь внутреннего характера. Кириллов имеет прямое отношение к тому царству 'мнимого' (лучше имагинарного), по которому сейчас странствует Пуфина душа. Это очень тяжело<...>"; ... Но через этот мир Вам почему-то надо пройти, чтобы приняться за создание Светомира. Пусть себе пока он целуется со звездами; Вы ведь умеете "по звездам гадать". А с "Бесами" себя не насилуйте. "Немногие правильные" слова скоро сами придут. Трудность не в словах, а в том, *о чем* Кириллов. А Ахинея – вещь диафанная <от ит. – "прозрачная">; потому каждый шаг берется внутренней борьбой. Кстати: Вы хорошо помните письма, которые Ваш отец "писал беременной жене"?... <...> Прочла вступительную статью Papini к J. d. Todi. Какой он (т. е. Papini, конечно) головной человек. "Безумие во Христе" ему совершенно непонятно. Почему-то об этом, однако, он пишет".

[10] По случаю 30-летия литературной деятельности.

[11] В. К. Иванова была страстной альпинисткой, эдельвейс – высокогорное растение. Судя по фотографии, где В. И. Иванов снят в своем кабинете с доном Нашимбене, над его письменным столом висел увеличенный снимок В. К. Шварсалон с сыном 1912 года.

[12] Так О. Шор называла собор Св. Петра.

[13] В конце концов (фр.).

33. В. И. Иванов – О. А. Шор
28 ноября 1929 г. Павия.

28 ноября '29.

Дорогой Фламинго,

Сегодня получил я, в конверте с безграмотным адресом: "*Rim*, Prof. W. Iwanowu, Pavia...", нижеследующую выписку из протокола N° 3 заседания Ком<итета> по Загр<аничным> Командировкам при Наркомпросе РСФСР от 16 ноября 1929.

Слушали:

10. Заявление проф. В*ы*чеслава Иванова о продлении срока ком. на 1 год.

Постановили:

10. Считая 5-летний срок пребывания заграницей вполне достаточным для любой командировки, ходатайство отклонить и предложить проф. В. Иванову возвратиться в СССР.

Выписка верн. Секр. Комиссии: Яковлева".

По-моему, также, – 5-летний срок вполне достаточен для любой командировки.

Прибавлю: и для любого ложного положения.

Запросите, друг, в Москву о положении дел.

Цекубу и пенсия ведь зависят от командировки: ergo[1] не только пенсия, но и обеспечение провалились.

Все же это надобно точно выяснить.

А также и о заказанных, и *имеющих быть* заказанными переводах из Гете.

И напишите, что Вы думаете о создавшемся положении.

Молчание ваше и Ликота меня очень тревожит, как я и вчера писал.
Апантетически Ваш

В. И.

[1] Следовательно (лат.).

34. О. А. Шор – В. И. Иванову
3 декабря 1929 г. Рим.

3 декабря 1929.
Пенсионе Леджерино
на Гумбертовом Пробеге.

<...> Айлурос священный, который уж день ношусь с письмом к вам и все не умею его написать. Трудность главная (да и не единственная ли?) в том, что я в сущности ничего определенного Вам не могу сказать, а Вы как будто бы ждете чего-то хотя бы определенно продуманного. Отвечаю все же в порядке Ваших вопросов.

1) Москву я осторожно запросила; Вам ответ ее немедленно сообщу.

2) Цекубу и пенсия, конечно, зависят от ком<андировки>, ибо Цекубу должна иметь основания для выдачи Вам акад<емического> обесп<ечения>, а вопрос о пенсии подымается как в М. С. О., так и в СНК по инициативе НКП, который, отказав в командировке, естественно, о пенсии хлопотать не станет. Вопрос сводится к тому, безнадежно ли получение самой ком<андировки>. *Что* бы ни думать об этом по существу, полагаю правильным поступать так, как будто бы мы в возможности и необходимости сего продления совершенно по-прежнему убеждены. Что изменилось? Персональный состав НКП в Москве. Принципиально в Вашем отношении к СССР ничего не перевернулось; значит, и жестикуляцию (отнюдь не в моем смысле, конечно) менять не приходится.

3) Полагаю, что заказ "Гете" с ком<андировкой> *абсолютно не* связан. Считаю даже тактически неправильным этот вопрос подымать. Госиздат волен заказывать кому ему угодно. Если б Вы нансеновский паспорт взяли – c'est autre chose.[1] Но если НКП Вам "предлагает" вернуться в Россию, то Госиздат не лишается тем самым права получать от Вас из Италии манускрипты.

4) О том, что Фламинго лично думает "о создавшемся положении", <...> Птица предпочла бы изложить в личной беседе <...>

5) Сделать же (как ему кажется разумным) следует вежливость по отношению к посольству. Если Вы приедете в Рим, то лично с ними поговорите, если не приедете, то перешлите им бумажку НКП или копию с нее с вопросом, что сей сон значит. Думаю, что о Цекубу упоминать *не стоит,* о пенсии можно запросить, можно и не запрашивать – это не важно сейчас. Но спросить совета у M-ieur Залкинда и представить ему

(им и не оспариваемые) основания, по которым Вы вернуться не можете, – конечно, необходимо. *Вам* переписку непосредственно с Москвой, понятно, надо начать лишь после выяснения вопроса здесь на месте.

Писать надо *предельно осторожно,* ибо каждое Ваше слово есть *документ* и таковым *навсегда* останется.

Можно было бы побеседовать с Горьким по этому поводу и попросить его еще раз написать. Быть может, у него имеются друзья в новом НКП.

С Ликотом мы много о хатке говорили; по существу Ликот радуется создавшемуся конфликту; тактически считает правильным поступать так же, как сие изображает Птица. Dixi.

<...> примите прежде всего Фламинговы поздравления <...> по поводу августей<шего> <да>рованья достопочтенной дочери Вашей К. И.[2] <...> Не только Молинари сам будет дирижировать, но он ставит Ликотины вариации на один из *своих* первых концертов после возвращения к родным пенатам. Maestro уезжает в Америку и вернется в начале марта. Вариации посему будут им исполняться либо 16 марта, либо 6 апреля. <...> Удачно, что Респиги к тому времени вернется в Рим. Он предложил Кошечке еще раз с ним пересмотреть оркестровку. <...>

Кстати о работе: Птица кончила 4 главы о Пуфе. Ликотина цензура пропустила.[3]

В последней главе птица писала об ариманическом ужасе и сама чувствовала себя несколько дней совершенно разрушенной. Мечтает ныне, что Пуфе стало на душе отраднее и светомирнее. <...>

Вас обожает и апантетически протягивает ножку Птица Фламинго Ваша Собственная.

Прилагаю иконку Серафима Саровского,[4] которого для Айлуроса купила в Церкви; к сожалению, лучшего изображения там не имеется.

[1] Это другое дело (фр.).

[2] Кошка Иванова – имя, придуманное самой Л. Ивановой, иногда сокращалось до инициалов.

[3] Сбоку рисунок, изображающий кошачий след под тремя звездочками, между которыми написано: con lode <с отличием. – Ит., высший балл в итальянской образовательной практике>.

[4] Серафима Саровского В. И. Иванов почитал наравне с Сергием Радонежским и считал этих святых достоянием всего христианского мира – католического в той же степени, что и православного. См. его письмо Д. В. Иванову от 10 марта 1927 г. в кн.: Вячеслав Иванов: Материалы и исследования, с.17.

1930

1. В. И. Иванов – О. А. Шор и Л. В. Ивановой
24 марта 1930 г. Павия.[1]

24. III. '30.

Дорогие,

Сегодня получено письмецо от Биамонти[2] (св. Цецилия) – appuntamento[3] у Молинари[4] на 28-е число, пополудни, – с просьбой уведомить его – телеграфически, – что К. И. придет. Вчера был на лекции p<adre> Gemelli,[5] кот<орый> говорил мягко и приятно. Migliori auguri a Roma.[6]

Chiefcat.

[1] Почтовая карточка.

[2] Biamonti – музыковед, работавший в Santa Cecilia, подписывал программы концертов (сообщено Д. В. Ивановым).

[3] Встреча (ит.).

[4] Под управлением Молинари оркестр исполнял "Тему и девять вариаций" Л. Ивановой. Подробнее см. прим. 19 к письму от 13 июня 1925 и прим. 8 к письму от 3 марта 1929 гг.

[5] Агостино Джемелли (1878-1959) – капуцин, томист, профессор психологии, основатель журнала "Rivista di filosofia neoscolastica". До того как стать священником, был врачом. По свидетельству Д. В. Иванова, Вяч. Иванов не любил Джемелли за его позитивистский подход к религии.

[6] Привет Риму (ит.).

2. В. И. Иванов – О. А. Шор
31 марта 1930 г. Павия.

31 марта '30.

Дорогой и любимый друг мой, только что принесли мне Лидину открыточку от 29-го – с горестной вестью,[1] нежданною, невероятною, и сердце мое горько болит. Чувствуете ли Вы, до какой степени я с Вами? Мы так сроднились, что я реально переживаю Вашу скорбь и утрату как

собственную кровную утрату и скорбь. Но не за Вас только – и не из-за Вас только – мне больно: Вы знаете, с каким нежным чувством относился я к покойной Вашей матери и какою стыдливою благодарностью был преисполнен к ней за все бесконечно великодушные, любовные и самоотверженные заботы ее обо мне, – а каких трудов они от нее требовали, сколько душевного напряжения и времени, и сил! Доброта ее была необыкновенна, и Вы знаете, как мне стыдно было принимать от нее эти жертвы ее беззаветной доброты, в которой, казалось, она сама не отдавала себе отчета, – исключительности которой как будто и не сознавала... Горько мне думать, что этот приезд Ваш в Рим соединился для Вас с таким горем. И мне приходит в голову, что новое место, где вы с Лидией временно поселились[2] и где настиг Вас такой тяжкий удар судьбы, может быть, по этому одному Вам уже не по сердцу: переселяйтесь в таком случае немедленно в Clea[3] и уведомьте меня о том телеграммой. Мне и у Clea нравится, ведь там и S. Pietro, и терраса: ищите место, где Вам будет душевно легче, бедная птичка. Но запретите себе безусловно – так, чтобы об этом и не думать ни минуты, – всякую мысль о поездке в Москву: сохрани Бог допускать, хотя бы в одном предположении, такое безумие! Желать можно, напротив, одного: чтобы бедный осиротелый Александр Соломонович[4] как можно скорее благополучно выбрался из чистилища, и покинул пожарище, где дымно тлеет все сгоревшее прошлое. Тогда и Вы окончательно почувствуете себя спасенной от щупальцев нашего Inferno.[5] Будьте же мужественной, т. е. согласной и в годину горя с Вашею духовною волей, – верной замыслу Божию о Вас: Христос с Вами.

Ваш верный.

P.S. Выезжаю в четверг рано утром через Геную. Приеду с туринским diretto[6] или в 18.50, или в 19.15: ибо, по указателю, есть два diretti: Torino – Genova – Roma, и не знаю, в который попаду; кажется, в тот, что приходит в 18.50 (из-за 3-го класса), но они как-то меняются – то идет один, то другой.

[1] О смерти Р. М. Шор.

[2] На виа Кондотти. См.: Иванова, с. 222.

[3] Пансион на Корсо. См.: Иванова, с. 229.

[4] Отец О. Шор. Они так и не увиделись до самой его смерти.

[5] Ада (ит.).

[6] Экспресс (ит.).

3. В. И. Иванов – О. А. Шор
8 мая 1930 г. Павия.

8 мая '30.

Дорогой Фламинго, благодарю Вас за очень теплую заботу обо мне, которая заставила Вас послать выписки Зелинскому прямо.[1] Вчера получил от него открытку, заявляющую, что он, неугомонный, хоть "силы к нему окончательно не вернулись",[2] все же в пятницу утром будет в Милане. Написал ему в гостиницу Loreto в Милан, чтобы он не приезжал ни в воск<ресенье>, ни в понед<ельник>: в воскресенье весь Collegio отправляется в экскурсию в нашу загородную виллу и в Bobbio[3] (и я собираюсь ехать с ректором в автомобиле), а в понед<ельник> ректора не будет, и в понедельник же должна состояться лекция Зелинского в католическом университете (не знаю, достаточно ли душеспасительна для последнего тема о незаконной беременности Дидоны?).[4] – Кстати, вот Вам материал для Ваших исследований о жизни мифа в современной душе: в древней мифологии наш гуманист находит непосредственную объективацию личной душевной жизни. – Лекций Павия больше не устраивает – разочарование для нашего странствующего conférencier en matière de haute philologie.[5] Collegio будет только "altamente onorato di averlo ospite"[6]... но с тем, чтобы Вероничка остановилась в albergo.[7] Более того, здешние академические дикобразы ("the fretful porpentines", как говорит Шекспир[8]) обижаются на приглашение Зелинского, как иностранца, для commemorazione Virgiliana,[9] серьезно воображая себя соотечественниками Вергилия (впрочем, я так же бы думал, быть может, будь я итальянец). – Итак, не знаю, состоится ли и как желанное мне свидание с милым Фаддеем Францевичем.

Зато Дима угрожает еще визитом молодого каплана-поэта Kirschweng'a[10] из прирейнских земель... А там рисуются фигуры Ольги Ивановны и Герберта Штейнера – "ко мне идет знакомый рой гостей",[11] и нервный Нашимбене заранее ежится, – особенно опасаясь Ольги Ивановны, ибо das Ewig Weibliche sieht ihn nicht an.[12] – Говоря о Нашимбене, просьба к Вам: найдите у Алинари[13] фотографии мозаики, в которую он влюбился, служа мессы в S-ta Prassede.[14] А именно, есть в S-ta Prassede в одной капелле, направо от главного нефа, мозаики и среди них – Мадонна с Младенцем, который стоит у нее на коленях: вот эта Мадонна с Младенцем необычайно трогает Нашимбене, и он о ней не может забыть – не

удастся ли Вам найти эту фигуру (только Мадонну с Младенцем) в фотографии?[15]

Это, повторяю, средневековая мозаика.

Ваш articoletto присылайте. Надеюсь, что в нем есть теперь уже и Гершензон. Виделись ли Вы с Don de Luca,[16] книгу которого я забрал? Что слышно из Москвы?[17]

Ликота целую и жду с нетерпением дальнейших музыкальных вестей. Хорошо ли вам обеим жить, здоровы ли обе?

Не знаю, что я обещал Вам увеличить – каноника и собаку? – нет! Не знаю, о коей фотографии Вы говорите.[18]

Я занят Достоевским. "Кириллов" вышел очень отчетлив; даже не знаю, почему мне его учение казалось столь неясным.

Прошу Вас хорошо работать. Прежде всего, с окончательною отчетливостью приготовить весь материал для Ольги Ивановны. Потом вспомнить о Памяти.

С нежным апантетическим приветом

Айлурос.

Меньше курю, вследствие вздорожания папирос. И часто мы с ректором заменяем за ужином мясное блюдо яйцами à la coque[19] – и так лучше.

[1] Речь идет о выписках из итальянских переводов "Энеиды", которые были необходимы Зелинскому для доклада на чтениях, посвященных Вергилию (открытка О. Шор от 30 апреля 1930 г.).

[2] Иванов цитирует письмо Зелинского от 2 мая 1930 г., помещенное в наст. изд.

[3] Боббио – городок в окрестностях Пьяченцы, знаменитый своим аббатством св. Коломбана (VII в.).

[4] В библиотеке РАИ находится оттиск доклада: Taddeo Zielinski. *Virgilio e la tragedia della maternità*. Milano, Societa editrice "Vita e pensiero", 1931. Estratto dal volume "Conferenze virgiliane tenute alla Università Cattolica di S. Cuore in commemorazione del bimillenario Virgiliano".

[5] Лектора по предмету высокой филологии (фр.). Подразумеваются лекции, с которыми выступали в Колледжо Борромео приглашенные. Подробнее см.: А. В. Амфитеатров и В. И. Иванов. Переписка // Минувшее, 22, с. 483 и сл.

[6] Почтет за честь принять его в своих стенах (ит.) – приглашение воспользоваться гостеприимством Колледжо. В РАИ хранится экземпляр латинской почетной грамоты, которой профессора Павийского университета поздравили ректора Варшавского университета в 1930 году с пятидесятилетием научной деятельности Ф. Ф. Зелинского (оп. 3, № 88, л. 10).

[7] Гостинице (ит.). Женщины не могли останавливаться в Колледжо (хотя для Л. Ивановой неофициально было сделано исключение).

[8] "Взъяренные дикобразы" – "Гамлет", акт 1, явл. V, 20.

[9] Чествования Вергилия (ит.), т.к. в 1930 году отмечалось 2000 лет со дня его рождения (70-19 до Р. Х.). Павийцы могли претендовать на особую близость к "высочайшему поэту", т. к. он родился на территории той же области Италии – Ломбардии.

[10] Johannes Kirschweng (1900-1951) – немецкий писатель, католический священник. Его книга хранится в библиотеке РАИ.

[11] Перефразированная цитата из пушкинской "Осени": у Пушкина – "незримый рой гостей, // Знакомцы давние..."

[12] "Вечная женственность не удостаивает его взглядом" (нем.) – иронический парафраз заключительных строк 2-ой части "Фауста". У Гете: "Вечная женственность // Тянет нас к ней" (пер. Б. Пастернака).

[13] Братья Алинари – фотографы и издатели книг по искусству. Здесь, наверное, имеется в виду их магазин в Риме.

[14] Римская церковь, знаменитая своими мозаиками IX века. Речь идет о мозаике над престолом в капелле Сан Зеноне.

[15] В письме от 21 мая 1930 г. Шор отвечает: "К моему сожалению, Мадонну из S. Prassede достать нельзя, ибо Алинари ее 3 раза снимал и решил, что это безнадежно. Капелла слишком мала, и мозаика в нише пропадает".

[16] Giuseppe De Luca (1898-1962). Отношения В. И. Иванова с этим итальянским мыслителем составляют предмет отдельного исследования. В РАИ находятся его письма, адресованные Иванову.

[17] Письмо от 21 мая 1930 г.: "Из Москвы ничего нового. У папы вышли какие-то задержки. Помолитесь, Пуфенька, чтобы его скорее благополучно выпустили, и Фламинге не пришлось бы отправляться в этот ад".

[18] В. Иванов подарил О. Шор фотографию, на которой он снят вместе с доном Нашимбене, гладящим собаку. О. Шор неоднократно просила его увеличить снимок, чтобы сделать из него портрет (письмо от 16 ноября 1929 г. и сл.).

[19] В мешочек (фр.).

4. В. И. Иванов – О. А. Шор
28 мая 1930 г. Павия.[1]

28 мая '30.

Пишу эти строки мгновенно по требованию Don N<ascimbene> и как бы под его диктовку. Он просит прислать спешно (entro settimana ventura[2]) Вашу заметку для "Arte Cristiana"[3] с фотографиями, которые Вы желаете воспроизвести, и *гарантирует* – берет на себя *полную ответственность* (что для столь осторожного человека очень много) – *ручается* (такое до-

верие имеет он к лицам, с которыми списался), что секрет Ваш не будет украден. Клише с фотографий будут сделаны в Милане; если Вы предпочитаете, из боязни, что в типографии догадаются о Вашем секрете (страх однако, по мнению диктующего, был бы преувеличен), сделать эти клише в Риме (след<овательно,> и на свой счет), Вы это можете (я лично недоумеваю: почему же в Риме одинаково не догадались бы?).

Итак, пишите скорее, скорее Ваше сообщение и вместе с фотографиями спешно присылайте в Collegio. Ректор лично полагает, что чем скорее его опубликуете, тем вернее упрочите за собой открытие. Апант<етически> Ваш

В. И.[4]

[1] Почтовая карточка.

[2] Не позже конца следующей недели (ит.).

[3] Иллюстрированный ежемесячный журнал, издающийся в Милане с 1913 года.

[4] Шор отвечает письмом от 29 мая 1930 г.: “<...> если б теперь вопрос был бы лишь в ‘заметке’, то Фл<аминго> незамедлительно выслал бы весь подлежащий печатанью материал. Но дело весьма даже осложнилось. <...> Ведь весь смысл того, что ректор называет любезно и преувеличенно ‘открытием’ (si открытие il-y a) заключается единственно в том, чтобы *убедительно* доказать существование и гибель автопортрета М<икель->А<нджело> на *самой* фреске. Наличность *портрета* (это-то несомненно) на копии Venusti еще *ровно НИЧЕГО* само по себе не обеспечивает. Мало ли что делают копиисты, а потом их реставраторы, а потом реставраторы реставраторов etc., etc. Первоисточники литературные абсолютно молчат (иначе бы все давно об автопортрете знали). Как Вам известно, Птица пользуется портретом в Неаполе как ниточкой, за *кот<орую> вытягивает* римский автопортрет. Все дело в руке. Если та рука *действительно* (что на фотографии *не абсолютно* ясно, а только вероятно) принадлежит Микель-Анджело, то этим все доказано. К фотографии я должна прибавить еще какие-то конкретные черточки (цвет рукава, соответствующий цвету платья М<икель->А<нджело>, etc.). Но всего этого я не помню, ибо в бытность свою, весьма скоропалительную, в Неаполе этим не интересовалась, не зная, что буду иметь радость встретить *ту* же руку на фреске. Значит, чтобы победить и свои сомнения (теперь-то я именно больше всего и сомневаюсь, т. к. вопрос *исследую* научно), и естественно, необходимо имеющие возникнуть у читателя недоумения, надо мне съездить еще раз в Неаполь, что я и собираюсь, закончив работу в Риме, предпринять. Если там Флому (по цвету рукава или положению самой руки и т. д.) дано будет убедиться в истинности своего первичного предположения, тогда Птица заметку напишет в два дня и будет глубоко благодарна Don’у N<ascimbe>ne, если он ее куда-нибудь устроит. Бесконечно тронута его вниманием. А затем вот еще какое осложнение. Это уж по существу: Птица до сих пор думала, что наличность автопортрета у М<икель->А<нджело> в ту эпоху нужна ей, Птице, для ее птичьих (т. е. воздушно-метафизических) построений. А объективно этот факт интересен как всякий ‘факт’ о М<икель->А<нджело>. Но теперь, все больше и больше углубляясь в вопрос об иконографии Буонарроти, Фл<аминго> видит, что, коли ему удастся доказать существование автопортрета на ‘Страшном Суде’, то этим весь вопрос об иконографии Мишеньки, как он ставился до сих пор, wird aus den Angeln gehoben <выходит из обычной колеи. – Нем.>. <...>

тут дело серьезнее, чем он сам-то думал, и писать придется не заметку, а (хоть, может, и небольшую) статью".

5. В. И. Иванов – О. А. Шор
12 июня 1930 г. Павия.[1]

12 июня '30.

Дорогой друг, успели ли Вы уже побывать в Неаполе и вполне ли удачно?[2]

Хорошо, что Вы энергично принялись за это исследование. – Ваши соображения относительно доверенности[3] меня вовсе не убеждают. – Жду вестей, или приезда? – Вчера отослал articoletto,[4] он хороший. Сейчас вспомнил, что забыл исправить в начале, где речь идет о "velo sottile",[5] не нравящееся мне выражение "мудрецы-поэты". Я бы сказал: "поэты платоновского склада", что ли, – *di indole platonica*.[6] Жаль, что поручением у Штейна конъюги так и пренебрегли.[7] Жаль также, что не купили (или не нашли мне) у Desclèe[8] на via della Gatta виденное мною у Don Luca изданьице (в черном переплетике) Exercitia Sancti Ignacii[9] по латыни и по-испански (без ит<альянского> текста), которое он хвалил.

Апантетически Фламингов

Айлурос.

Я надеюсь, что Вы не писали Гинцбургу[10] ни о чем по существу, а только чтобы справиться, в Павии ли и вообще где он? Вас мне очень хотелось бы скорее увидеть: я Вас как-то не слышу больше, Вы от меня спрятались, или ушли прочь, или загородились.

О. И. мне ничего не ответила – ни о Таирове, ни об Андрее Ив<ановиче>.[11]

[1] Почтовая карточка.

[2] Копия "Страшного суда" работы Венусти находится во дворце Каподимонте в Неаполе. В открытке из Неаполя от 14 июня 1930 г. Шор пишет: "Уверилась, что насчет М<икель->А<нджело> была права. Теперь можно печатать".

[3] См. письмо № 6 за 1930 г. и примечания к нему.

[4] Предисловие к "Переписке из двух углов".

[5] "Прозрачный покров" (ит.). В. И. Иванов цитирует эпиграф из Данте, который О. Шор предпослала своему "Предисловию": "Здесь в истину вонзи, читатель, зренье; // По-

кровы так прозрачны, что сквозь них // Уже совсем легко проникновенье" ("Чистилище", VIII, 19, пер. М. Лозинского).

[6] О. Шор исправила текст в соотвествии с пожеланиями В. И. Иванова: "Quei poeti d'indole platonica che rendono visibile il mondo invisibile<...>" ("Corrispondenza", с. 14).

[7] Речь шла от отправке в Павию ящиков с книгами Иванова.

[8] Издательство Desclèe Lefevre.

[9] Книга Игнатия Лойолы (1491-1556) "Духовные упражнения".

[10] Адвокат, которого предполагалось привлечь к делу о зиновьевском наследстве (см. примечания к письму № 6 за 1930 г.)

[11] О. Шор 9 мая 1930 г. пишет: "Кстати: Вы написали Таирову? Мне кажется, было бы мило, если б Вы написали О<льг>е Ив<ановн>е несколько слов и приложили бы записку к Т<аирову> (Александр Яковлевич). 'Подательница сего та самая О<льга> И<вановна> и пр. и тому подобное'" Синьорелли была в это время в Париже, куда ей писал Таиров и где она, по всей вероятности, встречалась с Каффи (см. письмо В. Иванова к ней от 4 мая 1930 г. в данном изд.).

6. В. И. Иванов – О. А. Шор

21 июня 1930 г. Павия.

21. VI. '30.

Дорогой Фламинго,

во-первых, простите мою рассеянность. Когда Вы спрашивали, нравится ли мне заключение, которое Вы придумали для articoletto, я выразил недоумение, – воображая, что Вы говорите мне о каком-то высланном Вами полном тексте оного заключения, и потому написал Вам, что "не помню" о таковом. Теперь я сообразил, что Вы хотите знать мое мнение о мыслях, намеченных Вами в письме ко мне как возможное заключение: а именно, кризисе культуры как κένωσις и пр.[1] Благословляю! Пишите.

Далее, о Гане.[2]

Ваша основная мысль: не давать ему полной доверенности, ибо таковая делает нас морально соучастниками его будущих жестоких мероприятий относительно Зиновьевых, – точнее Льва Александровича Зиновьева, на которого он, по-Вашему, собирается надеть кандалы. Даже определенно-де грозится в словах: "доли ваши и сестер Блок оставались частью неиспользованными, частью могут быть восстановлены".[3]

Во-первых, дорогой Фламинго, Вы сильно преувеличиваете: если кое-что, при использовании наследственных прав Ал<ександра> Дм<ит-

риеви>ча, было из чужих долей, при отсутствии законных наследников, неправильно присвоено, это дело не уголовное, а простой гражданский процесс (коли вообще дело до суда дойдет), – разве что обнаружатся какие-нибудь подлоги, подкупы и т. п., но в этом случае дело, вероятно, замнут сделкой... а впрочем...

А впрочем, – и это во-вторых, и это принципиально самое главное, – не знаю, как поступят Лидия и Дима, я же со своей стороны считаю *д о л г о м* , – да, *нравственным долгом*, – вчинить "in caso mai" <так!>,[4] не токмо гражданский иск против оного Льва Ал<ександровича>, но даже преследовать его (par impossible![5]) и уголовным путем.

И в этом смысле был бы рад, если бы Ган оказался презлою сторожевою собакой.

Итак, морального свойства препятствие к даче доверенности, на каковое Вы очень прекраснодушно (но чуть-чуть в толстовско-буддийском смысле) указываете, для меня не существует. Если бы Лев Ал<ександрович> допустил злоупотребления с целью пограбить бедных родственников, эти злоупотребления должны быть исправлены и права бедных родственников восстановлены, хотя бы сие причинило ему и неудобства... "Вплоть до кандалов?" – воскликнете Вы. "Да", – отвечу я, – "но не беспокойтесь, до этого не дойдет, особенно живу<щие?> в Англии, – если дело серьезно, оно кончится сделкой, шакалы трусливы; если же менее серьезно, то будет, в самом торжественном случае, гражданский процесс".

Далее, без дачи полной доверенности Гану действовать нельзя. Даже и приглашенный адвокат не сумеет так повести, как может Ган, знающий все до ниточки. Отчетом он обязан и при доверенности. Ясно, что на месте он может сильно поживиться, если захочет; но без этого дела не сделаешь, т. е. без этой опасности. Гинцбург ничего решительно не может разузнать и сообщить. Писать ему бесполезно и, м<ожет> б<ыть>, даже вредно. Нужно дать доверенность. Она может быть в любое время уничтожена. Справьтесь, очень прошу, у адвоката. Сходите немедленно в Эстон<ское> посольство и попросите сделать пометку о законности документа *до наших подписей*. Если это удастся, мы засвидетельствуем наши 3 подписи в Давосе. Для этой цели – чтобы засвидетельствовать законность доверенности в Эст<онском> консульстве, которого в Швейцарии не сыщешь, пересылаю доверенность. *Да. Ликот душка.*

Апант<етически> Ваш

В. И.

Что мы узнали о наследстве стороной, а не через Льва Ал<ександровича>, есть уже чудовищное обвинение против него – в порядке моральь-

ном, разумеется. Заставить его вернуть забранное, есть *долг*. Но компрометировать его в глазах, напр<имер>, Гинцбурга, не следует. Просто: les affaires sont les affaires.[6]

Вмешательство Гинц<бурга> я мыслю себе только как доверенность ему на ведение дел. Но он, если бы и взялся, меньше бы преуспел, чем Ган. С другой стороны, частичная доверенность (напр<имер>, на предмет введения в права наследства только) логически потребует продолжения и сразу же восстановит против нас Гана.

Нужно бы узнать о доверенностях. По-моему, они могут быть уничтожены когда угодно.

[1] Вопрос О. Шор в письме от 29 мая 1930 г.: "Хотелось бы... конечно, закончить артиколетто не тем, чем он теперь кончается, вернее, обрывается, а прибавить к нему заключение о том, что вообще проблема: "культура" (как она Вами и М<ихаилом> О<сиповичем> ставится) значит. Ваш с Герш<ензоном> спор о судьбах культуры – это не вопрос немецкой философии о смысле и значении "образования", "цивилизации", "гражданственности" etc., это не вопрос о культуртрегерстве и культуртрегере, а нечто совсем иное. Христианство в противоположность другим "культурам" переживает ряд "кенозисов" (отсюда возможность converçion в наше время. Имело ли бы это понятие смысл для грека IV в.?). Мы в моменте кризиса. На этом сходятся оба автора "Переписки". Но Пуф утверждает: да, пусть беспамятство и умиранье; верю, знаю, вижу, что жива еще Память, и значит, наступит воскресенье. Знак благодати, залог того – золотая ниточка. Потому принимаю культуру как живую память христиан.

Гершензон видит умиранье, но не зная основного свойства христианства – его "кенотичности", способности воскресать, отчаивается: скорее бы уж нам умереть, раз умираем; потом пусть "придет новый народ" и создаст новую жизнь (т. е. не христианскую и не иудейскую культуру??). Культура = культ предков = Память = жизнь. И вопрос о судьбе культуры в постановке авторов "Переписки" есть вопрос "быть нам или не быть". Но <...> не кажется ли Вам, что все это звучит "контрреволюционно"? Писать ли? Жду от Вас разрешения всех сомнений <...>". Повторно она спрашивает об этом же в письме от 16 июня 1930 г.

[2] Эдуард Адольфович Ган (Hann) – адвокат из Нарвы, сын Адольфа Федоровича Гана (ум. 1914), компаньона Д. В. Зиновьева (ум. 1904), деда Л. В. Ивановой. Он обратился к семье Ивановых, прежде всего Л. В. Ивановой как прямой наследнице, с предложением взять на себя ведение дела о вступлении в права наследования и реализации имущества, оставшегося после смерти Д. В. Зиновьева, а также совместных предприятий Зиновьева и К°, сонаследником которых являлся он сам. В письмах и документах, хранящихся в РАИ, Ган излагает положение вещей: Д. В. Зиновьев владел в Нарве и Усть-Нарве 2-мя жилыми домами, пароходом "София", реквизированным впоследствии для военных целей, а также – вместе с А. Ганом – лесопильным и литейным заводами и земельными участками при них. Предприятия во время войны пришли в упадок и были заложены Эстбанку, однако, могли бы быть ликвидированы при исполнении соотвествующей процедуры ("Заметка" от 11 ноября 1930 г., РАИ). Наследство Д. В. Зиновьева было распределено в разных долях между А. Д. Зиновьевым, Л. Д. Зиновьевой и сестрами Блок – Иной Федоровной (по мужу Станкевич) и Ольгой Федоровной (по мужу Ковалевской). Свою долю полностью использовал только Алек-

сандр Дмитриевич Зиновьев (1854-1931), брат Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, представителем которого выступал сын, Лев Александрович, остальные же наследники находились в полном неведении и прав своих не предъявляли. В случае удачного исхода дела на долю Ивановых приходилось около 20.000 долларов. Для его ведения Гану требовалась доверенность, подписанная Л. В. Ивановой, а также В. И. и Д. В. Ивановыми и засвидетельствованная нотариусом в Италии, с отметкой Эстонского консульства, что подобный акт не противоречит итальянскому законодательству. Доверенность была приложена к письму Ивановых от 24 сентября 1930 г., адресованному Гану.

Никаких практических результатов иск Ивановых не дал, так как дело тянулось до тех пор, пока имущество не было национализировано после установления советской власти (последнее письмо Гана, находящееся в РАИ, датировано 24 февраля 1934 г.).

[3] В. И. Иванов цитирует письмо Э. А. Гана Л. В. Ивановой от 26 мая 1930 г. (копия, сделанная рукой В. И., находится в РАИ).

[4] В крайнем случае (ит.).

[5] Трудно поверить (фр.).

[6] Дела есть дела (фр.).

7. В. И. Иванов – О. А. Шор

25 июня 1930 г. Павия.

25. VI. '30.

Бедные конъюги, выселяющиеся на дешевые места и хлеба,[1] сильно проголодавшиеся, но счастливые и в убогом шалаше, верные друг другу for better and worse,[2] утешающиеся друг другом в превратностях рока; exemple sublime de la fidélité conjugale, deux faiblesses (matérielles et économiques) qui font une force (spirituelle).[3] Когда же увижу и обниму вас? Ведь уж и дни скоро пойдут на убыль. Но раньше постарайтесь sbrigar l'affare[4] узаконения доверенности в Эстонской миссии. Насчет меня вышло постановление: считать мою работу в Collegio не за 7-месячную, а за 9-месячную, т. е. оплачивать и содержать меня впредь, на тех же условиях, от 1 ноября по 31 июля. Материально это ничего не изменяет, п<ото-му> ч<то> раньше мне прибавляли жалование за 2 месяца в виде наградных денег; но так, т. е. по-новому, è più comodo e più decoroso.[5] В унив<ерситете> conferma[6] на буд<ущий> год еще не вышла. Экзамены были строже, чем в прошлом году; четыре старших подали прошение отложить экзамен на год с тем, чтобы еще заниматься нем<ецким> языком и следующий год. Один старший, получив 21,[7] оставлен также на год (по английскому). От Don di Luca <так!> получил любезнейшее и почтитель-

нейшее письмецо и что-нибудь на этих днях устрою ("una versioncina letterale"![8])

Не растеряла ли Фламинго мои единственные экземпляры, взятые для переплета? Какой уж тут переплет, коли есть супругам нечего! Oh, poor things![9] Работаете ли Вы, на голодный-то желудок, о Rhodopteros, над М<икель>-Анджело? Нашимбене очень одобрил Ваши новые разыскания и поездку в Неаполь, но все же надеется, что статья будет у него теперь же в руках. Кстати, хотя я и написал Вам о conclusione dell'articoletto[10]: "Благословляю, пишите", – однако я думаю, что прямой нужды в этом заключении нет, т. к. из предыдущего изложения уже все ясно; развить же *достойно* мысль о христианском κένωσις в применении к проблеме культуры – дело трудное, тонкое и ответственное и взяло бы немало времени, что теперь уже вовсе не к месту. Итак, лучше бросьте это "заключение" (quale superfluo[11]) и пишите Мишеньку. А articoletto и без того хорош и соразмерен. Да. В. И.

Какое счастье однако, что вы во всех этих богемных кочеваньях – вместе, и как бы я иначе тревожился за обоих уродов (как говорила Маруся)![12]

При сем assegno на 800 лир.

Ректор энгельбергский что-то не отвечает на мое любезнейшее и почтительнейшее письмо: видно, просьба принять Диму Ohne Prüfung[13] ему не по сердцу.[14]

Повторяю, что было бы крайне желательно поговорить со знакомым человеком – юристом – о доверенности. Я все больше уверяюсь в том, что риск здесь очень относительный, отчет Ганом должен быть представлен и доверенность может быть в любое время уничтожена – не *так ли*? Или я плохо осведомлен? Гинцбург *не может* – и никто не может – установить, что кому должно принадлежать, до ввода в наследство лиц заинтересованных, до определения доли каждого и без всего огромного dossier[15] о каждой из частей наследства. Он может сообщить лишь о коммерческой репутации действующих лиц. Поручить же ему все дело, если бы он взялся вести его – не знаю, удастся ли ему даже ввести в права наследства лиц, не могущих даже представить о себе всех документов, и не зная всей истории семьи, довольно запутанной. Здесь м<ожет> б<ыть> больше риска, чем в доверии Гану.

[1] См. следующее письмо.

[2] В горе и в радости (англ.).

[3] Возвышенный пример супружеской верности, две слабости (материальные и экономические), которые <вместе> составляют силу (духовную) (фр.).

[4] Закончить дело (ит.).

[5] Удобнее и благопристойнее (ит.).

[6] Подтверждение в должности (ит.).

[7] В итальянских университетах высший балл равен 30, удовлетворительная оценка – 18.

[8] Подстрочничек (ит.). De Luca переводил или собирался переводить стихи Иванова для "Frontespizio". О журнале см. прим. 11 к письму Иванова от 10 ноября 1930 года.

[9] Бедняжки! (англ.).

[10] Заключении статейки (ит.).

[11] Которое не нужно (ит.).

[12] См. письмо Иванова от 29 июля 1929 г.

[13] Без экзаменов (нем.).

[14] Энгельберг – городок в швейцарских Альпах, где после лечения в Давосе с осени 1930 года поселился Д. В. Иванов. Здесь он четыре года учился в одном из лучших лицеев – немецком бенедиктинском колледже, по окончании которого имел право поступить в университет во Франции. Ректором колледжа в это время являлся о. Карл Шмидт. См.: Д. Иванов, с. 85-87; Иванова, с. 218-221.

[15] Дела (фр.).

8. О. А. Шор – В. И. Иванову
1 июля 1930 г. Рим.

1 июля 930 г.
Юлиев бывш<ий> Пробег.[1]

Айлурос, священный, все не дорвусь до толкового письма; скорое, Бог даст, свидание делает его теперь уже почти излишним. Поэтому ограничиваюсь самым главным:

1) Дело с доверенностью не так уж просто. По-видимому, для обеспечения Ваших интересов необходимо от Гана получить формальное (письма простого недостаточно) заявление, что он обязан (a) отчетом (срок рек) перед Вами или лицами, которых Вы укажете, и (b) что он в случае неудачи дела *не* станет с вас взыскивать расходов по его ведению.[2] Как только все мы выясним, Вас известим. Доверенность неподписанную свидетельствовать, конечно, нельзя. Одним словом: обо всем обстоятельно через 2-3 дня.

2) Быть может, Вы уже получили или получите перевод О<льг>и И<вановн>ы Фломиного Гершензона (артиколетты), напечатанный на машинке. <...> А если б Маленький нашел "потерянный моментик" (как

говорит Курлыков[3]) и просмотрел бы Герш<ензона>, то он был бы очень симпатичным и вежливым Пу-уфом. Ольга Ифановна *улетела* (имеются уже 2 открытки, что полет был божественным) в Вену, откуда просегвирует[4] поездом в Ригу на 3 недели, и поручила машинистке "Ангела" перепечатать ее перевод, кот<орый> ко дню отъезда ее был готов наполовину и в таком виде передан Птице. О<льга> И<вановна> "не успела просмотреть машинопись" и просит Айлуроса мудрого о снисхождении к "мухам". <...>

3) Со Штейном конюги "профильтровали" на предмет пересылки вещей в Борромеево училище,[5] что и будет выполнено.

4) Книги свято хранятся и в переплетенном состоянии будут доставлены собственнокрыло.

5) <...> Дело в том, что Сеттер, которому Флом должен, остался сейчас без денег и виляет хвостиком (значит уже *крайне* нужно, ибо он к сему средству прибегает лишь в исключительных случаях) о печенке.[6]

Сам Флом (благодаря некоторым компликациям, о которых проповествует при встрече) *абсолютно* (в данную минуту) лишен возможности получить деньги, и вот он хотел попросить Пуфеньку, не может ли важный Павийский Кот снабдить Собаку потребной ей печенкой. <...> Если Пуф будет из Швейцарии выписывать себе с Ликотом деньги на дорогу, то, может быть, он выпишет на 50 $ (950 лир) больше и переправит их по Сеттерову адресу <...>

6) Конюги весьма чувствительно благодарят за эспрессное препровождение печенки. А положение их было действительно комическое. Длительное пребывание в дорогом пансионе истощило конюгальную мошну, и *они решили* (лишь истек рояльный срок) переехать в освобождающуюся комнату Гитского дома. Сие вовсе не трагично, а даже весьма весело. Дом пролетарский, препоэтичный; у конюгов огромная комната с двумя большими окнами на Тибр; ночью – сказка. Небо, деревья, вдали редкий лай собаки. В доме, как уже писал бесподобный в точности определений негодяй Курлыков, 5 старых дев, которые "раскалываются от доброты, как спелый орешек". И как они только ухитрились все 5 пронести сквозь жизнь такое благодушие! Настоящий Диккенс. Что ни обед – даровое представление. А дом (здесь 2 года жил шиенциат[7] английский) просвещения необычайного. Подумайте только (даже невообразимо), в комнате оказалась честина[8] для бумаг, бювар с промокашкой и транспарантом, чернильница с чернилом и также 2 ручки с вполне приспособленными для писанья перьями. <...>

Дом (*не* нашей, *не* тибровской стороной) выходит на зады дворцов Фарнезе (sic!)[9] и Спада. Мишенькин карниз Фарнезе виден из столовой и

бывш<ей> Гитиной комнаты. А если дойти до Сикстинова Моста[10] (что наискось перед нашими окнами), то открывается и купол “Пети-деточки” во всей своей красе. Он, к слову сказать, в воскресенье опять освещался, еще роскошнее, чем в прошедшие года. Когда в 9 ч. вспыхнула вершина креста, вдруг ярким пламенем окутался и в огромном красно-золотом облаке скрылся собор. Вскоре пламя стало упорядочиваться и устремляться беспокойными потоками по куполу и вниз по фасаду. И долго не останавливался бег огня. Казалось: струятся роскошные, размотавшиеся волосы, на которых покоится волшебная, сияющая корона. “Царица”, – сказали Ликот и Родопторос <так!> вместе. Наконец стали видимы отдельные яркие источники света (плошки) среди нежных, выделяющих архитектурные линии, рядов лампион. Замок купола и крест оказались освещенными ярче всего другого, чего не было в прежний раз и что создавало впечатление короны.

<…> *Решить* переехать – very good,[11] но как сие осуществить? У конюгов неуплаченная неделя Romeo,[12] разбитая посуда сей дамы, и ни единого сольда[13] в кармане.

Тогда конюги одолжились у Гиты и музыкального монсиньора[14] (всего на 505 лир) и скоропалительно съехали с испанской лестницы на низины Тибра.[15]

Здесь конюги платят по 6-ти лир за комнату и по 6-ти лир за обед (хороший, деревенский, без импеньо[16] его брать). Им стало легче на душе. Пуфенькины деньги пришли в самую критическую минуту, когда у конюгов было лишь 70 с., каковые и были отданы факино[17] за доставку питательного espresso. Но богатыми они себя почувствовали ненадолго, ибо возвратив 505 лир долга и уплатив за съеденные обеды назад и за комнату вперед, конюги остались почти без денег. Но все же неделю благополучно прожили, зато в данный момент в конюгальном кармане осталось 14 лир 80 с. (марка на это письмо еще *не* куплена), на каковые деньги конюги надеются прожить впредь до благополучного прибытия подкрепления. <…> Фламинговы деньги придут 8-ого числа, но до тех пор дожить с 14-ю лирами вдвоем (комната уплачена по сегодня, обед – по истекшее воскресенье) никак даже при самой факирской экономии не удастся. Поэтому конюги челом бьют о помощи, и даже по возможности эспрессной опять. <…>

Desiderata[18] конюгов таковы: Ликот кончает правку вариаций завтра. (Оказалась огромная канитель со всеми партичелями); эстонские дела в отношении Ликота кончаем в субботу, и он, дикий, мог бы, распушив хвост, в воскресенье утром отбыть в Павию, если б… если б на сие хватило денег. <…> Хотелось бы это Ликоту потому, что Тиран уходит “в начале июля”,[19] и теперь каждый день дорог. <…> Фламинго дождется

своих денег и выкатится незамедлительно с остановкой во Флоренции (на 2-3 часа) для Мишеньки, прямо к Айлуросу. Решение предоставляется Cheef-Kat'у <так!>.

7) Флом прилежно работает. Нашел много косвенных (прямых – как найти?) подтверждений. Кстати (это не для автопортрета внизу, а для концепции с Марсием доказательно), напал случайно на рисунок Микель-Анд<жело> – этюд к "Страшному суду", где им собственноручно изображен Христос в виде Аполлона, играющего на виоле.[20]

Пуфенька, Маленький, Ваше счастье, что Фломи решил писать только "самое главное" и деловое. Испещрил, глупый, 8 страниц. Что бы это было, если б он не собрался быть кратким.[21] Вас обожают и апантетически ножкой приветствуют. А. В. Ф.<...>

Don Luca сам просил Вас о стихах. Тем лучше. <...>

Le-même.

[1] О. Шор обыгрывает название via Giulia – самой длинной прямой улицы старого Рима, построенной папой Юлием II, наверное, поэтому названной здесь "проспектом".

[2] Ган брался вести дело на свои средства вплоть до реализации имущества, от каковой суммы он просил 5% (письмо от 26 мая 1930 г., РАИ).

[3] Один из комических персонажей-масок устной традиции, существовавшей в доме, которая творилась Л. В. Ивановой, потом перешедший в "Пулю Времен", художник. См.: Иванова, с. 68-69.

[4] От ит. proseguire – проследовать.

[5] Русифицированное название Колледжо, существовал также вариант "Вахромеево".

[6] Так Л. В. Иванова и О. Шор в письмах друг к другу перифрастически именовали деньги.

[7] От ит. scienziato – ученый.

[8] От ит. cestino – корзина.

[9] Восторг О. Шор вызван не только самим дворцом, который считался одним из "четырех чудес Рима", но и тем, что участие в его создании принимал Микеланджело. По его проекту был выполнен карниз, центральное окно фасада и четвертый этаж со стороны двора (который виден с виа Джулия).

[10] Ponte Sisto.

[11] Очень хорошо (англ.).

[12] По-видимому, фамилия хозяйки пансиона на via dei Condotti, который оказался очень дорогим. См.: Иванова, с. 222.

[13] От ит. soldo – название для мелкой монеты в 5 чентезимов, в переносном смысле – ни гроша.

[14] Так называли Révérend père Schaefer, священника, в церкви которого Л. В. Иванова была в ту пору органисткой.

[15] С Piazza di Spagna, на которую выходит via dei Condotti, на via Giulia, которая идет параллельно набережной.

[16] От ит. impegno – обязательство.

[17] От ит. facchino – носильщик, здесь – посыльный.

[18] Пожелания (лат.).

[19] Вероятно, речь идет о принятии Доном Рибольди монашеского сана.

[20] В данном случае находка О. Шор служит подтверждению ее концепции: наиболее важной темой, на которой постоянно сосредоточены размышления Микеланджело, является творчество. На фреске "Страшного суда" она предстает как соревнование художника-созидателя с Творцом. Прообраз его – это состязание Аполлона и Марсия, достигшего высочайшего мастерства в музыке, но посрамленного богом и преданного ужасной смерти. Аполлон Микеланджело, играющий на виоле (замена лиры, частая в ренессансной живописи), соотносится с Христом, Марсий, с которого содрали кожу, в христианском контексте ассоциируется с мучеником Варфоломеем, но держит святой кожу с автопортретом художника. В античном мифе присутствует мотив трагической вины – флейта Марсия была проклята Афиной. В письме от 11 августа 1930 г. О. Шор говорит о работе над статьей: "Нашла у Данте (1-ая песнь Paradiso) подтверждения насчет Марсия. Набросала общий план своего lavoretto. Думаю назвать его: 'К вопросу об иконографии М<икель>-А<нджело>', или 'М<икель->А<нджело>как автопортретист'. Да, как подписать артиколетто: *О. F.* или просто: *F.*?" Имеется в виду отрывок из "Божественной комедии" (Рай 1, 4-31), где о поэтическом искусстве, но без трагических тонов Микеланджело, размышляет Данте.

[21] На первой странице вверху печать "Пропущено кошачьей цензурой" и приписка Л. Ивановой: "Птицино письмо навело на К. И. такой смех, что Кошка лежит вверх тормашками от изнурения. Все описанное точно".

9. В. И. Иванов – О. А. Шор
4 июля 1930 г. Павия.

4 июля '30.

Дорогой Фламинго,

vous me jouez un vilain tour,[1] посылая мне на правку (т. е. приговорив меня к каторжным работам дня на 3) неправленную машинопись Ольги Ив<ановны> о Гершензоне. Che c'entro io? Я ведь Ваших о нем рассуждений так и не понял. Написал вам: "Превосходно написано", – п<отому> ч<то> так умно кажется, будто бы по-ученому, о взрывах каких-то, о молекулах, а понять ничего нельзя. Очень хорошо – для чтения, но не для правки перевода. Сие есть дело благодетельного Don di Luca <так!>. Так что я не ручаюсь, что не перешлю Вашу посылку к нему, ибо време-

ни у меня *совершенно нет*. У меня же "потерянных моментиков" быть и не может, и слышать от Вас такое мне обидно: Вы не знаете, как я непрерывно занят, устал и ничего не успеваю, и это незнание Ваше уличает Вас в совсем не апантетической безучастности. Распоряжаться мною по-дамски Вы привыкли в кооперации и существенной душевной ассимиляции с нашей международной летуньей: ея spiritualità[2] уже носит ее по воздуху.

Из Женевы я долларов не получаю, но если Вы дадите мне точный адрес Елены Александровны (который Вы в своем письме почему-то пропустили, сделав на его месте пробел), то я могу перевести соответствующую сумму из Женевы прямо на ее имя, ввиду моей, по-видимому хронической, задолженности Вам, размеры коей Вы так и не желаете выяснить, приводя меня этим в отчаяние и запутывая мои денежные дела. Нужно было бы покончить с этой путаницей. Кстати, о деньгах: 26 апр<еля> я выслал конъюгам 700 лир, 30 мая 600 лир, 25 июня 800 л<ир>, итого 2100 лир, не считая приложенного assegno на 600 лир. Всего 2700 лир! Я изворачиваюсь, чтобы в Италию ничего не брать из Женевы, а тратиться там только на Диму. И денег на поездку хотел оттуда не брать. Поэтому весьма сожалею, что Ликот так ничего и не добыл из Augusteo и от Ricordi.[3] Трудновато Chief-cat'у.

О деловых вещах Вы, т.е. конъюги, пишете очень вскользь и поверхностно. "Со Штейном профильтровали (?!) на предмет пересылки вещей, – что и будет выполнено".[4] Что это значит? Когда же ящики придут? В мое отсутствие? Новая тревога и путаница.

Дело о доверенности Вы все тянете и запутываете также, писец египетский!

Остальные сведения, почерпнутые из Вашего письма, – живописные, юмористические и эстетические, – приняты с благодарностью. В общем оба конъюга довольно inconcludenti.[5] И Don Nascimbene, должно быть, напрасно надеется получить из рук прибывшей Фламинго ее статью для "Arte Cristiana". Бедный, он в ужасном душевном состоянии вследствие тяжелой и мучительной, быть может, безнадежной болезни сестры. Мне неприятно, что отъезд в Швейцарию так затянулся. Хорошо бы к 17 июля[6] быть с Димой. Дима проектирует встретиться на Озере Четырех Кантонов (в Emetten, 500 метров высоты)[7] или еще где-н<ибудь> прожить недели 3 вне Давоса. Я обусловил это согласием Грюнингера (кот<орый> ныне отбывает воинскую повинность, т. е. блистает своим мундиром с голубою лентой и спит часа 3 в сутки, и то под палаткой – не знаю, купался ли он уже в озере?) и сочувствием Ликота. Так, <нрзб>, inconcludente. Haus am Berg весь занят. Ректор Энгельберга пишет, что экзамен будет proforma[8] – скорее, разведкой, в какой класс Диму пока

взять. И прием обусловлен удостоверением Грюнингера, что больной в состоянии совершенно удовлетворительном для учения и пребывания в convito <так!>.[9] Из Парижа письмо с просьбою сотрудничества, я отказываю, а Nascimbene меня бранит за нежелание порвать с большевиками. До свидания. Счастливого пути и прибытия. Жду. Да! В. И.

Ликот, Хр. и Б. М. с тобой.[10] Телеграфируй. Да! В.

[1] Вы играете со мной плохую шутку (фр.).

[2] Духовность (ит.).

[3] По-видимому, за исполнение и запись "Вариаций". Ricordi – миланская фирма звукозаписи.

[4] Цитата из письма О. Шор от 1 июля 1930 г.

[5] Бестолковы (ит.).

[6] День рождения Д. В. Иванова.

[7] Озеро в центральной Швейцарии между кантонами Люцерн, Швиц, Ури и Унтервалден.

[8] Чистой формальностью (лат.).

[9] Convitto (ит.) – интернат.

[10] "Христос и Божья Матерь" <с тобой или вами> – формула, употреблявшаяся В. Ивановым, Л. Ивановой и О. Шор в конце письма.

10. В. И. Иванов – О. А. Шор
6 июля 1930 г. Павия.[1]

6. VII. '30.

Сим уведомляю казначея египетского, розокрылого, что в Кальвиниев ересеучителя посад[2] наказ дан: выслать милостивой государыне Алене Ковалевой в город Париж, на Бугенвильский постоялый двор, что на Бугенвильской улице, в 7-ом квартале,[3] пятьдесят американцев.[4] С чем и остаюсь неоплатный должник и почитатель пера и перьев. (Первое надлежит отнести к дарованию сочинительницы, второе к оперению Аврорину). "Le même".

Ищите портрет свой и "Мишеньки-деточки".[5]

[1] Открытка. Изображена женская фигура, действительно напоминающая О. Шор, на фоне портала павийской базилики Св. Михаила. Ответ на письмо О. Шор от 1 июля 1930 г.

[2] То есть Женеву.

[3] Обыгрывается адрес Е. А. Ковалевой: Paris VII. Rue Bougainville. Hôtel Bougainville.

[4] То есть долларов.

[5] Надпись на обороте под изображением: намек на статью О. Шор об автопортрете Микеланджело, которого она именовала “Мишенькой-деточкой”.

11. В. И. Иванов – О. А. Шор
7 июля 1930 г. Павия.[1]

7. VII. ‘30.

Дорогой Фламинго, я думал, мой протест задержит присылку рукописи О<льги> И<вановны> о Гершензоне, – но вот, к моему отчаянию, мне ее приносят. Если я все же должен прочесть ее, то во всяком случае необходимо иметь при этом под рукой оригинал: О<льга> И<вановна> и этого не сообразила!

Что же мне делать? Я отложил рукопись в сторону до получения русского оригинала.

Когда же приедет Ликот? Когда Вы?

Апантетически Ваш

В. И.

Вчера писал вам о высылке денег Е<лене> А<лександровне> в Париж.

[1] Почтовая карточка.

12. В. И. Иванов – О. А. Шор
10 августа 1930 г. Давос.[1]

Davos-Dorf, 10. VIII. ‘30.

Дорогой Фламинго, Вас очень недостает (это немного не по-русски...), мы Вас очень желаем (тоже не по-русски...), но Вам хочется уединения, и это также хорошо (опять не по-русски вышло!). (Что за притча? Верно, обо мне думает Ольга Ивановна, кидаясь в пучину с Капрейской[2] скалы... honny soit,[3] кто вспомнит при этом о Сафо и Фаоне; комментарий для Вашего неведения: Сафо кинулась в море с Левкадской ска-

лы от несчастной любви к молодому Фаону, как говорит поздняя и глупая легенда). Фламинго, Rhodopteros, как я *смею* становиться "между Вами и Памятью"? И как *могу,* не будучи служителем Забвения? Или Вы уже вычеркнули меня из списка жрецов Мнемосины? Другими словами: надлежит повиноваться приказаниям Мишьо.[4] Мне же – смириться и следовать священной египетской заповеди: "не заграждай пути богу при его исходе". Ежели только Ваш Miscio в самом деле вспомнил о Памяти. Далее: во Флоренцию я Вас прямо не посылал – помнится, рекомендовал даже Виченцу и Венецию. Ибо мое завещание было: "пишите безотлагательно и спешно об автопортрете М. А." Вот и все. Но и здесь "диспенс"[5] – в пользу Памяти (ежели Miscio так хочет). Поняли? Как долго Вам нужно толковать простое $(a+b)(a-b) = a^2 - b^2$. Сравнение из области моих сношений с Димой. Кстати (ибо и с ним nous piochons aussi le Grec[6]) не "Б а т р а х о с к е л о с" (о, неразумный Rhodopteros!), а "Б а т р а х у с к е л о с"[7] (βατράχου σκέλος). Βάτραχος – rana, σκέλος – gamba; βατράχου genitivus singularis.[8] Дима же мне нравится. Он высокий, и прямее держится, чем в прошлом году, и менее толст, чем в прошлом году: молодец. А голос менее басит и даже лезет в фальцет.

У Лидии ученый кофейник со стеклянным куполом, под которым лопаются пузыри кофея, выскакивающие из подогреваемого сосуда; при этом кипяток издает гортанное курлыканье, почти тожественное с курлыканьем Фламинго. И ученый кофейник дает нам иллюзию близости ученой птицы.[9]

[1] Ответ на письма О. Шор от 8 августа 1930 г. В. и Л. Ивановым.

В. И. Иванову: "*Батрахос келос* <...> посылаю Вам исправленные листки артиколетто. Написала сразу по-итальянски; потому русского текста нет. Жду Вашего приговора. <...> Что касается Гершензона, то здесь Фламинго внес существенные изменения. Весьма respectueusement Фламинго осмеливается попросить Вас внимательно senza ira <без гнева. – Ит.> прочесть заново написанные 2 странички (*не* следующие, как Вы видите) друг за другом. <...> Cenni bibliogr<afici> – <библиографию. – Ит.> пришлю завтра. Это не так уж спешно".

Л. Ивановой: "Моменты воли птичьей? Решила ехать во Флоренцию: акт послушания Пуфе. Могла бы уже отправляться туда, но медлю по причине болезненного нежелания (я еще мягко выражаюсь) видеть людей. Абсолютное молчание и отсутствие всяких внешних впечатлений мне почему-то усладительны. Ужасно хочется записать "Память". Даже есть искушение это сделать. Но между нею и мною стоит Пуфин запрет".

[2] Производное от Капрея – античного названия острова Капри.

[3] Пусть будет стыдно тому (средневек. фр.).

[4] Micio (ит., разг.) – кот, в "Воспоминаниях" Ивановой – "киска". На домашнем языке Ивановых этим словом называлась бессознательная часть творческого процесса, "созревание" идей. Л. В. Иванова рассказывает, что "термин" восходит к выражению их квартирной

хозяйки, синьоры Плачиди, и разъясняет его: "подсознательный работник, он же муза, вдохновение; работает он во сне, когда мы даем ему волю, не мешаем" (Иванова, с. 137). Сама Л. В. передает его по-русски как "мичьо" (поскольку ошибочно писала miccio); очевидно, "мишьо" (и соответствующее ему итальянские написание "miscio") имитируют римский выговор хозяйки.

[5] Освобождение от долга (лат.).

[6] Мы также зубрим древнегреческий (фр.). Д. Иванов усиленно занимался греческим для поступления в швейцарский колледж, т. к. в Шатобриане этот язык не преподавался.

[7] Перевод на греческий названия гостиницы Гамбарана в Павии, где жила О. Шор. Его делили на два слова: "gamba" – нога и "rana" – лягушка, таким образом получался русский вариант: "Нога лягушки", который О. Шор часто выставляла в начале своих писем из Павии.

[8] Лягушка (греч. и ит.), нога (греч. и ит.); лягушки – родительный падеж единственного числа (лат.).

[9] Окончание письма отсутствует.

13. В. И. Иванов – О. А. Шор
23 августа 1930 г.[1]

23 авг<уста>, суббота.

Дорогой Фламинго,

За знакомство с Тальбергами[2] справедливо принести Вам глубокую благодарность. Во-первых, мы встретили у них такой радушный прием, как будто мы были их старинными друзьями. И радушие это носило характер теплой доверчивой простоты и душевности. Сам Тальберг завоевывает симпатию своим темпераментом и чудаческими повадками; кажется, что он искренне хочет нам помочь. Он есть Rechtsanwalt, Dr. jur. (присяжный поверенный). Здесь Rechtsanwälte часто бывают и нотариусами. Но нотариус ли он, не знаю, а сам себя зовет адвокатом. Тем лучше. На днях уведомил из St. Moritz,[3] что послал Гану семь вопросов и запрещает до своих дальнейших распоряжений отсылать ему уже совершенно готовую и всячески законно оформленную (по наставлениям того же Тальберга) доверенность. Между тем, Ган опять требует удостоверения о кончине Лидии Дм<итриевны> Зиновьевой-Аннибал (так как архив Александро-Невской Лавры[4] уничтожен) – в виде некрологов, литературных упоминаний, книг, изданных по смерти ее, и т. п. Я хочу сослаться на "Нет",[5] на Ист<орию> Лит<ературы> Венгерова[6] и предложить засвидетельствованные показания заграничных друзей.

Милый Фламинго, Вас обожают и уважают. Мне жаль, что Вы давно не уехали из Павии.

Этот листочек дополняет сегодняшнюю посылку “манускрипта”.[7]

Ап<антетически> Ваш Айлурос.

Штейнер прислал Диме конфет с английскими стихами “To an unknown Kitten”,[8] и Дима сегодня написал ответные английские стихи в рифмах (его первые рифмы). Впрочем, Ликот говорит, что он рифмовал уже и в “Пуле Времен”.[9]

[1] Датируется по содержанию.

[2] Михаил Тальберг, видный адвокат в Цюрихе, муж московской подруги юности О. Шор. Ивановы и О. Шор бывали в цюрихском доме Тальбергов. Тальберг давал ценные юридические советы в долгой переписке В. И. с Ганом (прим. Д. В. Иванова). Он взялся представлять Иванова в деле о зиновьевском наследстве и вступил в сношения с Ганом, о переписке с которым подробно информировал своего клиента. Письма Тальберга и некоторые копии ответных писем Иванова Тальбергу находятся в РАИ. Письма от 2, 4, 17, 18, 22 сентября, 4 ноября и 12 декабря 1930 г. на бланках адвокатской конторы Advokatbureau Thalberg, Zürich, Bahnhofstrasse 39, по-немецки, и 1 телеграмма. Кроме того, сохранились два частных письма М. и Н. Тальбергов семье Ивановых, относящихся к более позднему времени (оп. 3 № 193).

[3] Курорт на французской Ривьере. Письмо Тальберга от 20 августа 1930 г., написанное по-русски, находится в РАИ.

[4] Л. Д. Зиновьева-Аннибал была похоронена на кладбище Александро-Невской Лавры. Могила ее не сохранилась, архив кладбища за эти годы был уничтожен пожаром. В письме от 16 августа 1930 г. Ган просит прислать газетные справки или объявления для установления факта ее смерти и вступления в права наследования ее прямых потомков – С. К. Шварсалона и Л. В. Ивановой, а также членов ее семьи – В. И. и Д. В. Ивановых.

[5] Зиновьева-Аннибал Л. Нет! Рассказы. Посмертное издание под ред. Вяч. Иванова. Пг. 1918.

[6] Возможно, имеется в виду издание “Русская литература XX века (1890-1910)” под редакцией С. А. Венгерова.

[7] Т. е. предисловия к “Переписке”. О. Шор отвечает письмом от 25 августа 1930 г.

[8] Неизвестному Котенку (англ.).

[9] Приписка расположена в две колонки по сторонам от печати в виде кошачьего следа с надписью по кругу: “Печать кошачьего министерства”.

14. В. И Иванов – О. А. Шор
25 августа 1930 г. Давос.[1]

Очень встревожен Вашим нездоровьем.[2] Придется объявить Вам войну и, при благоприятном ходе военных действий, связать Вас мирным трактатом, по коему Вы поступите в мое распоряжение на предмет Вашего медицинского исследования и соответствующего лечения под моим высшим руководством. На то я и Chief-Cat.

Уведомьте О<льгу> И<вановну>, что в начале артиколетто, после первых слов: "Двенадцать писем, представляемых вниманию читателей" (или что-то подобное), весьма полезно для успеха книги сделать Fussnote,[3] сообщающую, что "Переписка" появилась по-немецки в rivista[4] "Die Kreatur" за 1928 и печатается по-французски в rivista "Vigile"[5] (появится в fascicolo di Novembre[6]). Также не мешает прибавить, в Fussnote, при упоминании о "Дионисе и Прадионисийстве", что результаты этого исследования были сообщены римской публике в conferenza, tenuta dall'autore nel Circolo di Roma[7] в 1926 году. Апант<етически> Ваш. В.И.

Была пресса, и Circolo di Roma – rendez-vous заезжих известных лекторов.

[1] Приписка В. Иванова на письме Л. Ивановой, расположенная перед началом и отчасти поверх текста.

[2] О. Шор страдала воспалением нервов в правой руке.

[3] Подстрочное примечание (нем.).

[4] Журнале (ит.).

[5] Французский католический литературный журнал, основанный в 1930 году. Выходил раз в три месяца тиражом 2000 экз. В нем принимали участие Поль Клодель, Жак Маритен, Раиса Маритен, Габриэль Марсель, Романо Гуардини, Франсуа Мориак, Анри Бремон и Шарль Дю Бос (1882-1939), который в 1930-1932 гг. являлся редактором "Vigile". "Переписка из двух углов" появилась в N 4 за 1930 год в переводе Е. А. Извольской. В качестве приложения к журналу издание "Переписки" фигурировало также в 1932 году. В № 1 "Vigile" за 1932 год появилась статья Иванова "La vision du Laurier dans la poésie de Pétrarque". В библиотеке РАИ находятся комплект журнала за 1930 и № 1 за 1932 гг. Помимо этого здесь хранятся книги Дю Боса с дарственными надписями В. И. Иванову. См. переписку Иванова с Дю Босом в наст. издании.

[6] Ноябрьском выпуске (ит.).

[7] Во время публичной лекции, прочитанной автором в Чирколо ди Рома (ит.).

15. В. И. Иванов – О. А. Шор
29 августа 1930 г. Давос.[1]

29 августа / '30.

Несравненный друг мой, я очень взволнован Вашим таинственным сообщением, что Вам открылось то, что от меня спрятано за непроницаемыми завесами, – вся история Светомирова отрочества. Я долго колебался просить Вас, чтобы Вы мне рассказали это в письме, – вполне оценивая все преимущества устной передачи с сопровождающими ее расспросами и новыми неожиданными дополнениями и разъяснениями; но почему-то мне кажется, несмотря на доводы рассудка и сентиментальности, прелесть перспективы перешептаться об этом с глазу на глаз, – и вовсе не от чрезмерного нетерпения, которого поощрять не следует, – что я должен быть осведомлен об этом теперь же и что плодотворнее выносить это до нашего свидания в душе. Поэтому подаю свой голос за немедленное сообщение; но Вы властны решить вопрос, как Вам внушит та сила, которая дает Вам видеть "meine schwankeden Gestalten"[2] за меня.

Я радуюсь Вашему обращению к проблеме Памяти и, если Вам хорошо удается закрепить узрение новых связей, не мне, – все же никогда не забывавшему о главном, – упрекать Вас за временное небрежение к практически-ближайшему. Одно тревожит меня: Ваше здоровье. Впрочем, Павия или Флоренция – с точки зрения заботы о здоровье, это в сущности одно и то же. Дурная погода одинакова здесь и там, хорошая также. А у нас опять Hochsommer,[3] – горы и долины прелестны, не нагляжусь на горные пастбища и солнцем разогретые благоухающие ели. Мучит также за Вас то мучительное, что извне влияет на Вас, и физически, столь неблагоприятно.[4] Но это должно отстранять от души молитвой. Вчера было в Павии большое торжество в честь св. Августина. Думал о Вас, но никак не удалось Вам написать. А Нашимбене послал привет. Знаете ли Вы, что наш "апантетизм" становится или, лучше, разоблачается какою-то независимо от нас существующею и действующею объективною силой? Апантетически Ваш В. И.

Неужели прибавленное мною к Вашему изложению моих воззрений вовсе не показалось Вам ни существенным, ни настолько новым, чтобы о нем высказаться, хотя бы несочувственно?[5]

Не сидите ли Вы без денег? Выпишите тогда от меня.

– Все же хорошо ждать, если не мешает Мишьо, во Флоренции.

Я занимаюсь всем зараз, и потому, кажется, что ничего не двигается.

Между прочим "Достоевским". Seiner 50 Todestag[6] в январе 1931 года. Хорошо бы напечатать к этому дню книгу.

И потому обрабатывали – bonifica dell'agro Romano,[7] осушка болот – 1-ую часть, оставшуюся еще без призора.[8]

[1] Ответ на открытку О. Шор от 25 августа 1930 г: "Спешу уведомить Вас, о священный, обожаемый Айлурос, о благополучном прибытии артиколетто. <...> Остаюсь еще немного в Павии, т. к. 'Память', выскочившая из сундука, согласно разрешению священного мудрого Кота, приковывает к месту без пощады. <...>. К тому же Светомир преследует. Всю биографию свою (неожиданную) рассказал Птице до самого момента получения стрелы. Но об этом, пожалуй, лучше не говорить до встречи. Впрочем, как хотите. <...> Рада, что пишете 'Ты еси'".

[2] Мои изменчивые образы (нем.). "Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten" – первая строка гетевского "Фауста", в переводе Пастернака звучит как: "Вы снова здесь, изменчивые тени".

[3] Разгар лета (нем.).

[4] По-видимому, речь идет о каких-то семейных бедах и о трудностях выезда А. С. Шора за границу, т. к. в письме Л. В. Ивановой от 29 августа 1930 г. О. Шор пишет: "Cognato <муж сестры – ит.> ни при чем или почти ни при чем. Но ужасно не хочется писать о неприятном. <...> Самое, конечно, плохое – это Россия, где папа. Остальное все бледнеет".

[5] Т. е. поправки к предисловию "Переписки", о получении которого извещает его О. Шор.

[6] Со дня его смерти исполняется 50 лет (нем.).

[7] Осушка полей вокруг Рима (ит.).

[8] Осушка болот на юге Лацио проводилась с 1926 по 1939 год. Смысл ивановского выражения: переделка 1-ой части "Достоевского" – дело такое же длительное, как и обустройство римских полей.

Вверху 2-го листа печать в виде кошачьей лапки с надписью по кругу рукой Л. В. Ивановой: "Печать кошачьего министерства".

16. О. А. Шор – В. И. Иванову
29 августа 1930 г. Павия.

29 авг. 30 г.
Βατράχου ὁ κέλος

О, Айлурос <...>

Прежде всего позвольте принести Вам почтительнейшую и уважительнейшую Фламингову благодарность за роскошную пространственно-

временную инкарнацию авто-Пуфиных мыслей о формах сознания Мировой Души, каковые мысли, временно поселившись в пространстве птичьего сердца и мозга, произвели там некий недовоплотившийся “эмбрион”. Читая айлурические письмена, Птица чрезвычайно пожалела, что силою внешних обстоятельств была вынуждена оборвать игру Кота с “пространством”. Побалуйся он еще – и получился бы целый essay,[1] кот<орый> из артиколетто выпал бы, конечно, но попал бы в “Vigile” или “Coron’y”. <...> Но Вы же понимаете <...> душевную встревоженность Птицы о судьбе артикол<етто>. Если б он в конце концов *не* появился, то тут было бы что-то не только обидное и нелепое, но внутренне вредное – и не только для одной Фламинги. <...>

Последний § (о культуре) Фл<аминго>, подумав, все же оставил. После того, *что* Вы оттуда перенесли в предыдущую главку, там *нового* осталось немного, но без него нельзя; это уж окончательно сорвало бы весь птичий *план*. А что же у Фл<аминго> есть, кроме стройного плана?

Пуфенька, а чудится Птице, что, затормошившись, Вы часть о Г<ершензоне> почти не прочли, ибо иначе не могли бы мне написать того, *что* написали. Ведь то место, за кот<орое> Вы меня упрекаете, именно *оно-то* взято *целиком* из старой редакции, которую в Павии Вы признали апологической. К тому же оно есть *цитата* из самого Г<ершензо>на, изложение *его* взглядов на человека современной культуры, а вовсе не мои домыслы о состоянии его, Г<ершензо>на, внутреннем мире <так!>. А о *последней* фразе, вызвавшей айлурическую бурю и основательно переделанной – *МОЛЧОК*?!

<...> артиколетто есть *изложение* “миросозерцания”. Птица в этом изложении была очень добросовестна и сделала *все*, что могла: до того уже довчувствовалась в мысли М<ихаила> О<сиповича>, что с еврейским акцентом заговорила. <...>

Итак: уф, уф-ф, артиколетто уехал прочь. <...> Возвращаясь домой, Фл<аминго> увидела луну с правой стороны. Speriamo...

Ольгу Ив<анов>ну попросила внести желательные Вам примечания (Ваше письмо запоздало).

Теперь вот что, – пожалуйста, на это ответьте: Фламинго подписался под последней страницей “Roma, Maggio 1930. *O. F.*” и попросила О<льг>у И<вановн>у так *O. F.* и поставить. Но издатель может все же попросить имя (у них это, кажется, полагается). И Флом думает, что Flamingo здесь нехорошо, потому слишком по-итальянски. “Roma”, да еще итальянская фамилия. <...> Флом подумал тогда, не написать ли тогда абракадабру (на обывательский слух, конечно) вроде Rhodoptoros <так!> (эзотерически очень ласкательно и никому не понятно). Что об

этом думает мудрый Айлурос, что приказывает Chief-cat? Жду распоряжений.

<...> После двухдневной работы <...> крылышко абсолютно забастовало. И только теперь соблаговолило вновь заработать. Но Птица решила, как бы она себя ни чувствовала, а 28, в день Св. Августина, а значит, в Пуфин праздник, в S. Pietro in Ciel d'Oro пойдет и мессу отстоит. <...> И Флом попал к самому началу кардинальской службы и стоял близко <...> Вообще было хорошо: торжественно и сердечно. Самую церковь разукрасили безобразно (бархат красный с белым и выцветшие зеленые тряпки с золотым позументом), но трогательно. <...>

Сию минуту мне подали телеграмму: "Grazie manoscritto cordialmente. Olga". Итак, все в порядке. <...>

Ликот мне писал, что Вы вместо "Вергилия"[2] и "Слова о пол<ку> Игореве"[3] пишете или собираетесь переделывать "Ты еси".[4] В первый раз не возражаю, что переделка "Вергилия" Вам сейчас не по дороге, а "Ты еси" – в центре Вашей системы, и об этом Вам нужно писать. Ясно, что от старой статьи камня на камне не останется, но она – бутон, и этот бутон, предчувствуя его будущее цветение в Пуфе, любила Лидия Дмитриевна. <...> А. В. Ф.

А что Достоевский? Юша спрашивает.

[1] Эссе (англ.).

[2] Статья "Vergils Historiosophie" была помещена в Corona 1931, Heft 6, с. 761-774.

[3] Статья, написанная на немецком языке по поводу перевода "Слова о полку Игореве" Р. М. Рильке, появилась в свет в журнале "Corona" 1937, n.1.

[4] Эссе 1907 года "Ты еси", которое больше всех других статей В. И. Иванова нравилось Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, автор перевел и переработал для немецкого издания в 1933 г. Хотя издание не осуществилось, статья появилась в журнале "Corona" в мае 1935 г. под названием "Anima".

17. В. И. Иванов – О. А. Шор
1 сентября 1930 г. Давос.

1 сентября '30.

Дорогой Фламинго, успели ли Вы получить до выезда из Павии мое существенное письмецо?[1] Сегодня пришло Ваше, длинное и, следовательно, стоившее крылушку немало страданий. Благодарю Вас за него и за

все о св. Августине. Радуюсь с Вами, что, по-видимому, нам об articoletto не нужно более думать. Остается только высказаться о Вашей подписи. Вы хотите: "RHODOPTEROS" (– не RHODOPT*O*ROS однако, как Вы изволили начертать!). Это фантастично и, пожалуй, кокетливо. Не вижу, почему не остаться при "O. F." Караббе можно разоблачить, что это значит: "Olga Flamingo", каковой псевдоним некая русская писательница (можно разоблачить и ее имя) усвоила себе для выступления в качестве эссеистки на поприще итальянской словесности; другие ее публикации будут-де подписаны сполна: Olga Flamingo. Впрочем, до всего этого почтенному издателю так же мало дела, как до neiges d'antan[2] и до религиозной или антирелигиозной тенденции Ваших писаний.[3]

Я не думаю быть в Италии уже 15 сентября, но несколько позднее (скажем, 25-го). Ибо много нужно сделать здесь до отъезда, очень много. И дольше, по возможности, заниматься (хотя и так исподволь, как мы это теперь делаем) с Димой. А время бежит, как альпийская речка. И дождаться хочется дальнейших сообщений от Тальберга. И сентиментально Дима держит. И очень у него уютно, а за окном красиво. Сейчас солнце спрячется за лесом горного склона передо мною, и на нем будет тень, а из Лидиной светелочки глубь долины и противоположные горы будут все в золоте. Вот уже и тухнет последний луч... Итак, из Виченцы можете съездить в Венецию (– пора), раз Вы уже в этих краях, а не во Флоренции. О дальнейшем спишемся. Тороплюсь (срочно!) с Igorlied[4] и Avant-propos.[5] Ваш апант<етически> В. И.

Пусть Вам il Veneto[6] улыбнется и будет во благо.

[1] В предыдущем письме О. Шор сообщала, что она уезжает в Виченцу.

[2] См. прим. 3 к письму № 5 за 1929 год.

[3] Выбор подходящего псевдонима – как важное домашнее событие – в гиперболизированной форме описывался также "Пулей времен", где приводились 24 разных варианта (напр., Ольга Египетская или О. Картезий) с заявлением, что автор будет готов получать гонорары, причитающиеся всем названным выше лицам. Прозвище Картезия за О. Шор осталось, так как, помимо общего значения "мыслитель", важно почти полное графическое совпадение: французское написание имени Декарта – Descartes – только одной буквой отличается от Deschartes.

[4] "Слово о полку Игореве".

[5] "Предисловие" (фр.). Шор спрашивает Иванова в письме 11 августа 1930 , что он делает: "Пишет предисловие, вернее, свой манифест?" Речь идет о статье, которая позже получит название "Письма к Шарлю Дю Босу": собираясь публиковать французский перевод "Переписки из двух углов" в журнале "Vigile", Дю Бос просил Иванова снова высказаться по затронутым в ней вопросам, поскольку со времени появления книги прошло 10 лет. Так возникло программное историософское эссе Вяч. Иванова, завершенное 15 октября 1930 (III, 418-34. Новейший вариант перевода см.: Вячеслав Иванов: Архивные материалы и ис-

следования. М. 1999, с. 83-92). В журнальном издании оно предваряло основной текст ("Vigile", 4, 1930, с. 39-51). Подробнее см. в переписке Иванова с Дю Босом в наст. издании.

[6] Венецианская область, где расположена также и Виченца.

18. В. И. Иванов – О. А. Шор
25 сентября 1930 г. Давос.

Davos, 25 сент<ября> '30.

Дорогой Фламинго, – только несколько слов, для сообразования действий. Поезжайте на Ривьеру, – Ликот говорила в Noli, следующая станция за Spotorno – и напишите мне в Павию, в albergo *Gambarana*, когда найдете жилище.

В Павии меня не ждите, напротив, уезжайте до моего приезда. Я в Collegio не остановлюсь, а переночую в *Gambarana*. Цель моей остановки в Павии – достать при помощи ключей, которые у меня заперты, Лидино теплое пальто и выслать его ей через Аньезу.

Послезавтра в субботу собираемся с Лидией ехать на Люцерн, откуда будет предпринята поездка в Engelberg.[1] Лидия будет ждать Диму, а я из Люцерна через S. Gotthard еду в Павию.

В нетерпеливом ожидании свидания (но не в Павии) апантетически Ваш

Вяч. Ив.[2]

[1] Речь идет о поездке, предпринятой В. И. и Л. В. Ивановыми, чтобы принять окончательное решение о выборе школы.

[2] Следует печать в виде кошачьего следа с надписью рукой Л. В. Ивановой: "Пропущено кошачьей цензурой".

19. В. И. Иванов – О. А. Шор
10 ноября 1930 г. Павия.

Павия, 10. XI. '30.

Спешу по обещанию прислать краткую весточку. Но прежде всего скажу Вам, Rhodopteros радостный, что Вы мне устроили дивный лазоревой пятинедельный праздник в милом Noli и за это вернетесь через *3000*

лет на пирамидальный остров Памяти в голубом море, куда, м<ожет> б<ыть>, и я буду отпущен служить Вам в виде священного, ритмически мурлыкающего кота, и мы сочиним на том острове новую ахинею, апантетическую. Свой апартамент я нашел великолепно нагретым и красиво убранным. На месте старого комода поставлен красивый старинный, с intarsio[1] и бронзой: внимание Nascimbene. Он имеет гораздо лучший вид, душевно также кажется крепче и спокойнее, хотя говорит, что "gli studi sono inutili"[2] – "к чему?" – и жалуется, что глаза слишком утомляются от мелких арабских и сирийских знаков и мелкого шрифта. Говорит, что без матери он бы рухнул.[3] Увлечен настилкою мраморного (красивого и монументального) пола в церкви вокруг алтаря; и вообще говорит, что больше, чем прежде интересуется делами Collegio. У нас 11 новых alunni,[4] и у меня будет три группы (2 немецких и одна начальная английская), т. е. 9 часов работы в неделю. Мы с Нашимбене оба очень радуемся, что опять вместе<?>. Все мне показывают симпатию. Mon courrier очень велик,[5] но от Du Bos[6] ни слуху, ни духу. Штейнер жалуется, что ему не переслали мой манускрипт, после его очень затянувшегося отсутствия. Кроме того, он был болен и лежал в постели. Выписываю: "Vergeben Sie mir mein Schweigen; ich ahnte nichts von Ihrer Sendung, für die ich Ihnen aufs Herzlichste danke. Ich habe das Ms. sofort durchgelesen; vor allem Anfang und Schluss scheinen mir besonders schön, – d. h. Abschnitte I, IV, V. Und wie ganz erstaunlich schreiben Sie Deutsch Soweit ich mich noch tiefer und herzlicher vor Ihnen neigen kann, geschieht es hier... Wie viel haben Sie hineiningesetzt – es ist selbst ein kleiner Teppich von Sagenkunde, Sagenahnung, Philologie hoher Schule und dichterischer Sehnsucht"...[7] – Далее, в "Orient und Occident"[8] нашел я напечатанною почти половину "Тантала" в отличном переводе Гейзелера – и при этом чек от журнала на 28 марок 50 пф., по каковому сегодня мне уплатили 128 лир 25 чентезимов. Далее, Ган пишет, что показание Зелинского имеет важное значение,[9] а Тальберг сообщает, что он от себя послал так же неоффициальное показание Гану и прибавляет: "Sie sehen aber dass ich an Sie und die Ihrigen denke";[10] 1-ый пункт его показания, кот<орые> он берется перед jeder BehŒrde im In- und Ausland "zu bezeugen" гласит: "Prof. W. I. I. jetzt in Pavia, A. Coll. Borr., weltbekannter Gelehrter und Schriftsteller, legitimer zweiter Ehemann der Verstorbenen, etc.[11] Видите, какой он, в самом деле, любезный человек! – Стихи во "Frontespizio"[12] хорошо поданы, с заметкой о filologo e poeta, non già, badiamo, professore e versificatore – uno dei maggiori scrittori cattolici del nostro tempo.[13]

Студенты уже почти собрались, и вероятно послезавтра начинаются занятия. Я вернулся в крайний возможный срок. Завтра назначено свидание с ректором университета.

Пишите, душка, розовокрылый Фламинго, и верьте в мое глубокое уважение, высокопочтенная Птица.

Ваш апантетически

Айлурос.

[1] С инкрустацией (ит.).

[2] Научные занятия бессмысленны (ит.).

[3] 12 октября 1930 года умерла сестра Нашимбене Мария.

[4] Ученика (ит.).

[5] Я получаю много писем (франц. выражение).

[6] Ответное письмо Дю Боса датировано 24 января 1931 г.: см. Переписку Иванова с Дю Босом в наст. издании.

[7] Простите мне мое молчание. Я ничего не подозревал о Вашей посылке, за которую благодарю от всего сердца. Я сразу прочел рукопись, начало и конец мне кажутся особенно хороши, то есть части 1, 4, 5. И как совершенно поразительно пишете Вы по-немецки. Мое чувство к Вам становится теперь все глубже и сердечнее... Как много вложили Вы от себя, Вы соткали сказочный ковер, где дышит сказочный мир. Это филология высшей пробы и поэтическая мечта (нем.). Текст письма с небольшими разночтениями опубликован: Вахтель 1995, с. 115-116.

[8] Отрывок из "Тантала" был опубликован в лейпцигском журнале "Orient und Occident. Blätter für Theologie und Soziologie". 1930. Heft 4, S. 45-63. В РАИ находится один экземпляр журнала и один оттиск, оба с исправлениями В. И. Иванова в греческом тексте.

[9] Поскольку погибли все юридические документы, подтверждавшие кончину Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, а также тот факт, что в момент смерти она состояла в браке с В. И. Ивановым, необходимы были показания благонадежных лиц о семейном положении Зиновьевых и их родственников. В письме от 5 ноября 1930 г. Ган сообщает, что он обратился за свидетельством к Зелинскому и приобщил к делу его показания, заверенные Варшавским университетом (РАИ). См. также письмо Зелинского к Иванову от 28 ноября 1930 г. в наст. изд.

[10] Итак, Вы видите, что я думаю о Вас и о Ваших (нем.).

[11] "Свидетельствовать" перед всякой инстанцией в пределах всякой границы следующее: Профессор В. И. И. в данный момент <пребывающий> в Павии в Колледжо Борромео, ученый и писатель мировой известности, законный супруг покойной во втором браке и т. д. (нем.). Иванов цитирует письмо Тальберга от 4 ноября 1930 г. (РАИ).

[12] Журнал, выходивший во Флоренции с 1929 по 1940 год, среди учредителей которого были Дж. Папини и De Luca. В № 9 за 1930 г. были помещены 4 стихотворения Иванова: "Il Paradiso Terrestre" (как утверждает О. Дешарт, в авторском переводе, сделанном по просьбе Папини, – I, 856), "Palinodia", "Regina Viarum" и "Monte Pincio" и объявление о публикации его поэтических произведений в переводах О. Ресневич и D. G. De Luca.

[13] Иванов цитирует редакционную статью, предваряющую публикацию стихотворений: "О филологе и поэте, но не – внимание! – профессоре и сочинителе стихов, а одном из круп-

нейших католических писателей нашего времени" (ит.). Вот ее полный текст: "Viačeslav Ivanovic Ivanov – nato nel 1866, attualmente insegnante nell'Almo Collegio Borromeo di Pavia – è uno dei più sapienti e profondi scrittori della Russia moderna. Filologo e poeta, non già, badiamo, professore e versificatore – egli conosce, o meglio vive l'antichità classica, sì da farne sostanza feconda del presente e nel medesimo tempo, studioso d'ogni mistero, d'ogni epopea, d'ogni bellezza, ha scritto libri di tale modernità da farlo classificare fra i profeti del simbolismo. Spirito intensamente religioso ha sentito la necessità di passare dalla Chiesa Ortodossa a quella Cattolica e da qualche anno è diventato uno dei nostri nella massima basilica della Cristianità, sicché può essere annoverato fra i maggiori poeti cattolici del nostro tempo". Интересно, что то же самое предисловие было предпослано "Frontespizio" к публикации в апрельском номере 1932 ст-ий "Capella votiva", "La via d'Emmaus" и "Il corno alpino" в переводе Кюфферле. На одном из экземпляров 1932 г., хранящихся в РАИ, дарственная надпись "Родоптеросу – Айлурос (по-гречески). Pentecoste <Троица – ит.> 1932".

20. В. И. Иванов – О. А. Шор
18 ноября 1930 г. Павия.[1]

18. XI. '30.

Наконец имею от Вас долгожданную весточку[2] – правда, слишком лаконическую – и рад за Вас, что Вы в классической Casa Nardini;[3] где, может быть, жить дороговато, но во всяком случае должно быть приятно, п<отому> ч<то> в ней чувствуется сама Флоренция. Работайте, душка Фламинго, прилежно и счастливо. Поклонитесь Николаю Петровичу очень сердечно, и Лохову. У меня ничего нового, – плетусь через жизнь clopin-clopant,[4] – стараюсь по мере сил; к Вам же апантетически простираюсь.

В. И.

Зайдите, почему бы нет? к Papini[5] и скажите, что я ему очень благодарен.

[1] Почтовая карточка, адресованная во Флоренцию.

[2] Открытка от 16 ноября 1930 г.

[3] Название гостиницы, расположенной на Piazza S. Giovanni, примыкающей к Кафедральному собору.

[4] Как-нибудь (фр.).

[5] Здесь речь, по-видимому, идет о просьбе поблагодарить Джованни Папини (1881-1956) за публикацию в журнале "Frontespizio". О характере отношений русского и итальян-

ского писателей можно судить по письму Иванова к Папини от 11 апреля 1926 г., где, после сообщения о присоединении к католичеству в соборе Св. Петра, Иванов прибавлял: "Questo fatto deve rimanere assolutamente segreto per gli amici e tutti gli esteri fino al principio della mia *azione;* voi siete un collaboratore dell'opera spirituale, di cui il primo passo è ormai accompiuto" (Fondazione Primo Conti, Fiesole, Archivio G. Papini; сообщено Т. Н. Николеску). Ср. также письмо Папини к Иванову от 1 июня 1930 г.: Ivanov a Pavia, с. 45-47.

21. В. И. Иванов – О. А. Шор
6 декабря 1930 г. Павия.[1]

6 дек. '30.

Rhodopteros еще и сердится! Сам два раз<а> крякнул: "Nardini. Studio"[2] – и ничего больше, а еще ожидает апантетических мелодий. Кроме того, Вы не получили, видно, моей благодарности за высылку книг с замечанием, что *свои* книги я сполна получил, а Вашей (которую Вы хотели приложить, чтобы она хранилась у меня) в пакете не было.[3] Давно собираюсь Вам написать, что очень, очень радуюсь Вашему прилежанию,[4] и притом прошу Вас быть очень изобильной в библиографии, называть с величайшею библиографическою точностью все, что Вы читали, и все, чего Вы *не* читали, в цитатах же проявить величайшую филологическую добродетель, именуемую "а к р и б и е й ", которая состоит в строжайшей правильности выписок, с соблюдением каждой малейшей запятой, и также чтобы цитат было наивозможно больше: все сие первая необходимость и наилучшее украшение opusculum'a,[5] рождение коего на свет ожидается мною с великим нетерпением. Очень я рад за Оттокара[6] и хотел бы написать ему, если бы Вы были столь обдуманы, чтобы присовокупить к доброму совету и точный адрес (via della Robbia – ?). Лидии нужно ехать в Рим, к Респиги, на начавшийся курс. Советую поместить Диму (если ему не хочется жить в Albula) в отель Transheim,[7] на индивидуальный пансион, до Ликотина возвращения в Энгельберг к апрелю. План Ликота о Мероле[8] – inconcludente.[9] Статья Медтнера о "R<ussische> Idee" (под заглавием "W. Iwanows Wesensschau des Russentums") помещена в "N<eue> Zür<cher> Zeitung"[10] в двух фельетонах: интересная. Я в настроении мрачном, ибо "Д<остоевско>го" все не удалось еще выслать, за необходимостью радикальных переделок все в 1-ой части (и вследствие утечки времени из всех пор коллегиальной жизни). На днях все же вышлю. В остальном все all right. Будьте умница и веселая.

Ап<антетически> Ваш Αἴλουρος.[11]

[1] Почтовая карточка.

[2] “У Нардини. Занимаюсь” (ит.).

[3] Открытка О. Шор от 10 ноября 1930 г., где говорится, что она присовокупляет к книгам Иванова также и свою.

[4] Вероятно, отсылка к письму от 24 ноября 1930 г., где О. Шор описывает свое пребывание во Флоренции: “Встает Розовый рано; в семь с небольшим, ибо его главная библиотека открыта от 9-12. А Вы знаете, что поздно ложиться – это ничего, но рано вставать – Фламинго не умеет. Выгнанный в 12 из одной Тотовской письменхранительницы, Египетский быстро летит в другую, открытую до 4-х. После этого он обедает и устремляется что-нибудь осмотреть. Если успевает, то залетает еще в третью, маленькую, библиотеку, открытую до семи. <...> Матерьялу оказалось – море, и если все толком исследовать, то увязнешь. Но Птица решительно начала писать. Этим делом она занимается по ночам, ибо придя домой, она от усталости тут же засыпает (ведь комната теплая и постель мягкая) и аккуратно просыпает все возможные социабельные часы, почему и эремитствует <от ит. eremita – отшельник>. Встает часов в 11 ночи, быстро подставляет головку под холодную воду, спускается на площадь выпить кофе, немедленно возвращается и начинает писать. Подробный конспект всех 5 главок готов. <...> Теперь вам ясно, что не только у Папини не была, но ни Ник<олаю> Петр<овичу>, ни Лоховым еще не передала вашего привета”.

[5] Брошюрки (ит.).

[6] В открытке от 1 декабря 1930 г. О. Шор сообщает, что Оттокар получил место ординарного профессора во Флорентийском университете.

[7] В конце 1930 года Д. В. Иванов переселился в отель “Энгельберг”, где прожил до окончания своих штудий в Швейцарии. См. Д. Иванов, с. 86, Иванова, с. 220-221.

[8] Частная гимназия в Риме.

[9] Бестолковый (ит.).

[10] За 28 и 29 ноября 1930; соответственно №№ 2305 и 2313.

[11] О. Шор отвечает письмом б. д. (декабрь 1930 г.; первая с. отсутствует): “Первые 2 главы: рассмотрение всех существующих портретов М<икель->А<нджело> и разбор мнений <....> 3-я глава – автопортрет на коже и теория мифа <...> Птице хочется скрещиванье мифов назвать законом синантемы мифов. Можно? 4-ая глава – Венусти. История возникновения ‘Страшного суда’ и возможность автопортрета в левом углу фрески (одним словом, nucleo). 5-ая глава. Для Птицы – самая увлекательная. <...> В Никодиме (на Pietà здешней) М<икель->А<нджело>, *по свидетельству Вазари*, изобразил себя. В стихах его Фл<аминго> нашел изумившие Птицу признания, кот<орые> всеми, а в том числе и самой Птицей, были прослушаны, хотя стихи Птица знала почти что наизусть. Одним словом, глава о Рождении и Воскресении, Магии и Теургии.<...> Простите, <...> что Фломи не догадался присовокупить адрес Оттокара <...> Впрочем, знаю, что Н<иколай> П<етрович> Вам писал, и адрес, пожалуй, теперь уже излишен. Т. к. Вы занимаетесь Дост<оевск>им (трепещу, что пропустите у Siebeck’а все сроки), то, думается, Вам легко вырезать оттуда кусочек для Флоренции. <...> Ради Бога, пошлите *Юше* немедленно хотя бы Ваш собственный экземпляр Медтнеровской статьи. Оказать ему это внимание *НЕОБХОДИМО*. <...> Ей-богу, на днях схожу к Папини. Все не соберусь. Даже Лоховых почти не видаю”.

1931

1. В. И. Иванов – О. А. Шор
27 августа 1931 г. Давос.[1]

Это не Вы, ὦ Ῥοδόπτερος, – это l'ébauche d'une des lettres qui constituent la correspondance galante de Monsieur mon fils...[2] Я же о деловом. Каффи просит доставить ему немедленно рукопись "Достоевского" – он устраивает французское издание книги (для которого мне не хочется тревожить Шарля Du Bos).[3] Пошлите ему все три части, которые у Вас хранятся. Адрес: Monsieur Andrea Caffi, Villa Romaine, 8 rue Douglas Haig, Versailles (Seine et Oise), France. Он так мило и нежно о Вас пишет, так вспоминает Ваше последнее свидание, что я советовал бы написать ему дружеское письмецо. Благодарю Вас за открытие и пересылку письма и договора:[4] жаль только, что Зибек не хочет мне дать сразу 1200 марок, ибо 2-ое издание in blauer Ferne.[5] Но все же подписываю, как есть. Планы мои, кажется, изменяются. Сижу за работой, спешу написать Петрарку,[6] ибо все сроки приблизились, а моим нужно ехать. Хочу отпустить их в Engelberg в четверг и сам приехать к ним через несколько дней и пробыть у них до 10, 12 окт<ября>. Утомительное для меня второе путешествие из Павии на Ривьеру хочу отменить и остановиться по дороге в Комо или на озере Комо, куда Вам ведь не трудно приехать? Ликот говорит, что Ваша "Barchetta"[7] очаровательна и весь город, а м<ожет> б<ыть> Вы найдете что-нибудь около villa Carlotta и т. п.

Не попробовать ли нам озерную вилледжатуру? Пробудем на озере вместе больше 2 недель. Votre avis, s'il vous plait.[8]

Апантетически Ваш
Αἴλουρος.[9]

[1] Почтовая карточка.

[2] Набросок одного из писем, которые составляют галантную переписку господина моего сына (фр.). Эта французская фраза Вяч. Иванова относится к первой строке ("Chère Madame"), принадлежащей Димитрию.

[3] Дю Бос стремился издать по-французски книгу Иванова о Достоевском, но в этот момент не мог заниматься издательскими делами по состоянию здоровья. Подробнее см. переписку Иванова с Дю Босом в наст. издании. Проект не осуществился, роль Каффи в нем неясна.

[4] Контракт с издательством Зибека на издание книги о Достоевском был подписан сторонами 3 сентября в Тюбингене и 5 сентября 1931 года в Павии. О. Шор в письме б.д. писала: «Во исполнение Вашего приказания египетский стряпчий немедленно сунул клюв <...> в ворох стамп, имеющих своим адресатом Айлуроса, и благополучно выудил потребные договоры, каковые имеет честь препроводить при сем. Договоры Зибеком были посланы в виде стамп, и не только Лина, но и сам ректор, их ей передавший, никак не могли догадаться об уржентности сего пакета, ничем по виду не отличающегося от других, действительно, вовсе не спешных. Bozz'ев <от ит. – bozze – гранки> никаких нет. Юшу извещаю о судьбе договоров. <...> Если Вам нужна какая-нибудь справка о Петрарке, то скорее сообщите, чтобы я успела в библиотеке ее разыскать. <...> Вчера получила письмо от Гессена, кот<орое> кончается: "Привет душевный Вяч<еславу> Ив<анович>у. Как вопрос об издании его стихов? Ведь 'Совр<еменные> Записки' с радостью издали бы их в своей книжной серии". <...> Еще обожающий АВФ».

[5] В голубой дали (нем.).

[6] Вяч. Иванов был приглашен выступить на конгрессе в Ареццо, посвященном творчеству Петрарки, как переводчик сонетов из книг "На жизнь мадонны Лауры" и "На смерть мадонны Лауры". Он пишет статью *Il lauro nella poesia del Petrarca*, которая будет напечатана в "Annali della Cattedra Petrarchesca" Vol. IV Anno 1932 (Firenze 1933).

[7] Название гостиницы.

[8] Ваше мнение, пожалуйста (фр.).

[9] Вверху и внизу текста приписки Д. и Л. Ивановых и печать в виде кошачьего следа с надписью по окружности рукой Л. В. Ивановой: "Пропущено кошачьей цензурой".

2. В. И. Иванов – О. А. Шор
9 октября 1931 г. Давос.[1]

9. X. '31.

До отправки рукописи,[2] о Родоптерос души моей, я был в абулии,[3] но все же, и именно благодаря абулии, принял решение отрицательное (вернее, не нашел в себе сил на положительное) по вопросу о Комо: не хотелось новых, рискованных экспериментов на новых местах, чтобы не испортить нашей короткой вилледжатуры; пугала перспектива пансиончика на полу-швейцарский лад, который бы нас стеснял своими порядками и соседями и утешал бы только видом с балкончика на кусочек озера, старинный город и <1 нрзб>, все те же горы; пугала и перспектива излишней свежести воздуха, того же в сущности, что и в Павии; чувствовалась ностальгия по морю, оливам, б<ыть> м<ожет>, именно по нашему Ноли. Сегодня рукопись "Петрарки" послана в двух экземплярах: один, переписанный Ликотом, послан экспрессо в Ареццо, где конгресс начинается в

воскресенье и заканчивается во вторник экскурсией;[4] другой экземпляр, моею рукою писанный, послан Нашимбене для просмотра стилистического и изготовления двух или трех дактилограф<ических> копий, из коих одна будет послана в Ареццо для печати (в Atti del Congresso Petrarchesco), другая в Hochland, где ее переведут на нем<ецкий> язык.[5] Тезисы же (или "riassunto") были уже неделю тому назад отосланы в дирекцию конгресса с письмом. Справив эти дела, я вижу горизонт впервые ясным. А именно, едем мы в понедельник, с Лидией мы попутчики до Цюриха; в Цюрихе, где я ни с кем не вижусь, я беру прямой поезд, без пересадки до Милана (эта дорога через S. Gotthard дешевле, чем через Тирано). В Милане я в 8 часов 5 минут. Беру павийский поезд и приезжаю в Павию в 9 ч. 44 м. Во вторник устраиваю дела в Collegio (таковые есть) и м<ежду> пр<очим> в банке (то, о чем Вы, бдительный стряпчий, напоминаете), в среду могу ехать. Вы могли бы, конечно, выехать, не дожидаясь меня в Павии, чтобы устроиться; но мне хочется почему-то с Вами тотчас увидеться и мне было бы приятнее, чтобы Вы выехали, скажем, во вторник – все же немного раньше меня, чтобы найти местечко и наладить все, я же могу и 3 ночи заночевать в родном Чернигове,[6] если в моей комнате нет мышей.[7] Во всяком случае хочу приехать в Павию к Вам, а не в пустоту, и вообще никуда не торопиться и не разрываться. Сказать Вам имею много и о многом, но сейчас довольно. Апантетически и нетерпеливо Ваш В. И. Если бы Вы успели починить Гитину[8] коробочку, я бы взял ее, по совету Лидии, на Ривьеру вместо чемодана.

Сегодня Ликот очень устал, чтобы делать багаж назавтра, а в воскресенье его просят играть в церкви и вести хор на торж<ественной> службе.

И есть еще несколько срочных писем, м<ожет> б<ыть>, Зибеку и Евсею Дав<идовичу>. Поэтому до понедельника.

Везу с собой швейц<арские> франки на нашу жизнь.[9]

[1] Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю.

[2] Статьи о Петрарке.

[3] По-гречески aboulia – нерешительность; как медицинский термин – болезненное ослабление или утрата воли.

[4] Судя по письму Иванова Дю Босу, конгресс состоялся 12 октября 1931 года. См. письмо № 9 в переписке Иванова с Дю Босом в наст. издании.

[5] Статья в этом журнале не появилась. М. Вахтель приводит письмо издателя Карла Мута, который отказывается публиковать работу Иванова. См.: Вахтель 1995, с. 126, прим. 77.

[6] Домашнее название для Павии (в значении маленького провинциального городка).

[7] По свидетельству домашних, мышь была для Иванова хтоническим животным и внушала ему ужас. См. также разговор с С. В. Троцким (НЛО 10, с. 72).

[8] То есть Гиты Радич.

[9] В конце письма рукой Л. Ивановой сделана приписка: “Пуфи велит приписать, что о Петрарке статья вышла гадостью, и врет”. О. Шор отвечает письмом от 29 сентября 1931 г.

1932

1. В. И. Иванов – О. А. Шор
3 сентября 1932 г. Больцано.[1]

3. IX. '32.

Дорогая Фламинго, Лидия что-то напутала в сообщениях обо мне и моих планах. Последние очень просты и непоколебимы: я живу здесь, в Assunta,[2] до 31 октября, когда возвращаюсь в Павию. Никаких сомнений относительно климата, температуры, погоды и еще чего, что досужие люди за меня выдумывают, ища куда-то выжить меня из моего излюбленного места, где мне во всех отношениях так хорошо, – у меня нет. Так и знайте.

Что касается Вашего возвращения с контессиной[3] в Павию, мне кажется, что ускорять его во что бы то ни стало нет ни малейшего основания. Если бы Вы даже не застали уже Лидии здесь по приезде из Павии, разве это было бы так трагично? Что касается комиссии, призван я могу быть разве лишь зимой, да и то, в качестве supplente,[4] не наверное. Занимаюсь главным образом переводом Ахинеи.[5] Получил Lutherbibel.[6] Поклон Вашей милой спутнице. Апантетически Ваш

В. И.

[1] Почтовая карточка. Адресована в Ортисей.

[2] Лето 1932 г. Ивановы проводили в итальянском Тироле в горном местечке Assunta sul Renon. См.: Фрагмент из воспоминаний Д. В. Иванова // Europa Orientalis 1999, 2, с. 268.

[3] Уменьшительное от ит. contessa – графиня. Имеется в виду графиня Анна Мария Кальви (Nob. Anna Maria contessina Calvi di Torriano), старшим другом и горячо любимым ментором которой была О. Шор. Кальви и Шор провели вместе ,август 1932 на вилле Кун в верхнем Больцано (Вахтель 1995, с. 133). Когда "контессина" после серьезных штудий на факультете экономики была назначена профессором университета в Кальяри (Сардиния; в 1933-35 гг. она преподавала на юридическом факультете финансы и финансовое право), О. Шор по просьбе семьи поселилась с ней, дабы защищать девичью честь молодого профессора (прим. Д. В. Иванова). Сравнительно быстро надобность в этом отпала, так как Кальви вышла замуж за своего коллегу Sergio Sotgia.

[4] Заместителя (ит.). В РАИ хранится извещение Министерства Просвещения (Ministero dell'Educazione Nazionale) от 16 августа 1932 года о том, что В. И. Иванов приглашается в качестве заместителя в Аттестационную комиссию по присуждению звания при-

ват-доцента по русской литературе (Comissione giudicatrice per il conferimento della libera docenza in letteratura russa). Одним из действительных членов Комиссии был Ло Гатто.

[5] Иванов начал переводить первую главу "Повести о Светомире царевиче" на немецкий язык. Текст см.: Вахтель 1995, с. 283–300.

[6] Библия в версии Мартина Лютера. Речь идет о немецкой библии, о которой В. И. Иванов просил Штайнера, чтобы, работая над переводом "Светомира", проникнуться духом старинного немецкого текста. См.: Вахтель 1995, с. 134-135, где помещены письмо Г. Штайнера от 4 сентября 1932 г., в котором тот говорит о посылке книги, и ответ В. И. Иванова от 7 сентября 1932 г.

2. В. И. Иванов – О. А. Шор
9 сентября 1932 г. Больцано.[1]

9 сент. '32.

Дорогой Фламинго. *Нет, ОТНЮДЬ не разрешаю*. В мою комнату нельзя врываться; а чтобы быть допущенным, необходимо предварительное уведомление о том от меня, обращенное в Collegio. Притом мгновенные причуды синьореливской семьи принципиально не должны быть принимаемы во внимание и исполняемы в спешном порядке, ибо не заслуживают поощрения. Возмутительна бесцеремонность, с которою обращаются к Вам в мое отсутствие с целью изъятия из моей запертой комнаты в Collegio понадобившихся внезапно книг, которые не требовали три года, – как будто у нас все общее, даже моя комната в монастыре. Поучительно будет для О<льги> И<вановны> разъяснение ее заблуждения, и в этом разъяснении я лично весьма заинтересован[2].

Мой билет Павия – Больцано – Павия имеет длительность до 31 октября (с приплатой 10% за октябрь), но 31 октября все билеты этого типа теряют силу: вот почему я написал, что живу здесь до 31 октября. С Церингеном[3] подписан договор на все время. Евсею Дав<идови>чу я ответил *тотчас* по получении его запроса об издании статей о Трагедии, о Норме Театра, о Неприятии Мира, о Шиллере и о "Цыганах" – и ответил утвердительно, в полном согласии с его предложениями.[4] Мне невесело, что Вы принимаете участь пожить здесь скрепя сердце и только в виде уступки мне, что видно из фразы: "*Раз Вам хорошо*" тут... и проч. О<льга> И<вановна> писала Лидии о Gui[5] (это очень мило и трогательно с ее стороны), и Л<идия> уже ей ответила, благодаря и прося написать ему, и дала ей его адрес. Приветы же Рибольди не делают менее грубым и типично-заносчивым ее нежелание ответить на его письмо. Никакого

противоречия в том, что я за одно хвалю, за другое браню, нет; впрочем, у вас, когда речь идет об О<льге> И<вановне>, всегда заскок. Это не мешает мне с нетерпением ожидать прилета Розового. Ап<антетически> Ваш В. И.[6]

[1] Почтовая карточка. Ответ на письмо О. Шор от 8 сентября 1932 г. и на ее письмо от того же числа, адресованное Л. Ивановой: "Конюг, драгоценный, спешно вот что: получила от Ольги Ивановны письмо <...>: 'Я узнала, что Лидия не добралась до Гуи и, может быть, я могу ей помочь в этом. Он очень добрый человек, один из самых близких друзей покойного Онофри, и я его знаю. Сообщите мне его адрес, и я ему напишу".

[2] В письме от 8 сентября 1932 г. О. Шор спрашивала разрешения забрать "Золотую легенду" ("Legenda Aurea") – наиболее популярный в средневековье сборник житий святых Jacopo da Varazze (ок. 1228-1298), – принадлежавшую О. И. Синьорелли, которую Иванов давал на время Амфитеатрову: см. письмо Амфитеатрова от 7 ноября 1931 (Минувшее 22, с. 485). Утверждение о "трех годах" – явная эмфатизация, так как, судя по переписке, "Золотая легенда" находилась у Амфитеатрова с сентября 1931 по июнь 1932. Несмотря на энергичный протест Иванова, книга была возвращена владелице (см. письмо № 14 Иванова к Синьорелли, помещенное в наст. издании).

[3] То есть, с Е. Д. Шором; Церинген – город в Германии, где Е. Шор в это время жил. В. И. Иванов отвечает на письмо О. Шор от 8 сентября 1932 г.: "Юша шлет умоляющие письма. Думаю, что разрешение на издание статей дать надо; иначе их *издадут без* Вашего разрешения и ничего Вам не заплотят – а потом судись!"

[4] В письмах от 15 и 26 августа 1932 г. Е. Д. Шор ставил В. И. Иванова в известность, что группа молодых людей, обучившаяся русскому языку, решила приняться за перевод и издание его статей из сборников "По звездам" и "Борозды и межи". Если их намерение осуществится, – пишет он, – автор пострадает и материально, и в отношении писательской репутации, так как перевода на просмотр ему не пришлют. Оградить авторские права Иванова с формальной точки зрения почти невозможно, поэтому Е. Д. Шор предлагает поторопиться с изданием книг в соответствии с планом, составленным ими совместно в 1928 году, особенно "Искусства и Символа" и "Судеб театра". Тем временем ему необходимо письмо с поручением заботиться о переводах книг Иванова и защите его интересов в Германии (оп. 3, № 210, л. 15-16). 2 сентября 1932 г. он предлагает прежде издания сборников начать публиковать отдельные статьи и перечисляет те произведения, которые представляют интерес для современного немецкого читателя и могут быть переведены без авторской переработки текста. По его мнению, это работы "О сущности трагедии" и "Эстетическая норма театра", так как они не связаны непосредственно с российской исторической обстановкой, их породившей, а также первая часть статьи "Идея неприятия мира", статья "О Шиллере" (новый для немецкой публики взгляд на Шиллера, который одновременно "учит 'русскому духу' на внешне знакомом материале") и работа, которая не вошла ни в один из задуманных сборников, однако является "классическим образцом литературного исследования, направляющегося к философской цели", – "О 'Цыганах' Пушкина". Упомянутые эссе он предлагал поместить в серьезных театральных или художественных журналах (оп. 3, № 210, л. 18). Иванов согласился и послал Е. Д. Шору доверенность 19 августа 1932 г.

[5] Витторио Гуи (1885-1975) – дирижер. Жил во Флоренции, где принимал активное участие в музыкальных и театральных сезонах. Встрече с Гуи Л. Ивановой, тогда была начинающим композитором, способствовала О. Синьорелли. Эта встреча произошла в флорентийском доме Гуи, куда Л. Иванова принесла последние партитуры. Конкретных результатов, однако, не последовало. См. также письмо № 14 В. И. Иванова к О. И. Синьорелли, помещенное в наст. издании.

[6] В верхней части карточки приписки Л. и Д. Ивановых, а также "печать".

3. В. И. Иванов – О. А. Шор
15 сентября 1932 г. Больцано.

15. IX. '32.

Дорогая Фламинга,

Ждем Вас со дня на день и гадаем, где Вы и отчего Вас нет. А Вы занимаетесь нелепыми полемиками и восклицаете совершенно бессмысленно: "жду указаний (?!), *когда* вылетать".[1] Видно, какие-то неприятные известия, о которых Вы вскользь упоминаете, Вас, бедненькую птичку, так расстроили, что логика от Вас ушла. Прилагаемая же карточка есть, напротив, триумф логики: ибо я уже Вам докладывал, что для изъятия книги из моей комнаты нужно мое специальное обращение к ректору, а т. к. Вы хотели пробыть в Павии всего несколько часов и я даже не знал, застанет ли Вас там моя открытка, то почел таковое обращение слишком длительной процедурой. Ныне же вижу, что Вы отнюдь не спешите застать Вашего конъюга, ждущего только ответа из Рима, чтобы немедленно ехать. Ибо с Gui уже списались, и жена его просит от его имени предварительно выслать ему партитуру, – что упраздняет план остановки во Флоренции.

Если пакета от Карабба в Collegio нет, купите один экземпляр "Переписки" и привезите сюда. Вчера мне писал Ганчиков, что "Переписка" вышла и что он успел уже прочитать Ваш "гениальный", как он пишет, этюд, после которого ему уже и писать трудно о "Переписке".[2]

Мы пили за Вас – за Ваш дебют – и торжествовали Ваше блестящее первое выступление, с коим Вас и поздравляем торжественно, но – увы! – все еще заочно.

Апантетически Ваш

В. И.

P.S. Бедный Ганчиков страшно огорчен и подавлен. Лицей его закрыли, и он потерял $^3/_5$ своего заработка!

[1] Письмо не обнаружено. Сохранилось письмо от 14 сентября 1932 г., в котором О. Шор поздравляет Иванова с выходом "Переписки" и прилагает адресованную ей открытку Л. Ганчикова от того же числа.

[2] Л. Ф. Ганчиков обещал написать статью о "Переписке из двух углов", и Иванов приводит в вольном изложении следующий отрывок из его письма от 13 сентября 1932 г.: "Сразу же прочел прекрасный этюд, написанный гениальною O. Deschartes – и побледнели мои размышления, обеднели линии уже вырисовавшегося моего этюда – не знаю, стоит ли теперь, после работы Ольги Ал<ександровны>, думать об этом?" (оп. 3, № 41, л. 19).

1933

1. В. И. Иванов – О. А. Шор
6 сентября 1933 г. Альбано.[1]

6 сент<ября>.

Фламинго душка, место нашлось с Voghera.[2] На вокзале встречен Димой. Лидия осталась из-за головной боли. К 5 ч. приехала веселая. Мы с Д<имой> много гуляли – до озера – и обедали дома. Только что вернулись ужинать, уже втроем, из виллы Помпея[3], аллея которой изображена на обороте. Вместе с тем это и правая часть вида с балкона моей комнаты. Широкая полоса моря на горизонте. Помещение очень мило и удобно, но лестница содержится внизу так, что возбуждает отвращение. Чувствую себя отлично, и формула отношения к птице максимальна. Коты Вам наурчивают всяких любезностей. Адрес: Corso Vittorio, 26, presso Corsi, Albano Laziale. Да.

В. И.

[1] Открытка с видом Альбано. Датируется по почтовому штемпелю. Адресована в Павию.

[2] Городок поблизости от Павии.

[3] На территории виллы Помпея (106-48 до Р. Х.) в Альбано расположен парк.

2. В. И. Иванов – О. А. Шор
16 сентября 1933 г. Альбано.[1]

16-IX-33.

Перестаньте сейчас же дурить и факирствовать, прекратите умоисступленное неистовство и донкихотские самоистязания, бросьте senz'altro[2] Ваши Авгиевы конюшни, которые и через 9 месяцев не вычистишь, пошлите воздушный поцелуй Вашему сумасшедшему принципалу[3] и к 25 сент<ября>, как положено, предписано и предназначено, будьте здесь. Апантетически В. И.

[1] Почтовая карточка, адресованная в Павию. Текст письма помещается в верху и на обороте письма Л. и Д. Ивановых. Дата – рукой Л. Ивановой. Очевидно, это ответ на письмо О. Шор от 12 сентября 1933 г.: "А Флом завяз в работе и конца-краю не видит. Совершенно (должен покаяться) неуместно и псевдонаправлено у него Мишо заработал, и в одну непрекрасную ночь он выдумал, как совсем по-новому надо сделать библиотеку. <...> Теперь ему самому очень нравится; возможно, что проф<ессор> обругается <...> Ведет себя Птица самовластно: разогнала всех ассистентов (кот<орые> ей помощью только мешали) и наняла (в отсутствие, но с разрешения проф<ессора> все же) умненькую, тихонькую девочку, кот<орая> беспрекословно, некритично и точно исполняет техническую работу. Однако весьма мечтаем скорее кончить и удрать. Посему работаем в Институте с 10-2 и от 3-8; в воскресенье же только от 3 до 8. И все же не знаем, когда кончим! <...> Прочел Фломи (аллаверды Пуфи) 'Новеллу' Гёте со сладкими заклинательными молитвами и сравнил их с Пуфиным переводом. Ну и Пуффи! Очень замечательные *свои* песни написал на мотив Гёте, но они – не перевод, самое большее – вариации на тему, да к тому же еще свободные". По-видимому, подразумевается статья "О границах искусства", в конце которой Иванов приводит перевод песен из "Новеллы" Гете (II, 651). Возможно, О. Шор в это время читала названную работу, так как там есть и стихи Микеланджело.

[2] Безоговорочно (ит.).

[3] В целях заработка О. Шор согласилась заняться систематической реорганизацией одного из экономических институтов Павийского университета. Эта работа, сильно ее утомлявшая, к счастью, длилась недолго (Прим. Д. В. Иванова). Из чернового варианта письма О. Шор к Б. Грициотти от 29 апреля 1935 г., сохранившегося в РАИ, выясняется, что она была секретаршей в Институте, директором которого он являлся; таким образом, именно его подразумевали под "сумасшедшим принципалом" и "профессором".

3. В. И. Иванов – О. А. Шор
9 октября 1933 г. Альбано.[1]

Понед<ельник> 9. X.

На всякий случай, не зная где Вы, исчезнувший из глаз моих Родоптерос, уведомляю Вашу астральную тень, буде таковая осталась в Гамбаране, что мои покидают Альбано в четверг вечером, а я в субботу (14-го) утром, и в Риме надеюсь получить комнату на via Aurora 39,[2] а *25-го октября* (день, когда истекает срок моего продолженного билета) возвращаюсь в Павию, а именно в Гамбарану.

Дима выдержал свой экзамен (1e partie Bachot A1 класс) avec *mention*![3]

Апантетически В. И.

[1] Почтовая карточка, адресованная в Павию. Датируется по почтовому штемпелю. На обороте письмо Л. Ивановой с припиской Д. Иванова.

[2] Пансион, где жили Ивановы.

[3] С высшей похвальной отметкой (фр.). Д. Иванов сдал экзамены – 1-ый экзамен на аттестат зрелости с гуманитарным уклоном. Продолжая учиться в Энгельберге, он решил сдать экзамен экстерном во французском лицее в Риме. Аттестат зрелости состоял из двух частей, и на кандидата представляли два года подряд. Программа, выбранная Д. В. Ивановым, была классической (Прим. Д. В. Иванова).

4. В. И. Иванов – О. А. Шор
19 декабря 1933 г. Павия.

XII. 33.

Φίλη Ῥοδόπτερος,

приветствую вас с конъюгом в Риме и с Е<всеем> Д<авидовичем> и его семьей.[1] У нас сибирская погода. Получите из пересылаемой конъюгу суммочки 200 рублей. Будьте, будьте обожательны и устройте мучащее меня дело со Штейном о ящике книг,[2] который жду в Павию. Monsignor[3] очень доволен Вашим приветом из Cagliari. Еще вот что: опять пристают из Харькова определить их картину. Не будете ли в Herziana[4], чтобы навести следующую справку: есть ли среди произведений Annibale Caracci <так!> и где масло (2-3 метра в длину) “Агарь в пустыне” – Agar con figlio e un angelo nel deserto?[5]

Спешу.

Хр. и Б.М. с вами обеими.

Да.

В.

Sto benissimo.[6]

Пишу в банке.

[1] Вынужденный покинуть Германию, Е. Д. Шор недолго жил в Италии, а затем поселился в Палестине. Иванов воспринимал этот переезд как экзистенциальный выбор и обсуждал его в письме к Е. Д. Шору, советуя ему перебраться в Америку. Подробнее см.: Д. Сегал // Cahiers, с. 347-352.

[2] При переезде из Павии в Рим пропал ящик с книгами Иванова, которые были необходимы ему в работе.

[3] Нашимбене. В Кальяри О. Шор была с Анной Кальви. Письма Шор к Иванову с 12 октября 1933 по май 1934 не обнаружены.

[4] Немецкая библиотека истории искусств на via Gregoriana в Риме.

[5] A. Carracci (1560-1609) – художник. Итальянский вариант названия полотна – "Агарь с сыном и ангелом в пустыне". Речь идет о картине, которая находилась в московском доме Дмитриевских, и потом оказалась в Харькове. В письме от 12 мая 1926 года Дмитриевская просит Иванова по существующим изданиям репродукций определить, подлинник ли это, и принадлежит ли она действительно кисти Карраччи. К письму от 29 сентября 1926 г. приложен ее рисунок карандашом: "копия" картины (оп. 3, № 75, л. 18). После смерти Дмитриевской ее двоюродная сестра М. И. Нечаева, думая картину продать, многократно адресуется к Иванову с этой же просьбой (5 писем с конца 1933 по конец 1934 гг., оп. 3, № 149, л. 11-24 об.).

[6] У меня все в порядке (ит.).

1934

1. О. А. Шор – В. И. Иванову
25-26 мая 1934 г. Кальяри.

<...> Здесь все all right. Очень красиво. Город желто-золотой, небо и море синие. На всем почему-то лежит отпечаток какой-то грусти, точно утраты. Почему? Чем была Сардиния прежде? Сейчас население ее *не достигает* миллиона; туземцы – милые, благородные, крепкие крестьяне, но они духовно ничего не обещают, а богатого прошлого не видно. Геологически и флорически нагорожены, вернее, рядоположены самые различные образования; точно Господь Бог склад случайно оставшихся вещей из этого острова сделал. Выставка сардского искусства отсюда уехала, и Птица будет естественно заниматься мнемологией, кот<орая> весьма энергично стучится в душу. Времени свободного, к сожалению, не очень много, т. к. помимо общения интимного и полиглотического с контессиной, Фломи еще готовит (а значит, сам учится) к экзаменам по интернациональному, коммерческому и римскому праву ее сестренку, очень умную и развитую девочку.[1] <...> В университетском гербе Кальяри изображена Мадонна Иммаколата: оказывается, студенты здешнего университета спокон веков должны были клясться в готовности бороться за введение догмата "иммаколата"[2] против всех противных течений. Вы душка и Вас ласкают крылышками. Хр. и Б. М. с нами. АВФ.[3]

Вот она, Madonna, в университетском гербе. Фломи попросил контессину написать на этой бумаге, на кот<орую> Птица не имела права. <...> Спешу отправить письмо.

Хр. и Б. М. с нами.

АВФ.

[1] Бьянку. Ее письмо к О. Шор находится в РАИ.

[2] Immacolata – непорочная, зачатая без греха (ит.). Речь идет о догмате Непорочного Зачатия Девы Марии, провозглашенного папой лишь в 1854 году.

[3] Приложено письмо Анны Марии Кальви на бумаге университета Кальяри – Universitas Studiorum Caralitana – с гербом, изображающим Мадонну.

2. В. И. Иванов – О. А. Шор
28 мая 1934 г. Павия.[1]

28. V. '34.

Дорогой Фламинго, Вас глубоко уважают; формула отношения самая высокая, после легких колебаний в последние дни вследствие слишком длительного Вашего молчания. Но вот только что получено светлое и милое письмецо, за которое глажу Ваши крылышки и сердечно благодарю милых барышень. Здесь все, слава Богу, светло и чрезвычайно спокойно, даже нечего о себе сообщить, кроме того, что чувствую себя отдохновительно и немного лениво. Заезжал на днях ко мне на четверть часа добрый Дука.[2] Дня через три-четыре после Вашего отъезда мне телефонили из Гамбараны, прося сообщить, "in che paese sia partita la signorina".[3] Вопрос был затруднителен. Очевидно, Вы не дали своего адреса, боясь, что из гостиницы не сумеют переслать, как следует, письма, и они могут пропасть. С другой стороны, вопрос заставлял предполагать, что Вашим адресом интересуются в квестуре, в этом случае умолчание было бы более чем неуместно. Посему я сообщил по телефону Ваш точный адрес (через Agnese). На днях заходил в Гамбарану и спросил у молодого хозяина, почему меня спрашивали о Вашем адресе. Он отвечал: "Справлялись из квестуры". All right. "А есть ли для синьорины письма?" – "Никаких писем нет. Если будут, мы вас известим". – "Отлично". Итак, будьте спокойны. Хотя, заметьте, точных инструкций о передаче писем мне или их пересылке через меня Вы не дали. – Дима едет числа 2 или 3 в Эвиан;[4] ему высланы деньги. – Выслал также 300 лир Вашему конъюгу, кот<орый> спешно хлопочет по своим делам и отложил свой визит ко мне до 8 июня. Будьте спокойны, веселы и мнемологичны. Не трепыхайтесь крылышками розовыми попусту. Благословляйте прекрасное Средиземное море со всеми его богами. Апантетически Ваш

В.И.

Переписывайтесь *деятельно* с Ликотом!

Только что еще звонил в Гамбарану: писем нет, и еще не было. Если будет почта для Вас, меня уведомят по телефону. Будьте же спокойны. В. И.

Спасибо за Мадонну. Вас уважают. О Consiglio[5] еще нет и речи.

[1] Почтовая карточка.

[2] От ит. "герцог". По всей вероятности речь идет о поэте, писателе и политике герцоге T. Gallarati Scotti (1878-1966), который в 1931 году сопровождал Бенедетто Кроче к Иванову в Павию. Галларати-Скотти описал знакомство Иванова и Кроче в статье *Disputa al Borromeo* для газеты "Corriere della Sera". Она воспроизведена в его книге *Interpretazioni e memorie*. Milano,Mondadori, 1965. Ср. Иванова, с. 180; Ivanov a Pavia. 1986, с. 17, а также письмо Иванова к О. И. Синьорелли от 21 июня 1933 г. в наст. издании. В РАИ находится одно письмо Галларати-Скотти к В. Иванову 1935 года и записка 1936 года.

[3] "В какой город уехала синьорина" (ит.).

[4] Город-курорт в южной Франции. Поблизости от него, в городе Невесель, который частью административно зависит от Эвиана, родился Д. В. Иванов.

[5] Совете (ит.). Очевидно, о заседании Административного совета Колледжо в связи с окончанием учебного года. В 1934-1935 учебном году бюджет Колледжо был сокращен, место преподавателя иностранных языков упразднено, и Иванов переехал из Павии в Рим. До решения Совета Л. В. Иванова думала переселиться в Павию к отцу и О. Шор.

3. В. И. Иванов – О. А. Шор
2. X. 34.

Rallegromi nascita Angelo Valeo – IVANOV.[1]

[1] Телеграмма. Поздравляю с рождением Анжело. Все в порядке. Иванов (ит.).

4. В. И. Иванов – О. А. Шор.
31 октября 1934 г. Фрейденберг.[1]

Freudenberg, 31 окт<ября> 34.

Приветствую Розокрылого с его милыми родственниками. All right. Обе лекции благополучно прочитаны. И в Люцерне, и в Цюрихе ottima stampa.[2] Вчера здесь два длинных фельетона обо мне.[3] Публики собралось столько, что пришлось переменить аудиторию и идти 10 минут (я, к счастию, имел автомобиль) в другую, в другом здании. Остаюсь во Freudenberg'е до субботы утра; в субботу еду в Италию – куда, не знаю. Если еще есть билеты в Рим со скидкой 70%, думаю – в Рим. От вас еще ничего не имею. Где Дима? Счастливого путешествия странникам. После этих строк уже не могу Вам писать, не зная, где Вы. Ваш апантетически В. И.

[1] Почтовая карточка. Фрейденберг – замок Бодмеров под Цюрихом.

[2] Хвалебные отзывы в печати (ит.).

[3] 30 октября 1934 г. Иванов читал в Цюрихе лекцию "Über die geistigen Grundtendenzen der Zeit" (немецкий вариант итальянского эссе "Размышления об установках современного духа" – III, 453-484) и через несколько дней повторил ее в Люцерне. Отзывы о выступлении поместили Neue Zürcher Zeitung, 30 Oct. 1934, № 1946 и Luzerner Nachrichten und Zentralschweizerisches Handelsblatt, 2 November 1934, № 257. См. Иванова, с. 221, Вахтель 1995, с. 166.

5. В. И. Иванов – О. А. Шор
22 ноября 1934 г. Павия.

22 ноября '34.

Любимец розовый! Что комната, занятая Ликотом, была к тому предназначена, явствует из большого изображения фламинго в красках на бархате, висящего в раме над столом, за которым мы обедаем и чай пьем.[1] Молчание Ваше мрачно, и когда, например, Серый Волк и Заяц (Оттокар и Добро*вен*[2] – как он теперь именуется, наподобие Бетхо*вена*)[3] одновременно начинают нас расспрашивать и пытать о Вас, мы особенно горько чувствуем и нашу разлуку, и нашу душевную разлученность за последнее время. Последнее – потому что Вы молчите и отказываетесь одобрять или бранить, направлять или удерживать. А мы привыкли к Вашей опеке. Или у Вас опять педагогическое исступление?[4] Третьего дня был я у Don De Luca при Alvaro,[5] и первый показал мне полученное от Giovanni Papini письмо, где он пишет о "grande e buono Ivanov":[6] что писал академику Pavolini, декану во Флоренции,[7] о большом приобретении университета в моем лице и что Pavolini отвечал ему, что он охотно дал бы мне incarico, если бы их "fondi"[8] позволяли дать мне "uno stipendio decente",[9] но что он окажет "pressione"[10] в этом смысле на ректора. Вчера же неожиданно явился Оттокар в час, когда мы ждали Добровейна для прослушания новой Лидиной музыки ("Fisher'a" он хорошо помнит), и сказал, что его предложение в факультете было заслушано с полным одобрением (Manacorda[11] стал меня хвалить, и еще какой-то историк древней религии), что мое имя было многим известно, что на вопросе о cittadinanza[12] не останавливались, удовлетворившись прецедентом Павии (из чего не следует, что сей вопрос столь же легко разрешится в Consiglio d'Amministrazione[13] и в министерстве), но что "fondi" препятствие серьезное, однако, по мнению Оттокара, устранимое упразднением

одного лишнего incarico, не желательного для факультета. Вся эта музыка должна разрешиться в начале декабря (а дело идет только о 300 с чем-то в месяц); во всяком случае курс начали бы только в январе, из чего следует, что я пробуду в Риме весь декабрь, и по-видимому мы с К. И. остаемся у Petrocchi, где дивно топят и порядочный рояль<?> и обед можно получить за 5 лир – одним словом, кажется, не стоит ничего другого искать, п<отому> ч<то> здесь слишком хорошо и для К. И. здорово; пусть мы переплачиваем, но с такими удобствами ничего, пожалуй, и не найдешь, да – еще нам сделают маленькую уступку. Очень хотел бы продолжать, но К. И. прекращает и меня и себя, идя спать... Итак, до следующего письмеца. Ваш апантетически

В.И.

Дружба с Excellenz v<on> Hassel[14] und Gemahlin: five o'clock в deutscher Botschaft (Бодмер уже пишет, что мой визит sie *sehr* gefreut hat)[15] и просьба их превосходительствам, дружным с М<анцони>, поговорить с ним насчет свободы от svincolo (так!)[16] (очень мне сочувствовали).

А Оттокар addirittura[17] потребовал от меня вчера неожиданно прошения о cittadinanza!!

Пушите,[18] любезная птица.

С Alvaro мы уже распределили по темам четыре первых статьи! Но и здесь вопрос о cittadinanza может все свести на нет – в дирекции газеты и в Ufficio di Stampa![19] Решится вопрос о Stampa[20] в течение 10 дней.

Пушите же, Птица Александровна Дешарт (это уже К. И. диктует*), пушите.

*А все прежнее написано обоими друг от друга независимо, каждый отдельно. Так работали 70 толковников (Septuaginta),[21] и переводы, по легенде, совпали.

Да

В.И.

Адрес сына все

Family hotel, rue de l'Opera
Aix-en-Provence
(иначе: Aix (B. d. R.)
т.е. Bassin du Rhône, Département)[22]

[1] Это был пансион кавалера Petrocchi, находившийся в palazzo Maragnoli на piazza Colonna, о котором речь идет и в следующих письмах. Подробнее см.: Иванова, с. 231.

[2] Исай Александрович Добровейн (наст. фамилия Барабейчик, 1891-1953) – дирижер, пианист и композитор, в 1930 г. главный дирижер "Музеумконцертума" во Франкфурте-на-Майне. Под управлением Добровейна в 1933 году в Augusteo исполнялась "Sinfonia breve" Л. В. Ивановой. См.: Иванова, с. 223.

[3] В тексте письма окончания подчеркнуты Ивановым.

[4] Возможно, работа у Кальви.

[5] Известный итальянский писатель и журналист Corrado Alvaro (1895-1956).

[6] "Об Иванове, который велик и добр" (ит.).

[7] Паоло Эмилио Паволини (1864-1942) – профессор санскрита в Флорентийском университете, член Королевской Итальянской академии.

[8] Финансовые фонды (ит.).

[9] Приличное жалование (ит.).

[10] Давление (ит.).

[11] Гуидо Манакорда (1879-?) – профессор германистики во Флорентийском университете.

[12] Гражданстве (ит.).

[13] Правлении (ит.).

[14] Ульрих фон Хассель (1881-1944), в 1932-1938 гг. немецкий посол в Италии, казнен за участие в Сопротивлении. С фон Хасселем Иванова познакомил Бодмер.

[15] <Дружба> с его превосходительством фон Хассель и супругой: five o'clock в немецком посольстве (<Бодмер уже пишет, что мой визит> его очень обрадовал) (нем.).

[16] Обязательства (ит.).

[17] Даже (ит.).

[18] Т. е. "пишите", тоже одно из домашних словечек Ивановых, его употребляла и О. Шор. Возможно, это производное от "пушистый", ибо Иванов часто называет ее письма "пушистыми" (что, кажется, обозначало высшую степень качества, "божественность").

[19] Бюро печати (ит.).

[20] "La Stampa" – туринская ежедневная газета, основанная в 1867 году.

[21] Septuaginta, или перевод 70 толковников – предпринятый в 3 веке до Р. Х. в Египте перевод Ветхого Завета на греческий язык; по преданию, каждый переводчик работал самостоятельно, когда же их переводы сличили, они совпали дословно.

[22] Д. В. Иванов поступил в университет Экс-ан-Прованса (города на юге Франции, климат которого был благоприятен для его здоровья) одновременно на отделение классической филологии и на юридический факультет. См.: Д. Иванов, с. 88-89. В. И. Иванов ошибается: Aix-en-Provence расположен в Département des Bouches du Rhône.

6. В. И. Иванов – О. А.Шор.
14 декабря 1934 г. Павия.

14 дек. ‘34.

На деловое письмо, Птица Вы поднебесная, Богу милая, зарекрылая, и ответ деловой, да к тому невеселый.

Пооглядевшись, вижу, что никаких уроков здесь никому не получить, ни Ликоту, ни Флому – в порядке естественном, в порядке же сверхнатуральном, конечно, все возможно.

Логический отсюда вывод как будто таков: ловить каждому – будь он птица или кот – рыбу, где рыба клюет. Мне во Флоренции с осени, так как, по словам Оттокара, декан гарантирует мне там к тому времени incarico, а пока нюхать воздух в Риме; Ликоту нигде не лучше, чем здесь, пока что, – Вам же в Павии.

Для объединения же котоптичьего семейства, ограничиться съездами и временными гостинами.

Однако ближайший полный съезд всех четырех под новый год мне кажется неблагоразумным из-за излишних трат. О намерениях моего молчаливого сына я недостаточно осведомлен. Если он не предпочтет съездить в Париж, что я готов ему suggérer,[1] то приедет вероятно перед Рождеством. Максимальная растяжимость его билета (con proroghe[2]) 20 дней; но едва ли он может остаться в Италии так долго без ущерба для своих занятий. Если бы Вы приехали после его отъезда, то ни он, ни Вы ничего не платили бы за квартиру в Риме. Места для четверых у нас нет, нужно было бы искать где-то (м<ожет> б<ыть>, у венгерки?[3]) комнату для него. И все было бы немного бестолочно и перебивчиво. То ли дело, если бы Вы нам с Ликотом всецело и сосредоточенно принадлежали в январе. Встрече же нового года я разучился с годами придавать какое бы то ни было символическое или аугуральное[4] значение. Вот, прошлый год мы с Вами вместе встречали, а что он принес в конечном счете? Разлуку. А перед ней такую толкучку, что, хоть некоторое время и в одной квартире жили, а для апантетизма мало имели прибытка.

Что касается вещей, нельзя их трогать с места, покуда Collegio их как-никак терпит. Если же больше не терпит, придется самым простым образом переправить их на склад Штейна в Риме и отнюдь не перекладывать в другие ящики, а платить честно, сколько подобает по числу наличных ящиков (каковой расход рассматривать как неизбежный и нормаль-

ный по теперешней жилищной тесноте). Здесь я могу получить только небольшой scaffale[5] для книг, и, разумеется, вынуть портреты; но и это уже связывает. Говорил с portinaio,[6] но и у него нет свободного местечка; а cantine[7] есть, но полны водой и грызунами.

Единственная радикальная мера была бы взять appartamento ammobiliato,[8] но для этого нужно заключать годовой контракт, что плохо вяжется с перспективой моего переселения во Флоренцию. – Мне почему-то кажется, что во Флоренции Вы легче могли бы найти уроки, чем здесь, где есть единственный отправной пункт для этого дела, да и то ненадежный: Piccolo.[9] Кажется мне, что нам теперь следует сидеть в Риме, а Вам в Павии.

Что касается предложения Реслера,[10] то я связан условием со Штейнером и без его санкции не могу сказать просто: "да". А именно в Цюрихе было положено, что "Corona" издаст книгу моих essais, и именно следующих:

1) "Переписка из двух углов" с письмами к Du Bos и к Pellegrini;
2) "Orientamenti",
3) "Terror Antiquus",
4) "Du bist".[11]

Программа была мне, так сказать, навязана (я возражал, что следовало бы прибавить то и то, – но тщетно). В текущем Jahrgang[12] должны появиться на страницах "Corona" NN° 2, 3, 4. Тотчас после этого должна выйти книжка, набор для которой уже будет готов (NN° 2, 3, 4). Бубнов должен перевести два сопроводительных письма к "Переписке". Таким образом "Corona" хочет при издании много сэкономить на наборе. Излишне говорить, что мои счета с "Corona" столь же сложны, сколь для меня в общем выгодны; во всяком случае я от них так материально завишу, что рассуждать здесь много не приходится. Реслер же неизвестно еще сколько может заплатить. Вынуть же "Переписку" из книжки, издаваемой "Короной", значило бы die Spitze abbrechen,[13] ибо популярность "Переписки" оправдывает самое издание. Реслер тоже спекулирует на популярности "Переписки" и на возможности даром перепечатать перевод Бубнова; лучше бы он издал мои этюды о трагедии, Ницше, гуманизме, театре[14] и пр. Я спросил бы об этом теперь же Штейнера, на риск обидеть "Корону", но он куда-то (в Вену или за Вену) закатился, и вестей от него нет.

Итак, ради Бога, не "везите" вещей, но умолите Collegio держать их; во всяком случае их нужно было бы не везти, а послать к Штейну малою скоростию. Но, может быть, еще и эта напасть все же отвратима.

Вчера Л<идия> обновила свое шелковое платье (и была очень элегантна, в ней есть что-то истинно аристократическое), <а?> я облекся в

smoking для вечернего приема (с маленьким театр<альным> представлением) у von Hassell (герм<анского> посла). Но ricevimento[15] был для немецкой колонии, т<ак> что Лидия была иностранкой и ее как таковую "занимали". С Мережковскими опять (и прекурьезная) дружба и объятия: трижды свидание – у них, у нас, у них. Директор "Stampa di Torino" (в роде "Corriere della Sera"[16]) упрямится, не желая мне платить "прилично", как требует Alvaro; но последний думает, что дело все же наладится – chi lo sa?[17] А это было бы спасением, другого не видно. И как бы я стал хорошо и скоро писать! Уверяю Вас. Sono capace di tutto.[18]

Единственный "актив", который за это время поисков могу констатировать, это – кроме твердого обещания incarico со стороны очень осведомленного обо мне (и помимо Оттокара) флорен<тийского> факультета – есть заказ статьи о символизме *европейском* и русском для Treccani,[19] на 4 столбца; срок 8, 9 месяцев.

12 декабря подана domanda di cittadinanza[20] с *единственно* требуемыми Министерством Внутр<енних> Дел документами: atto notorio, certificato penale del Casellario penale (Palazzo di Giustizia) и certificato del Cons<iglio> d'Amm<inistrazione> del Collegio.[21] Возможно, конечно, что другие инстанции *еще чего-нибудь* потребуют, но по мнению чиновника, к которому возил меня Manzoni, этого не будет, благодаря умному ведению дела (Л<идия> с самого начала не так дело направила). Vedremo.[22] Пока довольно. Мысль о том, что Вы пишете "Мнемологию", светит мне постоянно, как лучик ласковый и утешный. В пересланном Вами сегодня письмеце Нелли[23] сообщение, что у нее есть... "Кольца".[24] Боюсь верить такому счастию. Приветы. Кальви очень сердится. Да. Апантетически Ваш – лучше сказать, ностальгически Ваш – В. И.

* * *

После прочтения этого пессимистического письма, Лидия стала придумывать некоторые технические приспособления на предмет водворения, или, лучше сказать ожердения[25] Птицы в качестве четвертого элемента по случаю котоптичьего съезда. И позваны были кавалер с кавалершей для утверждения сих проектов. Причем они, "идя навстречу" птичьему желанию совместного отпразднования Нового года, заявили, что могут устроить нечто лучшее; а именно, имея сетку для постели, но без матраца, устроить в оной комнате временно un sommier,[26] – чем технический вопрос птичьего водворения (или ожердения) был благополучно разрешен.

По поводу вещей, кавалер полагал бы, что перевоз оных из Павии в Рим, а из Рима эвентуально[27] во Флоренцию несосветимо начетист, и что, ежели бы Collegio отказался начисто их дольше держать, было бы лучше нанять комнатушку (localetto) в Павии для их держания, ограничившись перевозом необходимейшего, для чего есть шкапик (scansia). Я же думал бы перевезти их прямо к Штейну, ничего не перекладывая, ибо иначе ящиков будет и не поднять, и будет все дороже; впрочем, охотно признаю свою в этих делах недоосмысленность. В Павии их держать значит, наверное, потом за ними ехать. Проблема вещей остается, одним словом, открытою.

Далее, я предложил платить с 1 янв<аря> 500 лир в месяц (вместо 540) за две комнаты (считая рояль, это значит 460 лир). Это значило бы притом за троих, если бы Вы решили поселиться с нами. Кавалеры жалуются, но будем надеяться – уступят. Здесь жить decoroso[28] и удобно, вследствие uso di cucina[29] с даровым газом, хорошего услужения, телефона, ванны, лифта, центральности места особенно – в двух шагах от библиотеки и пр. И на троих во всяком случае не очень дорого. Вот и раскидывайте умом, умная птица. Да. В.И.[30]

[1] Посоветовать (фр.).

[2] С продлениями (ит.).

[3] По-видимому, у Гиты Радич.

[4] От ит. augurio – поздравление с праздником.

[5] Полку (ит.).

[6] Швейцаром (ит.).

[7] Подвалы (ит.).

[8] Меблированные комнаты (ит.).

[9] Неустановленное лицо. В библиотеке РАИ находятся книги Francesco Piccolo (1892-?), специалиста по романским литературам: *Arte e poesia dei trovatori.* (Napoli 1938) с искриптом: "A V. Ivanoff devoto omaggio dell'a<utore>" и *Spagna mistica.* (Firenze 1938): "All'illustre Prof. V. Ivanov omaggio devoto F. Piccolo", а также *Sull'origine della poesia moderna.* (Napoli 1938) с дарственной надписью О. Шор. Тем не менее, сведений о пребывании его в это время в Павии найти не удалось.

[10] Rudolf Roessler – владелец издательства "Vita Nova" в Люцерне, с которым сотрудничал Е. Д. Шор в бытность свою в Италии. О. Шор в письме от 12 декабря 1934 г. говорит о предложении Рёсслера, переданном через Е. Д. Шора, выпустить новое издание "Переписки из двух углов". См. об этом также в письме Иванова к Г. Штайнеру от 28 декабря 1934 г. (Вахтель 1995, с. 167). Существуют предположение, что Рёсслер был советским шпионом (сообщено Р. Бердом).

[11] "Письмо к Александру Пеллегрини" ("Lettera ad A. Pellegrini sopra la 'Docta Pietas') 1934 г. (III, 433-451; русский перевод О. Дешарт с параллельным текстом) впервые опубликовано в журнале "Il Convegno" 1933/34. Там же помещена и ивановская статья *Discorso*

sugli orientamenti dello spirito moderno ("Размышления об установках современного духа") 1933 г. (III, 451-485, русский перевод О. Дешарт с параллельным текстом). В книгу должны были войти и две старые работы – "Древний ужас" (1909) и "Ты еси" (1907; см. прим. 4 к письму О. А. Шор от 29 августа 1930 г.). Издание не осуществилось. Статьи, однако, появились в журнале "Corona": "Brief an Charles Du Bos" в сентябре 1935 г., "Wjatscheslaw Iwanow an Alessandro Pellegrini" в 1 выпуске за 1937, "Terror Antiquus" в переводе Бубнова в январе 1935 и "Anima" ("Ты еси") в мае 1935 г.

[12] Году (нем.).

[13] Изъять самое ценное (нем.).

[14] Иванов говорит о статьях, подготовленных для несостоявшихся немецких изданий в соответствии с проектом 1928 г., изложенным Е. Д. Шором в письме от 27 июля 1932 г. Статьи должны были быть объединены в ряд сборников: "Достоевский", "Судьбы театра" (куда предполагалось включить эссе "Ницше и Дионис" (1904), "Эстетическая норма театра", "О существе трагедии"), "Преодоление индивидуализма" (со статьей "Кручи. О кризисе гуманизма", 1919), "Монографические эссе".

[15] Прием (ит.). В РАИ сохранилось приглашение от имени немецкого посла и его супруги на прием в немецком посольстве 13 декабря 1934 г.

[16] Одна из наиболее читаемых в Италии ежедневных газет, выходящая в Милане с 1876 г.

[17] Кто знает? (ит.).

[18] Я на все способен (ит.).

[19] Статья *Simbolismo* была написана в 1936 г. (см. русский перевод О. Дешарт II, 660-667). Издатель Джованни Треккани дельи Альфиери (1877-1961) с 1929 года стал издавать Итальянскую энциклопедию в 36-ти томах, до сих пор со многих точек зрения неустаревшую – наиболее значительное культурное предприятие после первой мировой войны. Гл. редактором был философ Джованни Джентиле (1875-1944), который, несмотря на свой пост министра культуры в фашистском правительстве, привлек к работе наиболее ярких представителей науки и культуры 30-х гг., невзирая на их политическую и расовую принадлежность.

[20] Заявления на получение итальянского гражданства (ит.).

[21] Нотариальный акт, выписка из уголовного архива (Дворец правосудия) и заявление Правления Колледжо (ит.).

[22] Посмотрим (ит.).

[23] Елена Александровна Миллиор (Нелли, 1900-1978) – специалист по истории античной Греции, одна из наиболее близких к Иванову студенток Бакинского университета. Подробнее см.: Иванова, 101-104. В РАИ находится 11 ее писем к В. И. Иванову за 1924-1927 гг. (оп. 3, № 142) и письма к Л. В. Ивановой, переписка с которой длилась до середины 30-х гг., а потом возобновилась в 1964 г. и продолжалась до самой смерти Е. А. Миллиор. Здесь же хранятся ее воспоминания о В. Иванове и исследования о "Мастере и Маргарите" Булгакова. Письмо Миллиор, о котором говорит Иванов, не обнаружено. Подробнее о Е. А. Миллиор см. в посвященном ей выпуске "Вестника Удмуртского университета", Ижевск 1995.

[24] Книга Л. Зиновьевой-Аннибал "Кольца". Драма в 3-х действиях. (М. 1904) вышла тиражом 600 экз. Ныне она находится в библиотеке РАИ.

[25] От слова “жердочка”, на первом слоге стоит ударение.

[26] Часть кровати, на которую кладется матрас (фр.).

[27] Если будет нужно (ит.).

[28] Прилично (ит.).

[29] Возможности пользоваться кухней (ит.).

[30] Кругом текста идет приписка Л. Ивановой. О. Шор действительно поселилась у Петрокки.

7. В. И. Иванов – О. А. Шор
17 декабря 1934 г. Рим.

17 дек. 34.

Дорогой Фламинго, забыл приписать, что Белобородов, который часто о Вас поминал и выражал надежду увидеться с Вами, отправляясь в Милан, теперь вероятно уже наладил там свою выставку, в галерее, именуемой, кажется, Скупинич[1] (или вроде этого). Ежели Вы будете в Милане, отберите пожалуйста у Кюфферле мои книги[2] (они становятся решительно нужны). Хорошо бы выяснить там же непосредственно, когда ожидаются, как могут состояться, мои лекции.[3] Но и в Павию Белобородов собирался серьезно – зарисовать Collegio. Жаль, что при посторонних забыл я и узнать его адрес (пишите ему на известную галерею Скупинич – имя проверьте в адресной книге), и справиться о милом бедном Сеттере. Для статьи “Terror Antiquus” мне нужна справка о местонахождении Бакстовой картины, о чем для меня Белобородов писал запрос А. Н. Бенуа[4] — не знаю, получил ли ответ. Лидия кончила фортепианную Сонату. Карен<?>, федеральный секретарь, был запрошен мною конфиденциально по некоторому важному делу;[5] я написал ему, что если он предпочитает ответить мне устно, то пусть вызовет Вас. Ждем Вашего ответа на деловое послание. Да! Апантетически Ваш В. И.[6]

[1] Галерея носила название Stupinich.

[2] Ринальдо Кюфферле (1903-1955) – поэт, писатель и переводчик. Детство провел в России, после революции семья эмигрировала в Италию. При непосредственном участии Иванова перевел на итальянский мелопею “Человек” (1946). Его переписку с Ивановым, опубликованную Д. Руффоло, см.: РИА I, с. 563-603. О каких именно книгах идет речь, с точностью сказать трудно.

[3] О каких лекциях идет речь и состоялись ли они, установить не удалось.

[4]Александр Николаевич Бенуа (1870-1960) – художник. С 1926 года жил во Франции. В книге "Мои воспоминания" вскользь упоминает об ивановской "Башне". В РАИ хранится его письмо от 18 февраля 1935 г. к В. Иванову, где он сообщает, что картина Бакста находится в Париже у сына Льва́ Самойловича –

Андрея. Очевидно, Бенуа ответил и Белобородову, так как в письме Иванову он просит прощения за неверные сведения, данные им в первый раз (оп. 3, № 21, л. 1).

[5] Лицо неустановленное, фамилия читается предположительно. О каком именно деле идет речь, установить также не удалось.

[6] Следует приписка Л. Ивановой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перевод Вяч. Иванова на итальянский язык фрагментов из рассказа "Святою ночью"

Nell'*akathistos* della Santissima Vergine si legge: "Rallegrati, altezza inascendibile per l'intelletto umano; rallegrati, profondità impenetrabile per lo sguardo angelico!" Ed in un altro brano del medesimo rosario: "Rallegrati, albero di luce fruttifero, che i fedeli nutrisce; rallegrati, albero ombrifero, la cui bella chioma molti protegge..."

– "Di luce fruttifero ... ombrifero", – mormorava.

– "Che parole invento il sacro vate! Di quanto ingegno il Signore l'ha dotato! Per essere breve, parecchie idee raccoglie ed infonde in una sola parola, e tutto riesce così proprio, così composto!.. "Luminare ai mortali lucifero", – così è detto nell'*akathistos* del Dolce Gesù. Non troverai questa parola né in conversazioni, né in libri: donde l'ha tirata fuori? L'ha inventata nel suo proprio intelletto. Ed, oltre la politezza e la maestà, signor mio, è d'uopo proprio che ciascuna riga sia variamente adornata, che vi siano in essa adombrati i fiori e il baleno e il vento, e il sole, e in genere tutte le cose del mondo visibile. Ed ogni esclamazione, bisogna comporla in modo che abbia una bella cadenza e riesca gradita all'orecchio. Nella lauda di S. Nicola dice colui che la compose: "Rallegrati, giglio del germoglio paradisiaco". Non ha detto semplicemente "giglio del paradiso", ma "del germoglio paradisiaco", ciò che è più ornato e più dolce suona".[1]

Черновой автограф карандашом в РАИ.

[1] Ср.: В богородичном акафисте есть слова: "Радуйся, высото, неудобовосходимая человеческими помыслы; радуйся, глубино, неудобозримая и ангельскими очима!" В другом месте того же акафиста сказано: "Радуйся, древо светлоплодовитое, от него же питаются вернии; радуйся, древо благосеннолиственное, им же покрываются мнози!" <...>

– Древо светлоплодовитое...древо благосеннолиственное...– пробормотал он. – Найдет же такие слова! Даст же Господь такую способность! Для краткости много слов и мыслей пригонит в одно слово и как это у него всё выходит плавно и обстоятельно! "Светоподательна светильника сущим..." – сказано в акафисте к Иисусу сладчайшему. Светоподательна! Слова такого нет ни в разговоре, ни в книгах, а ведь придумал же его, нашел в уме своем! Кроме плавности и велеречия, сударь, нужно еще, чтоб каждая строчечка изукрашена была всячески, чтоб тут и цветы были, и молнии, и ветер, и солнце, и все предметы мира видимого. И всякое восклицание нужно так составить, чтоб оно было гладенько и для уха вольготней. "Радуйся, крине райского прозябения!" – сказано в акафисте Николаю Чудотворцу. Не сказано просто "крине райский", а "крине райского прозябения!" Так глаже и для уха сладко. (А. П. Чехов. Полн. собр. соч. в 30 тт., т. 5, М. 1976, с. 97-98).

ПЕРЕПИСКА ВЯЧ. ИВАНОВА И ОЛЬГИ РЕСНЕВИЧ-СИНЬОРЕЛЛИ

Эльда Гаретто

Переписка Вячеслава Иванова и Ольги Ресневич-Синьорелли (1883-1973) содержит сведения об итальянском периоде поэта, прежде всего о его жизни и деятельности в Павии. Главный эпизод переписки – перевод на итальянский язык и издание книги М. Гершензона и Вяч. Иванова "Переписка из двух углов".

Ольга Синьорелли, переводчик и популяризатор русской культуры в Италии, по происхождению была латышкой. В 1905 г., приехав в Италию, она училась на медицинском факультете в Сиене и в Риме. В 1910 г. вышла замуж за Анджело Синьорелли, врача и любителя искусств, и с тех пор их дом стал одним из центров культурной жизни итальянской столицы, посещаемый в течение нескольких десятилетий крупнейшими писателями, художниками и музыкантами не только Италии, но и всей Европы. Во время Первой мировой войны, в послевоенные и пореволюционные годы О. Синьорелли помогала многочисленным русским литераторам и художникам. Благодаря связям своего мужа с официальными кругами столицы, она часто содействовала представителям русской эмиграции в получении итальянской визы.[1]

[1] Более подробно о ней см: Минувшее. 5, с. 167-168 и *Materiali sull'emigrazione russa dall'archivio di Olga Resnevič Signorelli* // Europa Orientalis, 10, 1991 <дальше указ. как EO>, с. 383-384. Из материалов ее архива нами опубликованы следующие переписки: письма Н. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионова // Минувшее. 5, с. 165-182. Также опубликованы письма Нины Петровской к ней // Минувшее. 8, с. 91-133, письма В. Ходасевича и Н. Берберовой // In memoriam, исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб. – Париж 2000, с. 277-300. На итальянском языке издана следующая переписка: F. de Pisis, *Lettere a un'amica (50 lettere a Olga Signorelli) (1919-1952)*, Milano 1967; *Carteggio Papini-Signorelli*, Milano 1968; G. Comisso, *Lettere a Olga Signorelli. 1929-1967*, L'Aquila 1984; *Il carteggio tra E. Gordon-Craig e Olga*

Среди русских, на долгое время обосновавшихся в Италии, наиболее глубокой была дружба с П. Муратовым и с Вяч. Ивановым.

Именно Муратов, как свидетельствуют ее воспоминания, устроил встречу с поэтом сразу после его приезда в Рим (см. Приложение 2).[2]

Публикуемые письма характеризуют как различные стороны ее личности, так и разнообразие деятельности и интересов: от хлопот об итальянской визе для О. Шор и медицинских консультаций для детей Иванова, до ее отношений с представителями русской и итальянской культуры.

Центральным моментом переписки Иванова и О. Синьорелли, как уже говорилось, является перевод "Переписки из двух углов". Публикуемые материалы не позволяют с точностью определить, когда и как зародилась эта идея. Однако можно предположить, что главной мотивацией проекта был как возрастающий интерес к эпистолярно-философской книге М. Гершензона и Вяч. Иванова после выхода в свет немецкого перевода 1926 г., так и пребывание в Италии одного из авторов.

С начала 20-х годов Синьорелли занялась интенсивной переводческой деятельностью[3] и была связана с разными издателями. Первые пробы перевода "Переписки из двух углов" относятся к 1929 г. Работа продолжалась до 1932 г., года публикации. Переписка О. Синьорелли с Вяч. Ивановым и О. Шор, написавшей предисловие к итальянскому изданию, позволяет увидеть все перипетии работы над книгой. После выхода французского перевода *Переписки* в 1930 г. и заинтересованных откликов печати и деятелей европейской культуры Иванову хотелось, чтобы итальянское издание было выполнено на высоком уровне. Замысел издания неоднократно менялся: предполагалось предпослать книге обширное вступление О. Шор, дополнить издание статьей Вяч. Иванова "Кризис гуманизма" и эссе Гершензона "Солнце над мглою" и завершить "Письмом" Вяч. Иванова к Шарлю Дю Босу.[4] Проект в целом осуществить не удалось: нере-

Resnevič Signorelli (1934-1964), Genova 1989. Написанная ею биография Элеоноры Дузе переведена на многие языки: *Eleonora Duse*, Рим 1938; Берлин 1939; Цюрих 1947; Варшава 1972; Москва 1975, Рига 1987.

[2] Ольга Синьорелли в 60-ые и 70-ые годы писала мемуары на итальянском языке. Из них издана только часть: *Craig il riformatore* // La Fiera letteraria, 30.I.1972; *Diaghilev a Roma*, там же, 9.IV.1972; *T. L. Tolstaja* // Nuova Antologia, 3, 1974; *Madama Helbig* // Osservatore Politico Letterario, 6, 1975; *La famiglia Jussupov* // La Strenna dei Romanisti, 1977.

[3] Среди ее переводов: Čechov, *La steppa*, Firenze, La Voce, 1920; Dostoevskij, *Cuor debole. Piccolo eroe*, Firenze, La Voce, 1921; Blok, *Gli Sciti* // Mercurio. 1, Roma 1925; Dostoevskij, *Ossessi*, Foligno, Campitelli, 1928 и *Lettere*, Lanciano, Carabba, 1928.

[4] Письмо опубликовано в переиздании итальянского перевода (Vjač. Ivanov e M. Geršenzon, *Corrispondenza da un angolo all'altro. Dodici lettere russe*, Milano, La Casa di Matriona, 1976). В заметке от издателя говорится, что письмо не было опубликовано в издании 1932 г.

шительность и пассивность издателя, проблемы с переводом, длительные отъезды Синьорелли из Рима, расстояние между корреспондентами, неопределенность относительно вступления, – все это задерживало выход книги, опубликованной только в 32-м году под заглавием "Переписка из двух углов, перевод с русского Ольги Ресневич под редакцией Вячеслава Иванова".[5] Вступление О. Шор состояло из краткой истории произведения и двух очерков о жизни и произведениях авторов.

Вяч. Иванов, насколько можно судить по его переписке с О. Шор, имел не очень высокое мнение о переводческих способностях О. И. Ресневич, для которой итальянский не был родным, между тем, перевод "Переписки из двух углов" требовал языкового чутья и глубоких лингвистических познаний. В письме от 20.10.1931, стараясь не обидеть корреспондентку, Вяч. Иванов настаивает на необходимости продолжать работать над стилем, подчеркивает значимость публикации этого текста, ставшего к тому времени важной составляющей в международной идеологической дискуссии, тем более что известность автора как поэта и философа постоянно росла.

В письмах исподволь обсуждается вопрос о заглавии итальянской книги. Вяч. Иванов авторитетно настаивает на более выразительном варианте, повторяющим французское название. Другая любопытная деталь, отразившаяся в переписке – это выбор псевдонима для Ольги Шор. Речь также идет о точности формулировок и частностях перевода: Синьорелли настаивала, чтобы исправления, сделанные Ивановым, были оговорены. Окончательный вариант перевода, ставшего плодом совместных усилий, был прочитан и проверен Джузеппе Де Лука.

Письма В. И. Иванова хранятся в фонде Синьорелли (Fondazione Cini, Venezia, Collezione Olga Signorelli. Lettere). Письма от 17.II.'27; 27.V.'28; 17.II.'29; 4.V.'30; 31.XII.'31 на бланке Almo Collegio Borromeo. Письма О. Синьорелли находятся в РАИ, публикуются частично.

Фрагмент переписки О. И. Синьорелли и О. А. Шор приведен в Приложении I. Письма О. Шор хранятся в фонде Синьорелли, письма О. Синьорелли к О. Шор – в РАИ. В Приложении II приводится фрагмент из воспоминаний, написанных О. И. Синьорелли в 60-ые годы.

по запрету самого Муссолини, не желающего вступать в конфликт с советским режимом. Как следует из письма Иванова к Синьорелли от 16 декабря 1931, это утверждение неверно: отказался печатать "Письмо к Дю Босу" сам автор.

[5] Venceslao Ivanov e M. O. Gherscenzon, *Corrispondenza da un angolo all'altro*. Traduzione dal russo di Olga Resnevic riveduta da Venceslao Ivanov. Introduzione di O. Deschartes, Lanciano, Carabba, 1932.

1. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
1924-1925 г., Рим.[1]

Понедельник

Глубокоуважаемая Ольга Ивановна,

Благодарю Вас за присылку книги. То, что Вы задержали ее на день, нисколько меня не стеснило. Напротив, я рад, что чтение заинтересовало Вас.

Я познакомился в Istituto per l'Europa Orientale[2] с Sig. Prezzolini.[3] Он дал мне книжку для перевода на русский язык.[4] Надеюсь хорошо поговорить с ним в Вашем обществе.

Совершенно преданный Вам

Вяч. Иванов.

[1] Судя по официально-формальному обращению, это первое письмо Иванова к своей корреспондентке.

[2] Институт по изучению Восточной Европы (1921-1944) был основан Этторе Ло Гатто. При институте была создана библиотека и выходила серия научных исследований.

[3] Giuseppe Prezzolini (1882-1982), писатель и журналист. В 20-ые годы он состоял в ученом совете Института по изучению Восточной Европы.

[4] Не удалось установить, о какой книге идет речь.

2. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
14 февраля 1927 г., Павия.

14 февраля 1927

Дорогая Ольга Ивановна,

Отлученный так давно от общения с Вами, я сильно соскучился по прежней возможности частых свиданий и обмена, хотя бы при посредстве легчайших намеков, взаимными вестями о текущих сновидениях двух па-

раллельно движущих душевных жизней. Ведь достаточно было сказать одному из нас: “пустыня”, другому – “море”, чтобы каждый мог угадать душевный пейзаж другого: каждый продолжал *свое* странствование, но оба странника *шли* вперед и не теряли друг друга из вида; и каждое мгновение возможна была радостная встреча на общем перепутьи.

А теперь нет между нами не только встреч, но и переклички, и мне грустно...

Я, эгоистически и вполне прозаически, заставляю Вас и Вашего бесконечно доброго и милого супруга[1] думать и беспокоиться о моих делах и горячо благодарю за это Вас обоих. Не знаю, дали ли римские власти здешним властям разрешение, – должно быть, да! – но лекции мои в здешнем университете успешно состоялись.

Что касается будущего, оно совершенно неопределенно. Передайте Вашему мужу, с моим сердечным приветом, выражение моей глубокой признательности за все его попечения обо мне и о его пациентке, моей дочери, но вместе – увы! – и новую (или пожалуй, уже не новую, а только возобновляемую) очередную просьбу от Ольги Александровны Шор. Я слишком знаю, как мы надоедаем Вам просьбами о поддержке ходатайств об итальянских визах, и может быть справедливо было бы, если бы Вы решились отстраниться наконец от всякого дальнейшего действия в этом направлении. Но за Шор я должен просить совсем *особенно*. Она – мой преданный друг, ведет с полным самоотвержением все мои дела в России, спасает меня там непрерывно, добывает мне деньги, бережет мое добро, устраивает издания моих работ (теперь, благодаря ей, печатается в Москве мой Эсхил[2]) и пр<очее>. Я ей бесконечно обязан. И она – чудесный и образованный человек. Ее работа о Микель-Анджело замечательна.[3]

Цель ее итальянского путешествия – изучение Микель-Анджело. Ее официальная командировка от Московской Академии Художественных Наук (которая издает и моего Эсхила) – завязать кое-какие отношения между Академией и итальянскими институтами, изучающими искусство с научной точки зрения, а также помочь в деле устройства русского отделения на выставке в Monza-Milano.[4] Живет она исключительно интересами искусства и философии, да практическим альтруизмом, и принадлежит к известной в Москве музыкальной семье Шоров (ее дядя – пианист, профессор московской консерватории и бывший директор частной консерватории,[5] отец имел фабрику роялей). Я прилагаю ее письмо к Вам.[6] Ее двоюродного брата я однажды Вам представил в Риме.[7] Теперь она в Германии, где читает какие-то лекции по искусству или философии, и стремится в страну своего излюбленного Микель-Анджело.

Что же делать? – и это письмо только деловое, – но ведь не едете Вы опять на волшебные острова и мы все же увидимся в июне, в Риме,

не правда ли? Не изменяйте нашей дружбе! Дружески Ваш

Вячеслав Иванов.

[1] Angelo Signorelli (1876-1952). См. предисловие к настоящей публикации.

[2] Стихотворные переводы Эсхила, сделанные В. И. Ивановым, изданы в серии Литературные памятники, М., Наука, 1989. Об ивановских переводах Эсхила см. также *Письма Вячеслава Иванова к Ольге Шор* в наст. томе.

[3] См. *Письма Вячеслава Иванова к Ольге Шор* в наст. томе, по указателю.

[4] Речь идет о Третьей Международной Выставке Изобразительных Искусств, организованной в городе Monza, близ Милана, в Королевской Вилле (Villa Reale) (май–октябрь 1927). Отделение СССР занимало несколько залов. В списке организаторов – П. Коган, председатель ГАХН (председатель), В. Мориц (заместитель председателя), В. Никольский, В. Терновец, В. Шапочников (генеральный секретарь). Значительная часть экспонатов состояла из произведений народного творчества, но выставлялись также работы В. Фаворского, а в театральной секции – макеты и фотографии двух постановок Мейерхольда: *Ревизор* Гоголя и *Мандат* Эрдмана. См. *Terza Mostra Internazionale delle Arti Decorative. Consorzio Milano-Monza. Catalogo*, Milano 1927, с. 56-71. В письмах О. Шор этого периода упоминается мандат, полученный от Академии Художественных Наук (см. переписку Иванов – Шор).

[5] Имеется в виду Давид Соломонович Шор (1867-1942).

[6] Имеется в виду письмо О. Шор от 7 февраля 1927 (см. Приложение 1 к наст. публикации). К письму Иванова приложен перевод на итальянский язык мандата от ГАХН. В письме Шор к Иванову от того же числа текст мандата приводится на фр. яз. (см. переписку Иванов – Шор).

[7] Имеется в виду Евсей Давидович Шор (1891-1974), сын Давида Соломоновича. В архиве Синьорелли хранятся письма Е. Д. Шора к Ольге Ивановне, из которых можно получить информацию о его жизни в Германии и о пребывании в Италии до отъезда в Тель-Авив (1933-1934).

3. О. И. Синьорелли – В. И. Иванову
17 февраля 1928 г., Рим.[1]

Рим, 17 февраля
via XX Settembre 68

Дорогой Вячеслав Иванович,

уже две недели как собираюсь Вам писать, чтобы Вас использовать. Несколько лет тому назад, переводя “Святой ночью” Чехова, не сумела справиться с этими несколькими строками из акафистов, кот<орые> писал какой-то монах.[2] Теперь есть случай печатать этот рассказ[3] и я буду Вам бесконечно признательна за помощь.

Как Вы уже знаете, Caffi[4] уехал во Францию. Я очень рада за него, хотя в духовном отношении с его отъездом моя духовная жизнь в Риме стала гораздо беднее.

Видаю иногда Ольгу Александровну, но очень уж редко... Знаю, что Дима[5] продолжает чувствовать себя хорошо, но давно к нему не заезжала. Надеюсь сделать это на следующей неделе. Работаю понемногу, но без увлечения и без размаха. Мне всегда кажется, что здесь, в Риме, что-то очень тяжелое давит надо мной, или какие-то чужие магнетические токи высасывают мою силу и разлагают волю. Крепко и сердечно жму Вашу руку.

Ваша

Ольга Синьорелли.

Дорогой друг,

нашла еще эти несколько строк, с которыми не знаю как справиться... Простите. Я еще опьянена впечатлением *полета*, который свершила сегодня... Как все мелко и ничтожно с высоты! Колизей, Quirinale, S. Pietro – самый Рим – все какие-то ничтожные игрушки!

Всего Вам наилучшего и сердечно жму руку.

Ольга Синьорелли.

[1] Датируется по содержанию.

[2] К письму приложены две страницы с цитатами из чеховского рассказа.

[3] Рассказ вышел в свет в изд. A. Čehov, *Jonyc, Notte di Pasqua, Brava Gente*, Lanciano, Carabba, 1931. Перевод фрагмента из акафиста Иванова см. в Приложении к Переписке Иванова с О. Шор.

[4] Andrea Caffi (1887-1955), журналист, философ, переводчик, специалист по эллинской и византийской культуре. Родился в Петербурге. Меньшевик. Был арестован и в 1908 выслан из России; жил в разных странах Европы. В Италии, после Первой Мировой Войны, основал два журнала, "La Vita delle Nazioni" и "La Giovane Europa" (вместе с Umberto Zanotti-Bianco). В 10-ые годы сотрудничал в ж. "La Voce". Вернувшись в Россию в 1919, был снова арестован. В 1923 перебрался в Италию, жил в Риме, где общался с антифашистской интеллигенцией. Решение уехать во Францию было вызвано главным образом ухудшением политической ситуации. О нем более подробно см. предисловие к кн. A. Caffi, *Critica della violenza*, Milano 1966, с. 5–25; G. Bianco, *Un socialista irregolare: Andrea Caffi intellettuale e politico d'avanguardia,* Cosenza 1977; Antonello Venturi, *Rivoluzionari russi in Italia 1917-1921*, Milano 1979, с. 141-144. См. также *Dizionario biografico degli italiani*, v. XIV. О его отношениях к Иванову см. Europa Orientalis, VIII, 1989, с. 498-99.

[5] Д. В. Иванов. Его воспоминания о О. И. Синьорелли опубликованы в статье *Una russa a Roma* // Vita Italiana, 28/29, 1970, под псевдонимом Jean Neuvecelle.

4. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
24 февраля 1928 г., Павия.

Павия, 24 февр. 28

Дорогая Ольга Ивановна,

с удовольствием выполнил я Ваше приятное поручение: перевод прилагаю.[1]

Мне тяжело слышать, что Вы так часто испытываете угнетенное душевное состояние. Здесь есть несомненно доля самовнушения, которое Вам легко победить собственным усилием, потому что Вы умеете становиться духовно выше жизни. Найдите *в себе* силу для этого действия *высшей* воли, выйдя из границ тесного личного *я*. Кто знает в себе свое *высшее я*, и может минутами прильнуть к нему всецело и почувствовать себя всецело в нем, в этом высшем *я*, – тот должен положить свои невидимые руки на плечи своего низшего земного *я* и вести его, куда хочет, как ребенка, – и как ребенка, ободрить его, отогнать от него всякий страх и уныние, вдохнуть в него силу и радость.

Я также рад, что Каффи решился уехать во Францию и взглянуть на дело просто, здорово и правильно, но мне также будет жаль не найти его на Пасхе в Риме. Ольга Александровна хворала флебитом ноги, что меня тревожит; может быть поэтому Вы ее видите редко, и это очень жаль.

Я, к сожалению, никогда не испытывал впечатление полета. Но напрасно, взглянув на Рим с воздушной высоты, Вы нашли мелкими и ничтожными человеческие творения. Поверьте, что одна клеточка нашего мозга содержит в себе больше ценности и вечности, чем любая междупланетная пустота. Не нужно поклоняться Пространству, как и Времени, и признавать власть этих двух призраков над нами.

О Диме я слышу хорошее, но далек от оптимизма... Благодарю Вас и Вашего мужа за все ваши драгоценные заботы о нем.

Желаю Вам душевной бодрости, ясности и вдохновения.

Дружески Ваш всецело

Вяч. Иванов.

[1] См. также письмо В. Иванова к О. Шор от 26 февраля 1928. В письме от 7 марта О. И. благодарит корреспондента за “чудный перевод”.

5. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
27 мая 1928 г., Павия.

27 мая 1928

Дорогая Ольга Ивановна,

Вы меня знаете, как знают друга. Вы понимаете и недосказанное и вовсе не сказанное... Вы знаете, как я переживаю в глубине души все, что Вы делали и делаете для Димы и нас с Лидией. Вы читаете в моей душе ту огромную, незабвенную благодарность, для выражения которой я напрасно стал бы искать слова, которые бы не уменьшали того, что я хотел бы сказать. Примите мой почти немой знак признательности – так, как я желал бы, чтобы Вы его душевно расслышали!..

Мне пишет Ольга Александровна, которая любовно-чутко к Вам прислушивается, что Вам опять взгрустнулось. Правда ли? Мужества, духовного мужества, дорогая! Перед Вами такое широкое поле чудесной деятельности, прекрасной полноты духа, всевозрастающего постижения...

Вероятно, я буду в Риме: увидимся ли? поговорим ли, как некогда, в *прежнее спокойное время*. Вы сердечно тронули меня милым приветом из Пестума.[1]

Ваш бесконечно благодарный и преданный друг.

Вяч. Иванов.

[1] По всей вероятности, речь идет об открытке, отправленной Иванову из города Пестум на юге Италии, где сохранились греческие храмы и др. древние постройки. В архиве Иванова открытка нами не обнаружена.

6. О. И. Синьорелли – В. И. Иванову
13 февраля 1929 г., Рим.

Рим, 13 февраля 29
via XX Settembre 68

Дорогой Вячеслав Иванович,

дня три тому назад послала Вам книжку *Мед и кровь*[1] и очень Вас прошу вернуть мне ее как можно скорее. Надеюсь, что до понедельника Вы успеете и прочесть и выслать ее обратно. Прошу Вас, напишите и

Ваше впечатление об этой книжке, которая показалась очень интересной и мне и Ольге Александровне, так что вместе и порешили послать Вам ее. <...> Была бы очень благодарна, если бы Вы могли мне вернуть просмотренный Вами перевод.[2] Издаст его Carabba в коллекции *La cultura dell'anima*,[3] и так как я требую, чтобы книжка вышла не позже мая, надо делать контракт не позже конца февраля.

Пишите мне.

Сегодня la commemorazione di Onofri,[4] куда пойду с Ол<ьгой> Ал<ександровной>. На улице идет снег и кружится в виде метели. На душе сегодня грустно. Пишите мне.

Была два раза в Министерстве, чтобы хлопотать о премии для Лидии, но человек, от которого это зависит, продолжает быть больным. Но я его знаю, и Casella[5] его знает, и будьте спокойны, что это все уладится. Жму крепко и сердечно Вашу руку.

Ольга Синьорелли.

[1] Имеется в виду роман Николая Ивановича Колоколова (1897-1933), опубликованный в 1928 г. Синьорелли перевела роман для издательства Mondadori (*Miele e sangue*, Milano 1931). В те годы Колоколов был одним из любимых писателей М. Горького, который, как можно заключить из архивных материалов (письмо Н. А. Пешковой к О. И. Синьорелли от 8 мая 1929), посоветовал Синьорелли перевести его произведения. В архиве Синьорелли хранится письмо Колоколова от 26 августа 1929 с автобиографической справкой.

[2] Имеется в виду *Переписка из двух углов*.

[3] Культура души (ит.).

[4] Заседание, посвященное памяти памяти (ит.). Arturo Onofri (1885-1928), поэт, литературный критик, антропософ, переводчик Р. Штейнера.

[5] Alfredo Casella (1883-1947), композитор, пианист, дирижер.

7. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
17 февраля 1929 г., Павия.

17. II. 29

Дорогая Ольга Ивановна,

Книжку *Мед и кровь*, я надеюсь, Вы уже получили обратно. Благодарю Вас за присылку. Она, конечно, очень любопытна. У автора есть дарование. К сожалению, он испортил свой вкус чтением Андрея Белого, которому часто подражает робко и фальшиво. Главная неудача Колоко-

лова – натянутая идеализация отвратительного чекиста. Или автор покривил душой (что есть художественное самоубийство), или он просто плохой художник, потому что крупный художник не может так грубо ошибиться в исследовании сердца человеческого. Притом и историческое изображение Накатова кажется неверным: кровавая школа эс-эрского террора, основанная на совсем других нравственных уклонах и соблазнах, накатовской психологии, по-видимому, не порождала. Одно утешение: Накатов умирает естественной смертью. В символическом истолковании это значит, что накатовщина умрет сама собой. В общем автор служит и нашим, и вашим: Госиздат доволен прославлением Чеки; враги революции могут быть довольны яркой картиной постепенного развращения народной души. Книжка мне не понравилась: ни в ее *меду*, ни в ее *крови* ровно нет веры в Бога. Уже по одному этому Госиздат прав со своей точки зрения, распространяя ее в массах.

Простите мою долгую задержку Вашего перевода. Многочисленные занятия, отложить которые было мне по внешним обстоятельствам невозможно, или по духовным запросам мучительно, отнимали у меня все время. Постараюсь теперь спешно сделать эту работу, хотя incarico[1] в университете еще увеличило мои повседневные заботы.

Неожиданно скорая кончина незабвенного Onofri глубоко меня огорчила; о нем моя душевная дума.

Благодарю Вас от души за добрые хлопоты о премии Лидии, и рад, что Вы не теряете надежды на успех. Лидия посылает Вам вышедшие на этих днях из печати свои детские песеньки о *pane nostro*.[2] Приветствуйте от меня Вашего супруга сердечно.

Верьте в мою неизменную, крепкую, глубокую и благодарную дружбу.

Ваш Вяч. Иванов.

[1] Имеется в виду место преподавателя русского языка в Collegio Borromeo. См. письмо от 22 ноября 1928 в переписке Иванов – Шор. О деятельности В. Иванова в Павии см. также Fausto Malcovati, *Vjačeslav Ivanov a Pavia,* Pavia 1986.

[2] См. письма от 13 апреля 1928 и 23 января 1929 в переписке Иванов – Шор.

8. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
3 марта 1929 г., Павия.[1]

3 марта 29

Дорогая Ольга Ивановна,

Окончив работу со всей спешностью, какая только была возможна, высылаю Вам рукопись заказной и *espresso*.[2] Но прошу Вас прислать мне bozze,[3] потому что рукопись все же не в полном порядке и много в ней мест трудных и сбивчивых для набора, и я не уверен, все ли еще заметил, что нуждалось в исправлении. Напишите мне, получена ли рукопись и какова ее судьба. Сердечный привет. Простите задержку и постарайтесь печатать немедленно.

Преданный Вам

Вяч. Иванов.

[1] Почтовая открытка.

[2] Имеется в виду перевод *Переписки из двух углов.* В письме от 27 февраля Синьорелли просила Иванова прислать рукопись "как можно скорее", и добавляла: "Carabba надоедает мне почти ежедневно и грозит, что, если книжка не будет набрана в марте, она не выйдет к Рождеству, а если будет набрана в марте, выйдет в апреле".

[3] Гранки (ит.).

9. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
4 мая 1930 г., Павия.

4 мая 30

Дорогая Ольга Ивановна,

Письмо к Александру Яковлевичу Таирову было послано мной 2-го мая утром espresso на Teatro Valle.[1] В письме я дал ему и Ваш парижский адрес.[2] Старался, между прочим, привлечь его внимание на талант Вашей милой дочери (и моего друга).[3] Но это обстоятельное письмо писал я все же, признаюсь, нехотя. Не потому только, что я очень мало и поверхностно знаком с Таировым, но главным образом потому, что в душе не сочувствую его бездушному снобизму. Как поживаете вы обе в Париже, и хорошо ли удалась выставка? От души желаю Марии самого блес-

тящего успеха, но не менее горячо желаю ей сохранить свою художественную и душевную независимость, внутреннюю самостоятельность, которая в Париже должна подвергнутся трудному и ответственному испытанию. Итак, сердечные приветы и всего, всего светлого!

Ваш глубоко преданный

Вячеслав Иванов.

P.S. Видитесь ли Вы с Андреем Ивановичем Каффи? Как ему писать?

[1] В 1930 *Камерный театр* Александра Таирова гастролировал по Европе. В Италии труппа выступала в Турине, во Флоренции, в Риме (Teatro Valle) и в Милане. В репертуаре: *Гроза* А. Н. Островского и *Негр* О'Нила. См. воспоминания А. Коонен "Страницы жизни". М. 1975, с. 333-335. О. Синьорелли писала для журнала "L'Italia Letteraria" (30. V. 1930) статью о Станиславском и Таирове. Письмо, в котором Синьорелли просила В. И. написать Таирову, в архиве Иванова обнаружено нами не было. В архиве Синьорелли хранятся 2 письма Таирова к Синьорелли за 1935 и 1936 гг.

[2] Письмо адресовано в Париж, Hôtel d'Isly, rue Jacob.

[3] Имеется в виду старшая дочь Ольги Ивановны, Мария (1908-1992), крупный специалист по кукольному театру, которая в эти годы устраивала выставки марионеток.

10. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
20 октября 1931 г., Ноли.

Noli (Savona), albergo Europa, 20.X. 31

Дорогая Ольга Ивановна,

Простите меня, что только теперь откликаюсь на Ваше милое письмо, полученное мною в Давосе. Я был там очень, очень занят: нужно было срочно послать мое сообщение о Петрарке для Congresso Petrarchesco in Arezzo.[1] С 15 окт<ября> мы с Фламинго на Ривьере. Сегодня пришло Ваше письмо к Фламинго вместе с письмом Carabba.[2] Вы спрашивали меня, "остался ли я доволен переводом". О, да! – в общем... Многое в нем очень удачно, многое неточно или стилистически небрежно. Он неровен. Но за это время вышел в свет французский перевод, блестящий,[3] (который, однако, я также изменил во многом!). В том переводе многие места переписки, не поддававшиеся точному переводу, нашли свою окончательную форму, которой нужно было воспользоваться и для итальянского издания. *Переписка* вообще стала настолько ответственной во всех своих деталях,

была оценена столь высоко (см. напр<имер> рецензию в "Nouvelle Revue Française" за май, также рецензию Don De Luca в "Vita e Pensiero"),[4] что нужно было приложить к ней все возможное внимание, взвесить каждое слово и оборот речи, сделать более ясными и отчетливыми многие места, не достаточно точно передающие мысль авторов в оригинале, что неизбежно повлекло за собой многочисленные изменения в набранном тексте. Фламинго со своей стороны должна была исправить многое в своем предисловии.[5] Текст целиком был выверен еще со стороны языка при помощи ученых-итальянцев.[6] Мало того: мне захотелось дать многочисленные поэтические цитаты (чаще всего из моих стихов) в стихотворной форме, что, разумеется, делает перевод более красивым. Одним словом, было в моих глазах безусловно и во что бы то ни стало необходимым придать *Переписке* в ее итальянской одежде вид достойной серьезной книги, рассчитанной не на моду дня, а на длительное существование, и перед этим внутренним долгом отошли на задний план все другие соображения. На этом я и *стою*. Carabba прав: такие изменения (раньше их по многим причинам нельзя было предпринять) при *машинном* наборе дают ему убыток. Чтобы помочь горю, я со своей стороны отказываюсь от всякого гонорара в том случае, если он, Carabba, будет печатать книгу немедленно. Но если он отложит ее выход опять надолго, я ни от чего не отказываюсь, а он, ничего не выгадывая, будет действовать против своих же интересов, так как теперь *Переписка*, выходящая отдельной книгой и по-французски, будет лучше покупаться.

Вам, как переводчице, могут показаться насильственно навязанными многие выражения, которые, Вам, быть может, не по душе, Вы можете, если хотите, дать в заголовке не одно свое имя, но вместе с моим: *traduzione di Olga Signorelli e V. I.*[7] Если Carabba хочет тянуть, может быть, он отдаст свои права другому издательству, которое я без труда подыщу и которое окупит его издержки на набор. Прошу Вас немедленно написать ему и выяснить дело. Договора я с ним не заключал, и не могу лично переписываться. Акции мои на литературной бирже сильно поднялись, мое имя становится и в Италии известным, и мои авторские интересы страдают от задержки издания.

Я провел с Димой и Лидией очень счастливо полтора месяца в Швейцарии. Состояние здоровья Димы вполне удовлетворительно. Теперь они оба в Энгельберге, где он учится, а Лидия продолжает свои сложные и большие музыкальные работы. Они оба просили нежно приветствовать Вас, когда я буду Вам отвечать.

Передайте мой сердечный привет Вашему мужу. Марии я должен письмо и буду писать в Берлин из Павии, где буду опять в первых днях ноября.

С глубоким уважением. Сердечно Вам преданный
Вячеслав Иванов.

P.S. Не забудьте обещания заехать в Павию из Милана!

[1] Текст доклада был напечатан под названием *Il lauro nella poesia del Petrarca* // Annali della Cattedra Petrarchesca, vol. IV, Firenze 1932.

[2] 1-го сентября Синьорелли писала Иванову: "Хотелось узнать и кое–что про корректуру. Послали ли Вы ее Giuseppe Carabba? Остались ли довольны переводом? Это два вопроса, которые меня сильно тревожат".

[3] Перевод Е. А. Извольской *Correspondance d'un coin à l'autre* вышел сначала в журнале "Vigile", 4, 1930, затем отдельной книгой (Paris, R. Corrêa, 1931) с предисловием Г. Марселя и "Письмом" Иванова к Шарлю Дю Босу.

[4] Рецензия Gabriel Marcel'я опубликована в ж. "Nouvelle Revue Française", 1.V.1931. Отзыв Don De Luca о французском издании "Переписки" см. в статье *A proposito di "Vigile"* // Vita e Pensiero, 1931, anno XVII, vol. XXII, fasc. 8, октябрь 1931, с. 589.

[5] См. переписку В. И. Иванова – О. Шор в наст. издании.

[6] Возможно, речь идет о доне Леопольдо Рибольди или о павийских коллегах, но точных сведений найти не удалось.

[7] Перевод Ольги Синьорелли и В. И. (ит.).

11. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
16 декабря 1931 г., Павия.

16 декабря 31

Дорогая Ольга Ивановна,

посылаю Вам *Correspondance* и пишу спешно только два *деловых* слова.

Во второй корректуре, отосланной мной в Lanciano (Casa Editrice R. Carabba – Collana *Cultura dell'Anima*, al Sig. Giuseppe Carabba) уже *7 декабря*, я внес исключительно типографские поправки (некоторые строки выпали из набора) и прибавил одно примечание, которого не было раньше, а именно важную цитату из рецензии на *Переписку* Gabriel Marcel'я ("Nouvelle Revue Française" за май). Если бы он действительно спешил выпустить книгу к Рождеству, он давно бы мог это сделать.

Разумеется, мне было бы приятно и было бы полезно проверить, как внесенные мною поправки выполнены.

Если Карабба безусловно спешит выпустить книжку сейчас, я его *одобряю* вполне. Если же он вовсе не торопится выпуском книги в Рождественские дни, то можно думать о том, не выиграет ли итальянское издание в полноте, если в конце будет прибавлен перевод моего письма к Charles Du Bos, как это сделано во французском издании. Я со своей стороны отнюдь на этом и не настаиваю, тем более что во вступлении есть цитаты из этого письма. Как Вы думаете? Важнее всего не задерживать выпуска книги. Уведомьте меня, стоит ли переводить письмо: тогда я сам могу здесь с помощью друзей это скоро выполнить.

Карабба напечатал на заглавном листке бессмысленно: *Corrispondenza etc. rivista dall'autore, traduzione di Olga R.*,[1] – т. е. *Corrispondenza rivista*, а не *traduzione rivista*.[2] И притом авторов два, так что *dall'autore*[3] возбуждает у всех смех. Я вычеркнул *rivista dall'autore*[4] и объяснил на полях: *Ce ne sono due, da quale dunque?* Bisognerebbe dire *da V. Ivanov*, e questo mi pare brutto. Cancelliamo dunque queste parole e aggiungiamo all'annotazione a p. 1: *Il testo delle lettere di V. I. è stato riveduto per la presente edizione dall'autore*.[5] Но если Вы хотите непременно (зачем однако?) оговорить, что traduzione была просмотрена мною, нужно было бы сказать *traduzione rivista da V. Ivanov e Olga R.*, ciò che è bruttissimo,[6] или лучше просто: *traduzione autorizzata di O. R.*,[7] или наконец: *traduzione di Olga R.., e V. Ivanov.*

Крепко жму Вашу руку.

Душевно Ваш и благодарный

В<ячеслав> И<ванов>.

[1] *Переписка* и т.д., под редакцией автора, перевод Ольги. Р.(ит.).

[2] *Переписка* и т.д., под редакцией, а не перевод под редакцией (ит.).

[3] Автором (ит.).

[4] Под редакцией автора (ит.).

[5] У книги два автора, поэтому, которого из двух? Надо было бы сказать *Иванова*, что не кажется мне вполне корректным. Лучше зачеркнуть все это и добавить к сноске на 1–ой стр.: "Перевод писем В. И. был проверен для настоящего издания автором" (ит.).

[6] "Перевод под редакцией В. Иванова и Ольги Р.", но это звучит ужасно (ит.).

[7] Перевод авторизованный (ит.).

12. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
16 декабря 1931 г., Павия.

16 дек. 31

Дорогая Ольга Ивановна,

Еще два слова в дополнение к сегодняшнему письму. Из Вашего письма к О<льге> А<лександровне> нельзя догадаться, которая корректура у Вас в руках – 2-ая или 3-ья? Возможно, что Carabba успел исправить все, мной отмеченное во 2-ой корректуре, и прислал Вам *окончательно* исправленный текст, вместо того, чтобы направить его мне, потому что меня он знать не хочет, и ждет от Вас на корректуре помету *печатать*. Если это 2-ая корректура, отошлите ее Караббе немедленно, без всяких поправок (ибо таковые уже сделаны), но отошлите, п<отому> ч<то> он может ждать ее и без Вашего утверждения не печатать книги. Но сделайте помету: *исправить по указаниям В. Иванова.**

Если же это 3-ья корректура, то – также немедленно – перешлите ее мне для проверки, все ли поправки хорошо выполнены, и я через несколько *часов* отошлю ее Караббе с надписью *si può stampare*. Как видите, я сам очень заинтересован выходом книги теперь же на Рождестве, и думаю даже, что о *письме* уже поздно и не стоит больше думать[1] – это неважно.

Но Вы спросите: как же отличить 2-ую корректуру от 3-ей. Вот Вам признаки:

Если на заглавном листке есть слова *rivista dall'autore*, значит это 2-ая корректура; если же их нет, то это 3-ья корректура.

Другой признак: в 3-ей корректуре должно быть, в начале введения, после слов текста *la hantise de la tabula rasa*[2] – новое примечание под текстом с длинной французской цитатой из статьи Gabriel Marcel'я, напечатанной в "Nouvelle Revue Française". Если этого длинного примечания о Gabriel Marcel нет, то у Вас 2-ая, а не 3-ья корректура

Итак, 3-ью корректуру посылайте немедленно мне (а 2-ую немедленно же Караббе – без всяких поправок, как ту, так и другую), а вместо возврата 2-ой написать espresso Караббе, чтобы он исправил по-моему и прислал 3-ью корр<ектуру> *мне*. По-моему, оставьте на обложке просто *traduzione di O. R. Signorelli*. Если же Вы упрямитесь, то или *traduzione autorizzata di O. R. S<ignorelli>* или *traduzione di Olga Resnevic e V. Ivanov*,

как и на обложке франц<узской> книжки: *traduction par Hélène Izwolski et Charles du Bos* – последний немного редактировал перевод Елены Извольской.

Вот какая суматоха и спешка! Простите. Ваш сердечно

Вяч<еслав> Иванов.

Карабба так невежествен, что не присоединяет к корректуре текста предыдущей корректуры, на основании которого сделаны поправки: так что ничего нельзя понять!

* Нет, если это 2-ая корректура, просто напишите Караббе (как советует Фламинго), чтобы исправил по моей 2-ой корректуре.

[1] Речь идет о переводе "Письма" Иванова к Дю Босу.

[2] Навязчивая идея (фр.) о tabula rasa. Фраза и цитата из Г. Марселя были сохранены в окончательной редакции.

13. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
31 декабря 1931 г., Павия.

31 декабря 1931

Дорогая Ольга Ивановна,

Желаю Вам счастливого нового года – плодотворного, радостного и гармоничного. Прошу Вас передать мои сердечные новогодние пожелания всего светлого и радостного Вашему мужу и дочерям.

Перевод "Письма" отправлен Giuseppe Carabba. Распорядитесь пожалуйста, чтобы он послал мне с корректурой "Письма" и окончательную корректуру (3-ью) всей "Переписки" (*вместе со 2-ой корректурой* для облегчения правки – это очень важно). Прочтя 3-ью корректуру я поставлю на ней *imprimatur*. Относительно титульного листа я бы желал Вашего согласия на следующее:

1) Так как *Вы* настаиваете, чтобы мое участие в окончательной редакции перевода было отмечено в самом заглавии книги[1] (хотя я лично считаю это совершенно излишним и напрасным, и во всех отношениях нежелательным), то я не вижу другого решения этой трудной (по форме) задачи, как выставить:

traduzione di Olga Resnevič e V. Ivanov.

2) Заглавие, длинное, тягучее, неудачное для легкого и скорого усвоения читателями, и притом не достаточно острое и возбудительное и оригинальное *fra due angoli della stessa camera*[2] я бы хотел заменить коротким, острым, неожиданным:

"Corrispondenza da ún angolo all'altro".

Как по-французски: *d'un coin à l'autre*. По-французски это звучит превосходно. Но все *итальянцы*, литературные знатоки, с которыми я здесь советовался, утверждают, что и по-итальянски это вполне хорошо и выразительно, и советуют сказать так, а не как прежде, с ненужным пояснением: *della stessa camera*. Чем своеобразнее заглавие, тем лучше: пусть будет оно удивлять, только бы было коротко и *frappant*.[3] Поэтому я настаиваю на этой перемене и беру всю ответственность за нее на себя. Вы согласились на прежнее заглавие под впечатлением немецкого перевода: *zwischen zwei Zimmerwinken*.[4] Но по-немецки *Zimmerwinken* одно слово. Не понимаю, почему Carabba не хотел выпустить книгу к Рождеству, *имея к тому все возможности*. Крепко жму руку и остаюсь дружески преданный. Вяч. Иванов

"Selige Sehnsucht"[5] приводить целиком не нужно, у меня выписаны в примечании *две нужные* строфы. Конечно было бы не беда выписать и все стихотворение, но ведь теперь Карабба уже конечно пагинировал (т. е. распределил по страницам) весь текст, такое приложение можно было сделать только в гранках, а теперь невозможно. Да и не нужно вовсе, п<отому> ч<то> итальянцы боятся немецких текстов столь же, сколь и любят <?> цитаты французские.

Была лекция по радио о моей поэзии (*L'amor divino e l'amor umano nella poesia di V. I.*) в вечер Рождества – очень удачная: в ней цитировалось *Письмо* – в самом деле оно будет поднимать интерес книги. Но оно уже обошлось мне в 25 лир come anticipo,[6] поэтому Карабба должен был бы за него прибавить una mancia.[7]

[1] В письме от 20. XII. 1931 Синьорелли писала: "Что касается *l'intestazione Переписки* составьте ее в таком порядке, чтобы видно было, что Вы просмотрели перевод. Обыкновенно говорится rivisto или riveduto (autorizzato не подходит). Если хотите поставьте, <что> переведена Вами и мной".

[2] Из двух углов той же комнаты.

[3] Поражало (фр.).

[4] Немецкий перевод (*Briefwechsel zwischen zwei Zimmerwinken*) был опубликован в ж. "Die Kreatur" (1.II.1926).

[5] Стихотворение Гете. Иванов ссылается на него в 3–ем письме "Переписки". В итальянском издании приводится сноска с цитатой.

[6] Как аванс (ит.).

[7] На чай, предложить дополнительную оплату (ит.). Это последнее письмо Иванова, в котором упоминается *Переписка*. В письме от 4 марта 1932 Синьорелли пишет: "Только что вернулась из Берлина и вижу, что *bozze* от Карабба пролежали тут почти месяц. Нашла тоже письмо от Карабба, где он справляется о причинах задержки и просит спешить, чтобы опять не продлить на год появление книги".

14. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
20 сентября 1932 г., Ассунта суль Ренон.

L'Assunta sul Renon
25, casa Fallinger sopra Bolzano
20. IX. 32

Дорогая Ольга Ивановна,

Горячо благодарю Вас за доброе участие в деле Лидии с Gui и за Ваше письмецо с приложенной копией ответа Gui на Ваше обращение к нему по поводу Лидии. Этот ответ мне очень понравился своим хорошим, серьезным тоном, и больше нечего желать, если он даже любезно обещает рассмотреть Лидину партитуру в первую очередь. Ваша дружеская поддержка оказалась, следовательно, очень действенной.

Итак, мы надеемся видеть Вас в скором времени на нашей милой деревенской даче?[1] Вот будет радость!

Фламинго прилетела в этот отъезд Лидии в Рим. Дима пробудет здесь до 2 или 3 октября. Он Вас горячо приветствует.

Сердечно преданный и благодарный Вам

Вячеслав Иванов.

Rocca[2] с женой – очень милые люди, были у нас, и мы подружили.

Благодарю Вас за *Legenda Aurea*,[3] которую по моей просьбе выдали О<льге> А<лександровн>е из моей комнаты в Collegio. Cari saluti a Maria.[4]

[1] Имеется в виду Альбано – Иванова, с. 231.

[2] В письме от 30 августа Синьорелли писала: "Дорогой Вячеслав Иванович, Вам напишет и к Вам попросит заехать наш друг Giovanni Rocca. Примите его, выслушайте его, помогите ему духовно и душевно". Других сведений о Рокка не найдено.

[3] "Золотая легенда", сборник житий святых, составленный итальянским епископом Якопо да Вараджине в XIII веке. Книга была переведена на все западноевропейские языки.

[4] Большой привет Марии (ит.).

15. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
24 мая 1933 г., Павия.

Pavia, Collegio Borromeo
24 мая 1933

Дорогая Ольга Ивановна,

Пока Вы еще во Флоренции, спешу уведомить Вас, что мне вовсе не по душе видеть мою статью напечатанной в "Cultura".[1] Что касается "Pegaso",[2] я был бы очень рад, если бы она появилась на его страницах.[3] Но так как она, мне кажется, не вполне соответствует его направлению, я предполагаю, что редакция, взяв статью для прочтения, или отвергнет ее по прошествии некоторого, быть может, значительного времени, или будет тянуть дело, отговариваясь изобилием материала. Все это мне не нравится, почему я и просил Вас в S. Remo показать ее Папини[4] и услышать немедленно его совет и решение. Если Вам не удалось это сделать и если в "Pegaso" не дали тотчас утвердительного ответа, а просили ждать, – другими словами, если там не были ей *рады,* – я прошу Вас немедленно передать ее в мой "Frontespizio",[5] будь то через Папини, или же прямо в руки Piero Bargellini,[6] с которым Вам хорошо было бы познакомиться.

Очень надеюсь увидеться с Вами через немного дней в Павии. Скажите Марии всю мою любовь и поздравления с серьезным и важным успехом во Флоренции. Передайте пожалуйста мою дружескую память и глубокий сердечный привет г<оспо>же Нальди.[7] Если увидите Папини, скажите ему, как я его люблю, как восхищен его новой книгой (о Данте),[8] поздравьте его от меня с почестями, которые ожидают его через четыре дня, – и что я сам ему пишу.

Не обманите наших – т. е. моих и Фламинго – надежд и навестите нас в Павии. Желаю Вам доброго здоровья и всего светлого.

Преданный Вам всецело

Вячеслав Иванов.

Фламинго очень просит Вас известить ее телеграммой о дне и приблизительном часе Вашего приезда, как только Вы сами будете это знать, для соответствующего распределения ее времени и прочих мероприятий, причем нежно Вас и Марию обнимает.

[1] Литературный журнал, издаваемый в Риме с 1882. Речь идет о статье В. И. Иванова *Il mito di Edipo* ("Миф об Эдипе"), опубликованной в ж. "Il Frontespizio", VIII, 1933. Нам неизвестны точные причины, по которым Иванов не желал печататься в "Cultura", с начала 20-ых годов выходившего под редакцией К. де Лоллиса. Быть может, Иванову было не по душе первоначальное нео–идеалистическое направление журнала (в начале века в нем участвовали B. Croce e G. Gentile) или, наоборот, поворот к позитивизму, который произошел в последнее десятилетие.

[2] Ежемесячный литературный журнал (1929-33), основанный Ugo Ojetti. Печатался во Флоренции.

[3] Письмо является ответом на послание О. Синьорелли к О. Шор от 15 мая, в котором говорится: "Доклад Вяч<еслава> Ивановича остался во Флоренции у госпожи Нальди, которая, перед тем, как уступить бесплатно "Frontespizio", хотела похлопотать у "Pegaso" и у "Cultura", которая выходит в Милане. Надеюсь, что когда вернусь во Флоренцию, все будет уяснено, и если ничего не вышло, то передам в "Frontespizio", где очень рады напечатать".

[4] Известный критик и романист Giovanni Papini (1881-1956) был близким другом Ольги и Анджело Синьорелли (см. *Carteggio Papini – Signorelli*, Milano 1979).

[5] Флорентийский журнал (1929-38), под ред. Piero Bargellini, при ближайшем участии G. Papini. Об участии В. И. Иванова в этом журнале, см.: Л. Иванова. Воспоминания, с. 181.

[6] Piero Bargellini (1897-1980) писатель, гл. ред. ж. "Il Frontespizio", писал также для ж. "Vita e pensiero".

[7] Raissa Olkienickaja Naldi, переводчица.

[8] Имеется в виду кн. *Dante vivo*, 1933.

16. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
21 июня 1933 г., Павия.

Almo Collegio Borromeo Pavia
21 июня 1933

Дорогая Ольга Ивановна,

Как жаль, что не пришлось увидеться с Вами до Вашего возвращения в San Remo! Где же Мария? Итак, выставка в Милане отложена?

Il duca G. S.[1] был у меня в тот день, когда, судя по Вашему письму из Флоренции, он рассчитывал застать Вас в Павии. Я предполагал, по его приглашению, завтракать или обедать у него с Вами в тот день, когда я приехал бы в Милан на выставку Марии.

Благодарю Вас за Вашу заботу о моей статье, о которой уже писал мне Piero Bargellini; она появится в "Frontespizio".

Herbert Steiner настоятельно просил мне сообщить ему Ваш адрес, но я не знал, где Вы. Откликнитесь на его зовы по адресу: Herr Dr. Herbert Steiner, c/o Frl. Würtenberger, Dr. Fünk-Gang, Schloss Schönbrun, Wien, XIII, Austria.[2]

В настоящее время хлопоты Лидии о cittadinanza italiana в такой стадии, что влиятельная рекомендация неотложно нужна, даже необходима. И она просит Вас не отказать ей в Вашей доброй помощи и написать о ней Вашему другу, губернатору о<строва> Родос.[3] (Arpinati[4] ушел). Я со своей стороны поддерживаю перед Вами, наш бесценный друг, ее просьбу.

Спаини[5] пишу одновременно: он бесконечно добр. Кланяйтесь от меня сердечно Cavicchioli,[6] которому вскоре напишу много.

Желаю Вам доброго здоровья, душевной светлости и плодотворной работы над Вашей нетерпеливо мною ожидаемой книгой. Ваш всем сердцем Вячеслав Иванов.

О какой "Antologia dei poeti russi", ed. Treves,[7] пишет мне Спаини? Может быть, это второе издание книжки Нальди?

[1] Можно предположить, что речь идет о герцоге Tommaso Gallarati Scotti (1878-1966), литераторе и дипломате.

[2] Herbert Steiner (1892-1966), журналист, литературный критик.

[3] Mario Lago.

[4] Leandro Arpinati (1892-1945), деятель фашистской партии.

[5] Marco Spaini, директор казино в Сан Ремо, антропософ. Ср. Приложение 2.

[6] Giovanni Cavicchioli (1894-1964), поэт, романист, литературный критик, антропософ.

[7] Имеется в виду *Antologia dei Poeti Russi del 20° secolo*, Milano 1924, перевод Нальди. В письме к Иванову от 18 июня 1933 г. М. Спаини писал: "Ho letto nella 'Antologia dei Poeti Russi' di Treves alcune sue bellissime pagine" (РАИ).

17. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
7 июля 1936 г., Рим.

7 июля 1936
via Monte Tarpeo 61
(в этом доме жила Дузе)

Дорогая Ольга Ивановна,

Вы знаете мою неспособность к исправной переписке, и потому не сердитесь на меня слишком, и не приписывайте мое молчание неверное-

ти.[1] Благодарю Вас за дружеское участие и поздравление.[2] Благодарю Вас также за Лидию и от ее имени. Да, она чувствует себя осиротелой по смерти Респиги, а писать для Сан Ремо (к чему я всегда ее убеждал) препятствует ей приготовление к конкурсу: через неделю она должна будет держать экзамены. Спешу ответить на оба Ваши сегодняшние письма. Постоянный адрес Димы: villa Obéron, traverse Malakoff, Aix-en-Provence (départment des Bouches du Rhône). Там живет Madame Eléonore Rosé с семьей, где он чувствует себя как у родных. Письма, адресованные ему par les bons soins de Madame Rosé, будут тотчас ему пересланы, и – прибавлю – я уверен в самом милом приеме, если бы Вы заглянули в villa Obéron. Но сам Дима вот уже второй месяц проводит учителем в Château St. Antonin, chez M. Maurin de Carnac (par Aix-en-Provence) – в 12 километрах от Экс. Ему можно писать и через Madame Rosé, и через M. Maurin de Carnac. Вскоре, а именно после 15 июня, он думает ехать в Швейцарию (может быть, даже заедет по дороге к нам со своей карточкой журналиста), но его планы еще очень неопределенны. Разумеется, он был бы счастлив увидеться с Вами (спишитесь с ним) и по делу Zanfragnini.[3] Вам было бы полезно с ним увидеться, полезнее чем говорить со мной, потому что о школах я не могу дать Вам никакого определенного совета. По нашему опыту могу сказать, что классический лицей при бенедиктинском аббатстве в Энгельберге прекрасное учреждение, где учат дельно и толково, без педантизма, принимая во внимание личные особенности учеников и не относясь к ним бюрократически, как это часто наблюдается в итальянских лицеях, воспитывают же в строго религиозном духе, но без фанатизма и духовного гнета. Отношение к воспитанникам у бенедиктинцев – отечески участливое. Впрочем, Дима был приходящим, он не жил в интернате, потому что условия жизни в интернате ему были в тот период еще продолжающегося лечения немного суровы. Климат горный (выше 1000 метров), глетчеры спускаются к самому Энгельбергу, большая красота высокой горной долины. Преподавание по-немецки. Кроме Энгельберга есть еще, говорят, хорошие collèges (с программой лицея), католические и некатолические во Freiburg, где легко получить и дипломы: баккалавреат французский, годный, по-видимому (как и энгельбергский) и для Италии. Но Дима, разумеется, описал бы все это точнее. Есть на свете очень хорошие школы, обычно в руках католических орденов, – признаваемых за прекрасные воспитательные заведения и не-католиками; но я о них ничего не знаю. Если упомянете обо мне в письмах к Zanfragnini, передайте ему мое почтение и сердечный привет. С нетерпением жду нашего свидания. Обнимаю сердечно нашего друга Spaini.

Дружески преданный Вам Вячеслав Иванов.

Мукерман <?>,[4] кажется, еще в Риме. В свое время я говорил ему, что Вы хотели переводить что-то из его сочинений (но что именно?)

Лидия и Фламинго Вас нежно целуют. С Фрейбургом Фламинго имеет косвенные отношения и, если это Вас интересует, может навести справки.

[1] Иванов отвечает на три письма Синьорелли от 11 мая, 5 и 6 июля 1936. В письме от 5 июля Синьорелли писала: "Знаю, что Вы и все Ваши меня забыли, хотя Штейнер мне писал, что часто вспоминали меня. Но сведем счеты, когда вернусь, и вернусь я около 20 июля".

[2] В письме от 11 мая Синьорелли поздравила Иванова с "премией Академии".

[3] Pietro Zanfragnini, знакомый Синьорелли. Упоминается в ее письме Иванову от 6 июля: "Zanfragnini – философ, который ищет Бога, но он мне кажется типичным человеком прошлого века. Очень хорошо уже то, что он хочет дать духовное направление своим сыновьям. Их двое. Я ему писала, что посоветуюсь с Вами, но видно, что он что–то торопится решить".

[4] Лицо неустановленное.

18. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
9 марта 1948 г., Рим.

Рим, 9 марта 1948

Дорогая Ольга Ивановна,

Верный друг, Вы всегда союзница благоприятных мне созвездий. Я не дивлюсь Вашему участию в милом заговоре нескольких друзей – поймать на радость мне солнечный луч в лице этого пленительного античного Сатириска из виноградников Диониса, – но глубоко тронут Вашим присутствием в числе великодушных и щедрых моих сочувственников и от всего сердца Вам благодарен.

Ваш Вячеслав Иванов.

А через несколько дней я открыл, что это не Сатириск, а один из юных спутников и отражений Диониса, отрок Ampelos (т. е. "виноград" и "виноградник"). Он не только увенчан виноградом, но и сам олицетворение винограда. Он, как и все другие, "герои-ипостаси" Диониса, тождествен с ним (сам Дионис – виноград) и потому разделяет его страстную (мученическую) участь, и именно он умерщвлен быком (бык – сам Дионис!). В Дионисовой религии жрец и жертва – одно: и жрец, и жертва сам Дионис.

В<ячеслав> И<ванов>.

В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
Без даты

Рим. Понедельник.

Дорогая Ольга Ивановна,

Из-за болезни Лидии, которая сегодня целый день в постели, приходится изменить план. Буду у Вас после 5 ч. и мы пойдем с Вами к Сибилле,[1] не правда ли ? В другой день Вы прийдете с ней к нам.

Дружески Ваш

Вяч. Иванов.

[1] Sibilla Aleramo (наст. имя: Rina Faccio, 1876-1960). Синьорелли дружила с писательницей с 10-ых годов и можно предположить, что знакомство Иванова с Алерамо произошло благодаря Синьорелли. Об отношениях русского поэта и Алерамо см. РИА I, с. 543-547.

В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
Без даты

Вторник.

Дорогая Ольга Ивановна,

Я чрезвычайно тронут истинно дружеской памятью о нас с Вами нашего милого, милого Кавикьоли и восхищен необычайностью всего происшествия, которое, в самом деле, переносит нас во времена Манцони. Во всем этом много поэзии, и – в довершении всего – Ваша записка к Фламинго, повествующая о почти невероятном приключении, вылилась у Вас, сама собою, очаровательно, – с классическим изяществом. Grazie![1]

Ваш

Вяч. Иванов.

[1]О чем идет речь, выяснить не удалось.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Переписка О. А. Шор – О. И. Синьорелли

1. О. А. Шор – О. И. Синьорелли
7 февраля 1927 г., Берлин.

7 февраля 1927

Глубокоуважаемая Ольга Ивановна,

пишу Вам по поручению Мейерхольда, обеспокоенного Вашим молчанием в ответ на его просьбу о Вашей рукописи.[1]

Зинаида Ник<олаевна> надеется, что письма ее до Вас дошли и Вы уже знаете, что издательство Мейерхольда стало исключительно театральным и Ваши "Воспоминания о Дузе" Всев<олод> Эм<ильевич> хочет как можно скорее печатать.

Остановка только за Вами. Если Вам удобно, чтобы книга Ваша в ближайшем будущем появилась, благоволите немедленно направить ее в Москву. Театр Мейерхольда собирается в Европу: рукописи не следует запаздывать; иначе дело может затянуться. Во всяком случае, каковы бы ни были Ваши желания и решения, пожалуйста, напишите Зинаиде Николаевне письмо. Она его очень ждет.

К просьбе Мейерхольда решаюсь прибавить совсем на нее не похожую просьбу, лично свою: мне необходимо для окончания научной работы о Микель-Анджело побывать в Италии. Что я еду именно с этой целью, может подтвердить Вячеслав Иванов, которому я имела честь и радость свою работу еще в Москве частично прочитать.

Я Вам незнакома, но я так много от друзей своих слышала о Вашем живом интересе к научным и художественным начинаниям и о доме Вашем как о месте встреч всех людей, так или иначе причастных артистическому или ученому миру, что решаюсь обратиться именно к Вам.

Дело мое обстоит следующим образом: 28 или 29 января на основании моей академической командировки русское полпредство в Берлине послало просьбу о визе в итальянское представительство. К ноте приложена копия моего мандата, данного мне Академией Художественных Наук. К Вам и мужу Вашему большая просьба – двинуть мое прошение в Министерстве. Все наши с Вами общие друзья могут подтвердить Вам, что я человек – совершенно аполитический и доверия Вашего никогда не обману.

Простите меня за беспокойство. Мейерхольды просили передать Вам и супругу Вашему сердечный привет, к которому я <нрзб.> присоединяю свой.

Готовая к услугам.

О. Шор.

[1] Речь идет о предложении издать биографию Дузе в издательстве при Театре им. Мейерхольда, которую Мейерхольд заказал Синьорелли, близкой подруге великой актрисы. Подробнее см. Вяч. Иванов в переписке с В. Э. Мейерхольдом и З. Н. Райх (1925-26), публ. Н. В. Котрелева и Ф. Мальковати // НЛО, 10, 1994, с. 278-280. Письмо опубликовано нами в кн. *Una Russa a Roma*, Milano 1990. Проект не был осуществлен: биография Дузе на русском языке появилась только в 1975.

2. О. А. Шор – О. И. Синьорелли
20 февраля 1930 г., Павия.

Павия, 20 февраля 1930

Дорогая Ольга Ивановна,

простите, что отвечаю с некоторым промедлением. Случилось оно оттого, что все 7 дней, прошедшие со времени получения Вашего письма, я, во исполнение желания Вашего, неустанно работала над своим “Предисловием”, стараясь урезать его больше чем наполовину. Ведь я лишь теперь впервые услышала, что мне отпускается всего 30 стр. Посылаю Вам, родная, одновременно с этим письмом заказной бандеролью самую трудную и далее несократимую (иначе все станет голословным, сухим и непонятным) часть рукописи. Очень хотелось бы знать Ваше мнение о ней. <...> Откровенно говоря, мне думается, что и 30 стр. вступления – слишком громоздкая подставка для такой маленькой, изящной статуэтки как “Переписка”. Тут и 10 стр. больше чем достаточно. Обсуждали мы этот вопрос с Вячеславом Ивановичем, он предлагает остроумный и за-

манчивый выход: дело в том, что издательски вообще нескладно выпускать брошюрку с тяжеловесным вступлением, (а без него "Переписка" во многих отношениях будет непонятна, и появление ее у Карабба не совсем оправдано). Не лучше ли скомпоновать небольшую интересную книжку, где бы обе, в "Переписке" представленные, противоположные, характерные для современности вообще, да еще *по-русски* парадоксально акцентированные, точки зрения получили полное выражение? Сделать это очень легко. Сама по себе Переписка ставит много, нас волнующих, вопросов, но в ней миросозерцания авторов лишь намечены. Если б к ней прибавить небольшую статью В<ячеслава> И<вановича> "Кризис гуманизма" (статья года 3 тому назад переведена на нем<ецкий> яз<ык> и уже успела стать как в России, так и в Германии, библиографической редкостью)[1] и несколько острых и художественно написанных афоризмов Гершензона[2] (и "Кризис" и "Афоризмы" обсуждают те же, что и "Переписка", вопросы и родились в том же 1920 году), то получилась бы книжка страниц в 120-130, пикантная, парадоксальная и в то же время глубокомысленная, то, что немцы называют *anregend.*[3]

В начале надо было бы поместить крохотное, лишь исторически ориентирующее предисловие странички в 3-4, а в конце книги в виде Appendice мелким шрифтом (ведь примечания-то Карабба печатает все же петитом?) прибавить статью о думах и судьбах обоих авторов.[4] Напечатанная в конце книги в виде приложения, своего рода эпилегоменов, такая статья вполне уместна, совсем не навязчива, не претенциозна и никого своей обстоятельностью не смутит, тогда как предисловие, размерами своими почти что превышающее текст – нескромно: так ведь издаются лишь классически. Хорошо было бы для всей книги сохранить имевшее успех заглавие "Переписка из двух углов", а других вещей отдельно не переименовывать. Примерно так:

Venceslao Ivanov e M. Gerscenson
Corrispondenza fra due angoli di una camera
ed altri saggi
trad. Olga Signorelli

Что Вы об этом думаете, родная? Мне этот план очень нравится. В "Кр<ушении> гум<анизма"> и "Афор<измах>" делаются крайние выводы, что придает и самой "Переписке" особую остроту. Если Вы принципиально согласны с нашим проектом, то черкните мне словечко, и я Вам незамедлительно пришлю весь, Вам нужный, материал. <...>

Сердечный привет вам всем. Целую Вас крепко.

Ваша Ольга Шор.

[1] Статья "Кручи. О кризисе гуманизма" вышла в немецком переводе в Берлине в 1921 г., ср. Вахтель 1995, по указателю.

[2] Имеется в виду "Солнце над мглою" – "Записки мечтателей", 5, 1922.

[3] Увлекательная, стимулирующая (нем.).

[4] В окончательном варианте эта часть была опубликована в начале, после короткого вступления.

3. О. И. Синьорелли – О. А. Шор
6 марта 1930 г., Рим.[1]

Рим, 6-го марта

Дорогая Ольга Александровна,

простите, что не написала Вам сейчас же по получении Вашей рукописи, но хотела сначала поговорить с Карабба, хотя была заранее уверена, что с ним ничего не выйдет из предложения В<ячеслава> Ивановича. Он мне сказал, что он может печатать не иначе, как по типу книжек серии "Cultura dell'Anima", в размере от 130-150 стр., и что оставляет мне "сколько угодно места" для предисловия. Если эта книжка будет иметь успех, он не прочь печатать другой томик со статьями, которые Вы предлагаете в Вашем письме. Что касается писем, они уже набраны, и я ему обещала предисловие к концу этой недели, но несмотря на то, что сижу над переводом с утра до вечера, и добрый Don Giuseppe De Luca[2] мне помогает, когда может, я пока на 25-ой странице. Некоторые места для меня непереводимы, и посылаю их Вам, чтобы Вы мне помогли, чтобы попросили В<ячеслава> И<вановича> Вам помочь их перевести. Карабба говорит, что он больше года ждет предисловия и если не получит вовремя, обязан печатать без предисловия, так как книжка уже занесена в каталоге. Помогите, родная, и пришлите мне сейчас перевод, или несколько строк очень простой биографии для разъяснения писем, и эту статью можно будет перевести comodamente[3] к осени и напечатать с другими статьями, предложенными В<ячеславом> Ивановичем. Для размера предисловия в этой статье пришлось бы сократить цитированные поэзии, т. е. пришлось бы довольствоваться цитатами и отбросить длинные примечания.[4] <...> Целую Вас. Ольга.

[1] Датируется по содержанию.

[2] De Luca Giuseppe (1898-1962). Священник, писатель, журналист, сотрудничал в журналах "Frontespizio" и "Vita e Pensiero".

[3] Спокойно (ит.).

[4] Из *длинных примечаний* в окончательной редакции остались два – о предыдущих изданиях *Переписки* и цитата на фр. языке из рецензии Gabriel Marcel в "Nouvelle Revue Française". Итальянское издание открывалось очень коротким предисловием об истории *Переписки*, дальше следовали две небольшие статьи о жизни и творчестве Иванова и Гершензона (за подписью O. Deschartes) и библиографическая справка о двух авторах.

4. О. А. Шор – О. И. Синьорелли
8 марта 1930 г., Павия.

Павия, 8 марта 1930

Дорогая Ольга Ивановна,

сейчас получила письмо Ваше и спешу ответить полным согласием на все Ваши предложения:

1) Лишь только прибудут недопереведенные Вами странички, я их при помощи Вяч<еслава> Ив<анови>ча срочно переведу и пришлю Вам espresso. <...>

2) Конечно, родная, все стихи кроме первого и последнего (4 строчки) можно опустить.[1] Примечания в сущности вообще не относятся прямо к Вяч<еславу> Ив<анови>чу, а скорее представляют собой справки о России, облегчающие (и значит, психологически ускоряющие) для итальянского читателя усвоение статьи. Но, т<ак> к<ак> нас интересуют не психологические, а типографические размеры, то можно выкинуть и их. Оставить мне хотелось бы лишь заключительные строки о русской Пасхе;[2] иначе почти вся 7-ая глава будет понятна лишь русским, для которых она не предназначается.

3) Мне ужасно грустно, что невольно я заставляю Вас много и утомительно работать. Но раз уж Вы сделали большую и самую трудную часть работы, то теперь именно после стольких хлопот и усилий, обидно было бы все бросить и ограничиться каким-то пустым (чисто справочного характера) поверхностным и кратким предисловием, кот<орое> я, конечно, (если б оно все же понадобилось) могу Вам по требованию Вашему всегда прислать обратной почтой.

4) Когда я подсчитала количество страниц, то увидела, что оно в сущности не превышает караббовской меры. Гершензон в два раза короче и несравненно легче В<ячеслава> И<вановича>. Наоборот, если Карабба нам отпускает 130-150 стр., то мы даже и этого количества стр. еще далеко не использовали. Трудность не в этом: самый текст писем в

сравнении с предисловием мал; и как Вам кажется, родная, нет в этом литературной некорректности? Но решение этого вопроса предоставляю всецело, конечно, Вашему писательскому такту. Мне бы, и самому В<ячеславу> И<вановичу>, очень бы хотелось прибавить хотя бы статью В<ячеслава> И<вановича> о "Кризисе гуманизма". Она всего займет 20-25 стр., а мыслями богата чрезвычайно. Включение ее оправдает вступительную статью и в отношении ее общих размеров, и в отношении ее пропорционального распределения между обеими авторами переписки. Тогда получится: 50 стр. – *Переписка*; 25 стр. – "Кризис гуманизма" и 55-60 стр. – "Предисловие" (из которого приблизительно 40 стр. посвящены В<ячеславу> И<вановичу>, и 20 Г<ершензо>ну. Значит, чистого текста наберется стр. 135, и с разделами – maximum 145-150. Мне представляется почти невероятным, чтобы Карабба, если ему дать в руки весь материал, отказался бы от "Кризиса гум<анизма>". Ну, Вам, дорогая, конечно виднее, как лучше поступить.

5) Практически: посылаю Вам "Кризис гуманизма." Текст – немецкий, и быть может, Мария и Вера[3] могли бы его для Вас перевести так, чтобы Вам пришлось лишь редактировать. Тогда это не задержит выпуска "Переписки".[4]

6) В<ячеслав> И<ванович> обещает Вам, если бы Вы прислали машинопись Вашего перевода, сделать самолично сокращения своих цитат. Быть может, родная, Вы нашли бы возможным немедленно прислать уже переведенные Вами страницы. Мы их Вам вернем espresso на следующий же день.

7) Вообще, дорогая, если мы Вам можем быть как-нибудь полезны для ускорения работы, располагайте нами свободно.

8) Как Вы думаете, когда реально последний срок Карабба?

Бегу на почту. Вяч<еслав> Ив<анович> и Лидия Вас душевно приветствуют.

Сердечный привет всем Вашим.

Крепко и нежно Вас обнимаю и целую.

Ваша Ольга.

[1] В статье о В. Иванове остался только стихотворный эпиграф из "Чистилища" (VIII, 19).

[2] В окончательную редакцию они не вошли.

[3] Дочери О. Синьорелли.

[4] В письме от 8 марта Синьорелли пишет, что советовалась с Де Лука о таком предложении, и что тот, учитывая невежество издателя, предлагает ограничиться "легким иллюстрирующим предисловием" и искать более подходящее издательство для "Кризиса гуманизма" и полного предисловия О. Шор.

В письме из Павии от 28 августа О. Шор сообщает: “Вчера, наконец–то, отослала я Вам, дорогая Ольга Ивановна, предисловие”. В этом же письме О. Шор сообщает корреспонденту о своем нежелании печатать предисловие под настоящим именем, и о том, что ее псевдоним будет или O. F. или Rhodopteros.

5. О. А. Шор – О. И. Синьорелли
12 февраля 1932 г.

12 февраля 1932

Дорогая Ольга Ивановна,

время так летит, что не успела я оглянуться, как прошли почти 2 недели со дня отправки Вашего письма, и теперь приходится спешить, чтобы поймать Вас еще в Берлине. <...> Поэтому перехожу прямо к делу: Вяч<еслав> Ив<анович> вместе с сердечнейшими приветами Вам и Марии просит передать следующее:

1) От Carabba ничего пока нет. Будьте добры написать ему, чтобы он прислал В<ячеслав>у И<ванович>у корректуры, на которых Вы уполномочиваете В<ячеслав>а И<ванович>а поставить *imprimatur*.

2) Заглавие, согласно Вашему желанию, В<ячеслав> И<ванович> предлагает изобразить следующим образом:

Corrispondenza da un angolo all'altro
tradotta dal russo in collaborazione con V. Ivanov da Olga Resnevic Signorelli

или, если Вам больше нравится, просто

tradotta a cura di Olga Resnevic Signorelli e V. Ivanov.[1]

3) Что касается стиля – то В<ячеслав> И<ванович> действительно testardo.[2] “Il” перед Goethe и Nietzsche он ни за что вычеркивать не соглашается. Он говорит, что такое *незнание итальянского языка или провинциализм* он разделяет с одним (напр.) из лучших *современных* итальянских стилистов – с Ugo Ojetti,[3] статью которого отнюдь не устарелую, ибо написанную 31.1.1932, он передал мне для пересылки Вам. Если же какие-нибудь ультра-футуристы считают такой стиль полным *непростительных ошибок*, то ему, т.е. В<ячеслав>у И<ванович>у, это не указ. <...> Вас крепко целую. Ваша Ольга.

[1] Traduzione dal russo di Olga Resnevic riveduta da Venceslao Ivanov.

[2] Упрямец (ит.).

[3] Ugo Ojetti (1871-1946), писатель и журналист.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Из воспоминаний О. И. Синьорелли о Вяч. Иванове

Как-то поздней осенью 1924 года ко мне пришел Муратов. Лицо его выражало необыкновенную радость. "Я пришел сообщить новость, которая несомненно Вас обрадует", – сказал он. – "Несколько дней тому назад в Рим приехал поэт Вячеслав Иванов и сказал мне, что будет рад нанести Вам визит. Если Вам будет приятно его посещение, давайте договоримся, когда я мог бы привести его к Вам". На следующий день в назначенный час зазвонил звонок, оповещая о приходе двух гостей. И вот Иванов передо мной в моем кабинете. "Слегка согбен, не стар, не молод, Весь – излученье тайных сил", – вспомнились мне строки стихотворения Блока, посвященного Иванову в 1912 году, когда тот покидал Петербург. Слегка согбен – да, но тонкие черты красноватого лица, на котором не было и следов пережитых страданий последних тяжелых лет, острый, прозорливый взгляд ясных голубых глаз, как бы увеличенных стеклами в золотой оправе, – все это оставляло впечатление моложавости и душевного спокойствия. Некогда светлые с золотистым отливом волосы, теперь уже совершенно белые, спускались до плеч и придавали его облику величие человека, прошедшего сквозь жизненные испытания, но не потерявшегося и не предавшего себя. Одетый в темное, обладавший той элегантностью и учтивостью, которые теперь уже не встречаются, Иванов покорял с первого же мгновения.

Об Иванове писали, что душа его – трехструнная лира, которая звучит поэзией, религией и философией. В ту первую встречу у меня была возможность узнать, каким удивительным образом владел он своей лирой, завораживая всех, кто к нему приближался. За чаепитием мы проговорили до позднего вечера; то есть говорили мы вдвоем: Иванов задавал вопросы, я отвечала, Муратов сидел рядом и молчал. Изредка Иванов сопровождал свою речь легким движением белой руки с длинными тонкими пальцами. И вот тогда я заметила красные и зеленые переливы белого опала его перстня на мизинце правой руки. В дальнейшем я лучше узнала этот опал и научилась, в зависимости от излучаемого им оттенка, угады-

вать расположение ивановского духа. <...> Он расспрашивал меня о том, что я читаю, кто ближе мне – Платон или Плотин, кто мои любимые поэты. <...> Ответы изгладились из моей памяти, помню только, что когда наступил вечер, я была околдована, мое обычное стремление защитить душу от чужих вторжений было побеждено, и поэт, с большим тактом, заставил меня раскрыться. Магическое его очарование исходило от умения слушать, какого я не встречала у других, от его простоты и деликатности, от строгой убедительности рассуждений.

Когда гости ушли, я вдруг поняла, что мы вовсе не говорили о нем самом, о его намерениях, о возможности как-то устроить его жизнь. Он приехал с решением обосноваться в Италии вместе с двумя детьми: дочерью Лидией, закончившей московскую консерваторию, и сыном Дмитрием <...>. В настоящее время Лидия преподает в римской академии Санта Чечилия, а Дмитрий – поэт очень тонкого восприятия и прекрасный журналист, пишущий под именем Jean Neuvecelle. Тогда же они потеряли все, что имели: чтобы жить, приходилось начинать все с начала. Поэтому нужно было найти способ оказать им помощь.

Я отправилась к ним на улицу Quattro Fontane: они занимали две комнаты в квартире вдовы скромного чиновника. Одна из комнат была еще заставлена громоздкой мебелью, на которой под стеклянным колпаком стояли мраморные фрукты и другие безвкусные безделушки, бывшие тогда в моде в подобных домах. В другой комнате заметны были следы присутствия новых жильцов: здесь стояли диван-кровать, стол, на котором лежало несколько книг, листы бумаги, карандаши и две фотографии; у стены стояло пианино, висело несколько гравюр; все это придавало скромной обстановке особое достоинство.[1] Я набралась смелости и спросила Иванова, как он думает устроить свою жизнь. Он ответил, что не собирается выдавать себя за эмигранта: следовательно, не может рассчитывать на пособие, выдаваемое беженцам. Он хотел работать, надеялся найти место и зарабатывать себе на жизнь, как это было до сих пор. Хорошо бы найти возможность организовать публичную лекцию. Возможно, что-нибудь о латинской поэзии. Случай представился скорее, чем я могла надеяться, более того, учитывая особые обстоятельства Иванова, ему выплатили небольшой гонорар. К сожалению, не помню ни темы выступления, ни названия того большого зала, где оно проходило. Помню только, что лекция эта вызвала живой интерес: публика была очарована его итальянским языком, несколько книжным и отзывавшимся, по мнению присутствовавших, временами Данте, но настолько безукоризненным, настолько музыкальным, что он пленял против воли. Вопреки обыкновению, пресса уделила большое внимание этому знаменательному событию. Репортаж был опубликован также в венской газете, где его про-

чел мэр Павии, с которым Иванов учился в Берлине. “Иванов в Италии, и никто из вас не думает воспользоваться его необыкновенной культурой?” – написал он кому-то. Вследствие этого дон Леопольдо Рибольди, благороднейший и образованнейший гуманист, тогдашний ректор павийского Колледжо Борромео, обратился к Иванову с письмом, предлагая ему место в Коледжо. Таким образом Иванов переехал в Павию. Он прожил в Колледжо с 1926 по 1936 год <так!>, и в знак благодарности за гостеприимство преподавал студентам иностранные языки: русский, немецкий и английский.

Перед тем, как уехать из Рима, Иванов сказал, что хочет составить завещание: он попросил меня быть одним из свидетелей и найти еще трех среди моих друзей. В назначенный час мы отправились к нотариусу. Мои итальянские друзья добродушно иронизировали над человеком, который думает о завещании, но наследство которого в этот момент реально равняется нулю: оно состояло из возможного переиздания его утраченных произведений и надежды на создание новых. Уточнив некоторые пункты, нотариус перешел к чтению завещания: Иванов, серьезный и значительный, встал, мы тоже поднялись вслед за ним. Потом один из свидетелей предложил отпраздновать это событие. Мы спустились в кафе Араньо, находившееся внизу, расположились в большом зале и наш друг заказал пунш. Когда официант нес на серебряном подносе через весь зал пять горящих серебряных кубков, многочисленные посетители с удивлением оборачивались ему вслед. Теперь, когда произведения Иванова издаются в Америке, я вновь думаю об его мудрой предусмотрительности и о том красно-голубом пламени, как о символе вечности творений духа.

<...> Прожив в Павии в Колледжо Борромео десять лет (1925 – 1936 <так!>), Иванов переехал в Рим. Пока он жил в Павии, наши отношения ограничивались моими краткими визитами и несколькими письмами, особенно в тот период, когда я переводила “Переписку из двух углов”. Мы виделись в Сан Ремо, где по инициативе поэта Пастонки[2] прошел ряд литературных и научных конференций. После Поля Валери и Уго Ойетти, директор казино Марко Спаини настоял, чтобы Иванова пригласили прочитать лекцию о русском символизме.[3]

<...> В 1928 году у меня был тоскливый безрадостный период. Бывает, что в такие моменты подвергать себя опасности дает ощущение своего рода душевного подъема. Я обещала своим родственникам навестить их и полетела на аэроплане, что по тем временам все еще считалось доказательством храбрости. Я написала Иванову о высоком искушении полета, где, отрешаясь от всего земного, можно созерцать бренность и людских жилищ, и так называемых “вечных творений” и откуда вечной кажется только увядающая и вновь возрождающаяся природа.[4]

<...> В Риме Иванову посчастливилось найти небольшую квартирку, которая с улицы Рупе Тарпеа (нынче не существующей), за Капитолием, смотрела на Форум. Он поселился там с детьми, а также другом семьи и сотрудницей, приехавшей из России изучать Микеланджело. Сколько раз, приходя на закате солнца, я заставала его сидящим на балконе и созерцающим античные развалины.

По утрам он работал, но по вечерам дом его был открыт для гостей. У него встречались такие знаменитости, как Мартин Бубер, Мережковский, Людвиг Курциус. Но и молодых он принимал с удовольствием. Одним из его постоянных посетителей был молодой немецкий поэт Бернт фон Хайзелер, сын Хенри фон Хайзелера, известного переводчика русской поэзии. Иванов охотно и очень внимательно читал сочинения молодых: он подробно обсуждал их с авторами, делая тонкий анализ написанного.

На скольких беседах, проходивших в скромной столовой, за старым круглым столом, при свете старинной люстры, мне довелось присутствовать. Всегда подавали чай – ритуальный знак русского гостеприимства, – и когда во время войны неожиданно звучала тревога, приходилось, несмотря ни на какие отговорки, соглашаться разделить с ними их простую трапезу.

Иванов не считал себя политическим изгнанником, у него ни для кого не было горьких слов. Он говорил, что "факты достаточно красноречивы, чтобы показать несостоятельность доктрин, словами же можно оклеветать человека, его намерения". Дух его всегда был в действии, и Иванов нуждался в том, чтобы разделить с кем-нибудь жизнь своего духа, вовлечь в нее других. Он терпеливо выслушивал любого рода вопросы, хотя бы порою неумные, и спокойно отвечал на них. Только опал на его руке в этих случаях пылал ярче, а голос, звучавший еще учтивее обыкновенного, приобретал металлический оттенок и беспокойно подрагивала закинутая на ногу нога.

Иванов с удовольствием принимал гостей, но не был расположен сам наносить визиты, это его утомляло. Он делал исключение только для нас и приходил или провести несколько приятных часов среди друзей, или когда у нас бывали гости, которые его интересовали. Так он познакомился у меня с Джованни Папини, с которым потом был связан долгой дружбой. Уходя, Иванов дал Папини свою визитную карточку, на которой было написано: "Проф. Вячеслав Иванов". "Почему на визитной карточке такого поэта, как Вы, значится 'профессор'?" – спросил Папини. Тот ответил: "Потому, что я весьма благодарен профессору Иванову за то, что иногда он бывает поэтом".

(Итальянский оригинал напечатан в книге E. Garetto, *Una russa a Roma*, Milano 1990, p. 67-73; автограф хранится в частном архиве Синьорелли в Риме. Перевод с итальянского Л. Шаповаловой).

[1] Ср. Л. Иванова, 133-138.

[2] Francesco Pastonchi (1877-1953).

[3] Цикл лекций и конференций назывался *Литературные понедельники*. Лекция Иванова состоялась 8 апреля 1933 и называлась "Направления современного духа" (*Orientamenti dello spirito moderno*); впоследствии она была опубликована в ж. "Convegno", 8-12, 1933-34). О предстоящем ивановском выступлении писала местная газета "La Riviera", 8/9 апреля 1933.

[4] См. письмо Иванова от 24. II.1928.

THE CORRESPONDENCE OF VIACHESLAV IVANOV AND CHARLES DU BOS

Julia Zarankin and Michael Wachtel

When Viacheslav Ivanov left the Soviet Union in 1924 for Rome, he was consciously avoiding the capitals of Russian emigration, rejecting the fractured remnants of Russian culture in favor of the spiritual and intellectual life of the West.[1] His conversion to Roman Catholicism in 1926 was, of course, a watershed event in this process.[2] But equally telling were the numerous contacts that he established with European intellectuals in the course of his final 25 years.

It must be noted that Ivanov was a committed, yet reticent participant in Western culture. While he had been accustomed to being at the center of Russian pre-revolutionary art and philosophy, Ivanov seemed content with a position on

[1] See Ivanov's letter of 1935 to A. G. Godiaev, cited in Vjačeslav Ivanov. *Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass*. Mainz 1995, p. 18.

[2] In the present case, the word "conversion" requires explanation. For Ivanov, the acceptance of Roman Catholicism did not entail a rejection of Russian Orthodoxy, but rather a rejection of the century-old schism that divided the Eastern and Western Churches. His turn to Roman Catholicism was, in short, an act of unification rather than renunciation. The most detailed formulation of Ivanov's position is found in his "Lettre à Charles Du Bos": "En prononçant (le 17 mars 1926, jour de fête de S. Venceslas en Russie) le *Credo*, suivi de la formule d'adhésion, devant l'autel de mon patron, cher aux coeurs slaves, dans le transept de la basilique de Saint-Pierre, tandis que sur la tombe voisine du Prince des Apôtres m'attendaient une liturgie en langue paléo-slave et la sainte Communion sous les deux espèces selon le rite grec, je me sentais pour la première fois orthodoxe dans la plénitude de l'acception de ce mot, en pleine possession du trésor sacré qui était mien dès mon baptême, mais dont la jouissance n'avait pas été depuis des années libre d'un sentiment de gêne, devenue peu à peu souffrance, d'être sevré de l'autre moitié de ce trésor vivant de sainteté et de grâce et de ne respirer, pour ainsi dire, à l'égal d'un poitrinaire, que d'un seul poumon." // *Vigile*, cahier 4, 1930, p. 48. See also: A. Shishkin. *Viacheslav Ivanov i Italia* // Daniela Rizzi and Andrej Shishkin (eds.). *Archivio italo-russo*. Trento 1997, pp. 515-516.

the periphery of European intellectual life. He never sought out like-minded individuals, but rather waited until they approached him. Likewise, translations of his works were almost never undertaken on his initiative, but through the (often untiring) efforts of devoted admirers. Evsei Shor, whose own indefatigable efforts to render Ivanov's works into German were often delayed and even undone by the thinker he so selflessly served, gives an accurate, if humorously exaggerated picture of Ivanov's tendency to distance himself from the practicalities of publishing. The passage in question describes Shor's attempts to convince Rudolf Rössler – of the Vita Nova Verlag in Luzerne – to publish a collection of Ivanov's essays on theater (the book never materialized):

> Ресслера я подготовлял окольным, а в конце концов прямым путем. Сделал для него сводку критики о Русской Идее и Достоевском. Указал ему на Курциуса[3] и объяснил все значение этого поворота к русскому религиозному духу, и т. д. и т. д. Сначала все необходимое изложил в длиннейшем письме. Потом умучил его устной беседой. Вячеслава Ивановича окончательно поселил в Монсальват (т. е. Доломиты с нездешними закатами), погрузил в творческую научную и поэтическую работу, лишь от времени до времени заставил его спускаться в долины Павии, чтобы преподать ожидающим его ученикам и последователям узренные на вершинах откровения, и на его друзей – Степуна,[4] меня и др. – возложил радостную необходимость заботы о том, чтоб[ы] идеи В. И. не улетели бы в надзвездные дали, но реализовались бы в гранях земной жизни и в формах изданной книги...[5]

This general "not-of-this-world" quality was not the only obstacle to publications, however. Ivanov displayed an unfortunate tendency to supervise and rework translations into Italian, French, and German. As he himself explained in a letter

[3] *Dichtung und Briefwechsel*, p. 50. In the last chapter of his book *Deutscher Geist in Gefahr* (Stuttgart 1933), Curtius discusses Ivanov at length.

[4] Fedor Stepun (1884-1965), a philosopher, was deported from the USSR in 1922. He became a professor in Dresden and Munich and a highly visible and celebrated intellectual in Germany.

[5] Letter to Ol'ga Shor (Deschartes), Ivanov archive in Rome. The corner of the page with the date is missing, but the content of the letter makes it clear that it is from 1933. "I first prepared Rössler in a roundabout way, but finally approached him directly. I summarized the criticism on *The Russian Idea* and *Dostoevsky*. I directed him to Curtius and explained the meaning of this turn to Russian religious spirituality, etc., etc. First I outlined the cardinal points in a lengthy letter. Then I exhausted him in conversation. I ultimately placed Viacheslav Ivanov in Monsalvat (i.e. the Dolomites with their unworldly sunsets), immersed him creative scholarly and poetic work, requiring him only occasionally to descend to the valleys of Pavia, in order to present his eager students and disciples with the revelations that he had glimpsed upon high. To his friends – Stepun, myself and others – I relegated the joyous necessity of ensuring that the ideas of V.I. do not fly off into the celestial heights, but materialize within the confines of earthly life and in the form of a published book..."

of 1928, "ich [habe] die schlechte Gewohnheit, die mir vorgelegten Stücke der Übersetzung gründlich umzuarbeiten, nicht etwa um dieselbe dem Urtext näher zu bringen, sondern aus unüberwindlichem Bedürfnis, das einst Geschriebene, meinen heutigen Forderungen entsprechend, durchweg neu gestaltet zu sehen."[6] Under such circumstances, it took extraordinary persistence to introduce Ivanov's works to a European public. Indeed, the incomplete and almost completed translations far outnumber the actual publications.

To the extent that Ivanov became known to Western readers, Herbert Steiner, the exquisitely well-read editor of the journal *Corona*, deserves the most credit. Their literary encounter took place over a reading of *Correspondence from Two Corners*: "Ever since I, not knowing any Russian, first read them [the letters] in German, I have considered them one of the essential documents of our time."[7] Besides commissioning and publishing new essays from Ivanov, Steiner personally brought Ivanov's work to the attention of a number of Western luminaries.

It is characteristic that Ivanov's correspondence with Charles Du Bos came into being through Steiner's mediation. On December 3, 1929, Steiner wrote to Ivanov: "[ich habe] auf der Rückreise von Madrid meinen Freund Charles *Du Bos* gesehen und er war *höchst* interessiert, von Ihnen zu hören. Dieser Tage hat er auch den Gerschenson Briefwechsel von mir erhalten. Du Bos wird eine *katholische* (nicht ausschließlich, aber dem Wesen nach vor allem katholische) Dreimonatsschrift herausgeben – was vielleicht noch nicht publik ist. Ich hoffe sehr, daß die Verbindung mit diesem feinen Menschen und Geist für Sie nichts Störendes bringen wird, aber manches Erfreuliche. Seine Adresse: Versailles, 11 bis rue des Réservoirs. Er wird Ihnen wohl, sowie er kann – er ist viel leidend – schreiben."[8] In his next letter, apparently responding to a (now lost) letter from Ivanov, Steiner continued: "Charles Du Bos, nach dem Sie fragen, ist ungefähr 45, seine Mutter war Engländerin, er war viel leidend und hat Jahre hindurch viel gelesen und aufgezeichnet; er war einige Zeit, wenn ich nicht irre, Sekretär der "Coopération intellectuelle", leitete Zusammenkünfte in Pontigny, hielt private

[6] *Dichtung und Briefwechsel*, p. 83. "I have the bad habit of taking the pieces of translation that are put before me and thoroughly reworking them, not in order to bring them closer to the original, but out of an insuperable need to see in a completely new form that which I wrote long ago, to revise it completely in accordance with my present demands."

[7] *Dichtung und Briefwechsel*, p. 79 [from Herbert Steiner's lecture "The New Tower"].

[8] *Dichtung und Briefwechsel*, p. 94. "On the return trip from Madrid I saw my friend Charles *Du Bos*, and he was *most* interested to hear about you. He just received from me the correspondence with Gershenzon. Du Bos plans to publish a *Catholic* quarterly (not exclusively, but in spirit essentially Catholic) – this may not yet be public knowledge. I very much hope that contact with this fine man and spirit will not bring you anything bothersome, but rather much that is joyous. His address is Versailles, 11 bis rue des Réservoirs. He will surely write to you insofar as he can (he is often ill)."

Kurse in Paris, veröffentlichte aber nur wenig. Seine Essais, die mir auffielen, so daß ich [Jacques] Rivière, der mit ihm befreundet war, nach ihm fragte, heißen "Approximations" – der 4. Band ist angekündigt. Letztes Jahr erschienen Auszüge aus seinem Journal, das höchst interessant ist, und zwei Bücher über Byron, und Gide (dieses hat ihn, nach Jahren der Freundschaft wohl von Gide getrennt). Überall bei ihm stehen ungewöhnlich feine Seiten und er ist ein wirklicher Kenner – welches Wort ja meist mißbraucht wird – auch der englischen und gewisser Teile der deutschen Literatur."[9]

As a reader, Charles Du Bos possessed a rare ability to combine admiration and poetic sensitivity without sacrificing critical insight. Gabriel Marcel gestured toward these qualities when he wrote, "Du Bos abordait les poètes, les penseurs, les artistes sur lesquels se concentrait sa méditation avec l'humilité profonde devant l'objet qui caractérise toute recherche scientifique...Nul n'a admiré plus généreusement, plus délicatement: délicatement, j'y insiste; il peut arriver en effet que l'admiration reste un sentiment massif, compact, qui fait pour ainsi dire écran contre l'esprit et son objet."[10]

The immediate reason for Du Bos' initiating a correspondence with Ivanov was the *Correspondence from Two Corners*, the epistolary exchange between Ivanov and Gershenzon that formed the pillar of Ivanov's fame in the West. That work, a dispute over the value of knowledge and spirit in a time of cultural and political upheaval, appeared in Russia in 1921, then in Germany in 1926. The German version was translated for the journal *Die Kreatur*, whose avowed purpose was to find a point of contact among religions (it was edited by a Jew, a Catholic, and a Protestant). It was this publication that Du Bos read (on the urging of Herbert Steiner) and subsequently decided to have translated into French. The *Correspondence* appeared in Du Bos' journal *Vigile* in 1931, in a version translated by Hélène Iswolsky, which Du Bos himself supervised and edited.[11]

[9] *Dichtung und Briefwechsel*, p. 97. "Charles Du Bos, whom you ask about, is approximately 45 years old, his mother was British. He was often ill and for years read a lot and kept notebooks. If I'm not mistaken he was for a time the secretary of the *Coopération intellectuelle*, he led the symposia in Pontigny, gave private courses in Paris, but published very little. I was struck by his essays, which are called *Approximations* (the fourth volume has been announced) and asked Jacques Rivière (who was friendly with him) about him. Last year excerpts from his journal appeared, which is very interesting, and two books about Byron and Gide (the latter has apparently caused him to break with Gide after years of friendship). One finds in his work unusually fine pages everywhere, and he is a real connoisseur (a word that is usually abused) of English and certain parts of German literature."

[10] Gabriel Marcel. *In Memoriam* // Charles Du Bos. *Qu'est-ce que la Littérature?* Paris 1945, p. 168.

[11] Hélène Iswolsky found the text quite a challenge to translate. In a letter to Charles Du Bos (August 26, 1930) she wrote: "Je suis en train de terminer le brouillon de la traduction

Not surprisingly, Du Bos' journal had a similarly ecumenical bent, in that it sought to be a non-dogmatic organ of Catholic thought, and above all else, a meeting place for Catholic minds. The first volume of the journal opened with the following "programmatic" statement: "Le catholicisme n'étant à aucun degré un parti, *Vigile* n'a pas de programme-sinon d'offrir à quelques écrivains catholiques tant étrangers que français le lieu de rencontre où ils puissent collaborer en parfaite communauté de foi, selon le mode d'expression propre à chacun d'eux."[12] Just as Ivanov was the first Russian to be represented in *Die Kreatur*, so he was the first in *Vigile*.

Ivanov was deeply indebted to European culture, but he was far closer to Germany and Italy than to France. He had, to be sure, spent many years in French-speaking countries. He had mastered the language relatively early and read widely in the literature, even the recent developments in French Symbolism.[13] But there is little to indicate that this left a deep impression on his world view.[14] It is therefore hardly surprising that Ivanov's most important French contact would be Charles Du Bos, whose overtly cosmopolitan stance and philosophical/religious orientation set him apart from almost all French thinkers of the time. Ernst Robert Curtius, describing his meeting with Du Bos at Pontigny in the early 1920s writes: "At that time I was still in quest of a France founded upon the assumptions of a general European mind. For that reason it made me happy to know that Gide could not live without Goethe, Shakespeare, Dostoevski; that he loved Browning; that Larbaud was 'naturalizing' Whitman and Joyce in France. But neither Gide nor Maurois nor Martin Du Gard nor Jacques Rivière (the prominent men at those 'Décades') had any affinity with that which, for short, I will call 'metaphysics,' and which constitutes an essential element in German life. Du Bos possessed it. To his mind Novalis was more exciting than Laclos, Meister Eckhart more challenging than Stendhal."[15]

Gerschensohn et Ivanoff; elle est bien difficile, et je me suis trouvée plus d'une fois embarrassée par des termes russes extrêmement fluides, mais qui demandent en français une traduction précise...Mes amis russes sont unanimes à reconnaître que cette traduction présente d'immenses difficultés, je ne saurais donc être assez attentive." [Bibliothèque Jacques Doucet]

[12] *Vigile*, cahier 1, 1930, p. 9.

[13] Ivanov studied French stylistics intensively during his first stay in Paris in 1891-1892. (See his *Autobiographical letter* // Viacheslav Ivanov. *Sobranie sochinenii*. Bruxelles 1974, vol. 2, p. 19.) Much of his knowledge of contemporary French culture came from A. V. Gol'stein, a family friend of his wife Lydia. See M. Wachtel and O. A. Kuznetsova. *Perepiska Viach. Ivanova s A.V. Gol'stein* // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, tomus 41, fasciculi 1-4, 1996, pp. 335-376.

[14] Notwithstanding the intriguing recent observation in M. L. Gasparov. *Zapiski i vypiski*. Moscow 2000, p. 133.

[15] E. R. Curtius. *Essays on European Literature*. Tr. M. Kowal. Princeton 1973, pp. 253-54.

In the person of Charles Du Bos, then, Ivanov found a remarkably congenial interlocutor. Both were fluent in numerous languages and familiar with various European traditions, especially that of Germany. Both were deeply religious thinkers who were drawn to aesthetics and philosophy. In his recollections of Du Bos, Nikolai Berdiaev explicitly compares him to Ivanov: "Это был изумительный по утонченности и изощренности causeur, сравниться с ним может только В. Иванов. Он высказывал иногда изумительные по тонкости мысли и замечания. [...] Он жил культом великих творцов культуры, особенно любил Гете, английских поэтов, Ницше, любил очень Чехова. Это был фанатик великой культуры и ее творцов. К нашей катастрофической эпохе он совсем не был приспособлен."[16]

In Ivanov's affirmations of faith in a time of chaos, Du Bos surely recognized a version of his own spiritual path. Du Bos had been born to an extremely privileged class, but the first world war combined with personal misfortunes to leave him in straitened circumstances. Du Bos regained his faith in the late 1920s and formally re-converted to Catholicism on July 30, 1927. Rather than a spiritual crisis, he perceived his loss of faith as an act of forgetting: "Je me suis *absenté* de ma foi... Ce n'est pas que j'aie eu des doutes, ou une crise, ou quoi que ce soit d'ordre intellectuel ou même spirituel: c'est tout simplement que *j'ai, si j'ose dire, oublié que je croyais.*"[17] This story of conversion – or, more precisely, of a return to faith – lies at the heart Du Bos' diary entries from 1908-28, passages of which he published as *Extraits d'un journal* (1929). In sending that book to Ivanov, Du Bos suggested that Ivanov might recognize a certain kinship.

Though the two met only once, their correspondence testifies to a closeness made possible by shared supra-national conception of Christian humanism. Indeed, one finds a direct reflection of these views in an essay by Ivanov provisionally entitled "Nach der Lektüre von Theodor Haeckers 'Schönheit'" (later published in very different form as "Ein Echo: Aus einem Brief an Karl Muth"): "Und so entsteht unter uns wenigen, (unlaengst ist unserem Kreise Charles Du Bos entrafft worden) eine geistige Kommunion, - unter uns, meine ich, unseres grossen Chorfuehrers Karl Muth eingedenk, die wir uns Humanisten nennen duerfen und sollen gerade deswegen weil wir katholische Humanisten sind und unseren Begriff homo in den Worten "ecce Homo" wiederfinden, nicht aber in der zizironischen Humanitas und noch weniger in Rousseaus anthropologischem Optimismus oder in der Renanschen teilweisen Vermengung der jungfraeulichen Goettin

[16] Berdiaev. *Samopoznanie*. Moscow 1991, pp. 274-75. "He was a *causeur* of astonishing refinement and keenness, to whom only V. Ivanov could be compared. Sometimes he expressed astoundingly subtle thoughts and ideas. [...] He lived according to a cult of great creators of culture, especially loved Goethe, English poets, Nietzsche, loved Chekhov greatly. He was a fanatic of great culture and its creators. In no way could he adapt to our catastrophic era."

[17] *Extraits d'un journal 1908-1928*, Paris 1929, p. 337.

der Athener mit déesse Raison."[18] The idea of a spiritual community that extended beyond national borders recalls the image of a "vinculum amoris" that Ernst Robert Curtius had used in his homage to Ivanov.[19] In any case, it was clearly an image dear to both Ivanov and Du Bos. Intimate genres – whether taking the epistolary or the diary form – occupy a significant place in the work of both writers. It is noteworthy that three of Ivanov's major publications in the emigration period are "letters" (open letters, to be sure) addressed to fellow Europeans: a Frenchman (Du Bos, 1930), an Italian (Alessandro Pellegrini, 1934), and a German (Karl Muth, 1939). Intended as a sort of explanatory preface to the *Correspondence* and written at the suggestion of Du Bos,[20] Ivanov's "Letter to Charles Du Bos" illuminates the indivisibility of culture and religion and offers a highly personal account of his trajectory to the Roman Catholic faith, which could only be experienced in emigration. "Jamais le passage de la cécité relative de l'état immanent à la relative lucidité de la contemplation transcendante ne me fut autant sensible, ni ne me saisit d'une façon aussi poignante que chaque fois que, séparé de corps avec ma patrie, j'essayais d'envisager de loin ses traits énigmatiques." Ivanov's description of Christianity fits into Du Bos' framework and enriches it by foregrounding a connection between cultural memory and religion: "Le christianisme seul, étant la religion absolue, a la force de faire revivre la mémoire ontologique des civilisations auxquelles il se substitue, si bien que la culture chrétienne [...] revêt nécessairement le caractère universel, dont la plénitude, que nous ne pouvons que pressentir, est le principe téléologique contenu dans son germe divin."[21]

This epistolary genre, absent from Ivanov's pre-revolutionary period (and quite different in tone and intent from the letters of the *Correspondence from Two Corners* or, for that matter, from the "Autobiographical letter" of 1917), suggests that he came to view spirituality as a subject best expressed to a sympathetic interlocutor.[22] Letters of this type assume an unusual degree of intimacy, allowing

[18] Undated manuscript in the Ivanov archive in Rome; judging from letters of Muth, it was written in August 1939. "And in this way a spiritual communion emerges among us few (recently Charles Du Bos was torn away from our circle) – among us, I mean, keeping in mind our choryphaeus Karl Muth, we who may consider ourselves humanists and who should do so precisely because we are Catholic humanists who find our conception of man ("homo") in the words "Behold a man" ("ecce homo"), and not in Cicero's *humanitas* or still less in Rousseau's anthropological optimism or in Renan's partial conflation of the virgin goddess of the Athenians with *déesse Raison.*"

[19] *Dichtung und Briefwechsel*, p. 76. The notion originally described the humanists of the renaissance.

[20] See the letter from Du Bos to Ivanov of July 11, 1930.

[21] Venceslas Ivanov. *Lettre à Charles Du Bos // Vigile*, cahier 4, 1930, pp. 42, 50.

[22] In certain respects, these post-revolutionary letters exemplify the theory of symbolism

the reader to overhear, as it were, a deeply felt *profession de foi*. Interestingly, Du Bos' favored genre was also an intimate one: that of the diary. It is, after all, in this context that Du Bos described his reaffirmation of faith and worked through personal turmoil: "Le journal représenta donc pour moi le suprême recours pour échapper au désespoir total en face de l'acte d'écrire."[23] In a letter of 1918, André Gide urged Du Bos never to abandon his diary writings: "Cher ami n'abbandonnez pas votre Journal: il se peut que vous ne parveniez pas a faire des oeuvres. Mais votre Journal est une oeuvre, est votre oeuvre: ces difficultés multiples qui vous empêchent de produire constituent elles-mêmes le sujet de votre oeuvre."[24] In fact, Du Bos personalized this most personal of genres yet further by inscribing lengthy dedications in the copies that he gave to a wide circle of friends (almost 200, according to Berdiaev).[25]

Charles Du Bos' death in 1939 marked an end to the search for a common ecumenical culture. To Herbert Dieckmann, Du Bos stood out as an emblem of his time: "[his] fine observations on esthetic and ethical questions [reflect] the problems and issues of a generation of not only French but European writers. Those who knew him understand why so many of his friends...link[ed] his death, which occurred shortly before the outbreak of the war, with the destruction and loss of a common European culture in which and for which Du Bos lived."[26] The correspondence of Charles Du Bos and Viacheslav Ivanov attests to their notion of spiritual communion, and it is sadly ironic that it coincided with some of history's most horrific moments. Apart from demonstrating a high level of erudition and a common culture, these letters, written between 1930 and 1936, offer a glimpse of the deep commitment and enduring enthusiasm Ivanov and Du Bos

that Ivanov expounded in his 1912 essay "Thoughts on Symbolism." See *Sobranie sochinenii*, vol. 2, pp. 604-612.

[23] *Extraits d'un journal* p. 225.

[24] *Extraits d'un journal* p. 76.

[25] A serious study of Du Bos' legacy would entail the almost superhuman task of collecting these dedications, since some of them are quite extensive, meaningful, and even dialogical. For example, the copy of *Extraits d'un journal* in the Princeton University Library contains the following highly revealing text (apparently inscribed to Hope Mirrlees [1887-1978], a religious writer whose work Du Bos greatly admired): "For Hope, – and for she who is always with her (absens absentem auditque videtque) with the tenderest feelings of our trio, and the wish that she may some day find the courage to come back to Versailles where our home awaits her, – Dearest Hope, I cannot express how I feel for you: do you remember that evening at Pontigny where all was so beautiful, and I longed so much to be able to do something for you? And you said: 'Charlie, if only you could assure me of the immortality of the soul...' I could not...then; I could now, but would you take my assurance? Anyhow, you will not reject the daily morning thoughts of your ever so devoted Charlie. (Versailles, Wednesday March 13th 1929)".

[26] In: *Symposium* "Charles Du Bos", November, 1947, p. 45.

felt for humanistic dialogue. The fate of these two thinkers who consistently held the spiritual over the national has, for a long time, been obscured by the chaos of twentieth century catastrophies.

The letters from Du Bos to Ivanov and the letter of H. Iswolsky are found in the Ivanov Archive in Rome, the letters from Ivanov to Du Bos are in the Bibliothèque littéraire Jacques Doucet in Paris. Du Bos' letters of July 30, 1930 and May 20, 1932 can no longer be located among Ivanov's papers in Rome and are therefore cited according to the versions in the Bibliothèque Doucet (Du Bos typed almost all of his correspondence in duplicate, keeping copies for future reference). The editors gratefully acknowledge these institutions as well as Dimitri Ivanov, Louis Mouton, and Claire Mouton for granting permission for this publication.

1. Du Bos à Ivanov

11bis Rue des Réservoirs
Versailles
Tél: Versailles 22-63
Vendredi 11 Juillet, 1930.

Monsieur,

Veuillez excuser mon long retard à vous remercier de votre bel et si suggestif opuscule: *Die Russische Idee.*[1] J'ai été très sensible à l'envoi et à la délicate attention avec laquelle vous y avez joint une dédicace. D'autre part, notre cher ami commun, Herbert Steiner,[2] m'a fait don récemment d'un exemplaire de: *Die Kreatur*[3] – de sorte que grâce à vous et à lui j'ai pu enfin prendre contact avec une pensée dont, depuis des années déjà, D. S. Mirsky et Nicolas Berdiaeff m'avaient dit la beauté, l'élévation et le prix.[4]

Si grand profit que j'aie retiré de *Die Russische Idee*, vous ne serez sans doute pas surpris que ce soit la si profonde et si émouvante correspondance avec Gerchenson[5] qui m'ait le plus retenu. Permettez-moi de vous assurer, en toute sincérité, que la lecture de vos lettres constitua pour moi en ces derniers mois l'événement intérieur le plus mémorable et le plus riche en résonances – il serait plus exact d'employer ici le terme de consonances, car l'attitude intime qui s'y traduit est celle-là même qui fut toujours la mienne, et qui, bénéficiant de vos admirables dons d'expression et de l'ample registre d'une culture vécue et expérimentée du dedans, apparaît dans sa lumière la plus haute et la plus pleine. Jamais l'opposition contemporaine fondamentale – celle qui marque aujourd'hui vraiment la ligne de partage des eaux – entre le salut du *thesaurus* et la hantise de la *tabula rasa* n'a été mieux rendue qu'en ces pages; – et combien je vous sais gré d'avoir insisté avec tant de force sur la souveraine indépendance du Dieu vivant, du Dieu de notre foi, vis-à-vis du *thesaurus* lui-même, sur le fait que si attachés que nous soyons à ce *thesaurus*, c'est de Dieu seul que nous relevons, à Lui que nous vouons tout notre amour et toute notre dépendance.[6]

Peut-être notre ami Steiner vous aura-t-il appris que nous avons fondé au début de cette année des cahiers trimestriels intitulés: *Vigile*, dont la raison d'être est formulée, au seuil du premier de ces cahiers, en ces termes: "Le catholicisme n'étant à aucun degré un parti, *Vigile* n'a pas de programme – sinon d'offrir à quelques écrivains catholiques tant étrangers que français le lieu de rencontre où ils puissent collaborer en parfaite communauté de foi, selon le mode d'expression propre à chacun d'eux." (Je vous expédie d'ailleurs par le même courrier les deux cahiers déjà parus). La direction de *Vigile* est assumée par l'Abbé Jean-Pierre Altermann,[7] François Mauriac[8] et moi-même, et c'est en notre nom à tous trois que je viens vous demander si vous consentiriez à être le premier écrivain catholique russe qui y collaborât. Nous serions heureux et fiers de publier dans le quatrième et dernier cahier de cette année qui paraîtra vers le 25 novembre votre correspondance avec Gerchenson, – nous souhaiterions seulement que vous puissiez faire précéder la traduction d'un Avant-Propos où vous indiquiez vous-même votre position actuelle vis-à-vis de ce texte ancien de dix ans, et que vous nous fournissiez quelques indications d'ordre biographique et bibliographique qui permettrait à la rédaction de *Vigile* de donner à vos nouveaux lecteurs les quelques points de repère indispensables. En ce qui concerne la traduction elle-même, je me suis déjà assuré le concours de mon amie Mademoiselle Hélène Iswolsky,[9] admiratrice fervente de votre texte, et avec qui je reverrai le travail au seul point de vue de la langue française. Les manuscrits pour le quatrième cahier de *Vigile* devant être entre les mains de l'éditeur à la fin de septembre, je vous serais très reconnaissant si vous pouviez me faire parvenir le plus tôt possible votre agrément de principe: il me suffirait de recevoir l'Avant-Propos et les notes bio-bibliographiques le 1er septembre – ce qui vous laisserait, je pense, comme il ne s'agit que de quelques pages, un délai suffisant.

En même temps que les deux cahiers de *Vigile*, je vous adresse l'ensemble de mes écrits, à simple titre de remerciement et d'hommage: si vous jetez un coup d'œil sur *Extraits d'un Journal*,[10] vous rencontrerez peut-être, dans le trajet qui m'a ramené à la foi, certaines analogies avec l'attitude intime de la correspondance.

Trouvez ici, Monsieur, l'expression de mes respectueux sentiments d'admiration et de sympathie.

Charles Du Bos.

[1] "Die Russische Idee", un essai écrit par Ivanov en russe en 1909, fut traduit par Evsei Shor (1891-1939) et publié à Tübingen en 1930.

[2] Herbert Steiner (1892-1966), rédacteur de la revue *Corona*.

[3] Traduite de l'allemand par Nikolai von Bubnov, *La correspondance d'un coin à l'autre* fut publiée dans *Die Kreatur*, I, 1926-1927, pp. 159-199.

[4] Dimitri Petrovich Sviatopolk Mirski (1890-1939), auteur de plusieurs ouvrages et de

traductions de littérature et de culture russe, il enseigna la littérature russe à l'université de Londres après la révolution. Pour les opinions d'Ivanov sur Mirski, voir la lettre de Ivanov à Curtius du 27/28 février, 1932 (*Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass*, pp. 59-60). Nikolai Alexandrovich Berdiaeff (1871-1944), penseur religieux et philosophe, il fut exilé de l'URSS en 1922.

[5] Mikhail Gerchenson (1869-1925), historien et critique littéraire russe, auteur de nombreuses études sur Pouchkine ainsi que d'ouvrages d'histoire. En 1920 il se retrouva avec Viatcheslav Ivanov dans la même chambre d'une "maison de santé" et c'est là qu'ils écrivirent *La correspondance d'un coin à l'autre.*

[6] Ivanov cite ce passage dans le deuxième paragraphe de sa "Lettre à Charles Du Bos" qui parut dans *Vigile*, 4 cahier, 1930, p. 39.

[7] L'Abbé Jean-Pierre Altermann (1892-1959). Charles Du Bos fut (re)converti au catholicisme le 30 juillet 1927 par l'Abbé Altermann.

[8] François Mauriac (1885-1970), écrivain catholique. Il reçut le Prix Nobel en 1952.

[9] Hélène Iswolsky (1896-1975), journaliste, traductrice, et écrivain religieux d'origine russe. Son père fut le dernier ambassadeur russe en France avant la révolution.

[10] *Extraits d'un journal 1908-28.* Dédicace de Charles Du Bos à Ivanov: "A Monsieur Wenceslas Iwanow hommage d'admiration et de sympathie, Charles Du Bos, Versailles. Vendredi 11 Juillet 1930. 'Nicht nur erschuf mich Gott, sondern Er erschafft mich ununterbrochen und wird mich auch ferner erschaffen... Nicht kann mich Gott verlassen, wenn ich Ihn nicht verlasse'. W. I. 17 Juni 1920." [Archive Ivanov à Rome]. Dans cette dédicace Du Bos cite p. 160 de la traduction allemande de *La correspondance d'un coin à l'autre* qui parut dans *Die Kreatur.*

2. Du Bos à Ivanov

11 bis Rue des Réservoirs
Versailles
Tél: Versailles 22-63
Mercredi 30 juillet, 1930.

Cher Monsieur et ami,

Permettez-moi de vous donner dorénavant ce nom auquel m'encourage une réponse qui de toutes manières m'a tant ému.

Merci d'abord de la part de *Vigile*. Il nous est très précieux que vous consentiez à cet Avant-Propos où vous avez la délicatesse de voir "un acte d'obéissance", et je vous en ai d'autant plus de gratitude qu'avant même que vous ne me l'eussiez écrit, je devinais ce que semblable tâche pouvait présenter pour vous de *fragwürdig*, et j'eusse hésité à la proposer si un des objets et (eu égard à la confu-

sion de la situation spirituelle contemporaine) un des avantages de *Vigile* ne devait résider dans cette clarté qui résulte de la parfaite mise au point. Je ne doutais pas que la thèse soutenue dans la *Correspondance* ne dût rester "immuable", et il va de soi que la mise au point ne consiste que dans ces événements intérieurs vécus depuis lors, et qui ont engendré, pour reprendre l'expression de *Vigile* même, notre "communauté de foi". En écrivant cet Avant-Propos en français, vous nous facilitez encore les choses, et je ne pense guère avoir à user du droit de linguiste que vous voulez bien m'accorder. Mademoiselle Iswolsky possède un exemplaire du texte original de l'opuscule: il n'y a donc pas lieu de vous dessaisir du vôtre.

Croyez, cher Monsieur et ami, que je sympathise et par l'esprit et par le cœur, l'ayant connu et en ayant souffert pendant plus de deux ans, avec l'état d'âme que vous décrivez: celui où l'âme se sent "morose, étroite et intolérante, en lutte contre elle-même": mon expérience propre – et qui longtemps me préoccupa de la façon la plus grave – a été que l'accession à la foi, précisément parce que sur tous les plans elle nous donne tant à faire, entraîne d'abord une inhibition de la charité, et par-dessus tout peut-être à l'égard des œuvres et des êtres qui se sont refusés à la lumière ou tout simplement l'ont négligée, et qui déterminent alors en nous une impatience proportionnelle à l'amour même que nous leur avions voué. Mais j'éprouve qu'à partir du moment où nous avons non point accompli – ce qui serait bien présomptueux à se prétendre, – mais du moins avancé notre travail dans la zone de la foi, la charité nous est librement rendue ou plutôt multipliée, et revient alors à ceux qui, à la fois coupables et non-coupables, ne furent pas au même degré que nous favorisés. C'est vous dire que je ne me réjouis d'avoir été l'instrument contre Shelley. Depuis que j'ai écrit ces pages, je pense souvent à lui et me tranquillise toujours davantage à son sujet. Aussi bien cette étude n'est que le premier chapitre d'un vaste ouvrage que la spiritualité naturelle qui a pour objet, par une série d'exemples majeurs, de jeter autant de passerelles que possible entre le *profane* et le *sacré*, et d'introduire à un ouvrage qui sera tout organisé autour de saint Augustin comme centre. Je suis persuadé que vous et moi sommes destinés à remplir, dans la mesure où Il le voudra, notre mission d'*advocati Dei* tout en gardant fidélité au *thesaurus*, et par là même: je ne saurais mieux vous manifester à quel point je me rallie à votre vue que, de ce fait, il existe entre nous une communion immatérielle toute spéciale.

Je vous remercie bien vivement de l'envoi de votre chapitre sur la *Démonologie*.[1] Avec ce "côté moins optimiste de" votre "conception de la vie", je me trouve aussi réelle "consonance": il me semble qu'aujourd'hui l'on ne saurait échapper à être tour à tour "optimiste" et "pessimiste" selon que l'on croit ou que l'on ne parvient plus à croire que le monde ouvrira les yeux sur la gigantesque leçon de choses qui lui est partout proposée: l'acte de la prise de conscience est devenu l'acte capital: ceux qui m'ont exécuté pour eux-mêmes sauront-ils autre cho-

se et plus que des voix disséminées clamant ça et là dans un désert aujourd'hui si bruyant qu'il couvre tout ce qui n'est pas son propre haut-parleur ? Là est la question, et d'autant plus difficile à résoudre que la vérité n'est jamais du registre du haut-parleur, et qu'elle risque toujours de se fausser en tant que vérité dès qu'elle essaie de se hausser à ce diapason. Partant après demain pour jusqu'au 30 août, et ayant hélas beaucoup d'affaires à régler, désirant par ailleurs ne pas retenir votre écrit d'une façon qui retarderait l'impression du livre, je n'ai pu étudier le texte avec tout l'approfondissement que j'eusse souhaité: cependant j'ai été très requis par votre disjonction (avec toutes les racines métaphysiques qu'elle implique) entre Lucifer et Ahriman, et tout particulièrement sollicité par le passage que vous avez rajouté à la fin de la page 5 où vous décelez avec une si subtile pénétration le contresens commis par les partisans de "l'optimisme anthropologique" qui semblent prendre, et peut-être de bonne foi hélas, pour un progrès ce qui n'est qu'une renonciation et même une dégradation. Si seulement nos contemporains consentaient à méditer ne fût-ce qu'une minute par jour le verset du Psautier: "*Signatum est super nos lumen vultus tui, Domine*".[2]

Excusez la brièveté de ce message. Le quatrième cahier de *Vigile* ne paraîtra décidément qu'à l'extrême fin de l'année: il me suffirait donc de recevoir votre Avant-Propos le 15 septembre ; peut-être vous sera-t-il agréable de bénéficier ainsi d'un peu plus de temps.

En vous remerciant encore, veuillez trouver ici, cher Monsieur et ami, l'assurance de mes sentiment d'affection toute dévouée,

Charles Du Bos.

[1] Cette étude fut inclue dans le troisième chapitre (Theologumena) de son livre *Dostojewski. Tragödie, Mythos, Mystik.* Tübingen 1932.

[2] Psaumes 4, 7.

3. Du Bos à Ivanov

11bis Rue des Réservoirs
Versailles
Tél: Versailles 22-63
Samedi 24 Janvier, 1931.

Très cher ami,

Excusez-moi, mais vraiment il m'est impossible de vous donner un autre nom, car, dans le temps même où à bon droit j'ai pu vous paraître le plus oublieux ou même le plus ingrat, je vivais au contraire avec vous et votre œuvre

dans une telle intimité, dans une telle consonance de pensée que j'éprouve notre lien spirituel comme plus étroit que jamais.

Mais permettez-moi d'abord de vous expliquer les raisons de ce trop long silence. Lorsque vers la fin d'octobre je reçus l'admirable lettre que vous écrivîtes à ma demande et que vous me faites l'honneur de m'adresser, j'étais encore plus que de coutume le lieu de cet alliage de maladie et d'excès de travail qui est toujours plus ou moins mon lot. D'autre part, c'est à peu près à la même date que je commençai avec Hélène Iswolsky le travail de révision portant sur la *Correspondance*. Dans le désir de serrer le plus près un texte qui le mérite tellement – et comme par ailleurs, vu nos autres occupations respectives, nous ne pouvions guère nous rencontrer plus d'une fois par semaine, – ce travail nous a conduit bien plus loin que nous ne le pensions, et ce n'est que hier au soir que nous avons achevé l'ensemble dont une copie dactylographiée part à votre destination en même temps que cette lettre. Je porte ce matin même le dossier chez l'éditeur qui n'attend plus que lui pour achever la composition du quatrième cahier 1930[1] (hélas! ainsi que vous le savez peut-être, la rédaction d'une revue est parfois obligée de recourir à une chronologie fictive et qui, si on ne lui témoigne quelque indulgence, risque d'éveiller l'ironie): nous espérons qu'il paraîtra le 28 février ou dans les tout premiers jours de mars. Pour gagner du temps, je corrigerai moi-même les épreuves: je vous serais donc infiniment reconnaissant si vous pouviez lire la traduction tout de suite et me communiquer sans délai les remarques ou corrections que vous jugeriez souhaitables et dont je ferai usage sur les épreuves. Hélène Iswolsky avait établi sa traduction avec tant de conscience et d'amour que la révision a surtout consisté, outre certaines modifications de langue, à sortir partout, dans la mesure du possible, les moindres nuances de l'original. Nous avons visé par-dessus toutes choses à une fidélité littérale. (Une seule fois, dans votre lettre XI, nous avons dû employer partout le terme "œcuménique" alors que vous usez d'abord de "conciliaire" pour aboutir à "œcuménique", mais le mot "conciliaire" n'eût présenté aucun sens intelligible – sinon peut-être, par une application exclusivement technique, d'avoir l'air, vis-à-vis d'un lecteur mal informé, de limiter la pensée dans le moment même où vous visez à étendre: le "gemeinschaftlich" de la version allemande ne nous servait ici à rien, car notre "collectif" eut représenté un grave contre-sens à cause des associations grégaires que l'adjectif entraîne). Hélène Iswolsky ayant si gentiment insisté pour que mon nom soit joint au sien pour la traduction, malgré mon ignorance du russe j'ai accepté, pensant qu'il y avait là un petit signe de plus qui témoignerait de notre accord. Une fois de plus, j'ai constaté et vécu ce que vous avez dû constater et vivre toute votre vie, à savoir que seule la traduction d'un texte, avec cet approfondissement sans analogue de son contenu que l'opération comporte, nous permet d'apprécier l'étendue de notre dette personnelle à son égard, et c'est aujourd'hui seulement qu'en pleine connaissance de cause je puis vous redire et vous affirmer

que vos six lettres à Gerschenson expriment, avec un éclat, une persuasion contagieuse, et cette troisième dimension que vous vaut l'universalité de votre culture, la foi intime qui toujours fut la mienne.

C'est vous dire du même coup avec quel indicible mélange d'admiration et d'émotion j'ai lu et relu la lettre nouvelle, – celle qui grâce à votre délicate pensée désormais m'appartient, mais ne m'appartient que pour rayonner au plus loin et pour faire tout le bien que vous êtes mieux placé que quiconque pour accomplir. Non seulement mes deux collègues de *Vigile*, non seulement votre traductrice, mais d'autres amis très chers que vous connaissez sans doute de nom: Jacques et Raïssa Maritain[2] et Gabriel Marcel[3] se sont trouvés exactement au même diapason d'admiration et d'émotion que moi, et Hélène Iswolsky me disait hier le soulagement et l'émerveillement que lui avait apportés l'interprétation de votre acte religieux personnel en fonction du destin russe; elle ajoutait qu'à l'heure actuelle vous êtes le seul russe en état de prononcer les paroles que vos compatriotes et nous tous appelons: ceci équivaut à vous prévenir amicalement qu'il ne faut pas que vous comptiez trop que nous vous laissions à l'avenir vous enfoncer dans le silence; mais vous savez comme moi qu'il n'est rien de tel que de donner un gage pour voir aussitôt son repos assailli.

Merci pour l'envoi des deux précieux feuilletons sur Raskolnikoff: les vues que vous nous y proposez ajoutent à mon impatience quant à la publication annoncée dans *Corona*[4] (à laquelle notre Herbert Steiner a su donner une si belle parure et où il maintient une dignité qui lui ressemble et que nous ne sommes plus très nombreux à assurer aujourd'hui en Europe). De ces feuilletons, je vous écrirai en détail bientôt, mais ce matin il faut que je parte chez l'éditeur qui, lui, attend avec impatience votre texte.

Croyez-moi d'esprit et de cœur plus que jamais vôtre,

Charles Du Bos.

PS: Je ne me souviens plus où se rencontre chez Goethe le texte capital sur "la vieille vérité découverte depuis longtemps": pourriez-vous me le rappeler?[5]

Je me suis permis d'abréger quelque peu le premier paragraphe de la lettre que vous m'adressez, afin que dès le début, aux yeux du lecteur, l'élément supra-personnel s'impose, et un peu aussi, étant donné que je suis le destinataire et un des directeurs de *Vigile*, pour éviter tout air d'indiscrétion: je suis sûr que vous comprendrez et ne me tiendrez pas rigueur.

[1] Le quatrième cahier de *Vigile* fut publié en 1931 par Grasset.

[2] Jacques Maritain (1882-1973), critique de la philosophie de Bergson, ainsi que de toute philosophie du devenir. Thomiste rigoureux et traditionnel. Son épouse, Raïssa Maritain (1883-1960), était un poète et critique d'origine russe.

[3] Gabriel Marcel (1899-1973), philosophe, écrivain, dramaturge et critique dramatique. Influencé par Karl Jaspers et Martin Heidegger, il est un des représentants de la philosophie existentielle en France. Il écrivit une introduction à *la Correspondance d'un coin à l'autre* qui parut en forme de un livre chez Corrêa en 1931 et un article pour *Il Convegno* intitulé "L'interpretazione dell'opera di Dostoievski secondo V. Ivanov" (25. Gennaio 1934) pour le numéro consacré à Ivanov.

[4] Il nous a été impossible de déterminer quels étaient les feuilletons et la référence dans *Corona* dont parle Charles Du Bos.

[5] "Vermächtnis" (1829) de Goethe.

4. Ivanov à Du Bos

le 10 Février 1931

Monsieur et très cher ami,

Je vous remercie de tout mon cœur du cordial accueil que vous avez fait à mon avant-propos qui s'adresse à vous, et je suis profondément touché des sympathies que me témoignent vos συνθιασῶται,[1] qui ne me sont certainement pas connus que "de nom". C'est un grand et précieux réconfort pour moi que d'avoir acquis la bienveillance d'une élite spirituelle disposée à encourager et à appuyer mon effort. La chère et émouvante lettre de Mlle Hélène Iswolsky (je lui ai répondu immédiatement) m'a porté une bonne nouvelle de ma solidarité intime avec un essaim d'âmes qui s'élancent vers l'accomplissement œcuménique du destin spirituel de ma nation.[2] Hier je vous ai renvoyé les épreuves dactylographiques avec mes notes et propositions d'amendement que je vous prie de considérer non pas comme des corrections de style, mais comme celles d'interprétation dont l'unique but est d'éclaircir certaines subtilités du raisonnement: la rédaction verbale définitive reste, bien entendu, réservée à mes excellents traducteurs. Car la traduction est véritablement admirable; j'y retrouve toutes les finesses, toutes les nuances de l'original. Enfin, une prière très cher ami: veuillez m'envoyer votre photographie! Et consolez-moi par une nouvelle rassurante de votre santé! Avez-vous déjà vu notre cher ami Herbert Steiner? Puis-je vous prier aussi de bien vouloir commander un certain nombre d'extraits que je pourrais distribuer aux personnes intéressées? Je suis prêt à payer le surcroît des dépenses pour le papier etc qui en résulte – mille remerciements pour l'envoi du IIIe cahier de *Vigile*.

Je vous suis indiciblement reconnaissant du grand travail que vous avez accompli pour moi, ainsi que de l'immense bien spirituel dont je vous suis redevable. Agréez les saluts affectueux de votre

très dévoué

Venceslas Ivanov.

[1] συνθιασώτης: Partenaires dans une confrérie religieuse.

[2] Voir l'appendice à la fin de la publication.

5. Du Bos à Ivanov

11bis Rue des Réservoirs
Versailles
Tél: Versailles 22-63
Vendredi 13 Février, 1931.

Très cher ami,

Votre lettre m'est parvenue alors que *notre* Herbert Steiner passait l'après-midi auprès de moi et juste après le moment où il venait de me réclamer (car je dois dire, à ma honte, que c'était sa deuxième offensive) la photographie que vous-même me faites tout ensemble l'honneur et l'amitié de me demander. Comme vous le connaissez, vous imaginez sans peine les taquineries auxquelles il se livra, assurant que tous deux vous n'obtiendriez rien. Mais, bien décidé à ne pas lui laisser le dernier mot, j'ai remis cette grave question entre les mains de ma femme qui doit faire tirer de nouvelles épreuves de photographies anciennes qui sont bonnes, – je puis le dire puisque le taquin lui-même les approuve, et j'espère bien dans quelques semaines vous expédier ce modeste présent, tout en vous rappelant que c'est là un de ces cas où la proposition des mathématiciens: la réciproque est vraie, garde sa pleine valeur.

Je suis tout heureux que la version de la *Correspondance* vous ait paru dans l'ensemble satisfaisante: j'ai reçu la copie dactylographiée avec les précieuses corrections et additions hier, c'est-à-dire juste à la dernière minute possible pour en faire état sur les épreuves. Chacune de vos suggestions constituait une amélioration si évidente, et une amélioration formulée avec un si rare bonheur d'expression, qu'il n'y avait qu'à les reporter sans modification aucune sur les épreuves. C'est ce que nous avons fait aujourd'hui même. Seulement, comme les épreuves doivent être rendues dès demain matin à l'éditeur afin que ce quatrième cahier de 1930, déjà si en retard, ne souffre plus nul délai, je n'avais plus le temps matériel de faire venir Mademoiselle Iswolsky: j'ai donc transcrit la traduction de vos vers, traduction qui en français sonnait fort bien, et j'ai dû omettre la bibliographie de Gerschenson (qu'avec tout le scrupule que j'apprends à connaître et que j'aime tant en vous, vous aviez tenu à établir) parce que pour celle-là il m'eût fallu la traductrice! Etant données les indications fournies par Mirsky[1] et les allusions au cours des lettres même, pour la publication dans *Vigile* où sans sa qualité d'interlocute-

ur Gerschenson n'eût pu figurer, je crois vraiment en conscience que cette suppression n'a pas d'inconvénient. D'ailleurs cette bibliographie serait traduite et publiée dans le cas où je parviendrais à faire aboutir un projet qui me tient à cœur et dont je m'ouvre à vous dès aujourd'hui: je voudrais en effet que cette admirable *Correspondance* ne se limitât pas comme public aux lecteurs de *Vigile* et je viens d'engager des pourparlers avec deux éditeurs afin qu'elle reparaisse sous forme d'un petit livre. L'on m'a promis à cet égard une réponse définitive dans la seconde quinzaine de mars, et il va de soi que dès que j'aurai des précisions je vous communiquerai tous détails et ne prendrai nulle décision sans que vous soyez en entier accord.

Mon état de santé est toujours le même, mais comme il a toujours été à peu près le même depuis fort longtemps voyez-y une forme, quoique non la plus agréable, de cette vertu de fidélité qui nous est si chère à tous deux: ici il est vrai, il ne s'agit pas de la conservation d'un *thesaurus*, mais puisqu'ici d'autre part m'a été refusée la *tabula rasa*, je ne m'en estime pas responsable.

Excusez ce mot trop bref et trop rapide: tout ce que je voulais aujourd'hui, c'était vous remercier de votre lettre et vous rassurer sur le sort de votre texte.

D'esprit et de cœur tout à vous,

Charles Du Bos.

[1] Dans l'Avertissement de la publication de *La Correspondance d'un coin à l'autre* dans *Vigile*, 4 cahier, 1930, p. 35, Du Bos cite un long passage qui traite de Gerschenson du livre de Mirsky. *Contemporary Russian Literature (1881-1925).*

6. Ivanov à Du Bos

le 5 Mai 1931

Monsieur et cher ami,

Un mot pour vous dire encore une fois combien je vous suis reconnaissant de cette belle publication où vous avez mis tant d'amour et de précieux travail, et pour vous parler d'une circonstance qui me préoccupe. M. Pierre Tisné, qui m'a envoyé au nom de l'éditeur de *Vigile* une somme d'argent tout à fait inattendue, m'écrit aujourd'hui: "Mme Gerschenson recevra directement pour les lettres de feu son mari les honoraires correspondant à celles-ci".[1] Or, je crains qu'il ne lui envoie aussi quelques exemplaires de *Vigile* (puisque moi j'en ai reçus dix): ils seraient certainement confisqués, et en outre cet envoi aurait pour Mme G. des conséquences fâcheuses, le catholicisme étant considéré dans l'URSS comme une des puissantes organisations contre-révolutionnaires. Tout au moins, timorée

qu'elle est, elle en aurait peur, de ces conséquences... Quant à l'argent, il existe un moyen sûr, moins périlleux politiquement et, peut-être, même plus avantageux pour Mme G. (quant au cours du change) de le lui faire parvenir par les bons soins de quelques amis. Ne pouvant parler de ces choses à l'éditeur, je vous le dis confidentiellement, afin que vous puissiez agir en conséquence. Et je me borne à ceci, ayant une grande hâte de vous en prévenir. Je vous salue, cher ami, affectueusement et reste tout à vous

Venceslas Ivanov

PS: N'oubliez pas, je vous prie, votre promesse, concernant la photographie, et dites mes amitiés à Mlle Iswolsky, dont j'admire l'excellent travail de traduction.

V.I.

[1] La lettre de Pierre Tisné daté du 2 mai 1931 se trouve à l'Archive Ivanov à Rome.

7. Du Bos à Ivanov

Versailles
11 bis rue des Réservoirs.
Tel: 22.63
Mercredi 8 Juillet 1931.

Cher ami,

Hier matin, jour de la fête des SS. Cyrille et Méthode, lisant à la messe l'Hymne admirable qui les concerne, et rencontrant ces vers:

Prisca vos Slavis opus est datores
Dona tueri.
Quaeque vos clamat generosa tellus
Servet aeternae fidei nitorem
Quae dedit princeps, dabit ipsa semper
Roma salutem.

qui avait tant d'émouvants motifs de me ramener à la Lettre que vous me fîtes l'honneur de m'écrire et qui parut dans *Vigile*, de m'induire aussi à prier pour que les Slaves entendent votre voix et rallient votre exemple, je songeais à vous avec la plus intense intimité et vous m'accompagnâtes vraiment à la Sainte Table. C'est pourquoi je veux sans plus tarder vous remercier de votre lettre du 5 Mai, vous rassurer sur les points qu'elle soulève et aussi vous annoncer une bonne

nouvelle. D'abord, en ce qui concerne Mme Gerschenson, soyez sans inquiétude aucune: j'ignorais, pour ce qui a trait aux envois actuels d'argent en Russie, les indications que vous m'apportez, mais, par bonheur, je n'ignorais pas moins l'adresse de Madame Gerschenson. De sorte que j'avais prié la maison Grasset[1] de me confier la part qui lui revient, assumant la charge de la lui faire parvenir. Cette charge, cher ami, je me permets de vous la transférer, car, en dehors de la question d'adresse que je ne possède toujours pas, vous avez, vous, des tenants et aboutissants qui me font complètement défaut. Je vous inclus donc une somme de 550 francs français sur laquelle vous voudrez bien prélever pour vous-même 150 francs (honoraire dérisoire, mais par là même négligeable, pour le texte sans prix que fut votre Lettre inédite) et adresser les autres 400 francs à Madame Gerschenson en y joignant l'expression de ma respectueuse gratitude et en lui expliquant pourquoi elle n'a pu être mise au courant de la publication et pourquoi l'envoi d'argent n'est pas accompagné d'exemplaires du numéro de *Vigile*. Peut-être aurez-vous appris le mariage de notre amie et collaboratrice Hélène Iswolsky: elle a épousé un baron de Sternberg-Ungern qui est professeur à l'Université de Nagasaki: sa lettre témoignait d'un profond bonheur, mais elle a dû partir précipitamment pour le Japon sans que nous ayons pu nous revoir. Lui est protestant, mais elle a été encouragée et soutenue dans son projet par de saintes amies carmélites qui ne doutent pas de tout le bien que sa ferveur catholique pourra faire là-bas.

Et maintenant que la publication de la *Correspondance* dans *Vigile* est un fait accompli, c'est la publication en volumes qui m'a requis, et le motif même de mon long silence, c'est que je viens seulement d'aboutir. La compensation du retard, c'est que j'ai abouti de la façon qui me satisfait le plus. Si vous êtes d'accord en effet, la correspondance paraîtra à la fin de l'année chez mon propre éditeur (qui est en même temps un jeune et très cher ami): Roberto A. Corrêa:[2] c'est lui qui a publié la quatrième série d'*Approximations* (que vous avez, je crois, déjà), qui vient de sortir la deuxième édition, augmentée d'*Extraits d'un Journal* (que je vous expédie par le même courrier), et chez qui paraîtront désormais tous mes livres. Mieux que cela encore: un des mes tous meilleurs amis, Gabriel Marcel, que je tiens en France pour le premier métaphysicien vivant, et sur lequel moi-même suis en train d'écrire un livre que vous recevrez à la fin de l'année, admirateur passionné et tout compréhensif de la *Correspondance* (et qui avait témoigné de son appréciation dans le numéro de mai de la *Nouvelle Revue Française*),[3] a écrit une belle et profonde introduction pour le futur volume qui précédera la petite note que j'avais moi-même rédigée pour *Vigile*. Le livre se trouvera ainsi présenté comme il sied au cercle plus étendu des nouveaux lecteurs. Quant aux conditions matérielles, elles sont modestes, mais ceci est inévitable parce que l'éditeur est encore à ses débuts, ne publie que des livres de valeur (il est le seul éditeur à Paris qui non seulement accepte, mais recherche les volumes de haute critique) qui donc ont un tirage et un débit limités. Le prix du volume et le tirage lui-même ne se-

ront fixés qu'à l'automne, mais, quels qu'ils soient, l'éditeur donnera dix pour cent par exemplaire vendu: comme cette petite somme est à partager en trois, entre Mme Gerschenson, la traductrice et vous-même, ce sera peu de chose, mais il était impossible de mieux faire. Vous seriez tout à fait aimable de m'envoyer votre agrément de principe que je transmettrai aussitôt à mon ami.

Mon long silence avait aussi une autre raison: ces dernières semaines j'ai beaucoup souffert d'un abcès mal placé qui a déterminé une fistule, et qui m'oblige à subir une véritable opération, d'ailleurs sans gravité, mais qui doit être suivie de douloureux pansements quotidiens pendant près de deux mois. L'opération aura lieu le 16 juillet, et je crains bien que les pansements retardent l'achèvement du troisième chapitre du livre que je publie dans *Vigile* et auquel je travaille en ce moment: le chapitre traite de Wordsworth[4] et s'efforcera de définir la grandeur mais aussi les pièges de la contemplation naturelle.

Entrant dès mardi prochain à la maison de santé, je suis débordé de travail et de correspondance. Vous excuserez donc cette lettre trop brève et que les "affaires" ont à l'excès envahie.

D'esprit et de cœur, tout à vous

Charles Du Bos.

[1] La Maison Grasset publia *Vigile* jusqu'au quatrième cahier en 1931.

[2] Roberto A. Corrêa, romancier et éditeur d'origine brésilienne.

[3] *Nouvelle Revue Française*, vol. 36. Mai 1931, pp. 788-90.

[4] Charles Du Bos, "Du spirituel dans l'ordre littéraire", (IIIe partie) *Vigile*, cahier 4, 1931. pp. 141-217.

8. Ivanov à Du Bos

le 12 Juillet 1931

Cher ami,

Vous continuez de me combler de vos dons autant spirituels que matériels, et il ne pourrait y en avoir parmi ceux-là un plus précieux ni plus émouvant que cette prière pour moi que vous avez uni à celle pour les Slaves le jour de fête de leurs saints protecteurs, vrais formateurs de la spiritualité, de la langue (imprégnée jusqu'à ce jour de subtil parfum grec), de la substance intellectuelle de mon peuple si grand et si malheureux. A présent, c'est ma prière pour vous, très cher ami, qui vous accompagne au lieu des supplices que vous devez subir; sachant que le cas qui nécessite l'opération n'est pas grave en soi, j'en remercie Dieu, mais je ne sais pas toutefois me consoler de vous savoir martyrisé par le bistouri et avec

des pansements douloureux. C'est ce qui assombrit la grande joie que m'a procurée votre chère lettre par le fait même de son arrivée, ainsi que par la bonne nouvelle qu'elle m'annonce. Il est superflu de vous déclarer mon "agrément": il ne me reste qu'à vous témoigner ma plus profonde gratitude pour la fidèle et généreuse énergie que vous avez déployée pour présenter la *Correspondance d'un coin à l'autre* au grand public – et de quelle façon! Je suis heureux et hautement flatté d'avoir trouvé, grâce à votre sollicitude amicale, un tel interprète des idées trop fugitivement esquissées dans l'opuscule – que M. Gabriel Marcel. Cela n'exclut point d'ailleurs, me paraît-il (et cette perspective répond à mon désir intime!), la possibilité d'un plus large développement de la Note signée par vous, qui enrichirait le livre de quelques-unes de vos réflexions personnelles sur la nature de la controverse que vous avez si admirablement définie comme "opposition entre le salut du *thesaurus* et la hantise de la *tabula rasa*". – Une bonne nouvelle est aussi celle de la félicité de Mlle Hélène Iswolsky, actuellement Mme de Sternberg-Ungern, bien que je doive avouer qu'un vague sentiment de douleur, de compassion, de crainte même me serre le coeur chaque fois que j'apprends le mariage de certaines jeunes personnes très pures et hantées par une nostalgie spirituelle. – Votre message cordial à Mme Gerschenson, dont je vous remercie pour elle, je le chercherai à lui faire parvenir par quelque intermédiaire (on ne pourrait le faire autrement), l'argent lui sera transmis, – mais, cher ami, je suis extrêmement préoccupé du fait que vous m'écrivez: "je vous *inclus* donc une somme de 550 francs français", tandis que *l'enveloppe ne contenait que les pages de votre lettre.* J'espère qu'au dernier moment vous avez différé l'envoi de l'argent, car votre lettre était une simple, non assurée, ni même recommandée. Autrement, vous aurez fait une énorme imprudence, et l'argent aura été confisqué à la poste pour l'infraction de la loi – ou, tout simplement, volé... – A ce moment, je lis les épreuves de la traduction italienne de la *Correspondance*. Mon livre sur Dostoïevski sera publié en Allemagne (par Siebeck-Mohr) et en Italie (par un éditeur milanais).[1] S'il y avait à Paris un éditeur désireux de fêter par l'édition de ce livre le 50ème anniversaire de la mort du grand écrivain, je songerais à faire traduire en français les 200 pages du texte *allemand*. Je salue avec enthousiasme l'apparition de la 2ème édition augmentée de cet admirable, de cet extraordinaire livre qu'est votre *Journal*.[2] Et je réitère l'expression de ma gratitude sans bornes. Tout à vous, d'esprit et de cœur,

Venceslas Ivanov

[1] Wjatscheslaw Iwanow. *Dostojewskij: Tragödie – Mythos – Mystik*, autorisierte Übersetzung von Alexander Kresling. Tübingen 1932. L'édition italienne de ce livre ne fut jamais publiée. La traduction parut sous une forme révisée: *Dostoevskij. Mito. Tragedia. Mistica*, traduite par Ettore Lo Gatto et éditée par S. Garzonio. Bologne 1994.

[2] La dédicace de Charles Du Bos à Ivanov dans *Extraits d'un Journal 1908-1928*, deuxième édition augmentée, 1931: "A Venceslas Ivanov, en intime union d'esprit, de cœur et de foi, –

offert le matin de la fête de saint Bonaventure. Versailles. Jeudi 14 Juillet 1931 (avant d'entrer à la maison de santé – où j'arrive cet après-midi, mais où vous ne serez pas hélas! l'interlocuteur de l'autre coin!) Charles Du Bos" [Archive Ivanov à Rome].

9. Ivanov à Du Bos

le 15 Décembre '31

Quelle charmante surprise! Quelle belle étrenne! Comment vous dirais-je toute ma gratitude, cher ami? Juste à l'époque fixée, le voilà, le cher petit volume nouveau-né![1] Qu'il est joli! Vous l'avez tenu sur les fonts baptismaux: souhaitons donc qu'il lui soit accordé de faire un peu de bien dans sa vie (que je prévois, d'ailleurs, assez obscure), aussi restreint que soit le cercle de son action. Que je suis heureux et fier de la très belle Préface de M. Gabriel Marcel, si gracieuse et si pénétrante à la fois! Je lui suis profondément reconnaissant de cette profession de sympathie, exprimée déjà avec fermeté dans son remarquable compte-rendu dans la *N<ouvelle> Revue Française*. Vous trouverez ci-joint une lettre à lui que je confie à vos soins amicaux, en vous priant, pour ma part, de la parcourir. Et votre essai sur sa philosophie a-t-il déjà paru? Je vous remercie de votre chère caresse écrite sur mon exemplaire personnel, qui m'est précieux[2]. Celui de Mme G. sera sans faute remis dans ses mains par une personne de confiance, en secret, bien entendu, parce que la publication doit être odieuse à Moscou: quand? – je ne saurais le dire pour le moment. – Et vous, cher ami, comment vous portez-vous? Avez-vous pu maintenant oublier la douloureuse épreuve de l'opération subie avec ses peines ultérieures? Moi, je suis occupé assidûment de la correction des épreuves (qui est pour moi toujours doublée du travail de lime) de l'édition italienne de la *Correspondance*[3] et du livre allemand sur Dostoïevski. Donneriez-vous, pour la première, l'autorisation d'y insérer ma Lettre adressée à vous? Je crains toutefois qu'il ne soit trop tard à y songer, car l'éditeur est impatient de publier le volume. D'ailleurs, la Lettre a été citée par l'auteur (qui s'est caohé sous un pseudonyme) d'une longue Introduction,[4] qui est une espèce d'exposition philosophique de notre manière d'envisager le monde à nous, c'est-à-dire à Gerschenson et à moi. Je vous envoie, sous la même enveloppe, mon étude sur le Pétrarque et le laurier,[5] où il s'agit de l'origine du paradis sécularisé – celui de l'humanisme – qui s'appelle "le Parnasse". Et demain je vous enverrai mon essai sur l'historiosophie de Virgile[6] (imprimé dans *Corona*); car il me semble que vous ne l'avez pas encore reçu? Cette historiosophie me semble être analogue dans son principe à celle de la Bible. Je ne sais pas si ces deux études peuvent intéresser *Vigile* ou cette nouvelle revue dont me parle M. Mounier.[7] En tout cas, vous en pouvez disposer à votre

gré. Je suis tenté de vous présenter avec Virgile – sous le même pli – les premiers vers de mon fils,[8] lycéen en Suisse (Engelberg), – vers français! – pour savoir l'impression que fera sur vous cet enfantillage. – Oserais-je vous prier de transmettre à Madame Du Bos, mes saluts très respectueux et de bien vouloir les accompagner d'une expression timide de mon espérance d'obtenir, par la gracieuse intervention de Madame du Bos, votre photographie que vous m'avez jadis vaguement promise? Et notre excellente amie à laquelle je redois ce chef-d'œuvre de traductions vous donne-t-elle de ses nouvelles? Ne se trouve-t-elle pas un peu dépaysée au Japon?

Agréez donc, cher ami, avec mes remerciements les plus profonds une expression renouvelée de ma grande admiration et de mon affection chaleureuse.

A vous de coeur,

Venceslas Ivanov

PS. L'étude sur *Le Pétrarque et le laurier* est une communication que j'ai envoyée au Congrès des Pétrarcologues qui avait lieu à Arezzo le 12 octobre. On m'a invité à y participer, parce que j'avais jadis traduit en russe une série de sonnets "In vita" et "In morte di Laura".[9]

[1] Il s'agit du livre: V. Ivanov et M. O. Gerschenson. *Correspondance d'un coin à l'autre.* Paris, Corrêa, 1931, précédée d'une Introduction de G. Marcel et suivie d'une lettre de V. Ivanov à Ch. Du Bos.

[2] L'exemplaire dont parle Ivanov se trouve dans l'archive Ivanov à Rome avec les dédicaces suivantes: "Exemplaire personnel de Venceslas Ivanov, – en le remerciant encore de la lettre inédite; et avec la fraternelle affection de Charles Du Bos" et "Hommage admiratif du préfacier. G. Marcel."

[3] *Corrispondenza da un angolo all'altro* (Lanciano, R. Carabba, 1932), traduit du russe par Olga Resnevic.

[4] L'introduction fut écrite par Olga Deschartes. *Corrispondenza da un angolo all'altro*, pp. 7-63.

[5] "Il lauro nella poesia del Petrarca" (Estratto dagli *Annali della Cattedra Petrarchesca*. Vol. IV, 1932).

[6] "Vergils Historiosophie", *Corona*, 1931, pp. 761-774.

[7] Emmanuel Mounier (1905-50), philosophe personnaliste; il créa la revue *Esprit* en 1932. Il écrivit une lettre à Ivanov le 9 décembre 1931. "Monsieur, Notre Ami commun Monsieur Charles du Bos m'assure que votre sympathie et votre collaboration nous seraient acquises pour une revue de concentration spirituelle dont je vous fais ces jours-ci adresser le programme. J'en serai pour ma part vivement heureux, tout particulièrement en sortant de lire la correspondance que viennent de m'adresser Charles du Bos et Gabriel Marcel. Veuillez croire, Monsieur, à mes sentiments de vive sympathie spirituelle. E. Mounier." [Archive Ivanov à Rome].

[8] Dimitri Ivanov (né en 1912), journaliste, résidant à Rome. Il écrit sous le pseudonyme de Jean Neuvecelle.

[9] Ivanov et Gershenson avaient traduit Pétrarque dans un recueil intitulé *Avtobiografiia. Ispoved'. Sonety.* (Moscou 1915).

10. Du Bos à Ivanov

11bis rue des Réservoirs
Versailles
Tél: Versailles 22-63
Mercredi 23 décembre 1931

Très cher ami,

Avant toutes choses, je vous adresse l'autorisation dont votre éditeur italien a besoin: je viens de téléphoner à Corrêa, et il va de soi que cette lettre inédite qu'à ma demande vous m'avez fait l'honneur et l'amitié de m'écrire (et dont je ne suis pas médiocrement fier d'avoir provoqué la venue au monde) vous appartient sans réserves aucune, et que donc votre éditeur peut et même doit la publier.

J'ai bien reçu toutes les lettres et précieux envois, mais, avant de vous remercier en détail, je veux m'excuser de mon long et bien involontaire silence. J'avais la ferme intention de ne pas laisser "le nouveau-né" arriver jusqu'à vous sans une lettre de son parrain autre que les quelques lignes de dédicace sur votre exemplaire personnel, mais j'ai été comme toujours débordé. L'opération de l'été dernier – qui a eu lieu d'ailleurs dans des conditions excellentes – a entraîné une interruption de travail de près de deux mois, et vous savez par expérience ce que signifie une interruption de cette sorte quand il s'agit d'en réparer les effets. Je suis tout à fait guéri maintenant de cet épisode en lui-même extérieur à mes maux physiques habituels, mais ceux-ci subsistent sans changement aucun, et c'est en raison de ces deux motifs que j'ai dû abandonner pour un temps notre correspondance, non pas d'un coin à l'autre – sinon hélas d'un point de vue spatial –, mais bien d'âme à âme et plus que jamais fraternellement unies.

Je suis très heureux que vous ayez aimé l'introduction de Gabriel Marcel: ce sont des pages émouvantes et si justes de ton (dans tous les sens du terme y compris le musical). Je lui transmets votre très gentille lettre à laquelle il sera sûrement fort sensible: je la lui envoie à l'Hôtel Pension Laveno, Menaggio (Lac de Côme) où il est jusqu'au 3 janvier: je vous indique son adresse actuelle, comme je lui donne la vôtre, parce que peut-être les distances ne s'opposeraient-elles pas à ce que vous pussiez vous joindre. Je suis certain que de part et d'autre vous en seriez heureux: je n'ai guère aujourd'hui en France d'ami plus intime que Gabriel Marcel.

J'aurai voulu pouvoir répondre à votre amicale suggestion et développer dans le sens qui nous est cher ma petite note personnelle, mais avec mon accablante surcharge de travail il ne pouvait en être question. Enfin, c'est là un courant de pensée auquel, d'une manière ou d'une autre, et surtout aujourd'hui, on est toujours appelé à revenir. Ce qui importe bien davantage, c'est que déjà le livre commence à produire son action, – et une action toute bienfaisante. Un de mes meilleurs amis, dont vous connaissez peut-être les ouvrages, et dont en tout cas vous connaissez le nom, Ernst Robert Curtius,[1] le plus grand romaniste d'Allemagne, m'écrivait récemment ces lignes que j'ai plaisir à vous communiquer: "Si par hasard vous avez lu mon article dans la *Nouvelle Revue Française* du 1er décembre,[2] vous comprendrez l'intérêt *passionné* avec lequel je viens de lire la *Correspondance d'un coin à l'autre*. Elle m'a causé cette émotion si particulière qui naît chaque fois que l'esprit est concentré sur une question et que le "hasard" lui apporte un document ayant trait à la même question ou à la même idée ou à la même figure. Il se produit alors une allégresse de *rencontres*, une plénitude d'illumination. Il s'y ajoute cette certitude que toutes choses arrivent à point à qui sait entendre. N'est-il pas curieux que j'aurais pu lire ce dialogue il y a bien des années en allemand, puisque *Die Kreatur* fut éditée par mon beau-frère V. von Weizsäcker?[3] Mais à ce moment-là, je n'étais pas encore prêt, et je ne l'étais pas non plus quand vous me parlâtes de cette publication dans votre studio à Versailles. Je suis d'autant plus heureux de me retrouver à l'heure qu'il est, d'une fois de plus, dans une commune admiration. J'ai toujours particulièrement goûté dans la culture russe cet hellénisme oriental, si différent du nôtre (soit classique, soit renaissant), filtré par Byzance. J'en retrouve les traces dans Ivanov qui remonte par Platon jusqu'à Saïs (où il rencontre notre cher Novalis). Il a su découvrir l'orphisme de Goethe. Il enseigne une doctrine de la mémoire qui rejoint je ne sais quels mystères. Admirable poète et mystique! Il conquiert la sympathie comme par magie. Comme je vous suis reconnaissant de me l'avoir fait connaître." Il y a dans cette appréciation un si bel alliage de perspicacité et de délicatesse qu'au risque d'enfreindre légèrement la discrétion due à une lettre privée j'ai voulu, que vous en eussiez connaissance. Je mentionnerai d'ailleurs le fait en répondant à Curtius et l'encouragerai à vous écrire lui-même. Il a été à un moment, et même un an avant moi – il me précédait sur la route à cette époque, et son exemple m'était d'un grand encouragement – tout près de déboucher dans la Vérité qui est nôtre, mais dans les années suivantes il s'était au contraire écarté, et "l'intérêt *passionné*" témoigné à votre apport dans la *Correspondance* m'est le premier signe d'un rapprochement qui, lui, vous est dû. Curtius est incontestablement à l'heure actuelle en Europe un de ceux qui ont le sens le plus immuable du *thesaurus* et de sa valeur, mais c'est une nature susceptible, qu'un rien froisse et même éloigne, un de ces êtres qui de préférence protègent en eux ce qu'ils ont de faible plutôt que ce qu'ils ont de fort: on ne peut l'aider dans son cheminement que s'il n'a jamais

l'impression qu'on l'aide, par une voie tout indirecte, et c'est à cause de cela même que votre action lui fut bienfaisante. Je crois devoir vous mettre au courant de tout ceci pour le cas où l'avenir donnerait lieu à une correspondance entre vous, et parce que j'ai pour lui trop d'affection pour ne pas vouloir adopter avec lui la seule voie qui soit la sienne.

Paul Desjardins[4] – que vous connaissez peut-être à titre de fondateur et de directeur des Entretiens de Pontigny où nous serions si heureux de vous voir venir un jour – a été, lui aussi, très frappé par la *Correspondance*. Si elle suscite ici, comme je l'espère, des articles ayant quelque chance de vous intéresser, je demanderai qu'ils vous soient transmis.

J'ai reçu il y a quelques semaines une longue et heureuse lettre de notre amie Madame Ungern-Sternberg, et j'ai le sentiment qu'en ce qui la concerne vous pouvez être délivré de craintes dont je conçois certes qu'en nombre de cas on ne puisse guère éviter de les éprouver. Elle est subjuguée par la beauté et la richesse d'impressions que lui apporte le Japon: son mari qui connaît à merveille le pays et la langue les lui fait comprendre de l'intérieur, – et elle est bien plus que subjuguée, profondément émue par la foi catholique qu'elle a retrouvée là-bas. Ici aussi un passage de sa lettre est si touchant que je veux vous le transcrire: " Mon mariage a eu lieu à l'église catholique de Nagasaki qui porte le beau nom de Notre-Dame de la Découverte. C'est ici, en effet, que les missionnaires catholiques arrivés en 1865 découvrirent toute une population japonaise chrétienne et catholique qui avait miraculeusement conservé la foi que leur avait apportée saint François Xavier et qu'ils avaient transmise de génération en génération malgré les nombreuses persécutions, sans le secours d'aucun prêtre blanc et étant dans l'obligation de cacher leur religion aux yeux du monde païen qui les environnait. C'est une page magnifique de l'action catholique en Orient, et Nagasaki est fière de ses martyrs. " J'espère pouvoir répondre à Madame Ungern-Sternberg ces tout prochains jours: je lui communiquerai votre affectueux message: son adresse est: Baroness Ungern-Sternberg, Nagasaki College of Commerce, Nagasaki, Japon via Sibérie.[5]

Je m'excuse de vous avoir par ma dernière lettre inquiété quant au mode d'expédition des cinq cent cinquante francs pour Madame Gerschenson. Ils étaient partis séparément, et recommandés, par le même courrier. Comme depuis juillet vous ne m'avez pas récrit à ce sujet, je suppose qu'ils vous sont bien parvenus, mais vous seriez gentil dans votre prochaine lettre de me le confirmer.

Mon livre sur Gabriel Marcel est interrompu pour le moment en raison de multiples autres travaux dont un cours et un article pour le centenaire de Goethe.[6] De ce livre, la première partie avait paru en juin dans un numéro de Chroniques du *Roseau d'Or*,[7] mais, faute d'espace, mutilée, privée de tout l'appareil de ses notes, et c'est pourquoi je ne vous l'ai pas envoyé: je préfère que mes amis ne lisent l'ouvrage que dans son ensemble. Dans un prochain *Vigile* vous trouverez le

début d'une très longue étude sur Wordsworth[8] où se poursuit mon exploration du *spirituel* dans l'ordre littéraire.

Combien je vous remercie de l'envoi des deux manuscrits[9] – dont un premier mais encore bien trop rapide examen m'a déjà permis de m'assurer qu'ils étaient différemment mais également admirables. Je les ferai traduire tous deux et en retiendrai certainement un – sans que je puisse encore savoir lequel – pour un très prochain *Vigile*. L'autre pourra aller soit au numéro de Chronique du *Roseau d'Or* soit à la nouvelle revue *Esprit* de Mounier (avec qui je communiquerai à ce sujet). Je me réjouis à l'idée de l'édition allemande de votre *Dostoïevski*:[10] envoyez-la moi dès qu'elle paraîtra afin que je puisse me rendre compte comment se présenterait au mieux, et pour quelle destination, la traduction française: oui, il faut qu'il y en ait une. Mais n'est-elle pas en voie d'exécution ? Mon ami Bernard Groethuysen[11] m'en parlait ici l'autre jour comme d'une chose faite et me demandait même quel éditeur pourrait s'en occuper. Envoyez-moi des précisions à cet égard: si elle n'est pas commencée, préféreriez-vous qu'elle fût faite sur l'original russe, et celui-ci a-t-il déjà paru ? Dans *Vigile* je ne pourrai, du moins en 1932, en publier des extraits, car nous publions deux chapitres d'ailleurs fort beaux du livre de Romano Guardini sur *L'existence religieuse dans les grands romans de Dostoïevski*.[12] Mais, si le *Roseau d'Or* prenait un des deux autres textes, la revue de Mounier pourrait en donner un ou deux chapitres, et de toute façon, quand il s'agit de Dostoïevski, le placement n'est pas difficile ici.

Je vous remercie aussi de l'envoi des deux numéros de la *Davoser Revue*:[13] j'ai lu, non seulement avec la sympathie que vous devinez, mais avec un réel plaisir les vers de votre fils. Ils portent un cachet bien authentique, et, pour jouer sur le titre de l'opuscule de Mérimée, ils ne sont certes pas l'œuvre d'un "faux Démétrius". Ce sont les *Sonnets Grisons* que j'ai surtout goûtés: entre la *Stimmung* et l'atmosphère verbale l'accord est délicat et émouvant:

> Ce pâle bleu d'en haut, immobile et glacé,
> Ce pétale hivernal où naîtra mon étoile...

Pour *Danse de l'Air* il me faut me récuser, mais à cause d'une impuissance congénitale à tout à fait répondre en français à la musique du vers de neuf pieds.

Ma femme, très touchée de votre message, me prie de vous en adresser un non moins amical. Elle désirerait autant que moi que nous pussions vous envoyer dès à présent la photographie. Mais hélas pour le moment les séances chez le photographe figurent un peu au nombre de luxes interdits. Tout ce que je puis dire, c'est, pour user l'image egypto-biblique, je souhaite, afin que votre vœu soit exaucé, une intermittence, si brève soit-elle, de la saison des "vaches maigres".[14]

En attendant, et combien les cycles du Nouveau Testament sont plus beaux et plus consolants que les figures de l'Ancien, recevez mes tout fraternels souhaits de Noël.

D'esprit et de cœur tout à vous,
Charles Du Bos.

[1] Ernst Robert Curtius (1886-1956). La correspondance d'Ivanov et de Curtius (depuis 1932 jusqu'à la mort d'Ivanov en 1949) est publiée dans *Dichtung und Briefwechsel,* pp. 55-74.

[2] *Abandon de la culture // Nouvelle Revue Française*, Décembre 1931. Cette étude devint le premier chapitre du livre de Curtius *Deutscher Geist in Gefahr.*

[3] Viktor von Weizsäcker (1886-1957), médecin. Un des fondateurs et éditeurs de *Die Kreatur.* Ses souvenirs de *Die Kreatur* furent publiés dans *Begegnungen und Entscheidungen,* Stuttgart 1949. "Von außerhalb kamen Schestow, Berdjajew, ein sehr interessanter Briefwechsel zweier anderer Russen, Iwanow und Gerschenson...", p. 30.

[4] Paul Desjardins (1859-1940). Il fut fondateur et directeur de l'Union pour la Vérité et des Entretiens de Pontigny, ou Décades à l'Abbaye de Pontigny. Voir Anne Heurgon-Desjardins. *Paul Desjardins et les décades de Pontigny.* Paris 1964. Charles Du Bos décrit ces entretiens dans son *Journal 1921-23.* Paris 1946.

[5] Le mariage de Hélène Iswolsky et du Baron R. Ungarn-Sternberg, ancien secrétaire à l'Ambassade de Russie, fut très court. Dans une lettre à Charles du Bos le 31 octobre 1932, elle écrit "Je ne sais si vous avez appris mon retour en Europe... Mon mariage fut loin d'être heureux, et je me suis trouvée dans une situation difficile, que Monseigneur Hayasaka, auquel j'ai remis une demande en séparation, m'a autorisé de partir. J'ai eu la grande consolation d'avoir ma mère auprès de moi pendant cette grande épreuve... Je suis en instance de séparation, mais j'ai déjà repris mon nom, qui est celui sous lequel j'ai travaillé. Je vous prie donc de m'écrire au nom de Madame Hélène Iswolsky." [Bibliothèque littéraire Jacques Doucet] Ni l'autobiographie d'Iswolsky (*No Time to Grieve,* 1985) ni la notice de sa mort dans le *New York Times* (27 décembre, 1975) ne mentionnent nulle part son union avec le Baron Ungarn-Sternberg.

[6] "Aperçus sur Goethe", dans *Revue d'Allemagne et des pays de langue allemande* (Numéro spécial sur Goethe), 15 février 1932.

[7] Charles Du Bos. *Gabriel Marcel //* Chroniques du Roseau d'Or, octobre-février 1931 (Paris 1931).

[8] Charles Du Bos. *Du spirituel dans l'ordre littéraire.* IIIe partie // Vigile, cahier 4, 1931 pp. 141-217.

[9] Il s'agit de *La vision du laurier dans la poésie de Pétrarque* qui parut dans *Vigile* (voir note 2 à la lettre 11) et de *Vergils Historiosophie* qui parut dans *Corona* (voir note 4 à la lettre 9), mais ne fut jamais traduit en français.

[10] Le livre parut sous le titre *Dostojewskij. Tragödie, Mythos, Mystik.* Tübingen 1932.

[11] Bernard Groethuysen (1880-1946), élève de Wilhelm Dilthey et de Georg Simmel; il fit ses études de philosophie à Berlin. Il s'établit à Paris en 1933 et joua un grand rôle dans la rédaction de la *Nouvelle Revue Française*, ainsi que dans les salons littéraires de Paris et de Pontigny.

[12] Romano Guardini (1885-1968), écrivain et philosophe religieux.

[13] La *Davoser Revue* est la revue où le jeune Dimitri Ivanov publia ses vers. Ivanov décrivit cette publication dans ses mémoires: *D'Ivanov à Neuvecelle: Entretiens avec Jean Neuvecelle.*

Montricher 1996. "J'ai écrit des poèmes, oui, des poèmes en français. Il existait une petite revue, *Davoser Revue*, dirigée par un émigré russe qui avait dû être malade lui aussi – beaucoup de gens essayaient de rester à Davos après leur guérison. Il connaissait le nom de Viatcheslav Ivanov. Lors d'un passage de mon père chez moi, il est venu le voir et lui a demandé s'il n'avait pas un poème à lui donner pour sa revue. Mon père lui a répondu: 'Non, je n'ai pas de poème en ce moment, mais tenez, mon fils peut-être...' Alors il a dit: 'Parfait, très bien!' Il ne faisait pas une très grande différence entre père et fils, et il a publié le fils. C'étaient mes débuts[...] J'ai là sous mes yeux un poème signé Démétrius Ivanov, *Danse de l'air*. Je crois que j'ai publié aussi d'autres poèmes dans un autre numéro, des poèmes intitulés *Sonnets grisons*." p. 125. *Davoser Revue*, vol. 1, octobre 1931, p. 10 (*Danse de l'air*) et *Davoser Revue*, vol. 2, novembre 1931, p. 34-35 (*Sonnets*).

[14] *Genèse* 41.

11. Du Bos à Ivanov

11 bis rue des Réservoirs
Versailles
Tél: Versailles 22.63
Vendredi 20 mai, 1932.

Très cher ami,

Dans ma dernière lettre, du 23 décembre, je vous disais que notre correspondance n'était pas d'un coin à l'autre – sinon hélas d'un point de vue spatial, et voici que dans quelques jours je vais avoir la joie d'être uni à vous dans l'espace, non moins que de toutes les autres manières que déjà nous possédons. A la demande et du *Convegno* et de l'*Association des Amis de la langue Française*, j'ai accepté en effet de faire vendredi prochain 27 à 9h. 1/4 du soir au *Convegno* (7 Via Borgo Spesso) une conférence sur le dernier amour de Goethe et de l'*Elégie de Marienbad* (il va de soi que je prierai que l'on vous envoie une et si possible plusieurs invitations pour vous et les vôtres), et j'arriverai à Milan dès mardi soir à minuit Albergo Marino, 5 Piazza della Scala: j'espère pouvoir rester à Milan jusqu'au 30 et peut-être même jusqu'au 31. Avant la conférence il ne me sera pas possible de bouger, ayant à Milan des amis allemands auxquels j'ai promis de consacrer une partie de mon temps, et devant aussi tenir compte de ce qu'auront pu organiser d'avance (et qu'à cette heure j'ignore) mes amis italiens. Mais peut-être pourriez-vous m'envoyer un mot que je trouverai à mon arrivée à l'hôtel, me proposant un rendez-vous à Milan, et peut-être aussi me serait-il possible de venir vous voir à Pavie dans les jours qui suivront la conférence. Je ne connais ni Pavie ni la Certosa,[1] et si il y avait à Pavie un moyen d'hospitalité que vous recommandiez et qui ne soit pas trop onéreux, peut-être même serait-il possible que je

pusse y passer vingt-quatre ou trente-six heures auprès de vous. Enfin tout cela, j'en suis assuré, s'arrangera au mieux sur place: l'essentiel c'est que nous allons pouvoir communiquer non plus seulement d'âme à âme, mais de voix à voix, et je ne saurais assez vous dire combien je m'en réjouis.

Vous aurez vu, j'espère, que votre beau *Pétrarque* a paru au dernier Cahier de *Vigile*:[2] je souhaite que vous n'ayez pas été trop déçu par la traduction: je l'ai fait faire par une de mes amies et l'ai revue avec elle. Il y a une erreur qui a échappé sur épreuves dans la première phrase du dernier paragraphe, mais je ne crois pas qu'il y en ait d'autres. Un de mes meilleurs amis, un jeune allemand de premier ordre et qui n'est certes pas suspect d'indulgence car il a toute l'intransigeance, due au *reinsein*, de la jeunesse me disait il a peu de jours à quel point il avait aimé ces pages.

Je viens de donner six mois de ma vie au seul Goethe, et c'est pourquoi je n'ai pas encore pu lire, ainsi que je l'aurais tant souhaité, votre *Dostoïevski*, mais je l'emporte avec moi dans le train qui m'emmènera vers vous, et je ne doute pas que les quatorze heures qui séparent Paris de Milan aient pour moi tout l'attrait d'un voyage accompli en votre compagnie. Mais si je n'ai pas encore lu le livre j'ai lu, et même plus d'une fois, et l'autre matin encore après la messe, le prodigieux, l'inépuisable texte de Saint Paul (*Ad Rom.* 8, 22-27) que vous m'avez fait l'honneur de transcrire en latin de votre main sur l'exemplaire que vous me destiniez, et en cette merveilleuse semaine de la Pentecôte, le passage "*ipse Spiritus postulat pro nobis gemitibus inenarrabilibus*" descend en nous plus avant que jamais.

Excusez la brièveté de cette lettre, mais je viens seulement d'achever ma conférence et suis débordé de correspondance à la veille du départ.

D'esprit et de cœur tout à vous,

Charles Du Bos.

[1] Un cloître dans les alentours de Pavie.

[2] "La vision du laurier dans la poésie de Pétrarque" parut dans *Vigile*, cahier 1, 1932 (pp. 61-73), traduit de l'italien par Jeanne Lac.

12. Ivanov à Du Bos

le 24 mai '32

Très cher ami,

Combien je suis heureux de la bonne nouvelle que votre lettre m'apporte! Enfin, je vous verrai en chair et en os, et je pourrai être corporellement auprès de vous. Car nous autres chrétiens ne sommes jamais satisfaits de la spiritualité

pure, nous avons faim et soif de son incarnation... Je ne vous écris pour le moment que ce petit mot pour vous dire ma joie. Nous nous verrons pour la première fois tout probablement à votre conférence dans la salle du Convegno; car il ne faut pas vous déranger avant la conférence, vous appartiendrez totalement à vos amis de Milan. Mais dès Samedi vous me récompenserez, n'est-ce pas? –Vous serez mon hôte à Pavie. Demain j'espère vous donner d'autres nouvelles de moi afin de préciser davantage nos plans.

Tout à vous, d'esprit et de cœur.

Venceslas Ivanov

Oh, que je suis heureux de votre arrivée!

13. Ivanov à Du Bos

Mercredi, 25.V.'32

Très cher ami,

Le chanoine prof. Don Rinaldo Nascimbene,[1] recteur de notre Almo Collegio Borromeo, – savant hébraïste, lié avec moi par une profonde amitié spirituelle, – anima candida et mystica, – me dispute le privilège de vous considérer à Pavie comme mon hôte à moi et veut absolument que vous soyez ici l'hôte du Collegio. Il m'engage à vous prier d'arriver directement chez nous, où vous attend un appartement préparé pour votre séjour ici. A propos, le Collège St Charles Borromeo est digne par soi-même d'une visite: c'est un très bel édifice du XVIme siècle, – mais ne craignez point de ne pas y trouver de confort moderne. Donc, après avoir été fêté par vos admirateurs milanais, songez à ceux de Pavie et venez vous reposer un peu sous le toit hospitalier de St Charles.

Impatient de vous saluer de vive voix

Tout à vous de cœur

Venceslas Ivanov

[1] Don Rinaldo Nascimbene (1883-1958), recteur du *Collegio Borromeo* de 1928 à 1939.

14. Du Bos à Ivanov[1]

Jeudi 26 mai 1932

Très cher ami,

Merci de tout cœur de vos deux lettres. Voulez-vous transmettre mes respectueux remerciements à Don Rinaldo Nascimbene pour sa si gracieuse invitation que j'accepte avec une profonde reconnaissance. Je suis encore retenu à Milan,

toute la journée et la soirée de Samedi, mais arriverai au Collège dans la journée de Dimanche, soit – pour déjeuner, soit dans l'après-midi, et pourrai rester auprès de vous jusqu'à Mardi soir. Je vous fixerai de façon précise demain après ma conférence qui a lieu, non le soir, mais à 5h1/4. Si vous disposez de votre soirée, nous dînerons ensemble à Milan.

En grande hâte, mais de tout cœur,

Charles Du Bos.

[la dernière phrase de la lettre est illisible]

[1] Lettre manuscrite, écrite sur du papier du Grand Hotel Marino de Milan

15. Ivanov à Du Bos

Pavie, le 20 Juin 1933

Mon très cher ami,

Après un silence de douze mois, dont la triste laideur contraste si cruellement avec les sentiments de tendresse émue et fraternellement confiante, de paix intime, de joie profonde, de gratitude mystique (je ne saurais exprimer autrement sa nuance particulière) que j'éprouve chaque jour et à peu près à chaque instant en me remémorant votre chère visite qui fut un grand évènement dans la vie de mon cœur, – me voilà tout pressé de vous faire parvenir ces quelques mots avant le terme du 24 Juin dont l'échéance menace de vous rendre pour un temps indéterminé inaccessible à mes appels par l'incertitude où je me trouverais ne sachant plus le lieu de votre résidence. Je ne vous écris donc aujourd'hui que pour vous présenter l'hommage de ma fidélité absolue et de ma reconnaissance sans borne. Non, je ne crains plus que vous ne m'aimiez pas moins après m'avoir vu; il y aurait bien inversement à craindre que vous n'interprétassiez de cette façon mon aboulique mutisme: mais vous connaissiez en vrai ami et chrétien autant mes aspirations que mes défaillances, et je suis tranquille. Accueillez tous mes remerciements pour vos dons si chers et précieux – le Vème volume de vos admirables *Approximations* et le profond essai sur Mauriac avec les charmantes caresses de leurs dédicaces,[1] – pour les sources de sagesse et de pénétration qui en jaillissent, pour ces leçons d'amour qui rendent vos œuvres si profondément éducatives et bienfaisantes. D'ailleurs j'ai toujours aimé Baudelaire; et autant je puis dire à propos de cet extraordinaire François Mauriac, dont j'étudie à présent avec attention redoublée les œuvres inquiétantes et fortifiantes. Combien j'admire votre méthode, – mais c'est votre âme qui se reflète dans votre méthode! – comme vous êtes subtil et humain. Je me vois grossier et violent dans mes synthèses arrogantes, en les con-

frontant avec vos délicates analyses, vigilantes et clairvoyantes, pleines d'esprit de prudence, de justice et de charité.

Etes-vous bien, ainsi que votre famille? Avez-vous définitivement quitté Versailles? Et *Vigile*, existe-t-elle encore, la belle *Vigile*? Voulez-vous transmettre mes respectueuses et cordiales salutations à Madame Du Bos et à M. Gabriel Marcel?

En communion permanente d'amour et de foi,

Votre très affectueusement dévoué

Venceslas Ivanov

PS. Mlle Olga Chor,[2] profondément reconnaissante de votre très aimable attention et dédicace, vous envoie l'édition italienne de la *Correspondance* avec son Introduction à elle.

[1] Charles Du Bos écrivit une dédicace à Ivanov dans la cinquième série des *Approximations* (Paris 1932): "A Venceslas Ivanov, qui n'est pas encore aussi persuadé que, cornélien, il *devrait* pourtant l'être que je l'aime bien davantage encore depuis que je l'ai vu, en le remerciant du fond du cœur des deux inoubliables jours, son ami Charles Du Bos. Vendredi 3 Juin 1932." Il lui envoya aussi son essai sur Mauriac (*François Mauriac et le problème du romancier catholique*. Paris 1933) avec la dédicace suivante: "A mon très cher ami Venceslas Ivanov, en attendant la lettre qui lui est tellement due, avec la fidèle, profonde et reconnaissante affection de Charles Du Bos. Ile Saint-Louis. Mardi 25 Avril, 1933." [Archive Ivanov à Rome].

[2] Olga Chor (Deschartes) (1894-1978), connaissance intime de la famille Ivanov et auteur de nombreuses œuvres sur Ivanov.

16. Du Bos à Ivanov

4 rue des Deux Ponts IVe
Ile Saint-Louis
Tél: Odéon 53-24
Mercredi 17 Janvier 1934.

Très cher ami,

J'ai sous les yeux votre dernière lettre dont la date – le 20 juin – m'adresserait un bien vif reproche si d'avance le contenu de la lettre elle-même, en se mouvant par delà la zone de tout reproche possible, ne m'octroyait un libéral pardon. La mention sur notre carte vous avait induit à croire que la fin de nos réceptions du samedi signifiait notre départ de l'Ile Saint-Louis: il n'en était rien, mais le dernier jour de juin je devais subir la première des deux opérations que 1933 me

réservait – opérations sans gravité, mais dont chacune me fit perdre plus d'un mois –: ainsi votre si précieuse lettre m'arriva comme un cordial à la veille même de cette première petite épreuve, mais jusqu'aux approches de Noël, par suite de tout cela, ma vie a été très désorganisée et ma correspondance en a beaucoup souffert.

Combien je suis sensible à vos paroles si amicales et si généreuses concernant les deux derniers livres que je vous avais envoyés ! Mais combien aussi je me refuse à vous suivre lorsque vous qualifiez d'"arrogantes" ces "synthèses" où au contraire transparaissent si bien, dans la lumière d'une vérité attisée par un violent amour (c'est la seule "violence" que chez vous je reconnaisse), votre "don", votre "grâce" propres! "Je manque pour moi-même de charité", écrivait un jour, avec la plus profonde connaissance de lui-même, Jacques Rivière:[1] ne manquez pas de cette charité-là, très cher ami, car d'elle aussi nous avons besoin pour que le foyer central de la charité puisse continuer de brûler toujours.

J'ai été heureux d'apprendre par mon cher ami Pellegrini[2] qu'il avait rencontré auprès de vous un accueil dont je ne doutais pas et qu'il avait si bien noué contact avec votre œuvre et avec vous-même. De tous mes jeunes amis italiens, Pellegrini est celui pour qui j'ai l'estime la plus sincère et la mieux fondée: il est la probité même à l'égard de tous les problèmes de l'esprit et il a le sens le plus vif de la nécessité pour chacun de nous de résoudre ses problèmes personnels: j'ai reçu de lui en ces récentes années plus d'une lettre qui me l'a montré d'une façon émouvante: résoudra-t-il son problème personnel ? débouchera-t-il dans la Vérité ? En tout cas l'on peut être sûr qu'il procédera avec une entière bonne foi, et c'est beaucoup pour moi – qui ne le vois guère qu'à ses très rares passages ici – que de savoir qu'il peut recourir à vous. Je suis enchanté que ce soit entre ses mains que le *Convegno*[3] ait remis le numéro d'Hommage qui va vous être consacré. J'aurais voulu pouvoir y contribuer, me charger moi-même de l'article sur votre admirable *Dostoïevski.* Hélas mon programme de travail, compliqué par la perte de temps due aux deux opérations, rendait la chose impossible, – et d'autant plus que, Dostoïevski figurant un des quelques astres majeurs avec lesquels il ne m'a pas encore été possible d'établir une relation qui me satisfasse, il eût fallu reprendre son œuvre même, et me situer vis-à-vis d'elle en même temps que j'eusse apporté mon modeste tribut à votre beau livre. Tâche passionnante certes, mais dont vous voyez assez tout le loisir qu'elle eût postulé à une date où, pour paraphraser le vers latin, "nul dieu" ne "me faisait" aucun "loisir". Mais je suis sûr que notre ami Gabriel Marcel – qui a déjà fourni témoignage de sa compréhension et de son amour de votre œuvre, et qui a de Dostoïevski une connaissance et une pratique très supérieures aux miennes – se sera acquitté à merveille de ce travail.

Voulez-vous remercier très spécialement Mademoiselle Olga Chor de l'envoi de l'édition italienne de la *Correspondance* et de la si gentille dédicace qu'elle a bien voulu y joindre: grâce à son excellente Introduction, à toutes les précisions

vous concernant et concernant Gerschenson, l'édition italienne devient l'édition définitive de cet inappréciable échange spirituel.

Puis-je vous demander aussi d'être mon interprète auprès de Don Rinaldo Nascimbene et le remercier de la carte de si fidèle et si touchant souvenir qu'un jour il m'adressa de Rome: jamais je n'oublierai la simplicité, la délicatesse et *la gentilezza signorile* de son hospitalité, et ces Messes où chaque matin il nous dispensait côte à côte " le pain de vie descendu du ciel ".

Il se peut que dans les tout prochains jours s'annoncent auprès de vous deux de mes amis les plus intimes, le Dr. Herbert Dieckmann[4] et sa femme. Dieckmann qui, parmi mes jeunes amis allemands, tient le même rang que Pellegrini parmi les italiens, est de beaucoup le plus remarquable élève de notre ami commun Ernst-Robert Curtius: ayant déjà fait ses preuves dans une magistrale thèse d'Université sur *Die Kunstanschauung Paul Claudels*,[5] il mettait la dernière main à un grand travail sur Diderot[6] et était à la veille de voir s'ouvrir devant lui la plus brillante carrière universitaire, mais, sa femme[7] – dont vous saurez apprécier comme nous l'exceptionnelle qualité – étant d'origine juive, tout se ferme devant lui en Allemagne, et au moment où, de par la naissance d'une petite fille âgée de quinze mois dont j'ai la joie d'être le parrain, la nécessité de trouver une situation est plus urgente que jamais. J'ai multiplié les démarches en France à son sujet, mais jusqu'à présent hélas sans succès: il vient de faire un séjour à Rome (Viale Parioli 46), et en ce moment même mes amis Ludwig Curtius[8] et Giorgio de Santillana[9] s'emploient à l'aider: il m'a demandé de l'introduire le cas échéant auprès de vous, d'abord parce qu'il est un admirateur fervent de la *Correspondance* (je revois encore ce jour à Versailles, il y a plus de quatre ans, où il découvrit avec émerveillement dans ma bibliothèque le numéro de *Die Kreatur*),[10] ensuite parce qu'il voudrait recueillir votre conseil et éventuellement votre appui sur la possibilité de trouver quelque poste de lecteur pour la langue et la littérature allemandes en Italie. Il est aussi bon germaniste que romaniste, quelque peu italianisant et même hispanisant, et si, en ce domaine de la philologie, il affrontera en vous un maître sans rival, je sais qu'il rencontrera en même temps l'accueil tout bienveillant que vous voulez bien réserver à ceux qui me sont chers.

Puisse cette lettre vous trouver en bonne santé et avec assez de loisirs pour poursuivre le vaste et si important poème dont vous me dévoiliez les grandes lignes[11] ce soir où nous nous promenions ensemble sur le quai le long du fleuve, et permettez-moi de vous envoyer en terminant une toute fraternelle accolade.

Charles Du Bos.

[1] Jacques Rivière (1886-1925), rédacteur de la *Nouvelle Revue Française* de 1919 jusqu'à sa mort.

[2] Alessandro Pellegrini (1897-1985), germaniste. Il fut rédacteur d'un numéro spécial de *Convegno* de 1933.

[3] *Il Convegno, Rivista di letterature e di arte* Anno XIV (1933) Nr. 8-12. Ivanov y publia sa "Lettera ad Alessandro Pellegrini sopra la 'Docta Pietas'" (pp. 316-27).

[4] Herbert Dieckmann (1906-86). Il s'établit plus tard aux Etats-Unis comme professeur de littérature à Harvard, Cornell et à l'université de Washington de St. Louis.

[5] Thèse de Dieckmann. Diss. Bonn – München 1931.

[6] *Etude sur Diderot.* Publié pour la première fois en 1948.

[7] Liselotte Dieckmann (1902-1994), germaniste et comparatiste, elle enseigna à l'université Washington de St. Louis.

[8] Ludwig Curtius (1874-1954), archéologue. En 1928 il devint le directeur de l'Institut Allemand d'Archéologie à Rome, jusqu'à ce qu'il fût renvoyé par les Nazis en 1937.

[9] Giorgio de Santillana (1902-74), philosophe.

[10] Herbert Dieckmann avait lu la *Correspondance* dans le numéro de *Die Kreatur* de 1926-7 (voir note 3 de la lettre 1). Le 12 janvier 1934, dans une lettre à Du Bos, Herbert Dieckmann demanda de faire la connaissance d'Ivanov: "Lieber Freund! [...]Wie Sie sehen, haben sich meine Pläne geändert und zu gleicher Zeit zugespitzt. Leider bleiben meine Bitten an Sie immer gleich, und so fange ich auch, ohne zu zögern, gleich wieder mit Bitten an. A) zur Lektorstelle! Haben Sie vergessen, dass Sie Ivanow kennen?? Könnten Sie an ihn nicht schreiben, dass er mich als deutschen Lektor unterzubringen versucht? Schreiben Sie mir bitten nach Florenz, an welcher Universität er ist, vielleicht kann ich ihn auf der Heimreise aufsuchen." [Bibl. Jacques Doucet].

[11] Ceci est une référence au poème épique d'Ivanov intitulé "Svetomir" qu'il avait commencé vers la fin des années 1920, mais n'avait jamais terminé.

17. Ivanov à Du Bos

Rome, Corso Umberto 184
presso Cav. Petrocchi
le 12 Janvier 1935

Mon très cher ami,

En me gardant bien de vous accabler par la lecture d'une lettre qui devrait être aussi longue que fut mon coupable silence, je vous écris ce mot seulement pour vous dire que je suis, ces jours-ci, avec vous de tout mon cœur et de toute ma pensée, que je prie Dieu pour votre santé, que je me sens profondément touché par le nouveau témoignage qui me parvient de votre part, de notre inaltérable "union de foi, d'espérance et de prière",[1] par cette nouvelle marque de votre fidèle amitié. Que le Seigneur vous donne la force de tirer de vos souffrances, supportées, comme déjà tant de fois, avec le courage d'un vrai chrétien, des fruits toujours plus abondants pour votre incessant et si bel apostolat.

Affectueusement à vous

Venceslas Ivanov

[1] Dédicace à Ivanov dans la sixième série des *Approximations*. Paris 1934: "A Venceslas Ivanov, en union de foi, d'espérance et de prière, avec tous les vœux et la fidèle affection de son ami Charles Du Bos. Ile Saint-Louis, Noël 1934. [Archive Ivanov à Rome.]

18. Ivanov à Du Bos
Une carte postale manuscrite écrite par Herbert Steiner et Venceslas Ivanov
[première partie écrite par Steiner]

61 via Monte Tarpeo
23 mai 36 Roma

Très cher ami, Nous voici réunis, même avec Vous, légitimement taciturne, mais bien présent à notre amitié toujours fidèle. Nous médisons assez de vous-et ce n'est qu'afin de vous le dire que nous vous écrivons. Je sais que Andrian[1] a eu de vos nouvelles. Tant de pensées cordiales reconnaissantes et qui volent autour de vous!

Herbert Steiner

[deuxième partie écrite par Ivanov]

Steiner est chez nous, via Monte Tarpeo (Capitole), et je saisis cette occasion, pour vous dire, mon très cher ami, ma fidélité et ma nostalgie de votre présence. Je pense à vous continuellement (nonobstant mon silence épistolaire), souvent préoccupé de votre santé, et je me sens toujours en communion d'âme avec vous, mon grand ami, que j'aime et j'admire tant!

De tout cœur à vous

Venceslas Ivanov

[1] Leopold von Andrian (1875-1951), poète et philosophe catholique.

19. Du Bos à Ivanov

[La dernière "lettre" de Charles Du Bos à Ivanov est dans la forme d'une dédicace à la septième série des *Approximations*. Paris 1937]

A Wenceslas Ivanov,

en une union plus que jamais fidèle et profonde (notre ami Ernst Robert Curtius m'a donné récemment de bonnes nouvelles de vous dont j'étais bien avide), et à la veille d'un grand départ: je m'embarque après-demain pour les Etats-Unis où j'ai accepté une chaire à: University of Notre Dame, Notre-Dame, Indiana. Nous ne serons plus en France que les étés – du 15 Juin au 5 Septembre – à: petite Châtaigneraie, la Celle Saint-Cloud, Seine-et-Oise.

Avec les vœux fraternels

de

Charles Du Bos

Ile Saint-Louis

Lundi 1er Novembre 1937

Toussaint.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо Е. А. Извольской к В. И. Иванову

Единственное известное нам письмо Елены Извольской к Вяч. Иванову своим пафосом и тематикой во многом перекликается с перепиской Иванова и Шарля Дю Боса. В жизни Извольской, столь изобильной событиями, работа над "Перепиской из двух углов" оказалась всего лишь мимолетным эпизодом, но он произвел на нее неизгладимое впечатление.

Воспоминания Извольской нередко грешат неточностями в датах и фактах, но отличаются меткостью характеристик. В них немаловажную роль играет Дю Бос, через которого она познакомилась со многими выдающимися французскими мыслителями, и вместе с которым она перевела знаменитую переписку Иванова и Гершензона. "Du Bos was a great scholar, a profound lecturer and a prolific writer; he had a passion for debate which he directed with incomparable skill. No meeting of Parisian intellectuals could run smoothly if Du Bos was not present to lead the discussion, waving his extinguished pipe like a conductor waves his baton. [...] Those who, like myself, have had the opportunity of approaching Charles du Bos will forever preserve the memory of his exceptionally noble and generous character. Behind a grave, somewhat austere appearance, he hid a heart of gold, overflowing with human sympathy [...] I have never known a more conscientious, minutely scrupulous scholar. His devotion to ideals was absolute, and his disinterestedness proverbial in the literary world."[1]

Настоящее письмо Извольской затрагивает духовные вопросы, столь близкие Иванову, и вызвало у него сочувственный ответ. "[Ivanov] wrote me a private letter in which he expressed the great hopes he entertained for the final union of the Western and Eastern Churches. He approached this problem [...] stressing not the differences but the cultural and mystical sources common to both East and West at the dawn of Christianity [...] It was a great joy to me to discover that this man so distinctly representative of Russian culture, was working in the name of the great cause: 'Ut omnes unum sint in Christo."[2]

Письмо публикуется по автографу. Явные описки и неточности в пунктуации исправлены редакторами.

[1] Helen Iswolsky. *Light before Dusk: A Russian Catholic in France, 1923–1941.* New York 1942, p. 46–47.

[2] *Light before Dusk,* с. 49–50. Упоминаемое письмо Иванова потерялось во время оккупации Парижа нацистами. См. Helene Iswolsky. *No Time to Grieve... An Autobiographical Journey.* Philadelphia 1985, с. 178. См. также: настоящую публикацию, письмо 4.

Е.А. Извольская – В.И. Иванову.

1 Av. de la Gare
Meudon Seine et Oise
26 января [1931][1]

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Позволяю себе обратиться к Вам в качестве недостойной переводчицы Вашей!

Я была тем более счастлива и взволнована при мысли взять на себя эту работу, со всеми ее трудностями, что "Переписка из двух углов" давно была моей любимой книгой, так же, как некогда я напитала свою душу "Венком сонетов", а затем, в самую страшную стужу Революции "Зимними сонетами!"[2]

Могу сказать, что Ваше имя, Ваше вдохновение, Ваш гений, всегда присутствовали тем или иным образом в моей культурной, умственной и духовной жизни. Много о Вас рассказывали и друзья (ведь я почти всю жизнь провела за границей), приехавшие из России и которых я расспрашивала с жадностью. Между прочим часто говорю о Вас с Мариной Цветаевой, которая просит передать Вам привет.[3]

Обо всем этом хотела написать Вам, когда Шарль Дю Бос дал мне прочесть Ваше письмо, с которым я познакомилась с глубочайшим волнением.[4]

История Вашего прихода к католической (вселенской) церкви, к которой и я пришла по путям, сходным с Вашими, вызвала у меня слезы радости, связанной с глубокой скорбью о нашей дорогой родине.[5] Да, как писали Вы, пришлось отказаться от всего национально-религиозного чувства, чтобы дойти до той вселенскости, которая одна достойна великой России. И отказавшись, я еще глубже, еще целостнее полюбила ее. Знала, однако, что этот отказ реальный и, что многие из своих, не только отвернутся, но и осудят.[6]

С какой-же радостью, читая Ваше письмо, я убедилась, что я не потеряла России, что она со мною, и в Вашем лице, как ее высшего культурного представителя, шлет мне радостную весть.

И вот, глубокоуважаемый Вячеслав Иванович, позволяю себе просить Вас, не покидать и не забывать нас, русских, присоединившихся к Вселенской церкви, и выйти из Вашего молчания, чтобы в истории русской культуры завершить путь, указанный Соловьевым!

Не могу, не умею сказать Вам в этом письме и сотой части того, что перенесла, читая Ваши строки. У меня было чувство, что неожиданно хлынул великий свет, там где раньше мы (я говорю о себе и о некоторых других), мы шли вперед, работали и боролись в потемках.

Прибавляю несколько слов о переводе; мы с Ш. Дю Бос очень внимательно, усердно и с бесконечной любовью взвешивали и обдумывали каждое слово этого перевода, и все же конечно, перевод, увы! всегда останется переводом, и конечно не может удовлетворить того, кто читал в оригинале, и тем более автора.[7]

С глубоким уважением и бесконечной благодарностью за благую весть Вашего письма

Елена Извольская

(Елена Александровна, принявшая католичество в женском Бенедиктинском монастыре Святой Схоластики в Dourgne, [Tarn] Франция.)

[1] Содержание письма позволяет нам установить год, не указанный Извольской. (См. настоящую публикацию, письмо 4.).

[2] Имеются в виду два знаменитых цикла сонетов Иванова. Первый, начинающийся со ст. "Мы – два грозой зажженные ствола..." вошел в книгу *Cor Ardens* (II, с. 410-419), а второй, написанный в 1919-1920 гг., включен в сборник *Свет вечерний* (III, с. 568-573).

[3] Цветаева была в это время соседкой Извольской. См. *No Time to Grieve*, с. 172–173.

[4] Речь идет о письме ("Avant-Propos"), которое Иванов написал по просьбе Дю Боса для публикации вместе с французским переводом "Переписки из двух углов". Дю Бос получил его в конце октября 1930 г. (см. настоящую публикацию, письмо 3).

[5] О своем переходе в католичество Извольская пишет подробно в мемуарах *Light before Dusk* (с. 14-38) и *No Time to Grieve...*, (с. 149-157).

[6] Ср. *No Time to Grieve* (с. 159): "My difficulties were in part due to the fact that my Russian Orthodox relatives and friends blamed me for joining the Catholic Church and considered this as a betrayal".

[7] "Later we worked together on a translation of the *Dialogue* [sic!] of Viatcheslav Ivanoff, the Russian poet and essayist, who had recently joined the Catholic Church and taught at the University of Pavia [...] As I started my work with Du Bos I had the opportunity of appreciating his remarkable gifts as a stylist and his profound knowledge of languages and philology. He did not speak Russian, but he divined the nuances of my native tongue owing to his extensive study of Russian literature. As we read over my manuscript, he would stop me at each phrase where he felt that my translation was not exact. He would then ask me for the corresponding words in German and English, and would finally discover the correct French expression. Though I always willingly accepted his suggestions and was profoundly interested in his comments and interpretations, I must admit that he sometimes sorely tried my patience, for he would write the text over and over again until it satisfied him entirely. After these long hours of work, I would leave his home at Versailles with an aching head". *Light before Dusk*, p. 48.

О РИМСКОМ АРХИВЕ ВЯЧ. ИВАНОВА

Д. В. Иванов, А. Б. Шишкин

В конце лета 1924 г. Вяч. Иванов с семьей покидал Россию. Он чувствовал и не скрывал, что отъезд этот будет окончательным, и в Риме, куда он направлялся, начнется новая, последняя эпоха его существования. Рим всегда был свидетелем глубоких духовных событий его жизни.

Вяч. Иванов оставлял за собой многолетних друзей, комнаты на Зубовском бульваре, большую библиотеку, привычные любимые гравюры. С собой он взял то, что считал самым существенным для новой жизни, которая мерещилась ему: рукописи, тетради и блокноты со стихами, над которыми он работал, неоконченный перевод трагедий Эсхила, поэму "Человек", вырванные из дневниковых тетрадок листочки, некоторые письма, экземпляры первых изданий его сочинений, книги любимых им филологов, сочинения друзей-богословов – Флоренского и Эрна. Вез он с собой и рукописи произведений Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Также путешествовал во время всех скитаний большой портрет Зиновьевой-Аннибал, написанный после ее смерти Маргаритой Сабашниковой. Скитания не прекратились с приездом в Рим. Жизнь протекала в меблированных комнатах и маленьких пансионах – вплоть до спокойных лет в Павийском колледжо Борромео и до оседлой жизни на Авентине. На каждом из этих этапов тонкие нити сразу протягивались между покинутым прошлым и новой жизнью. Эмбрионы того, что мы сейчас называем Римским архивом Иванова (РАИ) скоро начали обрастать новыми документами: перепиской с друзьями и семьей и деловыми письмами. Возобновились встречи с западным миром, обмены письмами со многими представителями его культуры – столь разными людьми, как Джованни Папини, Эрнст Роберт Курциус, Мартин Бубер, Габриэль Марсель и др.

При всем богатстве и глубине общения с многими современными ему мыслителями Европы в эпоху между двумя мировыми войнами – необы-

чайно яркое и насыщенное в культурной жизни время – Иванов называл этот период "отшельническим". Годы "серебряного века", когда каждое стихотворение, эссе или статья тотчас, немедленно находили себе место на страницах газеты, журнала или альманаха, были в прошлом. Тем большее значение для Вяч. Иванова получал его архив, собственно рукописные и машинописные бумаги.

Большого желания увидеть многие свои работы в печати у него не было. Печатать стихи в СССР он вовсе не хотел, решительно отказавшись в 1928 г. от предложения дать публикацию в "Красную новь". Начав в 1935 г. сотрудничать с парижскими "Современными записками", он, тем не менее, сдержанно относился к эмигрантской прессе.

Многие его научные труды и автопереводы останавливались на продвинутой стадии рукописной работы и не доводились до полного завершения. Так например, его немецкая переработка книги "Дионис и Прадионисийство" так и не увидела света. Почти три десятилетия он обдумывал и составлял последний сборник своих стихов, который в одном письме пророчески называл "посмертным". Разные планы и стихотворные автографы этого сборника составляют драгоценную часть архива.

Рукописи РАИ запечатлели волю автора проверить, развить, уточнить ранее выраженные мысли или достигнуть последнего совершенства поэтического выражения. Особо это касается переводов его сочинений на европейские языки. Иванов всегда настаивал на том, чтобы ему посылали на проверку переводы его стихов и прозы. Проверка переходила иной раз в радикальную переработку – когда, разумеется, дело шло о языках, на которых он свободно писал сам – немецком, французском, итальянском, в меньшей степени английском.

Стихотворный перевод на итальянский поэмы "Человек" возбудил, например, живую реакцию – хвалебную и полемическую. Переводчик, Ринальдо Кюфферле, часто не соглашался с доводами своего собеседника, или, вернее корреспондента, ибо дискуссия проходила в письмах, которые шли из двух итальянских городов. Многие версии, предложенные автором, делались новой оригинальной формулировкой изначальных стихов.

В РАИ хранятся рукописи, наброски, случайно записанные на старом конверте размышления, которые свидетельствуют о новых поисках. Медленно выявляются первые черты "Повести о Светомире царевиче". Не спеша и не думая о завершении писал и переписывал поэт свое последнее произведение о прошлом и одновременно будущем. Оно мыслилось как развивающееся с ходом времени, обновляющееся в своих соотношениях с меняющейся реальностью. Вячеслав Иванов как будто знал, что его наследию предстоит чрезвычайно изменчивая и насыщенная событиями жизнь после его смерти.

Выход в свет в Оксфорде стихотворного сборника “Свет вечерний” в 1962 г. и начало в 1971 выхода брюссельского Собрания сочинений стали не завершением, а только этапом в этом развитии.

Вяч. Иванов умер в Риме 16 июля 1949 г.; его тело покоится на кладбище “Тестаччо” у подошвы Авентинского холма. На Авентине на третьем этаже дома по улице Леон Баттиста Альберти, 25, он прожил последние 10 лет. Решение оставить Архив в Риме – городе, тесно связанном, духовно и биографически, со всей жизнью поэта – было принято его наследниками – дочерью Лидией (1896 – 1985) и сыном Димитрием (1912) сразу после смерти отца. Архив мыслился ими как место, где будет продолжаться общение с Вяч. Ивановым, где будет сохраняться его присутствие, овеществленное в его сочинениях, портретах, письмах, черновиках, книгах, незаконченных сочинениях.

С 50-х годов Федор Степун, в эпоху серебряного века бывший гостем петербургской Башни, обдумывал свою итоговую книгу о символизме (“Mystische Weltschau: Fünf Gestalten des Russischen Symbolismus”, München 1965); посредником в его общении с ивановским архивом была Ольга Шор. Она сохраняла эту роль вплоть до своей смерти, помогая многим; она находила нужные материалы часто как бы по наитию, или обращала к исследователям многостраничные машинописные пространные послания об ивановском творчестве. Дух дома передавался через интенсивные переписки О. Шор с Алексисом Раннитом, куратором славянской библиотеки Йельского университетата (в 1966 г. в Йеле он организовал выставку, посвященную столетию со дня рождения поэта); Романом Гулем, многолетним редактором нью-йоркского “Нового журнала”; професорами в США Б. Филипповым, В. Марковым.

С 60–х годов начали возобновляться оборвавшиеся с 30-х годов эпистолярные связи с Россией. Вновь стали приходить письма друзей и учеников поэта – семьи М. О. Гершензона – Чегодаевых, семьи Эрна, М. С. Альтмана, В. А. Мануйлова; “отмененное историей” прошлое неожиданно вновь стало актуальным и соприкоснулось с настоящим. (Один из авторов этих строк вспоминает, как с волнением и гордостью рассказывал В. А. Мануйлов в ближнем круге о том, что в брюссельском собрании сочинений Вяч. Иванова воспроизведена бакинская фотография поэта с его учениками, где студент Мануйлов сидел ближе всех к учителю; оригинал ее висел у изголовья Мануйлова).

В 1960-х – 70-х годах гостями квартиры на Леон Баттиста Альберти делались русисты нового поколения: Алексей Климов (автор первой американской диссертации по материалам РАИ, 1974), Фаусто Мальковати

(автор первой итальянской монографии об эстетике и философии Иванова, 1983), Джеймс Вест (автор первой английской монографии о Иванове, 1971).

Для них, как и для последующих западных исследователей, ивановская квартира на виа Леон Баттиста Альберти стала местом приобщения к миру русского символизма и русской духовной культуры вообще.

В своих же отношениях с Россией дом Иванова приобретал значение не только как прибежище последнего русского символиста, но и как место общения с Ивановым-европейцем, показывающем новые пути для диалога русской и западно-европейской культуры. Продолжением этого двустороннего диалога хотят быть книги мемуаров Лидии (Париж 1990; Москва, 1992) и Димитрия Ивановых (Швейцария – Франция 1990); последняя книга, созданная по-французски, переведена на русский (СПб. 2000).

До отъезда из старой квартиры на виа Леон Баттиста Альберти, 25, бумаги Вячеслава Иванова хранились более или менее в том порядке, в каком он их оставил. После вынужденного и внезапного переезда в 1986 г. в квартиру в соседнем доме на виа Эрколе Роза, 8, прежнее расположение было полностью утрачено. Встала необходимость разбора и систематизации архива.

Нами была проведена первоначальная систематизация документов. Наибольшее внимание было сосредоточено на поэтических автографах. С участием М. Б. Плюхановой было проведено предварительное текстологическое обследование отдельных автографов и сборников и составлена опись, изданная как препринт, охватывающая около 2-х тысяч единиц (Архив Вячеслава Иванова в Риме/ Сост. А. Б. Шишкин. Выпуск 1. Рим 1996, 135 с.). Описание 16 рабочих тетрадей с поэтическими тетрадями провела научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН О. А. Кузнецова (Материалы к описанию тетрадей стихотворных автографов из Римского архива Вяч. Иванова // Русский модернизм: Проблемы текстологии. / Отв. редактор О. А. Кузнецова. СПб. 2001, с. 232-253).

Систематизацию выявленных прозаических автографов, дополнение их и их описание провела научный сотрудник Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Л. Н. Иванова (Опись римского архива Вячеслава Иванова: Художественные произведения. Статьи, лекции, речи, заметки по темам. Материалы к биографии / Сост. Л. Н. Иванова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997, в печати).

Параллельно в течение десятилетия 1986 – 1996 Д. В. Иванов и А. Б. Шишкин вели формирование эпистолярной коллекции: это папки,

расположенные в алфавитном порядке по именам корреспондентов Вяч. Иванова. Во многих случаях папки включают двухстороннюю корреспонденцию (письма Вяч. Иванова в копиях или оригиналах присылались нам по нашей просьбе из разных хранилищ). Некоторые папки разрастались до размеров персонального архива корреспондента; в них включались материалы, касающиеся жизни и деятельности данного лица. Систематизацию материалов в папках взяла на себя М. С. Плюханова. Некоторые папки кратко описаны в препринте 1996 г., тамже приведен список итальянских, немецких, английских, швейцарских и французских корреспондентов (предварительный список папок, с. 131–135). Дополнение и опись русской части этой коллекции осуществила Л. Н. Иванова (Опись римского архива Вячеслава Иванова / Сост. Л. Н. Иванова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998, в печати).

Научно-исследовательскую работу с немецкими перепискими предпринял проф. Принстонского университета М. Вахтель, который в ходе работы в РАИ и других европейских и прочих архивах восстановил и опубликовал ряд двухсторонних переписок (Vjačeslav Ivanov. Dichtung und Briefwechsel aus dem Deutschsprachigen Nachlass. Herausgegeben von Michael Wachtel. Mainz, 1995 317 с.).

В настоящее время РАИ функционирует как исследовательский центр, призванный способствовать изучению наследия Вяч. Иванова в России и в мире, представлять культуру русского символизма в Риме и служить делу диалога западной и восточной культурной традиции.

Утверждению роли Римского архива как исследовательского и культурного центра служит последовательность международных ивановских конференций, организованных в сотрудничестве с разными университетами мира – в Йеле, США (1981), Риме (1983), Павии (1986), Гейдельберге (1989), Женеве (1992), Будапеште (1995), Вене (1998), Риме (2001).

Решением Д. В. Иванова РАИ остается частной организацией; материалы его не подлежат рассредоточению и не должны покидать стен Рима.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Август Октавиан 193
Августин бл. 157, 193, 194-195, 339, 418, 421, 422, 510
Аверинцев С. С. 56
Адлер Б. Ф. 179
Аксаков К. С. 259
Алкей 217
Аллой В. Е. 51
Алтаузен Дж. (Яков) М. 285, 289
Альтман М. С. 133, 208, 543
Амфитеатров А. В. 397, 435
Аничков Е. В. 271, 272, 335
Анненков П. В. 330
Анненский И. Ф. 134
Антокольский П. Г. 277, 285, 286, 289
Аполлодор 295, 296
Апт С. К. 194
Аранович, сов. писатель 286, 289
Аристотель 134, 169
Аросев А. 277
Афанасьев А. Н. 339, 378

Байбаков Е. И. 35
Бакст А. Л. 454
Бакст Л. С. 453, 454
Балтрушайтис Ю. К. 31-32
Бахрушин А. А. 196, 200, 373, 374
Бахтин М. М. 136, 149
Безыменский А. И. 285, 288-289
Белобородов А. Я. 264, 265, 453, 454
Белый Андрей 30, 56, 134, 145, 172, 174, 179, 193, 195, 199, 206, 277, 380, 381, 467
Бенешевич В. Н. 382, 384
Бенуа А. Н. 453, 454

Берберова Н. Н. 457
Бёрд Р. 51, 163, 167, 172, 187, 200, 217, 240, 247, 250, 272, 383, 451
Бердяев Н. А. 173, 259, 329, 502, 504, 507, 508, 509, 527
Беретти Т. 54
Бернард, св. 381
Бетховен Л. ван 19, 445
Бехер И. Р. 286, 289
Блок А. А. 53, 56, 57, 193, 195, 312, 458, 492
Блок И. Ф. (в замужестве Станкевич) 401, 402, 403
Блок О. Ф. (в замужестве Ковалевская) 401, 402, 403
Богаевская К. П. 227
Боголюбов Н. Н. 33, 49, 59
Бойченко, неуст. лицо 265, 266
Бородаевская М. А. 27-28
Бородаевский В. В. 27-28
Бороздин, сов. писатель 286, 289
Браун Ф. А. 179
Брюсов В. Я. 172, 174, 350
Бубнов Н. Н. 241, 242, 244, 249, 250, 255, 256, 257, 259, 260, 449, 452, 508
Бугаевский И. 286, 289
Буданцев С. Ф. 277, 285, 286, 289
Булгаков М. А. 452
Булгаков С. Н. 259, 261
Бунин И. А. 257
Быковцева Л. 352

Вагнер Р. 49
Вайнберг И. И. 179
Варфоломей св. 141, 188, 189, 190, 410
Васильевский В. Н. 277
Вахтель М. см. Wachtel M.
Вебер Л. Н. 194, 322, 323
Вейсман А. Д. 339
Венгеров С. А. 240, 380, 381, 415, 416
Вергилий 339, 343, 396, 397, 398, 522
Вересаев В. В. 178, 179
Верховский Ю. Н. 25, 26, 35, 176, 177, 179, 182, 389, 390
Вечерка Т. (наст. имя Татьяна Владимировна Толстая) 305
Вийон Фр. 350
Виноградов П. 303

Вольпе, Ц. С. 340
Воронский А. К. 277, 281
Ворошилов К. Е. 320

Габричевский А. Г. 382, 383
Ган А. Ф. 403
Ган Э. А. 401, 402, 403, 404, 405, 406, 409, 415, 416, 424, 425
Ганчиков Л. Ф. 273, 274, 302, 314, 316, 326, 436, 437
Гаспаров М. Л. 28, 57, 58, 501
Гауптман Г. 296
Гегель Г. В. Ф. 253
Гельдерлин Ф. 330
Гершензон М. Б. (урожд. Гольденвейзер) 153, 162, 176, 178-179, 182, 186, 197, 198, 223, 227, 228, 242, 243, 244, 245, 249, 251, 252, 256, 323, 375, 378, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 525, 543
Гершензон М. О. 36, 51, 153, 158, 175, 177, 178, 179, 182, 185, 197, 241, 249, 251, 252, 254, 256, 354, 362, 397, 403, 406, 407, 410, 413, 414, 420, 457, 458, 471, 473, 486, 488, 489, 499, 500, 501, 507, 508, 509, 513, 514, 515, 516, 521, 522, 523, 527, 534, 538, 543
Гершензон С. М. 182, 243, 251
Гершензон-Чегодаева Н. М. 162, 182, 193, 243,
Гессен С. И. 157, 162, 259, 260, 261, 262, 361, 363, 430
Гинцбург, адвокат 400, 401, 402, 403, 405
Гиппиус З. Н. 450
Гладков Ф. В. 320
Гоголь Н. В. 290, 330, 363, 364, 463
Годяев А. Г. 497
Голенищев-Кутузов И. Н. 153, 217, 241, 340, 341, 380, 381
Голубкина А. С. 200
Гольденвейзер А. Б. 179
Гольштейн А. В. 194, 323, 501
Гомер 313, 363, 364
Гончарова Н. С. 457
Гораций 339
Горностаев (Горский) А. К. 51, 53, 54, 56, 57, 234, 339
Городецкий С. М. 348, 349
Горский 340
Горький М. 52, 55, 152, 162, 178, 179, 191, 193, 201, 202, 233, 234, 291, 310, 311, 318, 320, 336, 351, 352, 353, 355, 356-357, 393, 467
Гревс И. М. 16, 17, 265
Гречанинов А. Т. 202, 372

Гречанинова М. Г. 34, 201, 202
Грибоедов А. С. 167, 206, 380
Гримм Г. 204, 206
Груша, монахиня 196
Грюнингер, врач санатория “Альбула” 358, 359, 370, 372, 373, 374, 411, 412
Гуль Р. Б. 543
Гумилев Н. С. 350
Гуревич Л. Я. 238, 240
Гфеллер У. 155, 163

Даль В. И. 339
Д’Амелия А. 51
Дарий, царь 284
Дегтяревская Н. И. 197, 200
Дегтяревский И. М. 169, 170, 172, 174, 196, 197
Декарт Р. 144, 422
Денике Ю. П. 192, 194
Державин Н. С. 214, 216, 217
Диккенс Ч. 136, 407
Диодор Сицилийский 148
Дмитриевская Д. М. (в замужестве Иванова) 17, 208, 245, 246, 371, 372, 374, 441
Дмитриевские 441
Добкин А. И. 457
Добровейн И. А. (наст. фамилия Барабейчик) 445, 447
Достоевский Ф. М. 138, 140, 145, 247, 252, 253, 261, 330, 390, 397, 419, 458, 501, 514, 526, 533
Дункан А. 49
Дягилев С. П. 266

Еврипид 227
Ежов И. С. 216
Еленушка, дочь В. И. Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал 376, 377
Ершова М. 286, 289
Есенин С. А. 53

Жаров А. А. 285, 289
Жига И. Ф. (наст. фамилия Смирнов) 286, 289
Жолтовский И. В. 187, 213,
Жуковский В. А. 190

Зайцев П. Н. 277
Залкинд, работник консульства СССР в Риме 392-393
Замятнина М. М. 29-31, 188, 189, 193, 196, 379, 405
Зверев А. 372
Зелинская В. Ф. 298, 299, 311, 396
Зелинский Ф. Ф. 156, 172, 174, 212, 213, 214, 216, 229, 230, 238, 240, 245, 247, 255, 257, 298, 299, 301, 302, 303, 311, 312, 335, 339, 380, 381, 382, 384, 396, 397, 424, 425
Зиновьев А. Д. 402, 403, 404
Зиновьев Д. В. 403
Зиновьев Л. А. 401-403, 404
Зиновьева-Аннибал Л. Д. 331, 339, 348, 349, 351, 352, 362, 377, 379, 380, 403, 404, 415, 416, 421, 424, 425, 450, 452, 501, 5411
Зиновьевы 401, 416, 425
Зуммер В. М. 35, 165, 207, 208, 216, 245, 246, 340, 373

Иванов Вс. В. 276, 277, 278, 281, 282, 287, 289, 291, 320
Иванов Д. В. (Neuvecelle J.) 17, 18, 28, 35, 37, 155, 156, 161, 162, 163, 165, 166, 167, 168, 170, 172, 179, 181, 182, 183, 187, 189, 191, 193, 195, 200, 202, 205, 206, 208, 214, 215, 216, 218, 227, 232, 235, 237, 238, 240, 241, 243, 247, 257, 264, 265, 266, 268, 269-270, 271, 272, 279, 282, 288, 289, 291, 294, 296, 298, 299, 303, 304, 306, 310, 311, 313-315, 316, 318, 319, 320, 321, 324, 325, 327, 328, 334, 342, 348, 351, 353, 354, 356, 358, 359, 360, 364, 366, 368, 369, 370, 372, 373, 374, 379, 380, 381, 384, 386, 387, 388, 390, 393, 394, 396, 397, 402, 404, 405, 406, 411, 412, 414, 415, 416, 422, 423, 427, 428, 429, 430, 433, 436, 438, 439, 440, 443, 444, 446, 447, 448, 458, 464, 465, 466, 471, 477, 481, 493, 495, 505, 522, 526, 527, 528
Иванов-Разумник (наст. имя Разумник Васильевич Иванов) 174
Иванова А. В. 17
Иванова В. К. (урожд. Шварсалон) 186, 188, 189, 193, 196, 201, 304, 348, 390
Иванова Л. В. 30, 33, 34, 35, 37, 38, 49, 50, 51, 58, 151, 155, 156, 161, 162, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 171, 172, 178, 179, 181, 182, 183, 187, 189, 190, 191, 193, 195, 200, 202, 203, 205, 206, 208, 213, 214, 215, 216, 218, 223, 226-227, 229, 230, 232, 234, 235, 236, 237, 238, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 249, 250, 257, 258, 262, 263, 264, 265, 268, 271, 272, 276, 278, 279, 281, 287, 288, 289, 290, 291, 293, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 304, 305-306, 310, 313-315, 316, 317, 318, 319, 321, 322, 326, 327, 328, 329, 331, 332, 333, 334, 340, 341, 343, 344, 347-348, 349, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 362, 363-364, 366, 367,

368, 369-371, 372, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 393, 394, 395, 397, 402, 403, 404, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 419, 421, 422, 423, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 438, 439, 440, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 452, 453, 454, 458, 462, 466, 467, 468, 471, 477, 479, 480, 481, 482, 483, 489, 493, 495, 496, 543, 544
Иванова Л. Н. 21, 163, 169, 171, 200, 544, 545
Ивановы 153, 207, 218, 241, 243, 269, 271, 274, 305, 306, 326, 401, 402, 403, 404, 413, 416, 433, 440, 447
Игнатий Лойола, св. 400, 401
Извольская Е. А. 153, 417, 470, 472, 475, 500-501, 505, 508, 509, 510, 512, 513, 514, 515, 517, 518, 519, 520, 522, 525, 527, 538-540
Ильина В. В. 284, 286, 288, 293
Ильюнина Л. А. 23
Иоанн Креста, св. 24
Иоахим Флорский 335
Ионов И. И. (наст. фамилия Бернштейн) 229, 230, 245, 247
Ишков Л. А. 35

Йосе, рабби 148

Казарян А. Т. 163
Казин В. В. 277
Кайдалов М. 310, 351, 352, 382, 384
Каменева О. Д. (урожд. Бронштейн) 32
Кант И. 39, 133, 134, 135, 139, 141, 147, 292, 296
Карамзин Н. М. 319
Карен, неуст. лицо 453, 454
Карницкая Н. А. 289
Карницкий А. О. 288, 289
Карсавин Л. П. 259
Каффи А. И. см. Caffi A.
Кейдан А. В. 44
Кейдан В. И. 261
Керженцев П. М. (наст. фамилия Лебедев) 192, 194, 207, 219, 226, 240, 243, 245, 248
Керженцевы 245
Кипнис С. Е. 193
Кирилл, св. 517, 519
Кирсанов С. И. 286, 289
Клара Моисеевна, тетка О. А. Шор 167, 168, 177, 179, 180, 184, 187, 193,

199, 202, 208, 214, 224-225, 231-232, 236, 237
Климов А. Е. 244, 544
Клуг А. фон 31
Ковалева Е. А. 156, 250, 267, 270, 322, 327, 333, 340, 341, 349, 350, 353, 354, 355, 357, 371, 372, 377, 378, 379, 381, 383, 387, 407, 411, 412, 413, 453
Коган П. С. 167, 168, 171, 177, 179, 180, 182, 192, 235, 240, 243, 245, 256, 259, 263, 284, 286, 290-291, 293, 318, 320, 356, 357, 463
Кожебаткин А. М. 196, 200
Кокошкина М. 54
Колобова К. М. 173, 312, 313
Колоколов Н. И. 467, 468
Коменский Я. А. 144
Кондюрина А. А. 163
Кондюрина Э. Ф. 163
Коонен А. Г. 470
Копейкина Л. П. 171
Коперник Н. 146
Косовская В. 368, 369
Косоротов А. И. 49, 53, 59
Косырева А. Г. 245, 246
Котрелев Н. В. 21, 24, 32, 51, 52, 164, 167, 174, 179, 193, 202, 203, 208, 216, 219, 220, 230, 234, 236, 238, 254, 258, 277, 485
Кружков Г. М. 377
Крылов И. А. 380
Кудашева М. П. (урожд. Кювилье, во втором браке Роллан) 371, 372-373, 378
Кузмин М. А. 29, 30
Кузнецова О. А. 45, 163, 323, 501, 544
Кюфферле Р. см. Küfferle R.

Лавров А. В. 163, 174, 202
Лавров Л. А. 285, 289
Ларионов М. Ф. 457
Лебедев-Полянский П. И. 182, 183, 185
Левицкий О. И. 336, 339
Лейбниц Г. В. 134, 143
Лейкинд О. Л. 265
Ленин В. И. 63
Леонидов Л. М. 54
Леонов Л. М. 320

Леонтьев К. Н. 259
Лермонтов М. Ю. 262, 283-284, 321, 323
Лина, неуст. лицо 430
Литвинов М. М. (наст. имя Макс Валлах) 320
Лихновский К.-М., князь 31
Лозино-Лозинская А. И. (урожд. Щегловитая) 41-42
Лозино-Лозинский К. К. 42
Лозинский М. Л. 169, 366, 401
Лоллис К. де 479
Лорие С. 384
Лосев А. Ф. 56
Лохов Н. Н. 367, 368, 426, 428
Лоховы 428
Луговской В. А. 283, 286, 288, 293
Лужский В. В. 171, 173-174
Луначарский А. В. 167, 168, 170, 177, 181, 182, 183, 184, 185, 192, 207, 229-230, 245, 320, 386

Малашкин С. И. 277, 285, 289
Малмстад Дж. 163, 174, 277
Мануйлов В. А. 34, 51, 57, 171, 173, 178, 543
Марков В. Ф. 543
Марков П. А. 171, 173
Медтнер Н. К. 382, 383
Медтнер Э. К. 380, 381, 382, 383, 384, 387, 389, 390, 427, 428
Мейерхольд В. Э. 51, 162, 200, 201, 202, 203, 206, 213, 225, 253, 257, 331, 463, 484, 485
Мейерхольд З. Н. см. Райх З. Н.
Мережковский Д. С. 145, 450, 495
Мефодий, св. 517, 519
Миллиор Е. А. 24, 450, 452
Милош А. 41
Мильвуа Ш. Ю. 317-318, 319
Минцлова А. Р. 30
Мицкевич А. 46
Мольер Ж. Б. 140, 386
Монтень М. 227
Мориц В. 463
Мочалова О. А. 28
Мугуев Х.-М. М. 286, 289
Мукерман, неуст. лицо 482

Муратов П. П. 201, 202, 216, 289, 340, 458, 492

Нальди Р. см. Naldi (Olkienickaja) R.
Немирович-Данченко В. И. 171, 173
Нессельштраус Б. (псевдоним Б. Лессен) 220, 323, 328, 380, 381, 385
Нечаева М. И. 441
Никитин Н. Н. 277, 285, 286, 289
Николай, св. 455, 456
Николеску Т. Н. 427
Никольский В. 463
Нилендер В. О. 169, 176
Новиков И. А. 305, 306
Новосадский Н. И. 235, 236

Обатнин Г. В. 21, 173
Обер Р. 155, 163
Овидий 227
Орджоникидзе С. (наст. имя Григорий Константинович) 320
Островский А. Н. 470
Оттокар Н. П. 264, 265, 339, 426, 427, 428, 445, 446, 448, 450
Оффенбах Ж. 76, 131

Павел, св. 144, 309, 333, 335, 529
Павлинова М. 204, 206
Панов С. И. 227
Пастернак Б. Л. 156, 233, 398, 419
Перикл 254
Петровская Н. И. 457
Петроний Гай 146
Пешкова Е. П. 202, 207, 310
Пешкова Н. А. 467
Пиксанов Н. К. 230
Пинус С. 350
Платон 134, 157, 207, 209, 210, 222, 315, 343, 365, 400, 401, 493, 524
Платонов С. Ф. 335, 336, 339
Плотин 493
Плутарх Херонейский 148, 193
Плюханова М. Б. 544
Плюханова М. С. 544, 545
Покровский М. Н. 286, 289
Попов М. Е. 49, 51, 59, 165

Попова М. А. 194
Протопопов С. В. 204, 206
Пуанкаре Р. 63
Пушкин А. С. 60, 130, 166, 167, 178, 179, 185, 192, 198, 206, 212, 215, 227, 252, 254, 255, 256, 259, 262, 276, 301, 302, 305, 317, 327, 345, 369, 371, 396, 398, 509

Радич Г. 303, 304, 407, 408, 431, 432, 448, 451
Раевская-Хьюз О. 20
Раймон М. 204, 206
Райх З. Н. (в замужестве Мейерхольд) 51, 202, 203, 204, 206, 215, 225, 253, 256, 258, 484, 485
Раннит А. 543
Раскольников Ф. Ф. (наст. фамилия Ильин) 276, 277, 278
Рафаэль Санти 387, 388
Рахманинов С. В. 193
Рейхель, нем. издатель 219
Рембелинский, генконсул СССР в Риме 228
Ремизов А. М. 51
Рерих Н. К. 42
Ресневич О. И. см. Signorelli O.
Риккерт Г. 157, 261
Робакидзе Г. Т. 153
Розанов М. Н. 178, 179
Роллан Р. 204, 206, 372
Романов П. С. 286, 289

Сабашников М. В. 153, 229, 230, 233-234, 235, 236, 247
Сабашникова М. В. (в замужестве Волошина) 331, 541
Савельев М. 286, 289
Самойлова Л. И. (в замужестве Фейнберг) 197, 200
Самойлович Р. Л. 351, 352
Санников Г. А. 277, 286, 289
Сапов В. В. 381
Сафо 217, 413, 414
Сахаров И. П. 339
Светлов М. А. 285, 287, 289
Северюхин Д. Я. 265
Сегал Д. М. 173, 360, 440
Сеземан В. Э. 261
Серафим Саровский, св. 393

Серафимович А. С. 320
Сергеев-Ценский С. Н. 277, 285, 286, 289, 289, 290
Сергий Радонежский, св. 393
Скрябин А. Н. 188, 189
Собинов Л. В. 49
Соколов С. 54
Соловьев В. С. 53, 55, 56, 57, 247, 259, 539
Соловьев С. М. 56, 229, 230
Сологуб Ф. 7, 192, 378
Солон 227
Софокл 227, 245, 312
Средневский, врач экспедиции на "Красине" 352
Сталин И. В. 320
Станиславский К. С. 54, 320, 470
Станкевич, секретарь комиссии Наркомпроса 230
Стаций 146
Степун Н. Н. (урожд. Никольская) 252, 254, 256, 260
Степун Ф. А. 153, 194, 219, 250, 251, 252, 254, 255, 256, 257, 259, 260, 261, 262, 303, 329, 330, 333, 336, 337, 338, 339, 340-341, 380, 498, 543
Стефанович С. 304
Субботин С. И. 169
Сырин А. 286, 289

Таиров А. Я. 229, 230, 240, 400, 401, 469, 470
Тарловский М. А. 285, 286, 289
Тахо-Годи Е. А. 163, 227
Тереза Младенца Иисуса, св. 24
Терновец В. 463
Тидебель Е. М. 171, 174
Толстой Л. Н. 138, 145, 156, 241, 333, 334
Томашевская Г. 286, 289
Троцкий С. В. 173, 201, 202, 203, 207, 208, 432
Тютчев Ф. И. 204, 206

Ульянов Н. П. 312
Уманский Д. 322, 323, 324
Успенский Б. А. 240
Ушаков Н. Н. 286, 289

Фаворский В. А. 463
Фаон 413, 414

Феофилакт Болгарский 145
Филиппов Б. А., проф. 543
Флейшман Л. С. 21
Флоренский П. А., свящ. 51, 57, 134, 247, 259, 541
Фонвизин Д. И. 380
Франк С. Л. 303
Франкфурт Ю. В. 286, 289
Фридман И. Н. 21
Фриче В. М. 224, 277

Хлебников В. 173
Ходасевич В. Ф. 32, 176, 177, 178, 179, 457
Хоке Г. Р. 41
Хомяков А. С. 259
Христиан Розенкрейц 139
Хьюз Р. см. Hughes R.

Цветаева М. И. 539, 540
Цицерон 193, 503
Цявловская С. С. 224
Цявловская Т. Г. 227
Цявловские 224, 227, 232
Цявловский А. М. 224, 227
Цявловский М. А. 178, 179, 182, 183, 184, 185, 224, 227, 232, 256, 258, 261

Чаадаев П. Я. 259
Чеботаревская Ал. Н. 7, 21, 53, 169, 170, 171, 173, 176, 178, 186, 188, 191, 192, 193, 194, 196-198, 202
Чеботаревская Ан. Н. 192, 193, 198
Чеботаревская А., мать сестер Чеботаревских 192-193, 198
Чеботаревская Т. Н. 192, 194, 196, 201, 202, 378
Чеботаревские 7
Черносвитова О. Н. (урожд. Чеботаревская) 194, 196-197, 200
Черных В. А. 163
Чехов А. П. 54, 295, 296, 456, 458, 463, 464, 465, 502
Чулков Г. И. 51, 57, 173, 276, 277, 278, 280, 283, 290, 291, 293, 318, 320, 389, 390
Чулкова Н. Г. 24, 51, 57, 197, 200, 277
Чухновский Б. Г. 352

Шамурин Е. И. 216
Шаповалова Л. 496
Шапочников В. 463
Шапошников Б. В. 24
Шахматов А. А. 240
Шварсалон С. К. 416
Шейн П. В. 339
Шервинский С. В. 227, 383
Шестов Л. И. 51, 173, 527
Шишкин А. Б. 45, 162, 163, 164, 167, 173, 179, 194, 272, 274, 289, 497
Шмидт О. Ю. 356
Шмидт К. 405, 406, 411
Шор А. С. 37, 156, 167, 168, 193, 214, 243, 319, 332, 395, 398, 419
Шор В. А. 166, 167, 254, 261
Шор Д. С. 167, 168, 173, 193, 202, 203, 213, 214, 243, 248, 250, 256, 268, 386, 462, 463
Шор Е. Д. 156, 162, 170, 173, 176, 186, 191, 193, 212-213, 219, 224, 227, 248, 255, 256, 258, 260, 2626 264, 268, 270, 271, 279, 282, 295, 296, 299, 300, 301, 303, 311, 316, 317, 324, 325, 329, 330, 338, 342, 343, 346, 353, 355, 359, 360, 373, 380, 381, 382, 384, 385,386, 387, 388, 421, 428, 430, 431, 434, 435, 440, 452, 462, 463, 498, 508
Шор Н. Р. 213, 215
Шор О. А. (псевдоним – Deschartes O.) 35-39, 45, 53, 54, 135, 151-454, 458, 459, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 470, 471, 474, 475, 477, 478, 479, 482, 483, 484-491, 495, 498, 521, 522, 532, 533
Шор Р. М. 156, 167, 168, 193, 202, 214, 243, 320, 322, 323, 332, 363, 373, 374, 377, 378, 382, 383, 387, 395
Шоры 178, 189, 200, 219, 227, 235, 236, 322, 325, 397, 462
Шоры (семья Е. Д. Шора) 440, 444
Шпаро Б. А. 183, 184, 185, 205, 332
Шпенглер О. 70, 130
Шпет Г. Г. 153, 167, 168, 173, 235, 238, 239, 240, 373
Штейн, владелец склада 335, 341, 400, 407, 411, 440; 448, 449, 451
Шуб Л. 173
Шубин П. Н. 286, 289

Щербаков Н. 203

Эйтингон М. Е. 51
Эккерман И. П. 133
Эллис Л. Л. (наст. фамилия Кобылинский) 153

Эрдман Н. Р. 463
Эренбург И. Г. 286, 289
Эрн В. Ф. 134, 143, 188, 189, 193, 196, 541
Эрн Е. Д. (урожд. Векилова) 188, 189, 193
Эрн И. В. (в замужестве Калашникова) 188, 189, 193
Эсхил 154, 164, 168, 169, 170, 176, 178, 186, 192, 194, 199, 206, 217, 229, 230, 233-234, 235, 236, 238-239, 240, 243, 245, 247, 252, 261, 295, 339, 356, 462, 463, 541
Эткинд А. М. 383, 384
Эфрос, по-видимому, А. М. Эфрос 375

Юренев К. К. (наст. фамилия Кротовский) 192, 194

Яворский Б. Л. 204, 206
Яковлева, сов. секретарь 391
Якунчикова М. В. (в замужестве Вебер) 192, 194, 323
Якушкин, неуст. лицо 227, 228, 245
Янушкевич Н. 202
Ярхо Б. И. 383
Ященко А. С. 21

* * *

Agnese, зав. хозяйством в Collegio Borromeo 348, 349, 423, 443
Alberti Leon Battista 162
Aleramo S. (наст. имя Rina Faccio) 483
Alinari, братья 396, 398
Altermann J.-P. 508, 509
Alvaro C. 445, 446, 447, 450
Amendola G. 46
Andreae V. 144
Andrian L. von 536
Aretino P. 204, 206
Arpinati L. 480
Ascoli G. I. 216

Bargellini P. 478, 479
Bassiano, княгиня 289, 295, 296
Baudelaire Ch. 531
Bazzi M. 367, 368
Bellaco, заместитель директора лицея “Шатобриан” 367, 368

Beltrametti, студент 348
Benedetti A. 340
Bergson H. 513
Bernini G. L. 264
Biamonti, музыковед 394
Bianco G. 464
Bistolfi L. 45
Bodmer M. 298, 305, 321, 322, 325, 328, 330, 380, 381, 388, 445, 446, 447
Bonaventura, san 521
Borromeo, дворянское семейство 368
Borromeo C. 237
Borromeo V. 366, 368
Bowra C. M. 43-44
Bremond H. 40, 255, 257, 417
Briand A. 315
Browning R. 296, 501
Brunier E. de 358, 359
Buber M. 149, 241, 242, 243, 339, 495, 541
Bubnov N. von см. Бубнов Н. Н.
Buonaiuti E. 362
Byland, врач в Давосе 328
Byron G. G. 339, 500

Caffi A. 151, 288, 289, 291, 295, 296, 303, 342, 386, 387, 400, 401, 429, 464, 465, 470
Calvi di Torriano 447, 450
Calvi di Torriano A. M. 433, 441, 442, 443
Calvi di Torriano B. 442, 443
Carabba R. 459, 467, 469, 470, 471, 473, 486, 490, 522
Carabba G. 362, 382, 420, 422, 436, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 486, 487, 489, 490
Carracci A. 440, 441
Carnac Maurin de 481
Casella A. 467
Caterina da Siena 279, 280, 281
Cavalieri Tommaso de' 190, 204, 206
Cavicchioli G. 480, 483
Claudel P. 417, 534
Colombano, св. 397
Colonna Vittoria 204, 206
Comisso G. 457

Condivi A. 204, 206
Corrêa R. A. 514, 518, 519, 523
Croce B. 444, 479
Curtius E. R. 498, 501, 502, 503, 509, 524, 527, 534, 537, 541
Curtius L. 495, 534, 535

Damiani E. 305, 333, 334
Dante Alighieri 154, 157, 169, 186, 192, 199, 210, 211, 222, 229, 230, 235, 240, 245, 252, 256, 259, 261, 263, 339, 355, 356, 365, 366, 381, 400, 410, 478, 488, 489, 493
De Luca G. 40, 151, 397, 398, 400, 404, 406, 409, 410, 425, 445, 459, 471, 472, 487, 489-490
De Pisis F. 457
Della Torre A., граф 374
Dell'Isola M. 247
Desjardins P. 525, 527
Diderot D. 534, 535
Dieckmann H. 504, 534, 535
Dieckmann L. 534, 535
Dilthey W. 527
Donatello 203
Du Bos Ch. 153, 417, 422, 424, 425, 429, 431, 475, 497-541
Du Bos, m-me 515, 522, 526, 532
Ducati, ученый 312
Du Gard M. 501
Dumaz Ch. 168
Duse E. 41, 254, 458, 480, 484, 485

Eckhart J. (Meister Eckhart) 502
Ehrenberg H. 257, 259

Festenberg G. von 323
Fox, священник 213, 215, 342
Fraccaro P. 155, 367, 368
Francesco Amadori da Urbino 190
Francesco d'Assisi 280, 315
Francesco d'Olanda 204
François Xavier saint 525
Friedberger, медик 314

Gallarati Scotti T. 443, 444, 479, 480
Galloni F. 343
Ganzyniec R. 257
Garetto E. 496
Garzonio S. 520
Gasparri P., кардинал 352
Gemelli A. 394
Gentile G. 452, 479
Georges K. E. 339
Gide A. 500, 501, 504
Giulio II, папа 409
Goethe J. W. von 56, 133, 144, 154, 189, 192, 194, 198, 199, 200, 231, 232-233, 246, 250, 292, 318, 320, 330, 339, 382, 383, 385, 386, 391, 392, 396, 398, 418, 419, 439, 476, 490, 501, 502, 513, 514, 524, 525, 527, 528, 529
Golgi C. 347, 348
Grasset, франц. издатель 513, 518, 519
Griziotti 270, 303, 351
Griziotti B. 270, 271, 272, 297, 303, 372, 438, 439
Griziotti Kretschmann J. 272, 371, 372
Groethuysen B. 526, 527
Guardini R. 417, 526, 527
Gui, sig. ra 436
Gui V. 434, 435-436, 477

Hassel von, frau 446, 452
Hassel U. von 446, 447, 450, 452
Hayasaka, свящ. 527
Heidegger M. 514
Heiseler B. von 384, 385, 495
Heiseler H. von 261, 296, 303, 323, 380, 381, 384, 385, 424, 495
Heiseler, семья 385, 386
Heurgon-Desjardins A. 527
Hirschfeld O. 16, 17, 20, 23
Hoffmann E. T. A. 339
Hoheisel K. 139
Hughes R. 21

Iswolsky H. (в замужестве Ungern-Sternberg von) см. Извольская Е. А.

Jacopo da Varazze 434, 435, 477
Jacopone da Todi 390

Jaspers K. 514
Joyce J. 501
Jung K. G. 382, 383, 384

Kalner, неуст. лицо 303
Kaubisch M. 329-330, 355
Keats J. 275
Kirchhoff A. 168, 169, 170, 176
Kirschweng J. 396, 398
Kowal M. 502
Kresling A. 255, 256, 257-258, 260, 270, 279, 281, 288, 291, 293, 295, 296, 299, 300, 301, 325, 338, 342, 387, 388, 520
Kroner 255
Küfferle R. 426, 453, 542
Kusar, лингвист 340

La Cava, медик, автор исследования о Микеланджело 188, 190, 192
Laclos P.-A.-F. Choderlos de 502
Lago M. 480
Larbaud V. 501
Leonardo da Vinci 204, 206, 330,
Lesourd F. 163
Lépicier A. H. M. 333, 334, 372
Ljunggren M. 383
Lobeck A. 335, 336, 350, 354
Lo Gatto E. 151, 250, 278, 279, 282, 290, 339, 378, 379, 434, 461, 520
Lotze R. H. 134
Luther, переводчик 252
Luther M. 139, 433, 434

Mallarmé S. 140
Malcovati F. 155, 164, 202, 203, 216, 219, 220, 254, 258, 468, 485, 543-544
Manacorda G. 445, 447
Manzoni A. 483
Manzoni G. 201, 202, 207, 250, 446, 450
Marcel G. 417, 471, 472, 474, 475, 488, 500, 513-514, 518, 520, 521, 522, 523, 525, 527, 532, 533, 541
Mariani, дипломат 201, 202, 207
Maritain J. 417, 513
Maritain R. 417, 513
Masci E. 190

Mauriac F. 417, 508, 509, 531, 532
Maurois A. 501
Mendes G. 269, 293, 294, 303, 304, 312, 315, 316, 321, 323
Mérimé P. 526
Michelagnolo, племянник Michelangelo Buonarroti 44
Michelangelo Buonarroti 36, 45, 138, 152, 153, 154, 157, 160, 162, 177, 179, 187, 188-190, 192, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 209-211, 213, 215, 216, 219, 221-223, 231, 241, 250, 253, 268, 293, 294, 298, 301, 312, 342, 344, 351, 361, 364, 388, 399, 400, 405, 407-408, 409, 410, 412, 413, 414, 428, 439, 462, 484, 495
Mirrlees H. 504
Mirsky D. S. (наст. имя – Д. П. Святополк-Мирский) 507, 508, 509, 515, 516
Molinari B. 189, 190, 393, 394
Morelli E. 293, 294, 304-305, 311, 314, 318, 319, 320, 366
Mounier E. 521, 522, 526
Mouton C. 505
Mouton L. 505
Muir M. 213, 215
Muir P. 213, 215
Mussolini B. 294, 343, 352, 459
Muth K. 431, 502, 503

Naldi (Olkienickaja) R. 478, 479, 480
Nascimbene M. 411, 425
Nascimbene R. 37, 331, 332, 334-335, 344, 347, 348, 349, 351, 357, 366, 368, 373, 389, 390, 396, 397, 398, 399, 405, 411, 412, 418, 424, 430, 431, 436, 440, 441, 530, 531, 534
Nebbia C. 367, 368
Nietzsche F. 16, 137, 490, 502
Norris, писатель 339
Novalis (наст. имя Friedrich von Hardenberg) 501, 524

Ojetti U. 479, 490, 491, 494
O'Neill E. 470
Onofri A. 346, 350, 435, 467, 468
Orcagna A. 344

Papini G. 40, 151, 354, 390, 425, 426, 427, 428, 445, 478, 479, 495, 541
Paribeni R. 218, 219
Pascal C. 335

Pastonchi F. 494, 496
Pavolini P. E. 445, 447, 448
Pauly J. de 146
Payens D. 379, 380
Pellegrini A. 503, 533, 534, 535
Pellegrini (Tibaldi) P. 240, 241
Perroncito A. 347, 348, 349
Perse J. 268
Petrarca F. 217, 227, 430, 523
Petrocchi, неуст. лицо 445, 446, 450-451, 453
Petrovitch 339
Pettazzoni R. 216, 255, 257, 298, 301, 302
Piccolo, неуст. лицо 449
Piccolo Fr. 451
Pirandello L. 202
Placidi Maria 166, 167, 415
Placidi Mario 166
Placidi 166, 169, 184, 208
Planche J. 339
Pompeo 438
Praxmarer K. 323
Prezzolini G. 461

Régnier H. de 265
Renan E. 503
Reni G. 376
Respighi O. 167, 168, 178, 189, 293, 354, 366, 371, 393, 427, 481
Riboldi L. 246, 247, 257, 313-315, 347, 348, 349, 367, 376, 382, 388, 408, 410, 434, 472, 494
Rilke R. M. 198, 293, 294, 421
Rivière J. 500, 501, 533, 534
Rizzi D. 163, 164, 497
Rizzi F. 45
Rohde E. 335
Rosé E. 481
Rosen J. A. 260, 261, 262, 281, 282, 291, 300
Rosenzweig F. 243
Rossi O. 332, 334, 343, 357, 389, 425
Rousseau J. J. 19, 20, 23, 24, 503
Rössler R. 449, 451, 498
Ruffolo D. 453

Sangallo A. da 215
Santillana G. de 534, 535
Schneider L. 241, 242, 245, 249, 251
Scott W. 339
Schaefer, свящ. 408, 409
Sebastiano del Piombo 204, 206
Shakespeare W. 206, 246, 339, 396, 398, 501
Shelley P. B. 194, 213, 216, 229, 510
Siebeck O. 329, 330, 428, 430, 431
Signorelli A. 41, 213, 215, 249, 252, 254, 305, 312, 318, 320, 321, 331, 407, 457, 462, 463, 465, 468, 471, 475, 479, 485
Signorelli M. 469, 470, 471, 475, 477, 478, 479, 489, 490
Signorelli O. 40, 41, 153, 215, 253, 254, 255, 264, 266, 267, 271, 293, 294, 295, 337, 338, 342, 346, 353, 354, 355, 361, 362, 364, 382, 386, 396, 397, 400, 401, 406, 407, 410, 411, 413, 417, 420, 424, 425, 434, 435, 436, 440, 457-496, 522
Signorelli V. 489
Signorelli, семейство 434, 475, 495
Simmel G. 527
Sotgia S. 433
Spaini M. 480, 481, 494
Staub, врач в Давосе 328
Steiner H. 151, 244, 298, 299, 300, 303, 305, 317, 318, 319, 321, 322, 323, 325, 328, 329, 360, 363, 364, 370, 373, 380, 381, 384, 385, 388, 396, 416, 424, 425, 434, 449, 451, 479, 480, 482, 499, 500, 507, 508, 513, 514, 515, 536
Steiner R. 28, 140, 346, 467
Stendhal H. 502
Suali L. 335

Tea E. 367, 368
Tisné P. 516, 517
Thalberg M. 415, 416, 422, 424, 425
Thalberg N. 328, 415, 416
Tommaseo N. 339
Torre A. 167
Torrefranca F. 189, 190
Treccani degli Alfieri G. 452
Treves, братья 480
Trombetti A. 298, 299, 312

Ungern-Sternberg R. von 518, 525, 527
Usener H. 335

Vaccari P. 155, 312, 332, 494
Valeri P. 140, 289, 494
Vasari G. 204, 206, 428
Venturi Adolfo 368
Venturi Antonello 464
Venusti M. 399, 400, 428
Vittorio Emanuele III 306
Volpe G. 339

Wachtel M. 23, 163, 243, 282, 298, 300, 303, 323, 330, 381, 425, 431, 433, 434, 445, 451, 487, 497, 498, 499, 501, 503, 509, 545.
Waibel J. F. 279, 281, 282, 288, 300, 322, 324, 325, 326, 338
Weizsäcker V. von 241, 243, 524, 527
Werner H. 144
West J. 544
Whitman W. 501
Wilde O. 246, 247
Wittig J. 241, 243
Wolfer, врач 327, 328, 329
Wordsworth W. 519, 526

Zanfragnini P. 481, 482
Zanotti-Bianco U. 215, 464
Zubiani, врач санатория “Abetina” 314, 326, 348
Zuccari F. 246, 247, 367, 368

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ИВАНОВА

Автобиографическое письмо <к С. А. Венгерову> 16, 501, 504
“Агамемнон” см. Эсхил
Альпийский рог 426

Борозды и межи 255, 257, 258, 260, 339, 435

Вагнер и дионисово действо (О Вагнере) 258
“Ведай сердцем благодарным...” (точно: “Ведай в сердце благодарном...”) см. Человек
Вежды 171, 173, 178
“Весь исходив свой лабиринт душевный...” 136
Вечные дары 143
Возврат 171, 173, 178
Выздоровление. Верховскому 26

Гете на рубеже двух столетий 380, 381
Гоголь и комедия Аристофана 218-219, 220, 225, 258, 330, 331, 373, 385

Две стихии в современном символизме 134, 258
Деревья 143
Дионис и прадионисийство 154, 186, 210, 217, 238, 255, 288, 289, 291, 303, 339, 386, 387, 417, 542
Достоевский и роман-трагедия 187, 322, 323
Древний ужас см. Terror Antiquus

“Если хочешь пройти чрез Меня...” см. Сад

Заветы символизма 258
Зимние сонеты 323, 539, 540
“Зоб наживаю, как одмоклый кот...” <из Микеланджело> 206

Идея неприятия мира 434, 435
<Интеллектуальный дневник 1888-1889 гг.> 21, 24
Ио 171, 173

Каменный дуб 277
Капелла 426
К памяти 137
Колизей 23
“Кормит нас море родное...” 58
Кормчие звезды 22, 143, 153, 217, 380, 381, 426
Кот-ворожей 295
К проблеме звукообраза у Пушкина 154, 178, 179, 188, 256, 258, 261
Кризис гуманизма (Кручи – О кризисе гуманизма) 154, 449, 452, 458, 486, 487, 489, 490

Лик и личины России 187
Любовь – мираж? 49-58, 154, 171, 175, 178, 179, 233, 234

“Магический идеализм” Скрябина 258
Манера, Лицо и Стиль 258
Маскарад (Демоны маскарада) 171, 173
Мемнон 295
Мерлин 171, 173, 178
“Мерцает огонек на мачте корабля...” 58
Младенчество 137, 143, 144, 380, 390
“Мы – два грозой зажженные ствола...” (венок сонетов) 539, 540
Мысли о поэзии 383
Мысли о символизме 258, 504

На крыльях зари 22
Наш язык 240
“Не в темном сердце жизнь любви моей...” <из Микеланджело> 152, 210, 221-223
Нежная тайна 426
“Не смертный образ очи мне пленил...” <из Микеланджело> 45
Неустанная любовь <из Гете> 383
“Нет замысла, какого б не вместила...” <из Микеланджело> 45
Ницше и Дионис 449, 452
“Ночь златокрылая...” 136

Огненосцы 213, 215, 223, 227
О Владычице Дебренской 341
О границах искусства 255, 257, 258, 439
О кризисе театра 258
Орестея см. Эсхил
О русской идее 257, 259, 271, 279, 281, 323, 329, 330, 353, 388, 427, 498, 507, 508
О существе трагедии (Сущность трагедии) 258, 261, 325, 434, 435, 449, 452
О "Цыганах" Пушкина 434, 435
О Шиллере 434, 435

Палинодия 140, 276, 277, 287, 424, 425
Пария <из Гете> 382, 383
Парнас <из Гете> 383
Переписка из двух углов 154, 158, 241-242, 249, 263, 323, 353, 362, 364, 383, 400, 401, 403, 416, 417, 419, 422, 436, 437, 449, 451, 457, 458, 459, 467, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 494, 499, 500, 503, 504, 507, 508, 509, 510, 512, 513, 514, 515, 516, 518, 520, 521, 522, 524, 525, 532, 534, 535, 539, 540
Письмо к Дю Босу см. Lettre à Charles Du Bos
Письмо к Пеллегрини см. Lettera ad A. Pellegrini sopra la "Docta Pietas"
Повесть о Светомире царевиче 145, 154, 158, 159, 162, 241, 330, 335, 336, 341, 351, 353, 364, 371, 373, 375, 376, 380, 382, 383, 389, 390, 418, 419, 424, 425, 433, 434, 534, 535
Подпись к "Ночи" <из Микеланджело> 206
По звездам 158, 257, 258, 259, 339, 435
Постоянное в изменчивом <из Гете> 383
Поэзия ("Родная речь певцу земля родная...") см. Язык
Поэт и чернь 258
"Поэт, пытатель и подвижник..." 34
"Предисловие переводчика" <к "Орестее"> 234, 235, 237, 238
Предчувствия и предвестия 258
Прозрачность 217, 223, 227, 380, 381
Прометей 217
Прометей <перевод из Гете> 382, 383, 388
Путь в Эммаус 307, 309, 426

Рай затворенный (Повесть о Светомире царевиче) 424, 425
Размышления об установках современного духа см. Discorso sugli orientamenti dello spirito moderno

Ь Светомир 192

"Рим, наконец я твой! Святой, великий Рим..." 20
Римские сонеты 20, 24, 154, 176, 179, 186, 277, 424, 425
Римский дневник 1944 года 144, 146, 153

Сад 373
Свет вечерний 55, 140, 143-146, 171, 277, 295, 540
Смерть 146
Собаки 276, 277
"Согласно стародавнему присловью..."<из Микеланджело> 45
Сон 171, 173, 178
Сон Мелампа 135

Тантал 217, 303, 323, 350, 380, 384, 385, 386, 424, 425
Ты еси 419, 421

"Уж расставались мы, когда, подвижник строгий..." 277

Человек 55, 136, 148, 149, 153, 195, 365, 366, 453, 541
"Человек! Еще ты болен..." 136

Эллинская религия страдающего бога 186, 217
Эпос Гомера 154
Эрос 348, 349
Эстетическая норма театра 258, 434, 435, 449, 452

Язык ("Родная речь певцу земля родная...") 24, 277
"Я нынче вижу: не увяли..." 34

* * *

Anima 421, 449, 452
Animus et anima см. "Ночь златокрылая..."
Ave Roma см. Римские сонеты

Cor Ardens 19, 26, 135, 153, 215, 217, 426, 540
Cappella votiva см. Капелла

De societatibus vectigalium publicorum populi romani 217, 339, 367-368, 369
Der Sinn der antiken Tragödie см. О существе трагедии

Der Ursprung des russischen Romans: Eugen Onegin 261
Die russische Idee см. О русской идее
Discorso sugli orientamenti dello spirito moderno 152, 445, 449, 451-452, 445, 449, 496
Dostoevskij als Denker 323
Dostojewskij. Tragödie – Mythos – Mystik 154, 186, 187, 191, 193, 213, 215, 255, 260, 270, 279, 281, 288, 298, 301, 311, 317, 322, 323, 324, 329, 330, 342, 373, 380, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 397, 419, 421, 427, 428, 429, 498, 510-511, 520, 521, 526, 527, 529, 533

Ein Echo: Aus einem Brief an Karl Muth 502, 503
Eritis sicut dei 21

Humanismus und Religion. Zum religionsgeshichtichlichen Nachlass von Wilamowitz 261

Il corno alpino см. Альпийский рог
Il lauro nella poesia del Petrarca (Le Pétrarque et le laurier) 154, 417, 429, 430, 431, 432, 470, 472, 521, 522, 526, 527, 529
Il mito di Edipo 296, 478, 479
Il Paradiso Terrestre см. Рай Затворенный (Повесть о Светомире царевиче)
In vita e in morte di Laura <из сонетов Петрарки> 430, 522

La via d'Emmaus см. Путь в Эммаус
Lettera ad Alessandro Pellegrini sopra la "Docta Pietas" 449, 451, 452, 503, 535
Lettre à Charles Du Bos 154, 422-423, 449, 452, 458, 459, 472, 473, 474, 475, 476, 497, 503, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 517, 518, 521, 522, 539, 540

Madonna della Neve 171, 173, 178
Missa solemnis, Бетховена 24
Monte Pincio 424, 425

Nach der Lektüre von Theodor Haeckers "Schönheit" см. Ein Echo: Aus einem Brief an Karl Muth
Notturno ("Ропот воли в сумраке полей...") 277

Regina Viarum 424, 425
Rosa Sophia 19

Simbolismo 450, 452

Terror Antiquus 449, 452, 453

Vergils Historiosophie 154, 421, 521, 522, 526, 527
Vom Igorlied 421, 422

Il terzo volume dell'**Archivio russo-italiano** raccoglie materiali inediti sulla vita di Vjačeslav Ivanov in Italia, conservati nell'Archivio romano dell'Aventino (Rimskij Archiv Ivanova) e collegati all'attività di ricerca del Centro di studi ivanoviani "Convivium", creato dal figlio Dimitrij Vjačeslavovič.

Nella prima parte sono inserite opere inedite di Ivanov: appunti sull'Italia del 1892, missive amicali e scherzose, l'operetta "L'amore è un miraggio?"; nel corpus centrale è raccolta la corrispondenza con Olga Chor, che abbraccia gli anni '20-'30 e s'interrompe quando Olga Chor assume il ruolo di segretaria e collaboratrice del poeta; l'ultima parte ospita la corrispondenza di Ivanov con Olga Signorelli e Charles Du Bos.